

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ОЛЕГ МАРКЕЕВ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТРАННИКА

СТРАННИК

ЦЕНА
ПОСВЯЩЕНИЯ

РУССКИЕ ОСТРОЖИТЕЛЬНЫЕ ПРОДА

Русский Проект

ОЛНА
ПРЕСС

Annotation

«Посвящение — переход через порог смерти ради новой жизни, но порой плата за Посвящение — жизнь». В истине этого высказывания предстоит убедиться героям нового романа известного писателя Олега Маркеева «Странник. Цена Посвящения» Максимову и Злобину в ходе расследования загадочного убийства крупного предпринимателя. Мир бесов вдруг оказывается так похож на сегодняшний мир, что трудно понять, кто оборотень, кто друг, кто враг. Клубок интриги удастся распутать

лишь на последних страницах романа. Но нить повествования потянет за собой в будущее, к новым приключениям Странника, с которым читатель уже знаком по романам писателя «Угроза вторжения», «Черная Луна», «Оружие возмездия», «Тотальная война».

- [Олег Маркеев](#)
 -
 - [Книга вторая. ВРЕМЯ ЗВЕРЯ](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая. Перекресток судеб](#)
 - [Странник](#)

- Глава вторая. Всех скорбящих...
 - Дикарь
 - Странник
- Глава третья. Жизнь после смерти
 - Странник
 - Странник
(Неразгаданная судьба)
- Глава четвертая. «Девчонки не плачут...»
 - Странник
 - Странник
(Неразгаданная судьба)
- Глава пятая. Барышня

эпохи миллениума

- Странник
- Дикарь
- Дикарь
(Ретроспектива —
1)
- Глава шестая. Между
небом и «землей»
 - Серый ангел
 - Серый Ангел
(Неразгаданная
судьба)
- Глава седьмая. Чужая
земля
 - Серый Ангел
- Глава восьмая.
Маленькие тайны
большого дома

- Серый Ангел
- Активные мероприятия
- Глава девятая. Ловцы
человеков
 -
 - Старые львы
- Глава десятая. След
оборотня
 - Серый Ангел
 - Оперативная обстановка
- Глава одиннадцатая.
Волка ноги кормят
 - Создатель образов
- Глава двенадцатая. Про
пиар и не только...
 -

- Создатель образов
- Дикарь
(Ретроспектива-3)
- Глава тринадцатая.
Дворцовые тайны
 -
 - Старые львы
 - Оперативная
обстановка
 - Дикарь
(Ретроспектива —
4)
 - Старые львы
- Глава четырнадцатая.
Натурпродукт
 - Создатель образов
- Глава пятнадцатая.
Смотрины под

бифштекс с кровью

- Старые львы
- Создатель образов
- Глава шестнадцатая.
Еще раз про пиар...
 - Старые львы
- Глава семнадцатая.
Утро мага
 -
 - Странник
- Глава восемнадцатая.
Трудно быть человеком
 - Странник
 - Оперативная обстановка
- Глава девятнадцатая.
Скрадывание следа
 - Серый Ангел

- Глава двадцатая. На охотника и зверь бежит
 - Странник
 - Оперативная обстановка
- Глава двадцать первая. Ужин одиноких сердец
 - Серый Ангел
- Глава двадцать вторая. Замри, _____ умри, воскресни...
 - Серый Ангел
 - Странник
 - Серый Ангел
 - Оперативная обстановка
 - Странник
- Глава двадцать третья.

Пенсионер союзного значения

-
- Старые львы
- Старые львы
- Дикарь
(Ретроспектива-5)
- Старые львы
- Активные мероприятия
- Глава двадцать четвертая. Дурь, деньги и два шара
 - Создатель образов
- Глава двадцать пятая. «Не дразните собак, не обижайте кошек...»
 - Создатель образов

- Активные мероприятия
- Глава двадцать шестая. На последнем дыхании
 - Создатель образов
 - Активные мероприятия
 - Создатель образов
 - Активные мероприятия
 - Старые львы
- Глава двадцать седьмая. Меры по регламенту «особый период»
 -
 - Активные мероприятия

- Старые львы
- Глава двадцать
восьмая. «Девочкам из
высшего общества
трудно...»
 - Странник
 - Красная Шапочка
 - Активные
мероприятия
- Глава двадцать девятая.
Песнь волка
 - Создатель образов
 - Красная Шапочка
 - Активные
мероприятия
 - Дикарь
 - Активные
мероприятия

- Глава тридцатая.
«Дороги, которые нас
выбирают»
 - Странник
 - Активные
мероприятия
 - Оперативная
обстановка
 - Странник
- Глава тридцать первая.
«Это все, что мы
сделали здесь друг для
друга...»
 - Серый ангел
 - Старые львы
 - Оперативная
обстановка
 - Странник

- Оперативная
обстановка

- Эпилог

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
-

Олег Маркеев

Цена посвящения:

Время зверя

(Странник — 6)

Уважаемый читатель Lib.ru!

Первоначально и согласно авторскому замыслу романы «Серый Ангел» и «Время зверя» представляли собой две части единого произведения — «Цена посвящения», с одним главным героем — прокурором Злобиным и пересекающимися сюжетными линиями. По независящим от меня

обстоятельствам в свет романы вышли в свет в издательстве «ОЛМА-Пресс» отдельно («Время зверя» — это «Цена посвящения», ОЛМА-Пресс, 2004 г.) В результате этого сюжет оказался разорванным, что, по моему убеждению, только затруднило восприятие романа читателями.

Но благодаря «Библиотеке Максима Мошкова» Вы, уважаемый читатель, получаете возможность ознакомиться с романом в авторском варианте — «два в одном». Лишь желание избежать путаницы между «книжными» и электронными вариантами заставило разбить текст на два файла. Рекомендую и

настаиваю на чтении именно в таком порядке: «Цена Посвящения: книга первая „Серый Ангел“» — «Цена Посвящения: книга вторая „Время зверя“».

В текущем 2004 году планируется переиздание всех романов серии «Странник» и это досадное недоразумение будет ликвидировано.

Олег Маркеев

Книга вторая.

ВРЕМЯ ЗВЕРЯ

«Я таков, каким вы меня сделали, и если вы называете меня бешеной собакой, дьяволом, убийцей, то учтите, что я — зеркальное отражение вашего общества».

*Чарльз Мэнсон.
«Послание к
человечеству».*

Пролог

Он осторожно провел ладонью по глубокому следу раздвоенного копытца. След был свежим, Дикарь отчетливо чувствовал идущее от него тепло. Косули прятались совсем близко.

Дикарь закрыл глаза и мысленно еще раз попросил у Леса разрешения на эту охоту.

«Счастливой охоты, Дикарь», — принес ответ ветер.

Он был уверен, что так и будет. Он не нарушил закона Леса — вышел на охоту лишь тогда, когда брюхо свело от голода. Три дня ему вполне хватало ягод и остро пахнущих

полосок вяленой кабанятины. Но сегодня поутру голод стал нестерпимым, и он вышел на тропу охоты.

Голод — это медленная смерть. Смерть можно отсрочить только чужой жизнью. Но покушающийся на чужую жизнь должен быть готов заплатить за эту попытку собственной. Охотник в любую секунду может поменяться местами со своей жертвой. Несогласные с этим правилом могут всю жизнь питаться ягодами и листвой. Лес внимательно следил, чтобы шансы участников охоты были предельно равны и беспощадно наказывал нарушивших равновесие, отнимая у

них право Удачной охоты. Это справедливо, в первый же год понял Дикарь. Убей или убьют — только это делает охоту настоящей.

Дикарь улыбнулся собственным мыслям, крепче сжал древко копья и стал пробираться через кусты, увешанные лохмотьями желтой листвы, к поляне, откуда доносился терпкий запах разогретых бегом косуль.

Он уже не удивлялся, что, прожив два года в полном одиночестве, не научился думать. Лес лишал рассудка только нарушивших его законы.

Дикарь не раз наталкивался на бредущих в бреду охотников и

грибников. В изодранной одежде, грязные и опустившиеся, они меньше всего напоминали тех царей природы, что пьяно и нахально вломились в Лес неделю-другую назад. Они были обречены. Но даже самые голодные из зверей нутром ощущали наложенное на них проклятие и не нападали, пока страх и голод не добивал несчастных. Тогда они превращались в обыкновенную падаль. А поедать падаль Лес разрешал.

Дикарь сквозь листву орешника долго всматривался в стайку косуль. Вожак уже почувствовал его присутствие и замер, чутко вскинув голову.

Дикарь выжидал, когда добыча сама обнаружит себя. По правилам охоты полагалось убить того, кто сам по тем или иным причинам искал смерти. Вожак, само собой, отпадал.

Из пяти оставшихся Дикарь выбрал самую застенчивую. Она почему-то держалась особняком. Более крупные в теле товарки, словно проведя невидимую черту, не позволяли ей приблизиться к самцу.

«Они лучше меня чувствуют в ней какой-то скрытый порок, — догадался Дикарь. — Плохая кровь. От нее будет плохое потомство, вот и держат подальше от самца, чтобы не тратил зря силы».

Не отпуская косую взглядом, он

гортанно крикнул и метнул копье.

Косули пружинно взвились в воздух и вслед за Вожаком перемахнули через просвет в колючем кустарнике. Лишь та, что выбрал Дикарь, на мгновение замешкалась, ее стройные ноги разъехались, вступив в пятно незасохшего помета. Она начала прыжок слишком поздно, и копье, на излете перекрыв дорогу к просвету, вошло ей точно между лопаток.

Дикарь в два прыжка перескочил через поляну и со всей силы налег на древко копья. Бьющаяся в агонии косуля дрогнула и обмякла. Он крикнул и поднял над головой добычу. По

отполированному сотней охот древку побежали алые горячие струйки.

Такая же алая, бурлящая от жажды жизни кровь ударила в голову Дикарю, и его протяжный гортанный крик, многократно отраженный по-осеннему черными стволами деревьев, возвестил Лес об удачной охоте.

...Кровь из подвешенной на суку косули стекала в специально выкопанную ямку. Он припал губами к красному озерцу и долго пил горячую солоноватую влагу.

Голод прошел, и азарт охоты сменился сытым удовлетворением. Дикарь прилег на свежую, только этой ночью облетевшую листву и

закрыв глаза.

...Проснулся он нехотя, разбуженный пристальным взглядом золотистых глаз.

Прямо посреди поляны стояла стая волков.

Это их вожак неотрывно смотрел в лицо Дикарю. Остальные перебирали лапами и отводили взгляд. Привлеченные его криком, они пришли за своей долей, но не решались разбудить спящего.

Дикарь встал, опершись на копье.

— Я оставил твою долю, Вожак! — сказал Дикарь, указав на заполненную загустевшей кровью ямку и кучу внутренностей. — Скоро

зима, поэтому, извини, я беру
остальное. — Он взвалил на плечи
косулю.

Волки расступились, уступая
ему дорогу.

Их тропинки пересеклись
минувшей зимой. Дикарь случайно
набрел на поляну, на которой стая
загнала в глубокий снег лося. Они
уже успели перерезать глотку лосю и
распотрошить брюхо. По белому
снегу, густо паря, расплескались
сиреневые жгуты внутренностей.
Почувствовав чужака, стая дружно
оскалила клыки.

Тогда Вожак так же пристально
посмотрел ему в лицо. Дикарь
выдержал холодный взгляд

золотистых глаз зверя. И Вожак уступил. Он первым в стае почуял, что Дикарь обладает Силой, в которой Лес отказал даже волкам, поэтому он имеет право есть первым. И, когда молодой волк попытался приблизиться к Дикарю, Вожак яростно вонзил зубы в холку наглецу.

В тот день Дикарь взял лишь заднюю ногу лося. С тех пор стоя и Дикарь охотились рядом. Дикарь даже в одиночку был сильнее стаи, но Лес требовал от сильного делиться частью добычи. И это было справедливо, как и любой закон, установленный Лесом.

...Еще раньше, чем услышал

чужие голоса, он уловил запах перегретого мотора и потных человеческих тел. Ни одно животное в лесу не воняло так, как человек, который долго прел в прокуренном нутре автомобиля.

Дикарь бросил добычу в кусты и припал к земле. Холодные травинки щекотали разгоряченное лицо.

В Лесу мысли приходят из ниоткуда, словно легкий ветерок, что, не тревожа листву, скользит меж черных веток. Открыв глаза, он уже знал: их семеро, пьяных от выпитого и предстоящей травли. У них есть все, чтобы быть смелыми: ружья, острые ножи, рация и много еды в железных банках.

Они пришли за ним, сомнений не было. Уверенные в безнаказанности и легкой победе, они вломились в его хижину, перевернув все вверх дном. Они уверены, что он вернется в логово. Любой зверь к ночи возвращается. Надо только подождать.

Дикарь оскалил зубы и затрясся в беззвучном смехе.

Эти глупцы не удосужились спросить у Леса право на охоту. И Лес выдал их. Теперь они сами стали добычей.

Лес уже передал весть о новой охоте Дикаря, не пройдет и часа, как к хижине подберутся волки и станут терпеливо ждать исхода его охоты.

Второй удачной охоты за
сегодняшний день. А с первыми
лучами солнца прилетят вОроны...

С первыми лучами солнца к
хижине слетелись вОроны. Они
громко переругивались, подбираясь к
телам, растерзанным волками.
Лисица — она еще затемно привела
к логову Дикаря выводок
подрощенных щенят — зло тьякала и
скалила острые зубы, но всерьез
отгонять ворон не решалась. Они, как
и все в лесу, имели право на свою
долю добычи.

А Дикарь уже был далеко. Он
шел через промерзшее за ночь поле.
За спиной чернела полоса леса.
Впереди сквозь муть тумана

искрилась изломанная ниточка
просыпающегося города.

Там было логово воняющих
потом и усталостью, злых и жадных
существ, не знающих правил охоты.
Их самки кутают изношенные, не
умеющие рожать тела в чужие
шкуры. Их дети растут и умирают,
так и не узнав счастья Охоты.

«Удачной охоты, Дикарь! —
донес ветер голос Леса. — Удачной
охоты!»

Он оглянулся, помахал на
прощание всем, кто остался в Лесу.

Через поле по его следам на
побитой первым заморозком траве
тянулась цепочка черных точек.
Волки.

Дикарь вскинул над головой
копье и весело, во всю мощь легких
закричал:

«Э-э-э-эй! Счастливой охоты,
Вожак! Счастливой охоты!»

Глава первая.

Перекресток судеб

Странник

Медленно ползущую массу пассажиров рассекала собой девушка в синей униформе. На аэрофлотовском варианте английского языка она монотонно талдычила: «Транзит апстеерз, транзит апстеерз, плиз».

Как ни странно, понимали это непередаваемое косноязычие все. После секундного замешательства те, кому предстояло лететь дальше, сворачивали к лестнице в

транзитный зал, а те, кто летел в Москву, с облегчением на лицах выстраивались в очередь на паспортный контроль.

Поток пассажиров уносил женщину вверх по лестнице в транзитный зал. Она уходила из его жизни. Хотелось надеяться, что навсегда.

Максимов не отпускал взглядом ее спортивную подтянутую фигуру. И только он из всех, кто не без удовольствия скользил взглядом по плавным формам ее тела, догадывался, каких усилий стоила ей эта непринужденность движений, сколько воли потребовалось, чтобы держать спину прямой и главное —

не оглянуться.

Прощальный взгляд через плечо — либо скрытая надежда на новую встречу, либо приглашение броситься вслед.

Максимов был уверен, что она ни за что не оглянется. Слишком профессиональна, чтобы допустить такую ошибку. И он, и она понимали, лучше оставить все как есть. Случайная встреча в салоне самолета. Один шанс из миллиона. Иногда случается и такое. Ничего подозрительного.

Из всех толпящихся в зале прилета он один знал, как она опасна. Неотразимо обаятельна, чрезвычайно умна и чертовски

коварна. Переиграть ее второй раз, скорее всего, не удастся.

Это просто удача, что пересеклись лишь их пути, но не интересы. В противном случае оба сделали бы все, чтобы получить сполна долг крови. Той, что давно пролилась в красную землю Эфиопии, но так и осталась не отомщенной.

Максимов, как обещал, отвел взгляд, досчитал до десяти и лишь после этого оглянулся. Женщины за спиной не было. Она исчезла из его жизни, оставив на прощание неприятный холодок близкой опасности.

Он поднес к носу ладонь. Кожа

еще хранила запах ее духов. Сквозь тонкую цветочную гамму едва проступала острая ледяная нотка. Словно кинжал, притаившийся в букете хризантем.

«И духи у нас под стать», — мысленно усмехнулся Максимов.

От всей души, так, чтобы загаданное непременно сбылось, он пожелал, чтобы в той жизни, в которую от него уходила женщина, ее стройная фигурка как можно быстрее нарисовалась в оптике чьего-нибудь прицела. Плавный нажим пальца на спусковой крючок — и новая их встреча из ничтожной вероятности превратится в гарантированную невозможность. Почему бы и нет? В

той жизни, что вела женщина, такой исход почти закономерен.

С ее слов, женщина летела в Юго-Восточную Азию. Насчет конечной точки маршрута Максимов не был уверен, могла запросто, на голубом глазу, по профессиональной привычке соврать. В одном не сомневался — женщина летела на охоту. Ошибиться было невозможно. Выдавал тот особенный блеск в глазах и непередаваемый аромат животного возбуждения, что не перебить никакими духами.

— Кто такая? — с показным равнодушием поинтересовалась Карина.

— Раз ушла, значит — никто, —

ответил Максимов.

— Тогда не надо делать такое лицо. — Карина резким движением забросила рюкзачок на плечо.

— Какое?

— Такое! — Она недовольно наморщила носик. — Будто она тебя ломом перекрестила.

— Ну такого, слава богу, не случилось, — Максимов улыбнулся.

И приказал себе до поры забыть все, что связано с этой женщиной. Шестерых друзей, которым обязан жизнью и которых даже не удалось похоронить, одиночный рейд через обезумевшую от войны и жары страну, свору загонщиков, упорно идущую по следу, и лицо отчаянной

охотницы, расцвеченное всполохами
ночного костра... Все осталось там,
где ему и полагается быть, — в
прошлом.

В недалеком прошлом был
Париж, залитый по самые крыши
осенним солнцем. А в ближайшем
будущем, там, за стеклянной стеной
аэропорта, ждала зябнувшая от
сырости Москва. В настоящем была
девчонка, прилетевшая на похороны
отчима. [\[1\]](#)

Максимов обнял Карину за
плечи и повел к кабинам
паспортного контроля.

— Пойдем.

Карина прошла первой в узкий
коридорчик между кабинами, и за

ней с тихим щелчком захлопнулся турникет. Выложив паспорт на стойку, она оглянулась и слабо улыбнулась Максиму. Он постарался ответить в меру бодрой улыбкой.

Карина еще только училась встречать смерть без скорби и помогать без сострадания. Максимов уже умел. Но отлично знал, как трудно научиться этой языческой свободе в мире, полном страдания и смерти.

У смерти своя логика, непостижимая для смертных. Никогда не угадаешь, в кого она ткнет своим костлявым пальцем. Максимов ловил себя на мысли, что

по всем раскладам в кровавой
круговерти событий, в которых их
болтало без малого два месяца,
больше всего шансов погибнуть было
у него. Безусловно, могло зацепить и
Карину. Но в ее смерти было бы что-
то изначально несправедливое,
неправильное, против чего не может
не восстать разум. Так нельзя
смириться с гибелью
необстрелянного бойца в первом же
бою. Слава богу, пронесло...

Смерть отчима Карины
произошла в другом мире, границы
которого Максимов без нужды не
пересекал, а Карина из него бежала
при малейшей возможности. В мире
огромных денег и больших интересов

им обоим было нечего делать. А отчим Карины был в нем своим и, насколько мог судить по краткой встрече с ним Максимов, человеком не последним. Хотя и не разрекламированным.

Как бы Ашот Михайлович Матоянц при жизни не чурался публичности, СМИ обойти его смерть молчанием не могли. Такой уж труположеский характер у масс-медиа, что смерть для них — лучший «информационный повод» побренчать «за жизнь».

Тем не менее ничего, кроме краткой строчки на нескольких сайтах в Интернете: «В Москве трагически погиб при невыясненных

обстоятельствах глава холдинга „Союз-Атлант“ Ашот Михайлович Матоянц», Максимов не нашел. Был еще некролог в «Коммерсанте», но такой же короткий и малоинформативный. Словно намеренно написанный так, чтобы как можно меньше привлечь внимания.

Странно, но ни один из охотников за сенсациями стойку не сделал. Хотя при одном сочетании «трагической гибели» с «невыясненными обстоятельствами» даже у первокурсника журфака должны были побежать слюни, что уж говорить о матерых волках компроматных войн. Однако не

только призывного воя к большой охоте, даже слабого тьяканья не раздалось. Тишина, мертвая тишина.

Максимов примерно представлял, сколько стоит хорошо спланированная и умело срежиссированная шумиха в СМИ. Во что же встало гробовое молчание?

Карина подставила лицо под взгляд пограничницы. Безучастно смотрела на свое отражение в черном стекле кабины. Воротник плаща съехал набок, открыв тонкую беззащитную шею.

«Слишком много смертей вокруг нее. Просто косой косит, — подумал Максимов. — Как бы не сломалась

девчонка».

Но тут же вспомнил гудящее от близких разрывов бетонное подземелье Мертвого города и ее хрупкую фигурку в камуфляже не по размеру, мелькающую среди раненых бойцов. Тогда Карине пришлось в буквальном смысле окунуть руки в еще горячую человеческую кровь. Не на экране, а прямо у ног увидеть развороченные тела, вдохнуть их удушливо мерзкий запах. И пули свистели там самые настоящие. А перед этим был марш-бросок через выжженное солнцем плоскогорье. И ни стоны, ни жалобы. Пара слезинок не в счет, с кем не бывает.

«Выдержит», — решил он.

Карина получила назад свой паспорт, помахала им Максимову, подхватила с пола рюкзак и толкнула коленкой турникет, закрывавший выход.

«Что-то в роддоме напутали, на небесах явно планировался пацан». — Максимов спрятал улыбку.

Карина была обута в бутсы «Мартинс», заправленные в кожаные штаны. Долгополый черный плащ развивался при каждом движении худого, гибкого тела. Короткий ежик черных волос и решительная складка губ. Маленький странник выступил в поход.

Максимов прошел через турникет, положил паспорт на

стойку. Женская рука вынырнула из щели в полупрозрачном стекле и утянула бордово-красную книжечку. Непроизвольно отметил, что цвет лака у пограничницы точно в тон с паспортом.

Невольно пришло на память, что в советские времена на страже главных ворот Родины стояли лучшие представители сельской молодежи из Житомирской и Хмельницкой областей. И в том был свой резон, а если вникнуть, то легко обнаруживалась государственная мудрость.

Считалось, что украинские парубки, до службы видевшие самолеты только в виде

«кукурузника» над жнивьем родного колхоза, а иностранцев только в кино, ни за что не поддадутся соблазнам международного аэропорта Шереметьево. Не в пример своим столичным «шибко грамотным» сверстникам, они явно не были инфицированы бациллами свободомыслия. Во всяком случае, писать без ошибок слово «диссидент» не умели, Мандельштама и Бродского не читали, равно как и Боратынского, зато точно знали, что «Голос Америки» брешет как собака. Некоторые уникамы в стерильности сознания доходили до того, что ничтоже сумняшеся искали на карте

столицу Африки или, не моргнув глазом, в ответ на вопрос в кроссворде «Известный русский художник-баталист» пытались вписать в клеточки «Айвазовский».

Но на качество несения службы это никоим образом не влияло. Служили они, как привыкли сызмальства работать: дружно, на совесть и безропотно. А по ночам и на политзанятиях смотрели дембельские сны: как в мундире с зелеными погонами шествуют по главной улице села: и чумеют скворцы в колхозных садах, девки грудями валят плетни, крестятся бабки, старенькая учительница украдкой вытирает слезу умиления, а

мужики лезут в погреб за мутной бутылкой первача. Хэппи-энд в духе хороших советских фильмов!

В смысле душевной чистоты и морального здоровья они и были стопроцентными советскими ребятами. Поэтому ни у кого не возникло мысли воспользоваться возможностью и перелететь куда-нибудь на Запад. Проколы были, прорывы границы случались, но сами — ни-ни. Кому они помешали? В каком кураже феминизма пришло в чью-то голову, увенчанную зеленой фуражкой, заменить их разведенными жительницами подмосковных городков?

— Прилетели из Парижа? —

раздался приглушенный стеклом
голос пограничницы.

— Да, — ответил Максимов,
внутренне удивившись несуразности
вопроса.

— Часто бываете за границей?

— Приходится.

— По частным делам? —

Валькирия в зеленых погонах решила
продемонстрировать
профессиональную бдительность,
пока компьютер проверял данные
Максимова.

— Чаще по служебным, —
ответил он.

— По каким? — раздалось из
будки.

«Так, оперативный опрос

пассажира, — с немой тоской подумал Максимов. — Я, конечно, понимаю, мадам, вас так учили. Но головкой своей думать тоже надо. Что толку мурыжить, если проверить не сможешь? Елки зеленые, бдят все подряд, а дома все равно взрывают!»

— Выезжаю по линии Минкульта и Академии наук, — как можно вежливее ответил Максимов.

Это была истинная правда. Пока дед заведовал НИИ, имеющим касательство к охране культурных ценностей, менять прикрытие Максимов не собирался.

— Для виз осталось всего два листка, пора паспорт заменять. — Валькирия погранвойск продолжала

тянуть время.

«Тетка, давай быстрее! — мысленно подогнал ее Максимов. — Тебе еще ребенка из сада забирать, муж, если есть, совсем от рук отбился. И у меня человек без присмотра остался».

Повод для беспокойства уже появился. Он краем глаза заметил, что Карина, строго проинструктированная проверить карманы и содержимое рюкзака, перед тем как идти на линию таможенного контроля протягивает рюкзак какому-то пожилому дяде типично «конторского» вида.

«Ох, кто-то сейчас по тощему заду отгребет!» — Максимов

прищурился в предвкушении акта педагогического садизма.

В кабине тихо пискнуло, рука выдвинула паспорт Максимова, следом щелкнул замок турникета.

По Карининому примеру Максимов придавал ускорение дверце коленом и выскочил в зал. Не без труда пробрался сквозь столпотворение, усугубленное затором тележек с чемоданами и баулами. Как ни спешил, все равно не успел. Каринин рюкзачок оказался в руке мужчины. Тот сделал пол-оборота и оказался лицом к лицу с Максимовым.

С полминуты они, не таясь, изучали друг друга.

В облике мужчины было что-то тяжелое, давящее. Короткий ежик седеющих волос врезался в лоб острым клинышком, кустистые брови низко наезжали на глаза, прятавшиеся в узких щелках припухших век. Резкие морщины, начинаясь у носа, огибали рот с плотно сжатыми, не привыкшими улыбаться губами. Подбородок с ямкой, словно палец вдавили в мокрую глину.

Ростом он был чуть выше Максимова и на пять весовых категорий, как минимум, тяжелее. На вид — шестьдесят лет, и большую часть из них мужчина явно не посвятил коллекционированию

марок и игре в шахматы. Хотя тупым костоломом его назвать было нельзя. Несомненно умен, просто работа была такой, что и думать приходилось, и кулаками махать.

«Когда ищет, роет землю, как бульдозер, а в атаку прет, как танк. И подчиненные у него ходят по струнке», — сделал вывод Максимов.

Один подчиненный уже нарисовался поблизости. Молодой человек с характерной наружностью охранника богатой фирмы, особо не таясь, занял позицию в паре метров от Карины, оттирая от нее снующих по залу пассажиров. Один, как известно, в поле не воин. Двое его братьев-близнецов со скучающим

видом подпирали стеклянную стену за стойками таможни. Глаза их при этом активно сканировали зал.

«Недурно», — про себя отметил Максимов, возвращая взгляд на тяжелое лицо мужчины.

Мужчина тоже окончил осмотр. По лицу не угадать, с каким результатом.

— Как понимаю, Максим Владимирович Максимов? — Он протянул широкую ладонь.

— Да.

Хватка у мужчины оказалась медвежья, Максиму пришлось в ответ до отказа напрячь пальцы. Ими он постоянно для тренировки крутил маленький стальной шарик,

подушечки пальцев давно налились стальной твердостью. Ответ мужчине понравился, во всяком случае, взгляд заметно потеплел.

— Это дядя Вася, — представила его Карина. — Если официально, Василий Васильевич Иванов.

«ФИО что ни на есть „конторские“. Бальзам на душу любого кадровика, а не имя-отчество! Даже извилины напрягать не надо, чтобы догадаться, куда с такой первой строчкой в анкете берут», — подумал Максимов.

— Начальник службы безопасности, — подтвердил его догадку Иванов. — Долетели без

проблем?

Максимов кивнул.

— А у нас накладка. — Василий Васильевич нахмурился.

Карина придвинулась ближе к Максиму.

— Макс, похороны, оказывается, вот-вот начнутся! — выпалила она.

— Вернее, уже начались, — вставил Василий Васильевич. — По не зависящим от нас причинам церемонию перенесли на шестнадцать часов. Отпевание начали без нас. Но на кладбище мы успеваем. Я все организовал. — Он не сдержался и с укоризной добавил: — «Эйр Франс» вечно опаздывает. Надо было вам лететь

нашим бортом, а не обычным рейсом. Я же все организовал...

Карина резко вскинула подбородок и хлестнула по его лицу таким взглядом, что тот осекся.

«Ну и характерец у нас! Прямо маленькая графиня и конюх, допустивший бестактность», — мелькнуло в голове у Максимова.

Кто-то из родни Карины, звонивший по телефону, вслед за печальным известием сразу же предложил связаться с представителем холдинга в Париже. Потом звонил сам представитель, докладывая, что арендован частный «Гольфстрим». Маломерный самолетик уже прогревал движки и

готовился принять на борт Карину, если пожелает — с сопровождающим. Но Карина наотрез отказалась.

Отношения с отчимом и его капиталом сложились у нее трудные, изрядно приперченные подростковым максимализмом. Карина решила, что полетит регулярным рейсом, «как все нормальные люди», Максимов спорить не стал. И «Гольфстрим» порожняком взял курс на Лондон, чтобы захватить брата Карины, постигавшего азы хороших манер и высшей математики в частной школе.

Не в пример сводной сестре, брат не гнушался имущественного

положения отца и охотно им пользовался. Возможно, потому что родился, когда все уже было. И не было у него отца, разгильдяистого художника Дымова, в память о котором Карина отказывалась сменить фамилию.

— Ма-акс! — Карина тихонько подергала Максимова за рукав.

Он и сам уже понял, что все планы идут наперекосяк. В Москве его ждали другие люди и совершенно другие дела. Просто срочный вызов и известие о смерти отчима Карины совпали. Какие именно дела потребовали прервать краткий отпуск, заработанный буквально кровью и потом, он не знал. Но был

уверен, что к печальным хлопотам семьи Карины они не имеют никакого отношения. Как-то само собой подразумевалось, что из Шереметьева каждый отправится своей дорогой. И встретятся, когда решат свои проблемы.

— На похороны приглашать не принято, — вступил Василий Васильевич. — Приходят знакомые, если сочтут необходимым отдать последний долг. А ведь вы встречались с Ашотом Михайловичем, если мне не изменяет память?

«Аргумент. И не поспоришь! — подумал Максимов. — И на осведомленность свою заодно

намекнул. Бульдозер бульдозером, а как тонко подкапывает».

Шеф безопасности не мог не знать, что экспедицию в Таджикистан профинансировал отчим Карины. Слава богу, Матоянц, заключая с Максимовым сделку, не мог предположить, что из Мертвого города его падчерица будет вырываться с боем, прячась от баражирующих в небе вертолетов. Иначе за те же десять тысяч «условных единиц» приказал бы закатать Максимова в асфальт Рублево-Успенского шоссе.

— Не знаю, удобно ли в таком виде?

Максимов был одет по-

походному, в темное, но не с такой вызывающей милитаристичностью, как Карина.

— Плащик набросите, сойдет, — успокоил его Иванов. — Там будут люди разные, думаю, особо не выделитесь. А если дождика боитесь, то могу выдать по зонтику. Специально захватил.

Он улыбнулся. Вышло у него это натужно и неестественно — как камаринская у дрессированного медведя.

Максимов встретился взглядом с тоскливыми глазами Карины.

Поверх тонкого черного свитера на ее шее висел медальон. Грубо обработанная серебряная пластина с

загнутыми краями. Как зубилом, на зачерненном серебре был выбит крест святого Андрея. Буква «Х» для тех, кто не умеет читать знаки. Для Посвященных руна «Гебо» — знак единства. «Двое светлых, свободных и сильных встретились на перекрестке Путей. В этот миг они нерасторжимо едины, но между ними, — как сказал Блюм^[2], — пляшет звездный ветер. Свобода без границ и священные узы братства — вот истинное единство».

Максимов сам отлил, освятил и заговорил этот медальон.

— Едем! — не раздумывая больше ни секунды, решил он.

Едва они, надежно взятые в кольцо охраной, вышли через двери аэропорта, у бордюра беззвучно затормозил представительский «мерседес». За его задним бампером, как привязанный, следовал мощный джип — облагороженный вариант БТРа.

Охрана проделала все полагающиеся по протоколу и уставу телодвижения, обеспечив безопасную посадку пассажиров в салон.

Стекла в машине были затемнены выше нормы, происходящее снаружи виделось

сквозь густую дымку, но Максимов разглядел, что откуда-то сзади выкатился белый «опель» с символикой ГИБДД и включенной мигалкой. Издав икающий звук клаксоном, он встал в голову колонны и сразу же рванул с места.

«Дядя Вася даже ментов „зарядил“. Неплохо службу организовал», — оценил Максимов.

Сила инерции вдавила тело в мягкие подушки сиденья. Ускорения он не заметил, но по тому, как к горлу подкатила легкая тошнота, как при взлете самолета, стало ясно, что кортеж летит на предельной скорости.

Василий Васильевич сидел

рядом с водителем, вполоборота к пассажирам. Поймал взгляд Максимова.

— Неплохо служба поставлена. — Максимов решил сделать ему приятное.

Василий Васильевич скупым кивком поблагодарил.

Карина нащупала кнопку на подлокотнике, из паза медленно выползло полупрозрачное стекло, отгородив их от водителя и шефа охраны.

Судя по контуру фигуры, Василий Васильевич развернулся лицом к движению. Обиделся или нет, неизвестно. Как уже понял Максимов, Иванов — мужик себе на

уме и делиться с окружающими своими мыслями до поры не спешит.

— Школа отчима даром не прошла, — тихо произнесла Карина. — Только за одно умение организовать любой процесс его можно было уважать. За что ни брался, все шло без сучка без задоринки. И всегда спокойный, как танк. Только сейчас доперло, каких усилий от него это требовало.

Он накрыл ладонью пальцы Карины, все еще лежащие на пульте, вмонтированном в подлокотник, разделявший их.

— Есть такая категория — «атланты». На них любое дело стоит и вокруг них все вертится. И когда

семью, дело или страну корежат на разрыв, «атланты» до последнего пытаются удержать конструкцию, пока другие в каком-то сатанинском раже крушат и ломают, что под руку подвернется. И линия разрыва, как правило, проходит здесь. — Максимов чиркнул пальцем по левой половине груди. — Оттого они и уходят из жизни так рано и неожиданно.

— Все правильно. И все о нем. — Карина тяжело, как перед слезами, вздохнула.

Максимов хотел спросить, знает ли она, откуда в названии фирмы появилось слово «Атлант» и как следует понимать приставку «Союз».

Если бы подтвердилась догадка Максимова, то еще одной версией смерти отчима стало бы больше.

Но Карина откинула голову на подголовник и закрыла глаза. Максимов вскользь посмотрел на острую линию ее высоко закинутой шеи и отвернулся к окну.

От единственной встречи с отчимом Карины у Максимова остались только приятные воспоминания.

Ашот Михайлович был стопроцентным «человеком дела». Ничего уничижительного в это определение Максимов не вкладывал. «Человек дела», как учил дед, звучит столь же достойно, как и

«настоящий солдат». У каждого в жизни свой путь, каждый реализует заложенное в него качество. Вопрос не в том, что твой дар лучше, престижнее или полезнее других, главное — насколько полно ты его раскрыл.

Короткого общения хватило, чтобы понять, что дело для Ашота Михайловича было и крестом, и крыльями одновременно, источником невыразимых мук и неземной радости. Язык не повернулся бы назвать Ашота Михайловича Матоянца дребезжащим словом «бизнесмен».

К «бизнесменам» следует относить всех, кто нахватался азов

менеджмента, лизинга,
инжиниринга, франчайзинга,
консалтинга, фьючерсов и прочей
экономической абракадабры, но
напрочь потерял совесть. И неважно,
каким именно «бизнесом»
занимается человек. Держит сеть
ларьков или качает нефть, едва
наскребает на налоги и поборы или
тасует из оффшора в оффшор
миллионы, закончил он СПТУ в
Верхнем Волочке и дальнейшее
обучение прошел в три захода по
семь лет на зонах строгого режима
или имеет диплом Финансовой
академии и сертификат Гарвардского
колледжа бизнеса. Отсутствие
совести уже ничем не

компенсировать, не прикрыть, не искупить. А нет совести, нет и дела. Есть только «бизнес».

А «бизнес» в русском смысле слова, — это когда личное благосостояние растет обратно пропорционально нищете в стране. Голубая мечта любого «бизнесмена» — стать «олигархом». Чтобы не дрожать по ночам и не отстегивать ежемесячно ментам, а участвовать в согласовании кандидатуры генпрокурора, штамповать в Думе нужные законы и ссужать деньги дочке Всенародноизбранного.

К безродному племени «бизнесменов», всех этих

выбившихся в люди комсомольских
фарцовщиков, наглоглазых
казнокрадов и осоловелых от
бездарности взяточников,
почему-то причисляют
«бизнесвумен». Явно ошибочно.

Женщины, безусловно,
необходимы и порой полезны. Хотя
бы для продления рода. Но, глядя на
элиту бизнеса России или общаясь с
сошками помельче, ловишь себя на
мысли, что половым путем, как всем
нам Богом предписано, эти особи
 вряд ли размножаются. И судя по
кислым лицам, многие даже не
пытаются. Видимо, знают, что
выйдет в результате полный дефолт.
А «бизнесвумен» не до пеленок с

распашонками. Если, конечно, это не оптовая партия контрабанды из Китая.

Российские «бизнесвумен» явление уникальное само по себе. В термине «бизнесвумен» столько же скрытого смысла, как и в словосочетании «монгольский космонавт». Кто сможет постичь, зачем сыну степей Космос, тот легко поймет, зачем бабе бизнес. Но полная иррациональность данного явления на неуклонном росте числа «бизнесвумен» никоим образом не отражается.

Непостижимая это для скупого мужицкого ума загадка. Легче клапанА вазовского движка через

выхлопную трубу достать, чем сообразить, откуда эти стервы появляются. А главное — зачем? И еще — за что нам эта кара Господня?

Хотя социологи-антифеминисты утверждают, что ничего нового в результате социальной мутации СССР в Гондурас площадью в одну шестую часть суши не произошло. Просто ветры перемен разметали серую хмарь социализма и нагнали розового тумана демократии. И та, кому на роду было предписано стать инструктором горкома ВЛКСМ, отвечающим за сбор взносов в школьных комсомольских организациях, в новое время, сменив трех мужей и успешно разорив два

инвестиционных фонда, получила возможность по-галочьи трещать с экрана об экономике, моде и проблеме Курил.

В то же время некоторые специалисты из другой отрасли знаний настаивают, что «бизнесвумен» — это не явление в социологии, а слабо изученная клиническая форма психопатологии, обусловленная гормональным дисбалансом и падением уровня жизни. Кто их разберет? Ученые мужи спорят, но мужьям от этого не легче.

Максимов сознательно разрешил мыслям течь, куда им заблагорассудится. Гадать о причинах

смерти Матоянца можно до бесконечности, если нет на руках фактов, способных выстроиться в версию. И о последствиях для бизнеса не его дело думать. Наверняка не один десяток голов уже прокручивают сотни вариантов. Когда падает дуб, в рост идет молодой подлесок, а когда умирает лев, тело его терзают гиены. Без сомнений, по завету классика сукины дети уже выстроились в очередь. За наследством умершего.

А как будет жить семья, потеряв опору, никогда не угадать. Из всех Максимов знал лишь Карину. Но ничего решать за нее он не хотел. Так уж научили, и жизнь не раз

подтвердила истину: Выбор делает каждый сам за себя. Это — Закон.

За Химками поток машин стал плотнее, но кортеж лишь раз сбавил скорость, продавливаясь сквозь пробку. Ревун милицейского «опеля» и нервные вспышки проблесковых сиреневых огней распугивали зазевавшихся, заставляя жаться к обочине. Простые автомобилисты покорно принимали вправо, уступая дорогу власти, роскоши и праву на насилие. Все это напоминало проезд кавалькады средневекового барона сквозь толпу смердов. С поправкой на технический прогресс, конечно.

— По жизни надо идти либо своей тропинкой по лесу, либо на

полной скорости нестись с мигалкой по левой полосе, — задумчиво произнесла Карина.

— Сама придумала? —

Максимов повернулся к ней лицом.

— Нет. Подруга так говорила.

— Подростковый

максимализм, — поставил диагноз Максимов.

— Возможно. Тебе было легче, вот потому так четко и рассуждаешь. «Юноше, обдумывающему житье, думающему, жизнь делать с кого. Отвечаю, делай ее с товарища Дзержинского», — продекламировала она. — Даже думать не надо. С Дзержинского — и никаких проблем. А нам с кого

делать?

— Только не с меня. Лучше с Чубайса. Не ошибешься.

Карина в ответ сделала кислую мину.

— А твоя подруга что выбрала?

— Лизка? Не знаю, давно ее не видела. А я, пока во всяком случае, вот так.

Она обвела рукой салон машины, несущейся на предельной скорости по Ленинградскому шоссе. С милицейской мигалкой впереди и джипом сопровождения на хвосте.

Глава вторая. Всех скорбящих...

Дикарь

На кладбище пахло новой смертью: сосновыми лапами, свежесрезанными цветами и мокрыми лентами на венках. Из открытой могилы поднимался сырой запах растревоженной земли.

Люди, скопившиеся на узкой площадке с гробом в центре, казались безликой серой массой. Но если закрыть глаза и приплюснуться, то образ толпы раскрашивался в буйные акриловые разводы.

Доминировали цвета рубиново-фиолетовый и прозрачно-бордовый, с огненной подпалиной, как на флаконе «Фарингейта». Почему-то собравшиеся мужчины в большинстве своем предпочитали именно этот парфюм. Как утверждает реклама, «Фарингейт» — запах политиков и авантюристов.

Действительно, многие из мужчин имели прямое отношение к аванюре реформ, вытрясавшей из страны душу и последние золотые, как из подвешенного за ноги Буратино. Лидеры бизнеса и политики стояли плотной группой, отделившись от простых смертных незримой границей.

Сзади их подпирали делегаты с Севера. От северян, крепкошеих и краснорожих дядек, исходил народный шипровый дух, составленный из «Денима», «Дакара» и непонятной гадости с оптового рынка.

Траурно элегантных дам окружало густо-фиолетовое облако «Опиума», с яркими просветами «Анаис» и золотыми всполохами дорогого «Диариссимо».

Растерянные и осиротевшие сотрудники Матоянца, жавшиеся к ряду соседних могил, источали кисло-прелый запах «Армани». Писк «унисекс», столь любимый офисной челядью. Они и были такими же,

безликими, бесполоыми существами с нездоровой кожей. Дети перестройки, мутанты межвременья. Вечные менеджеры чужого дела, вечные бухгалтеры чужих денег.

Дикарь, не открывая глаз, чуть повернул голову, чтобы не мешал запах волос подруги. Лиза предпочитала «Айсберг», чей неестественно чистый, льдистый запах навевал мысли о смерти и так контрастировал с ее черными агатовыми глазами. Но ему сейчас хотелось ощутить запах другой женщины. Стоявшей у другого края могилы. Даже без этого мрачного рва, разделяющего их, вдова казалась такой недостижимой, такой

неприступной в своем горе. И все же — такой манящей.

Почти сразу он поймал ноздрями тонкую струйку теплого аромата, нежного и бархатного, как кожа спящей арабской красавицы.

«Замзара», — прошептал Дикарь.

Духи «Замзара». Запах призрачный, словно мираж оазиса, о котором уже устал молить иссохшими губами: сквозь пелену знойной дымки едва ощутимо проступают запахи восточных пряностей, сочных фруктов и фантастически ярких цветов, занесенных на землю прямо из садов Аллаха. Волнующий и опасный

запах, как шелест одежд
приближающейся в темноте
женщины.

Дикарь незаметно облизнул
вдруг пересохшие губы.

И тут же вздрогнул, хищно
поведя носом.

Он первым уловил движение по
кладбищенской дорожке. Идущих
скрывали кусты, густо увешанные
мокрыми лоскутками листьев. Но
слух у Дикаря был такой же острый,
звериный, как и нюх. К могиле
быстрым шагом двигалась группа
людей. Мокрый песок хрустел
вразнобой, сквозь чавкающую
тяжелую поступь уверенных в себе
мужчин то и дело проступало

торопливое стаккато маленьких ступней.

— Карина, — тихо шепнула Лиза, сжав пальцы Дикаря.

Дикарь открыл глаза и увидел хрупкую фигурку в развевающемся черном плаще. К груди Карина прижимала букет белых кал.

По бокам вышагивали два охранника, третий прикрывал с тыла. Немного отстав, грузно и мощно, как танк по бездорожью, двигался крупный мужчина с характерной внешностью начальника безопасности.

— Инфанта собственной персоной. Круто смотрится, ничего не скажешь, — не без зависти

отметила Лиза.

«Молчать!» — мысленно приказал ей Дикарь.

В ту же секунду он отчетливо представил себе слипшиеся губы в бесцветной помаде и ощутил спазм, сдавивший горло. Его состояние в точности передалось подруге, только во сто крат сильнее. Лиза поперхнулась и, не разжимая губ, сдавленно кашлянула.

Дикарь удовлетворенно усмехнулся.

Его власть над этой крашеной куклой, пахнувшей духами цвета смерти, была таковой, что стоило представить самому и приказать ей — уляжется поверх гроба как

миленькая и еще ноги раздвинет.

Он знал, что способен любого, буквально любого из этих, забивших собственный дурной запах дорогими парфюмами, в секунду превратить в дрожащую, пресмыкающуюся тварь. Силы зверя и воли к жизни в нем больше, чем у всей толпы, сгрудившейся вокруг ямы.

Зонтики, густо облепившие подступы к могиле, как черные поганки, выросшие из одной грибницы, зашевелили влажно блестящими шляпками, образовав извилистую тропку, упирающуюся в тележку с гробом. Охранники, никого не толкая, а выдавливая одним своим видом, расширили

проход до широкой дорожки, и Карина, хлестко щелкая полами плаща, устремилась по ней... И замерла как вкопанная в двух шагах от гроба.

«Этот сюрприз мы уже прочувствовали. А какого тебе?» — Дикарь, покусывая нижнюю губу, с затаенным злорадством следил за Кариной.

Гроб, полированный, смотрящийся благородно и дорого, как бейкеровский рояль, был наглухо закрыт. Крышку не поднимали ни на отпевании, ни здесь, у могилы. Пришлось прощаться с покойным Матоянцем, глядя не в его мертвое восковое лицо со слипшимися

тяжелыми веками, а смотреть в увеличенный снимок, на котором из-за излишней ретуши лицо Ашота Михайловича выглядело пугающе живым.

Карина отшатнулась. Потянулась к матери. Та обхватила ее за шею, что-то пошептала на ухо. Карина оглянулась через плечо на гроб, сипло вздохнула и, резко отвернувшись, прижалась лицом к груди матери.

Дикарь удовлетворенно прищурился. И, как всегда это бывало, — как только ослабело зрение, на полную мощность включился нюх.

Порыв влажного ветра донес

смертельно болезненный аромат
белых кал, припорошенных моросью,
запах разгоряченной девичьей кожи,
сочащийся сквозь свитер, и
невесомое облачко «Ноа».

Дикарь воткнул взгляд в
беззащитный, как у жеребенка,
затылок Карины. Представил, как
мучительно сладко это будет, —
вонзиться зубами в упругую
ложбинку под самой кромкой
жесткого ершика волос. Именно
туда, откуда пульсирующими ударами
в такт залихорадившему молодому
сердцу, выстреливает
умопомрачительный дурман духов
«Ноа».

«Пробуждение страсти.

Всепокоряющая чувственность и робкая надежда, желание упасть в объятия и жажда обладать, — с тонким чутьем гурмана расшифровал Дикарь букет этих редких духов. — Тропическая бабочка, порхающая в дурмане цветущих орхидей. Луч солнца в зеленом сумраке джунглей. Крадущийся тигр, испугнувший стайку колибри. „Ноа“ — остров опасных грез».

Прилив возбуждения был такой мощный, что под веками у него заплясали зеленые пятна всех оттенков в ярких вспышках огненно-красного и густо-фиолетовых хлопьев. Голова пошла кругом, и на секунду показалось, что вокруг

душный сумрак джунглей,
пропитанный запахами страсти и
смерти. И Дикарь что есть силы
прикусил губу так, что еще немного и
на подбородок выползли бы две алые
горячие змейки.

Через мгновение наваждение
исчезло. И он задохнулся от ледяного
укола в сердце. Страх холодным
туманом вполз в разгоряченное
морозом и желанием тело.

Опасность подкралась
незаметно. На упругих подушечках
тигриных лап. Не потревожив капли
мороси на ветках кустов, не испугнув
людей. Но он изощренным чутьем
зверя почувствовал близость
охотника. Смертельно опасную

близость.

Дикарь чиркнул острым взглядом по чешуе зонтов, выхватил белые пятна лиц и цветные кляксы букетов. Ничего и никого, кто был бы способен гнать впереди себя такую волну страха.

И тем не менее эти острые льдинки, что щекотали переносье, никогда не появлялись случайно. За ними всегда следовала беспощадная травля.

Дикарь усилием воли задавил в себе панику и решил ждать.

Он знал, что на охоте выигрывает тот, кто умеет чутко ждать. Надо затаиться и ждать, прислушиваясь, всасывая носом

запахи, прищурить глаза, чтобы на них не упал луч света, и главное — копить в себе силы и ярость для схватки. Рано или поздно охотник обязательно выдаст себя.

И тогда начнется самое интересное — охота на охотника.

Странник

Максимов намеренно отстал от кавалькады охранников. Явиться к могиле под руку с Кариной посчитал дурным тоном.

К тому же он был уверен, не одна пара глаз, возможно, усиленная оптикой, вела скрытое наблюдение. Кроме наблюдателей, так сказать, по

долгу службы, безусловно, в скорбящей толпе имелись наблюдатели по зову сердца. К ним следовало отнести всех женщин поголовно. И сплетников в штанах не стоит сбрасывать со счетов. Когда по тебе шарит сотня глаз, а в головках звенит вопрос «ой, кто это такой?», или «а ты кто такой?», если голова мужская, поневоле почувствуешь себя не в своей тарелке.

В мире, чьи делегаты прибыли со скорбной миссией на кладбище, Максимов был никем. Или чужаком, что еще хуже. Им он и решил оставаться. Чужим и ничейным.

«Кем, интересно, чувствовал себя в своем мире Ашот Михайлович,

если выбрал такое место для последнего приюта? — пришла в голову мысль. — Именно, выбрал. Сам. Вряд ли он был из тех, за кого решают другие».

Место захоронения в столице, как и место жительства, вопрос престижа. Принцип «каждому свое» продолжает действовать даже тогда, когда вам уже в буквальном смысле все равно.

По статусу Матоянц мог претендовать на самые престижные московские некрополи. Максимов удивился, но не подал виду, когда машины на полной скорости понеслись к Клязьме. Хотя вполне могли протаранить городские пробки

и пробиться к Новодевичьему или Донскому. Возможно, на старом армянском кладбище вполне мог сохраниться фамильный склеп. Но вопреки всем светским раскладам для похорон было избрано кладбище, примыкавшее к поселку, на окраине которого стоял дом Матоянца.

Кладбище оказалось обыкновенным деревенским погостом. Кто-то совсем недавно привел его в порядок. Причем не обошел вниманием даже явно бесхозные за давностью лет могилки.

Максимов отметил, что нигде не видно ни скапливающегося годами траурного мусора, ни пустых бутылок, ни раскисшей земли.

Дорожки, центральные и боковые, петляющие между буйно разросшимся кустарником, заботливые руки посыпали крошкой розового туфа. Подобное интеллигентное отношение к смерти он встречал в Прибалтике и никак не ожидал увидеть на кладбище подмосковного поселка.

Он посмотрел под ноги, на тихо похрустывающие под каблуками розовые острые катышки. Туф, облицовочный камень из Армении.

Оглянулся. У ворот стояла недавно отстроенная часовня, сложенная из блоков армянского туфа. Нежно-розовые стены отчетливо выделялись на фоне

низких серых туч. Казалось, конусообразное строение впитывает в себя ту малость света, что еще осталась в небе.

Выйдя из машины, Максимов не успел толком рассмотреть часовню. Теперь, особенно в таком ракурсе и подсветке, невозможно было не заметить характерных линий армянского храма, умело вписанных в русский православный канон.

Без сомнений, задумал и сработал большой мастер и умный человек. Среди поздней осени Подмосковья церквушка смотрелась родной, навсегда ушедшей корнями в бедный суглинок. Так звучит речь давно обрусевшего армянина, чуть

мягче, более напевно, но не царапая слух.

«Ашот Михайлович, ты был настоящим мужиком», — вздохнул Максимов.

Могила, в которую предстояло лечь Матоянцу, находилась в дальнем, еще не освоенном углу кладбища. Чем ближе к нему, тем отчетливее ощущалось присутствие людей.

Сначала Максимов увидел влажные чешуйки зонтов, так плотно сдвинутые друг к другу, что казалось, между кустами свилась в комок огромная змея. Проход в толпе, в который охранники ввели Карину, уже сам собой затянулся, как ряска

на стоячей воде. Максимова ничего не оставалось, как тихо пристроиться в крайнем ряду.

Соседом оказался кряжистый невысокий мужчина в плохо сидящем дорогом костюме. Вида он был совсем не московского. Он тихо сопел и то и дело вытирал влажное от мороси лицо скомканным платком.

Максимов как мог беззвучно раскрыл зонтик и поднял его над головой, закрыв от дождика себя и соседа. Мужчина не сразу обратил внимание на произошедшую перемену, настолько глубоко ушел в себя. Наконец, очнувшись, покосился на Максимова. Почему-то не

удивился, а как своему прошептал:

— Такие дела, брат. Даже не знаешь, что и подумать.

Максимов, ничего не поняв, кивнул.

— И главное, никаких комментариев, — добавил мужчина.

Он изобразил на лице полное недоумение, даже чуть развел руками, чтобы еще яснее стало, что никакие умные мысли в его голову не приходят. Отвернулся и вперил взгляд слезящихся глаз в плотную стену спин.

Как раз в эту минуту в центре произошло какое-то движение, толпа колыхнулась, и появился просвет, в котором Максимов успел разглядеть

закрытый гроб и крупную фотографию на крышке.

— Такие дела, — пробормотал сосед.

Максимов прислушался к своим ощущениям. На кладбище происходило что-то странное. Уже на подходе он смутно почувствовал какую-то странную ауру, витающую над толпой. К обычной для такого случая гамме эмоций примешивалось что-то неестественное. Показалось, что буквально всех охватила неловкость, будто невольно стали свидетелями чего-то такого, от чего следовало бы стыдливо отвести глаза и сделать вид, что ничего не произошло.

В центре, у могилы, раздался сдавленный женский стон. Толпа зашевелилась. Послышались гулкие удары земли по гробу.

И тут Максимов почувствовал присутствие в толпе людей кого-то чужого, абсолютно, страшно чуждого всем. Того единственного, кто не мучил себя этой странной неловкостью. Наоборот, он упивался странной, противоестественной аурой, накрывшей толпу.

Максимов вскинул голову, пытаясь отыскать этого чужака в толпе. На какую-то секунду глаз поймал источник опасности. Чужой взгляд прошил толпу, словно вспыхнул солнечный луч,

отразившись в оптике прицела.
Вспыхнул и погас, уколол ледяной
иглой точно в сердце.

Глава третья. Жизнь после смерти

Странник

Поминки как-то быстро перевалили за ту грань, после которой уже забывается повод к застолью.

Собственно, никаких посиделок в народном духе со слезами и баяном не было. По чинности и благообразности происходящее напоминало светский раут, с поправкой на траурный антураж, конечно. На первом этаже особняка в просторном холле расставили

диваны и кресла, в уголке разместился бар и шведский стол с закусками.

Делегация сотрудников холдинга исчезла первой. Откланялись и пробормотали соболезнования вдове случайные лица и наиболее занятые. Остались только близкие родственники и с в о и.

Гости отдыхали, приходили в себя и набирались сил для обратной дороги в Москву. На лицах все еще держалось скорбно-недоуменное выражение, прилипшее на кладбище, но разговоры все чаще соскальзывали на нейтральные темы.

Максимов почувствовал жуткий приступ голода. По давней привычке

ни перед полетом, ни в самолете ничего не ел. К вынужденному посту добавился стресс, в результате желудок, как выражался давний друг Славка Бес, прилип к глотке. Организм настойчиво требовал хоть чего-нибудь съестного, пару сотен калорий, чтобы жить и действовать дальше.

Он прошел к шведскому столу. Положил на тарелку горку салата и три канапе. За спиной слышалось стесненное сопение.

Максимов оглянулся. Кряжистый мужчина, которого он прозвал «нефтяником», поставил на стол две пустые рюмки. Вопросительно посмотрел на

Максимова.

«Полторы тысячи калорий за раз. Заодно согреюсь», — подумал Максимов и кивнул.

Мужчина оглянулся через плечо на зал, выудил из кармана плоскую фляжку. Разлил в рюмки розоватую жидкость.

— Что это? — на всякий случай поинтересовался Максимов.

— Морошка на спирту. Собственного изготовления. Натур продукт, так сказать.

«Точно нефтяник», — решил Максимов.

Выпили не чокаясь. Сосредоточенно перевели дух. Напиток оказался не морошкой на

спирту, а чистым медицинским спиртом, подкрашенным соком морошки.

— Не понимаю, — пробормотал мужчина, выдохнув в кулак.

По его хмурому лицу разлилось свечение цвета спелой болотной ягоды.

— Извините, я не представился. Максим Владимирович. — Максимов выжидающе посмотрел на мужчину.

— Серафим Петрович Бондарь. Из Ханты-Мансийска.

— Нефтянка?

— Она самая. Кормилица и поилица.

Серафим Петрович вновь наполнил рюмки.

— Я, наверное, пропущу. — Максимов с трудом протолкнул в обожженное спиртом горло кубик канапе.

— Так за покойного же!

Максимов не стал уточнять, за что же пили в первый раз. Решил, что, наверное, за знакомство.

Влив в себя спирт и не поморщившись, Серафим Петрович снова изрек:

— Не понимаю!

Максимов тоже мало что понимал в произошедшем. Одно знал точно: запаянные цинковые гробы так просто не появляются. Должно было произойти нечто, из-за чего родным и близким будет не на что

последний раз взглянуть. Но в прессе никаких сообщений о взрыве, автоматных очередях в упор, пожара и автокатастрофы не было.

Как ни прислушивался к разговорам гостей, ничего путного о причине смерти Матоянца не выяснил. Все как сговорились, стараясь обходить эту тему стороной, будто покойный отошел в мир иной в результате дурной и постыдной болезни.

— Знаешь, чего я все в толк не возьму, Максим Владимирович? — Бондарь тяжело вздохнул. — Все из головы не идет случай один. Приезжал к нам Ашот Михайлович, пусть земля ему пухом... Встретили,

как полагается. Ну я речь такую задвинул, типа нефтяная труба — становой хребет России. Согласен?

— Медицинский факт, — уклончиво ответил Максимов.

— Костыль это, а не хребет! — Серафим Петрович чуть повысил голос, пришлось испуганно оглянуться. — Мне Ашот Михайлович тогда сказал. Спокойно так, без московского выпендрежа... Сказал, что Китай с экспорта детских игрушек имеет в два раза больше, чем мы с нефти и газа. Это правда?

Он поднял на Максимова большие от выпитого и передуманного глаза.

— Правда. И что самое грустное,

содержит на эти деньги крупнейшую сухопутную армию в мире. И китайчата, насколько мне известно, не голодают.

— Вот-вот! — Серафим Петрович поскреб под левым лацканом пиджака. — У меня тут с тех пор словно заколыхнуло. Как же так, ты мне объясни! Наперегонки с «Шеллом» сами же свою нефть за кордон качаем и качаем. Скоро ничего не останется. А народ уже с голым задом ходит, в армию дистрофанов берем... Не понимаю я этого!

«Так, у кого что болит, тот о том и говорит. — Максимов грешным делом надеялся, что нефтяник имеет

хоть какую-то информацию о смерти Матоянца. — Да и бог с ним, уж Карина-то все знает наверняка».

И он решил продолжить разговор на вечно животрепещущую российскую тему «кто виноват?».

— Что сказать? У меня нет ответа. Я историк, а не политик. Ашот Михайлович, возможно, знал ответ.

Серафим Петрович отвел взгляд в сторону.

— Кончится нефть, польется кровь, — себе под нос пробормотал он.

Максимов невольно обомлел от формулировки, точной и беспощадной, как выстрел снайпера.

— Сами додумались? —
спросил он.

— Куда мне! — Серафим Петрович грустно усмехнулся. — Матоянц так говорил.

«С такими мыслями в голове и с такими деньгами долго не живут. Слишком опасное сочетание», — подумал Максимов.

Серафим Петрович потрогал фляжку в кармане. Максимов отрицательно покачал головой.

Серафим Петрович оглянулся на зал.

К окнам уже прилипли сырые сумерки, под потолком увеличили накал в хрустальной люстре, задрапированной черной газовой

паутиной.

— Как считаешь, Владимирович, уже прилично отсюда уйти?

— Думаю, да. Полчаса прошло, можно и откланяться.

Максимов и сам уже собирался домой. Задерживался только из-за Карины. Девчонка прошла во внутренние помещения дома и до сих пор не показывалась.

Серафим Петрович посопел, постреливая глазками в Максимова. Потом протянул руку.

— Я в «Измайловской» остановился. Корпус «Б», четыреста семнадцатый номер. Будет желание, сконтактируемся.

Ладонь у него оказалась крепкой и шершавой, натруженной, как у плотника.

— Фамилию-то запомнил? — спросил он.

— Бондарь Серафим Петрович. Насчет встречи не зарекаюсь, может и не получится. А позвоню обязательно.

Максимов через плечо нефтяника увидел, как в противоположном углу зала возник Иванов. Шеф службы безопасности обшарил взглядом зал, нашел Максимова. Последовал чуть заметный кивок.

Максимов поднял брови, мысленно задав вопрос: «Меня?»

«Да. И срочно», — глазами ответил Иванов.

* * *

Кабинет Василия Васильевича помещался в конце длинного коридора на первом этаже. Судя по полумраку и странной необжитости коридора, он использовался в качестве аварийного выхода. Само собой разумеется, что запасной ход из логова сторожил сам начальник охраны.

Максимов счел весьма показательным тот факт, что кабинет шефа безопасности холдинга

находится в загородном доме Матоянца. Либо Иванова связывали с хозяином особые отношения, либо его полномочия намного превышали официальный статус. Так или иначе, Иванов, как выяснилось, входил в ближний круг особо доверенных лиц.

Внутри кабинет был обставлен без особых изысков, как, надо полагать, на прежних местах службы Василия Васильевича.

Максимов в доперестроечные времена не по своей воле познакомился с одним людоведом в синих погонах, настрогавшим кандидатскую диссертацию по теме «Организация рабочего места оперативного работника».

Автор

всесторонне

проанализировал потребности опера
КГБ в канцелярских
принадлежностях, провел
тщательный хронометраж рабочего
времени с сопутствующими
телодвижениями за рабочим столом
и перемещениями тела по кабинету,
предложил ряд смелых решений по
размещению мебели и сейфа,
обеспечивающих наиболее полное
соблюдение норм секретности и
выполнение руководящих указаний
Коллегии КГБ. Само собой, на
подобную совсекретную и
актуальную тему можно было
защититься только в Высшей школе
КГБ, в других научных центрах

соискателя могли поднять на смех.

Кандидат секретных наук, оказись он в кабинете Василия Васильевича, рыдал бы от умиления.

Обстановка способствовала глубокому осмыслению и неспешному несению нелегкой службы. Ничего отвлекающего, ничего личного. Стол начальника с приткнутым к нему отростком для сотрудников, им полагалось четыре стула, начальнику — мягкое кресло на роликах. Неизбежный сейф как знак принадлежности к касте секретноносителей металлический шкаф с картотекой, и навесная полка с книгами — сплошь кодексы и комментарии к ним.

На отдельной тумбе стояла видеодвойка со стопкой кассет в ярких обложках. На верхней Максимов успел разглядеть морду волка. Фильм из сериала «Жизнь диких животных».

Он поискал глазами портрет Дзержинского, но обнаружил только цветной офорт с видом утренних крыш Монмартра. Неизвестный наследник Писсарро^[3] расстарался вовсю.

«Не в тему, но миленько», — отметил Максимов.

Всю стену напротив места Василия Васильевича занимали мониторы системы видеонаблюдения. На восьми

экранах беззвучно двигались гости в зале. Камеры отслеживали их общим планом и выборочно, по отдельным группам.

— Освоился? — спросил Василий Васильевич, запирая дверь на ключ. — Присаживайся.

Он указал на стул по правую руку от себя, сам, обойдя стол, с усталым выдохом опустился в кресло. Оно тоже издало такой же протяжный натруженный стон, спружинило, плавно опустившись на гидравлике ниже, объемный живот Василия Васильевича спрятался под столом.

Максимов пробежался взглядом по стене, лицом к которой его усадил

Иванов. Глазок видеокамеры скорее всего был вмонтирован в торец полки с книгами. Мысленно прикинул угол обзора. Там, куда упиралась биссектриса воображаемого угла, без труда разглядел тускло поблескивающую точку.

«Кино так кино, — решил Максимов. — Можно, конечно, попросить выключить. А как проверить?»

Василий Васильевич наклонился, выдвинул ящик стола.

— Ты перекусить успел? — спросил он, не выпрямившись.

— Чисто символически.

— Тогда делаем так.

Василий Васильевич выставил на стол тарелку с бутербродами, военный юморист Славка-Бес за размер и толщину уважительно величал такие «хозяйскими». Потом достал рюмки и бутылку «Посольской».

На столе лежала книга в потрепанном переплете с закладкой в середине пожелтевших, замасленных страниц.

Давным-давно, в детстве, у Максимова была такая же, зачитанная донельзя и уже от одного этого дорогая сердцу книга. И обложка у нее была такая же, желто-коричневая, с полустертой фигурой великого сыщика в долгополом

макинтоше и фирменной клетчатой кепке с двумя козырьками.

Максимов, не скрывая иронии, посмотрел на Василия Васильевича. Шеф охраны холдинга, смутившись, бросил «Собаку Баскервилей» в ящик стола.

Не спрашивая согласия, разлил водку по рюмкам.

Покрутил в пальцах свою, сосредоточенно о чем-то думая.

«Если и он сейчас выдаст „не понимаю“, я повешусь», — с тоской подумал Максимов.

— О Ашоте Михайловиче сегодня говорили много, — начал Иванов. — Разные и разное. Я скажу одно — лучше человека я не

встречал. А насмотрелся на всяких и всякое... — Последнее слово он проглотил. — Все в этом доме осиротели. Я в том числе. Хоть и башка уже вся седая.

— Церквушку он построил? — спросил Максимов.

Иванов чуть прищурил глаза, прошив Максимова взглядом. Потом кивнул.

— Он, пусть земля ему пухом. Мы в тот день участок под дом смотреть приехали. Ашот Михайлович вышел на околицу поселка, прошел к кладбищу. Постоял, помолчал, осмотрелся... И приказал ехать в Москву. Через неделю начали церковь строить. И

лишь когда на ней крест установили, дал команду копать фундамент под дом. Узнал от работяг, что баня в поселке давным-давно накрылась, и через три дня там ремонт в полный рост шел. Не Сандуны, конечно, отгрохал, но трубы заменил и в приличный вид привел. Вот такой человек был. — Василий Васильевич тяжело вздохнул, сжал рюмку в крепких пальцах. — Что тянуть... Давай выпьем.

Водка после северного спирта пошла, как вода. Но на сердце все равно осталась тяжесть.

Василий Васильевич взял бутерброд, придвинул тарелку к Максиму.

— Налетай, — пробормотал он с набитым ртом.

Второго приглашения Максимову не потребовалось. Он с наслаждением вонзил зубы в сочный кругляш «Докторской» колбасы. Несмотря на печальные обстоятельства, жизнь продолжалась. А чтобы жить, надо есть.

Незабвенный и непревзойденный Славка Бес учил, что спать, жрать, пить и баб валить надо при первой же возможности. Потому что другой может и не представиться. Особенно, если служишь в спецназе Советской армии.

Славку жизнь помотала по

всему свету, причем исключительно по тем местам, где люди с азартом стреляли друг в друга. Особо не вникая в причины и мотивы пальбы, Славка сам стрелял и отстреливался, закладывал фугасы и сам подрывался на чужих «сюрпризах», безжалостно жег и горел сам, травил других и сам едва уносил ноги от загонщиков. Короче, жил всласть, как умел и считал нужным. Последний бой, как прощальную гастроль, он закатил в Мертвом городе.

Видение вдруг всплыло перед глазами: лицо Славки Беса, белое от известковой пыли, расширенные зрачки, уже видящие то, что заповедано живым. Максимов

усилием воли отогнал видение. Но сразу же прихлынуло другое, где Славка выглядел как живой, с весело блестящими бесовскими глазами. Отогнал и это. Решил, что не время и не место сейчас для дружеской беседы со Славкой Бесом. Пусть пережитое пока побудет в Прошлом. [4]

В настоящем был отставной безработный начальник охраны холдинга с глазами больного пса.

Если бы Эрнст Неизвестный задумал ваять статую, символизирующую тотальную безнадегу, лучшей модели, чем Василий Васильевич Иванов, придумать было невозможно.

Иванов осел в кресле грузным, плохо отесанным монолитом, налившись каменной неподвижностью. Мерно и монотонно шевелились только тугие желваки на скулах. На лице застыла суровая усталость, как у красноармейца в окружении: все уже кончено, а сам еще жив. Как жить? Бес его знает. Куда ни кинь — всюду клин: немцы не подстрелят, так свои в назидание другим расстреляют.

— Чемоданы уже приказали паковать? — нейтральным тоном поинтересовался Максимов.

Василий Васильевич очнулся от мрачных раздумий и отрицательно покачал головой.

— Пока работаю. Шефа личной охраны отстранил, на фиг. Вот теперь сам рулю. — Он указал на панель мониторов.

— Кабинет его?

— Ну. — Иванов кивнул. — Мой на втором этаже.

Максимов повернулся к мониторам видеонаблюдения. Гостей в зале заметно поубавилось. На центральном экране крупно показывали вдову, сидящую в кресле. Какой-то статный молодой человек подошел к ней, поднял безвольную руку женщины, поднес к своим губам.

Гордый профиль с острой кляксой бородки под нижней губой,

зачесанные назад тугие вихры волос, толстые и сильные, как смелые мазки масляной краски. Свободные, незажатые движения. Подкупающая смесь уверенности в себе и полной раскрепощенности. На бизнесмена совкового разлива он абсолютно не походил, скорее — из богемных кругов, но в деньгах нужды не испытывал.

«Он бабам — нравился за то, за что не должен знать никто», — пришла на память строчка из лагерного шансона.

— Кто такой? — спросил Максимов, оглянувшись.

— Ай, крендель из «новых». — Иванов скорчил пренебрежительную

гримасу. — Монстр пиара.

— В самом деле?

— Матоянц так считал.

— Тогда — другое дело.

Максимов повернулся к экрану, чтобы получше разглядеть молодого человека, но он уже исчез. В кадре осталась только вдова, она разговаривала с какой-то молоденькой барышней, примерно Карининого возраста и чем-то неуловимо на нее похожей.

— Да не косись ты на них! Я тебе другое кино покажу.

Иванов вытер пальцы салфеткой, взял со стола пульт видеомэгнитофона.

— Ты у нас не из слабонервных,

как мне доложили. — Он демонстративно козырнул осведомленностью.

«Нет, как все-таки людей служба портит! — Максимов упер взгляд ему в переносицу. — Аж лицом просветлел. Щелкнуть, что ли, по носу?»

Решил, что не помешает.

— Полгода назад вы знали, что будете сидеть бесхозным псом? Уверен, нет. И это при всей вашей сверхинформированности. Вывод прост: осведомленность тешит самолюбие и портит характер. И ничего более. Что толку от моего досье, если я сейчас дожую бутерброды, встану и уйду? —

Максимов сбавил тон. — А то, что вы держите для меня в кармане, так там и останется.

У Иванова хватило выдержки, на лице удержалось тупое и бесстрастное выражение старого служаки.

— Нет, я не ясновидящий, — продолжил атаку Максимов. — Просто привык думать о людях сначала хорошо, а потом уж — как заслужат. Пока держу вас за профессионала, Василий Васильевич. Вы же меня не водку зазвали пить. Значит, если пригласили на беседу, то подготовились. И сценарий в уме набросали, и каждое движение

рассчитали. Кто же при постороннем в сейф полезет? Какой профи, выйдя из кабинета, оставит в ящике стола то, чему положено лежать в сейфе? Вывод прост. Когда вышли меня звать, сунули это, — думаю, конверт, — в карман. — Максимов примирительно улыбнулся и добавил: — Я тоже Конан Дойла читал.

Вот тут, вопреки ожиданиям, Василий Васильевич не выдержал. Лицо дрогнуло, и на нем проступила горечь.

Иванов медленно, заторможенным движением растер щеки, словно размазывая что-то липкое, неприятно тянущее кожу.

— Ладно, парень, хватит бодаться, — глухо произнес он. — Пинать раненого много ума не надо. А я который день живу, будто сердце вырвали.

— Мои извинения...

— Ладно, проехали. — Иванов вытянул руку с пультом. — Смотри кино. Все разговоры потом.

Внутри видеоманитофона тихо щелкнуло, на экране телевизора пошла запись.

Снимала камера видеонаблюдения. Лужайка за домом светилась неестественным серебристым светом. Задний план кадра залепили темные, непрозрачные контуры деревьев.

Максимов посмотрел на хронометраж. Час тридцать две после полуночи.

В круг максимальной резкости вошел человек. Низкорослая, крепко сбитая фигура была Максиму знакома. Спрашивать вслух, почему Матоянц разгуливает в столь позднее время, не стал. Тем и хорошо кино, смотри и жди, все покажут.

Матоянц свернул с дорожки. Побрел по лужайке, оставляя за собой на влажной траве яркую фосфорную дорожку. Остановился. Закинул голову.

Максимов про себя отметил, что двигался Матоянц как-то странно, заторможенно и вяло. Он помнил,

что в жизни походка у Матоянца была наполеоновской, — сочетание величавости и напора. А на экране шел не глава крупного холдинга, а какой-то лунатик.

«Возможно, камера так искажает?», — подумал Максимов.

И через секунду понял, что ошибся.

Из темноты в центр кадра метнулись острые клинообразные фигуры.

Собаки беззвучно летели над самой травой, волоча за собой серебристый шлейф. Шкуры от набившейся в шерсть влаги в призрачном свете оптики ночного видения казались густо измазанными

фосфором.

Самый крупный пес вырвался вперед, распластал в прыжке длинное тело. Блик света ударил по оскаленной пасти, высветив оскал мощных клыков.

Удар мощного тела сбил Матоянца в траву. Пес, летевший вторым, вцепился ему в правую руку, поволок за собой. Еще одна собака с прыжка вгрызлась в колено. Матоянец оказался распятым на земле, с горлом, сдавленным мертвой хваткой Вожака. Стая облепила его со всех сторон, плотный клубящийся шерстяной ком закрыл от обзора тело.

Десять секунд — Максимов

засек по таймеру — псы рвали и терзали жертву. Когда стая отхлынула, на траве в жирной блестящей луже осталась лежать распотрошенная кукла. В фосфорном свете ярко горели обнаженные ребра и шар обглоданного черепа.

«Вот и ответ, почему гроб не открывали», — подумал Максимов.

Иванов остановил запись.

— Дальше наша суета. Смотреть тошно. Или хочешь?

— Лучше отмотайте назад, на начало атаки, — попросил Максимов.

На экране зарябили серые полосы. Потом пошла запись.

Псы, характерно поджав хвосты,

неслись по серебряной траве.

— Стоп! — Максимов вскинул руку.

В стоп-кадре застыл в прыжке Вожак.

— Увеличить можно?

Иванов одобрительно хмыкнул. Подавил на клавиши пульта. Изображение скачками стало увеличиваться до тех пор, пока весь экран не залепило тело пса. В серебристом свечении, исходящем от шкуры, оскал и блески в глазах смотрелись по-настоящему страшно.

— Впечатляет? — спросил Иванов. — Я этот ужастик по сто раз на дню смотрю.

Максимов повернулся к нему и

тихо спросил:

— Откуда здесь волки?

Иванов поднял бесцветные брови, изобразив максимум недоумения.

— А хрен их знает! Из леса, надо думать.

«Трагическая случайность при невыясненных обстоятельствах», — пришла на память строчка из информационного сообщения.

— И Матоянц даже не закричал?

— Нет. — Иванов насупился. — Что странно. И еще одна странность. Наши шавки даже не забрехали. А «Педигрипала» за год схомячили, аж жопы трескаются. Дармоеды, блин!

Иванов смял салфетку в

плотный комок и швырнул под стол.

— Ротвейлеры?

— Нет, черные терьеры.

— На них не похоже. —

Максимов в сомнении покачал головой. — Если псы правильные, они даже черта не боятся.

Иванов брезгливо поморщился.

— Ага! Да те, что в вольере сидели, жидким поносом обосрались! А кого на участок на ночь выпустили, так заныкались, еле потом нашли.

— А люди как себя вели?

Иванов потер щеку.

— Парень в пультовой весь стол обгадил. Вывернуло его наизнанку.

— До или после?

Василий Васильевич осмотрел Максимова долгим милицейским взглядом.

— Клянется, что — до. Говорит, просто взорвалось все внутри. Примерно за минуту, как все началось. Молодец, что даже в таком виде с мониторов глаз не спускал. Не нажми он кнопку тревоги, облажались бы по полной программе. Хотя и так все в дерьме ходим. Не уберегли, как ни крути. Версии есть? — без перехода спросил он.

Максимов промолчал.

— И у меня их — вагон, — после долгой паузы произнес Иванов. — Но я пока вслух их не

высказываю.

— Уголовное дело возбудили? — спросил Максимов.

— Какого рожна? — Иванов поморщился. — Пленку местные опера посмотрели и с чистой совестью накатали отказуху. Кого тут сажать? Ты сам видел. Полное отсутствие события преступления, как юрист говорю.

Иванов выключил телевизор.

— Кино я показал для повышения твоей осведомленности. — Он не без удовольствия ввернул шпильку. — Надеюсь, самолюбие не ущемил и характер не испортил.

— Может, хватит бодаться? —

его же словами ответил Максимов.

— Ладно, замяли.

Иванов покосился на бутылку. Максимов отрицательно покачал головой. Иванов убрал бутылку со стола.

— Жрать-то сможешь? — спросил он.

— Без проблем.

— Тогда — налетай.

Иванов взял с тарелки бутерброд, последний придвинул к Максиму.

Вперил взгляд в мониторы и сосредоточенно заработал челюстями.

— Темный ты человек, — пробормотал Иванов с набитым

ртом. — Когда ты вокруг Карины крутиться начал, я, сам понимаешь, справки по своим каналам навел.

— И как, удачно? — поинтересовался Максимов.

— А как же, — кивнул Василий Васильевич. — Особенно про твою экспедицию в Таджикистан. Источник в Минобороны, денег, кстати, стоит, как шпион американский, донес, что вы с Кариной оказались в районе проведения войсковой операции. И больше — ни гугу. Вежливо намекнул, что уточняющие вопросы задавать бесполезно. И всем обойдется дороже. Ладно, мы не гордые... Не пускают в дверь,

полезем в окошко. — Он смахнул крошки, прилипшие к губам. — Другой источник сдал, что вы с Кариной, когда из заварухи выбрались, проживали в Душанбе в особняке, взятом под охрану ребятами из Центра антитеррора.

— И все? — спросил Максимов с невинным видом.

— Все. Источник больше ничего не сказал. В штаны наделал.

Максимов улыбнулся:

— Штаны были с лампасами или цивильные?

На военных особистов Максимов в свое время наглядился до тошноты, в новой жизни пришлось контактировать с «искусствооведами в

штатском», серыми грызунами, снующими по музейным спецхранам. Психо- и фенотип контрразведчика отечественного производства Максимов изучил досконально.

Под «конторского» Иванов не подходил. Разведка? Провинциального шарма пэгэушника в Иванове не наблюдалось. Родных ГРУшных замашек Максимов тоже не увидел. Да и зачем Матоянцу отставной Штирлиц в службе безопасности?

Скорее всего, Василий Васильевич подвязывался на ниве борьбы с экономической преступностью в системе МВД, решил Максимов. После увольнения

старые связи не растерял, на рыночной основе поднакопил новые, но их явно не хватило, чтобы вцепиться в Максимова мертвой хваткой. Отсюда и тоска во взоре. Как у пса на коротком поводке.

— Так что там у вас в горах приключилось? Просвети уж, если не секрет.

— Какой там секрет! — Максимов пожал плечами. — Даже в газетах про это писали. Полковник Бердыев, местный батька Махно, устроил очередную бучу. Правительственные войска малость с ним повоевали. Наши официально держали нейтралитет, но «вертушки» послали подолбить по тем и другим.

Восток, одним словом.

— А ты в это время раскопки проводил, да? В панамке и с лопаточкой.

— Ну, Бердыев меня в свои планы не посвящал. Когда экспедиция планировалась, клянусь, не знал, что Бердыеву приспичит взбунтовать аборигенов и пойти походом на Душанбе.

— А из Душанбе ты сразу в Париж полетел?

— Работа такая.

— Я и говорю, темная ты личность. — Василий Васильевич достал платок, тщательно промокнул лицо и вытер губы. — Честно скажу, я был против тебя. Да и сейчас не в

особом восторге. Хоть ты из профессорской семьи, археологом числишься... В деньгах не нуждаешься, но компромата на тебя по линии МВД вроде бы нет. А свою дочку я бы тебе не доверил, так Матоянцу и заявил.

— А я в родственники не набиваюсь. Ни к вам, ни к Матоянцам.

Иванов указал пальцем на мониторы.

— Это ты им объясни. Уже на твой счет шушукаются, мне доложили. Впрочем, не о том сейчас речь. — Он тяжело вздохнул. — Чем ты глянулся Ашоту Михайловичу, не знаю. Но его слово для меня —

закон. Тем более — последнее.

Иванов достал из нагрудного кармана конверт, послал по гладкой столешнице Максиму.

— Ознакомься.

Максим ногтем отогнул угол конверта. Он оказался не запечатанным.

— А кто ознакомился до меня?

— Я, естественно! — Иванов насупился. — С учетом обстоятельств, так сказать.

Максим посмотрел ему в глаза. Убрал руку от конверта.

— Значит, мне смысла читать нет. Поверю вам на слово.

— Осторожничаешь?

— С учетом обстоятельств, — с

вежливой улыбкой ответил
Максимов.

Иванов крепко задумался, лицо сделалось сосредоточенным и злым, как у медведя, выдавливающего из себя «зимнюю пробку»^[5].

— По анкете ты — археолог, так? — попробовал поддеть он. — А замашки, как у шпиона.

— Но в личном деле не написано, что я круглый дурак, — парировал Максимов. — Или ваш источник в лампасах не ту папку принес?

В личном деле капитана запаса Максимова значилась последняя должность — офицер разведотдела штаба Прибалтийского округа.

— В личном деле написано, что ты награжден орденом Красной Звезды. Кроме Африки где-нибудь еще довелось повоевать?

Операция в Эфиопии, за которую Максимова наградили орденом, проходила под грифом «совсекретно». Насколько знал, знакомиться с этими материалами без личного разрешения начальника ГРУ категорически запрещалось. Но то было во времена оны, когда за разглашение тайны языки рвали живьем и с корнем. А в нынешнее коммерческое — только покажи импортную денежку, мать родную продадут.

— Поинтересуйтесь у вашего

источника, пока он живой, — ровным голосом посоветовал Максимов.

Мысленно представил, что сделает с этим самым источником, попадись он в руки. Саперная лопатка тогда будет самым нежным инструментом.

Мыслей Василий Васильевич читать, конечно же, не мог. Но на Максимова взглянул с тревогой.

— Тема закрыта?

— Ладно, проехали, — сдался Иванов. — Докладываю. Ашот Михайлович дал команду найти тебя и вступить в контакт. Мое дело — исполнить. Где тебя черти носили, не знаю. Но вынырнул ты в Париже. И

опять стал встречаться с Кариной. — Он зло сверкнул глазами, но быстро взял себя в руки. — Я так и доложил, наш жених объявился. Не скрою, предложил выдернуть тебе ноги, чтобы не дурил голову девчонке. Но Матоянц приказал выйти с тобой на связь и передать предложение о работе.

Максимов не стал дискутировать на тему ампутации ног и запудривания мозгов.

— Когда это было?

Иванов прищурил медвежьи глазки. В узких щелках сверкнул острый огонек.

— Тогда и было. — Он кивнул на телевизор. — Часа за два. Потом

такая свистопляска пошла, что не до тебя стало. Вот теперь передаю. Все ясно?

— Более-менее. В чем суть предложения? — спросил Максимов.

Иванов помедлил, крякнув, потянулся через стол и притянул к себе конверт. Достал машинописный листок. Близоруко прищурился и стал читать:

— «Уважаемый Максим Владимирович. Беспokoю Вас по весьма срoчному делу, которое, я надеюсь, будет Вам небезынтересно. В нашу последнюю встречу Вы мне показали человеком, способным выполнить нестандартное поручение любой сложности. Надеюсь, что

впечатление не оказалось
ошибочным. — Иванов
саркастически усмехнулся. — Вам
будет выдан чек на двести пятьдесят
тысяч долларов. Вы вправе
распоряжаться данной суммой по
своему усмотрению, имея в виду то,
что накладные расходы, понесенные
Вами при выполнении поручения,
будут компенсированы полностью.
Кроме этого, все расходы на лечение
и восстановление здоровья беру на
себя. По выполнении задания Вам
будет выплачено в качестве премии
двести пятьдесят тысяч долларов. На
случай крайних обстоятельств,
исключающих получение денег
лично Вами, Вы можете указать лицо

или счет организации, которым будут перечислены полагающиеся Вам суммы».

— Последняя строчка особенно впечатляет. «Обстоятельства, исключаящие получение денег лично». Просто пушкинская строка! — Максимов непринужденно откинулся на спинку стула. — Но я еще не услышал предложения, — закончил он серьезным тоном.

Василий Васильевич заглянул в листок. Прочел:

— «Податель сего письма уполномочен передать Вам чек на оговоренную сумму. Принятие чека будет означать Ваше согласие приступить к детальному

обсуждению задания. Вам достаточно ясно и недвусмысленно устно высказать моему порученцу свое согласие, после чего с Вами свяжутся для передачи дополнительной информации». Все. Число, стало быть, и подпись.

Иванов вытряхнул из конверта чек. Показал Максиму.

— Двести пятьдесят штук. Чек на твое имя. «Свисс банк», деньги со счета оффшорки. Налоговые службы отдыхают.

Он вопросительно посмотрел на Максимова.

— Не стану спрашивать у юриста, на сколько «тянет» такой контракт.

— Почему сразу —
криминал? — довольно искренне
удивился Иванов.

— Не думаю, что вам резко
потребовался археолог моего уровня.
Сошка я мелкая, всего-то научный
сотрудник без степени. Мне такие
гонорары по статусу не полагаются.

Максимов иронично улыбнулся.
Иванов насупился.

— Тебе разве деньги не нужны?

— Такие — нет.

— Чем они тебе не нравятся?
Деньги как деньги. Чистые,
гарантирую.

— Верю.

Иванов насупился.

— Это бизнес, парень. Ты

решаешь проблемы других, они платят тебе деньги, на которые ты решаешь собственные проблемы.

— У меня нет проблем на такие суммы. Извините, так уж сложилось.

— Сомневаюсь.

— Ваше право. — Максимов пожал плечами.

Иванов положил чек на стол.

— Мое дело — передать. Можешь и так взять. Как я понял, нужда в тебе отпала. Никакой работы не предвидится.

Он сунул бумагу в конверт. Чек остался на столе.

— Тогда — тем более. Двести пятьдесят тысяч халявы для меня чересчур.

Иванов пристально посмотрел в лицо Максиму.

Максим успел сосчитать до сорока, пока давящий взгляд Иванова не соскользнул на чек.

Пробормотав что-то невнятное, Иванов смел чек в конверт. Конверт сунул во внутренний карман пиджака.

— Для Атоса слишком много, а для графа де ля Фер — слишком мало, — неожиданно изрек Иванов.

Максим удивился
пристрастию к подростковой литературе в столь почтенном возрасте. Сначала Конан Дойл, теперь — Дюма.

«Впрочем, это лучше, чем

Маринина», — заключил он.

— Почему сразу Атос? — спросил Максимов.

— Не знаю. Матоянц так тебя прозвал. — Иванов как-то по-новому взглянул на Максимова. — А в людях Ашот Михайлович не ошибался.

Максимов мог поклясться, что на секунду в выцветших глазах Иванова мелькнула немая мольба о помощи.

Все выстроилось в один ряд: потрепанная «Собака Баскервилей», видеокассета с фильмом Би-Би-Си о жизни волков, и другая — с волками, терзающими тело, фильмом, которым Иванов терзал сам себя. И странное на первый взгляд, неловкое

предложение бесхозных денег. За что? Чтобы иметь лишний боевой ствол в предстоящей войне?

В том, что Иванов решил тащить собственное расследование и никому и ничему не позволит сбить себя со следа, Максимов не сомневался.

Максимов честно признался себе, что соблазн включиться в игру есть. Те, о ком Иванов прочитал в личном деле: лейтенант спецназа, воевавший в Эфиопии; офицер разведотдела — специалист по диверсионно-разведывательной деятельности в глубоком тылу противника; уволенный из армии капитан, кое-как пристроенный дедом в НИИ, археолог без степени,

живущий неясными доходами, безусловно согласились бы. Все-таки двести пятьдесят тысяч и море адреналина.

Они были обычными людьми, пусть и с не совсем обычной судьбой.

Максимов непринужденным движением положил правую ладонь на стол. Пальцы сложились в знак Странника — большой и указательный отставлены, остальные сжаты.

Иванов никак не отреагировал.

И Максимов перевел взгляд на аляповатый офорт.

Улочка Парижа, по самые крыши затопленная солнечным светом...

Странник (Неразгаданная судьба)

Улочка Парижа, по самые крыши затопленная солнечным светом, круто уходила вверх. Мокрая брусчатка, отражая утреннее солнце, казалась отполированной до зеркального блеска. В пазах между камнями скопилась темная вода, парила прозрачной дымкой. Хозяева лавочек уже подняли забрала жалюзи на витринах, и, казалось, идешь вдоль ряда черных зеркал.

Зеркала отражали неспешное движение двух человек. В этот ранний час они были единственными

проходимыми на тихой улочке.

Пожилой, высокий и сухопарый мужчина гордо нес седую голову. Острый профиль и полуприкрытые веки делали его похожим на большую хищную птицу. Он был одет в черный сюртук со стоячим воротником. Второй, значительно моложе, также был одет в темное. Распахнутый долгополый плащ не мешал движениям по-военному подтянутого тела.

Они, несмотря на разницу в возрасте, были в чем-то неуловимо похожи. Та же отстраненность, уверенность в себе и независимость, которые не выставляют напоказ, но которые нельзя не заметить.

Создавалось ощущение, что они лишь вышли на короткую прогулку в наше время, а появились, живут и исчезнут в другом, недоступном обычным людям. Не ломая головы, их можно было принять за профессора иезуитского университета и его любимого аспиранта. Потому что обывателю, случайно бросившему взгляд на эту пару, никогда не угадать, кем на самом деле они были.

Максимов подмигнул своему отражению и усмехнулся.

— Забавно смотримся.

— Хорошо, что еще отражаемся, — мрачно пошутил Навигатор, не поворачивая головы.

— Может, зайдем? — Максимов указал на призывно распахнутые двери маленького кафе.

Изнутри соблазнительно тянуло ванильным ароматом сдобы и возбуждающим чадом только что обжаренных кофейных зерен.

Навигатор остановился. Заложил руки за спину.

— Хороший кофе в парижском бистро в семь утра? М-м, это — стильно.

Максимов рассмеялся. Фраза была из другой, параллельной им жизни.

И тем не менее они зашли в бистро, сделали заказ заспанному хозяину и сели за столик в дальнем

углу маленького зальчика.

Навигатор водил над дымящейся чашкой кофе тонкими бледными пальцами, то ли грея их, то ли колдуя. Молчал, опустив веки.

Молчал и Максимов. Он чувствовал себя проезжим в этом чУдном и чуднОм городе. Ни связей, ни воспоминаний, ни забот. Прибыл — убыл, промелькнул и исчез. Сгинул. Без следа, без памяти, без сожалений. Когда объявлюсь вновь — не спрашивай, сам не знаю. В любом городе так. В любой точке пространства-времени. Трудно быть таким? Нет, если странствовать — твоя суть.

Навигатор сделал глоток,

посмаковал вкус кофе,
удовлетворенно покачал головой.

— Мокко. Очень правильно
прожарен. Ты пьешь горячий?

— Да, — ответил Максимов,
поднося чашку к губам. — Остывший
напоминает... квартиру, в которой
давно никто не живет.

— Хорошо сказано.

Пока Максимов осторожно
прихлебывал обжигающий кофе,
Навигатор достал из кармана
плоский пенал из дорогой кожи.
Положил рядом с блюдцем
Максимова.

— Это тебе, — тихо произнес
он.

Максимов чутко отреагировал на

«тебе». Навигатор был не из тех, кто путается в словах и мыслях. Если «твое» — значит, принадлежит по праву. Если «тебе», то право собственности должно быть подтверждено свободным выбором. Не хочешь — откажись. Возьмешь — примешь и дар, и обязательства, с ним связанные.

Он поставил чашку на блюде, мельком взглянул на хозяина, дремавшего за стойкой, открыл крышку пенала. Сафьяновая кожа нежно прижалась к подушечкам пальцев.

Внутри на шелке голубого цвета лежали перстень, булавка для галстука и элегантная зажигалка. Луч

света, с трудом пробивавшийся в кофе сквозь затемненное стекло, вспыхнул на их гранях золотым огоньком. На всех трех предметах был выгравирован орел, держащий в когтях опрокинутый треугольник. На нем четко проступали две арабские цифры — тройка и двойка^[6].

— И за что мне такая роскошь? — спросил Максимов.

— За Мертвый город, Фон Винера и «Черное Солнце», — ответил Навигатор. Он пригубил кофе и продолжил: — У нас, как ты знаешь, нет наград и привилегий. У нас нет приказов, начальников, подчиненных. Нет устава, иерархии и бюрократии. По сути — нас нет.

Возможно, только поэтому мы еще существуем. Мы открываем Знания, дающие силу, а Знания обязывают к действию. Но каждый из нас действует исключительно исходя из своей сути. У всех она разная, поэтому ни просчитать, ни упредить действия Ордена невозможно. У них есть все, в чем мы себе сознательно отказываем. — Он указал взглядом на пенал. — Но в чужой монастырь, как известно... Так или иначе, из уважения к традициям наших временных союзников я обязан передать тебе эти знаки отличия, их пароль и ритуальный жест.

Максимов через плечо Навигатора бросил взгляд на хозяина

быстро. Явно сибарит и по инерции еще бабник сладко посапывал, навалившись на стойку, подперев мясистую щеку таким же мясистым кулаком. Бедняга рисковал проспать самое интересное, что когда-либо случилось в его забегаловке.

На столе, покрытом бумажной скатертью, между чашек с кофе и блюдцами с булочками лежал ключ к вратам одной из самых могущественных лож в мире. Возьми его, запомни пароль и жест, и перед тобой откроются все аристократические салоны, кабинеты управляющих банков, комнаты секретных переговоров и хранилища тайных документов.

Вероятнее всего, новообретенные братья поспособствуют легализации тайного звания в мире профанов: повесят на грудь Орден подвязки, присвоят научную степень или раскрутят бизнес, а для общей пользы сочетают браком с дамой, из семьи не ниже по уровню посвящения. И дети от этого брака с рождения получают недоступную «безродным» семнадцатую степень посвящения. Придет их срок, и они набросят на плечи черный плащ рыцаря Кадоша.

Максимов поднес чашку к губам. Рука не дрожала. Сделал глоток.

— Я, пожалуй, откажусь, — отчетливым шепотом произнес он.

Навигатор изогнул бровь.
Пальцы его, лежащие на скатерти, не пошевелились.

Максимов поставил чашку.
Закрыв пенал и передвинул его ближе к Навигатору.

— Я отказываюсь от дара.

Навигатор промолчал.

— Третий раз — нет. Пусть все остается на своих местах.

Навигатор с непроницаемым лицом взял пенал и сунул во внутренний карман. Он медленно поднял взгляд...

Максимову показалось, что два холодных голубых луча прошли сквозь зрачки и проникли в мозг.

Погасло утреннее солнце,

исчезла улица, растворился в густых сумерках самый красивый город на земле, привычный мир, вместе с его обитателями, их маленькими радостями и большими надеждами, вечной любовью и бесконечными страданиями, с их богами, царями и цареубийцами, сводниками и святыми, пророками и лицедеями, мир, где все имеет причину и исток, срок и неизбежное следствие, этот мир рухнул в породившую его бездну. И началась магия.

— Слушай меня, Странник. — Голос шел из ниоткуда, но был повсюду. Он единственный существовал в умершей вселенной. — С тобой говорю я,

Навигатор — Тот, кто указывает путь.

Мы никого не зовем, но нашедших нас не прогоняем прочь. Принимая присягу на верность, мы оставляем за вступившим в наш Орден право выбора. Право выбора — это Закон. Мы не боимся предательства, изменить нам — значит изменить самому себе. А это — смерть.

Так было и с тобой. Ты сам выбрал ремесло воина и заключенную в нем судьбу. И подтвердил, что достоин выбора. В Эфиопии ты прошел крещение огнем, вернувшись на родину, узнал, что такое предательство и навет. Тебя не

сломал холод карцера, не разъела желчь отчаяния. Таким я и встретил тебя — достойным своей судьбы. И лишь помог тебе стать тем, кем ты был рожден, — странствующим воином.

Ты не раз проливал кровь. Свою и чужую. Свидетельствую перед всеми, не было пролито ни капли невинной крови. Ты сам выбирал себе противников. Свидетельствую перед всеми, ни разу твой выбор не пал на того, кто слабее себя. Ты способен на многое, но, свидетельствую, всякий раз пытался и совершал невозможное.

Ты вправе идти дальше путем воина. Но я, Навигатор, говорю,

«работа в черном»^[7] окончена.
Впереди у тебя время очищения. Его
цвет — белый.

Через минуту ты вернешься в
мир людей. И до поры наши дороги
разойдутся. Я оставляю свои
перчатки. Они белого цвета. Это
знак, Странник.

Я, Навигатор, готов
свидетельствовать перед всеми, что
по доброй воле и свободный в
выборе, передаю их тому, кого
считаю достойным в положенный
срок занять место за Столом
Совета. И пусть все будет так!

Голос медленно затих, как удар
колокола в ночи.

Непроглядная тьма бесконечно

долго хранила его протяжное эхо. А потом взорвалась всеми красками мира...

Максимов зажмурился. Улица горела солнечным светом.

В слепящем мареве едва разглядел сухую высокую фигуру в черном, шагающую вверх по улице.

— Прощай, Странник! — услышал он внутри себя голос Навигатора.

— До встречи, — прошептал Максимов.

Наклонил голову, спасаясь от солнца, и увидел, что держит в левой руке аккуратно свернутые белые перчатки. Не рассматривая, сунул в карман плаща.

Постоял, ошарашенно озираясь. Увидел знакомую вывеску быстро и приветливо распахнутую дверь.

Вошел, сел за тот же столик. Заказал еще кофе. Закурил и отвернулся к темному стеклу. Сквозь него улица смотрелась вовсе чужой. Как на выцветшем снимке.

Идти было некуда. Время замерло. Перепутье.

А через полчаса в бистро влетела Карина...

* * *

Максимов, очнувшись, оторвал взгляд от нелепого офорта.

Повернулся лицом к Иванову.

Василий Васильевич терпеливо

ждал ответа.

— Нет. Ясно, четко и недвусмысленно — нет.

— Ты хорошо подумал, Максим? Максимов встал из-за стола.

— Третий раз говорю — нет.

Иванов помедлил. Потом приподнялся и протянул ему руку.

— Удачи тебе, парень. Буду нужен, дай знать.

— А потребуюсь я, вызывайте повесткой, — попробовал пошутить Максимов.

— Да иди ты на фиг! — беззлобно ругнулся Василий Васильевич.

Тяжко осел в кресло.

— Карина на террасе, — услышал его голос Максимов, перешагивая через порог. — Направо по коридору до конца. Дверь откроется автоматически.

Максимов оглянулся.

Василий Васильевич грузно и неподвижно сидел в кресле, сцепив в замок выложенные на стол руки. Во всем его облике вновь проступила крайняя, надсадная степень безнадеги. Максиму уже доводилось видеть такое. И таких.

Такие, как Василий Васильевич, обложенные со всех сторон, замыкаются в себе, наливаются странной и страшной тяжестью и

прут вперед, без устали, бездумно и бесстрашно. Рухнет такой лицом в землю, подумаешь, усталость скосила. Перевернешь — мертв. Весь, до последней капли себя выработал. Как танк в бою. До последнего снаряда, до звенящих пустотой баков.

Глава четвертая.

«Девчонки не плачут...»

Странник

По террасе гулял сырой сквозняк. В воздухе отчетливо чувствовался запах большой воды. Участок за домом полого спускался к водохранилищу, невидимому сейчас в густых сумерках. На лужайке мерцали матовые плафоны светильников, повторяя изгибы дорожек. Неяркий свет растекался по траве серебристыми лужами.

На самой террасе света не зажгли. Максимов увидел лишь

очертания двух плетеных кресел у ступенек. Спинки были высокими, разглядеть, кто сидит в кресле, невозможно.

Плавным движением свесилась тонкая рука. В пальцах ярко горел огонек сигареты. Повиснув над баночкой, стоявшей между креслами, пальцы сбили в нее пепел.

«Манеры! — Максимов усмехнулся. — Хоть весь стол заставь пепельницами, а барышни будут стряхивать пепел в пустую банку. Непринужденно и элегантно, будто так и надо».

Максимов мог подойти абсолютно беззвучно, но решил, что лучше обойтись без сюрпризов.

Намеренно громко заскрипел половицами.

Из-за спинки кресла появилась женская головка. Контур ее на фоне матовых светильников прорисовался четко, словно вырезанный из черного картона. Длинные волосы схвачены на затылке в плотный клубок.

«Не Карина».

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — удивленно протянула сидевшая в кресле.

Максимов вошел в полосу неяркого света.

— А! Вы — Максим.

Прозвучало как: «Ага, тот самый Максим».

— Разве мы знакомы? —

спросил Максимов.

В ответ девушка протянула руку.

— Елизавета Данич. Можно просто Лиза.

Максимов пожал кончики холодных пальцев.

«Та самая Лиза, что „по жизни надо ехать с мигалкой по левой полосе“?»

Девушка оказалась той, что он видел на мониторе у Василия Васильевича. Вблизи она еще больше походила на Карину. Подстриги под мальчишку, легко можно спутать. А пока, с густыми локонами, пучком взбитыми на затылок, смотрелась тургеневской барышней. Только взгляд у барышни был эпохи

миллениума: оценивающий и отмеривающий. Тихой романтики и сокровенной элегии в нем было не больше, чем в бизнес-плане.

— Присаживайтесь. — Лиза указала на свободное кресло. — Карина сейчас вернется.

— Где она?

— Недалеко. И, надеюсь, ненадолго.

Лиза махнула рукой в сторону лужайки.

— Понятно.

Максимов сел в кресло. Достал сигареты, чиркнул зажигалкой, с наслаждением затянулся.

Лиза внимательно следила за его движениями.

— Выпить хотите?

Максимов удивленно покосился на нее и отрицательно покачал головой.

Лиза достала из-за спины пузатую бутылку.

— Многое теряете.

— Что именно? — из вежливости поинтересовался Максимов.

— Что можно найти в бутылке. Истину, веселье, забвение. — В полумраке блеснула белозубая улыбка.

Максимов устало вздохнул.

— Девочка, не надо рекламы. Про похмелье я знаю все.

— При случае расскажете.

Лиза прижала губы к горлышку и высоко закинула голову.

«Бейлиз», — прочел Максимов на этикетке.

Пить яичный ликер «из горла» еще не доводилось. Но и попробовать желания не было. Он и в рюмке — гадость на любителя.

Лиза оторвалась от бутылки. Облизнула губы и глубоко затянулась сигаретой.

— Максим, можно вопрос? —
Голос ее чуть охрип от выпитого.

— Да.

Максимов разглядывал прозрачное облачко табачного дыма.

— Вы любите Карину?

— Ошибка. — Максимов

повернул голову. — Есть два вопроса, на которые я не даю ответов. Первый — верю ли я в Бога.

— Можете не продолжать.

Лиза откинулась в кресле, вытянула скрещенные ноги. Лицо ее спряталось в тень, Максимов видел лишь две искорки, мерцавшие в ее глазах.

— Могу подарить еще один вопрос, на который вы не сможете дать ответ, — произнесла после недолгой паузы.

— Интересно, какой? — нехотя включился в разговор Максимов.

— На что вы надеетесь?

— В смысле?

Она опустила руку и бросила

окурок в банку.

Тихо зашуршал гравий на дорожке. В пятнах света мелькнула тень.

— Карина возвращается. А жаль, вы интересный собеседник.

Лиза встала. Поболтала бутылкой.

— Больше половины. Оставляю вам. Вдруг захочется.

Она легко нагнувшись поставила бутылку к ногам Максимова. Выпрямилась, провела ладонями по бедрам, поправляя узкую юбку.

По ступенькам закрипели твердые подошвы. Карина так и осталась в полувоенном походном костюме: бутсы и штаны с

накладными карманами. Октябрь в Москве, не бабье лето в Париже, поверх майки пришлось натянуть свитер грубой вязки.

— Лизка, уже уходишь? — спросила Карина, поднявшись на террасу.

— Пост сдал, — по-военному отдала честь Лиза. — Твой рыцарь прибыл.

— Максим?

Карина шагнула вперед. Всмотрелась и через секунду она уже сидела на коленях Максимова. Губы ее пахли ликером.

— Пока, люди! — Лиза сделала ручкой. — Созвонимся, Кариш.

Карина, уткнувшись носом в

шею Максимову, невнятно
промычала в ответ:

— Пока! Целую нежно, ваша
рыбка.

Процокали и затихли, свернув за
угол, каблучки. На террасе стало
тихо, как бывает только осенним
вечером. Тоскливо и неуютно.

Темнота, подступившая к
ступеням террасы, жила
настороженной, скрытой жизнью. То
и дело слышались легкие шорохи,
тихое похрустывание гравия.

Максимов, закрыв глаза, на слух
попытался вычислить источники
звуков. Насчитал шесть, по
периметру лужайки.

«Василий Васильевич под

каждый куст по охраннику посадил. Двое — с собаками. Неужели думает, что кто-то отработает номер на бис?»

— Ты где был? — спросила Карина.

— С дядей Васей общался.

— А-а! И как он тебе?

— Нормальный мужик. Одно плохо, спутал меня с Бобом Денаром.

— Диланом?

— Нет, песен он не пел. Хотя тоже личность известная. В узких кругах. [\[8\]](#)

Имя Денара Максимов ввернул специально для Василия Васильевича. Карина, дитя со школьным образованием, имела

право и не знать поименно знаменитых «диких гусей». А тот, кто подвизается в службе безопасности, специальную литературу обязан почитать. Не знаешь сам, на худой конец, проконсультируйся у людей сведущих. В штанах с лампасами.

Максимов был уверен, что Василий Васильевич сейчас просматривал и прослушивал каждый уголок дома, где могли находиться гости. Иванов качал информацию, готовясь к своей войне.

«Бог в помощь!» — мысленно пожелал ему Максимов.

В чужой войне Странник не

участвует. Даже за хорошие деньги.

— Ты как, малыш?

— Погано, если честно. —

Карина тяжело вздохнула. —

Внутри — как в темной комнате, в которой сдохла черная кошка. Не думала, что так плохо будет. Мы же практически чужие. Он весь в делах, вечно в разъездах. У меня — шило в заднице. Так и не нашли время, чтобы сойтись поближе. Как я понимаю, он выжидал, а мне этого не надо было. А теперь — уже никогда. Никогда... Страшное слово — «никогда». Правда?

Она оглянулась на поляну, всю в пятнах мертвого желтого света.

— Тебе дядя Вася рассказал..?

— Да.

Карина зябко передернула плечами.

— Я специально сейчас ходила на то место. Представляешь, ничего не почувствовала. Молчит все внутри. Отчего так?

— Не знаю, Карина. Только ты не раскисай, человечек!

— Это я так. — Карина шмыгнула носом. — Давит что-то на сердце, а что — еще не поняла.

Она свернулась калачиком на коленях Максимова, поворочалась, удобнее устраивая голову на его плече. Затихла. Только ровное дыхание щекотало щеку Максимова.

Максимов потрепал колючий

ершик волос на ее затылке. Карина тихо заурчала.

Он провел ладонью по ее груди. Под свитером между двух упругих бугорков отчетливо прощупывался медальон. Максимов сжал в пальцах пластинку, впитавшую тепло тела Карины.

«Перекресток судеб. Куда ты пойдешь, мой маленький странник?»

Мягкие губы коснулись щеки Максимова, нежно прищипывая кожу, двинулись к губам. Неожиданно она отстранилась.

— Да, я же самое главное забыла!

— Что тебе пора спать?

— Идиот клинический, —

проворчала Карина.

Потянулась к уху Максимова.

Слушая ее шепот, Максимов обмер.

«Только этого еще ей не хватало! — с тревогой подумал он. — Мог бы и сам, между прочим, догадаться. Со дня смерти прошло три дня, самое время вскрыть завещание».

— И что ты теперь будешь делать? — шепотом спросил он.

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Честно, не знаю. У тебя какие-нибудь мысли есть?

«Бежать», — чуть не вырвалось у Максимова. Но, поразмыслив немного, понял, бежать бесполезно.

Все равно найдут и вцепятся мертвой хваткой.

— Извини, галчонок, но в таких делах я не советчик. Не мой уровень и не мой мир. Но советников и советчиц у тебя скоро появится, как собак нерезаных. Кстати, ты никому еще не проговорилась?

— Если ты имеешь в виду Лизку, то, конечно, нет!

— Правильно. Как, кстати, она узнала о похоронах?

— А-а. Она со своим френдом приехала. Глеб Лобов, отчим с ним какие-то дела крутил. Авантажный такой тип. На Сорокина похож.

— Муж той, что новости по телику читает?

— Дремучий ты! Книжки который пишет. «Голубое сало» читал?

— Что-то про хохлов?

Карина с трудом, как ребенок, уставший плакать, хихикнула. Было очень похоже на последние слабеющие рыдания, но Максимов знал, это уже смех, значит, не так все плохо.

Погладил ладонью ложбинку между остро торчащими лопатками.

— Не раскисай. Улыбайся, галчонок. Как бы ни было трудно, всегда улыбайся. Улыбка — отличительный знак победителя.

— Да-а. — Она уткнулась лицом ему в грудь. — Тебе легче. У тебя

улыбка к лицу как пришпилена.

— Что ж ты хочешь, годы долгих тренировок!

Она не успела рассмеяться.

Неясный шум медленно пополз к веранде. Кто-то крался через лужайку, стараясь не попадать в пятна света. Максимов прикрыл глаза и уловил натужное дыхание пса.

Правая рука рефлекторно потянулась к левому запястью: там, в рукаве прятался стилет. Секунда — и клинок, как из пращи, метнется в цель.

Он приказал руке расслабиться.

Шум в темноте стал отчетливым, близким. Глаза уже

различали густое черное пятно, движущееся к террасе.

Максимов ясно и ярко представил себе спираль колючей проволоки...

...Стальная спираль с острыми засечками тускло светилась в темноте. Не перепрыгнуть. От влажной травы, примятой проволокой, поднимался резкий запах озона. На острых засечках то и дело вспыхивали яркие светло-голубые бусинки, лопались, стреляя бесцветным огнем. Спираль едва слышно гудела, как высоковольтная линия.

Пес замер, с шумом втянул носом воздух. Неизвестно откуда

взявшееся препятствие внушало страх. Самое страшное, что его нельзя было ни увидеть, ни унюхать. Но оно было! До скулежа захотелось выдать в траву горячую струю и убежать прочь.

Тихо звякнула металлическая упряжь на ошейнике. Хозяин требовал идти вперед. Пес уперся, что есть силы вдавив все четыре лапы в землю.

— Вперед! — раздался в темноте мужской голос.

Карина отлепилась от Максимова, развернулась у него на коленях, юркнула вниз. Доньшко бутылки скрипнуло по полу, глухо булькнуло содержимое.

«Неплохо», — машинально отметил Максимов.

Положил руку на выгнутую спину Карины, слегка надавил, не дав распрямиться. Иначе бутылка, как граната, ушла бы в цель.

— Ну и что ты там нарисовался, боец? — с командирской медью в голосе спросил Максимов.

— Извините, Карина с вами? — раздался из темноты мужской голос.

— А представиться не забыл?

Мужчина смущенно кашлянул.

— Извините. Я — охранник. Семенов фамилия. Мне по рации передали, Карину мама ищет.

Карина встала. Бутылку держала, как гранату, чуть на отлете.

— Сейчас приду! Шавку свою на цепь посади, Семенов.

— Не положено, — пробурчал охранник.

— Ложила я на твое положено! — взорвалась Карина. — Еще раз подкрадешься, получишь бутылкой по башке.

Звякнул поводок, пес судорожно хрякнул, потрусил за хозяином в темноту.

— Не дом, а концлагерь со всеми удобствами, — проворчала Карина.

Закинула голову, сделала глоток из бутылки.

— Пуф! — выдохнула она. — Неделю я здесь продержусь, как

обещала. Но потом за себя не ручаюсь.

Максимов встал, встряхнул кистями, сбросив скопившееся напряжение. Отобрал у Карины бутылку, заткнул пробкой и бросил в кресло.

— Галчонок, не пей эту гадость.

— А спирт можно?

— Да, если чистый. Нельзя все, что гнило: вино, пиво, сидр.

Карина беззлобно ткнула кулачком ему в грудь.

— Зануда!

Закинула голову, заглянула в лицо Максиму.

— Расходимся?

— Пора. Автоответчик и модем

будут постоянно включены. На мобильный не звони.

Карина кивнула.

— Ты же не навсегда пропадаешь? — прошептала она.

— Нет. Надеюсь — нет.

— Возвращайся, пожалуйста, скорее. Потому что ты и «никогда»... Я этого просто не переживу.

— Не каркай, галчонок! И помни, если выглядишь как еда... — начал Максимов.

— ...тебя обязательно сожрут^[9], — закончила Карина.

Она отступила на шаг, обхватила себя за плечи.

— Иди, Макс. Иди, пока я не расплакалась.

Максимов сделал шаг назад, помахал Карине рукой.

— Хоп! — неожиданно выдохнул он.

Правая рука Карины сама собой взметнулась вверх, сжатый кулак замер на одной линии с глазами.

«Так-то лучше, девочка моя», — удовлетворенно подумал Максимов.

Странник (Неразгаданная судьба)

— Хоп! — неожиданно скомандовал Максимов.

Правая рука Карины сама собой взметнулась вверх, пистолет замер на

одной линии с глазами. Дважды плюнул огнем. Парный удар эхом прокатился по тоннелю тира.

Рука Карины опала. Пистолет повис в расслабленной кисти.

Максимов прищурился, всмотрелся в грудную мишень, болтающуюся на тросиках у дальней стены тира.

— Уже лучше, галчонок, — похвалил он. — «Восьмерка», на семь часов^[10]. Обе легли рядышком.

— Разве ты отсюда видишь? — спросила Карина.

Говорила громче, чем нужно, слегка оглохнув от выстрелов. Максимов запретил пользоваться «берушами».

— Я не вижу, я чувствую.

Максимов вскинул руку.

«Магнум» мощно грохнул, выплюнув пулю в цель.

Дырка в мишени стала отчетливым черным пятнышком.

— Класс! — выдохнула Карина, засветившись лицом. — А ты...

— Хоп! — оборвал ее Максимов.

Карина рефлекторно вскинула руку. Ее «вальтер» бил куда тише. После «магнума» выстрелы показались двумя сухими щелчками.

Карина уронила руку.

Дырка в мишени стала размером со спичечный коробок.

Максимов похлопал Карину по острому плечу, торчавшему из выреза

защитного цвета майки. Чуть надавил пальцем на тугой бицепс.

— Расслабься, галчонок, но не в кисель. Будь, как ива, гибкой и податливой.

Она кивнула, не отпуская глаз с мишени.

— Стой и жди команды.

Максимов поставил пистолет на предохранитель, сунул в кобуру. Отошел к стойке в углу тира.

Тир они обнаружили случайно, прогуливаясь по задворкам Пятнадцатого квартала. Когда-то этот район населяли парижские пролетарии и русские с офицерской выправкой. Поклонники Троцкого и осколки Белой гвардии дружно

вкалывали на заводах «Рено». Такой вот идеологический мезальянс приключился в двадцатом году.

Максимов уловил в воздухе характерный острый пороховой дымок и, идя на запах, привел Карину к вполне обычному погребку, в котором сам бог велел открыть винный кабачок. Но здесь, как оказалось, поклонялись не Бахусу, а Марсу. Тир так и назывался — «Марс», как сообщала всем выцветшая вывеска над входом.

Внутри длинный зал выглядел запущенным и безденежным, как российский ветеран. Кто набивал здесь руку, осталось неизвестным. За три дня Максимов с Кариной не

пересеклись ни с одним посетителем. Однако кто-то все-таки стрелял. Входя в гулкий погреб, Максимов всякий раз чувствовал, что пахнет свежей пороховой гарью.

Владелец тира, пожилой мулат с фигурой тренера по вольной борьбе, в любое время дня сидел за стойкой и с равнодушным видом читал газету. «Беруши» при пальбе он тоже не надевал. Грохот выстрелов его нисколько не раздражал, во всяком случае, на лице это не отражалось. Он лишь слегка щурил глаза, как кот, упорно отдыхающий рядом с ревущим компрессором.

Оружие, которое он давал напрокат, было в идеальном

состоянии, патронов уйма, только плати, и главное — никаких вопросов. Тир «Марс» явно жил по принципам вербовочного пункта наемников: «Вас ждет лучшее оружие, увлекательное приключение и главное — никаких вопросов».

К нелегальному чемпионату мира по стрельбе, где стреляешь не только ты, но мишень тоже имеет право тебя завалить, хозяин некоторое отношение имел.

За его спиной на стене красовался плакат шестидесятых годов: молодец в белом кепи призывал вступить в Иностранный легион. По периметру плаката висели фотографии в дешевых

рамках. Неизвестные личности специфического вида весело скалились в объектив. Группами и поодиночке. Все с оружием, все в полевой форме. Большая часть в форме без знаков различия. Менялись виды на заднем плане, не менялось только выражение лиц у мужчин. Вольные стрелки везде и всюду были довольны собой и жизнью.

Максимов подумал, что его друг Славка Бес на этих фотках вполне сошел бы за своего. Только одно отличие. Хваленый Боб Денар сдал свой остров без боя. Навалил полные шорты, стоило бросить в дело настоящих солдат. А Славка свой

Мертвый город, затерянный на
плоскогорье Таджикистана,
оборонял, как Сталинград.
Преданный и обреченный, а в драку
полез. Как видно, русские иначе
воевать не умеют. Дотянут до
последнего, а потом устраивают
Сталинград с последующим
штурмом Берлина.

— Вы закончили? — сонно
поинтересовался хозяин.

— Еще пять минут, Марсель.
Мадемуазель достреляет патроны —
и финита ля комедия.

Марсель подавил зевок и
свернул газету.

Он явно переигрывал, играя
равнодушие. За «комедией», которую

три дня подряд по три часа представляли случайные посетители, он следил во все глаза.

Для конспирации они представились дочкой русского бизнесмена и ее бодигардом. Марсель наметанным глазом старого кота сразу вычислил, что охранник уже получил доступ к охраняемому телу. Но Париж для того и существует, чтобы в нем мертвой петлей закручивались романы. Если парочка выбрала для развлечения его заведение, пусть так и будет. Мало ли кто как возбуждается. В конце концов, лучше нюхнуть пороху, чем лопать виагру.

Карина оказалась толковой

ученицей. Безусловно, сказались занятия какой-то восточной рукопашкой, дополнительно включенной в рацион ее пансиона. Выдержала Карина в элитной спецшколе недолго, стреканула в родные пенаты искать приключений, но хоть чему-то путному научиться успела. Во всяком случае тело было умным, по десять раз каждое движение объяснять не приходилось. А главное, она там в бетонных казематах Мертвого города, имела шанс убедиться в святом правиле — «стреляй точно и стреляй первым», поэтому училась на совесть.

Максимов отбросил всю заумь, которой потчуют на занятиях в

спортивных секциях, и стал учить нормальной боевой стрельбе. За три занятия, конечно, снайпера не подготовишь, но рефлексy он поставил. Остальное дело практики. Но в том, что на спуск Карина нажмет, не задумываясь, Максимов был уверен.

Марсель, конечно же, никогда подобного не видел. Индивидуально работают с учеником, не ломая привычную моторику, а лишь слегка ее корректируя, только в специфических организациях, и тренировочные лагеря находятся подальше от чужих глаз.

Мулат с глазами кота-крысолова был человеком тертым и правила

своего мира нарушать не собирался. С вопросами не лез и в друзья не набивался. Конечно же, кое-какая информашка от него утекла в комиссариат полиции, например, или к тем невидимым завсегда́таям, что оставляют после себя запах жженого пороха. Но это — по правилам. А липнуть с расспросами нельзя. Особенно к людям, которые так стреляют.

Но разговор тем не менее назревал. Сегодня Марсель закатал короткие рукава линялой майки, выставив наружу бугристые бицепсы.

Максимов скользнул взглядом по татуировке, которую ненавязчиво демонстрировал Марсель. На левом

плече перекатывалось синее ядро с семью языками огня, султаном рвущимися из горловины. [\[11\]](#)

«Ну-ну, — мысленно усмехнулся Максимов. — Видали мы наколки и покруче».

— Рюмку кальвадоса, парень? — поинтересовался Марсель.

С Максимовым он говорил на гарлемском английском, с Кариной бегло шпарил по-французски.

— С удовольствием.

«Как только не называют наш первач, — подумал при этом Максимов. — Самогон самогоном из гнилых яблок, а как окрестили — кальвадос!»

Марсель выставил на стойку два стаканчика. Достал бутылку. Белыми крепкими зубами вытащил пробку. Налил пахнувший падалицей спирт до краев стаканов.

Они посмотрели друг другу в глаза. Синхронно опрокинули жгучую жидкость в широко раскрытые рты.

— Хоп! — выдохнул Максимов, громко стукнув доньшком по стойке.

Салютом прогремели два выстрела.

Марсель через плечо Максимова бросил взгляд на Карину. Из-за расплющенных, потерявших форму ушей и масляных черных глаз он стал похож на тюленя, высунувшего морду

из проруби.

— Я понимаю, что тебя держит на этой работе, — с душой произнес он, обдав Максимова перегаром.

Максимов оглянулся.

Карина, отстрелявшись, дисциплинированно ждала, расслабленно свесив руки вдоль тела.

Свободные армейские штаны, туго перехваченные на тоненькой талии ремнем, камуфляжная майка-безрукавка, куцая настолько, что полностью открывала плоский живот; два острых бугорка смело оттопыривали зеленое сукно. Маленький новобранец всемирного чемпионата по стрельбе по живым мишеням. Идеальная пара для

любого «пса войны».

— Кариш, последние три
достреляй, как хочешь. И иди к нам.

Карина повернула голову.
Сверкнула улыбкой.

— Ага! Джентльмены уже пьют
и закусывают, а русские мужики —
квасят и рукавом занюхивают.

— Что она сказала? — спросил
Марсель.

— Русские никогда не
закусывают, — перевел Максимов.

— Получается, я — русский? —
рассмеялся мулат, указав пальцем на
пустую рюмку.

— Приезжай к нам, за год
сделаем.

Карина встала спиной к

мишеням. Развернулась пируэтом, упала на колено и с ходу выдала два выстрела. Чуть помедлив, добила третьим. Все три раза мишень заметно дрогнула.

«Цирк-шапито, но куда-то да попала». — Максимов отвернулся.

— Мы закончили, Марсель.

— Завтра придете? — Это был первый вопрос, нарушивший негласные правила.

Максимов отрицательно покачал головой.

Мулат медленно налил в рюмки новую порцию.

Под потолком завизжали тросики, Карина подгоняла к себе планку с мишенями.

Марсель чуть прищурил черные глаза. На белках уже выступили красные прожилки.

— Если потребуюсь, я всегда здесь.

Максимов провел взглядом по фотографиям на стене. Совершенно чужая жизнь. Такую же свою он уже прожил. Возвращаться не хотелось.

Но Максимов все же кивнул, так, на всякий случай. Марсель едва заметно кивнул в ответ.

Глядя в глаза друг другу, подняли стаканы.

«Дай бог, чтобы наши дорожки никогда не пересеклись», — мысленно произнес тост Максимов. За что и за кого пил Марсель,

неизвестно.

Карина незаметно подкралась сзади, легко запрыгнула на высокий табурет.

— Вот! — Она с гордостью выложила на стойку расстрелянную мишень. — Дырки считать будем?

— Зачем? Не на разряд сдаешь, — пожал плечами Максимов. — Что скажешь, Марсель? — по-английски обратился он к мулату.

Марсель поковырял пальцем с розовым ногтем большую дырку с рваными краями. Поднял на Максимова враз сделавшиеся серьезными глаза.

— На два пальца выше

бронезилета, — авторитетно произнес он. — Это — труп. Ты хороший инструктор, учишь только тому, что надо.

Он достал из-под стойки банку кока-колы.

— За счет заведения, мадемуазель.

— Мерси! — Карина ловко скovyрнула колечко. — А даме спирту не накапают? — с невинным видом поинтересовалась она у Максимова по-русски.

— Карина, мы не дома! — прошептал он.

— Что и угнетает. — Сделала глоток, по-кошачьи облизнулась. — Марсель, вы хотите немного

заработать? Сегодня вечером вы свободны?

Она говорила по-английски, тщательно подбирая слова.

Мужчины переглянулись.

— Мы решили ограбить Лувр. Нужен третий. Согласны?

— Карина! — строгим голосом предупредил Максимов.

Темные щеки мулата сделались пепельными. Он покатал языком жвачку, которую не вынимал изо рта.

— Надеюсь, мадемуазель шутит, — протянул он.

— Шучу! — Карина хлопнула его по руке. — Не напрягайся.

Улыбнулась так, что Марсель не выдержал и обнажил в улыбке все

свои великолепные зубы.

— Хочешь подарок, Марсель?

Карина наклонилась, подняла с пола рюкзак. Порылась в кармашке, достала тюбик помады.

Смазала темным карандашиком по губам. Ключнула лицом в мишень. Оторвалась, оставив в «яблочке» отпечаток раскрытых губ.

— Как? — спросила она, повернувшись к Максиму.

— Пикассо отдыхает! — вздохнул Максимов.

Карина скорописью помадой написала «From Russia with love». Ниже — жирную букву «К».

Протянула мишень Марселю.

Тот взял в руки пробитый

пулями картон. Посмотрел, как знатоки разглядывают гравюры, катая языком жвачку.

— Благодарю, мадемуазель. Не в моих правилах принимать подарки от молодых девушек. Но это — особенный случай.

Он степенно повернулся, вытащил комок жвачки изо рта. Прилепил мишень поверх плаката с легионером. Отступил назад, любуясь работой.

Коллаж получился, что называется, на любителя. Рожи наемников обрамляли мишень с оттиском губ и сакраментальным шпионским слоганом; «Из России — с любовью»^[12]. Через самую

большую дырку в мишени таращил
глаз образцово-показательный
легионер.

Марсель повернулся. Послал
Максимову полный сочувствия
взгляд.

«Держись, мужик! — без
всякого перевода прочел в его глазах
Максимов. — А станет невмоготу, я
каждый день здесь».

* * *

Максимов спустился с
парадного крыльца. Забросил сумку
на плечо. Понюхал ладонь.

Прощаясь, высказал вдове

Матоянца дежурную фразу соболезнования, пришлось пожать протянутые тонкие пальцы. И теперь его ладонь пахла тонким восточным ароматом. Названия духов он не знал.

«Нам обязательно надо встретиться и поговорить, Максим», — всплыл в памяти грудной голос Карининой матери.

Что тут ответить? Конечно же: «В любое удобное для вас время».

«А оно у нас есть — время? — спросил себя Максимов. — Нет. Ни у кого в этом доме времени раздумывать и раскачиваться нет».

Он знал, любая система, любая ситуация строится по собственной логике и живет по внутреннему

времени.

Сколько не объявляй «ускорений», результат придет только в свой срок или не придет вовсе. Иначе говоря, девять баб не родят ребенка за один месяц. Раиса Максимовна могла бы и просветить на сей счет Горбачева, и всем бы сейчас жилось легче.

И с «перестройкой» Миша маху дал. Нельзя ломать внутреннюю логику системы, а любая система — это баланс положительного и отрицательного. Объяви борьбу с недостатками, лишишься всех плюсов, и в результате такой «реформы» окажешься банкротом.

Мудрый не ломает и не ускоряет,

а отслеживает тенденции и контролирует ход времени. Он не «разруливает» ситуацию, не подминает ее под себя и не пытается ее оседлать. Он блюдет Баланс. И поэтому заранее готов ликвидировать негативные последствия и без потерь собирает урожай.

Максимов умел настроиться на любой процесс, чутко уловив его внутренний ритм и интуитивно угадав его архитектонику. Умел пассивно следовать за ходом событий и терпеливо ждать, подгадывая момент, единственно возможный для действия.

Сейчас он отчетливо ощущал рванный, тревожный, лихорадочный

бег времени. Словно табун несясь
сквозь ночь. Или волчья стая летела
через пустошь, втягивая в хищно
подвернутые ноздри будоражащий
запах жертвы.

На последней ступеньке
Максимов остановился. Картинка,
увиденная на экране телевизора,
отчетливо всплыла перед глазами.

«Они его убивали. Не жрать они
пришли, а убить. Налетели,
перегрызли горло, вспороли
живот — и исчезли. Вот и все кино,
Василий Васильевич. Сколько ни
смотри, другого не увидишь».

Максимов поднял голову.

В низком небе прямо над
крышей распластался черный паук.

Мелкие звезды тускло поблескивали сквозь прорехи в тучах, широкими дугами уходящих к горизонту. Гигантская свастика грозно застыла, готовая в любую секунду рухнуть, расплющив под своей неземной тяжестью все, что Матоянц оставил после себя на земле: дом, церковь, семью, дело.

Глава пятая. Барышня эпохи миллениума

Странник

На площадке перед усадьбой десятка два автомобилей поджидали своих седоков. Возницы в скромных костюмах маялись от безделья, кому разрешалось, курил в салоне, кому нет — сбились в кучку, большинство по шоферской привычке дремали за рулем, как извозчики, покорно и чутко.

Не успел Максимов сделать двух шагов по дорожке, дугой ведущей к воротам, как вспыхнули узкие фары и

раздался низкий рев мощного мотора. Из шеренги выкатилась плоскодонная гоночная машинка и, грациозно вильнув, пристроилась рядом с Максимовым.

Черное стекло, жужжа электроприводом, поползло вниз, и в окошко высунулась женская головка.

— Вас подбросить? — улыбаясь, спросила Лиза.

Максимов остановился.

Из салона пахло уютным девичьим гнездышком: тонкими духами, дорогой кожей, шоколадными конфетами, фруктовой жвачкой и маленькими секретиками. Только гнездышко это могло нестись сквозь ночь, как торпеда. Хищно и

неукротимо.

«Странный выбор для юной дамы. Обычно они предпочитают что-нибудь игрушечное. Типа „равы“ или „шкоды фелиция“, — подумал Максимов. — „Телячьи тачки“, как называет эти авто знакомый, потому что в них телки ездят. Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят. Если удалось заглянуть в кошелек дарителя».

— Ну что вы так напряглись? Все равно машину бы ловили. Считайте, что тормознули меня.

— А куда делся сопровождающий?

Оказалось, Лиза, даже сидя, умудрялась смотреть сверху вниз.

Выдала такой взгляд, что у Максимова сложилось впечатление, будто он стал меньше ростом и резко помолодел, до сопливого детсадовского возраста.

— Глупый вопрос. Если дама одна, значит, на то есть причины. Так вы едите или нет?

Несмотря на тон, дверцу она со стопора сняла.

Максимов остро почувствовал, что водоворот ситуации медленно и неотвратимо затягивает в себя. Сначала Василий Васильевич подкатывал, потом вдова потребовала встречи, теперь — милая барышня.

«Или выгребай в сторону, или ныряй в жерло водоворота. Делай что

хочешь. Но только — делай!»

Максимов распахнул дверцу, перебросил на заднее сиденье сумку. Сел в кресло.

Сидеть оказалось чрезвычайно неудобно. Слишком низко, да еще ноги вытянулись во всю длину. Сразу же представил, что зад находится в каких-то десяти сантиметрах от асфальта, отделенный лишь тонким слоем металла, и по спине прополз холодок.

— Как называется машина? — поинтересовался он.

— «Эклипс». Японский вариант «порша», — с достоинством ответила Лиза. — Нравится?

— Слишком низкий клиренс.

— Это еще что?

— Расстояние от дороги до пола. Очень важная характеристика, особенно на наших дорогах. Когда налетишь на торчащую железяку, сразу оценишь.

Лиза хмыкнула, вдавила педаль, мотор взревел, и машина приемисто рванула с места.

Охранник успел предупредительно распахнуть ворота, и машина вырвалась на дорогу, не сбавляя скорости.

До шоссе предстояло ехать километров десять по тряской бетонке, но Лизу будущее подвески автомобиля явно не волновало. Она еще больше вдавила педаль газа.

Максимов накинул ремень безопасности.

— Страшно? — В полумраке салона сверкнула ее улыбка.

— Если сразу в лепешку, то — нет.

Она рассмеялась. Сбросила скорость до минимума.

— И я того же мнения. Но лучше, конечно, на байке. У меня «Кавасаки-Ниндзя». Классный агрегат. Вот на нем как раз и можно: раз — и в дамки.

Карина тоже гоняла будь здоров, выжимая из своей «хонды» все, что возможно. Скорее всего, в байкеровских кругах они с Лизой и познакомились.

«Ладно, девочка, давай, зондируй дальше. Я помогать не буду», — подумал Максимов пристраивая затылок на подголовнике.

Машина клюнула передком, потом резко взбрыкнула. Фары, сорвавшись с дороги, полоснули по темноте.

Лиза вцепилась в руль.

— Дороги, на фиг, родные! — проворчала она. — Что за народ? Только и разговоров, что русские любят быструю езду. Что же тогда нормальных дорог нет?!

Максимов покосился на девушку.

— Давно за границей живешь?

Лиза удивленно посмотрела на

его.

— Полгода. А что, заметно?

— Пока — да. Это культурный шок, Лиза. Через год пройдет.

— А вы, Максим, как я посмотрю, патриот?

— Нет, зачем уж так сразу... Просто я знаю, что ленивый народ в Сибири городов не строит, армия трусов не входит в чужие столицы.

— Хо, когда это было! Мой дед до Берлина дошел, вот он и был патриотом до мозга костей. Повод был. А сейчас за что эту страну любить? — Она наморщила нос. — Все равно что любить мать-алкоголичку. Мучительно и стыдно. Сейчас эту страну любят только

дураки и чиновники.

Максимов промолчал.

«Сменилось поколение. Тебя готовили умирать за родину. Эти будут грызть плотки друг другу, чтобы выжить любой ценой. Тебе вдолбили, что Россия — аж одна пятая часть суши. А они с первого класса знают, что она — всего-то одна пятая мира. И есть еще четыре пятых неосвоенного пространства и всего одна жизнь, чтобы урвать от него хоть толику себе. Другое поколение, что тут поделаться!»

— А вы, Максим, что здесь делаете?

— Просто живу.

Лиза скорчила презрительную

гримаску.

— В Европе люди в тюрьмах живут лучше, чем в этой стране.

— Знаю. Но меняться местами не хочу, — ответил Максимов.

«Даже не пытайся объяснить, что счастье — не географическая категория, а духовная. Стань человеком-государством, подними свой собственный флаг и прими личную конституцию, заключи договор о ненападении с соседями — и будь счастлив. А придет нужда, умри за свое внутреннее государство, как за единственно возможную родину».

Дорога пошла на взгорок. Лиза ловко переключила передачу.

— А вам палец в рот не клади, Максим.

— И не надо. Это не гигиенично.

— Зато — эротично.

Максимов в ответ на наглость, не спрашивая разрешения, достал сигарету и зажигалку.

— Плохое настроение? — другим тоном спросила Лиза.

Максимов прикурил, кивнул:

— По пятибалльной шкале — минус восемь.

Лиза протяжно выдохнула.

— Я собираюсь в ночной клуб. Надо стряхнуть с себя эту похоронную хмарь.

— Желаю хорошо повеселиться.

Повисла пауза.

Лиза нажала кнопку, темное стекло сбоку от Максимова поползло вниз. В узкую щель ворвался сырой ветер.

Максимов зажмурился, с удовольствием подставил лицо под холодную упругую струю ветра.

— Тачка, кстати, не от богатого папика, как вы могли подумать, а от бедной мамочки. Наследство, — упавшим голосом добавила она.

«Молодец, уже горячее. На жалость надавила и ближе к теме подвела», — отметил Максимов.

Он скользнул взглядом по четко очерченному профилю и тонким кистям рук на руле, вдохнул запах ее

духов. Опять закрыл глаза.

«Не больше двадцати. Яркая внешность и хорошее домашнее воспитание — вот и все достоинства. Немного пошлости, но это наносное, в компаниях подцепила. Чтобы хорошо устроиться в жизни, вполне достаточно. Спонсора, как они сейчас выражаются, найдет без проблем. Захочет, сделает мужем. Не понравится, поменяет на другого. Вроде бы сильный тип, но какая-то трещинка есть. То ли карма родовая, то ли личная травма».

Он настроился на сидевшую рядом девушку и через секунду увидел...

...Яркий свет. Квадраты белого

кафеля на стенах. Полированная
сталь стола с желобом.
Неопрятный, оплывший труп
немолодой женщины. Мочалка
крашеных волос над багровым лицом,
залепленным липкими струньями.
Развалившиеся в стороны огромные
груды с пожухлыми сосками.

Человек в блекло-синем
комбинезоне и в марлевой маске,
закрывающей нижнюю половину
лица, уверенным движением ведет
скальпелем от паха к горлу
женщины.

— Вчера тебя не было. Много
потеряла, бормочет он, и на маске
выступает влажный кружок. —
Балеринку привезли. Мать, я душой

отогрелся. Ты бы видела то тело! Манекен, кукла Барби... А внутри какая чистенькая! Все срезы идеальные, хоть в музей неси. Попка у нее, как две дыньки. Плотные, аппетитные. За ту попку бы при жизни подержаться!

— Что с ней было? — спрашивает Лиза.

— Ай, любовь, наверное. Вены себе вскрыла. Красиво ушла, как патриций. Привезли, обмыли — она как куколка стала. Красивый человек, запомни, мать, и в жизни красив, и после. Не то что это свиноподобие. Отойди! — предупреждает он и разводит в стороны разрез.

Отскакивает от стола.

Утыкает нос в локтевой сгиб.

*В узкую щель лезет желтая
слизь, потом с пукающим звуком
труп разламывается пополам. На
стол вываливается плотная желто-
серая масса в розовых прожилках.*

*— О, нажрала жиров-то! —
глухо ворчит мужчина.*

*— Что с ней? — спрашивает
Лиза.*

*— Думаю, панкреатит. —
Мужчина рукой выгребает желтые
пласты. — Видишь, почти сгнила
изнутри. Не плесни ей муж в морду
кипятком, года бы не протянула.
Поторопился мужик. Нервы,
наверное, не выдержали.*

— Дети остались?

Мужчина поворочил
слежавшиеся сизые трубы в
распахнутом животе трупа.

— Само собой. Одного, вон,
кесарнули. — Он поднял лицо, один
глаз, рыбий от толстых стекол
очков, закрылся веком. — А ты бы
видела матку у балеринки. Не матка,
а грушка дюшес!

Кисти рук затянуты в перчатки
и от этого кажутся омертвелыми.
Этими мертвыми пальцами он
начинает копошиться в склизких
внутренностях.

— Игорь Михайлович, если
балерину еще не отдали, можно я ей
макияж сделаю?

Мужчина смотрит на Лизу

долгим взглядом. Пожимает плечами.

— Почему бы и нет? Денюжку заработаешь. В твоём возрасте денюжки очень нужны.

Лиза заторможенным движением подносит к губам сигарету. Глубоко вгоняет в лёгкие дым, выдыхает, выбивая из ноздрей липкую пробку сального запаха смерти...

Максимов глубоко затаился, выпустил дым в окно.

— Лиза, ты учишься или работаешь? — спросил он.

Лиза отрицательно покачала головой. Выбившаяся прядка упала ей на щеку, она резко смахнула ее и

вновь вцепилась в руль.

— Ни то ни это. Окончила медучилище, хотела поступать в институт, но... Мама умерла. Оставила кучу денег, дом в Майнце и фирму.

— В Германии? — уточнил Максимов.

— Да, она в Бундос на ПМЖ уехала в девяносто первом. Круто поднялась, только жить начала по-человечески. Глупо все вышло. Как авария по дороге к морю. В самый неподходящий момент.

Максимову даже не пришлось специально настраиваться, чтобы увидеть...

...Ванная комната. Розовая,

игрушечная, как у Барби.

Миниатюрная женщина, заломив под себя руку, лежит навзничь на кафельном полу. Короткий розовый халатик, задравшись, обнажает красивые бедра. Под женщиной натекла прозрачная желтая лужица, намокшие полы халата заметно потемнели, стали красными.

Кулачок женщины, закинутый к голове, плотно сжат. Он кроваво-красного цвета, и вокруг него на кафеле стынут темно-красные разводы. Пол усыпан острыми зеркальными осколками. И еще по полу рассыпаны мелкие горошины таблеток. Часть растоптали в

пыль, оставив на кафеле белые
кляксы.

Сидящий рядом на корточках
мужчина не обращает никакого
внимания на наготу женщины. У
него невыспавшийся вид и усталые
глаза. Равнодушными, белыми от
тонкой резины пальцами он
прощупывает шею женщины.

— Где вы провели сегодняшнюю
ночь, фройляйн Данич? — откуда-то
издалека доносится мужской голос.
Спрашивает другой, стоящий сбоку,
но сил повернуться нет. — Вы
понимаете меня? Может, вам
требуется переводчик?

— Да, я говорю по-немецки, —
невпопад заторможенно отвечает

Лиза. — Но лучше пусть кто-нибудь переводит.

Голова женщины мертво покачивается в ладони мужчины. Русые локоны ползут со лба, открыв вытаращенный неживой глаз.

— Где вы провели сегодняшнюю ночь? — повторяют вопрос по-русски.

Голос прилетает из какой-то совсем уж мутной дали.

— Я была на дискотеке «Бульдог».

— Это семьдесят километров от Майнца. Вы ездили на своей машине?

— Нет, брала у мамы.

— Ваша мать принимала

транквилизаторы или седативные лекарства?

Голос кажется безликим и нудным, как жужжание осенней мухи. Лиза хочет отогнать ее, но тело будто облито липкой патокой, руки не слушаются.

— Я не знаю. Я только сегодня, вернее, вчера прилетела. Когда вместе жили в Москве, да, пила снотворное.

— Какие лекарства она еще принимала, вы знаете? Фройляйн, вы меня слышите? — продолжает донимать мужской голос.

Мужчина осторожно опускает голову женщины. Она скатывается набок, и теперь на Лизу смотрят

оба мертвых глаза. Лицо женщины перекошено судорогой, разлепленные губы обнажают ряд идеальных белых зубов.

Мужчина тоже смотрит снизу вверх, в усталых глазах тускло бликует свет галогенных лампочек.

— Ей прописали гормональные. Какие именно, не знаю.

— Где ваша мать хранила лекарства?

Лиза удивлена вопросом.

— Лекарства следует хранить в холодильнике, — заученно отвечает она.

Мужчина, сидевший на корточках, тяжело уперевшись в колени, со стоном выпрямляется.

Задаёт вопрос по-немецки.

— У вашей матери были проблемы со зрением? — переводит нудный голос.

— У нее дальновзоркость. Плюс пять.

Мужчина выслушивает перевод. С треском сдирает с рук перчатки.

Полные губы его шевелятся. Лиза слышит, как сквозь вату, резкие звуки чужой речи.

— Вам лучше пройти в другую комнату, фройляйн, — где-то близко звучит голос переводчика.

Лиза поворачивает голову. А комната, стены, яркие квадраты окон продолжают вращаться, все быстрее и быстрее...

— Глупая смерть. Сослепу перепутать «Седнокарп» с седативным, такое только моя мамочка могла учудить!

— Извини, я не медик. Что бывает в таком случае?

Лиза покрутила пальцем у виска.

— Крышу сорвет. А на фоне климакса может быть все что угодно. Где тонко, там и порвется.

— Инсульт? — попробовал угадать Максимов.

Лиза закусил губу. Кивнула.

— Может, сменим тему? — предложил Максимов.

Лиза опять кивнула.

— Да, хватит похоронной мути!

Надо определяться и жить дальше.

— Либо своей тропинкой по лесу, либо по левой полосе с мигалкой? — подсказал Максимов.

Лиза, вздрогнув, повернула к нему лицо.

— Карина растрепала? — Улыбка далась ей нелегко.

— Ну, подушками с ней драться не надо. Формулировка авторская, а проблема общая.

— Я эту проблему решила. А вы?

— Не понял?

Лиза загадочно улыбнулась.

— Неужели вы такой наивный?

— Получается, да.

— О-хо-хох, — вздохнула

Лиза. — Как вы думаете, о чем все гадали на похоронах? — После паузы она сама ответила: — Как скоро вдова заведет себе официального любовника и как Карина распорядится своей долей наследства.

— Это дело Карины. — Максимов сознательно не стал лезть в интимную жизнь вдовы.

— Не-а. — Локоны на голове Лизы качнулись, две прядки лизнули щеки. — Завещания я не читала, но и так ясно, что Карина — единственный наследник, достигший совершеннолетия. Брату нет шестнадцати. Остаются только Карина и ее мама. Контрольный

пакет акций у них. Сейчас либо совет акционеров выкупит пакет, либо дамы срочно найдут мужика и посадят во главе совета. Есть промежуточный вариант — мужика им находят.

«Есть еще один промежуточный вариант — им находят мужика со снайперской винтовкой», — мысленно добавил Максимов.

— Круто, согласитесь. Просто Сидни Шелдон, — не остановилась на достигнутом Лиза. — Так что определяйтесь. Да, вы в курсе, что у Карины имеется официальный жених? Мальчик нашего круга, с хорошим образованием, набирается опыта в аудите Газпрома.

Перспективный мальчик. Но лично я ставлю на вас. Знаете, почему?

Она покосилась на Максимова, но ответа не дождалась.

— Вы — хищник. И даже не пытаетесь это скрыть.

— И все? — с иронией спросил Максимов.

— Разве мало?

Лиза, газанув на повороте, круто выбросила машину с грунтовки на шоссе — сразу в левый ряд. Ударила по рычагу коробки передач, до отказа вдавила педаль газа.

Ускорение вдавило Максимова в кресло. Ветер пронзительно завыл в оконной щели, острой бритвой полоснул по щеке к виску.

Мимо мелькнул кузов трейлера. Салон залил яркий свет фар. Водитель оглушительно рывкнул вслед клаксоном. Лиза вскинула над плечом оттопыренный указательный палец.

Потом им же нажала кнопку на панели.

Справа от руля вспыхнуло колечко лунного цвета, запульсировало в такт ударившей из динамиков музыки. Тягучий, надсадный рок залепил уши. Брутальный «Раммштайн»^[13] начал свой железный марш.

— Вот так, как Рикки и Мелори^[14], — звонкий голос Лизы перекричал вой ветра и рев гитар.

«Не хе-хе себе! — усмехнулся Максимов. — Подросли девочки».

Карину он научил пружинной готовности к выстрелу. Сможет ли Лиза, эта барышня с капризным профилем, как на пушкинских почеркушках, убить, если потребуется? Не раздумывая ни секунды и не изводя себя потом годами?

«Да», — услышал он в вое ветра.

«Да», — согласился Максимов.

Лиза, знала она это или нет, относилась к проклятому племени прирожденных убийц.

Дикарь

В салоне машины громыхал «Раммштайн».

Дикарь в голос захохотал от приятной щекотки низких ритмов, казалось пробравшихся в живот.

Музыка марширующих орков^[15].
Легионы разбуженных бесов
выступили в Великий поход. Бараны,
встав на задние ноги, закатив глаза к
звездам, побатальонно печатают шаг.
Лысые головы сияют, как каски,
скрипят складки на тупых загривках,
на вздувшихся бицепсах корчится
руническая вязь. Правая ладонь в
непроизвольной эрекции взлетает
вверх. Девки скулят, как суки по
весне. Такие не пощадят, порвут до
ушей. И черт с ней! Слава их

веселому, бешеному богу!

— Дранг нах нахер! Дранг нах нахер! — перекрикивает ревущий зал Дикарь.

Патриоты с лицами пэтэушников долбят бутсами скрюченное тело торговца арбузами.

«Дранг нах! Дранг нах! Дранг нах!»

Хлипкие студенты в такт барабану надувают щеки и выпячивают скошенные подбородки. Им тоже хочется крови. И пиво. Сначала — пиво, кровь — потом.

«Дранг нах, дранг нах!»

Подонки в дорогих костюмах делают строгие глаза, а холеные пальцы невольно отбивают дробь на

сафьяновой коже портфелей. От ухающих ритмов в паху нарастает нервный зуд. Им тоже хочется. Мирового господства — всех баб и всего золота мира.

«Трах-тах-тах-трак-такт, трах-нахт-такт!»

— Бей не наших, бей не наших! — в вольном переводе кричит Дикарь.

Он гонит по разбитой грунтовке. Джип смело штурмует глубокие рытвины, утробно ревет, разгребая протекторами грязь, разбрызгивает тупой мордой грязную воду. Фары мутным светом протыкают ночь.

Грунтовка обрывается, дальше — перепаханное бездорожье.

Два снопа света прошивают редкий кустарник.

Дикарь бьет по тормозам.

Тиранозавр терракотового цвета, тяжело переваливаясь на рессорах, пробуксовывает вперед. Трещат проломленные бампером кусты. В свете фар, как голые кости, белеют измочаленные ветки с содранной на изломах кожей.

Грохочет прощальный аккорд брутального марша «Раммштайна».

И сразу же к забрызганным грязью стеклам прилипает ночная тишина.

Дикарь расслабленно откидывает голову на подголовник. Закрывает глаза.

Сумасшедший тамтам в груди ухает все реже и реже, глуше, глуше, глуше, пока не замолкает совсем.

Тишина и покой. Глухая темень вокруг и в груди.

Острый кадык Дикаря судорожно дергается, из горла вырывается сухой кашель.

Он сипло, прерывисто дышит. Через несколько секунд сип переходит в короткое подвывание.

Дикарь поднимает голову и смотрит на себя в зеркальце.

Из узкой зеркальной полоски на него смотрят прозрачно-чистые глаза с точечными зрачками. Дикарь улыбается своему отражению. Он не видит, но знает, улыбка сейчас —

волчья.

Он рывком распахивает дверцу.
Прыгает в темноту.

Ноги путаются в мокрой траве.
Но он упрямо идет вперед в ночное поле.

Тьма залепляет глаза и уши,
через ноздри входит в тело, и его
движения становятся грациозными и
экономными, как у зверя, вышедшего
на охоту. Он скользит сквозь побитое
дождем разнотравье, легко и
проворно, ничем не выдавая свое
присутствие на этом затихшем
ночном поле.

Дикарь останавливается,
срывает с султана дрока горсть
пожухлых семян, подносит к носу.

Ноздрями впитывает горький пряный аромат, ловит в нем остро-кислую нотку.

Стая залегла где-то поблизости. Вожак оставил ему знак.

Дикарь оглядывается через плечо. Там, где под тучами еще тускло светится стеклышко заката, остался дом Матоянца.

Дикарь хищно скалит зубы. Из горла вырывается брехание сытого пса.

Он разбрасывает руки крестом. Стоит, запрокинув голову. В низком небе от горизонта до горизонта распластала черные дуги гигантская свастика.

Дикарь начинает медленно

кружиться, с каждым оборотом увеличивая темп. Полы плаща распахиваются, сухо хлещут по высокой траве.

Водоворот туч над головой оживает, все быстрее и быстрее проворачиваются темные крылья свастики, пока не сливаются в сплошное черное месиво.

Дикарь чувствует поднимающуюся к горлу горячую волну. Она рвется наружу, а он держит ее, сжав горло. Уже становится невмоготу, красная муть застит глаза, легкие требуют воздуха, а горло — крика. И Дикарь, замерев, вытягивается вверх, и выпускает наружу протяжный вой.

Клич зверя взлетает ввысь, к низким тучам. Заставляет замереть в ужасе поле и будит лес, черной полосой окруживший пустошь.

Дикарь не знает, он чувствует, что его призыв услышан. Лес очнулся от сна, недовольно загудел.

Дикарь кружится на месте, штопором вкручивая волчий вой в сырую мглу. Он не слышит себя, не замечает ничего вокруг, он сам стал этим воем. Тягучим, холодящим кровь зовом к охоте.

И стая услышала его. Лес донес ответный клич. Десяток волчьих глоток, пересохших от возбуждения, завывали:

— Охота-а-ау!

Дикарь падает на колени, впечатав ладонь в землю. Склонив голову, с кряхтением дышит. Подтянутое брюхо упруго выталкивает через оскаленные зубы горячий воздух...

Он вскинул голову и встретился взглядом с желтыми глазами вожака.

Дикарь исторгнул низкий, крякающий смех, будто выдавил горлом комок. Он знал, ничто так не пугает зверя, как смех человека. Никто, кроме человека, в Лесу не умеет смеяться. Особенно так, чтобы брюхо свербило от низких частот.

Вожак прижал уши. В стае, державшейся полукругом в сторонке, кто-то коротко проскулил, будто

получил пинок в ребра.

— Еще одна охота, Вожак! —
Дикарь, как и все в Лесу, умел
говорить глазами.

В зрачках Вожака вспыхнули
янтарные звезды.

Дикарь притянул Вожака за уши
к себе, задохнулся от родного запаха
мокрой шерсти. Приблизил глаза к
глазам. И стал смотреть в их
янтарную глубину, отчетливо и ясно
представляя себе дом посреди леса,
уютно освещенную комнату с низким
потолком, людей, сидящих вокруг
стола, запах еды...

Он оттолкнул от себя морду
Вожака.

— Иди! Счастливой охоты,

Вожак!

Дикарь встал. Вожак боком отпрыгнул в темноту.

Серые тени прошуршали в траве.

Спустя минуту от опушки раздался протяжный, тянущий душу вой.

Дикарь (Ретроспектива — 1)

Низкорослый густой кустарник подбирался вплотную к железнодорожному полотну. Волной нависал над канавой, наполовину засыпанной серым щебнем.

Дикарь, надежно укрытый со

всех сторон колючими влажными ветвями, щурился на две полосы, отполированные до зеркального блеска. Рельсы испускали едва слышный гул. В тихом поскрипывании камешков между шпалами отчетливо проступал нарастающий ритм. Поезд был близко.

Дикарь помял отекавшие икры. От его движения ожили чахлые листья на кусте. Но Дикарь не боялся, что выдал себя. За три часа сидения в засаде он не почуял чужого присутствия: ни крупного зверя, ни человека.

Здесь, у опушки, заканчивался крутой подъем в гору, и поезд

замедлял ход до черепашьяго шага. Времени было достаточно, чтобы облюбовать вагон и, не торопясь, запрыгнуть на подножку.

Дикарь пропустил два состава. Первый был лесовоз, одни открытые платформы, туго забитые толстыми бревнами. Второй отпугнул видом военной техники на платформах и запахами кирзы, оружейной смазки и дезинфекции, сочившимися из наглухо закрытых вагонов.

Хруст гравия между рельсами сделался отчетливым и громким, словно кто-то невидимый бежал, ударяя легкими ступнями между шпалами.

Дикарь подобрался. Нашупал

гладкое древко копья, подтянул к себе. От прикосновения к оружию лихорадочные удары сердца, бухающие в такт нарастающему гулу стального полотна, стали затухать. В тело вошла умиротворяющая волна расслабления. Дикарь заурчал от удовольствия.

Локомотив выкатил из-за поворота, чихая и отплевываясь сажным дымом.

Проплыла кабина, мелькнул размытый контур фигуры машиниста, медленно потащились вагоны. Дикарь не удостоил вниманием стальные гофрированные стены холодильных, глухо задраенные товарные, две

платформы с легковушками в два яруса. Он уже знал, что пустые вагоны ставят ближе к концу состава, следом за кисло пахнущими цистернами.

Дикарь стал всматриваться в замыкающие вагоны — они уже показались из-за поворота — , пытаясь угадать нужный. Смутная тревога мешала сосредоточиться. Чутье подсказывало, что и этот состав следует пропустить.

И тут между лопаток будто скользнуло холодное тельце ящерицы. Пальцы сами собой впились в древко копья. Дикарь затравленно оглянулся.

Опасность еще не стала видимой, но без сомнений она была

за спиной, заранее дала о себе знать сгустившимся воздухом. Она шла, грузно переваливаясь на множестве ног, тяжелых от долгой ходьбы по лесу.

Дикарь втянул воздух через хищно раскрывшиеся ноздри. Опасность пахла мокрыми кирзовыми сапогами, ружейной смазкой и дезинфекцией, пропитавшей грубую ткань. Как военный эшелон, что прошел мимо два часа назад.

«Солдаты», — залетело в голову давно забытое слово.

Сразу же стало неуютно. Будто студеный ветер толкал в спину, гнал к логову, в тепло и безопасность.

Мимо катился товарный вагон. Двери были приоткрыты. Черный прямоугольник манил к себе, как зев норы. И пугал, как холодный оскал капкана, блеснувший в траве. Чутье подсказывало, что нельзя нырять в дурно пахнущую темноту вагона. Но и оставаться у просеки железной дороги с загонщиками за спиной — верная смерть.

Дикарь сжался в комок и отчаянно закрутил головой. Липкая лапа паники, стиснув горло, выдавила капли пота на виски.

«Это конец!» — обреченно подумал Дикарь.

Он знал, что запах страха теперь ничем не перебить. Им, невидимым,

но едким, обрызгало все вокруг. Ветки кустов, дряблые тряпки листвы, пожухлая трава, острые камешки откоса, — все, даже воздух, теперь расскажут любому, где прятался и куда побежал Дикарь. Его запаховый след потянет за собой любого, кто способен вонзить когти и клыки в чужую плоть. И преследовать его будут до самого конца. До горячих красных бусинок крови на траве. Потому что нет ничего слаще и желаннее, чем запах насмерть перепуганной жертвы.

А страх уже сделался животным. Словно в брюхо набились сотня голодных полевых мышей. Дикарь, давя в себе боль, оскалил зубы и

несколько раз сипло втянул воздух.

«Беги!» — гулко крикнул Лес.

Тело само пружиной выстрелило вверх, ноги, хрустко треща спутавшимися ветками, понеслись к полотну. Рука поймала бурую от ржавчины скобу. И едва пальцы сомкнулись на влажной холодной дужке, мышцы руки мощно сжались, вытянув тело в прыжок. Дикаря подбросило в воздух. Сердце заколыхнуло от пьянящего чувства свободы и невесомости.

Дикарь влетел в черный проем, ничем не задев его обитые ржавым металлом грани. Пружинно упал на колено, гася инерцию полета.

Опасность, близкая и

неотвратимая, прыгнула из темноты на грудь. Зловонно дыхнула в лицо. Дикарь с обмершим сердцем понял, что угодил в чужое логово...

...Пол тошнотворно качался под ногами, будто стоишь на ветке в гуще кроны, дрожащей от ударов ветра.

Четыре пары глаз уставились на Дикаря. Чужая стая уже справилась с испугом и теперь смотрела на него с брезгливостью и злорадством.

От них разило кислым потом, гнилой пищей, засохшим дерьмом и еще чем-то гнусным, тягучим и отвратным, как струя барсука. Это не был запах вольного зверя. Так пахнут цепные псы — смесью загнанной внутрь злобы и болезней от

привычки дышать спертым воздухом.

Развалившиеся на вонючих ватниках, они и вправду походили на отощавших псов.

Но это были люди. Что еще хуже. Стая двуногих собак. Еще не забывших удавку ошейника, но уже успевших обнаглеть от свободы.

Дикарь знал, что ни одна стая не пустит к себе чужака. Бесполезно поджимать хвост и тыкаться носом в землю. Нельзя даже думать о побеге. Столкнулся со стаей — готовься драться за жизнь. Это очень легко и вовсе не страшно. Потому что, как только стая увидела тебя, можно смело считать себя мертвым.

Спиной Дикарь почувствовал

беззвучное движение. Но оглядываться не стал. Он и так отлично чувствовал, что пятый выскользнул из густой тени в углу и отрезал путь к отступлению.

Стая сразу же расслабилась. В полумраке вспыхнули улыбки.

— Дорофей, а нам фартит! Ты только глянь, кого бог принес, — глумливо произнес сиплый голос.

Дорофей был у них вожаком, догадался Дикарь.

Дикарь нашел пару самых внимательных и цепких глаз и уже не спускал взгляда с этих тускло святащихся шариков. Дорофей вел себя, как полагается вожаку, с солидной неторопливостью, будто

все знает и видит наперед. Сигнал к атаке даст именно он. А до этого стая будет ждать, глотая слюни и скаля клыки.

Поезд пошел под уклон, пол круто наклонился, громко и страшно, как капканы, залязгали сцепки между вагонами. В проеме двери глухо завыл ветер.

— Что молчишь, пионер? — спросил тот же липкий голос.

«Пионер», — про себя повторил Дикарь.

Странное слово. Он никак не мог вспомнить, что оно означает.

Он вообще не слышал слова. В Лесу ни одно существо словами не говорит. Дикарь чутким ухом

улавливал свист дыхания, скрип зубов, склизкое чавканье разеваемой пасти, влажное трепыхание нёба. И они не могли обмануть, как никогда не обманывает поза животного.

— Слышь, пионер. Бросай свой кол и айда к нам. В куче теплее. — Тот, с липким голосом, захихикал. Легонько ткнул сапогом самого щуплого, лежавшего у него в ногах. — Радуйся, Сява, твоему очку сегодня отдых выпал.

Скошенный прямоугольник света на полу потух. В проем двери встал пятый. Закопошился в ватных штанах. Со спины на Дикаря пахло прокисшим жиром и давно не мытой кожей. Пятый широко расставил ноги

и стал мочиться наружу.

— Тебя как зовут, мальчик? —
подал голос еще один человек,
лежавший справа от вожака.

Перед стаей на полу лежала
тряпка, а на ней комки засохшей еды.
Самый острый, кисло-пряный запах
шел от ломтей хлеба. Дикарь
сглотнул слюну.

Долгое время в лесу, Дикарь
бредил вкусом хлеба. Даже соль,
которую приходилось заменять
золой, не казалась таким
лакомством. Порой просыпался по
ночам от явственного ощущения, что
жует черную хрустящую корочку.
Вдосталь наесться хлеба удалось,
только убив тех, кто пришел в его

логово. У них в мешках оказалось сразу несколько буханок. Свежего, белого, дурманяще пахнущего сытостью. Дикарь набросился на хлеб, даже не стерев кровь с пальцев...

Дикарь в самых задворках памяти нашел нужное слово.

— Гэ-гэ... Гле-эб, — с трудом выдавил он из горла звуки человеческой речи.

Липкоголосый взял ломоть кислого черного хлеба, надкусил, смачно чавкнул.

— Хлеба захотел? — прошамкал он. — Оголодал, пионер. А за хлебушек что дашь?

Стая дружно заржала. Когда

смех стих, раздался тихий, вкрадчивый голос вожака:

— Кли́н, отвали от дверей. Спалишь, на хер, всех.

Дикарь напрягся. Слов он не понял, но ухом, всем нутром чутко уловил — сигнал.

Кли́н подтянул штаны. Повернулся.

Тяжелая ладонь легла на пальцы Дикаря, сжимавшие древко копья.

Ростом Дикарь оказался почти наполовину ниже Кли́на, голова едва доставала до солнечного сплетения. Кожей затылка Дикарь почувствовал идущий оттуда прелый жар.

— Пойдем, пацан, — ласково произнес Кли́н.

Его вторая рука легла на левое плечо Дикаря. Потом скользнула к щеке. Грубый, шершавый палец, влажный от мочи, втиснулся между губами. Потянул вбок, крючком раздирая рот.

— Ай-я-а-а! — протяжно завыл Дикарь.

«Убей!» — взорвалось в мозгу.

Надсадный крик боли, взлетев вверх, в секунду перерос в яростный рев атакующего зверя.

Дикарь дернул головой вбок, ослабляя болевой захват, ухватил зубами толстый палец и что есть силы сжал челюсти.

Хрустнула расколотая кость, и рот заполнился горячей соленой

влажностью. Дикарь резко наклонился, во рту туго лопнула, щелкнув по нёбу, кожа мертвого пальца. Выплюнув на пол кровь и темную колбаску откушенного пальца, Дикарь откинулся назад, затылком ударив орущего Клима в солнечное сплетение. Крик, рвущий барабанные перепонки, сразу же оборвался.

Дикарь стряхнул ослабевшую лапу Клима с копья и тупым концом древка врезал ему под колено. На весь вагон громко треснуло, будто ветром сломало ветку. Дикарь спиной толкнул Клима к проему. На мгновение прямоугольник на полу погас, залепленный тенью, а потом вспыхнул вновь.

Дикарь быстро оглянулся через плечо. Сзади никого. Только кровавый мазок по краю двери.

Стая ошарашенно затихла.

«Убей их, Дикарь! Убей!!» —

Голос Леса перекричал рев несущегося под уклон поезда.

Дикарь оскалил зубы. Кинулся вперед, выставив остро заточенное жало копья. Липкоголосый отчаянно завизжал, попробовал вскинуться, но опоздал. Острие, взломав грудную клетку, жадно врезалось в сердце. Из распахнутого рта вывалился липкий ком непрожеванного хлеба, следом хлынула кровь.

Чавкнув, копьё освободилось из тугих тисков ребер и впилося в тело

новой жертвы. Лежавший рядом с вожаком успел сесть и выхватить из-за голенища финку. Первый удар пришелся ему в согнутое колено, второй — в лицо.

Вожак толкнул на Дикаря раненого соседа, а сам ловко откатился в темноту. Дикарь сделал выпад, но удар пришелся вскользь, ничем не повредив вожаку.

Самый щуплый и бесправный в стае, которого называли Сявой, завизжал свиньей, комком метнулся в ноги Дикарю.

Пружинно прыгнув вверх, Дикарь пропустил его под собой. В воздухе успел перевернуть копье и, рухнув на живой ком человеческого

тела, всей тяжестью вогнал в него острие.

Под коленями Дикаря Сява забился в мощных судорогах. Дикарь провернул копье в ране, и Сява, дрогнув последний раз, сделался дряблым.

Человек в залитым кровью лицом продолжал истошно вопить, широко распахнув пасть с металлическими зубами. Одной рукой он сжимал колено, второй пытался затолкнуть в кровоточащую глазницу белесый комок.

Дикарь поднес острие копья ему к горлу. Помедлил, ловя цель. И точным коротким тычком клюнул в лунку под дрожащим кадыком.

Человек захрипел, булькнул горлом и завалился на спину. Из круглой ранки вверх выстрелил фонтан крови.

В вагоне повисла мертвая тишина. Только звонко стучали колеса на стыках, да клацали сцепки.

Дикарь почувствовал на себе хищный взгляд вожака. Прыжком развернулся.

Вожак на напряженных ногах крался вдоль темной стены к приоткрытой двери. Замер.

— Ты, чертяка малолетний, — сдавленным голосом прохрипел вожак. — Ты что творишь, сучонок?

Дикарь уловил в звуке его голоса угрозу и зарычал в ответ.

— Цы-цы-цы, тихо, — свистяще

зашептал Вожак. — Твоя взяла, отморозок. Встретились — разошлись. Лады?

Он скользнул на полшага к свистящему ветром проему. Потом на целый шаг.

— Лады, лады, ладненько. Все типы-топы. Дорофей зла не держит. Глупый, я же тебя бы в обиду не дал. А ты вон что наколбасил... Людей на кол понасаживал. Не дело это — людей пырять. Ох, не дело. Видишь, как фишка легла. Люди ноги нарисовали, от хозяина сдернули, а тут ты с колом... И какой леший сюда тебя приволок, а? Что молчишь, пацан? Хоть обзовись, что ли. Как тебя мамка зовет?

Вожак, рассыпая слова, как ветер желуди с дуба, беспокойно и беспорядочно, уже добрался до яркого прямоугольника. Положил руку на край двери. Сам еще был виден смутным контуром на фоне плотно подогнанных друг к другу досок.

Дикарь выжидал. Копье горизонтально лежало на плече, готовое в любую секунду метнуться в цель.

— Мамка у тебя есть? Или сирота? А? Я же тоже сирота. Всю жизнь, как волк, мечусь. Что нам с тобой делить, пацан? Встретились и разошлись.

В голове состава протяжно

загудел локомотив. Поезд дрогнул.

Вожак неуловимым движением качнулся вбок, развернулся, на секунду замер в проеме двери, готовясь к прыжку.

Гулкий звук покатылся вдоль состава. Тугое эхо заколотило по стенкам. В проеме вдруг замелькали крестообразные металлические конструкции. Пахнуло рекой.

Вожак невольно отпрянул назад.

Дикарь, коротко вскрикнув, метнул копье в четкий силуэт человеческой фигуры.

Вожак двуногих собак оказался стреляным зверем. Он почувствовал подлетающее копье кожей спины. Он вдруг начал скручиваться винтом,

оседа на ногах. Копье ударило в спину под острым углом. Оно лишь вырвало грязные хлопья из ватника. И ушло в гремящую пустоту...

Вожак, протяжно взыв, отскочил в темный угол. Там сразу же вспыхнул острый металлический лучик.

— Все, хана тебе, сучонок! — зло выдохнул вожак.

Слой воздуха, разделявший их, сразу сделался плотным, пульсирующим, как бок загнанного зверя. До Дикаря докатилась струя зловонного дыхания из перекошенного рта вожака.

«Нутро совсем сгнило, — отметил Дикарь. — Не жилец».

Стало ясно, что в схватке, где в ход пойдут когти и зубы, у вожака шансов нет. А ножа Дикарь не боялся.

Он отступил на шаг. Подцепил носком ватник, пинком бросил его в рванувшегося вперед вожака. Тот проворно отскочил. Замер на подогнутых ногах, разведя руки в стороны. В кулаке правой хищно играл гранями острый клинок.

Вожак сделал ложный выпад. Дикарь ушел в сторону, легко перепрыгнув через труп Сявы. Вожак шагнул влево, качнул поджарое тело — и в миг оказался в двух шагах от Дикаря. Взмах руки, и нож вспорол вязкий от горячего дыхания

воздух.

Дикарь разгадал игру вожака. Тот пытался оттеснить его от лежки стаи — груды ватников, густо залитой кровью. Зачем — непонятно. Дикарь чувствовал какой-то подвох — с таким зверем ему еще не доводилось сталкиваться, повадок его Дикарь не знал.

Чутье подсказывало: надо выжидать. Вожак так хотел победить, что желание во что бы то ни стало убить врага превратилось в слабость.

Дикарь отклонился от нового взмаха ножа. Помедлив, отступил на два шага влево. Вожак тут же занял освободившееся пространство. Ватники оказались у его ног.

Напряжение в воздухе сразу ослабло.

— Лады, лады, ладненько, — почти пропел вожак. — Встретились-разошлись. Поиграли и хватит. Смотри, пацан, я пикало убираю. Видишь?

Он сунул нож за голенище сапога. Не разогнулся, и узловатые, поддрагивающие пальцы остались висеть над верхней кромкой голенища.

— Беру свое и ухожу, — сипло прошептал вожак. — Слышишь, ухожу. Ты кивни хоть, ежели не глухарь! — Голос нервно дрогнул.

Дикарь, догадавшись, что от него требуется, кивнул. Слов он все

еще не понимал, просто знал — звенящая струнка в голосе вожака должна исчезнуть. Тогда все получится.

— Вот и лады-ладненько. — В голосе вожака действительно пропал нерв.

Он сдвинул тело липкогоголосого, распластавшееся поверх ватников. Не спуская глаз с Дикаря, сунул руку под слипшиеся ватники.

— Штуковина у меня тут одна заныкана. Без нее — никак. Вот приберу ее и свалю. Поминай как звали, — монотонно бормотал вожак. — Штуковинка нужная. Кровью купленная. Тебе она ни к чему, пацан. Зачем сдуру на себя

чужое вешать? Тебе и своего хватит. Правильно я говорю?

Рука, по локоть ушедшая в ватники, замерла. Заострившееся лицо вожака на миг разгладилось.

Дикарь, чутко следивший за его движениями, потянул носом. Поймал едкий маслянистый запах ружейной смазки, подтекавший из-под ватников. Губы сами собой разлепились в улыбке.

— Что щеришься, сучонок? — просвистел вожак. — Кайф тебе в одну харю веселиться? Бивни-то прикрой, тюлень вислоухий, не люблю я этого. Ты бы знал, как не люблю.

Рука его что-то передвинула под

ватниками.

Дикарь завел руку за спину, сунул пальцы под жилетку из шкуры кабана. Рукоятка охотничьего ножа с готовностью легла в ладонь.

Это был единственный трофей, который он позволил себе взять у тех, кто разгромил его логово. Очень уж понравился грациозный изгиб тяжелого лезвия. И рукоять, украшенная затейливой вязью черного серебра. Она так ласково и покорно легла в ладонь, словно признала в нем хозяина. Он внимательно осмотрел, обнюхал и даже лизнул лезвие. Нож был новый, клинок еще ни разу не входил в горячую плоть. Дикарь решил, что

имеет полное право взять его с собой на охоту.

Пальцы вожака зашебуршали под ватником. Тихо щелкнула металлическая пластинка.

— Вот и все, сучонок! — выплюнул вожак, зло ощерившись. — Хана.

Нож, тускло сверкнув в воздухе, врезался ему под левую ключицу.

— Хана... на. Нах-хр-хр, — сипло выхрипел вожак.

Он умер раньше, чем из-под ватника полыхнуло огнем и воздух забила вонь горящего пороха.

Но пальцы намертво вцепились в спусковой крючок автомата, высунувшего ствол из рваной дыры в

ватнике.

Грохот выстрелов заглушил монотонный стук колес и лязг сцепки. Пули завизжали в сумраке вагона, забарабанили в стены, с треском прошивая доски. Они вырвались наружу, оставляя за собой круглые дырочки. Острые лучи света тонкими лезвиями посекали темноту.

Дикарь рухнул на колени, зажав голову руками.

Автомат, громко клацнув, замолк. И сразу же в вагоне закачалась глухая, непроницаемая тишина.

— А-а-а-а! А-а-а-а! — завыл от ужаса Дикарь.

Он орал изо всех сил, всем

нутром, пытаюсь заполнить в себе и вокруг себя эту страшную, неживую тишину.

Вдруг тугая пружина разжалась в мозгу Дикаря и наружу хлынул поток забытых слов:

— Мой дядя самых честных правил
когда не в шутку... за него... он...
уважать себя заставил... и лучше
выдумать не мог... лондон из а
капитал... грейт-бритн. Вай ду ю
крайвилли, вайдую край... сегодня на
уроке... Бойль-мариот... закон
бойль-мариота... Синус-косинус...
Мама... Мама! Ма-а-а-ма-а-а!!!

Он кричал слова, вспыхивающие в сознании, и слышал, как человеческая речь, исторгаемая его

глоткой, гудит меж стен вагона.

И Дикарь вдруг вспомнил, что
ему всего четырнадцать лет...

Глава шестая. Между небом и «землей»

Серый ангел

Еще какие-то две недели назад вид из окна кабинета радовал глаз. Внизу плескалось золотое море Филевского парка, вверху разливалась голубая чистота. Золото на голубом, синева в золотой оправе. Как ни назови, все одно красиво, аж дух захватывает.

А сейчас все вдруг сделалось неопрятным и блеклым. Как турецкая дубленка, побывавшая в отечественной химчистке. Грязно-

коричневое с бежевыми разводами — парк, цвета мокрой серой тряпки — небо. Бисер дождинок на стекле. Сырой сквозняк из приоткрытой фрамуги. Тоска осенняя...

Глядя на рваную дерюгу неба, Злобин подумал, что там за серой мутью есть еще одно небо, сотканное из прозрачного солнечного света. А над ним густеет синева еще одного неба, чтобы в свою очередь стать непроницаемым ультрафиолетовым небом. А дальше — за ультрафиолетовой полосой — черное небо космоса, вечная ночь, вся в переливчатых кристаллах звезд. И кто знает, какое еще небо обнимает эту бесконечную мглу? И во что

бесконечно малое вложена, как в матрешку, эта непостижимая умом безмерность небес?

Большое вложено в малое, малое подобно большому. Иерархия — всегда и во всем. Каждому отведен свой уровень, и все должно оставаться на своих местах.

Раньше подобные мысли не посещали Злобина, особенно на рабочем месте. Всегда твердо стоял ногами на земле, потому что, работая «на земле», чего только не насмотрелся, но в чудеса верить не стал. Метафизику, эзотерику и прочий шаманизм считал игрой праздного ума и результатом послеобеденного томления духа.

Жил как все, служил не за страх, а за совесть, считал, что для прокурорского работника достаточно неподкупности, знания человеческой натуры и буквального следования букве и духу законов. При чем тут иерархия небес и закон Баланса?

Дело об убийстве молодого следователя районной прокуратуры* перечеркнуло все прежние представления о мироустройстве. Нет, в материалах самого дела ничего сногсшибательного не было. Злобин, давя в себе природную брезгливость к грязи и подлости, вынужден был признать, что ничего из ряда вон выходящего из поганой постперестроечной

действительности установить не удалось.

Но Злобин знал то, что не вошло в материалы дела. И никогда не будет предано гласности. О тайнах, в которые он теперь был посвящен, можно лишь догадываться. Знать их — удел избранных. Потому что прикоснуться к этим тайнам означает завершить земной круг жизни. Начнется новая, в которой над тобой распахнется иерархия небес.

Оказалось, среди обычных обитателей этого мира: забитых обывателей, следователей-романтиков, циников-оперов, политиков с глазами инквизиторов,

финансистов-фарцовщиков, подонков в мундирах, прочих выроdkов и нечести разного калибра незаметно существуют иные. Не просто живут, но активно действуют, вершат правосудие и давят нежить, чтобы сохранилась Жизнь. Ни в одной сводке за все годы службы Злобин ни разу не встречал упоминания о Серых Ангелах. Но теперь знает, они есть. Более того, он — один из них. Серый Ангел...

Серый Ангел (Неразгаданная судьба)

...Человек с седыми волосами и

острым орлиным профилем хранил молчание.

Злобина мучил единственный вопрос. Но он понял, что ответа ему Навигатор не даст. Нужно искать его самому.

Вокруг не слышалось ни звука. Полная тишина и вязкая, как смола, темень.

И вдруг он услышал слова и не поверил, что их произносит он сам. Кто-то другой, кто жил все время внутри, проснулся и заговорил. Странно, страшно, убежденный в своей правоте.

— Нарушивший Баланс не подлежит суду смертных. Наша обязанность найти и обезвредить

нежить. И отдать их на суд тех Сил, которые они тщились призвать в наш мир.

Навигатор выдохнул, словно сбрасывая с себя колоссальную тяжесть.

— Ты слышал эти слова, Странник? — обратился он к сидящему впереди человеку, представившемуся Злобину Максимом Максимовым.

— Да, Навигатор.

— Ты, Смотритель?

— Да, — ответил тот, кто вел машину.

Навигатор повернулся к Злобину, и он почувствовал, как впились в его лицо глаза этого загадочного

человека.

— Пойдемте, Серый Ангел, — произнес Навигатор. — Сегодня я буду вашим Проводником.

Сухая ладонь легла на руку Злобина. Пальцы Навигатора оказались твердыми, как стальные стержни.

В этот миг распахнулся прямоугольный проем, и из него наружу хлынул яркий свет.

Злобин невольно зажмурился. Наполовину ослепший, он не видел ничего, кроме четкой грани между тьмой и светом. Порога, к которому его вела твердая рука Навигатора...

Злобин вздохнул и вернулся в мир, живущий по УПК.

Папка с уголовным делом прокурора Груздя лежала под рукой. Он заранее достал ее из сейфа, просмотрел, освежая в памяти эпизоды. Закрыл и стал ждать звонка.

Его предупредили, что в ближайшее время с ним начнут происходить всякие странности. Но тревожиться не надо, просто организм перестраивается. Посвящение меняет все, даже внутренние биологические процессы.

На интуицию Злобин никогда не жаловался. Но сегодня он просто знал, что дело по убийству

следователя Шаповалова у него заберут. Ровно в девять часов десять минут позвонит начальник и...

Действительно, в это время телефон ожил.

Злобин, улыбнувшись, снял трубку.

— Андрей Ильич? — услышал он голос начальника.

— Доброе утро, Игнатий Леонидович.

— Да какое там доброе! Будь добр, зайди ко мне. Да, и дело на этого мудака захвати.

— Понял, выхожу.

Ошибиться было невозможно, других дел в производстве у Злобина пока не было, а кого именно из

фигурантов имел в виду шеф, Злобин уточнять не стал.

Он опустил трубку. Бросил прощальный взгляд на мокнувший за окном парк и вышел из кабинета.

* * *

Должность	Игнатия
Леонидовича	называлась
многосложно	и
маловразумительно	— начальник
управления	Генеральной
прокуратуры РФ	по надзору за
органами дознания	и следствия
прокуратуры.	По сути лавочка была
службой собственной	безопасности,

со всем причитающимся оперативным, агентурным и материально-техническим обеспечением.

Борясь за чистоту рядов и неукоснительное соблюдение норм УПК в нижестоящих подразделениях прокурорской системы, служба попутно, как пылесос, сосала информашку на всех и вся. А сколько и насколько дурно пахнувшей ее можно получить, процеживая жижу уголовных дел и агентурных сообщений, даже подумать страшно.

Игнатий Леонидович держался по статусу в тени, но считался фигурой весьма влиятельной. Он имел право прямого выхода с

докладом на шефа администрации Президента. Что это за силища — доклад в обход прямого начальства, знает только чиновник. У нас перед законом все равны, и больше всего небожители боятся стать первыми среди равных. Игнатий Леонидович, шмыгнув с папочкой за Кремлевскую стенку, мог сделать из любого полное ничто и поставить первым в очередь на цугундер.

Например, ходил один мордатый товарищ по Генпрокуратуре и, несмотря на статус временно исполняющего обязанности, чувствовал себя хозяином. Даже ремонт на своем этаже отгрохал такой, что только павлины по

коридору не курлыкали. Но вышел из доверия Хозяина, и в момент сам оказался под следствием. Поговаривают, легло на стол Хозяину досье, собственной же службой безопасности собранное. Ерундовый компромат, если честно. Какие-то шуры-муры с дружеской фирмой, откат в виде двух джипов да тур для женушки... Мелкое чиновничье хулиганство, короче. Но Хозяин был не в духе, и мордастое «врио» утонуло и больше не всплыло.

И получил бы Игнатий Леонидович за сокрушительную тайную власть прозвище Игнатий Лойола^[16], кабы не внешность. Выглядел Игнатий Леонидович

форменным пиковым королем. Чернявый коротышка с щекастым лицом клинышком. Глаза тоже черные, буравчиками. И вечная полуулыбка на полных губах.

Он попробовал побуравить лицо Злобина взглядом. Но ничего не вышло. Буравчики соскользнули, как с алмазной грани.

Злобин и раньше считал себя не робкого десятка, гляделками холодного пота у казака не вышибить. Но с тех пор как шагнул за Порог, в слепящий свет, стал ощущать себя просто в броне. Не то что зырки начальственные — пули отскакивать будут. И не было в этой уверенности в себе ни вызова, ни похвальбы. Одна

сдержанная мощь и спокойствие. Как у танка, пока не заревели движки.

— Андрей Ильич, ты часом на диету не сел? — неожиданно и не к месту спросил Игнатий Леонидович.

— И не думаю. Я мясоед со стажем и родословной.

— Вот и не поддавайся пропаганде. Ничего хорошего от диет и таблеток не бывает. Только язву наживешь. — Он еще раз оценивающе скользнул по Злобину взглядом. — Однако выглядишь, словно на овсянке с йогуртом сидишь. Свежо и молодцевато. По виду даже и не скажешь, что с наскока такое дело раскрутил.

Игнатий Леонидович притянул к

себе папку с делом. Левой рукой, как отметил Злобин. Правую он держал под столом. Обострившееся до крайности обоняние, — еще одно изменение в организме, — донесло до Злобина слабый запах бинтов и антисептика.

«Рудольф», — почему-то пришло на ум Злобину.

То ли имя заморское, то ли кличка пса с родословной. И его собственная правая кисть вдруг сжалась от укола боли.

Игнатий Леонидович похлопал ладонью по папке.

— Что там с муделем этим, Груздем? — спросил он.

— Начал давать показания.

Попросил в камеру бумагу. С утра сидит и пишет.

Брови над глазками-буравчиками взлетели вверх.

— Что-то больно рано. Может, игру какую затеял?

— Все может быть, Игнатий Леонидович. Как тут угадаешь? — Злобин пожал плечами. — Почитаю, тогда и определяюсь.

Игнатий Леонидович пожевал полными пунцовыми губами. Скосил глаза на папку.

— С Груздем разбираться будем отдельно. Долго и кропотливо, — после долгой паузы начал он. — И подельника его...

— Алексея Пака, — подсказал

Злобин.

— Да, — кивнул Игнатий Леонидович. — И его, опера заслуженного, с крючка еще рано отпускать. Много натворили, много знают... Рвать эту нечисть из наших рядов нужно беспощадно! Выжигать, черт возьми, каленым железом. Чтобы другим, особенно молодежи, неповадно было... — Он неожиданно перешел на замполитские нотки, но сразу же, словно устыдившись, сбавил обороты. — Но работать с ними надо тонко. Без лишнего шума. И не торопясь. Не ко времени сейчас сор из избы выносить. Согласен?

Злобин газеты читал и слухи коридорные прослушивал. Игнатия

Леонидовича, короля пикового, он понимал. Не пики нынче козыри...

Их общий шеф — генпрокурор Скуратов — с открытым забралом рвался расследовать дефолт. Занятие, по мнению Злобина, безнадёжное.

Для начала не мешало бы ввести статью «хищение собственности в астрономических размерах». Ведь, как выясняется, хапнули разом аж четыре миллиарда долларов! И не мужики сиволапые, всем миром навалившись, понатырили барского добра, не оккупанты золотой запас страны на танках вывезли, а свои, кремлевские и белодомовские постарались. А со своих какой спрос? И в розыск как-то глупо

подавать. Вон они, рожи, всенародно прокливаемые, в телевизоре мелькают. Дают интервью, не сходя с места преступления.

В кандалы бы их да на Лобное место. Но не дадутся. И не дадут. По глумливым ухмылочкам и наглым глазкам видно, что знают, чье сало съели. И на что то сало пошло. У избирателя им под носом водили и шестеренки избирательной машины им смазывали. Коржаков, хоть далеко и не интеллигент, встал в толстовскую позу «не могу молчать» и все выложил. И потребовал пересмотра итогов выборов. Будто в стране остались деньги на еще одни!

Но даже не в деньгах дело, а в

принципе. У нас, конечно, малязм демократии, но не Америка же все-таки. Это там за минет двухлетней давности Клинтонa на допросы тягали. И не Латинская мы Америка, хоть и очень похожи. Есть у нас свои олигархи, и генералы есть, и жируют не хуже, а народ чуть ли не в набедренных повязках ходит и сытую жизнь только в сериалах видит. Даже по парламенту, как в Чили, из танков постреляли. Но это все видимость, потемкинская деревня, турками построенная. Камуфляж для получения кредитов.

А по сути мы — Россия, мать вашу и нашу! И чтобы какой-то прокуроришка в отставку царя

отправил? Отродясь такого не бывало. Кушаком лейб-гвардейским, табакеркой в висок, бомбой, пулей в Ипатьевском подвале, врать не будем, — случалось. Но по прокурорскому постановлению и решению суда — ни-ни. Даже думать забудь! Потому как — Россия.

Игнатий Леонидович, посверлив Злобина глазками, счел, что политинформация усвоена, и перешел к сути:

— Раз согласен, то дело я у тебя заберу. — Он подтянул папку почти под локоть. — Для почина с тебя достаточно. А следствие поведут люди более осведомленные в московских реалиях и лучше

ориентирующиеся в местных условиях. Ты же у нас совсем недавно, еще не успел нужными связями обрести, так?

«Тонкий зондаж!» — Лицо Злобина осталось непроницаемым.

Действительно, часть следственных действий он провел без протокола. Причем с личной санкции Игнатия Леонидовича. И кое-чем некоторые персонажи московского Олимпа теперь Злобину обязаны.

— Но чтобы совсем уж тебя не расхолаживать, кусок я тебе нарежу. Выдели в отдельный эпизод убийство нашего сотрудника Барышникова... Таких людей теряем! — Игнатий

Леонидович сделал пристойное случаю лицо. Помолчал, покусывая губы. — М-да, жаль. Короче, Андрей Ильич, оформи закрытие дела ввиду смерти подозреваемого. Как там этого ублюдка при жизни звали?

— Леонид Пастухов, в спецназе имел позывной «Пастух», на него и отзывался.

— Но, как выяснилось, ты стреляешь лучше, — мягко ввернул острую шпильку Игнатий Леонидович.

«А теперь намек. Но уже не тонкий», — машинально отметил Злобин.

— Где научился? — Игнатий Леонидович продолжил бередить

больное место.

— Как все, раз в полгода на зачетах в тире, — ответил Злобин. — Даже сейчас не пойму, как получилось.

На след Пастуха, лично убившего молодого следователя, они вышли быстро. И все благодаря Барышникову. Не усидел человек на кагэбэшной пенсии, пошел в службу Игнатия Леонидовича опером. То ли опыт покоя не давал, то ли совесть. Злобин думал, что скорее всего и то и другое.

Неспешный и простоватый на вид Барышников оказался опером от Бога и человеком с двойным, если не с тройным дном. В меру циничным,

чересчур себе на уме, хитрым и пронырливым, но чего в нем не было, так это подлости. И было в нем подлинное мужество. Тихое, неприметное до поры мужество русского мужика. Такие покорно тянут лямку, пашут до мокрой рубахи, а в черную годину молча встают в строй и, если иначе не выходит, ложатся с гранатой под танк, защищая не обозначенную на карте деревушку.

Захват сторожки, в которой окопался Пастух, вылился в маленький бой. Злобин в горячке сразу не сообразил, а потом дошло, что не оттолкни его Барышников, пуля зацепила бы обязательно. А так

ее поймал в грудь Миша Барышников. Как в руке оказался пистолет и как с первого выстрела удалось завалить Пастуха, Злобин, действительно, так и не понял. Но ни разу об этом не пожалел. Лучше уж так, на месте и своими руками, чем потом в суде требовать пожизненного заключения, для мрази, жизни не достойной.

Игнатий Леонидович внимательно следил за лицом Злобина.

— Сразу скажу, служебного расследования по захвату не будет. Но в следующий раз работай чище.

Злобин промолчал.

«Не благодарить же за

доверие, — подумал он. Мысленно прикинул в уме даты, получалось, хоронить Барышникова должны завтра. — Надо узнать, во сколько. На кладбище непременно пойду», — решил он.

— Для такого зубра, как ты, Андрей Ильич, эпизод по Пастуху — работа на полчаса. Так что прими в нагрузку.

Игнатий Леонидович, наконец, достал из-под стола правую руку. Кисть оказалась забинтованной, на наружной стороне проступило оранжевое пятно антисептика. Потянулся к пачке дел, лежавших на углу стола. Но, поморщившись, уронил руку.

— Собака чертова! —
просвистел он сквозь стиснутые
зубы.

Дотянулся до нужной папки
левой, и ею сразу же стал баюкать
правую.

— У тебя собака есть, Андрей
Ильич? — морщась, поинтересовался
он.

— Нет.

— И не заводи! — Он
осторожно убрал руку под стол, на
колени. — Представляешь, пять лет
скота кормил, а он вчера возьми и
цапни! Как белены объелся, ей-богу.
Все в доме перевернул, на жену
прыгнул. Я полез разнимать — и вот
результат.

— Не мастиф неаполитанский, я надеюсь? — Злобину из провинциального далека все еще казалось, что начальству уровня Игнатия Леонидовича по статусу положено иметь нечто невероятно дорогое и жутко благородное.

— Что ты! Сеттер ирландский. Рыжая метелка с печальными глазами. В Германии купил, жена подбила.

— Рудольфом зовут, — подсказал Злобин.

— Откуда знаешь? — насторожился Игнатий Леонидович.

Злобин улыбнулся.

— Рыжий — по-польски «рудый», это я с детства по кино

«Четыре танкиста и собака» помню. Пес из Германии. Значит — Рудольф. Если кличку подбирал мужчина, то назвал бы именно так. Солидно и строго, как в армии. А не Рэдди, как обычно зовут рыжиков дамы, владеющие английским.

— Ход мыслей интересен. — Игнатий Леонидович покачал головой. — Умеешь в чужую голову влезть, запомню. — Он придвинул к Злобину папку. — Коль скоро ты такой знаток в собаках, тебе и карты в руки. Здесь справка, установочные данные и прочая мелочь. Ровно настолько, чтобы быть в курсе дела. А дело вот в чем. Три дня назад в своем загородном доме погиб

гражданин Матоянц. Личность в строительных, нефтяных и околополитических кругах довольно известная. Но не раскрученная, как сейчас говорят. Погиб странно. На участок непонятно как проникла стая бродячих собак и искусила до смерти.

Поймав удивленный взгляд Злобина, Игнатий Леонидович кивнул.

— И я того же мнения, поверь. Мы не живодеры и не общество защиты животных. Криминала там нет, всем ясно. Территориалы вынесли обоснованный отказ в возбуждении уголовного дела. Вопрос закрыт. Более того, по

секрету скажу, как выражались раньше, есть мнение: лишнего шума вокруг смерти Матоянца не поднимать. — Он глазами указал на телефоны правительственной связи на приставном столике.

«Времена меняются, а источник руководящего мнения — тот же. А талдычили-то, перестройка, перестройка! Даже Кремль перестроили, а все по-старому», — подумалось Злобину.

— Но преждевременная смерть такого человека — это горе для родных. Для прочих — повод влезть в его дела, — продолжил Игнатий Леонидович. — И некто уже проявляет интерес к этому делу.

— Желают изобразить заказное убийство, исполненное сворой собак? — вставил Злобин.

— Милый мой Андрей Ильич, будет нужда, не то что собак, марсиан приплетут, — с усталым видом человека, искушенного в придворных интригах, изрек Игнатий Леонидович. — А на кону, если верить справке, солидные деньги и весьма серьезный бизнес. Уровень не прокуратуры города Клязьмы, согласись. Даже областную прокуратуру к такому делу подпускать страшно.

Злобин согласно кивнул, заранее зная, чем согласие чревато.

— А раз согласен, то прямиком

отправляйся в Клязьму. От греха и соблазна подальше изыми у местных все материалы доследственной проверки. — Последовала пауза и новая попытка побуравить собеседника глазами. — И держи их у себя до моей команды. Ясно?

— А на каком основании изъять? Не в порядке надзора же. Думаю, там от такого на уши встанут и через пять секунд кому надо отзвонят.

Игнатий Леонидович удовлетворенно усмехнулся.

— Правильно мыслишь. Уже начинаешь ориентироваться в правилах игры, учту. Служба мы особая, как ты уже знаешь. Лишний

раз светиться не резон. Прямо от меня зайди к Татарскому, я его уже предупредил, он выпишет тебе постановление на изъятие материалов. С сегодняшнего дня ты включен в оперативно-следственную группу Татарского. Чисто для конспирации, естественно. Татарский ведет дело, по которому Матоянц проходил свидетелем. Раза два вызывался на допросы, да и то, если не изменяет память, было это почти год назад. Но повод изъять материалы для проверки, согласишься, процессуально идеален. Согласен?

Злобин не мог не согласиться. Игнатий Леонидович интриговал не хуже своего средневекового тезки.

У себя в Калининграде, откуда его неожиданно перебросили на повышение в Москву, Злобин, конечно же, тоже интриговал. Но на областном, так сказать, уровне. Ставки мельче, но правила игры те же. Не составило труда сообразить, что Генпрокуратура, воспользовавшись формальным поводом, решила обозначить свой интерес в переделе бизнеса Матоянца.

Ход, безусловно, сильный, рассчитанный на психологическое давление на основных игроков. Они неизбежно засуетятся, многие союзы затрещат по швам, кое-кого запросто выкинут из команды, придется

привлекать новых фигурантов. Пойдет хитроумное строительство систем «сдержек и противовесов». На все это потребуется время. И, воспользовавшись паузой, можно выстроить свою контригру.

Максимум, что в предстоящих игрищах светило лично Злобину, — роль разменной пешки. Никакого энтузиазма от такой перспективы он не испытал. Не составило труда догадаться, что бестолковое на первый взгляд задание — еще одна проверка на лояльность.

Он сделал вид, что глубокомысленно и всесторонне обдумал ход, и выложил свою карту.

— Если начнут давить, я могу

рассчитывать на вашу поддержку?

— Несомненно, — вЕско, словно влепив пиковым королем поверх пиковой шестерки, ответил Игнатий Леонидович.

В том, что будут давить, Злобин пока сомневался. В конце концов, время покажет. Дай бог, по малости и серости обойдут вниманием. А вот в том, что Игнатий Леонидович сдаст его, коли начнут давить всерьез, он не сомневался ни на йоту.

Правила дворцовых интриг не то что в Кремле не меняются, они и в хижине африканского царька с каменного века в неизменном виде сохранились. Сдавай слабого, копай под сильного, топи ближнего, копи

компромат на всех, точи зубы и смотри в оба.

«С волками жить, с ружьем ходить», — на свой лад перефразировал известную поговорку Злобин.

Лезть из шкуры вон, дабы оказаться своим в одной из стай, быть вместе со всеми, скопом наваливаться на жертву, жадно отхватывать себе кусок послаще, клыками и когтями цепляться за отведенное тебе в стае место... Нет, он давно для себя решил, это не для него.

А насчет ружья... Было кое-что припасено. Кое-кто из московских матерых счел нужным расплатиться

за правильно расследованное дело
Груздя. Папочка тоненькая, всего-то
с десяток листов. Но бабахнет, как
«Ремингтон» дуэлетом, только
шерсть клочьями по ветру полетит!

Глава седьмая. Чужая земля

Серый Ангел

По дороге Злобин наискосок прочитал материалы на Матоянца. На первый взгляд не нашел ничего достойного заказного убийства. Крепко стоящий на ногах холдинг, все необходимые для этого связи. Явного криминала в бизнесе нет. От криминалитета дистанцировался. От налогов уклонялся, но в расхищении бюджета не соучаствовал. Векселя «Газпрома» через руки проходили, но в ГКО не играл. В открытых контрах

ни с кем не состоял. В политику не лез. Нормальная семья, крепкий дом.

Если в такой благодати Матоянца нашла случайная смерть, остается только высказать соболезнования и сунуть папку в архив. Трагедия — не всегда криминал. Но если за внешним благополучием скрывалось нечто способное породить мотив к убийству, то копать-лопатить такое дело можно до седых волос. И, скорее всего, дело тоже ляжет на полку «ввиду невозможности найти подозреваемого».

Если задуматься, так уж ли важен мотив, коли подсуропило тебе родиться в России? Одного факта

рождения в стране березового ситца, серебристой ржи при луне, темных аллей, антоновских яблок и прочих красот природы вполне достаточно для преждевременной смерти.

Исторически так уж повелось, что отдельно взятая жизнь в нашей для чего-то Богом избранной стране ничего не стоит. Да что там одна жизнь в масштабах одной пятой части суши! Сколько надо, столько и принесем в жертву. А бабы-дуры новых нарожают.

Ни цари, ни генсеки людских потерь никогда не считали. Уж чего в России навалом, так это леса и человеческих душ. Как ни изводи их под корень, деревья и людишки сами

нарождаются. Ими и платили за все. И за личные прихоти: пряжки алмазные на бальных туфлях, орловских рысаков да кабинеты янтарные, и за государственные инициативы: войну с Бонапартом, Вильгельмом или Гитлером.

Особенно затратны реформы, к которым любая российская власть особую слабость имеет. Как удумают окно в Европу рубить, крестьян освобождать или в колхозы сгонять, индустриализацию проводить или водку пить запрещать, — так миллионов по несколько в расход пустят. Цифра, само собой, приблизительная. Россия — не Германия, государственная

бухгалтерия у нас всегда на глазок поставлена. А по статье «смертность населения» тем паче.

В трудное время перестройки всего и вся умереть от насильственных причин проще простого. В годину нынешних реформ сама жизнь превратилась в непрекращающееся неприкрытое насилие над здравым смыслом и человеческим достоинством.

Кем мы были при Сталине и Брежневе, глашатаи перемен гласно и популярно объяснили. По их словам — быдлом. Пусть теперь объяснят, почему при Горбачеве и Ельцине страна стала бараком для опущенных безнадегой мужчин и

изнасилованных нуждой женщин.

Злобин, отдавшись невеселым мыслям, смотрел за стекло, забыв о папке, раскрытой на коленях.

Мимо тянулись хижины подмосковных жителей, припертые к шоссе особняками москвичей. Осенняя муть, сочащаяся с серого неба, окропила и уравнила всех: новодел смотрелся таким же угрюмым и выстуженным, как и дома-пенсионеры. Двадцать первый век катил мимо на упругих шинах «Мишелин», бог весть какой век по российскому неспешному летоисчислению смотрел на него мутными глазами окон. Прогресс, не дойдя до Москвы, увяз в кислом

суглинке, как танки Гудериана.

— Полная безнадега, —
пробормотал Злобин.

Захлопнул папку и закрыл глаза.

* * *

Все руководство ГОВД на рабочем месте отсутствовало, угнали на очередное совещание. Злобин в душе обрадовался, что не потребуется согласно политесу представляться и тратить время на ненужные разговоры. Следователь Генеральной прокуратуры в ГУВД подмосковного городка — это даже не слон в скобяной лавке, это

явление Христа Думе. Светопреставление с последующим слаганием легенд и апокрифов.

Злобин, наскоро показав дежурному уголок удостоверения, спросил, на месте ли следователь Муха. По прихоти судьбы заниматься смертью Матоянца выпало человеку со столь непрезентабельной фамилией. С Мухой: повезло, по словам дежурного, следователь с утра добросовестно корпел в своем кабинете. На оплывшем лице дежурного при этом возникло шкодно-блудливое выражение.

«Ну, не повезло мужику с фамилией, что теперь лыбиться?» — с неудовольствием подумал Злобин.

Поднялся по грязной лестнице на второй этаж.

У нужного кабинета тосковал конвойный.

— Там допрос. Задержанного из СИЗО привезли, — предупредил он подошедшего Злобина.

За дверью слышался монотонный женский голос.

— Я подожду.

Злобин присел на крайний в ряду стул.

— А-а? — протянул конвоир, изобразив на колхозном лице максимум бдительности.

Злобин вынул из нагрудного кармана удостоверение.

Пробежав взглядом по золотым

буковкам, конвоир сделал лицо отличника боевой и политической подготовки и больше вопросов не задавал.

В коридоре установилась тяготящаяся, как милицейская служба, тишина.

Только далекий от жизни человек считает, что в казарме, больнице и отделении милиции можно помереть от скуки. Нет, жизнь в них искрометна и непредсказуема, как в цирке. Жаль, что никому не видна. Поставь скрытые камеры, такое шоу «За стеклом» увидишь!

Развлечения долго ждать не пришлось.

В коридор жар-птицей

впорхнула цыганская мамаша на последнем сроке беременности с сопливыми отпрысками на каждой руке. Цыганка вслух и без адреса возмущалась безмозглыми законами и бездушными работниками милиции. Не дойдя двух дверей до Злобина и подобравшегося, как пес у будки, сержанта, остановилась. Но голосить не прекратила. Изловчилась и, не освободив руки, распахнула дверь кабинета.

— Ай, товарищ капитан! Что же у тебя творится, а?! — добавила она громкости.

Из кабинета вышел хмурый мужчина в помятом кителе.

— Что орешь? — первым делом

пролаял он.

— Да не ору я, сил уже нет! —
задохнулась от возмущения
цыганка. — Мы с тобой вопрос
решили по-честному?

— Ты что орешь? — капитан
покосился на незнакомого ему
Злобина.

— Мы все по-честному
решили, — цыганка снизила
амплитуды до злого звонкого
шепота. — А на выходе нас опять
арестовали!! — вновь взвилась она.

— Кто?

— Я что, знаю? Мордатый
такой.

Цыганенок потянул руки к дяде
в кителе, дядя родственных чувств не

проявил. Брезгливо оттолкнул грязные лапки.

— Пойдем, — бросил он.

Через минуту скандал запылал в дежурке. Матерное эхо, расцвеченное цыганским сопрано, покатилося по коридору. Но очень скоро все стихло.

Злобин с вялым интересом транзитного пассажира прислушивался к столь знакомым звуковым эффектам ментовской жизни. Сам с собой поспорил, что будет и второй акт. Угадал.

Вверх по лестнице зашагали мат и топот. Шли и ругались двое. Из-за поворота в коридор тяжелой поступью вступил капитан и мордастый дежурный.

— Вася — ты пенёк, блин, — продолжил мысль капитан.

Вася не обиделся, ещё шире расплылся в улыбке.

— А что ты хочешь? Начальник приказал привести пять черножопых без виз. Я наряд послал, а они, прикинь, привезли пять алкоголиков. Ладно бы левых, а то все свои. Трофимов, Ганжа, Жучков... Короче, всю гоп-компанию от пивняка. Жучков уссался прямо в дежурке. Прикинь, да! Ты и меня пойми, Женя. Шеф вот-вот вернется, я ему Жучкова предъявлю, да? А тут твои цыгане строем выходят.

— Цыгане — не мои, — зло отчеканил капитан.

— А какого... ты тогда гонишь? — неподдельно удивился дежурный.

Капитан остановился у своего кабинета, метнул по коридору, как копье, гневный взгляд.

Злобин в ответ улыбнулся.

— А это кто? — спросил капитан, ни к кому конкретно не обращаясь.

— К Мухе, — просветил дежурный.

— Вы, гражданин, по какому вопросу? — обратился к Злобину капитан.

— По служебному. Генеральная прокуратура. — Злобин показал удостоверение.

То ли зрение у капитана было орлиным, то ли поверил на слово. Но ближе подходить он не стал. Крякнул, рванул дверь и исчез в кабинете.

Дежурный развел руки, лицом и телом по-мхатовски изобразив максимум недоумения. Развернулся и, хихикнув к кулак, закосолапил к выходу.

В кабинете Мухи запиликал телефон. Женский голос смолк. Потом выдал короткую фразу. Звучало вроде непечатно, но слов было не разобрать.

— Не волнуйтесь, уже скоро, — неожиданно обрел дар речи сержант.

— Как догадался? — поинтересовался Злобин.

— Нам еще обратно в СИЗО пилить. Час с гаком.

— Понятно.

«Хорошо устроились, — с тоской подумал Злобин. — Что стоит тормознуть в голом поле, вытащить клиента да пару раз приложить мордой о бампер. Ни свидетелей, ни прокурорского надзора. После такой профилактики он все подпишет. Потому что в СИЗО той же дорогой возвращаться надо».

В кабинете зацокали каблучки. Распахнулась дверь. В проеме возникла фигурка, ладная и миниатюрная, как на японском календаре.

— Леня, забирай клиента, —

распорядилась девушка в элегантном брючном костюмчике.

«Мама родная, дожили! Уже из детского сада на работу берут», — промелькнуло в голове у Злобина.

Ростом девушка не вышла, метр пятьдесят на каблуках. Кукольное личико, кукольная фигурка, размер одежды — только в «Детском мире» отовариваться. Выглядела она отличницей, которой доверили вести урок вместо заболевшей учительницы.

Сержант расцвел, будто его пригласили на белый танец.

— Все в порядке, Ольга Алексеевна? — спросил он, подтянув живот.

— Как всегда, — с достоинством ответила Ольга Алексеевна.

Сержант шагнул через порог, на ходу доставая ключи от наручников.

— Вы ко мне?

Злобин уже успел справиться с удивлением и даже нашел в себе силы встать.

— Да, если вы следовательно... — Злобин слегка замялся. Почему-то постеснялся назвать ее по фамилии.

— Моя фамилия — Муха, — с едва прикрытым вызовом произнесла Ольга. — А ваша?

— Злобин. Андрей Ильич. — Злобин показал удостоверение.

Ольга нервно сморгнула.

— По какому вопросу? — Голос у нее немного осел.

— Лучше в кабинете.

Ольга заглянула в кабинет, строгим голосом бросила:

— Леня, выметай этого отморозка!

— Да наручник, ядрена корень, заело, — прохрипел сержант.

Кто-то гыгыкнул, но после громкого шлепка смех оборвался.

Ольга бросила быстрый взгляд на Злобина. А он с показным интересом разглядывал трещинку на стене. Качать права на чужой земле он не собирался.

Клацнул металл, охнул человек, стул продрал ножками по полу.

Сержант вывел впереди себя парня в спортивном костюме. У него было лицо «правильного пацана» с характерным тупым и наглым выражением. Стрижка, как полагается, короче некуда. Наручники сержант явно насадил потуже, губы у задержанного плясали, сжавшись в кривую дугу.

— До свидания, Ольга Алексеевна, — просипел он, выдавив улыбку.

— Не надейся, Трошев, на суд не приду. А когда ты выйдешь, меня уже здесь не будет, — отбрила Ольга.

Злобин вошел в кабинет вслед за Ольгой.

Пахло здесь, по сравнению с

коридорной атмосферой, очень даже недурно. Пахло геранью — горшки заняли весь подоконник, кофе и чуть-чуть духами. Злобину, любителю свежего воздуха, понравилось, что форточка, несмотря на прохладное утро, была нараспашку. Чувствовалось, что здесь не курили, как паровозы, и водку не пили, как опера.

— Присаживайтесь. — Ольга указала на стул у рабочего стола.

Злобин сел, осмотрелся. Обычный казенный кабинет. Только чище и ухоженней. Даже шторы, вечный пылесборник и полотенце для рук оперов, были по-домашнему чисты. И рисунок не казенный.

— Работаете вы недавно?

Она сморгнула.

— Третий месяц.

— Ольга Алексеевна, да не напрягайтесь вы так! Не проверять я вас приехал. И кляуз на вас не поступало. — Злобин раскрыл папку, достал лист бумаги. — Вот, ознакомьтесь. Постановление на изъятие материалов доследственной проверки по факту смерти Матоянца.

— В порядке надзора? — начала она напряженным голосом.

— Нет. — Злобин добродушно улыбнулся. — Просто страхуемся. Матоянц проходил свидетелем по делу, которое ведет наш следователь Татарский.

Ольга, сделав серьезное лицо, прочла документ, как показалось Злобину, дважды. Отложила бумагу. Пробарабанила острыми ноготками по столешнице. Злобину бросилось в глаза узкое золотое колечко на безымянном пальце.

— А вы в курсе, что Матоянца вчера похоронили?

Злобин кивнул, хотя первый раз об этом услышал.

У Ольги, оказалось, уже выработался взгляд следователя — не отпускающий.

— Странное это дело, — промолвила она после долгой паузы.

— И чем оно вам показалось странным?

Ольга развернула кресло, открыла сейф. Достала тонкую папку.

— Это все. — Передала папку Злобину. — Кино смотреть будете?

— Смотря какое.

Ольга достала видеокассету, привстала, сунула ее в щель видеомагнитофона, стоявшего на сейфе.

— Я изъяла запись камер видеонаблюдения. Из-за нее, собственно говоря, «отказник» и вынесли.

— Тогда, конечно, посмотрим.

Она нажала кнопку на пульте.

На экране смерть Матоянца выглядела жутко, но абсолютно не

криминально.

Как стая проникла на участок, вопрос отдельный. Но охрана среагировала моментально.

Не прошло и десяти секунд, как исчезла стая, и в кадр вбежал человек в полувоенной форме с ружьем. Припал на колени у трупа. Вскинул ружье и дважды выстрелил. Побежал вслед за стаей.

Через сорок пять секунд, по таймеру, появились еще двое: крупный, грузный мужчина в светлой рубашке, с рацией и сухопарый молодой человек в полувоенной форме. Замерли у трупа. Молодой сорвался с места, исчез. Мужчина поднес ко рту рацию и развернулся

лицом к камере.

На экране замелькали стоп-кадры: общий план лужайки, фасад дома, ворота, внутренние помещения дома, какие-то темные линии, крупный план беседки, потом опять лужайка, людей на ней прибавилось.

В кадр вбежал человек, запахивая на ходу куртку. Мужчина с рацией с размаху ударил его по лицу.

Запись оборвалась, по экрану зарябили мелкие полосы.

— Кто там командовал? — спросил Злобин.

— Иванов, начальник службы безопасности холдинга. В папке есть его показания. Кстати, кассету ему надо будет вернуть.

— Вернем, если надо.

— Хотя у него копия есть, — добавила Ольга. — При мне снимал.

— Н-да? И зачем она ему понадобилась?

— Для отчетности, так он сказал.

— По-русски говоря...

— Задницу прикрыть, — не смутившись, закончила за него Ольга.

— А кого он так приложил?

— Начальника личной охраны. Сгоряча, естественно. Его показания тоже есть. Без заявления на мордобой, само собой.

Злобин пролистал страницы дела. На первый взгляд все выглядело

образцово-показательно, хоть сейчас на кафедру юрфака неси. Текучка Ольгу еще не испортила.

— Ольга, вы когда институт закончили? — спросил Злобин.

— В этом году. — Ольга устало поморщилась. — Андрей Ильич, давайте я, так сказать, чистосердечно и по собственной инициативе, чтобы зря время не терять. Мама у меня народный судья, устроила к себе секретарем. Год отработала, поступила на юрфак. В этом году пришла сюда. От работы уже очумела, но года три продержусь. Не получу квартиру, уйду в адвокатуру. Два года отработаю, подам заявку на мировые судьи.

— Почему в судьи? Как мама?

— Судьям по закону квартиру дают в течение года.

— Не знал. — Злобин удивился такой практичности.

— Значит, нужды не было. Да, главное забыла. Фамилия Муха у меня по мужу. Он у нас опером в угро служит. Сейчас опять в командировке в Чечне.

«На квартиру зарабатывает, какого лешего там еще делать», — подумал Злобин и нахмурился.

— Квартиру в Клязьме хотите?

— Хочу в Москве. Но согласна и здесь. Еще вопросы будут?

— Все ясно, Оля. Давайте займемся делом. — Он пролистал

страницы. — Вот акт патологоанатомической экспертизы. Вы заказывали?

— Да. — Ольга сцепила пальцы в замок.

— А почему так быстро сделали? За один день, это рекорд.

— Иванов подключил свои связи. Эксперт из Москвы сюда приезжал.

— У Иванова такие возможности?

Про возможности Злобин знал из досье, но хотелось проверить Ольгу.

— Василий Васильевич Иванов — легенда восьмидесятых годов, — ответила Ольга. — Так нам

в институте говорили. Посадил за взятки первого секретаря одного московского райкома. Это в брежневские-то времена! Иванов после этого резко пошел в гору.

«Что ты, зайка, знаешь про те времена? На горшке еще сидела. В любые времена людей палят и сдают». — Злобин задумался.

— Вам подозрительна такая спешка? — отвлекла его Ольга.

— Нет. Я никогда не плету версий, просто разбираю установленные факты. — Он постучал пальцем по странице с актом. — Вот, например, почему вы поставили перед экспертом вопрос: принимал ли потерпевший

психотропные препараты или алкоголь?

Ольга поджала губы, обдумывая ответ. Привстала, пощелкала кнопками на видеомагнитофоне, перемотала пленку назад. Пустила запись.

— Смотрите. Вам не кажется странным, как он идет?

Матоянц, действительно, шел заторможенно, как заводная кукла на последнем издыхании моторчика. А собаки появились молниеносно, значит, дело было не в скорости съемки.

Ольга остановила запись. На экране замерло изображение пса, распластавшего в прыжке длинное,

поджарое тело.

— Волк. Отдельные волоски шерсти мы нашли в ранах жертвы. Ну, еще размеры челюстей...

— Да, я смотрю, и эту экспертизу вы заказали.

— А как же иначе? Были бы собаки, можно было бы предполагать присутствие человека. А так... Иллюзия убийства, — подумав, обронила Ольга.

— Как вы сказали? — вскинул голову Злобин.

— Иллюзия убийства, — громче и отчетливей произнесла Ольга.

Злобин не без удовольствия отметил, что характер у пигалицы есть. Проклевывается, как голос у

птенца. Но со временем толк будет.

— Интуиция или факты?

Злобин умело сконструировал вопрос. По его убеждению, до интуиции профессионала Ольге было еще пахать и пахать, лет пять как минимум. А факты даже желторотая выпускница юрфака накопать может.

Ольга медлила с ответом. Наверно, уже научилась не доверять никому.

Решила уйти от прямого ответа:

— Дело судебных перспектив не имеет, Андрей Ильич. Дрессированные волки как орудие преступления! Какой судья в это поверит? Да и как их изловить и в

суд доставить? — Она кисло улыбнулась. — Как выражается мой благоверный, легче поймать в темной комнате черную кошку, у которой под хвостом скипидаром намазали.

— А он у вас с юмором.

— Не то слово. — Оля вздохнула.

И Злобин тут же воспользовался моментом.

— Почему в деле нет показаний местного егеря или охотинспектора, как он у вас правильно называется?

Хорошенькое личико Ольги заметно побледнело.

— Не поверю, что такой аккуратист, как вы, Ольга Алексеевна, не проконсультировался

у специалиста.

Злобин держал паузу и удерживал взглядом зрачки Ольги. Они чуть дрогнули вправо, девушка интенсивно просчитывала ответ.

— Это было после вынесения отказника. Разговор был неофициальный.

— Оля, личный сыск еще никто не запрещал. — Злобин поощрительно улыбнулся. — В разумных пределах, естественно.

— Вы это нашему заму по следствию расскажите, — обиженно произнесла Ольга.

— Дал по шапке? — подсказал Злобин.

— Наши опера выражаются

иначе. Но смысл тот же. — Оля расцепила пальцы, стала крутить колечко.

— Может, он вас страхует? Времена нынче не детские. Не по шапке бьют, а сразу проламывают голову.

Оля быстрее закрутила колечко на пальце. Губы сложились в упрямую складку.

— Все правильно, Ольга Алексеевна. Бояться — последнее дело. — Злобин кивнул на дверь. — Не страшно же этому ублюдку «сто шестьдесят вторую»^[17] предъявлять?

Ольга не смогла скрыть удивления:

— Ну вы просто ясновидящий!

Как догадались?

На щеки ее вернулся румянец.

— Просто глаз наметанный.

Крепкий орешек?

— Ай, одни понты и понятия! —

отмахнулась Ольга. — Его наряд прямо на месте преступления принял, запираяться без толку. Да и не пытается он. Первая ходка у парня, хочет по «правильной» статье уйти. Дурак, конечно. Но нам работы меньше.

— Всегда бы так. Так что там показал ваш егерь?

Ольга немного помялась, потом решилась:

— Егерь за день до происшествия видел в лесу

человека. — Она понизила голос. — Он играл со стаяй волков. Как вам это?

— Если правда — впечатляет.

— А моего шефа — нет. За инициативу он мне в нагрузку этого со «сто шестьдесят второй» дал. — Ольга отвернулась к окну.

— Как мне увидаться с вашим егерем, Ольга Алексеевна?

Она повернула голову.

— А с собой возьмете? Дорогу на кордон я знаю.

Злобин немного опешил от такой наглости.

— Вы же знаете, как ревнуют территориалы, когда кто-то работает на их «земле», — подбросила еще

один аргумент Ольга.

— А вы ревнивая? — попытался свести все на шутку Злобин.

— Жутко!

Ольга вытащила кассету из прорези видеомаягнитофона. Положила на стол. Заперла сейф.

— Кстати, дорога на кордон идет мимо дома Матоянца. Если есть желание, можете попутно осмотреть место происшествия, — как бы мимоходом сказала она.

Глава восьмая.

Маленькие тайны большого дома

Серый Ангел

По тому, как человек нарисовал дом, можно судить о внутреннем мире автора. Так считают психологи. Они и их коллеги, психоаналитики и психиатры, почему-то стыдливо отводят глаза от зодчества «новых русских». А ведь какая почва для исследования глубин богоносной русской души и бездны самолюбия!

Но на какие бы изыски ни

решались корбюзье особняков и баженовы вилл, важнейшей деталью современной загородной архитектуры является забор.

Казалось бы, на те же деньги можно прикупить еще сто соток земли и отдалиться от соседей до предела видимости. Нет, престижней отгородиться кладкой в кремлевском стиле — четыре метра красного кирпича с будкой для охраны и Спасскими воротами в миниатюре.

У менее взыскательных заказчиков в ход идут доски пуленепробиваемой толщины, как на засечных заставах. Можно и бетонные плиты с гвоздями на верхушке, но это уже моветон.

Впрочем, главное не материал, а высота. Забору полагается быть под козырек крыши, чтобы соседи в окна не пялились. Если окна в три этажа, то и забор — четыре метра.

Что поделать, новое российское богатство тайно страдает болезненной мнительностью. Если учесть его источник и историю происхождения, то это вполне объяснимо.

С учетом пропорции богатых и бедных, а также отечественной традиции запускать красных петухов и грабить награбленное, рентабельнее строить не особняк с забором, а бункер. Сверху картошка и японский садик, внизу — в три

этажа — рай с испанской мебелью и джакузи. И самому спокойно, и нищим глаз не режет. Но вся фортификация, почему-то, ограничивается готическими замками-недомерками со шпилями, башенками и стрельчатыми арками.

Самоубийственное незнание истории, господа! Для русского мужика, чьи прадеды штурмовали Измаил, это не укрепление, а потеха. А как русские из гаубицы прямой наводкой крошат рейхстаг, до сих пор в кино показывают. Впечатляет.

Дом Матоянца возник неожиданно. Кончился поселок, и на ближайшем холме теплым розовым цветом засветился приземистый

прямоугольник под покатой крышей.

Чем ближе подъезжали, тем больше росло удивление Злобина. Дом не давил объемом, не резал глаз псевдоготическими шпилями, их вообще не было, не выпирал самодовольно из ландшафта, как «БМВ» из потока на Садовой. Он просто стоял на земле и был просто домом. Уютным и теплым даже снаружи.

Злобину подумалось, что к этому строению никак не вяжется какое-то полублатное на слух словечко «особняк». Сходняк, важняк, особняк...

— Здорово, да? — ожила сидевшая рядом Ольга.

Поездка по родной «земле» на машине Генеральной прокуратуры для нее было событием эпохальным. Как для Золушки в золотой карете с теткинским гербом. Но смелости хватило только попроситься, а оказавшись рядом со Злобиным, вдруг нахохлилась и замкнулась. Он молчал, думая о своем, а она не решалась подать голос.

— Красиво, кто же спорит.

— Золотое сечение. Поэтому так красиво смотрится. Матоянц был потомственным строителем. Дом — его проект.

— Из вас получится следователь, Оля. Умеете информацию собирать.

Ему очень хотелось сказать ей что-нибудь приятное. Ольга была из тех, кого хотелось защищать и согревать.

«Зря она в нашу клоаку влезла. Измочалит девчонку и выбросит, — подумал он. — Или застервенеет, превратится в занозу в заднице. Ни себе житья, ни людям».

Вблизи он разглядел тонкую ниточку морщинки у правого уголка ее губ.

— Ой, только не думайте, что это я, расследуя, узнала! — Оля улыбнулась, и стервозная морщинка пропала. — Это старая история. Четыре года назад, когда он строиться начал, местные

коммунисты бучу затеяли. В суд на него подали, представляете? Мама иск рассматривала. Все документы на землеотвод, проектная документация — комар носа не подточит. А знаете, из-за чего коммунаки на него взъелись?

— За сам факт его существования, надо думать, за что же еще?

— Нет, не угадали. Он церковь построил. Не Храм Спасителя, конечно. Часовню на погосте. Она там, правее. Отсюда не увидим.

— Надо было казино построить, как член их ЦК Симаго. Тогда бы не скандалили. Правильно?

Оля хихикнула.

— А про ЦК вы угадали. Нашего партайгеноссе тягали на правеж в Москву. Старшие товарищи поводили его мордой по батарее и дали команду отозвать иск.

— Вот как! И откуда такие сведения?

— Город маленький, все на виду. — Оля помялась. — Если честно, мама рассказала.

«Папы стопроцентно нет. Ни разу не упомянула, — отметил Злобин. — И наивная еще. Кто же источники информации так легко сдает? Хотя, если разобраться, — продолжил рассуждать он, — она сама еще пока годится лишь в источники информации».

Он отвернулся к окну.

Матоянц, вопреки моде, вложил деньги в землю, а не в забор. От чугунного частокола, вдоль которого сейчас проезжала их машина, до дома было метров сто лужайки. Вблизи дом зрительно стал шире, солиднее, но по-прежнему не давил, выпячивая себя.

Злобин покосился на Ольгу, все еще ожидавшую продолжения разговора. Мысль, пришедшая в голову, была неприятной, но вполне разумной.

Ольгу пришлось минут десять до выезда подождать в машине. Переоделась в узкие джинсы и свитер, сверху накинула яркую

курточку. Когда появилась на крыльце ГОВД, у Злобина екнуло сердце, пожалел, что согласился взять с собой. Выглядела Ольга школьницей, сбежавшей с уроков, а не следователем, выезжающим на место преступления.

Могла она воспользоваться моментом и сделать один телефонный звонок?

Машина въехала на бетонный пятак перед воротами. Водитель в зеркальце послал Злобину вопросительный взгляд.

— Не сигнал, Сережа. Они там не слепые. И номера у нас не колхозные.

Водитель молча кивнул. Мотор

мерно заурчал на нейтральной передаче.

С минуту они рассматривали черную чугунную вязь на воротах. Наконец, из будки вышел охранник в темной униформе.

«Вот сейчас и проверим», — решил Злобин.

— Оля, вы останетесь в машине.

Не дожидаясь ни возражений, ни просьб, Злобин распахнул дверцу и вышел под мелкий дождик.

Подошел к охраннику, протянул раскрытое удостоверение.

— Злобин, Генеральная прокуратура. Свяжитесь со старшим.

По глазам охранника понял, что его здесь ждали. На знакомого

человека сторожевой пес и
проинструктированный охранник
реагируют одинаково показным
равнодушием и отсутствием
агрессивности.

Не торопясь, охранник отстегнул
рацию.

— Первый, седьмому
ответьте, — произнес он.

— На приеме, — ответила рация
мужским голосом.

— К вам Злобин из
Генеральной. Пропустить?

Злобин смотрел на окна дома,
умытые холодным дождем. Странно,
но он явственно чувствовал на себе
чужой взгляд. Нет, не враждебный, а
спокойный, немного усталый взгляд.

«Сейчас посмотрим, что это за товарищ Сухов», — пришла на память фраза из любимого фильма «Белое солнце пустыни».

Злобин не смог сдержать улыбки. Уж больно похожей была ситуация.

Некто в доме от тлеющего бикфордова шнура не прикурил и из окна толовую шашку под ноги Злобину не бросил.

— Пропусти, — распорядился мужской голос.

— Я пойду пешком, — сказал Злобин охраннику.

Тот чуть пожал плечами. Лицо осталось бесстрастным.

Злобин положил ладонь на

холодную ручку калитки. Краем глаза Злобин заметил видеокамеру под козырьком будки.

«Ладно, у нас тоже техника есть», — подумал Злобин.

Пошел по краю дорожки, посыпанной хрустящими катышками розового туфа. На ходу достал мобильный, нажал кнопку связи.

— Слушаю вас, — пропела в ухо трубка дежурно-вежливым голосом автосекретаря.

— Быстрорастворимый, — произнес Злобин пароль.

В трубке тихо щелкнуло.

— Слушаю вас. — Голос был мужским, живым и жестким.

— Тридцать девятый. Для меня

есть информация?

— Да, тридцать девятый, — после короткой паузы ответил оператор. — Запрос «Т» был двадцать минут назад. Адресат вам известен. На букву «И». Информация принята?

— Да.

— Конец связи.

Злобин не знал, как устроена система контрразведывательного прикрытия Генеральной прокуратуры, но только что получил возможность убедиться, что система работает без сбоев.

Он мог и не тратить время на общение с юной следачкой; предъявил постановление, забрал

папку, подмахнул акт о передаче — и вся недолга. Но какой в этом интерес? Весь интерес в игре.

Стоило как бы невзначай запустить фамилию Татарский, как кто-то сразу же бросился наводить справки. И угодил в сеть, растянутую Игнатием Леонидовичем. Либо в оперативно-следственной группе Татарского сидел человек Игнатия Лойолы, либо на коммутаторе ждали звонка, в котором одновременно прозвучат фамилии Злобина и Татарского, техника сейчас это позволяет. Остальное — дело техники.

Злобин хитро прищурился на окна дома. Приоткрыл папку,

сверился с данными из досье Иванова, набрал номер его мобильного.

— Да? — Тот же голос, что и в рации охранника, звучал недовольно и грубо.

— Василий Васильевич, вы меня видите? Сделайте одолжение, выйдите на крыльцо.

В трубе глухо крякнули.

— Хорошо, — проворчал Иванов и дал отбой.

Злобин сбавил шаг.

Вблизи дом показался кряжистым низкорослым дубом, надежно ушедшим в землю. Три этажа арочных окон, по четыре с каждой стороны центрального входа,

выделенного белой стрельчатой аркой. Крытая терраса опоясывала дом по периметру. Окна тоже стрельчатые и узкие, как бойницы. Лестница разрубала террасу пополам. По ней можно было подняться к дверям дома или свернуть в один из входов в галерею.

Казацкий крепкий ум, доставшийся Злобину от предков, не мог не восхититься чистотой линий и зримой надежностью дома.

Мощная дубовая дверь плавно открылась, из дома вышел мужчина в распахнутой темно-зеленой куртке. Злобин узнал Иванова, фотографии в досье имелись. Только на них Иванов не выглядел сумрачным и

подавленным, как медведь, не залегший в берлогу.

Он дождался, пока Злобин поднимется по девяти мраморным ступеням, первым протянул руку.

— Иванов, — сухо представился он.

— Андрей Ильич Злобин, Генеральная прокуратура. Удостоверение показать?

— Покажите.

Злобин раскрыл красную книжечку. Иванов цепко пробежал глазами по строчкам. Злобин убрал удостоверение в карман.

— Постановление на изъятие материалов доследственной проверки по факту смерти Матоянца

показать? Или вы уже в курсе?

Злобин отчетливо почувствовал, как измотан Иванов. Понял, играть он не станет, выдохся. Хотя и бросили ему в лицо, что в два щелчка вскрыли его агентурную сеть, а гонор выказывать не будет, не до того ему сейчас.

На отекавшее нездоровое лицо Иванова ветер бросил пригоршню мороси. Он медленно вытер лицо.

— Предпочитаете играть в открытую? — Иванов с трудом выдавил улыбку.

— Не люблю темнить. И вам не советую.

— Страна Советов кончилась в девяносто первом. Теперь

капитализм, каждый ищет свою выгоду.

— Я — бюджетник. Зарплату отрабатываю. Вот поручили проверить материалы на месте, я и проверяю, — парировал Злобин.

Иванов примерился, как боксер перед ударом, и врезал:

— В открытую так в открытую, Андрей Ильич. Генеральная желает влезть в дела Матоянца?

Злобин посмотрел в его больные глаза и веско произнес:

— Не вижу оснований. Я просмотрел видеозапись, Василий Васильевич. Такая смерть никакой привязки к его бизнесу иметь не может. Классический вариант «после

того, но не в результате того».

— А как по-латыни, забыли уже? — Взгляд Иванова немного потеплел.

— Да кто ее помнит! Как сдал, так и забыл.

Иванов посмотрел за спину Злобину.

— Почему на машине не подъехали?

— В ней сидит очень бойкая девушка. Не хотелось бы, чтобы этот колокольчик раззвонил на всю округу, о чем мы разговариваем. Проверку она провела под вашу диктовку, так я понял? — без промедления задал вопрос Злобин.

— На нее без слез не

взглянешь, — поморщился Иванов. — Лет пять ждать надо, пока она нормальным следаком станет. Кстати, с высшим образованием у них там трое: она, зам по следствию и начальник. Остальные — ПТУ. И недокомплект в сорок процентов. О качестве работы можно и не заикаться. Вот и пришлось опытом поделиться.

— Зачем вы организовали экспертизы? Особой нужды в них я не усматриваю. И к чему такая спешка?

Иванов вновь протер ладонью лицо.

— Я хотел закрыть все вопросы. Сразу и навсегда. Частный сыск в

таких случаях неуместен. Решил, все должно быть официально, каждая бумажечка подшита, каждая буква проверена. Поэтому и девочку эту чуть ли не за руку водил. Это во-первых. А во-вторых... О спешке. Не гоже такому человеку в холодильнике месяц лежать. Положено на третий день хоронить, так и схоронили, — закончил он потускневшим голосом.

— Понятно, — сухо обронил Злобин.

Иванов вновь вытер лицо. Оно у него было цвета неба, серое с темно-синими тенями в складках, от пальцев на коже остались розоватые полосы.

— А если бы он был

ортодоксальным мусульманином, а вы были бы на моем месте? Как вы поступили, Андрей Ильич?

Вопрос Иванов швырнул, как динамит под ноги товарищу Сухову. Проверка на вшивость, а не вопрос.

Злобин задумался.

— Все согласно УПК, — ответил Злобин, глядя в глаза Иванову. — Богу Богово, кесарю — кесарево.

Иванов долгим взглядом осмотрел его лицо, словно высвечивая фонариком.

Отступил на шаг.

— Место происшествия
смотреть будешь?

Злобин кивнул.

— Тогда лучше сюда.

Иванов повел к входу на террасу.

Они вошли под гулкие своды.

Свет бил сквозь бойницы, рассекая полумрак острыми клиньями.

— Родные дома? — спросил Злобин.

— Уехали на кладбище, — коротко ответил Иванов. — Первый день, так полагается.

— А вы?

— Я там уже был. Рано утром.

Злобин обратил внимание, что на террасу из дома выходят несколько дверей.

— Служебные помещения. Все под сигнализацией, — прокомментировал Иванов.

Они свернули за угол.

Тыльный выход из дома венчала стрельчатая арка. Потолок взлетал вверх по крутым дугам, как в келье. В центре свода из замкового камня свешивался плафон на толстой цепи.

Здесь стояли два плетеных кресла. Под одним блестела этикеткой на круглом боку бутылка.

Злобин обошел кресла, с верхней ступеньки осмотрел задний двор.

Лужайка метров в двести длиной с круглой клумбой в центре. По пожухлой траве змеились дорожки, посыпанные розовым крошевом. Две служебные постройки: длинный прямоугольник

и правильный квадрат под острой крышей.

— Конюшня, гараж, мастерские.

И флигель охраны.

Злобин повернулся к Иванову.

— Сколько ребят в охране?

— Смена — трое. А так —

шесть.

Они спустились по лестнице, пошли по влажно хрустящему крошеву, покрывавшему дорожку.

— Вы живете в доме? — спросил Злобин.

— Когда работаю. У меня квартира в Москве. И дачка по Минскому.

— А работали вы здесь, когда работал Матоянц, так?

— Да.

— И часто он работал дома?

— Когда была возможность.

Скоростной Интернет, мобильный, «вертушка» и обычный телефон, спутниковая связь... Зачем в офисе корпеть, когда все есть тут.

— А деловые встречи?

— Мы же не кооператив «Солнышко», встречи планируются заранее. Для этого есть московский офис. И забегаловки с бизнес-ланчами.

— То есть в тот день посторонних в доме не было?

— Нет.

— А деловых или личных встреч?

Злобин, не дожидаясь ответа, свернул с дорожки. Прошел по поникшей от дождя траве. Встал, осмотревшись. Если верить схеме, составленной Ольгой, труп Матоянца лежал здесь.

Кровь давно замыли, траву разровняли граблями. Но Злобин ощутил неприятную волну, поднимающуюся от земли в этом месте. Смесь тревоги и брезгливости, будто вошел в квартиру с трупом.

— Здесь?

Иванов кивнул.

Злобин посмотрел себе под ноги, потом поднял взгляд на оставшегося на дорожке Иванова.

— Кто приезжал в тот день, Василий Васильевич?

Иванов помедлил с ответом.

— В три часа приезжал Глеб Лобов, руководитель агентства «Pro-PR». Наш партнер. Пробыл около двух часов. В шесть — наш шеф аналитическо-информационной службы. Он уехал после ужина. В девять. Больше никого не было.

— Вы присутствовали на встречах?

— Нет.

— Матоянц всегда работал за полночь?

— Иногда случалось.

Злобин указал себе под ноги.

— А это что за дырки в земле?

— Ножки кресла. Карина сидела. Падчерица его. Не знаю, зачем.

Злобин присел на корточки, потрогал пальцем края круглой неглубокой ямки, доверху наполненной водой.

— Ночью?

— Да. Мне охрана доложила, я дал команду не мешать.

Злобин встал и прошел к дорожке.

— Пойдемте, покажите подкоп, — бросил он Иванову.

По границе участка шел плотный ряд шиповника. Колючие ветви сплетались в тугой вал.

Злобин сорвал ярко-красную

бусинку. Прикусил, выдавив на язык острый вяжущий сок.

— Хорошо придумано. Надежно. И летом, наверное, запах умопомрачительный.

Иванов никак не отреагировал.

Подвел к проходу в кустарнике.

По краям прохода из земли торчали два цилиндрических плафона, как выражаются лужковские градостроители, — антивандальные светильники. На их верхних торцах были укреплены металлические пластинки.

Злобин оглянулся. Такой же светильник стоял в конце шиповникового вала. Пластика на нем была угловая.

— Сигнализация по периметру? — догадался Злобин.

— Да. Против человека, — пробурчал Иванов. — На этих сук не рассчитывали. Они, твари, под лучом прошмыгнули.

Он пропустил Злобина вперед.

За валом кустарника шла полоса травы, метра три, а потом забор. Обычная сетка-рабица.

Злобин по памяти, фотографии лежали в Ольгиной папке, отыскал место, где под сеткой волки прокопали лаз. Сейчас от него осталась только истоптанная трава. Лаз завалили комьями земли с торчащими клочьями стекловаты.

— Пока жареный петух не

клянет, мужик не перекрестится, — обронил Злобин. — А здесь сигнализации нет?

Иванов помедлил с ответом.

— Сейсмодатчики в шахматном порядке, — нехотя произнес он.

— И тоже рассчитаны на человека, — закончил Злобин.

Иванов побрякал в кулак. Лицо его при этом налилось багровым цветом. Краска быстро схлынула, и кожа вновь приобрела землистый цвет.

Дальше за забором холм полого спускался к водохранилищу. Редкий сосняк заканчивался густой порослью ив и ветел. За ними тускло светилась темная вода. На берегу

стоял домик из розового туфа.

— Тоже Матоянц построил? —
Злобин указал на домик.

— Эллинг для водного мотоцикла и яхточки. По документам наша земля до самой воды. Но Ашот Михайлович не захотел забор туда тянуть. Людям тоже ходить берегом надо. Согласны?

Он поднял воротник куртки, закурил, спрятав сигарету в кулаке.

Злобин следил за чайками, чертившими зигзаги в сером небе.

— Василий Васильевич, можно вопрос личного характера?

— Задавайте, — вместе с дымом выдохнул Иванов.

— Для вас эта трагедия —

катастрофа? Я понимаю, сердце надорвано, голова от мыслей пухнет, но я не о том. В материальном плане вы пострадали?

Иванов покосился на Злобина. В узких щелях век острым металлом сверкнули глаза.

— В материальном — нет, — с болезненной иронией произнес он. — По полям, если точно.

— Подробнее, пожалуйста.

— Я — не наемный работник. У меня пять процентов акций холдинга. Матоянц так захотел. По принципу, что охраняешь, то и имеешь. Только не в руссконародном смысле.

— Интересно. А сотрудники с

чего кормятся?

— Они получают зарплату в агентстве «ЭКС». У агентства с холдингом договор на обеспечение экономической безопасности. Матоянцу принадлежит контрольный пакет акций «ЭКСа».

— Мудрено закручено, — вставил Злобин.

Иванов медленно покачал головой, не отрывая взгляда от домика на берегу.

— Нет. Честно. «ЭКС» я открыл еще в восемьдесят девятом, когда из ОБХСС ушел. Первые кооперативы откидал прикрывал. Со временем кое-как встали на ноги. У меня еще трое партнеров были, у каждого по одной

трети доли. В девяносто втором на контакт с нами вышел Матоянц. Обкатал в деле, потом предложил выкупить голосующий пакет и подключить «ЭКС» к холдингу. Все сделал по-честному, провел аудит, оценил стоимость бизнеса и выплатил каждому все до копейки.

— Почему вы на это пошли?

— А что еще было делать? Уж лучше бизнесмену продаться. Надо реально смотреть на жизнь. Мы уже созрели для экспроприации. Либо чиновники подомнут, либо бандиты. У нас только так.

— А как с ними решал вопросы Матоянц?

— Понятно, куда клоните. Во-

первых, он не пирожками с собачатиной торговал. На людей такого уровня не наезжают, с ними договариваются. А во-вторых... Он был человеком жестким, но абсолютно не криминального мышления. Вы понимаете, о чем я?

— Вам не пришлось совершать преступлений.

— Да! На грани фола работал, но со стороны закона...

Злобин повернулся лицом к Иванову.

— А вы бы и не стали, Василий Васильевич. Не то поколение. Вы с уголовниками якшаться не сможете. Вы их уважаете как противников, но презираете как людей. Правильно?

Иванов слабо улыбнулся.

— Верно сказано.

— Пойдемте назад. Я увидел все, что хотел.

Злобин первым пошел к проходу в кустарнике.

Иванов нагнал его на лужайке, пристроился сбоку. Шел, глядя под ноги, посвистывая одышкой.

— Картина более-менее ясна. Спасибо за откровенность, Василий Васильевич, — начал Злобин.

— Вот только не надо медом мазать! — едва сдержав раздражение, оборвал его Иванов. — Я допросов провел не меньше вашего. И что такое тактика допроса, еще не забыл. Догадываюсь, что

вопросов у вас больше, чем вы их задали.

— Тогда сами задайте последний вопрос.

Злобин остановился. Иванов тяжело засопел ему в лицо.

— Последний вопрос: что показал егерь? — задал за него вопрос Злобин.

— А-а! — Иванов соорстил пренебрежительную гримасу. — Робеспьер наш... Да ни черта он толком не видел. Мелькнул силуэт человека, метров двести с гаком до него было. Робеспьер толком не разглядел. Пошел наперерез, на тропе прочел следы человека и волков. Только волков и человека уже

не нашел. Как сквозь землю провалились. Вот и вся история.

— Где это было?

— В лесу, само собой. Я в местной географии, если честно, не очень. Какое-то урочище возле заброшенного карьера. Километров двадцать отсюда, если по прямой.

— Когда вы встречались с егерем?

— Вечером того дня, как дознание закрутил. Хотел узнать, откуда здесь волки взялись. Оказалось, они уже второй год здесь околачиваются. В глуши деревни вымерли, волки потянулись к городам.

— Занятно. — Злобин поднялся

по лестнице на террасу.

Постоял, осматривая лужайку.

— Василий Васильевич,
последняя просьба.

— Да?

— Покажите, пожалуйста,
кабинет Матоянца. Можете отказать,
имеете основания. Но я прошу. У
меня сложилось определенное
впечатление об этом человеке. Хочу
удостовериться.

Иванов подумал немного и
кивнул.

Подошел к двери, прижал палец
к плоской пластинке там, где обычно
помещают замочную скважину.
Замок сухо щелкнул.

— Тоже? — спросил Злобин.

— Да. И тоже без толку, —
выдавил Иванов.

Внутри дома было тихо, пахло
оранжереей.

Они прошли по скупому
освещенному коридору. В его конце
был виден зимний сад, залитый
падающим сверху светом. Но до сада
они не дошли, Иванов толкнул дверь,
открыв вход на лестницу.

По узкой лестнице они
поднялись на второй этаж. Оказались
в коридоре, освещенном ярче и
лучше обустроенном. Чувствовалась
близость жилых помещений.

— Прямо — на балкон, по нему
можно пройти в жилой отсек. Здесь
кабинеты: Матоянца, мой и запасной

для того, кому он может понадобиться.

— Как вы странно сказали — «отсек».

Иванов пожал плечами.

— Ашот Михайлович раньше спецобъекты проектировал. Считайте, что жаргон. А я его ненароком подцепил.

— Понятно. Как я понял, в ту ночь он прошел этим маршрутом. Или есть еще один вариант?

— Можно через балкон по лестнице спуститься в холл. Из оранжереи несколько выходов на террасу, вы их видели. Но шел он именно здесь. Я слышал. — Он указал на ближайшую дверь. — Это

мой.

— А его?

Иванов подошел к двери напротив. Достал из кармана ключи. Тихо щелкнул замок. Потом он приложил палец к косяку. Раздался еще один щелчок.

Приоткрыв дверь, Иванов занес ногу через порог и вдруг оглянулся.

Злобин отметил, что лицо у Иванова сделалось дряблым, то ли от волнения, то ли от испуга.

Иванов резко нагнулся, поднял с пола лежащий за порогом бумажный прямоугольник размером с визитку. Сунул в карман. Шагнул через порог.

— Смотрите так, дальше не пущу, — произнес он, давясь сиплой

одышкой.

Злобин встал на пороге. Провел взглядом по кабинету. Увидел то, что и ожидал. Умеренная роскошь интерьера и полный комфорт для работы.

— Все? — спросил Иванов.

Злобин не стал обращать внимание на плохо скрытое раздражение в голосе Иванова.

— С тех пор ничего не трогали?

— Нет. Опечатывать я не стал. — Иванов кивнул на косяк. — Но перекодировал систему. Сейчас открывается только на мой палец.

Злобин стоял близко и отчетливо смог разглядеть, как дрожат желваки на скулах Иванова.

— Все, Василий Васильевич.
Спасибо за содействие.

Злобин отступил в коридор.

— Не за что, — с трудом
выдавил Иванов.

Захлопнул дверь. Приложил
палец к косяку.

— Проводите меня, — попросил
Злобин.

— Сюда.

Они вышли на балкон, под яркий
свет, падающий с потолка. Широкая
лестница спускалась в холл,
превращенный в зимний сад.

«Здорово», — невольно
восхитился Злобин.

Но вслух ничего не сказал.
Подумал, что не раз выезжал «на

труп», но впервые оказался в таких интерьерах. Оказалось, разница не принципиальная. То же тягостное ощущение беды и безысходности. Не только несчастные семьи похожи, но и осиротевшие дома уравнивает беда.

Иванов подвел его к мощной входной двери. Остановился.

— Я жду ответной любезности, Андрей Ильич, — сказал он.

Злобин отметил, что Иванов успел взять себя в руки. Лицо от этого веселее не стало, но больше не каменело от едва сдерживаемых эмоций.

— Какой?

— Не считите за труд письменно уведомить о результатах. Если будет

принято решение опротестовать решение местного ГОВД, дайте знать незамедлительно.

— Конечно. У меня есть ваш телефон.

— А у меня в памяти — ваш. — Иванов похлопал себя по поясу, где висел мобильный.

— Вот и прекрасно. Стоит ли говорить человеку, служившему в органах...

— Да тыщу раз сам говорил! — Иванов поморщился. — Конечно же, позвоню, если что-нибудь всплывет.

Злобин протянул руку. Иванов пожал ее, как показалось Злобину, несколько торопливо. Чувствовалось, что Иванову все уже в тягость,

доигрывает роль на пределе.

Мощная дверь открылась на удивление легко.

В лицо ударил влажный ветер.

Злобин запахнул плащ и быстро сбежал по лестнице.

Мокрая крошка захрустела под подошвами.

Он оглянулся.

На пороге дома, набитого сигнализацией и тайнами, стоял пожилой мужчина в мешковатом костюме и смотрел ему вслед.

Злобин помахал на прощанье рукой. Мужчина захлопнул дверь.

Активные мероприятия

Иванов медленно растер лицо. Старательно выровнял дыхание. Лишь после этого достал из кармана бумажку.

«Я был здесь десять минут назад. Догадайся, как попал в дом?»

Почерк уверенного в себе человека, буковка к буковке, строчки не пляшут.

Иванов скомкал записку, тихо застонав.

На вялых ногах прошел через оранжерею, поднялся по лестнице, тяжело ступая на каждую ступеньку. Наверху перевел дух.

Вошел в свой кабинет. Он был обставлен богаче, чем тот, в котором принимал Максимова.

Иванов подошел к большому письменному столу, уперся руками в столешницу. Сипло откашлялся. Взял рацию.

— Я — первый. Доклад.

— Седьмой на связи. Объект отъехал. Двигается в сторону лесничества.

— Второй. Без происшествий.

— Третий. Без происшествий.

— База. Без происшествий.

Иванов выслушал доклады постов, прошептал ругательство и громко сказал в рацию:

— Усилить наблюдение.

Ткнул пальцем в клавиши компьютера. На мониторе появилась картинка, разделенная на четыре части. В каждой, как на черно-белом фото, застыло изображение дома и его помещений.

Иванов набрал команду, и кадры стали мелькать, отматывая изображение назад. Иванов нажал клавишу, и на экране в ускоренном режиме промелькнуло все, что происходило в доме и вокруг него за истекший час.

— Сучий потрох, — процедил Иванов.

Он задумался, покусывая нижнюю губу.

Резко потянулся через стол,

выдвинул верхний ящик. Достал пистолет. Сунул в карман.

Вышел в коридор. У дверей кабинета Матоянца опустился на колени. Стал рассматривать темный ворс ковра, едва не прижимаясь щекой к полу. Сипло задышал от натуги.

— Ага! — выдохнул он.

Потер пальцем ковер. Поднес палец к глазам. На пальце остался налет мокрых песчинок.

Иванов, кряхтя, поднялся с колен. Отдышался.

Подошел к бра в виде грозди винограда, нажал бронзовую бусинку.

В стене тихо щелкнуло. Беззвучно открылась потайная дверь.

Иванов, присев, осмотрел запирающее устройство, провел пальцем по косяку. Втянул носом воздух, поднимающийся из шахты. Пахло прелостью и мокрым бетоном.

Он прикрыл за собой дверь. Гидравлика плавно и бесшумно вернула ее на место, до щелчка запирающего устройства. Изнутри дверь не декорировали плотной обойной тканью, монолитная сталь с выпуклыми ребрами жесткости выглядела внушительно и надежно.

Иванов стал спускаться по винтовой лестнице вниз. Как ни старался гасить звук шагов, от движения грузного тела лестница тихо завибрировала, и вскоре

тоннель внизу наполнился отчетливо слышимым гулом.

Иванов спустился на нижнюю площадку: с нее начинался вход в тоннель. Узкий, но достаточно высокий, чтобы один человек прошел, не нагибаясь. Или след в след пробежала группа. Тоннель освещала цепочка тусклых лампочек. Пахло подземельем, сыростью, но стены и пол были сухими.

Иванов достал пистолет, передернул затвор и двинулся вперед, держа руку на отлете.

Тоннель с ощутимым уклоном уходил вниз, идти было легко, но все равно Иванов надсадно, с сипом, втягивал в себя воздух. Чтобы

немного успокоиться, он стал считать шаги.

На сто девяностом тоннель уперся в стальную дверь. Она была приоткрыта. На черной масляной краске белел небольшой прямоугольник.

Иванов отлепил бумажку. Слюна, на которой она держалась, была свежей.

«Ты просто гениален, мой друг!» — Тот же бисерный уверенный почерк.

— Поставь ствол на предохранитель и входи! — раздался из-за двери голос, твердый и уверенный, как и почерк этого человека.

Иванов невольно отшатнулся от двери. Рука с пистолетом судорожно дернулась вверх.

— Василий, я жду! — Голос человека, не привыкшего к возражениям.

Иванов смазал большим пальцем по предохранителю.

— Я вхожу! — твердо произнес он.

И потянул дверь на себя. Она с металлическим скрипом повернулась на петлях.

Иванов шагнул через высокий порог. Глаза не успели привыкнуть к полумраку. Он не разглядел протянувшуюся руку. Только висок обожгло холодным прикосновением

металла.

— Стой и не дергайся! —
прошептал тот же голос.

Следом жесткие пальцы
вырвали из руки Иванова пистолет.

В отличие от Иванова, человек
умел передвигаться бесшумно. Голос
его вновь раздался с расстояния пяти
шагов.

— Все, Василий. Включай свет.

Иванов заторможенно поднял
руку, нащупал выключатель.

Под потолком зажегся фонарь в
толстом стекле, забранный
решеткой.

Помещение наминало
убежище. Ряд двухъярусных нар по
периметру, стол с двумя скамьями по

бокам.

Мужчина лет пятидесяти на вид, но по-спортивному поджарый и широкоплечий, сидел на углу стола, поигрывая пистолетом Иванова. На нем был черный комбинезон с накладными карманами и разгрузочный жилет.

Иванов встретился взглядом с его глазами, холодными и бесстрастными, как стальные шарики, не выдержал и отвел взгляд.

— Кто в гости приезжал? — спросил мужчина.

— Злобин.

— Злобин? Из Генеральной?

Иванов кивнул.

— Повезло тебе. В надежные

руки попал. — Мужчина отложил пистолет. — Надеюсь, ты ему не сказал, что в ту ночь в доме был посторонний?

— Нет.

— Хотя в этом не оплошал. А во всем прочем — полный бэмс! И все потому, что ты всю жизнь расхитителей соцсобственности ловил. Ты, Василий, на хорьков и прочих грызунов охотился. Твари они вредные, злобные и жадные. Но трусливые. А тут волк действовал. Смелый и умный хищник. Совершенно другая психология. Вот ты его и не просчитал.

В мужчине в полном боевом снаряжении действительно было

что-то от волка, аура жестокой, бескомпромиссной и умной силы, исходящая от него, ощущалась на расстоянии.

Мужчина обвел пистолетом вокруг.

— Идея хорошая. Можно тайно из дома уйти, или скрытно усилить оборону, подогнав группу с автоматами. Но почему ты не просчитал, что кто-то чужой может этой норой воспользоваться? Мне хватило двух дней, чтобы узнать про ход от эллинга к дому. И полтора часа работы, чтобы обойти вашу сигнализацию.

Мужчина сунул руку под разгрузочный жилет. Достал

лазерный диск.

Зайчики света больно ткнули в глаза Иванову.

— Знаешь, что это?

— Лазерный диск.

Мужчина поцокал языком, покачав головой.

— Это, друг мой, файлы с жесткого диска ноутбука Матоянца. Стоит на столе в его кабинете, если помнишь. Самое смешное, что до меня в ноутбук кто-то лазил.

Мужчина не улыбнулся. Что бы ни говорил, лицо у него оставалось замершим и бесстрастным.

— И еще смешнее, что последняя операция — копирование. И произведена в то время, пока вы на

лужайке вокруг трупa гарцевали. Смеяться будешь?

Иванов поморщился, навалился плечом на косяк.

— Тут плакать надо...

— Тогда плачь! — равнодушно бросил мужчина. — «Пальчиков» гость не оставил. Но кое-что я насобирал.

Он завел руку за спину и выдвинул стопку пластиковых пакетиков.

— Для трассологической экспертизы хватит. Жаль, что к делу не приобщить.

— Сколько их было? — спросил Иванов.

— О, начинаешь

просыпаться! — Мужчина показал указательный палец. — Один. Работал без страховки, без обеспечения, без огневого прикрытия. Сам подъехал, сам через эллинг проник в этот бункер. Дальше — догадываешься. Среди твоих знакомых нет такого «солиста»?

— Нет.

— Значит, будем искать. — Он стал раскладывать по карманам разгрузочного жилета пакетики. — Куда, кстати, Злобин поехал?

— К егерю.

— Откуда информашка? —

Мужчина на секунду поднял голову.

— У меня зам по следствию на

прикорме. Отзвонил вовремя.

— Ну, поздравляю! Агентурист ты опытный. А в убийствах — полный лох.

— Тебе и карты в руки, — проворчал Иванов.

Мужчина легко спрыгнул на пол.

— Не грусти, Василий Васильевич. Жизнь продолжается. — Он подошел вплотную, протянул Иванову пистолет. — Злобин к егерю поехал. А мы, догадываешься, к кому поедem?

Иванов опустил взгляд на пистолет в руке мужчины. Выдерживать взгляд его глаз, выстуженных до стального отблеска, сил не было.

— Через полчаса жду у поворота к пионерлагерю «Горнист». Мужчина сунул в непослушные пальцы Иванова пистолет и пружинистой, волчьей походкой прошел в дальний конец бункера. Скрипнула стальная дверь. В помещение вплыл запах реки. Дверь захлопнулась.

Тихо загудела лестница под осторожными шагами. Потом все стихло.

В вязкой, гнетущей тишине подземелья Иванов не выдержал.

Вскинул ко рту руку с пистолетом, до скрипа закусил кожу на запястье и сдавленно завыл раненым зверем.

Глава девятая. Ловцы человеков

Неправда, что воруют только сейчас и только в России. Воровали везде и всегда. Уверен, даже в каменном веке друг у друга топоры тырили. Потому что такова природа хомо сапиенса. Разумный человек понимает, что легче взять чужое, что плохо лежит, чем потеть самому.

Как точно выразился один небесталанный поэт: «Чем завидовать и страдать, лучше сп...ть и пропить». По точности, сочности и конечной стадии формулировки легко догадаться, что фраза

принадлежит русскоязычному автору.

Законы, мораль, идеология и религия пытались исправить человеческую натуру или хотя бы загнать ее в рамки приличий. Безуспешно. Универсальность и неистребимость стяжательства и упорная заостенелость человека в тяге к чужому привела к парадоксальному выводу: если человек не поддается перевоспитанию, надо изменить общество, в котором он обитает. Авось хоть это поможет.

Внук великого раввина и друг английского фабриканта, а по совместительству борец за счастье пролетариата Карл Маркс посвятил

этому вопросу целый талмуд под названием «Капитал».

В фундаментальном, прежде всего по весу, труде Маркс обосновал гениальную мысль: следует упразднить как класс капиталистов, захвативших рычаги управления экономикой и нагло присваивающих себе в качестве зарплаты «прибавочную стоимость», а на их место поставить руководителей-коммунистов, которым в силу высокого духовного развития ничего не надо, — и на пролетариат просыплется золотой дождь в виде процентов с общенародного капитала. Молочные реки, кисельные берега, по бабе каждому и полное

удовлетворение потребностей
гарантируются государством
победившего пролетариата.

Странно, но в Европе, где забродил призрак этой идеи, не нашлось желающих воплотить его в жизнь. Выручили русские марксисты, читавшие Маркса в переводе. Хотя «пятая графа» у большинства большевиков несколько хромала, по духу они все же были глубоко русскими людьми. Русский же он как: прочтет случайно найденную книжку без обложки, поскребет в затылке, оглянется окрест, и душа его скорбью полна станет. А от полноты чувств народ-богоносец такое учудить может,

небесам тошно станет!

Творчески переосмыслив наследие раввинского внука, симбирский дворянчик добавил к ним десяток томов собственных комментариев, в которых критиковал других комментаторов, и, дождавшись полного бардака, научно называемого «революционной ситуацией», прокартавил: «Революция, о которой так долго говорили большевики, свершилась!»

Верные соратники в президиуме дружно прокартавили: «Ур-ра!».

«Ур-р-ра!» — подхватили набившиеся в Смольный дезертиры, матросы со стоявших на приколе кораблей Балтфлота и пролетарии с

бастующих заводов, высыпали на улицу и рванули делать эту самую революцию.

За какой-то десяток лет, что для сонной России — не время, теорию Маркса воплотили в жизнь. Всех собственников законопатили в землю, землю отдали крестьянам, а остановившиеся без фабрикантов и капиталов заводы достались рабочим. Уцелевшие в Гражданской войне марксисты встали у руля страны.

Так как рулить пока было нечем, ибо экономика скатилась на уровень средних веков, они стали устраивать мировую революцию, разбираться между собой, добивать

контрреволюционеров, сажать
сочувствующих и перековывать
трудом сомневающих.

В самый разгар этого
увлекательного процесса
местечковая революционерка Фанни
Каплан зачем-то выстрелила в
симбирского дворянчика, успевшего
стать вождем мирового пролетариата.
Вождь умирал два года, интригуя до
последнего дня, для чего написал
завещание к съезду партии и работу
«Как нам реорганизовать Рабкрин».
Чем окончательно всех запутал.

Но к власти, оттерев теоретиков,
уже прорвался прагматик Сталин. Он
припрятал завещание, а последнюю
статейку вождя приказал всем

изучать, как «Отче наш». Чтобы лучше усваивалось, лично дополнил ее капитальным трудом «Краткий курс марксизма-ленинизма». На этом в России на фундаментальных изысканиях в марксологии был поставлен крест. Маркса канонизировали, Ленина обожествили, обязали всех восхищаться их трудами, критиков и вольных толкователей сажали.

Очевидно, Сталин первым понял, что теория разошлась с практикой. Народ, а от него остались только победивший пролетариат и ставшее колхозным крестьянство, опять начал воровать. По теории — сам у себя, ведь собственность стала

общей. А воровать у самого себя, — это уже психиатрия, а не политэкономия.

Бог с ними, с темными, «Капитал» по слогам читающими. Но к процессу подключились даже свои, подкованные в марксизме товарищи из ЦК. Говорят, даже у рыцаря Революции Дзержинского на счету образовалось семьдесят миллионов швейцарских франков. И когда сверх занятой шеф ЧК столько заработать успел, если до обеда допрашивал, а с обеда до ужина расстреливал? Не на ночь же работу брал? Наверное, как приватизатор Альфред Кох, книжки писал, по полмиллиона за авторский лист.

Как известно, разобрался товарищ Сталин с товарищами по-своему. Обозвал «уклонистами», капиталы экспроприировал, а самих капиталистов-коммунистов расстрелял. Кому повезло, получили срок в пять пятилеток и поехали на лесоповал бесплатно создавать «прибавочный продукт».

К вопросу сохранности собственности новый вождь подошел диалектически: простым гражданам за карманную кражу стали давать три года, за тягу госсобственности, что плохо лежала, — две пятилетки исправительных работ.

Крепла и хорошела родная страна, неуклонно возрастал уровень

благосостояния народа. А народ все равно подворовывал.

Для борьбы с этим социально чуждым, но неистребимым явлением в системе МВД создали отдельное направление — отделы по борьбе с хищениями соцсобственности — ОБХСС.

Сразу надо заметить, несмотря на созвучие, с немецкими элитными «СС» ничего общего не имеющие. Возможно, воюй ОБХСС, как пресловутые «СС», профессионально, бескомпромиссно и беспощадно, за пару поколений отбили бы условный стяжательный рефлекс, и стал бы советский народ не только самым читающим, но и

единственным в мире не ворующим. Но такая задача перед ОБХСС не ставилась.

Мудрая партия понимала, что, во-первых, за пятилетку не исправить то, что закладывалось веками, а, во-вторых, люди не воруют, а по собственной инициативе исправляют огрехи в государственной системе распределения благ. Поэтому задача перед ОБХСС стояла не столь экономическая, сколько политическая. Главное было — не пресечь разбазаривание и расхищение народного достояния, а не дать этому процессу перевалить за опасную грань, за которой

украденное превратится в капитал, достаточный для захвата власти. Народной собственностью Кремль готов поделиться с кем угодно, но властью — никогда.

Василий Васильевич Иванов начал карьеру с должности рядового опера ОБХСС. Постепенно постигая премудрости усушек, обвесов, обсчета, присадок и приписок, он рос в звании и набирался житейской мудрости. Щенячий азарт, когда тьявкаешь и пытаешься вонзить молочные зубки во все движущееся, быстро остыл. Юношеские амбиции, когда ищешь дела не по зубам, развеялись, не создав необратимых последствий. Мудрость опера

приходит не с годами, а с уголовными делами. Только мудрость эта горькая, как у солдата-окопника.

Иванов, — человек склонный к философским обобщениям, — сумел заглянуть дальше и глубже сермяжной правды оперов. Он понял, что зло, с которым ему поручено бороться, есть неотъемлемая часть системы.

В системе централизованного учета, планирования и распределения благ был скрыт фундаментальный порок. Человек хочет жить хорошо сейчас, а не в загробном мире или в светлом царстве коммунизма. И чтобы он не начал удовлетворять собственные

потребности прямо сейчас, а не тогда, когда это запланировала партия, к нему следует приставить вертухая с наганом и по два стукача. Долгое время эта модель отношений государства и человека работала. Но умер Сталин, расстреляли Берию, а Хрущев взял да и ляпнул про коммунизм к восьмидесятому году. За одно это его надо было снимать с Генсеков.

Народ — он дурак только на партсобраниях и в день выборов, а по будням хрен его надуешь. Все быстро смекнули, что обещанное счастье всенародное не наступит никогда. И принялись строить индивидуальный коммунизм. Кто как мог и кто как его

понимал.

Броуновское движение индивидуальных волей рано или поздно получит вектор развития. И, как сорвавшуюся лавину, его уже ничто не остановит. Разовые хищения к семидесятым годам слились в общую систему «организованных хищений в особо крупных размерах», выражаясь языком УК СССР.

О масштабах хищений общенародного добра мог судить любой не жалующийся на зрение и голову. Стоило пройтись по улице и наметанным глазом осмотреть фланирующую публику, как в голове рождались невеселые мысли.

Практически весь модный ширпотреб никогда Госпланом не планировался, однако в ассортименте имелся. Производство и сбыт были налажены в государственных масштабах, но ни руководящая партия, ни рулящий Совмин к этим достижениям народного хозяйства не имели никакого отношения. Кто же тогда организовал это экономическое чудо?

Иванов считал, что в дело вступила стихийная самоорганизация масс. Цеховики, валютчики, фарцовщики и работники торговли, косяком идущие по соответствующим статьям, к этой экономической пугачевщине имели

касательное отношение. Какая разница, кто именно набился в подельники к Пугачеву, когда Русь восстала?

Даже если предположить, что некий управленческий центр этой стихией существует и во главе его сидит кто-то более гениальный, чем все Политбюро, — что толку? Положим, удастся его отловить и доставить в клетке в столицу. Пусть даже показательно четвертуют, как Пугачева. А с народом что делать? Опять по казармам и баракам?

Но в том, что процесс регулируется, Иванов получил шанс убедиться, когда вырос до начальника отдела. Неожиданно, —

во что он, поднаторевший в оперативном ремесле, не верил, — его пригласили в «курирующую инстанцию». Поводом стало дело о хищениях на кожкомбинате, в котором замелькала фигура замминистра.

Кураторы оказались людьми симпатичными. Один выглядел функционером Агропрома или «оборонки». Такому все равно, что озимые пахать, что баллистические ракеты штамповать. Партия сказала «надо» — вспашет и запустит, через «не могу», к очередному съезду, с перевыполнением плана. Он представился Решетниковым Павлом Степановичем. Второй,

номенклатурный дальше некуда, с манерами восточного царедворца, назвался Салиным Виктором Николаевичем.

Иванов сразу же оценил их профессиональный уровень. Материалы дела они препарировали по буковке, пробуя на излом каждый винтик в системе доказательств. Но схема преступления, вскрытая Ивановым, устояла.

— Что ж, сложилось впечатление, что на уровне директора и его команды мы и остановимся. Как считаете? — вежливо поинтересовался Салин.

Иванов считал, что надо идти по цепочке дальше, но промолчал. На

Старой площади сыскарь городского уровня голоса не имеет.

Через неделю он провел первые аресты. Дело получилось в меру громким, кто-то позаботился, чтобы оно попало в свод передового опыта. Иванова поощрили грамотой от министра МВД.

А замминистра, выведенный из-под удара? Краем уха Иванов узнал, что судьба сыграла с ним в русскую рулетку.

Сын ввязался в пьяную драку с нанесением тяжких телесных, повлекших стойкую потерю здоровья потерпевшего. Не убийство, конечно, но пункт у статьи тяжелый. Свидетели в один голос утверждали,

что виновен сын высокого папы. Странно, но дело довели до суда и впаляли максимальный срок. Пятно на мундир высокопоставленного чиновника вляпали изрядное и пахучее. Папе пришлось выбирать между карьерой и семьей. От сына он не отказался и тихо уехал директорствовать на провинциальной прядильной фабрике. Партбилет у него за что-то отобрали.

Совпадение? Да, если вы ничего не понимаете в политике. Иванов не сомневался, замминистра сожрали милые «кураторы».

На следующей встрече они уже общались с ним, как с своим,

конечно же, не посвященным в высшие интересы, но ориентирующимся в проблеме. Выложили на стол папку с «сигналами партийцев» и предложили оценить с точки зрения УК. По материалам получалось, что один из секретарей райкома партии увяз во взятках и связанных с ними аморальностях, как бегемот в болоте.

— Надо проверить, — осторожно заключил Иванов.

— Вот и проверьте, — подхватил Решетников. — Люди требуют справедливости. Почему же им ее не дать?

Сигналы в партийные инстанции Иванов превратил в

показания по уголовному делу. Странно, но никто из «сигнальщиков» заднего хода не дал и в суд свидетелями обвинения пошли, как по партизанарядке. Секретаря арестовали на рабочем месте. И что самое странное, дали осудить. Правда, предварительно отобрали партбилет.

На этом деле Иванов перескочил в министерство. И стал работать дальше, как выражался, между УК и КПК^[18].

А в конце восьмидесятых, стоило схоронить Андропова, закрутившего гайки, экономическая пугачевщина сломала плотину и хлынула кооперативным движением.

Иванов поначалу запаниковал, посчитав, что кураторы не справились с давлением пугачевщины и резьбу попросту сорвало.

Но по тому, как лихо плодились центры научно-технического творчества молодежи, студенческие кооперативы и хозрасчетные мастерские и кто там директорствовал, быстро стало ясно, процесс управляется. А когда стали открывать СП, коммерческие банки и биржи, а их директора рядом с «Визой» носили партбилеты, вопросов не осталось. Партия сама решила возглавить пугачевщину.

Кто считает, что партия

совершила харакири, не понимает ничего ни в политике, ни в экономике. Перед концом СССР ни одно серьезное экономическое начинание было невозможно без инвестиций государственного или криминального капитала.

Так зачем же устраивать гражданскую войну с гарантией потерять власть? Не проще ли, отбросив советскую идеологию, слить в экстазе капиталы? Неужели стратегически неверно возглавить процесс создания на обломках экономики, созданной для победы в Великой отечественной войне, новой системы, способной решать задачи грядущего тысячелетия?

По совету «кураторов» Иванов ушел из МВД и открыл частное агентство коммерческой безопасности. Навыки и знания, наработанные в борьбе за сохранность соцсобственности,годились в деле охраны собственности частной. Жил, работал, неплохо зарабатывал и старался не удивляться, что большинство новоиспеченных деятелей рыночной экономики ранее фигурировали в уголовных делах по линии ОБХСС, а кто не сидел тогда, сегодня за свои дела так и просился в камеру даже по нормам невразумительного нынешнего законодательства.

Он постоянно ощущал незримое присутствие кураторов в своей жизни. Довольно долго они на контакт не выходили. Но Иванов отлично осознавал, что бесхозным ему недолго ходить. Только накопит потенциал, достойный их внимания, на него выйдут.

Так и получилось. Стоило Матоянцу предложить перейти к нему на работу, как вечером в квартире Иванова раздался телефонный звонок.

— Вас беспокоит Салин Виктор Николаевич, — возник в трубке мягкий баритон. — Нужно встретиться.

Старые львы

— Извините, что пришлось вас побеспокоить, Василий Васильевич, — произнес Салин голосом мягким и теплым, как подушечка львиной лапы. — Но обстоятельства, как вы сами понимаете, чрезвычайные.

Очевидно, ввиду чрезвычайных обстоятельств для встречи «кураторы» выбрали пионерлагерь на берегу Клязьмы.

Летом в двух пятиэтажных корпусах бушевали подростковые страсти-мордасти, а в межсезонье администрация сдавала помещения для всяческих взрослых непотребств:

от семинаров саентологов до ускоренных курсов менеджмента. Как бы официально ни назывались мероприятия, все почему-то заканчивалось повальным промускуитетом и танцами под луной.

И сегодня в лагере медленно набирал обороты какой-то бюрократский сабантуй. Иванов мельком взглянул на номера машин, густо обложивших центральный корпус, — половина принадлежала администрации области. Машина с Ивановым и его спутником проехала по аллее дальше, к группке коттеджей. Там, как правило, отдельно от всех селили

организаторов непотребств либо тех, кто использовал сборища в качестве прикрытия.

У дальнего коттеджа стояли три иномарки: представительский «вольво», «ауди» и неизбежный джип-броневик с охраной.

Трое мужчин лет по сорок на вид курили на крыльце и на прибытие Иванова никак не отреагировали. Потому что следом шел Владислав, успевший где-то сбросить свою спецназовскую амуницию.

Владислав ввел Иванова в комнату, в центре которой за столом, спиной к окну, сидел Салин. Решетников расположился на диване,

валяжно вытянув ноги и сцепив пальцы на животе. В комнате витал нежилой гостиничный дух. Словно подчеркивая, что в этом временном приюте долго засиживаться не собираются, Салин с Решетниковым верхней одежды не сняли.

Прошедшие годы мало изменили «кураторов». Следуя моде, сменили покрой костюмов, с лица Салина пропали очки в тяжелой роговой оправе, их заменили невесомые на вид «Сваровски» с матово-темными стеклами, Решетников стал похож на функционера «Росвооружения», барражирующего между Абу-Даби и Сингапуром. Но внутренняя суть их, чувствовалось, осталась прежней.

Как были львами, приглядывающими за стадом номенклатурных буйволов, так и остались.

Решетников глазами дал команду Владиславу, тот беззвучно выскользнул в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь. Через пару секунд там ожил ноутбук.

— Э-хе-хе, — зашевелился Решетников.

Выудил из кармана плаща портмоне, тяжело вздохнув, достал стодолларовую купюру, продемонстрировал Иванову, с натугой сложился пополам, придвинулся к столу и положил банкноту перед Салиным.

— Эдак ты, милок, меня по миру

пустишь, — обратился он к Иванову. — Понадеялся на тебя и проспорил.

— Павел Степанович побился об заклад, что такого профессионала, как вы, на мякине не взять, — пояснил Салин. — Раз доложили, что произошла трагическая случайность, так оно и было. У меня сложилось мнение, что не так все просто. Пришлось просить Владислава проверить. Владислав! — чуть громче произнес Салин.

Тихо скрипнула дверь. Иванов решил не поворачиваться.

— Что там? — спросил Салин.

— Проект «Водолей» в полном объеме, — коротко ответил

Владислав.

Салин кивнул, и дверь вновь скрипнула, закрывшись.

Решетников шумно выдохнул. Опять достал портмоне, выложил на стол еще одну купюру.

— М-да, милок, разоришь ты меня, — протянул он. — Не денег жалко, отношения портить не хочется. Садись уж, что истуканом стоять!

Иванов сел на стул, сложил руки на коленях. Стул стоял слишком далеко от стола, в полосе света, бьющего из окна. Сразу же понял, что «кураторы» по мере сил постарались воспроизвести в коттедже обстановку кабинета в

спецбоксе «Матросской тишины», так называемой «тюрьмы Партии»^[19]. Отдельный стул, свет в морду, двое сбоку, вертухай за дверью.

Салин снял очки, тщательно протер стекла уголком галстука, водрузил их на нос, спрятав глаза за дымчатыми стеклами.

— Как вы себя чувствуете, Василий Васильевич? — поинтересовался он.

— Нормально, — ответил Иванов.

— По лицу не скажешь, — обронил Салин, покачав головой.

— Не красна девица, не расклеюсь.

— Значит, вы в состоянии выдержать весьма неллицеприятный разговор, — подхватил Салин. — Он будет менее жестким, чем тот, что предстоит Колядину. За личную безопасность Матоянца отвечал он? — Салин дождался кивка Иванова. — Вот и придется расспросить его с пристрастием. Кстати, Василий Васильевич, вам не кажется странным, что мы лезем в дела Матоянца?

Иванов заторможенно повел головой из стороны в сторону.

— Нет? И правильно считаете. Как ответственному за экономическую безопасность холдинга вам, безусловно, уже давно

ясно, на чьи деньги он создан. На «деньги Партии». Те самые мифические миллиарды, что растворились в воздухе в августе девяносто первого. Поэтому прошу считать нас с Павлом Степановичем представителями негласного совета акционеров. С соответствующими полномочиями.

— Я вас по старинке называю «кураторами», — глухо вставил Иванов.

Салин с Решетниковым переглянулись.

— Э-хе-хе, — усмехнулся Решетников. — По старинке тебя, милоч, следовало бы в камере «Матроски» попарить с недельку. А

по нынешним временам уж не знаю что... Утюгом, что ли? Ты какого рожна, милоч, следствие там затеял по горячим, так сказать, следам? Молодость свою вспомнил оперовскую? Так ведь напрасно. Сам запутался и нас в заблуждение ввел. Сидим тут и мозгуем, с умыслом или по глупости?

Иванов невольно сжал кулаки. Спазм стиснул горло.

— Ну я бы не стал так уж сгущать краски, — вступил Салин. — Благодаря усилиям Василия Васильевича мы сейчас четко себе представляем, что произошло хорошо спланированное преступление. Была ли смерть Матоянца лишь

отвлекающим маневром, или преступник таким образом убивал сразу двух зайцев, сейчас не суть важно. Мы имеем два очевидных и неоспоримых факта: похищены материалы по важнейшему проекту и ликвидирован его руководитель. Что вам известно о проекте «Водолей»? — Вопрос был задан без паузы.

Иванов, крякнув в кулак, выдавил спазм, отдышавшись, ответил:

— Ничего конкретного. Просто знаю, что Матоянц так называл какие-то работы, проводимые с участием субподрядчиков.

— Какие именно? Каких

конкретно субподрядчиков?
Персоналии? — пулеметной
очередью выдал Салин.

Иванов задумался, подбирая
ответ. Он отчетливо чувствовал
скрещенные на нем взгляды.

— Четкого ответа у меня нет.

— Вот как? — Иронии в голосе
Салина было ровно пополам с
желчью.

Иванов подумал, что двух
допросов подряд для него многовато.
Сначала Злобин прощупывал
вопросами, как врач ланцетом тыча,
где больнее, теперь эти рвут
слаженно и умело, как пара лаек.

Он усилием воли заставил себя
собраться. Вилять на таких

допросах — себе дороже.

— Матоянц был уникальным человеком. Конструктивистом, — как я его называл. Он мог из уже существующих частей сконструировать нечто принципиально новое. И эта конструкция была эффективной и надежной, пока он этого хотел. Отходил в сторону — она рассыпалась на составляющие.

— Это называется комбинаторно-аналитический склад ума, — своим прежним, мягким, чуть вальяжным голосом подсказал Салин.

— Возможно, я не знаю... Что такое «Водолей»? — Иванов пожал

плечами. — Скорее всего, что-то скомбинировал из имеющегося в наличии. Меня, во всяком случае, в известность не поставил. И конкретной задачи опекать именно проект «Водолей» не ставил.

— То есть ты, милоч, бдил добросовестно, а над чем — не знаешь, — вставил Решетников. — Хорошая работа, завидую. И отвечать, получается, не за что. Что делать будем? — обратился он к Салину.

Салин выдержал паузу. Сквозь мутные стекла очков несколько раз прожег Иванова взглядом.

— Надо подумать, — произнес он.

Решетников

неожиданно

оживился.

— И правильно! Времени в обрез, а с кондачка, однако, решать резону нету. — Он повернулся к Иванову. — Ты, милоч, выйди в соседнюю комнатку. Обожди немного. Мы тут посоветуемся с товарищем Салиным.

Сказано все было ласковым до елейности голосом, но у Иванова в животе образовался ледяной ком. Фраза была из репертуара товарища Шкирятова^[20], под которого так настойчиво косил Решетников. Лично с партийным «Малютой Скуратовым» в силу разницы в возрасте Иванову свидеться не

довелось, но кое-что слышал. Поэтому и обмер.

Иванов встал, на негнущихся ногах прошел в соседнюю комнату. Здесь тоже, несмотря на заморский интерьер, было по-гостиничному неуютно. Широкая кровать у стены, рядом — кресло, стол у окна.

За столом сидел Владислав, активно стуча по клавишам ноутбука.

Оглянулся на вошедшего Иванова. Чиркнул острым взглядом по лицу.

— Что-то взбледнул ты, мужик, — произнес он. — Водички хочешь?

Владислав взял стоявшую на столе бутылку «Святого источника»,

развернулся и ловко кинул бутылку Иванову.

Иванов поймал ее двумя руками, едва не уронив.

— Твою... Тебе только в цирке выступать, — проворчал он.

— А тебе за слоном выгребать! — беззлобно отбрил Владислав.

Иванов облизнул шершавые губы. Странно, до этого пить не хотелось, а только увидел бутылку, жажда стала мучительной. Он отвернул пробку, бутылка была початой, газы через край не хлынули. Закинул голову, жадно присосался к горлышку.

Краем глаза заметил, что

Владислав бесшумно встал со стула.

Потом в глазах помутнело. Темный абрис фигуры Владислава на фоне окна вдруг расплылся. Превратился в густо-черное размытое пятно. Пятно резко приблизилось, залепив глаза...

Иванова опрокинуло в густую, вязкую, как смола, темноту. Он ничего не мог разглядеть, только чувствовал, что его подхватили чужие сильные руки...

Кто-то, больно теребя руку, стал закатывать рукав. Обнаженную кожу на сгибе локтя обожгло холодом. Пахнуло спиртом. Иванов попробовал закричать, но воздух застрял в горле...

...Архитектор покачивался в мягко пружинившем кресле. Его округлое лицо с жесткой складкой губ то выплывало под луч света настольной лампы, то опять уходило в тень. Пальцы, лежащие в полукруге света, разлившегося по столешнице, медленно покручивали шариковую ручку. Когда ручка, поднимаясь вверх между пальцами, цепляла колпачком о стол, в кабинете раздавался цокающий звук. Будто невпопад постукивали шестеренки больших часов.

— Я технарь, Василий Васильевич. До мозга костей — технарь. — Архитектор говорил медленно, как дышит до смерти

усталый человек. — А значит, не имею иллюзий. Когда строишь мост, доверяешь не фантазиям, а точному инженерному расчету. Как говаривал мой дед, постановление ЦК партии не в силах отменить силу тяжести. Для меня учебник сопромата был Библией, как для некоторых полное собрание Ленина.

Как инженер в третьем поколении я отлично понимал, что перестройка окончится крахом. Два провинциальных партсекретаря устроили драку за власть, только и всего. Может, они и были сильны в политических интригах, но в сопромате — полные профаны. Цена Горбачеву как государственному

деятелю — премия «Лучший немец года». За Ельцина пришлось заплатить полтора миллиарда долларов из Международного валютного фонда. В противном случае русский народ второй раз такую обузу себе на шею не повесил бы. И он еще мнит себя царем-реформатором! Конечно, если целью реформ было превращение клана Ельцина в богатейшую «семью» мира, то тогда — да, цель достигнута. И слава богу!

Что же касается меня, то я всегда знал: пока на Украине и в Узбекистане гайки измеряют в миллиметрах, а не в дюймах, ни о какой реальной независимости речи

быть не может. Они читали Маркса, как политики, а я — глазами инженера. Технологический базис — вот квинтэссенция его теории. Какая техника используется в производстве, таков и уровень отношений в обществе. Иными словами, раб может пахать только плугом, раб на тракторе — нонсенс. Можно до паранойи контролировать идеологическую инфантильность подданных, чем занимаются все диктаторы, но как только ты допустил массовое внедрение новой техники, неизбежно изменятся общественные отношения.

Архитектор пристально посмотрел в глаза Иванову.

— Время позднее, вы устали и вам трудно следить за моей мыслью. — Ручка громко цокнула по столу. — Чтобы оживить вас, я использую не технический, а вполне житейский пример. Возьмем противозачаточные таблетки. — В глазах Архитектора блеснула искорка иронии. — Не будем спорить, что первично, — яйцо или курица. Технологии породили спрос или спрос вызвал к жизни технологию, не суть важно. Важно другое: как только женщины получили в руки эффективное средство перехитрить природу, они обрели свободу. Свободу от необходимости расплачиваться беременностью за половой акт.

Таблетка отделила личное удовольствие от необходимости продолжения рода, заложенного в нас природой. И вы думаете, женщина выпустит эту гарантию свободы из своих ручек? Нет, тысячу раз — нет. Проще изменить каноны морали и нормы сексуальной жизни, чем вернуть женщину в биологическое рабство, освященное религией и общественным мнением.

Полистайте женский журнальчик и отдайте себе отчет, что вся феерия товаров и удовольствий в подоплеке своей имеет химический синтез препарата, влияющего на овуляционный процесс. Одна

таблетка вызвала к жизни сонм технологий, удовлетворяющих желание женщины быть красивой, привлекательной и свободной. И так во всем!

Человек биологически слаб. Свои потребности в пище, в жилище, в безопасности, в продлении рода, в знаниях, в насилии и в развлечении он удовлетворял и будет удовлетворять исключительно через технику. Но парадокс в том, что, раз возникнув и будучи внедренной, технология уже никуда не исчезнет. Никто сейчас не согласится греться у костра, если есть паровое отопление. Лампочка Эдисона, или Ленина, если вам угодно, не просто

дала свет, а изменила Время. Пока она горит, — Архитектор указал на настольную лампу, — в нашем распоряжении двадцать четыре часа в сутках для работы. Телефон дал возможность общаться на расстоянии. Как только наше общение телефонизировалось, телефон никуда не исчезнет. С ним надо считаться, как с силой тяжести. Использовать можно, отменить политическим решением — нельзя.

Архитектор замолчал. Стал медленно раскачивать кресло. В тишине спящего дома звук тихо вздымающей гидравлики кресла показался Иванову неестественно

громким.

— Вернемся к политике. —

Пальцы Архитектора нащупали ручку, стали вращать, передавая один другому, как в шестеренке. — Петр Первый за волосы втащил сонную Россию в восемнадцатый век. Сталин пинком сапога загнал в двадцатый — век электричества, легированных сталей и атома. Не будь этого монстра и душегуба, после Первой мировой войны Россия превратилась бы в аграрно-сырьевой придаток для западной цивилизации. Индустриализация, проведенная Сталиным, отбросила перспективу превращения России в колонию на пятьдесят лет. Все, кто пришел

после Сталина, попросту паразитировали на его наследстве.

А Горбачеву и Ельцину удалось сделать то, что оказалось не под силу Гитлеру. Германская армия, самая отлаженная машина уничтожения в истории, оказалась бессильна против индустриальной мощи СССР. А эти двое смогли! За десять лет они полностью угробили технологическую базу страны, люмпенизировали инженерный корпус и лишили прав на существование науку. За это им мое отдельное человеческое спасибо и проклятие потомков, — презрительно, как выплюнул, скривив губы, произнес Архитектор. — И

теперь ребром встает вопрос — кто перетащит полудохлую Россию через порог миллениума, в двадцать первый век?

Архитектор бросил взгляд на Иванова и слабо улыбнулся.

— Нет, Василий Васильевич, только не я. Увы, я не Христос. И даже не Иоанн с Предтеча. Я лишь мастер, обтесывающий камни для будущего Храма. Кандидатов порулить всегда в избытке. Каждый желает покрасоваться на капитанском мостике, в избытке есть и штурманы, ведающие правильный курс в светлое будущее. Но пароход придумывают и строят не они. Одна ошибка в расчетах

инженера, и самый умный штурман и самый жесткий капитан не в силах будут отменить закон Бойля Мариотта. Судно по всем законам физики даст течь и — окажется на дне.

Признаться, мне приятно считать себя технарем. Никаких иллюзий. Пусть мальчишка Кириенко, забравшись в кресло премьера, тешит себя мыслью, что рулит бюджетом, регулируя цены на нефть. Я-то знаю, что бюджет страны в руках инженера по технике безопасности Омского нефтеперерабатывающего завода. Недосмотрит инженер — рванет так, что Чернобыль покажется

раем. И цены отрегулируются так, что опять дефолт объявлять придется.

И как технарь я вижу свою роль в спасении страны не в политических драках подушками, а в создании технологической базы для будущего диктатора.

Архитектор замолчал, поймав испуганный взгляд Иванова.

— Что вас так напугало, дорогой Василий Васильевич? Дикта-то-ра! — повторил он по слогам. — Иного способа мобилизовать страну на рывок в будущее я не вижу. Да и нет его, как подсказывает история. Диктатура — мероприятие

страшное и болезненное. Но и дальше увязать в болоте, теряя по миллиону жизней в год, страшно, болезненно и главное — бесперспективно! Нужен диктатор. Персоналии меня не волнуют. Это я оставил на откуп профессиональным политикам. Кто бы ни пришел к власти, моя обязанность дать ему в руки рычаг, чтобы он смог перевернуть мир. Тех-но-ло-гии! — по слогам произнес Архитектор.

Он взмахнул ладонью, словно отметая вопросы, готовые сорваться с губ Иванова.

— Да, наш холдинг является инновационным центром

принципиально новых технологий. А зачем же я тогда его создал? Для удовлетворения личных нужд мне вполне хватило бы первого заработанного миллиона. Видимо, дело в наследственности. Дед работал по программе ГОЭЛРО, отец создавал полигоны для атомного оружия, я посчитал себя не вправе уклониться от решения очередной технологической задачи, обеспечивающей будущее моей страны. Мы уже так с вами воспитаны, Василий Васильевич, вне и без России себя не мыслим.

Вот и я решил закрыть глаза на ту суету, что происходила вокруг, не митинговал, не интриговал, в

объединительных и учредительных съездах не участвовал. Я зарабатывал деньги и вкладывал их в поиск новых технологий.

Как всегда, новое — это хорошо забытое старое. Практически все, что нам нужно, либо давно изобретено, либо существует на бумаге. Основная работа свелась к маркетингу и организационным усилиям. Денег у меня меньше, чем у Сороса, но я знаю, где и что искать. И я такой же русский инженер, как и те, у кого я брал технологии для внедрения. Вы не поверите, но человек в заношенном пиджаке, работающий в полуподвале, первым условием ставил, чтобы его

изобретение было внедрено в России!
И за то, что таких людей нынешняя
политическая сволочь втоптала в
нищету, отдельное ей «спасибо».

Ладонь Архитектора,
лежавшая в круге света, оторвалась
от стола, поднялась в воздух.
Указательный палец уставился на
Иванова.

— Вы отвечали за
экономическую безопасность
холдинга, в силу необходимости
изучили технологические процессы
во всех структурных звеньях и на
всех участках. Признайтесь, вас ни
разу не посещала мысль, что в
холдинге что-то неладно? Ну,
скажем, есть «левое» производство,

если говорить языком ОБХСС?

— Нет. «Левак», «цех» я
нутром чую, — ответил Иванов.

— Отрадно слышать.

Ладонь Архитектора плавно
опустилась на столешницу.

— Я вас не обманывал, Василий
Васильевич. Просто не превышал
уровень информированности выше
допустимого. Сейчас ситуация
изменилась. Не скрою, она
чрезвычайно опасна. Мы начинаем
этап внедрения. Иными словами, все,
что тайно копилось в рамках
проекта «Водолей», станет явным.
Техника попадет в руки к людям. И в
этом я вижу главную опасность.
Техника без человека — мертвый

кусок железа. Но и человек по глупости своей способен превратить станок в грудку металла, а себя — в кусок мяса. Речь же идет не об отдельном станке, а о технологиях, способных перевернуть наше представление о мире.

— Вы говорили о диктатуре...

— Ай, ерунда! — отмахнулся Архитектор. — Не забивайте себе голову ужасами сталинизма. Оставьте это борзописцам и демшизоидам. Сталин не пил кровь стаканами ради собственного удовольствия, а жизнями платил за индустриализацию. И все, Англия, Франция, Германия и Америка, своей экономикой стоят на костях рабочих

мануфактур. Они положенное количество жертв в жертвоприношения прогресса бросили раньше нас и успели об этом забыть. Только и всего.

Смените один штамп на другой, и вам станет легче. Просто представьте себе, что на разворочанный завод с облунившейся вывеской «СССР» над проходной придет новый директор, запретит воровать, пьянствовать и тунеядствовать. И сделает это не из гонора, а потому что будет уверен, что новые станки уже едут к нему по железной дороге, а сбыт новой продукции гарантирован мировым рынком. И либо он

модернизирует производство, либо корпуса завода приспособят под химические отходы чужих производств. Вот так!

Иванов хотел спросить у Архитектора, что-то очень и очень важное, жизненно важное. Но лампа, дававшая мягкий свет, вдруг погасла.

Все вокруг погрузилось в густую, как смола, темноту...

* * *

...Он отчаянно барахтался в густой, как смоль, вязущей темноте. Вдруг почувствовал, что

тело, как пузырь воздуха, стало тянуть вверх, все быстрее и быстрее. Он вынырнул из тьмы и широко распахнул глаза...

Свет так ударил в глаза, что Иванов стиснул веки и невольно застонал. Почувствовал, что жгучая влага выдавилась в уголках век и густыми каплями побежала по вискам. Поднял руку, чтобы стереть ее, но в кисть тут же вцепились чьи-то жесткие пальцы.

— Не надо делать резких движений, Вася, — совсем рядом с собой услышал Иванов голос Владислава. — Просто лежи и слушай.

Иванов облизнул мертвые

шершавые губы и сиплым голосом спросил:

— Глаза-то можно открыть?

— Глаза открыть можно, — раздался голос Салина.

Иванов приподнял гудящую от боли голову и осмотрелся.

Оказалось, лежит на широкой кровати. Рядом сидит Владислав. В изножье кровати, в кресле — Салин. Решетников примостился на краешке стола.

Шторы в комнате плотно задернуты. Яркий свет идет сверху, от галогеновой лампы под потолком.

— Как вы себя чувствуете, Василий Васильевич? — участливо поинтересовался Салин, не глядя на

Иванова. Он сосредоточенно полировал стекла очков.

— Нормально. Голова только побаливает...

— Это пройдет. Да, Владислав?

— Минут пять на свежем воздухе, и никаких проблем, — ответил Владислав.

— Значит, беспокоиться не о чем. — Салин надел на нос очки. — Итак, продолжим. Я мог бы сказать, что имел место обычный обморок. Вы которые сутки живете в нервном перенапряжении, поверили бы. Да и свидетели подтвердили бы. Но не хочется портить отношения примитивной ложью. Это первое. Второй аргумент: мне хочется, чтобы

вы целиком и полностью отдавали себе отчет в ситуации. А она чрезвычайная. И требует чрезвычайных мер.

Он дал знак Владиславу.

Иванов почувствовал жесткие пальцы Владислава на своем локте. Только после этого осознал, что рукав рубашки закатан.

— Да, пришлось сделать укол. Другого способа снять информацию в сложившейся ситуации у нас не было, — безликим голосом продолжил Салин. —

Катастрофически не хватает времени. Вы же сами проводили допросы, Василий Васильевич, и знаете, что иногда требуются не

часы, а месяцы, чтобы снять нужные показания. А у нас на учете каждая минута. Не беспокойтесь, препарат проверенный, никаких побочных эффектов. И ничего, кроме интересующего нас по делу, мы у вас не выпрашивали. Если вас это успокоит — все заняло ровно пятнадцать минут. Столько действует препарат. Согласитесь, тратить таким способом купленное время на ерунду — непростительное мотовство.

— Эх-хе-хе, милоч, — раздалось от окна. — Поставил ты нас в положение...

Салин повернулся к Решетникову.

— Я разве не прав, Виктор Николаевич? — спросил Решетников. — Человек пять лет проработал рядом с Матоянцем, а чем он занимался — не просек. Ну — полный ноль! Даже завидно, ей-богу.

— Еще раз извините за способ, но он полностью снял с вас подозрения, — Салин обратился к Иванову. — Под действием препарата человек дает точные ответы на конкретные вопросы. Не бредит и не несет все, что на ум пришло, а отвечает коротко и ясно. Вы не ответили ни на один вопрос, потому что ответов у вас нет. Плохо для нас, хорошо для вас. Что и поставило в

тупик моего коллегу. Кстати, информацию о системе охраны дома вы никому не сдавали.

— За исключением Злобина, — с трудом произнес Иванов.

Решетников крякнул в кулак.

— Слышали, милоч. Сам рассказал.

Салин кивнул.

— Это делает вам честь, Василий Васильевич. Не только на химическом допросе, но и в обычном разговоре вы не врете.

— Спасибо за комплимент. Я могу встать?

Владислав отрицательно покачал головой.

— Мы скоро уйдем, тогда и

встанете, — вслух за него ответил Салин. — Дела ждут. Да и вам разлеживаться особо некогда. — Он выдержал паузу. — Мы посовещались и решили, что вам необходимо сдать дела и отправиться на покой. Финансовый аспект мы решим корректно. Скажем, вы продадите свой бизнес, фирму «ЭКС» за разумную, но приемлемую для вас цену.

— На круг выйдет такая персональная пенсия, что Горбик позавидует, — вставил Решетников. — Давно тебе пора на пенсию, Вася. Мышей не ловишь.

— Ну я бы не стал так формулировать... Но в целом

поддерживаю. — Салин мягко шлепнул по подлокотнику. — Вы выходите из игры. Срок на передачу дел — две недели. Начиная с сегодняшнего дня.

Иванов приподнялся на локте. Странно, но вся муть из головы вышла, словно выпался всласть. И зрение стало четким.

Он долго рассматривал Салина с Решетниковым. Прояснившиеся глаза видели привычные лица совершенно по-новому. А может, все дело в прояснившемся сознании? Во всяком случае Иванов четко отдавал себе отчет, что видит их последний раз в жизни.

— Кто будет преемником? —

глухо спросил он.

— Ох-хо-хо, милоч, — вздохнул Решетников. — Кем тебя заменить найдем. Полезных идиотов всегда навалом. Где бы нам второго Архитектора найти! Хорошо ты Матоянца назвал — «Архитектор». В самую что ни на есть точку!

Повисшую тишину вспорол глухой вибрирующий звук.

Владислав сорвал мобильный с ремня, как выхватил пистолет из кобуры, одним движением, резким и отточенным.

— На приеме, — бросил он в трубку. — Да... Понял.

Он убрал трубку на место.

Иванов вверх не смотрел, лица

Владислава не видел. Зато видел Салина, резко вскинувшего холеный подбородок.

Луч света брызнул искорками, разбившись о дужку очков.

— Можно, Владислав, — разрешил Салин в ответ на немой вопрос оперативника.

— Злобин взял след.

Короткая фраза, как выстрел, изменила все и сразу. Воздух в комнате стал плотным, звенящим от напряжения.

Решетников сбросил с лица маску добродушного ерника. Оказалось, он умеет делать лицо первых командармов: лихих и беспощадных рубак, на взмыленных

жеребцах ворвавшихся во власть.

Он слез с угла стола, запахнул плащ.

Салин, чуть помедлив, выбрался из кресла. Одернул пиджак, только после этого застегнул плащ, завязал пояс узлом.

— Прощайте, — невнятно произнес он.

Вышел первым. За ним — Решетников.

Последним на пружинистых волчьих ногах выскользнул Владислав.

Не попрощавшись и даже не оглянувшись.

Глава десятая. След оборотня

Серый Ангел

Иванов правильно сказал, у следователя всегда больше вопросов, чем он задает вслух. Просто на большинство вопросов он ищет ответ сам. Подследственному сам Бог велел крутится, как урю на сковородке, не захочет, а соврет. А следователю Бог положил копать землю на три метра вглубь и не верить ничему, что не удалось трижды перепроверить.

Злобин, сев в машину, замкнулся

и демонстративно отвернулся от притихшей Ольги.

Вопросы гудели в голове, как пчелы в улье.

«Почему дом обнесен эшелонированной системой сигнализации? Не жилье, а спецобъект какой-то. Создалось впечатление, что Матоянц именно так его и проектировал. Причина? Если отбросить версию, что Матоянц страдал паранойей, то должно быть рациональное объяснение. Скорее всего, его следует искать в деятельности холдинга.

А что есть холдинг „Союз-Атлант“, если судить по справке, что мне сунул Игнатий Лойола? Восемь

структурных подразделений
различной специализации: от
спецстроительства в
нефтедобывающем комплексе до
микробиологической лаборатории.
Плюс блок управления. Всего —
полторы тысячи человек. Обороты
солидные, но не чета Газпрому.
Только звучит красиво „холдинг“, а
так — третье место в пятой сотне.
Больше походит на хозрасчетный
НИИ, чем на коммерческую
структуру. И вдруг такая система
безопасности.

Почему смерть столь
незначительного коммерсанта
всполошила серьезных людей?
Игнатий Лойола намекнул, что дело

держат на контроле в администрации Президента. Им там что, больше делать нечего? Особенно когда Скуратов „копает“ дефолт. Есть ли связь интриг вокруг дефолта со смертью Матоянца? И вообще, насколько Матоянц был связан с политикой? Лично, во всяком случае официально, „не состоял, не подписывал и не участвовал“. А негласно? А через холдинг?

Либо холдинг — химера, пустышка для прикрытия финансовых афер, либо, если он реально работал, на его базе осуществлялось нечто, достойное таких мер безопасности. И Матоянц имел основания считать себя

ключевым звеном, поэтому так и озаботился личной безопасностью. Все ответы надо искать в делопроизводстве холдинга.

Стоп, не увлекайся! Видеозапись... Она полностью блокирует дальнейшее расследование. Да еще пачка показаний свидетелей и экспертиз. Можешь расслабиться, никто постановление территориалов не отменит. Даже Игнатий Лойола. Да я сам буду против! Против очевидных фактов не попрешь. А будет желание — не дадут».

В голову пришла мысль чрезвычайно интересная и опасная. И Злобин сразу же решил испытать

ее на излом. Сломается, проще выкинуть из головы.

Он повернулся к Ольге, с безучастным видом смотревшей в окно. Зажатая, замкнувшаяся, в служебной «Волге» она выглядела ребенком, оказавшимся на празднике взрослых. По всему было видно, что поездка ей уже не в радость.

— Оля, кто в ту ночь был в доме из ближайших родственников?

Ольга от неожиданности захлопала глазами. Потом собралась и четко ответила:

— Жена, мать Матоянца, восемьдесят с хвостиком лет. Двоюродная сестра Белла, гостила неделю. Постоянно живет с мужем в

США. Приезжала навестить родню в Армении. Собиралась улетать через день.

— Был обратный билет?

— Да. Я сама видела. Как обычно, держала в паспорте. Я попросила всех предъявить документы, ну и увидела.

— Молодец. А кто из ближайших родственников участвовал в опознании?

— Жена. — Оля нервным движением потерла пальцем висок. — Там Иванов пытался всем заправлять. Но я настояла, чтобы приехала жена.

— Оленька, по сути там же опознавать нечего было. Ни лица, ни

внутренностей... Труп-то обмыли, или как обычно?

— В этот раз все было не как обычно. Идеально все было, как по инструкции.

— «Эффект жареного петуха», — вставил Злобин, чтобы сбить Олю с едкого тона.

— А?

— Узкоспециальный термин. Не обращайтесь внимания. Итак, жена опознала его по... По чему она его опознала?

Злобин краем глаза поймал ироничный взгляд водителя в зеркальце. Парню явно не терпелось вставить что-то в духе поручика Ржевского.

— По кисти левой руки, — ответила Ольга. — У него был характерный шрам в виде трилистника. Потом, само собой, истерика, рвота, обморок. По полной программе.

— А вы?

— Что — я? Я уже привыкла.

Злобин посмотрел на ее кукольное личико школьной отличницы и решил не комментировать. Сама себе службу выбрала. Станет тошно — уйдет.

— Посмертную маску эксперт снимал?

— Да, я же говорю, все было по высшему разряду.

— Кто опознавал по фото с

посмертной маски. Иванов и жена?

— Да. И еще начальник личной охраны. Все это есть в деле, Андрей Ильич.

— Да, да, я помню... А теперь, Оля, вспомните запись, потом всю эту суету с трупом... Вас не посещала мысль, что все это инсценировка? Качественная, безупречная инсценировка по предварительному сговору?

Оля округлила глаза.

— Я не поняла... Вы думаете?

— Нет, это вы, Оленька, подумайте и ответьте.

Злобин достал сигарету, закурил.

Оля все еще прибывала в легком

нокауте. Злобин решил — учить так учить и добил:

— Думайте качественно, Оля. Потому что, если версия с инсценировкой имеет право на существование, то в этом спектакле вы играли либо роль марионетки, либо... — Он протянул паузу и добавил: — С учетом желания иметь квартиру в Москве. Чем не мотив?

Сначала на лице Ольги вспыхнул румянец, потом оно сделалось отечно-бледным.

Она резко достала из кармана пачку тонких сигарет. Сунула белую палочку в рот, прикурила и отвернулась к окну.

«Да, девочка, это и есть

обратная сторона нашего ремесла. Сегодня ты допрашиваешь, завтра — тебя. Многие, круче тебя в сто раз, с хрустом ломаются, стоит только поменять их местами с подследственным. Удар по психике еще тот! Но разве врач застрахован белым халатом от болезней? Нет, болеет и умирает, как все. Даже риск подцепить заразу у врача больше, чем у обычного человека. Почему тогда опер, находящийся в шаге от тюрьмы, чувствует себя избранным? Риск попасть под статью у него больше, чем у простого обывателя. Вывод: нужно время от времени устраивать самому себе подобный психологический тренинг. Больно,

согласен, но полезно. Как там у Суворова? „Тяжело в учении, легко в бою“. Когда подставят и бросят в камеру, учиться держать удар будет поздно».

— О чем бы вы сейчас ни думали, мне нужен ответ на поставленный вопрос. Четкий и однозначный, — голосом экзаменатора окликнул Ольгу Злобин.

Оля сбила столбик пепла в пепельницу на дверце, только после этого повернулась.

— Исключено, — твердо произнесла она. — Инсценировка полностью исключается.

Злобин не без удовольствия

отметил, что лицо ее сделалось злым, по-хорошему злым.

«Молодец, удар держит»

— Аргументы?

— Труп был дактилоскопирован в моем присутствии. При желании можно копать дальше. Снять отпечатки в доме и офисе и так далее. Труп не был кремирован. Заметьте, по желанию родственников. В случае необходимости можно потребовать эксгумации. На похороны прилетел сын Матоянца. В доме живет мать Матоянца. Закажите посмертную экспертизу на степень родства — и все всплывет. Нет. — Она встряхнула головой. — Так не подставляются.

— Оля, дорогая моя, на том и стоят органы, что преступник всегда подставляется. Невозможно все учесть. Идеальных преступлений в природе не существует, как нет идеального газа. — Он примирительно улыбнулся, смягчил тон до дружеского. — А вы, Оля, молодец! Даже в состоянии шока трезво мыслите. Спортом занимались?

— Первый разряд по волейболу.

— Ну, если с таким ростом...

Значит, за характер и голову в команде держали.

Ольга потупилась. Лицо вновь ожило.

— Я разыгрывающей была. За

это девчонки и уважали.

— Толк из вас будет, поверьте бывалому следаку, — продолжил Злобин. — Опыт придет со временем. Но опыт на костяк нанизывать надо. А он у вас есть. Медицинский, так сказать, факт. Иванов о вас невысокого мнения, а я наоборот — считаю, что задатки у вас отменные.

— П-фу! Иванов! — Оля скорчила недовольную гримаску. — На его месте я бы молчала. Гарцевал, как слон, всех жизни учил, а на самом деле что? Если задуматься, после драки кулаками махал. Так?

— Очевидный факт, — с готовностью согласился Злобин.

— И куда теперь весь его профессионализм и опыт засунуть?

«Все ясно, Иванову она не звонила. Отношения у них явно не сложились. Тогда кому?»

Злобин посмотрел на часы.

— Уже скоро, — подсказала Ольга. — Сейчас опушку обогнем, дорога нырнет вниз, потом на взгорок. Метров через триста будет кордон.

— А вас начальник не потерял?

— Я же ему отзвонилась перед выездом. Сказала, что еду на кордон с прокурорским... Извините... В смысле — с вами.

— И он дал добро?

— Конечно. Кто будет спорить с

Генеральной?

Злобин кивнул.

«Ясно. Местный зам по
следствию явно на „подсосе“ у
Иванова. Учетом».

Машина, плавно покачиваясь в
колдобинах, залитых водой,
медленно пробиралась по дороге,
огибающей острый выступ леса.
Справа мокло под морозящим
дождиком поле. Вспаханная земля
ждала снега. Над полем то и дело
взмывали вверх грачи. Ложились на
ветер, проделывали пару фигур
высшего птичьего пилотажа и
опрокидывались вниз, на борозды.

Водитель у Злобина был не
простой вращатель казенной

«баранки», показательно равнодушный ко всему, что происходит в салоне. Сергей окончил юрфак, не первый год служил оперативником в структуре Игнатия Лойолы и, надо думать, кое-что смыслил в оперативных играх. Он послал через зеркальце одобрительный взгляд Злобину.

Покрякал, прочищая горло.

— Извините, Андрей Ильич, давно хочу сказать...

— Да, Сергей?

— Впереди нас кто-то едет. Он воду в колдобинах разогнал, наплывы по краям совсем свежие. Минут пятнадцать прошло. Оля, это единственная дорога к кордону?

— Короткая — да. Все местные ею пользуются. Есть другая, с трассы надо свернуть, потом через Верхнее...

— Что за машина, Сергей? — перебил ее Злобин.

— Протекторы, вроде бы, уазика. У него масло, кстати, подтекает. Да, скорее всего, «УАЗ». Только наш уазик течет, как броненосец «Потемкин» после пробоины. Ему на день ведро масла требуется.

Они обменялись взглядами через зеркальце заднего вида.

«Правильно, Серега. Если нач по следствию на „подсосе“, то что ему стоило не только отзвонить Иванову,

но и наряд в лесничество выслать. Только зачем?»

Машина преодолела небольшой подъем. Водитель вдруг резко ударил по тормозам.

— Ого! Чуть не влипли. — Он поставил машину на ручник.

Злобин перегнулся через переднее сиденье.

Дальше дорога круто ныряла с холма и под еще большим углом забиралась на склон другого. В самой низине в центре раскисшей лужи торчал милицейский уазик.

— Вот так. Пока весь мир строил дороги, мы строили социализм, — прокомментировал увиденное Сергей. — Везет нам,

Андрей Ильич. Пошли бы вниз юзом, состыковались бы, как «Шатлл» с «Миром».

— Какого он там встал?

— А черт знает! — Сергей указал на блестящую полосу, прошивавшую лужу насквозь. — Ручеек, наверное, от дождей ожил. Но уазик должен такую лужу на ура брать. Странно...

— Посигналь! — распорядился Злобин.

Сергей дважды бибикнул.

Распахнулась водительская дверь «УАЗа» и наружу выпрыгнул кряжистый мужичок в милицейском бушлате. Замахал руками.

— Да не бойся, лоходром, не

поеду, — процедил Сергей.

— Это Холстов, старшина из райотдела, — подсказала Ольга.

— Ваш? — спросил Злобин.

— В каком-то смысле мой. Крестный старшей сестры. А так — сейчас за участкового. Три поселка на нем.

Мужчина враскорячку, скользя сапогами по глине, стал подниматься вверх.

— Ладно, подождем.

Злобин откинулся на спинку сиденья. Исподлобья осмотрел окрестности. Пейзаж не изменился. Только на душе стало тяжело.

Нет, он и думать не стал о засаде с мордобоем и пальбой. Слыхал, что

какой-то отморозок из областных оперов прострелил ногу заехавшему на его «землю» оперу из московского ОБНОНа. Просто догнал в голом поле, выволок из машины и в ходе диспута в стиле «а ты кто такой?» продырявил человеку бедро из табельного пистолета. Основной аргумент — «земля моя и наркоши на ней — мои». Дело, кстати, замяли.

Но что с ним сейчас произойдет нечто подобное, Злобин даже не брал в голову. Не будет этого — и все. Почему нет? А в жизни все так, одному вечно ни за что морду бьют, а другого даже за дело почему-то зацепить боятся. Злобин считал себя из рода тех, кого тронуть — себе

дороже. Вся родня по отцовской линии сплошь казаки. С вольным казаком особо не забалуешь.

А предчувствие беды все же свербило изнутри, грызло нутро, как крысенок корку.

— Серега, ты как? — тихо спросил Злобин.

— Как пионер.

По голосу стало ясно, парень тоже почуял неладное и собрался. Правая рука как бы сама собой съехала с рычага коробки скоростей и легла на колено. Поближе к «Гюрзе», притаившейся в кобуре на поясе.

Сначала над откосом показалась голова в фуражке. Потом туловище в

бушлате. Потом все резко пропало из видимости.

Из-за откоса раздалось нечленораздельное; «Ептыть!»

Спустя полминуты на четырех конечностях выгреб старшина. Выпрямился, взмахнул руками, разбрызгав с рук жидкую грязь.

Култыхаться в грязи, видимо, для него было делом привычным. Во всяком случае, настроение не испортилось.

Он широко улыбался, поблескивая металлическими коронками во рту. Если бы на бушлате не было погон, выглядел бы обычным механизатором. Милицейскую фуражку, как картуз,

по вечной деревенской моде прилепил на затылок, выпустив на морщинистый лоб пегий редкий чубчик.

— Командир, только не вздумай тронуться! — громко предупредил он. — Мой «козел» выдержит, а тебя за казенную тачку со свету сживут.

Сергей опустил стекло, высунул голову наружу.

— Ты что встал, как ишак на Арарате? — вместо приветствия залепил он.

Старшина скользнул взглядом по номерам «Волги» и решил в словесную перепалку не вступать.

Подошел вплотную к капоту.

— Так, сцепление полетело.

Мать его... — Он старался рассмотреть людей в салоне через лобовое стекло. — Ай, и колесо заднее, как на грех... — Он свел грязные ладони. — Зажало его между бревнышек. Там Матвей бревнышки кинул. Ну, чтобы не проваливалось. А их подмыло. Мы с лету хотели. И вот, значит... А вы кто будете?

— Оля, выходим! — бросил Злобин.

Первым распахнул дверь.

Старшина нервно дрогнул горлом. Уставился на Злобина. Потом еще раз удивился, увидев Ольгу.

— Здравствуйте, дядя Саша, — первой поздоровалась она.

— Привет, крестница! Какими

судьбами? — он почему-то обратился к Злобину.

— По делу мы здесь, старшина. — Злобин издалека показал удостоверения. — На кордон едем.

Старшина быстро оглянулся, потом грустно вздохнул.

— Так и мы туда же. Только вот... К-хм.

Злобин подошел ближе. Как и ожидалось, от старшины шел слабый водочный запах.

— А вам зачем на кордон? — спросил Злобин.

— Так, это... Матвея Петровича, егеря нашего, в правлении ждут. Народ собрался, а его нет. Звонили,

никто трубку не берет. Может, линию залило или еще что... Вот я и подумал, слётаю. А вон что вышло. — Он махнул рукой в сторону засевшего по брюхо уазика. — Сцепление, ептыть... Так еще колесо зажало.

— И тебя нам никак не объехать?

— На «Волге»? — Старшина поднял бесцветные брови. — Не-е! И думать забудьте. Сразу утопните по капот. Это только отсюда так кажется. А если поближе, то там одно болото.

Злобин всмотрелся в простоватое, грубо отшкуренное жизнью и водкой лицо старшины.

Похоже, что не врал. Но чем-то явно был обеспокоен.

— У вас в правлении важное собрание?

Бровки у старшины вновь взлетели вверх, сжав в морщины кожу на лбу.

— Куда важнее! Паи же продают. О-о! Народ с девяти утра бузит. А Матвея нет.

Злобин посмотрел вниз, потом на близкий лес.

— Пешком на кордон пройти можно?

— Само собой. Минут десять ходу. Я как раз собирался пешедралом чесать. — Старшина махнул рукой вправо. — От так,

напрямки. Минут за десять.

— Дядя Саша, что ты гонишь! —
подала голос Ольга. — Если мимо
оврага, то больше. За полчаса не
дойдешь. Да и грязи там сейчас — по
уши.

— А, много ты понимаешь! —
всерьез возмутился старшина. —
Оврагом! Есть и короче тропка. Как
войдем, так влево надо забирать. А у
малинника спрямлять. Вот и не
выйдешь ты к оврагу. — Он
посмотрел на ноги Злобину. —
Только обувь бы вам сменить. Трава
там... Замочитесь.

Злобин пошлепал подошвами
легких туфель по грязи. Мысленно
отругал себя, что не сообразил

переобуться во что-то более подходящее для Подмосковья.

— У меня сменка есть, Андрей Ильич. — Сергей выбрался из машины. — Какой у вас размер?

— С утра сорок второй был. Сергей тихо рассмеялся.

— Везет вам. — И пошел открывать багажник.

Злобин открыл дверцу, сел на переднее сиденье, оставив ноги снаружи.

Сергей копался в багажнике, Ольга отошла в сторонку, о чем-то тихо переговаривалась с крестным. Пока все были заняты своими делами, Злобин маленьким ключом открыл бардачок, превращенный в

сейф. Под папками лежал «ПМ». Злобин незаметно сунул пистолет в карман плаща, захлопнул крышку бардачка.

Трагическая смерть Барышникова была еще свежа в памяти. И предчувствие сейчас буравило нутро, как и тогда, перед неожиданной перестрелкой. Злобин решил, что лучше держать оружие под рукой, чем ждать, пока оно не выпадет из рук смертельно раненного друга.

«Лучше всю жизнь проходить с ножом, чем раз выйти из дома без ножа, а потом всю жизнь об этом жалеть», — вдруг вспомнились слова одного подследственного.

Ношение оружия ему тогда, кстати, пришить не удалось, экспертиза признала нож некондиционным. Не хватило одного сантиметра у клинка. Но и этим восьмимиллиметровым лезвием он умудрился нанести «травмы, не совместимые с жизнью». Гордый был до жути. Не стерпел оскорбления. Суд решил — виновен. Зона, по информации Злобина, рассудила иначе — неподсуден. Волчьи, конечно, у них там законы. Но кое-какие понятия имеются.

Пистолет приятной тяжестью оттягивал карман. Странно, но именно присутствие оружия вернуло Злобину уверенность в себе.

Интриги, вымученные тайны, чужие чуждые интересы — все отступило на задний план. Все сжалось, скукожилось, выдохлось. Словно очертил незримую границу между собой, своим миром — и хищным двуногим зверьем вокруг. Злобин почувствовал, как внутри растет лихая, пружинистая сила, отливаясь в готовность мгновенно выхватить оружие и защитить себя и все, что дорого.

Подошел Сергей. Поставил перед Злобиным пару резиновых сапог.

— Молодец, запасливый! — похвалил Злобин.

— Запас не тянет. Тем более, не

на себе ношу, в машине едет.

— А сам как?

— Ну, у меня всепогодные. И на все случаи жизни.

Сергей задрал штанину черных джинсов. То, что Злобину казалось модными тупоносыми ботинками, на поверку оказалось армейскими бутсами с высокими берцами.

— Австрия, — уточнил Сергей. — Фирма веников не вяжет.

— Хорошая обувь, — оценил Злобин. — Кости с полпинка раздробить можно, а оружием не назовешь.

— То-то и оно.

Сергей присел на корточки напротив Злобина.

— Какие будут указания? — шепотом спросил он.

— Ты, как я понимаю, тоже что-то почувствовал неладное. — Злобин начал переобуваться. — Диспозиция такая. Ни черта мне здесь не понятно, а потому злит. Значит, действовать будем исходя из крайних обстоятельств. Я иду с этим Сусаниным и Олей на кордон. Ты остаешься в машине. Там явно что-то случилось. Иванов местного егеря Робеспьером назвал. А где ты видел «друга народа», который манкирует народным вече? Тем более, когда паи делят.

Сергей указал глазами на сейф в машине.

— Да, уже взял. — Злобин потопал ногами, обутыми в сапоги. — Нормально, кажется... Ты, Серега, остаешься на связи. Если что, дам выстрел в воздух. Первым делом связываешься с нашей «базой». Потом ставишь на уши местных. Именно в таком порядке. Понял?

Сергей молча кивнул. В серых глазах запрыгали веселые бесенята.

* * *

Тропинка нырнула в густой малинник.

Между шафрановыми и бордово-красными листьями, мокрыми и уже

пожухлыми, иногда тускло
вспыхивали рубиновые шарики ягод.
Злобин на ходу срывал их и бросал в
рот. Ягоды на вкус были
водянистыми, с прелой горчинкой.

Старшина шел впереди,
предупредительно отводя от
начальства колючие ветки,
свисавшие над тропой.

Передвигался он на удивление
шустро на своих выгнутых колесом
ногах.

Злобину вспомнилось, что в
армии с ним служил такой же конек-
горбунок, внешне несуразный,
словно весь из горбылей сделанный.
Грудь вогнута, ножки колесом, шея
цыплячья. Но жилистой силы в нем

скрывалось немерено. На всех кроссах в полной выкладке прибегал первым. И хотя был простаком на вид, оказался смекалист и пронырлив до жути. Косил под дурака, когда надо, да так, что хоть сейчас комиссуй по статье «имбецилия средней тяжести». Но устроиться писарем в штаб полка ума хватило. И на дембель ушел в первой партии, да еще с рекомендацией замполита на работу в органах МВД. Сейчас наверняка милиционерствует в своей таежной глубинке.

— Александр, не знаю, как по батюшке, ты в армии кем был? — спросил Злобин.

— Звать меня Александр

Васильевич, как Коржакова, — ответил, оглянувшись, старшина. — А в армии я всем был. Рядовым, ефрейтором, младшим и просто сержантом. Под дембель старшего дали. В школу милиции рекомендовали, вот даже как!

Злобин шел сзади, поэтому, не таясь, широко улыбнулся.

— Надо было оставаться, с такими темпами до генерала бы дорос.

— Не-а! До генерала бы не дорос. У генерала свои дети есть. А если ты не генерал, в армии делать нечего. Я так думаю.

— Зачем в милиции тогда старшиной тянуть?

Александр Васильевич быстро оглянулся, чтобы по лицу Злобина установить, шутит заезжее начальство или всерьез интересуется.

— Милиция армии не чета! — изрек он, вскинув заскорузлый палец. — Вот что Ленин про советскую власть сказал, не забыли? Советская власть — есть наша власть и электричество во всей стране. Во как!

Злобин впервые столкнулся со столь вольной интерпретацией слов вождя, в недавнем прошлом украшавших все заборы страны. За спиной услышал тяжкий вздох Ольги. Очевидно, дядя Саша витийствовал на политические темы с занудной

регулярностью.

— Вот у меня в поселках свет вырубят, что останется? — продолжил развивать мысль Александр Васильевич. — Останется бардак, за который мне отвечать. Потому что я — власть. Единственная и неделимая на сто гектар вокруг. И я там буду один на один с контингентом. Старшина я или еще кто, уже не важно. Всяк ко мне со своей бедой бежит. Дядя Саша, выручай! И я выручу, порядок и правопорядок обеспечу. Но и ко мне отношение должно быть... А то огород просил прирезать. Не имеем возможности! И кто мне это говорит? Смагин Гешка! За которого

я еще в школе все кулаки измозолил. Гнида был ужасная, за что и отгребал. А я, дурак, защищал. Ну а теперь он у нас начальство, ага! Целый председатель. — Он с оттяжкой сплюнул. — Или вот еще проблема. Набеспредельничали три хохла. Шабашники, что-то там строили у нас. С пьяных глаз... Оля, когда это было-то?

Оля тяжело вздохнула.

— Не приставайте вы к человеку, дядя Саш! Я уже все вам объяснила.

— А я спросить хочу у знающего человека. Можно же, Андрей Ильич?

— Можно, можно, — разрешил Злобин.

Старшина с особым уважением передал Злобину из руки в руку колючий хлыст малиновой ветки, загородившей проход.

— Ага, осторожненько! Было это на Восьмое марта, — зачастил он, тараня малинник дальше. — Хохлы на Женский день пережрались. Малолетку одну злостно ссильничали. Во все, так сказать, отверстия... Угнали «Москвич» и рванули в Москву. Я с напарником, значит, у Кирсановки выезд на трассу перекрывал. А как их остановить? Я две пули из «Макара» в колесо им и всадил. Третья, врать не буду, мимо ушла. Хохлов мы взяли. Они уже давно на зоне. А дядя Саша,

простите, весь в... Патронов-то нет! — Он хлопнул себя по правому боку, где под бушлатом бугрилась кобура. — Где я их возьму? Рапорт написал, как полагается. Ответа нет. Как проверка, так я, как дурак, полупустой магазин показываю. Мужики ржут. А начальство говорит, не дай бог, полный магазин покажешь. Служебное расследование сразу!

Он остановился. Развернулся лицом к Злобину.

— Вот вы мне разъясните. В Чечне их там ведрами, мешками жгут! А тут трех штук не допросишься. Ну куда это годится? Какая же я власть с полупустым

магазином!

Губы его дрожали от неподдельной обиды.

— Дядя Саш, я же говорила, надо было всю обойму высадить. Тогда бы точно дали, — давясь от смеха, сказала Оля.

— Она права, — все, что мог, сказал Злобин.

— И-их! — Старшина рубанул ладонью воздух.

И пошел вперед, хрустко давя сапогами прелый валежник.

Оля с виноватым видом покрутила пальцем у виска, у всех, мол, свои тараканы в голове.

Злобин ускорил шаг, догнал старшину.

— Александр Васильевич, что за человек ваш егерь?

— Матвей? Нормальный человек, — не оглядываясь ответил он. — И мужик порядочный. Три года как к нам приехал, а порядок навел.

— Откуда приехал?

Вопрос был задан таким тоном, что старшина остановился. Развернулся, плохо отмытые руки, смутившись, убрал за спину.

— Значит, так. Матвей Петрович Сазонов. Сорок второго года рождения. Женат, жена — Александра Федоровна, на восемь лет младше, по образованию ветврач. Имеют двух дочек и сына. Дочки, тринадцать и пятнадцать, летом на

кордоне живут, а весь год в Москве. Тетка там за ними присматривает. Сын тоже в Москве, в институте учится. Недавно женился, родил им внучку. До этого Матвей жил под Красноярском, егерствовал он там. Старший брат его стал шишкой в МЧС. Переманил поближе к Москве. Поговаривают, скоро к себе заберет, в начальники. Ну, что еще? Живет тихо, малопьющий. Бутылку в месяц, не более. По нашим меркам — конкретный трезвенник.

— А что за история с паями? Из-за нее его Робеспьером прозвали?

Старшина покачал головой. После этого поправил фуражку.

— Такого не слыхал. И данных,

значит, у меня нет. А с паями история сложная. Кто отдать в управление хочет, кто продать. Председатель воду мутит. А Матвей — он за справедливость. Правильный такой мужик. — Старшина стиснул кулак. — И очень грамотный. Все по полочкам разложил. Так и заявил, дурят вас. Хуже, чем с ваучерами выйдет. Он правильно рассуждает. Говорит, лес — он лес, когда общий. А если его на делянки разбить, то не лес это будет, а хренотень через плетень. И то правда. Прикиньте, если я со своим паем выделяюсь, мне что, по середке леса забор городить? Непорядок это. Да и какая прибыль, если лес у нас давно не валят. Так,

Матвей подчищает — и все. Не лес это, а парк какой-то.

— Как я понял, кто-то пытается у местных выкупить паи леспромхоза?

— Ну, — кивнул старшина. — Фирмачи московские. Только не купить они хотят, а типа чтобы мы им в это в доверительное пользование их передали. За процент. Понятно?

— А что тут не понять!

Злобин в уме прикинул цену вопроса. Помножил стоимость сотки подмосковной земли на предположительную площадь леспромхоза. Добавил цену элитных коттеджей, дома же тут построят,

сто процентно, не грибы же решила собирать. Минус «откат» верховным покровителям. На круг получалось... Получалось, что Матвей не жилец. Равно как и любой, кто встанет на пути у этой сделки.

— Далеко еще? — спросил Злобин.

— Не. — Старшина махнул рукой. — Вон ельник. Метров десять. И сразу за ним — дом.

Злобин прикусил нижнюю губу. Под сердцем тихо дзинькнула перетянутая струна.

— А что собак не слышно? — замедленно произнес.

— А так... И точно, не слышать! Мы же вон как орем, а они...

Алкогольные прожилки на его морщинистом лице вдруг разом пропали, и оно сделалось восково-белым.

И тут, потревоженная ими, над домом взвилась стая ворон. Заметалась по кронам деревьев, оглушительно каркая.

* * *

Первую кровь Злобин увидел, едва шагнул за ворота.

Труп собаки с распоротым брюхом плавал в густой буро-красной жиже. Горло псу разорвали так, что голова свободно закинулась на спину.

Из мертво оскаленной пасти свисался сизый язык. При жизни он был обыкновенным цепным кобелем и погиб, прикованный ржавой цепью к своей будке.

Второй пес, судя по остаткам шерсти, был лайкой. Пока его не выпотрошили и не бросили посреди двора.

Старшина, заглянув через плечо Злобина, громко икнул и зажал рот ладонью.

Голова, когда терять уже нечего или когда фантазиям предаваться нет никакой возможности, соображает на редкость быстро, четко и ясно.

«Собак валили не из
огнестрельного. Кровь давно

свернулась. — Злобин, прищурясь, посмотрел на дом. — В окнах свет. Хотя светло. А дыма из трубы нет. Либо там ни одного живого, либо — я на мушке. В первом случае бояться нечего. Во втором — можно не дергаться».

— Доставай «Макар», Александр Васильевич, — прошептал Злобин.

— И-ик, вон оно как...

— Ствол достань! — сквозь стиснутые зубы приказал Злобин.

Он бедром толкнул старшину, выдавив за створ ворот. Искренне надеялся, что старшину, заметить не успели.

— Бегом — вокруг дома! С тыла

зайдешь.

Александр Васильевич кивнул. Судорожно дернул кадыком. И на полусогнутых ногах, смешно черпая носками сапогов внутрь, припустил вдоль забора.

— Оля, ни шагу вперед! — не оглядываясь приказал Злобин.

Оля издала невнятный звук.

— Выдеру! — зверским шепотом оборвал Злобин, не дождавшись членораздельного возражения.

Оля тихо пискнула. Под сапожком хрустнула веточка.

— Рация есть? — отдышавшись, спросил Злобин.

— Нет. Мобильный есть, —

сдавленным голосом ответила Оля.

— Уже слава богу. Держи наготове.

Злобин достал пистолет, передернул затвор. Пригнувшись, побежал наискосок через двор к сарайчику.

Двенадцать шагов. Ни одного выстрела из дома. Никаких признаков жизни. Даже занавески не дрогнули.

Трава, как белыми мухами, была засыпана мокрым птичьим пухом. Несколько перышек налипли на сапоги.

Он прижался плечом к стене сарая. Доски были новыми, еще пахли свежим распилом.

На ветке сосны вдруг отчаянно, во все черное горло, заорала ворона. Ее соседки, откричав свое, затаились, с любопытством разглядывали людей.

Злобин вытер холодную испарину, защипавшую висок.

— Дура, блин, очнулась!

На приоткрытой двери отчетливо выделялись свежие царапины. На мокрой земле — кучные следы. Собачьи.

Злобин носком сапога слегка пнул дверь, распахнул ее шире. Сарай оказался овчарней. Внутри пахло мокрой шерстью, навозом и еще чем-то тяжелым и липким. Странно, но овцы не издавали ни звука.

Злобин заглянул внутрь и невольно отпрянул. Сплошное месиво из кровавой жижи, кишок и лоскутов измазанной красным овчины. В полумраке страшно белели обглоданные ребра. Прямо у ног Злобина оказалась баранья голова с глупо вытаращенными мутными глазами. Верхнюю губу барана оторвали с корнем, и он скалил в дикой улыбке желтые мощные зубы.

Злобин заставил себя смотреть на эту мешанину смерти профессионально-отстраненно, без брезгливости и неуместных эмоций.

Толкнул соседнюю дверь. Коровник. Распотрошенная туша буренки. От теленка остался только

костяк с лохмотьями мяса.

«И здесь не стреляли. Работали собаки». Тут же поправил себя: «Волки».

Выглянул из-за угла сарая. Дом по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Совершенно мертвый дом.

Обычный деревенский пятистенки. С недавно перекрытой крышей и новыми наличниками на окнах. По всему было видно, что дом попал в руки мастеровитого хозяина. Только сейчас над ним не витала аура скромного уюта и тепла. От молчащего дома веяло холодом и бедой.

Злобин оглянулся.

Ольга сидела на корточках, спрятавшись за столб ворот. Считала, что замаскировалась. Хотя яркая курточка и белый свитер отчетливо выделялись на сером фоне.

Она перехватила его взгляд и вскинула голову. Злобин махнул рукой: «Сиди!».

«Хватит играть в „Зарницу“, — с холодной отрешенностью подумал он. — Штурмовая группа, япона мать. Полторы калеки! Прокурор в резиновых сапогах, мент с похмелья и девчонка с мобильником. Серьезной угрозе противостоять не сможем, а если там всех кончили, то не фиг цирк устраивать».

Он вышел из-за укрытия и, не

таясь, пошел прямо к крыльцу. Остановился, поставив ногу на первую ступеньку.

За домом раздалась нечленораздельная ругань. Старшина, закончив скрытный маневр, зачем-то решил выдать себя.

— Александр Васильевич, что там у тебя? — зычным голосом спросил Злобин.

При этом смотрел на окна. Занавески не дрогнули. Тень не мелькнула.

За углом затрещали ветки.

Старшина вышел, покачиваясь и держась за стену. Лицо было цвета бледной поганки, белесое с ядовитой зеленинкой.

Он с оттяжкой сплюнул. Растер вялые губы рукавом.

— Там... Это. Всех, кажется, — выдавил старшина. — Кровища до потолка.

Большой палец Злобина смазал по клемме предохранителя. Раздался слабый щелчок.

— В окно заглянул? — спросил Злобин.

Старшина подошел ближе. Кивнул. Облизнул губы.

— Окно выбито. Я глянул. А там все... Матвей, жена, дочери, сын с невесткой. В гости, наверное, приехали. — Он зачем-то плотнее натянул на лоб фуражку. — А телевизор работает. Телевизор

работает. Новости показывают. Так вот.

— Живые есть?

— Не видал. — Покрутил головой старшина. — Какие там живые! Распотрошили их. Кишки у всех наружу. Что же это делается, Ильич?

Злобин втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Так же медленно, со свистящим звуком, выпустил его обратно.

— А делается то, что ты, Александр Васильевич, принимаешь под охрану место преступления, — ровным голосом произнес Злобин. — В рапорте потом укажешь, что прокурор управления по надзору за

органами дознания и следствия Генпрокуратуры Злобин до приезда экспертов осмотрел дом в целях обнаружения укрывшихся в нем преступников. По-русски говоря, зачистил. Понятно?

— Н-да. — Старшина икнул, зажав рот ладонью.

Злобин поднялся по ступенькам. Левую ладонь закрыл рукавом, чтобы не оставлять отпечатков на стальной дужке ручки. Подергал.

— И еще, Александр Васильевич, укажешь, что дверь была заперта изнутри на задвижку, — сказал он, не оглядываясь.

И тут...

Холодная змейка скользнула

между лопаток. Злобин отчетливо почувствовал на себе чужой взгляд.

Был он не злой, — давящий. А какой-то бесстрастно изучающий. Ни давления, ни жжения Злобин не ощущал. Казалось, будто врач холодными опытными пальцами простукивал позвоночник.

«Оборотись!» — вдруг прозвучало в голове Злобина.

Он подумал, почему «оборотись», а не «повернись» или, например, «оглянись». А тело по чужому немому приказу уже начало вращаться вокруг своей оси. В голове сделалось мутно и сонливо.

«Да пошел ты!» — Злобин остатками воли сорвал с себя

наваждение.

Резко развернулся и вскинул пистолет.

Вернее, только попытался это сделать.

В правом плече выстрелила боль, будто ткнули стальным стержнем. Рука сделалась резиновой, неживой. И сама по себе опала.

Вмиг омертвевшими, непослушными пальцами он что есть силы сжал рукоятку пистолета. А она вдруг стала быстро накаляться, через два вдоха она уже жгла пальцы раскаленным железом. Горячая волна покатилась от кисти в плечо и дальше

расплескалась по всему телу. Злобин закричал зубами, давя дикую боль.

От этой рвущей боли пелена, застывшая глаза, схлынула, и он увидел...

Человек стоял в центре двора, метрах в десяти от них.

Одет он был странно. На ногах мягкие тапочки и онучи, перетянутые кожаными ремешками, камуфляжные армейские штаны с кожаными наколенниками и накладными карманами. Легкая виндблоковская куртка защитного цвета. Поверх нее жилетка мехом наружу. На ней какие-то металлические нагрудные бляхи с руническими знаками. Из-под выреза

свитера выступала мелкая чешуя кольчуги, закрывая горло до подбородка. На плече болтался мокрый волчий хвост.

Лицо у человека было узкое, с остро выступающими скулами. Запавшие щеки покрывала редкая щетина, собираясь на остром подбородке в тугую волосяную кляксу. Волосы на широком волчьем лбу были разделены надвое и стянуты плетеным кожаным ремешком. Широко посаженные светлые глаза смотрели на Злобина пристально и бесстрашно.

Человек был вооружен. В правой руке сжимал короткое копье. На ремне в ножнах висел большой

охотничий нож. Из-за правого плеча торчала длинная рукоять с кисточкой на шнурке.

«Откуда здесь этот гребаный толкиенист [\[21\]](#) взялся?» — мелькнула мысль.

Злобин машинально отметил, что для хоббитских игр мужчина явно староват, на вид ему за тридцать, как минимум.

«Никогда не наступай на след оборотня». — Губы человека остались неподвижными, но Злобин отчетливо услышал его голос.

— Да пошел ты, — сдерживая боль, прошипел Злобин.

Взгляд человека сделался ощутимо давящим, и тело Злобина

онемело от боли.

Стоявший столбом старшина вдруг очнулся, неожиданно сноровисто выхватил из-под бушлата пистолет. Зарычал, ловя человека на мушку.

А человек чуть скользнул вбок, взмахнул левой рукой, сбросив что-то с пояса.

Воздух рассек звук оборвавшейся лески.

Старшина завыл от боли. Рука его оказалась прикрученной к горлу, пистолет прижало к щеке. То ли рефлекторно, то ли сознательно он вдавил спусковой крючок. Слитно бабахнули два выстрела. Затвор на заднем ходе рассек скулу старшине,

брызнула ярко-красная кровь. Старшина сдавленно завыл и завалился навзничь. Он в полном нокауте сучил ногами, пытаясь встать. Но только шкрябал каблуками по мокрой земле.

— Стоять, бля!! — прогремел от ворот мужской голос. — Стрелять буду!!

Боль, тисками сдавившая тело, вдруг отпустила. Злобин вздохнул полной грудью. Зрение вновь сделалось четким.

Он увидел Сергея, настороженной походкой идущего от ворот.

Сергей держал пистолет двумя руками, точно целя в грудь человека

с копьем.

— Пику в сторону! Мордой в землю! — резко скомандовал он и ускорил шаг.

Человек плавно развернулся лицом к Сергею и отвел руку с копьем в сторону.

— Мордой в землю!! — рывкнул Сергей.

Расстояние между ними сократилось до десятка шагов.

Злобин положил ладонь на локоть безжизненно свисавшей правой руки. Пистолет поплыл вверх и замер на уровне живота. За точность прицеливания ручаться было нельзя, но человек оказался на одной линии со стволом.

«Не убьет, так хоть зацепит», — решил Злобин.

Человек повернул к нему лицо. Губы дрогнули в легкой улыбке. Потом перевел взгляд на Сергея.

И вдруг, согнув колени, исторг оглушительный рев.

Низкий клокочущий звук ударил в уши. В голове у Злобина ухнул колокол, и сердце обмерло.

Сергей рванулся вперед, но словно налетел на стену, запнулся и рухнул лицом в траву.

Человек повернулся к Злобину и вновь заревел.

Злобин только успел отметить, как страшно исказились черты лица человека, как неестественно широко

распахнут рот.

Крик, вырвавшийся из этой оскаленной пасти, ударил тугой волной, тупо ткнул, как апперкотом, в солнечное сплетение. Мощь звукового удара была такой, что Злобина швырнуло спиной на дверь.

Ватные ноги подломились в коленях. Злобин осел, скребя плащом по двери. В голове помутнело, уши заложило. Подкатила волна тошноты. Он не смог сдержаться, и изо рта вырвалась липкая струя рвоты.

Неимоверным усилием, скрипя от натуги зубами, Злобин поднял пистолет и выстрелил.

Человек неувлимым движением

скользнул вбок. И исчез из глаз.

Злобин проморгался, с силой сжимая веки. Вновь увидел человека, спокойно стоявшего на линии прицеливания. Стоило снова вдавить спусковой крючок, как он опять исчез. Пуля ушла в пустоту.

А человек вдруг вынырнул левее. Просто материализовался из воздуха.

Злобин отчаянно взвыл и стал стрелять, ведя стволом влево.

Пистолет четыре раза резко рванулся из пальцев. Силы кончились, и Злобин уронил руку.

Человек вновь вынырнул из ниоткуда. На этот раз он оказался совсем близко, в двух шагах от

крыльца. Глаза впились в лицо Злобина. Казалось, взгляд буравит мозг холодной спицей.

«Тебе никогда не поймать оборотня», — услышал Злобин внутри себя.

Губы человека оставались неподвижными.

Человек резко оглянулся.

Сергей с ревом летел на него, выбросив руки, как борец сумо.

Вдруг человек легко взмыл в воздух, перекатился по спине Сергея и оказался сзади. Сергей затормозил, разворачиваясь, перенес тяжесть на отставленную назад ногу. Человек резко ткнул тупым концом копья ему в сгиб колена. Нога Сергея

подломилась, и, взмахнув руками, он завалился набок. Рванулся всем телом, кульбитом вскочил на ноги. Выбросил кулак, целя в лицо противника, попал в воздух. Человек плавным движением, только дрогнув волчий хвост на плече, отклонился. Второй удар тоже пришелся в воздух.

Человек перехватил руку Сергея, ткнул тупым концом копья под ребра и резко вывернул руку по широкой дуге, заставив Сергея сделать сальто и рухнуть спиной на землю.

Добивающего удара Злобин не увидел, только резко подпрыгнул султан волчьего хвоста над плечом человека. Сергей выстрелил коротким «Ах», сложился пополам и

обмяк, растянувшись на земле.

Злобин отрешенно, зная заранее, что произойдет, поднял пистолет.

Человек воткнул взгляд в глаза Злобина...

Огненный шар с оглушительным громом взорвался в мозгу. В глаза плеснуло красными искрами. Злобин ударился затылком о дверь. И рухнул в забытье...

* * *

Сначала была боль. Нудная и давящая. Но главное, от нее медленно отступала темнота, заполнившая все вокруг.

Еще немного боли, и Злобин начал осознавать себя. Вернулось ощущение тела. Почувствовал, что лежит на чем-то твердом. А боль копошится где-то между носом и верхней губой. Втянул носом воздух, показалось, струя кислорода ударила прямо в мозг. И сразу же очнулся. Сознание, как ни странно, было совершенно ясным, будто всласть выпался.

Злобин широко распахнул глаза.

— Это я — Сергей. Все в порядке, Андрей Ильич, — раздался сверху голос.

Рука, закрывающая обзор, пропала. Вслед за ней пропала и тупая боль, свербившая под носом.

— Я надолго вырубился? — спросил Злобин.

— Нет. Минут на пять. Как себя чувствуете?

— Как после сауны в конце трехдневного запоя. Помоги встать.

Злобин при помощи Сергея сел. Встряхнул головой, выгоняя остатки хмари. Осмотрелся.

За время его отсутствия в этом мире произошли некоторые изменения.

Ольга теперь была рядом. Сидела на корточках перед старшиной и пыталась промокнуть кровь, обильно выступающую из широкой борозды на щеке старшины. Глаз с раненой стороны у него

совершенно заплыл, спрятавшись в сливового цвета шишаке.

У Сергея посреди измазанного грязью лба появилась косая царапина. Правый рукав куртки, оторванный «с мясом», сполз до локтя.

— Ты-то как? — спросил Злобин.

— Нормально. — Сергей потер подбородок.

Злобин увидел свежую потертость на его костяшках.

— Ага, — кивнул Сергей, поймав взгляд Злобина. — Еще разок с ним схлестнулись. На этот раз без дураков. Слегка вытоптали малинник.

— Ну?

— Ай, — отмахнулся Сергей. —

Два ноль его польза. Теперь неделю пить нельзя, по печени, сука, крепко попал. Вот трофей зато урвал.

Он показал волчий хвост.

— Дребедень, конечно. Но в нашем положении — уже кое-что. Плюс отпечатки ног. Плюс «пальчики» с этой вот штуки. — Он поднял со ступеньки прозрачный пакет для вещдоков, в котором лежали два стальных шарика, связанных тонкой цепью. — Старшину нашего он ими стреножил.

Злобин не без удовольствия отметил, что с помощником ему повезло.

— Ты вообще как здесь оказался?

— Проявил армейскую смекалку. — Сергей постарался улыбнуться разбитыми губами. — Милиция у нас на транспортных средствах поодиночке не ездит. Один рулить умеет, а второй правила читал. Вот я и решил, что в уазике кто-то еще должен быть. Проверил, точно. Сержант, кило двести весом, как медведь в берлоге сопит. Я его часовым у нашей машины поставил. А сам по дороге — сюда. Человек я городской, местных троп Хо Ши Мина не знаю, вот и рванул напрямик. Как раз успел под раздачу.

— Тревогу поднял?

— Само собой. По мобильнику Оленьки связался с «базой». Потом, как приказывали, напряг местных. Сейчас следственная группа рвет сюда когти. И, конечно же, «Перехват» объявили. Один хрен никого не поймают, но зато потренируются.

Злобин расслабленно привалился спиной к двери. Достал из кармана смятую пачку сигарет. Закурил. Вкуса дыма не почувствовал, только засаднило в горле.

— Что ты об этом кадре думаешь? — спросил он.

Сергей сидел на корточках, охнув, опустился на одно колено.

— Боец крутой, — подумав, ответил он. — Китайский цирк. Но это не ушу. И не горицкая борьба. Что-то среднее. Где такому учат, не знаю. Причиндалы — с бору по сосенке. Но всем работать умеет, без понтов. Думаю, достал бы меч, накрошил бы нас в капусту по счету раз.

Злобин невольно вспомнил овчарню, забитую клочьями мяса. А за спиной была дверь в дом, где кровищи, надо думать, не меньше. Только человеческой.

— С таким драться, все равно что с носорогом в чехарду играть, — заключил Сергей. — Лично мне за дело задницу до ушей порвать не

жалко, но уж больно пенсия у нас маленькая.

Сергей помолчал, облизывая сукровицу на губах.

— А ягает он знатно, — промолвил он, покачав головой.

— Что делает?

— Ягает, — повторил Сергей. — Ягать — орать животом. Особый такой крик, из живота идущий. Про баб рожающих так говорили. Не орет она, а ягает. Отсюда: баба яга никакая не ведьма из леса, а повитуха с хутора. Девчонок к ней посылали на сексуальный ликбез, девки втихаря на аборты бегали, а бабы на сносях — рожать. Это факт, а остальное, про костяную ногу,

кривую рожу и стальной зуб — фольклор для запудривания мозгов мужикам.

Но и мужики ягать умели. Это же акустическое оружие, которое всегда при тебе. В любом воинском искусстве этому учат. И у русских это оружие было. Думаете, русский мужик с одной рогатиной на медведя ходил? Былины, конечно, привирают, но не больше, чем замполиты. Факт был, а разукрасили его из соображения партийно-политической работы. Рогатина для остановки нужна. А глушили зверя криком. Если правильно ягнуть, то у медведя пробка из задницы, как из бутылки шампанского вылетает.

— Откуда ты все это знаешь?

— Книжки читаю. В машине, пока седоков жду. — Сергей улыбнулся.

— Ты в армии служил? — спросил Злобин.

— Ага, теперь в цирке не смеюсь, — кивнул Сергей. — Из универа забрали. Во взводе все были сильными, один я — умный. Вот и назначили «замком». А комвзвода мы ни разу не видели. Присылали всяких. Но кого убьют, кто сам куда-то затеряется. Поэтому накомандовался я всласть. На всю жизнь хватит. Потом меня слегка зацепило. Армия мне сказала большое спасибо. Я ей тоже.

Сергей замолчал, глаза его вдруг подернулись той характерной пленкой, что появляется у всех, побывавших на войне.

Старшина, китайским болванчиком сидевший на голой земле, вдруг замычал. Целый глаз обрел осмысленное выражение. Им он обшарил все вокруг, увидел очнувшегося Злобина и разлепил раздавленные губы.

— Ильич! — прогнусавил он плачущим голосом. — Что делать-то теперь-а-а? Один патрон, бля... Один патрон теперь-а-а. Куды, бля, я с ним теперь-а-а?

— Ой, опять ты свое заладил! — зашипела на него Ольга.

— Уйди, дура! — Старшина попытался отмахнуться от платка, которым Ольга промокала ему кровь. — Было три... А теперь кто мне их выпишет?

Сергей закатил глаза, что-то пробормотал себе под нос. Крякнув, встал. Подошел к старшине, вытянул из его сжатых пальцев пистолет. Передернул затвор, поднял над головой и бабахнул в воздух.

— На, только не плачь. — Он бросил пистолет к ногам старшины. — В рапорте укажи, что все пули высадил во врага. А Андрей Ильич и я подтвердим. Правильно, Андрей Ильич?

Злобин закашлялся, давясь

нервным смехом. На сердце вдруг стало легко. Несмотря на все обстоятельства. Ирреальность, мистика закончились. Мир опять стал привычным и управляемым.

Собаки Баскервильей, волчьи стаи, оборотни — все хмарь сознания.

Был человек. Был! А раз так — можно найти, затравить и запереть в камеру.

Оперативная обстановка

*Оперативному
дежурному УВД по
Московской области
В районе леспромхоза*

«Клязьминский», на территории егерского кордона, совершено нападение на оперативно-следственную группу Генпрокуратуры.

Участковый инспектор Клязьминского РОВД Караваев А.В. получил телесные повреждения средней тяжести.

На месте обнаружены трупы шести человек со множественными рваными ранениями. Личности потерпевших устанавливаются.

Оперативно-следственной

группой под руководством
сотрудника

Генпрокуратуры Злобина А.
И. проводятся неотложные
следственные действия.

Подозреваемый в
совершении особо тяжкого
преступления с места
происшествия скрылся.

В районе введен план
«Перехват». Приметы
подозреваемого разосланы
во все территориальные
подразделения МВД
Клязьминского района.

Глава одиннадцатая.

Волка ноги кормят

Создатель образов

Шла неделя полнолуния. Глеб Лобов уже кожей чувствовал, как там, за серым небом, зреет шар цвета волчьего глаза. Еще немного, и он нальется холодным огнем, проникнет в самое нутро, и от возбуждения захочется кричать и рвать на себе одежду.

А потом неминуемый спад. Сначала легкое утомление начнет накатывать теплой волной, кружа голову, путая мысли и делая мышцы

ватными, и через две недели, когда на небе будет зиять пустая черная глазница, придет полный упадок, бред, бессильная маята и тупая апатия.

Глеб спешил, он давно понял, что не в силах противиться приливам и отливам лунной силы.

Бросил нетерпеливый взгляд вверх по эскалатору. Покорные спины и тупые затылки. Навстречу лесенкой вниз плывут пятна лиц. Ни на одном не хочется задержать взгляд. Запах протухшего фарша и немереного количества духов.

Он на секунду пожалел, что не поехал на машине. Но вовремя представил забитую машинами

Тверскую. То же скопище тупости и покорности, только в металлической облатке персональных машин. Консервы с тухлятиной.

Он развернул трубочку газеты. Обычный винегрет из низкосортных эротических снимков, дебильных статей и рекламы для дебилов. На весь разворот шло интервью с певицей, считающей себя второй в табели о рангах после бессмертной Аллы Борисовны.

Год назад новостью месяца считалось овладение Певицей английским языком. Как подчеркивалось, в настоящем американском варианте. Подразумевалось, что Певица

осчастливит российскую публику гениальным шлягером на английском, войдет в мировые хит-парады и забьет всех на конкурсе Евровидения. Не сложилось. Потому что не планировалось.

Глеб доподлинно знал, что Певица посетила с визитом Америку, чесом прошлась по русскоязычным гетто, где нарубила «зеленой» капусты на липосакцию. Оставив в Америке двадцать кило жира, она вернулась под сень родных осин и объявила о смене имиджа. Каковой и демонстрировала в разных позах и в различных ракурсах на десятке снимков, забивших текст на развороте.

К тексту интервью Глеб имел непосредственное отношение. Он собственноручно вычеркнул искусствоведческую заумь и откровенное лизоблюдство, оставив главное: «Я похудела на двадцать кило за месяц».

«Новость должна быть горячей и тщательно пережеванной, как котлета в гамбургере», — растолковал он надувшемуся музыковеду с ярко выраженной нестандартной ориентацией.

Тот попробовал было прогундосить что-то о высоком искусстве, но был изгнан из кабинета. А интервью в разных вариантах и за разными подписями

разбросали по всем таблоидам для домохозяек и журнальчикам для нимфеток.

На выходе из метро Глеб свернул газету в трубочку и сунул в зловонный зев урны.

На Маяковке моросил дождь, присыпая стеклянным бисером медленный водоворот машин.

Глеб с удовольствием втянул носом сырой воздух. Быстрым пружинистым шагом пошел по Садовому. На ходу достал мобильный, набрал номер.

— Яков Борисович, доброе утро. Еду мимо вас. Есть новости. Можно заскочить?

— Через двадцать минут я

уезжаю, — скрипучим голосом
ответила трубка.

— Постараюсь успеть.

Глеб свернул к Патриаршим, обошел пахнувший гниющей тиной пруд. Хватило трех минут, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время.

Офис Якова Борисовича притаился за мощной дубовой дверью с глазком. Таблички на двери не было.

Неофициальный офис для частных встреч. Парадный, отреставрированный до тошнотворной пряничности особняк с бронзовой табличкой, находился на Солянке. Туда шли на поклон и с

налоговыми проверками. Сюда — для дела.

Глеб вдавил кнопку звонка. Улыбнулся рыбьему глазку на двери.

— Слушаю вас, — отозвалась дверь мужским голосом.

— Лобов, — представился Глеб. — Мне назначено.

Через десяток секунд в двери щелкнул запор.

Глеб осторожно потянул на себя бронзовую ручку. Он уже знал, что мощная на вид дверь податлива, как женщина в танце, лишних усилий прикладывать не надо, иначе рванется вперед всей массой, отскочить не успеешь.

В коридорчике, вопреки

ожиданиям, никакого поста охраны со скучающими мордоворотами не было. Бронзовые бра отбрасывали бледно-розовые блики на матово-белые стены. Толстый синтетический ковер гасил звук шагов.

Комната секретаря пустовала. Гнутоногий стол в стиле ампира, раскрытый ноутбук, пара телефонов, рядом — антикварное бюро с аккуратными рядами папок в дорогих переплетах. Стул из «гарнитура генеральши Поповой», обитый английским шелком, отодвинут так, чтобы дать понять, что секретарь только что вышел.

Глеб усмехнулся. Он знал, что

секретарская — сплошной блеф и золотая пыль в глаза. В этом офисе Яков Борисович в помощниках и свидетелях не нуждался.

Глеб толкнул следующую дверь и вошел в полумрак кабинета.

Яков Борисович сидел за большим столом эпохи реформатора Сперанского и пил кофе.

Над ним нависал портрет в золоченой раме. Горбоносый старик, выступая костистым лицом из густо-коричневой мглы, смотрел цепко и недобро. Тонкие губы то ли шептали беззвучную молитву, то ли готовились искривиться в насмешке. Когтистые пальцы впились в переплет толстого фолианта.

Возможно, первого издания Торы, возможно — гроссбуха семейной фирмы.

Яков Борисович кивнул, блеснув лысиной, и что-то невнятное пробурчал в чашку. К словам, как и к деньгам, он относился с врожденной скаредностью.

Глеб сел в кресло напротив. Втянул носом воздух. Пахло хорошо. Немного парфюмом. Классической «Кельнской водой», без всяких новомодных тухлых цветочных ноток. Дорогим кофе и единственной сигаретой, которую Яков Борисович позволял себе выкурить за день.

— Вкусно пахнет. «Голуаз»? — поинтересовался Глеб.

— На «Голуаз» уже нет здоровья, курю обычный «Честерфильд», — ворчливо ответил Яков Борисович.

— Тоже неплохо. — Глеб закинул ногу на ногу.

— А у тебя, как я погляжу, здоровье без проблем. Рысячишь по лужам, как лось по просеке. — Он указал взглядом на мокрый край штанины Глеба. — Ковры мне загадишь.

Глеб показал в улыбке ряд крепких здоровых зубов. Потом погасил улыбку.

— Правление леспромхоза приняло наш вариант.

Чашка тихо дзинькнула о

блюдце.

— Когда? — спросил Яков Борисович.

— Полчаса назад.

Яков Борисович бросил взгляд на часы на каминной полке.

— А что вы хотели? Колхозники. Встают с первыми петухами.

— К чему такая спешка? — поморщился Яков Борисович.

— Пришлось ковать железо, пока не остыл жар. — Глеб полез в карман за сигаретами. Но, достав пачку, положил ее на согнутое колено. — Лесник вчера ночью погиб вместе с семьей и всей домашней живностью. Обнаружили только утром. Не волнуйтесь, погиб

глупо и абсолютно некриминально.

Яков Борисович недовольно засопел.

— А без главного бузотера оппозиция не оппозиция, а КПРФ в Думе, — не обращая на сопение никакого внимания, продолжил Глеб. — Поголосили для вида, но быстро успокоились. Паи решили передать почти единогласно — при трех воздержавшихся. Председатель у них — полный лох, как вы знаете, хоть и жадный. Читает по слогам, а писать вообще не умеет. Мой юрист сейчас помогает ему составить протокол и прочую фигню.

В глазах у Якова Борисовича вспыхнули угольки, он тяжело, с

присвистом, засопел, еще ниже сполз в кресле. На столешницу легла ладонь, пухлая и белая. Пальцы, поросшие крупными черными волосами, забарабанили нервный марш.

— Ваш юрист, уверен, еще спит на бабе, — ввернул Глеб, чтобы еще больше испортить Якову Борисовичу кровь.

— Он у меня с мальчиками спит, — пробурчал он.

— Надеюсь — активно, — усмехнулся Глеб.

Яков Борисович соорудил брезгливую гримасу. Поковырялся паучьими лапками в хрустальной вазочке, выбрал печенье. Сунул в рот,

зачмокал вялыми губами. Плотно закрыл глаза.

Глеб ждал, поигрывая пачкой сигарет.

Яков Борисович закончил просчет вариантов. На одутловатом лице проступила улыбка Будды.

— Глебушка, на какую фирму твой юрист оформит передачу паев?

— Как вам такое могло прийти в голову, Яков Борисович? — деланно ужаснулся Глеб.

— Как пришло, не твое дело. Я покупаю фирму. Твоя цена?

Глеб выдержал паузу.

— Я не обижаюсь на недопонимание, Яков Борисович. — Он взглядом попросил разрешения

закурить. Чиркнул зажигалкой, выдохнул дым. Поморщился:

— Фу-фу, как это все-таки... Но да бог с ним, чего между партнерами не бывает, не так ли? Я здесь только для того, Яков Борисович, чтобы первым принести радостную весть — леспромхоз ваш. Стройте там охотничий центр с трехэтажными коттеджами. Или продайте весь лес на корню корейцам. Не мое это дело. Я брался организовать передачу в ваши руки леспромхоза, я это сделал.

— Сколько? — с той же интонацией повторил Яков Борисович.

Глеб изогнул бровь.

— Разве мой процент за это время уменьшился? Речь идет именно о нем, а не о продаже какой-то фирмы. Юрист впишет то название, которое я назову. А я скажу то, что услышу от вас.

После минутной паузы внутри у Якова Борисовича забулькало. Улыбка треснула, и наружу вырвался кричающий хохоток.

— Насмешил, Глебушка! Уважил старика. — Яков Борисович вытер заслезившиеся глаза. — Давно таких хохмочек со мной не травили. Это называется гарантия платежа, да?

— Я же предупреждал, Яков Борисович, со мной не соскучишься, — в тон ему ответил

Лобов.

— Налом? — мимоходом спросил Яков Борисович.

— Не соблазняйте! Лисовский работал с налом, таскал коробками. И где сейчас Лисовский?

— На выборах все таскали, — пробурчал Яков Борисович, выдвигая ящик стола.

— Ага, — кивнул Глеб. — А за хвост подвесили одного Лису.

Яков Борисович положил перед собой чековую книжку, снял колпачок с ручки. Полюбовался на золотую искорку на острие пера. Скорбно вздохнул. И принялся старательно выводить строчки на чеке.

— Нет зрелища более душераздирающего, чем вид иудея, расстающегося с деньгами, — прокомментировал Глеб.

Яков Борисович добродушно усмехнулся.

— Тебе не идет, Глебушка. Для антисемита ты слишком умен.

Он оторвал листок. Подумав, заполнил еще один.

Толкнул оба листка по столу к Глебу.

— Твой процент плюс премия за срочность.

Глеб накрыл ладонью чеки.

— С вами приятно работать, Яков Борисович.

Яков Борисович пожевал губами

и изрек:

— Твои услуги стоят слишком дорого, Глебушка. Но они того стоят!

Глеб невольно посмотрел на портрет основателя династии. Показалось, старик чуть прищурил морщинистое веко. В черном, как свежая маслина, глазу теплилась лукавая искорка.

— Святые слова!

Глеб встал. Тщательно загасил сигарету в малахитовой пепельнице. Протянул через стол руку.

Рукопожатие паучьих пальцев Якова Борисовича удовольствия не доставило. Но Глеб привык не обращать внимания на мелкие недостатки окружающих. Иначе

умом тронуться недолго.

* * *

Через полчаса, покружив по переулкам, он неторопливой походкой подошел к особняку с милицейской будкой у ворот. Из-за монолитного забора торчал флагшток с мокрым цветастым флагом.

Глеб вошел в посольство, предъявил паспорт охраннику. Араб с показательным рвением изучил фото, полистал паспорт. Сделал запись в книге посетителей. Только после этого гостеприимно улыбнулся.

— Прошу, господин Лобов, — на

хорошем русском произнес он. —
Господин советник ждет вас.

Лобов кивнул в ответ и пошел
хорошо знакомой дорогой по
коридору.

Постучал в приоткрытую
нужную дверь, потянул за ручку.

Из-за двери выскользнул гибкий
в теле, подтянутый парень. Выдав
вежливую улыбку, скользнул по
Лобову профессиональным
сканирующим взглядом.
Пробормотав извинение, отступил в
сторону, открывая проход.

— Салям, Глеб! — раздался из
глубины кабинета зычный голос.

Глеб переступил через порог,
плотно прикрыл за собой дверь.

— Саям, Мустафа.

Мустафа, советник по культуре с выправкой кадрового военного, уже выскочил из-за стола. Шел навстречу, заранее вытянув руки, сложенные лодочкой. Черные глаза сияли неподдельной радостью, такого же антрацитового цвета усы топорщились над задранной верхней губой, открывавшей плотный ряд фарфоровых зубов.

Последовала церемония приветствия с долгими объятиями и крепкими хлопками по спинам. Колючие усы дважды прошуршали по щеке Глеба. Сквозь жесткий ворс влажно и горячо проступали губы. Но Глеб не придал этому особенного

значения. Просто рад человек, без всяких намеков. В голове, правда, мелькнула мыслишка, что кто-то типа Бори Моисеева в объятиях Мустафы уже давно бы скулил щенком. В посольстве Мустафа числился советником по культуре, но внешностью и хваткой больше походил на офицера коммандос, которым, наверняка, и был.

Мустафа подвел Глеба к мягкому креслу, помог усесться. Удостоверился, что гостю удобно, лишь после этого сел напротив.

Перегнулся через подлокотник, нажал кнопку на селекторе, бросил короткую команду.

Через секунду вошел тот же

молодой человек с подносом в руках. Кабинет сразу же наполнился ароматом кофе.

Оставив поднос с чашками и вазочкой со сладостями на столе, молодой человек, приняв немую команду командира, исполнил поворот кругом и испарился.

— Какой у него разряд по стрельбе? — с улыбкой поинтересовался Глеб.

— У нас нет разрядов, Глеб. Или попадаешь — или ты мертв, — серьезно ответил Мустафа. И тут же громко захохотал собственной шутке, закинув назад голову.

Глеб шлепнул его по твердому колену, засмеялся, постарался, чтобы

смех звучал естественно.

— Как жизнь, дорогой? — с вежливым интересом спросил Мустафа.

В начале их дружбы, узнав, что Глеб — сирота, Мустафа закомплексовал. Большую часть арабского политеса пришлось отбросить. А как подойти к деловой части беседы, не расспросив подробно о здоровье всей родни поименно, он не знал. С грехом пополам выработал новую формулу: «Как жизнь?». Звучало в его устах гораздо слаще, чем английский сухарь «Хау а ю?». И в глазах светился неподдельный интерес. Правда, однажды в сердцах, после

шестой рюмки арака, выпалил: «Да женился бы ты, Глеб! Всем было бы легче».

— Живу скромно, по доходам. Но интересно, согласно уровню развития, — ответил Глеб.

Мустафа шутку оценил, по-кошачьи ощерил усы, блеснув улыбкой.

— А твоему отцу уже сделали операцию? — в свою очередь поинтересовался Глеб.

— Хвала Аллаху, все прошло удачно. — Мустафа был явно польщен внимательностью гостя. — Пришлось свозить его в Германию. Еле уговорил.

— У Федорова сделали бы

дешевле, — вставил Глеб, закругляя обязательную процедуру.

Мустафа погладил усы.

— Деньги... Кто же экономит на здоровье родных? — произнес он, глазами давая понять, что намек понят.

— Прекрасно сказано, Мустафа.

Глеб достал из портмоне два чека. Положил на угол стола первый так, чтобы была видна сумма. Мустафа стрельнул глазами по строчкам, вопросительно посмотрел на Глеба.

— У меня нет родни, как ты знаешь. Но Бог не обидел меня близкими людьми. Это не совсем то, но лучше, чем ничего. И ты знаешь,

что иногда дружба сильнее уз крови. — Глеб понизил голос. — То же самое. На указанную сумму.

Мустафа облизнул пунцово-красные губы.

— Очень много. Столько нет. В Москве, — едва слышно прошептал он. — Придется подождать. Недельку.

Глеб покачал головой.

— Мне нужно все и сразу. Твой процент.

Глеб накрыл чек другим, «премиальным». Отчетливым почерком Якова Борисовича на нем было написано «сто пятьдесят тысяч». На английском. Но Мустафе, конечно же, перевод не требовался.

Мустафа еще раз прошелся розовым языком по губам. Отвел глаза от чекhov. Потом, словно тянуло магнитом, вновь уставился на них. Вздыхнул.

— Кофе стынет, дорогой. — Он передал Глебу чашечку на расписном блюде.

Освободившейся рукой смел чеки со стола так ловко, что Глеб даже цокнул языком от восхищения.

— А? — не понял его Мустафа.

— Аромат! — Глеб провел носом над чашечкой. Сделал маленький глоток. Смакуя, закрыл глаза. — Брошу все и уеду к вам жить. К жару привыкну, жену заведу. Потом еще пару. Старость надо

встречать там, где дети умеют заботиться о своих стариках.

— Золотые слова, дорогой. Как ты хорошо сказал! — Мустафа покачал головой. — Даже тут заняло.

Он похлопал себя по левой груди. Точно по карману, в котором уютно устроились чеки.

А Глеб уже открыл глаза. Взгляд сделался пристальным, требовательным.

Мустафа пригубил кофе, подцепил пальцами дольку рахат-лукума. Сунул в рот, облизнул припорошенные белым губы.

— Товар в Рязани. Отдаю на условиях «франко-склад».

Подходит? — причмокиваниями гася звуки, скороговоркой произнес он.

— По-русски это называется «самовывоз», Мустафа, — поправил его Глеб.

— Ай, даже запоминать не стану, — шутливо отмахнулся Мустафа. — Если привыкну ботать по вашей фене, потеряю квалификацию. Нигде в мире на работу не устроюсь.

— Через десяток лет весь деловой мир перейдет с английского на нашу феню, поверь мне. — Глеб остался серьезным. — Триста миллиардов «русских» долларов на зарубежных счетах! За такие бабки мы заставим их перед открытием

сессии на Нью-Йоркской бирже
стоять «смирно» и хором петь
«Интернационал».

— Лучше уж гимн СССР, —
вставил Мустафа, блеснув глазом.

— Непринципиально. Но петь
будут, как молодые на присяге.

Мустафа потянулся к рабочему
столу. Пошарил между папками.
Повернулся, положил на колено
тонкую бумажку размером с визитку.
Написал на ней телефон и имя.

Глеб прочел и кивнул.

Мустафа макнул бумажку в еще
горячий кофе. Тонкая бумага
почернела, потом растаяла без
остатка.

Мустафа сунул в рот новый

кусочек лукама. Потер пальцы.

— Приобщать к культуре будешь? — отвлек его от мыслей Глеб.

Мустафа легко для его мощной фигуры встал, прошел к столу.

— Гастроли иранского театра. — Он вопросительно посмотрел на Глеба.

— Замечательно.

— Даю две персонально для тебя. И еще пару при условии, что одна из них достанется красивой девушке.

— Принимаю. — Глеб с готовностью улыбнулся. — Коротко стриженная блондинка с нетрадиционной ориентацией

пойдет?

Мустафа посмаковал вкус лукама на губах и кивнул, по-кошачьи прищурившись.

— Учти, придет с подругой, — предупредил Глеб. —

Консерваторской йехуди^[22]. Девка на это дело просто бешеная. Воюет на два фронта, как Гитлер. За последствия не отвечаю. Затрахают до смерти — на меня Хусейну не жалуйся.

Мустафа громко рассмеялся, закинув крупную породистую голову.

Он вернулся к столу с ярко раскрашенными пригласительными билетами. Глеб уже успел встать.

— Так рано уходишь? Мы же не

посидели совсем! — На лице Мустафы проступило неподдельное разочарование.

— Извини, друг. Волка ноги кормят.

Глеб взял билеты, звонко треснул ими, как колодой карт. Заговорщицки подмигнул Мустафе.

— В субботу культурно отдохнем.

Мустафа закинул голову и вновь издал призывное ржание застоявшегося жеребца.

* * *

Глеб сидел на скамейке

Тверского бульвара за спиной у серого Есенина. Гранитный поэт на дождь не реагировал. А Глеб довольно шурился, когда крупные капли мороси, сорвавшись с черных веток, шлепали по закинутому лицу.

Шины машин катили по влажному асфальту с ласкающим ухо шелестом. Крупные не размокшие катышки песка чуть слышно поскрипывали под ногами редких прохожих. Осень входила в город на цыпочках, оставляя за собой мелкие лужицы, как девчонка, выбравшаяся из холодного пруда.

Глеб встрепенулся, посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать. Клиент никогда на «стрелки» не

опаздывал и лишней минуты никогда не ждал. К внешним проявлениям того, что в определенных кругах называют «авторитетом», он относился с вьедливостью церемониймейстера Букингемского дворца. Возможно, потому, что ничего другого, кроме химеры «авторитета», за душой не имел.

Глеб Лобов встал, с удовольствием потянулся всем телом. Перебежал улицу перед потоком машин.

Прошел мимо витрин «Макдональдса», косясь на беззвучный театр абсурда внутри. И нырнул в подземный переход.

В «трубе» было сыро и

неопрятно, как в разорившемся платном туалете. Пахло спертым духом потных тел, размокшими окурками, котами и содержимым многочисленных киосков.

Глеб медленно прошелся вдоль стеклянной стены. Потолкался среди публики, тупо разглядывающей выставленное напоказ дешевое барахло.

Ровно в одиннадцать он протиснулся в магазинчик, торгующий женскими тряпочками. Чиркнул взглядом по лицу молоденькой продавщицы, заставив ее опустить глаза. Постучал условным стуком в металлическую дверь и вошел в подсобку.

Квадратное помещеньеце было до потолка заставлено коробками. На свободном пятачке едва нашлось место для столика и раскладного табурета.

На нем, согнув сухое вытянутое тело, сидел пожилой мужчина с остроскулым лицом ветерана пересылок. Одет он был неброско, серо. Только и запомнишь, если столкнешься, долговязую фигуру и прощупывающий скользящий взгляд.

Мужчина прихлебнул чай из крышечки термоса, молча кивнул Глебу.

— Есть крупная партия «афганца», — сразу же перешел к сути Глеб. — Предоплата сто

процентов. Самовывоз из Рязани. Можно брать прямо сегодня.

Мужчина подул на чай, разгоняя облачко пара.

— Пусть везут до Москвы, — сиплым голосом произнес он.

— Тогда и отдадут по московским ценам, — мягко возразил Глеб.

Мужчина дернул щекой.

— Сколько на круг выходит?

Глеб на пальцах показал — «три».

— Больно круто, — подумав, произнес мужчина. — По бабкам потянем, только потом куда его девать? Не жопой же есть.

Глеб уперся плечом в косяк.

Поблуждал взглядом по коробочкам с бельем. На модельках тряпочки смотрелись идеально. Как будут выглядеть на покупательницах, толкущихся за железной дверью, поди угадай.

— Через неделю-другую ГУВД начнет гонять «чехов», — нейтральным тоном начал он. — И с «дурью» в городе возникнет напряженка.

Мужчина сосредоточенно прихлебывая чай, насторожился.

— Откуда знаешь? — выдохнул он в крышку.

— Газеты читаю внимательно. Война в Сербии кончилась, больше нашим лохам пудрить мозги нечем. А

чтобы не вспомнили, как их в дефолт кинули, надо переключить внимание. «Чехи» и айзеры — метод испытанный.

Мужчина покосился на него, пополоскал чаем рот, сглотнул.

— Если такой умный, что на себя товар не возьмешь?

— Я никогда не берусь за то, что не умею делать, — тихо, но отчетливо произнес Глеб.

Мужчина, крякнув, развернулся. Цепким взглядом осмотрел Глеба с головы до ног.

— Кто знает про товар? — едва слышно произнес он.

— Вы, я и хозяин груза. Мой человек передаст концы в Рязани.

— После этого он тебе будет нужен?

— Нет.

Губы мужчины сложились в плотную линию. Он хищно втянул носом воздух.

— Значит, договорились. Позвони Модному, скажи, я дал добро. Свой процент с него снимешь. — Он цыкнул зубом. — Работайте, нехристи, сами. Я «дурью» руки не мараю.

Он отвернулся, цепкими пальцами подхватил термос. Опрокинул, направив дымящуюся коричневую струю в крышу. Пахнуло мятой и липовым цветом. На пожухлой коже ладони мужчины

синел контур парусника.

Даже с такого расстояния Глеб чувствовал затхлый запах мужчины. Запах пульсирующими ручейками сочился от морщинистой шеи, выползал из подмышек и дымком вился над пахом. Переполненный барак, тухлая пайка и мокрые сигареты без фильтра. Запах въелся в кожу навсегда, как окрик конвоя — в мозг. До самой смерти не избавишься.

«Авторитет, твою мать! Полжизни за решеткой, — подумал Глеб. — По вашей логике, братки, у зверей царем должен считаться не лев, а попугай. Живет триста лет — и все в клетке».

Он поморщился и, не прощаясь, вышел.

* * *

Глеб выпил кофе за стойкой кафе «Шоколадница» на Пушкинской. Из окна хорошо просматривалась стоянка машин у Министерства по делам печати и информации. Когда в ряд припаркованных машин вклинился черно-синий «Гелендваген» со знакомыми номерами, Глеб встал. Купил коробку самых дорогих конфет и вышел на улицу.

Обошел вокруг кинотеатра

«Россия» — Минпечати прилепилось к нему сбоку — незаметно выскочил из-за угла на министерское крыльцо.

Предъявил пропуск на вахте.

В холле нужный ему человек, приехавший на «Гелендвагене», рассматривал газеты, разваленные на лотке. Головы не поднял, взглядом прошедшего мимо Глеба не проводил. Слишком профессионален, чтобы явно демонстрировать интерес.

Глеб, проходя к лифту, уловил нотку авантажного одеколona «Фенди», исходящую от мужчины. Сузил глаза.

«Профессионал, твою мать! Разъезжает на тачке стоимостью в

месячную зарплату всего МУРа, душится „Фенди“ и носит кожаный пиджак от Армани. Как там у Семенова? „Никогда Штирлиц не был так близок к провалу“. Сгорит же, дурак. И всех сдаст, к бабке не ходи. У нас не гестапо, в ментовке отпрессуют так, папе Мюллеру даже не снилось».

Войдя в лифт, Глеб развернулся. Створки двери медленно захлопнулись, но он успел увидеть мужчину, развернувшего газету. Как учили, он проверялся, отслеживая всех, кто вошел в холл вслед за Глебом. Несмотря на элегантный костюм, было в его широкоплечей фигуре что-то неисправимо

плебейское, от тупого физического труда идущее.

Глеб подавил улыбку.

В пустом лифте Глеб достал из бумажника триста долларов. Помедлив, добавил еще сотню. Вложил в конверт. Конверт прижал пальцами к белой изнанке коробки конфет.

Романтик раннего капитализма Чичиков совал в потные ладошки чиновников ассигнации: кому «беленькую», кому — «синенькую», кому — «красненькую». Невероятная неразбериха царила в финансах Российской империи! Это же тронуться можно, запоминая, кому какой цвет по табелю о рангах

положен. Спасибо Гайдару, навел в России порядок. Теперь все и всюду берут «зелеными».

Глеб вышел на втором этаже. Не торопясь, прошел по коридору по пыльной, протоптанной, как тропинка в лесу, ковровой дорожке. Уныло-красной с зелеными каемочками. Некоторые двери были приоткрыты, из кабинетов доносились звуки мышинной министерской жизни.

Нужная дверь тоже оказалась приоткрытой. В щель тянуло запахом растворимого кофе и сдобы.

Глеб постучал и шире распахнул дверь.

— Клавдия Ильинична, доброе

утро!

Молодая дама пенсионных лет вскинула от удивления тонкие брови. Все остальное на ее лице было крупным: глаза, нос, губы и складки. Все, что выступало над столом, тоже было внушительным.

— Глеб Павлович! Какими судьбами? — мелодичным контральто удивилась она.

— Надо же, как я вовремя.

Глеб указал глазами на чашку кофе и тарелку с булочками, стоящие на какой-то ведомости.

— Ой, с утра запарка. Дома не позавтракала и здесь не дают.

Глеб протянул коробку конфет.

— Это вам к кофе, Клавдия

Ильинична.

— Боже ты мой, красотища-то какая!

Она приняла коробку. Глеб чуть задержал ее в руках, дав возможность нащупать конверт. Дама стрельнула быстрыми глазками.

— С днем рождения, Клавдия Ильинична. Вчера ну никак не мог заскочить, вы уж извините.

— Да что вы, Глеб Павлович! — Она положила коробку на стол. — Какой там день рождения, так, почаетничали с девчонками да разошлись.

— Даже на мужской стриптиз не съездили? Скучно вы тут живете.

— А, куда нам до вас,

капиталистов! Мы скромненько, в своей компании.

Клавдия Ильинична почему-то потупилась.

На мощной, как киль подлодки, выдающейся вперед груди, почти горизонтально лежал золотой кулон, которого Глеб раньше у нее не видел.

Клавдия Ильинична в министерстве занимала должность малозаметную, но на поклон к ней шли все, кто провозил через границу газеты и журналы. Таможня требовала бумажку, удостоверяющую, что издание не является рекламным. Клавдия Ильинична такую бумажку давала. Или — нет. Если уж совсем точно, то она ее брала и несла на

подпись кому-то вышестоящему, кому табель о рангах лично брать не велит. Такса у Клавдии Ильиничны была божеская, и на жизнь хватало, и желающих поскандалить не находилось.

— Даже не буду спрашивать, сколько стукнуло. Сам вижу — на сорок не тянете.

— Ой, брось! Это после вчерашнего-то! — хохотнула Клавдия Ильинична, поправив завиток на виске. — Присаживайся. Кофе хочешь?

Глеб присел на краешек стула.

— Капельку.

— А в кофе?

— Тоже — капельку, — кивнул

Глеб.

Клавдия Ильинична достала из-под стола электрочайник, приготовила кофе. Заговорщицки подмигнув Глебу, подлила в чашку коньяк из плоской бутылочки.

— Лечусь. Давление с утра прыгает, — вздохнула она, качнув кулон на груди.

Глеб пригубил кофе, остро пахнувший коньяком.

— Съездите к морю. Сейчас на Майорке хорошо, — подсказал Глеб.

— Хо! Кто же меня отпустит? Из-за дефолта этого гадского все дела встали. Сейчас авралим. У тебя-то как?

— Работаю потихоньку. На мои

услуги спрос не падает.

— Потому что ты — умница. Не то что всякие. — Клавдия Ильинична обвела рукой стол, заваленный стопками папок. — Писаки! Издают и издают... И кто их галиматью читает?

На обратном пути ее рука приземлилась на булочку, отщипнула кусочек и отправила в рот.

Жуя, Клавдия Ильинична задумчиво скосила глаза вбок.

— Жену еще себе не подобрал, Глеб? — неожиданно спросила она. — Смотри, не выберешь сам, тебя выберут.

Глеб рассмеялся.

— Знаете, кто такая жена? Это

единственная из женщин, которая не хочет за тебя замуж.

Клавдия Ильинична недоуменно уставилась на него. Потом рассмеялась переливчатым грудным смехом. Откинулась на спинку кресла. Женским жестом прижала подпрыгивающий кулон.

— Ох, Глеб, с тобой не соскучишься! — простонала она.

Глеб сделал большой глоток, отставил чашку. Встал.

— Побегу я дальше.

— Уже? Посидел бы, кофейку еще попили бы.

— Рад бы, да не могу. Волка ноги кормят.

— Ну-ну, — протянула Клавдия

Ильинична. — То-то я смотрю, ты длинноногий, как легкоатлет.

Ударение она почему-то сделала на «а».

«Корова ты колхозная», — подумал Глеб, ласково улыбаясь.

— Слушай, а ты по какому вопросу пришел? — спросила Клавдия Ильинична.

— Специально заскочил с днем рождения поздравить. — Глеб держал на лице улыбку.

— Ну ты даешь! — Клавдия Ильинична выгнула полные губы. — Ладно, Глебушка, зачтется. Кстати, как о дне рождения узнал? Я же объявления в светской колонке не давала.

— Холостому мужчине многое по плечу. — Глеб повел широкими плечами.

— Ой, иди отсюда, черт глазастый! — шутливо отмахнулась Клавдия Ильинична.

Глеб рассмеялся, помахал ручкой и вышел из кабинета.

Как и условились, мужчина в кожаном пиджаке ждал его у окна.

* * *

На языке человека, стоявшего у окна, визит Глеба к Клавдии Ильиничне назывался «легендированием оперативного

контакта». Валентин знал много подобных навороченных словосочетаний, но, по мнению Глеба, умнее от этого не стал.

Глеб не считал оперативную работу чем-то чрезвычайно заумным, чему могут научить только в Высших школах соответствующих ведомств. Не сопромат все-таки! Надо лишь быть волком среди баранов и охотником среди волков. Остальное приложится.

Глеб пожал протянутую руку, машинально отметив, что Валентин опять сменил часы. Был «роллекс», теперь — «лонжин».

Они отступили в темную нишу, в которой по давней завхозовской

традиции был свален офисный хлам.

— Есть проблемы, Глеб? — сразу же перешел к делу Валентин.

— Я замутил проект на три миллиона «гринов», — ответил Глеб. — Хватит всем. Ты — в доле.

Валентин усвоил информацию и кивнул.

— Что требуется от меня?

— Сказать «да» и прекратить валять дурака, — сменил тон Глеб.

Брови Валентина поползли вверх. На мясистом лице проступило выражение, с которым боксер готовит нокаутирующий удар.

Он и был боксером-полутяжем. Плюс владел всем остальным, что полагается уметь оперативнику

УБОП. Но Глеб не испугался, наоборот — смело улыбнулся в напряженное лицо Валентина. Знал, тот не посмеет ударить. Кулаки пудовые, а повязан по рукам и ногам.

— Я, конечно же, не генерал МВД, но могу многое, — веско произнес Глеб.

Глеб давил на больное место. Валентин попался на глаза важной шишке в МВД и быстро оказался в свите, чем несказанно гордился.

— Например?

— Например, сделать из тебя депутата.

Валентин тихо хохотнул.

— Из меня не получится.

— Получится. И не из такого

дерьма депутатов лепили. Что, обиделся или идея не нравится?

— Смысла не вижу.

— Из Думы, как с Дона, — выдачи нет. А наколбасил ты изрядно. — Глеб подцепил лацкан кожаного пиджака Валентина. — О, дорогой прикид. Почем купил? И тачка у тебя, как у братана конкретного. Часы, смотрю, сменил. Не страшно глаза так мозолить?

— Раз живем. — Валентин стряхнул его руку.

— Дурак! — Глеб опять, уже намертво, вцепился в лацкан. — Твой генерал уже всем поперек задницы встал. Ему, орлу плюшевому, положим, упорхнуть дадут. Поближе

к швейцарским счетам. Башку за границей свинтят, тихо, и без шума. Бабки отберут, а башку — в ведро. И нет орла! А отыграются на вас, быках тупорылых. Устроят показательный суд и впаяют пожизненное.

Глеб разжал пальцы, похлопал Валентина по тутому плечу.

— Или подожди немного. — Он смягчил тон. — Пожируй еще. А когда чекисты ваш РУБОП с рынка «крышевания» вышвырнут, приходи ко мне. Устрою охранником. Спорим, через месяц прибежишь?

Валентин насупился и тяжело засопел.

Глеб не дал ему уйти в тяжкие раздумья, подхлестнул:

— Быстрее телись, Валя! Я такие предложения один раз делаю. Да или нет?

— Гарантии? — быстро спросил Валентин.

— Мое слово. И ничего более.

Глеб вскинул подбородок с черной кляксочкой бородки.

Валентин уперся взглядом в стену выше головы Глеба. Задумавшись, стал раскачивать мощное тело, словно стоял в углу ринга.

Глеб ждал, заложив руки за спину.

Спустя минуту Валентин чмокнул побелевшими от напряжения губами.

— Ладно, что надо делать?

— Не «ладно», а — «да», — с расстановкой произнес Глеб.

Валентин помедлил и, поморщившись, выдавил:

— Да.

* * *

Глеб резво сбежал по ступенькам.

На стоянке машин его уже поджидал служебный «мерседес».

Водитель, завидя шефа, шире распахнул предупредительно открытую дверь.

— Глеб Павлович, вы

извините... Пробки, черт их бери! — простонал водитель.

— Ничего страшного, Алексей. — Глеб с удовольствием плюхнулся на мягкую кожу сиденья. — Там тоже пробки. — Он кивнул на министерство. — Только в мозгах.

Водитель с готовностью гыгыкнул.

Глеб, играя в придуманную им самим игру, постоянно менял адреса, куда следовало подать машину утром. Алексей работал у него полгода, но, Глеб был уверен, не имел представления, где же постоянное логово шефа.

Алексей мягко включил заднюю

скорость, плавно выкатил машину со стоянки. Вопросительно уставился на молчащего Глеба.

Это был еще один пунктик игры. Водитель никогда не знал заранее о конечной точке маршрута. Иногда Глеб по дороге менял ее, заставляя ехать чуть ли не в обратном направлении. Как хочешь, так и крутись.

Само собой подразумевалось, что за деньги, за которые Алексей крутил баранку, вполне можно и покрутиться. А ворчать — себе дороже. Особенно после дефолта.

— Сначала на работу, — распорядился Глеб.

Особой нужды ехать в офис не

было. Разве что переодеться. В виндблоковской куртке, джинсах и свитере весь день проходить не удастся. Клиенты, с которыми назначена встреча во второй половине дня, могут поморщиться.

По большому счету, Глеб плевать хотел на их гримасы. Жил по принципу: «Еще не родился кот, которого бы интересовало мнение мышей». Но запах...

Специфический запах горячей шерсти и возбуждения, запах, свойственный только ему и только им слышимый, уже не давал покоя, мучил голову и время от времени пеленой застил глаза.

Глава двенадцатая. Про пиар и не только...

В России реалисты занимаются нефтебизнесом, романтики издают книги, а идеалисты открывают продуктовый магазин. Все остальные виды бизнеса занимают промежуточное положение, в зависимости от психотипа владельцев фирм. Глеб Лобов, накопив капитал, открыл агентство «Паблик рилэйшнз».

«Паблик рилэйшнз»... Язык свернешь, пока выговоришь, а понять средним умом, что это за напасть такая, очень трудно. Однако

возможно. Главное помнить, что все новое — это хорошо забытое или плохо усвоенное старое. «Паблик рилэйшнз», спору нет, звучит респектабельно. Куда там какой-то совковой «агитации и пропаганде»! Но смысл один, разница только в импортной упаковке.

Для наглядности сравнения представьте себе премьер-министра Кириенко на пресс-конференции и Ампилова на митинге. Внешне шокирующе различны: один словно родился в Давосе, сидел за одной партией с Соросом и списывал алгебру у Билла Гейтса. Второй, пусть и косит под придурка, шустр умом и обаятелен, как секретарь

комсомольской ячейки колхоза «Красный плуг». Короче, свой в доску, но себе на уме. Но роднит их одно — оба вруны. Один врет, что жизнь скоро будет лучше, второй — что вчера было дружно и весело. Один пиарит, а второй — агитирует. Чувствуете разницу?

Агитация — это как молотом по голове и серпом по «брынцалову». По-пролетарски просто и эффективно. «Даешь Днепрогэс!», «Даешь Магнитку!», «Даешь Осавиахим!». И народ давал. А куда денешься? Но во времена «распиливания» между своими Магниток, РАО «ЕЭСов» и «Аэрофлотов» всенародный

энтузиазм ни к чему. И в ход идет «пиар» — легально производимый в стратегических дозах галлюциноген.

Но если уж совсем точно, то пиар — это не средство, а стиль. Такой у власть имущих теперь стиль общения с народом. Врать в глаза до тех пор, пока у клиента не помутнеет в голове. Забалтывать, как врач слабоумного. Нахваливать себя и строить глазки, как попсовая звезда в «чесе» по провинции. Очаровывать, как продавец тайм-шеров. Делать державное лицо, как гаишник с радаром. Ампиров так не умеет. Кириенко — да.

Глеб одним из первых учуял в «ветрах перемен» запах дичи. В

отделах «PR» крупных прозападных компаний еще скучали длинноногие любовницы и кандидатки в любовницы, чирикали по телефонам и в сотый раз наводили маникюр, Мавроди еще исправно выплачивал проценты, Довгань тихо месил тесто, политики самодеятельно «пиарили» сами себя, а банкиры еще опасались показываться по телевизору. А Глеб Лобов уже подбирал персонал, прикармливал «умные головы» и заводил знакомства среди потенциальных клиентов.

Он лично набросал эскиз эмблемы, художник потом довел идею до совершенства, и бланки фирмы украсил золотой баран.

А что еще изобразить для публики, на связь с которой власть плевать хотела и плюет? Стрижет с баранов три шкуры, а потом гонит на бойню.

Клиенты, между прочим, тоже умом не отличались. Но этим волчарам и шакалам хватало сообразительности рядиться в овечью шкуру. За златорунный прикид платили неплохо. Правда, большую часть бюджета приходилось возвращать «откатом». Такие были тогда времена.

Когда Ельцин, не приходя в сознание, бабахнул по Белому дому из танков, Глеб понял, настало его время. Эта хищная Власть пришла

всерьез и надолго.

Но Власть, как прокопченные стены Белого дома, нуждалась в срочной стирке имиджа. Запад был готов и дальше менять сникерсы на нефть, но требовал пристойного имиджа от российских политиков и бизнесменов. Поэтому многие капиталы и биографии также нуждались в срочной отмывке. А как это сделать?

С Запада подсказали — «пиар». Наши недоуменно почесали вельможные загривки и поглядели окрест. Они же привыкли, что кто-то из холуев книжки умные читает, за то и держат, дармоедов. Рассчитывая именно на такой вариант, Глеб и

назвал свою фирму «Pro-PR». Кто-то расшифровал как «профессиональный пиар», кто-то — «про этот самый пиар». Но клиент потек. Потом пошел. А в последнее время попер, как осетр на нерест.

Настоящей путиной стали для Глеба выборы Ельцина. Вот где был «пиар» в полный рост! Работали, как бригада коммунистического труда на фабрике «Гознака». Руки ныли от перетасканных за день упаковок с деньгами. Хватило на всех, даже на народные гулянья кое-что перепало.

Выборы закончились, как известно, торжественным переносом всенародно избранного тела из ЦКБ в Кремль. По второму разу Первый

президент России мертвым голосом прочитал текст присяги. Не упал, и молния сверху не шандарахнула. Все обошлось. И все кончилось грандиозным банкетом победителей.

Церемонии присяги Глеб не дождался. Хотя имел пригласительный билет. Стало вдруг тошно. Надоело все: и бараньи глаза избирателей, и глубокомысленное бляенье телекомментаторов, и тупая наглость избирательного штаба. В ночь торжества демократии, когда ВЦИК на глазок прикинул результаты, он распустил сотрудников в отпуск, собрал рюкзак и уехал в тайгу — под Красноярск.

Только там, среди зверья, честно

и откровенно жрущего друг друга, он пришел в себя. Вновь почувствовал себя человеком.

Создатель образов

Агентству «Pro-PR» на правах аренды принадлежал трехэтажный флигель, примыкающий к ведомственной типографии.

Арендодатель, директор типографии, кормился с заказов Глеба на политические агитки, листовки и шикарные проспекты с ликами народных избранников и кандидатов в них. Поэтому аренду не накручивал. Наоборот, даже несколько раз намекал, что готов

закрывать глаза на месяц-другой просрочки. Но Глеб исправно и регулярно переводил деньги на счет типографии и передавал конвертик на нужды ее директора. Быть обязанным человеку, пропахшему офсетной краской, считал ниже собственного достоинства.

На первом этаже особняка помещался ночной клуб, Глеб владел им через подставное лицо. Никакого стриптиза и прочих утех для богатых. Все было скромно, бедно, но стильно. В клубе обожали тусоваться патлатые обкуренные музыканты и их полоумные подружки, по мнению Глеба, — самая безобидная популяция двуногих.

Выручки на такой публике, самой собой, не сделать: едят, как птички божьи, а на серьезную выпивку денег никогда нет. Но сотрудники агентства приспособили клуб, пустовавший с полудня до восьми вечера, под столовую и место деловых встреч. Таким образом, фонды агентства, списанные на обеды сотрудников и представительские расходы, возвращались обратно в кассу агентства. К тому же в клубе повелось отмечать праздники, а в конце недели дружно зависали до утра. Поэтому опозданий на работу по понедельникам практически не было. И часть зарплаты,

просаженной молодежью агентства, возвращалась в карман Глеба и шла на выплату премий. Глеб называл это «круговоротом денег в природе».

В клуб с проверкой он решил не заходить. У творческих личностей утро еще не началось. В зале, наверняка, вповалку валяются музыканты и ночная смена официанток, лишь приходящая посудомойка, тихо ругаясь, скребет тарелки.

Глеб вошел в агентство через служебный вход.

Охранник вытянулся в струнку, до позвоночника втянув живот.

— Глеб Павлович, за ваше отсутствие происшествий не

случилось, — по-армейски четко отрапортовал он. — Начальник «СБ» у себя в кабинете.

— Вольно. — Глеб старательно подавил улыбку.

Еще одна игра. За свои деньги и для пользы дела.

Глеб требовал с охранников, молодых парней, недавно дембельнувшихся из армии, уставной дисциплины. Во-первых, нечего за такие деньги сидеть, развалив хозяйство, и весь день пялиться на ножки офисных девок. Во-вторых, нечего расслабляться на гражданке, коли Бог ума не дал больше, чем требуется для хождения строем и стрельбы по людям. В-третьих,

просто приятно потребовать с людей и получить требуемое.

Он прошел в общий зал, где за стеклянными перегородками, как пчелы в сотах, роились молодые сотрудники. Когда хотел, Глеб умел двигаться даже в толпе незаметно, никто на его появление внимания не обратил.

Он скользнул в ближайший отсек. Встал за сгорбленной спиной, обтянутой белой рубашкой. Выше сутулых плеч торчала только вихрастая макушка.

Глеб несколько секунд смотрел на монитор, в который уткнулся сотрудник. Потом положил руку ему на плечо.

— Как дела, Юра? — тихо спросил он.

Плечо под его ладонью дрогнуло, как от удара током.

Юрий еще глубже вжал голову в плечи. Заторможенно развернулся вместе с креслом.

— Глеб Павлович...
Здравствуйте, — промямлил он.

— Привет. Как дела?

Юра с трудом справился с волнением.

— Проблемы, Глеб Павлович. — Он кивнул на монитор. — Больше девяти и трех десятых не выходит.

— А сколько они хотели? — спросил Глеб.

— Ну... Процентов сорок.

Глеб издал короткий хохоток.

— Это же Краснокамск, а не Туркмения, Юра! В наших климатических и культурных условиях девяноста процентов поддержки не бывает. Даже для Ельцин-баши мы с трудом наскребли пятьдесят во втором туре.

— Я-то понимаю. А как это втолковать заказчику?

Глеб посмотрел на монитор.

На нем сработала защита экрана, и по синему фону поползла строчка: «Любовь к себе обратнопропорциональна любви к тебе ближних». Юра сидел на обработке опросов общественного мнения, выполняемых по заказу

удельных князьков. Очевидно, таким юмором он лечился от депрессии.

— Подтасуй цифирь до тридцати и двух десятых и отошли этому убогому, пусть подотрется. В пояснении укажи, что беремся поднять на выборах до сорока, — распорядился Глеб. — Но за отдельную плату. Добавь страниц десять аргументации. Чем заумней, тем лучше. Один фиг ничего не поймет, но впечатление произведем.

— Есть данные, туда коммуняки своего человека ставят. А по опросу у них верных двадцать пять процентов. Можем пролететь, Глеб Павлович.

— Не мы, а заказчик.

Юра недоуменно захлопал

глазами.

Глеб развернул кресло, вновь уткнув Юру носом в монитор. Потрепал по хохолку на затылке.

— Работай, юноша. И не думай о грустном.

«Цинизма в парне маловато. Добросовестный, исполнительный, но — тихоня. Домашний мальчик. В командировки — ни ногой», — пометил в уме Глеб, покидая закуток Юрия.

Глеб тревожно дрогнул ноздрями, и дальше по залу он шел на запах. Сквозь привычный коллаж офисных ароматов отчетливо чувствовался чужой, мерзкий и тягучий запах.

Кивнув в ответ на приветствие, пропустил мимо себя пару девчонок, прижимавших к груди папки. От девчонок пахло хорошо, привычным набором: чуть-чуть духами, свежим бельем и секречиями молодого тела, живущего регулярной половой жизнью. Их аура едва не сбила Глеба со следа, но, покрутив головой, он быстро сориентировался.

Ходом шахматного коня пройдя между перегородками, кивком отвечая на приветствия, он вошел в закуток, занимаемый одним из лучших сотрудников. Запах здесь стоял удушливый, концентрированный. Пахло нездоровой рыхлой кожей и

гнойничковыми язвочками. Глеб удивился, что на это, кроме него, никто не обратил внимание. Успел услышать обрывок разговора.

— Сотни две баксов, максимум. Я же отдам, ты знаешь.

Голос Эдельмана показался блеющим и жалким, как у привязанного посреди леса козленка.

— Привет, Александр, — окликнул его Глеб.

Александр медленно поднял измученные семитские глаза и обмер.

— Я перезвоню, — скороговоркой шепнул он в трубку мобильного.

«Хорошо, что для своих базаров

не использует мои телефоны», — машинально отметил Глеб. Заметил он и шершавые губы, и характерно расширенные зрачки.

— Здравствуйте, Глеб Павлович. — Александр попытался встать.

Глеб махнул рукой.

— Сиди, сиди. Что у нас с «Рускомом»?

— Тянут время, Глеб Павлович. — Александр облизнул сухие губы. — Попробую нажать. Но думаю, без толку. На дефолт все линияли за бугор, работы не было. Сейчас только раскачиваются. А половину сотрудников сократили. Мои контактеры тоже пострадали.

Шансов мало, — вздохнул Александр.

— Ты здесь для того, чтобы делать невозможное.

Под взглядом Глеба Александр подобрался.

— Может, пока переключиться на железнодорожников?

— Сколько там светит? — спросил Глеб.

— Триста. Но половина — откат.

— Морда не треснет?

— Сто пятьдесят «штук» для нас сейчас — тоже деньги, Глеб Павлович.

— И они про свои так же, наверное, думают. — Глеб улыбнулся. — Ладно, сделай их мне

за неделю.

Эдельман тяжело вздохнул.

— Но это из разряда абсолютно невозможного.

— Принесешь контракт — премия пятнадцать процентов! Налом, лично от меня.

Кадык у Эдельмана дрогнул.

Глеб развернулся и лишь после этого позволил себе брезгливо поморщиться. Запаха заживо гниющей плоти он не переносил.

В самом конце зала помещался обширный загон для дизайнеров. Шепоток о появлении шефа уже прошелестел по сотам улья, и здесь Глеба ждали.

Высокий полный мужчина с

выскобленной лезвием лысиной резво выскочил из засады и преградил Глебу путь.

— Глеб Павлович, утро доброе! — Он отвесил в меру подобострастный поклон.

— Доброе! — улыбнулся Глеб. — Но по вам не скажешь. Опять проблемы, Иван Васильевич?

Год назад Глеб за долги отнял у лысого глянцевого журнальчик «для богатых». Прежний владелец всю прибыль клал в карман, что в конце концов сгубило и его, и журнал. Поэтому поставить журнал на ноги труда не составило, даже пошли нормальные деньги, но проблем прибавилось.

Раз в месяц, кровь из носа, требовалось сдать макет в типографию, а потом развезти свежие номера заказчикам, проплатившим статьи «о себе любимых» в «солидном издании для узкого круга лиц, принимающих решения», как позиционировал себя журнал.

От Ивана Васильевича исходил легкий душок выпитой вчера четвертушки. Но вкупе с солидной фигурой, лепной лысой головой и запахом шикарного лосьона после бритья амбре воспринимался вполне солидно. На грешок главного художника Глеб закрывал глаза, тем более что Иван Васильевич, приняв

на работе, — водилось за ним и такое, — имел привычку потом долго и унизительно каяться.

— Стас до сих пор не одобрил макет обложки. А в «Макцентр» нужно было сдать еще два дня назад. — Лицо Ивана Васильевича побагровело от возмущения. — У Стаса, безусловно, работы больше моего... Но и меня поймите!

— Уже понял, — кивнул Глеб. — Где Стас?

— С утра закрылся с заказчиками. — Иван Васильевич развел руками. — А у нас работа стоит.

Стас числился в помощниках на все случаи жизни, но и его прыти

порой не хватало.

— Если позволите, я его заменю. Заменить собственного зама — это ли не смешно?

Иван Васильевич с готовностью расцвел улыбкой.

Глеб, поддерживаемый под локоток главным художником, прошел в просторную «соту».

Первый помощник Ивана Васильевича, парень с лицом туберкулезника, и девочка «на подхвате», особь среднего пола, с короткой оранжевой стрижкой и сережками где только можно, развернув кресла, закивали. Оба сделали особо изнуренный вид, демонстрируя последнюю степень

аврала.

Три девятнадцатидюймовых монитора светились разноцветными картинками. Короб принтера, урча, выжимал из себя полосу бумаги.

Иван Васильевич потянулся к папке с макетом, тяжелым и толстым, как гранитная плита.

— Нет, смотреть не буду. Все в черновиках уже видел, — остановил его Глеб.

Иван Васильевич изобразил на лице покорность воле хозяина. Но, как нестареющий «шестидесятник», добавил в мину малую толику фрондерства. Ровно на столько, чтобы сохранить остатки самоуважения и не вылететь при

этом с работы.

— Если не доверять мастерству заслуженного художника, лауреата стольких премий, что даже у меня не хватает памяти запомнить, то кому еще можно здесь верить? — Глеб покосился на Ивана Васильевича, проверяя, как подействовал комплимент.

Комплимент вызвал прилив малинового цвета к тщательно побритым щекам и лысине Ивана Васильевича.

— А вот обложечку посмотрю.

Глеб встал за спиной у туберкулезного.

— Николай, давай все варианты, — скомандовал Иван

Васильевич.

Николай простучал прозрачными ногтями по клавишам, на мониторе появились десять цветных картинок, размером с игральные карты.

— Я попробовал варианты в разной стилистике. — Иван Васильевич встал бочком между монитором и шефом. — Есть и классика. Поиграл с авангардом... Коля, укрупни, пожалуйста, — попросил он оператора.

Глеб молча дождался, пока последняя картинка в крупном масштабе пройдет на экране. Чувствовал кожей лица, как Иван Васильевич бросает на него

настороженные взгляды.

Ребус с картинками Глеб разгадал легко.

Две обложки художник делал «для души», затесав их среди тех, что лепил «для хозяина». Глеб был уверен, что Иван Васильевич заранее знает, какой вариант получит визу руководства. Как никак, а в издательском деле подвизывался не один десяток лет и каких только дубов ни насмотрелся. Однако скрипел позвоночником, морщился, а кланялся. Потому как, хоть и вольный творец, а все же — наемный работник.

На мониторе вновь высветились все картинки разом, как карты в

пасьянсе.

— Та-а-ак. — Глеб скрестил руки на груди. — Выбрать сложно, но нужно. Лично я глаз оторвать не могу вот от этой.

Он указал на ряды белых изгибов газовых труб на непроницаемо черном фоне. Картинка явно делалась «для души».

— Чистое «техно». Ультрасовременно, и настроение чувствуется. Что-то из земли идущее, непонятное, но желаемое, да? Мастерская работа!

Иван Васильевич подарил ему благодарный взгляд и потупился.

— Но «Газпромом» рулят, насколько мне известно, отнюдь не

выпускники Академии изящных искусств, — изрек Глеб, а оранжевая девица прыснула в кулачок. — Придется ориентироваться на их понимание прекрасного. Сделаем им красиво за их же деньги. Но и до уровня начальника газокompрессорной станции нам опускаться незачем. Согласны?

Иван Васильевич дважды отсемафорил успевшей побледнеть от волнения лысиной.

— Мне кажется, это — компромиссный вариант.

Глеб с серьезным видом указал на центральную картинку, светившуюся изумрудно-фосфорным цветом. А сам был готов

расхохотаться в голос.

Оператор по немой команде художника щелкнул «мышкой» и увеличил картинку на всю ширину экрана.

Глеб крякнул в кулак, чтобы смех не вырвался наружу.

В правом нижнем углу обложки круглолицый шеф «Газпрома» жизнерадостно улыбался из-под нахлобученной до глаз пыжиковой шапки-ушанки. Бугорки щек и прочие выпуклости лица украшал здоровый румянец человека, привычного к северному морозу и к заполярным дозам спиртного. Фон был черный, а по нему, фосфорно светилась элегантно вогнутая карта страны,

разбитая на четкие прямоугольники.

— Монитор центральной диспетчерской «Газпрома». Специально попросил кадр в их пресс-службе, — пояснил Иван Васильевич.

Глеб с глубокомысленным видом кивнул. Вопрос, который жег язык, задала оранжевоволосая курица.

— Ничего, что он в ушанке на центральном пульте? — подала она стервозный голосок. — Да и осень еще на дворе. Не по погоде одет.

Иван Васильевич готовился что-то сказать, но, хлопнув ртом, задохнулся.

Глеб, не выдержав, разлепил губы в улыбке.

— Будем считать, что он только прилетел из Ханты-Мансийска! — выдал он заранее сформулированный ответ. — И сразу — на главный пульт.

Засмеялись в голос все, даже Иван Васильевич подключился, правда, последним.

— Ладно, одобряю в шапке, — промокнув глаза, вынес вердикт Глеб.

Иван Васильевич с достоинством кивнул, как фельдфебель-старослужащий, получивший приказ, в котором не нуждался.

Глеб повернулся к монитору.

— А это будьте добры сохранить. — Он указал на белую

головоломку из труб. — Разведка донесла, они там что-то мутят с «Рургазом». Потребуются проспекты и прочая рекламная макулатура. Немцы такой шедевр оценят по достоинству. Или я их уважать перестану.

Иван Васильевич смущенно, но польщено одновременно залился румянцем от подбородка до макушки.

— Вы же профессионал высшей пробы, Иван Васильевич. — Обычно с этой фразы Глеб начинал проработку художника за очередную пьянку на рабочем месте. Но сейчас она звучала без всякого укора. — И лучше меня это знаете. Я лишь знаю, что мир создается энтузиастами, а

стоит на плечах профессионалов. Знаю, а кто сказал, не помню.

— Он, — подала голос девочка. — Я полосу с его интервью верстала.

Оранжевоволосая указала на стенд, занимавший всю стену над ее монитором. На стенд Иван Васильевич лепил магнитами лучшие обложки. Получилась выставка личных достижений, пример для ученицы и образцы для бестолковых клиентов.

Глеб осекся, вдруг осознав, чьи слова он процитировал.

С обложки майского номера на него смотрел Матоянц. Отчим Карины, как всегда, выглядел

сосредоточенным и уверенным в себе. И абсолютно не подозревал, какая смерть ждет его через четыре месяца.

Глеб набрал код на замке, потом приложил большой палец к синему стеклянному квадратику на косяке. Щелкнуло запирающее устройство. Он толкнул дверь и шагнул в тихий глухой коридор.

Еще одна игра за собственные деньги. Но на этот раз всерьез и на серьезные ставки.

В отдельном отсеке,

отгороженном бронированной дверью и звуконепроницаемой стеной от бестолковой суеты общего зала, находился «мозговой центр» агентства. По сути, он и был пиар-агентством, остальное — мишура для заказчиков и налоговой инспекции.

В четырех кабинетах размещались службы контрразведки, разведки, аналитический отдел и служба стратегического планирования. Все, как в нормальной спецслужбе уважающего себя государства. Только без раздутых штатов, бюрократии и интриг. По одному куратору с двумя помощниками на каждое направление и право использовать

любые ресурсы, лишь бы выгорело дело.

Глеб стряхнул с себя маску демократически настроенного и прогрессивно мыслящего начальника-технократа. И стал тем, кем любил быть, — охотником на двуногих.

Он без стука распахнул первую дверь. Встал на пороге. Вдавил взглядом обратно в кресло приставшего было начальника службы безопасности. Молчал и не без удовольствия следил, как с лица еще минуту назад столь уверенного в себе человека стекает удивление и медленно серой отечностью проступает тревога. А потом —

страх. Липкий его запах Глеб почувствовал на расстоянии.

Глеб захлопнул дверь, сделал три бесшумных шага к столу.

— Сергей Дмитриевич, раздолбай на входе докладывает мне, что происшествий не случилось. А в офисе у кое-кого вот-вот начнется ломка!

Сергей Дмитриевич нервно дрогнул губами.

— Я же предупреждал, Глеб Павлович, такой гадюшник под боком! Наши на этих обкуренных лабухов насмотрятся, а потом...

Глеб посмотрел ему в глаза, и Сергей Дмитриевич осекся.

Глеб перегнулся через стол,

нажал кнопку селектора.

— Любовь Викторовна, добрый день. У нас деньги есть? — спросил он добродушно-игривым тоном.

Из динамика раздался хохоток полной жизнерадостной женщины.

— Денег нет и не будет! — выдала она дежурный ответ. — Добрый день, Глеб Павлович.

— И тем не менее через полчаса выплатите Эдельману двести долларов на представительские расходы, — распорядился Глеб.

— Глеб Павлович, он свой фонд давно выскреб до донышка! — взмолилась бухгалтер.

— Потому что работает лучше всех. У него сейчас идет важный

контракт, так что изыщите возможность, Любовь Викторовна.

Глеб оторвал палец от кнопки, им же, острым и твердым, нацелился на переносье Сергея Дмитриевича.

— Когда этот засранец выскочит за дозой, пустишь за ним «хвост». Засечешь контакт. Барыгу сегодня же сдать ментам.

Сергей Дмитриевич с готовностью кивнул.

— Сделаем. А с Шуриком Эдельманом что делать? Может, по почкам? Для профилактики.

Глеб сузил глаза.

— По голове, — отчетливо прошептал он. — Чтобы вылетело все, что он за два года здесь узнал.

Прочитав немой вопрос в глазах Сергея Дмитриевича, Глеб отрицательно повел головой.

— Сделай из него растение — и хватит. Три дня на исполнение. Вопрос закрыт.

Не попрощавшись, Глеб вышел в коридор.

Табличек на дверях не было за ненадобностью. Свои и так знали, где кто сидит. А чужих сюда не пускали.

Глеб коротко постучал и распахнул дверь в кабинет аналитиков.

Альберт Семенович оторвал взгляд от пасьянса из карточек, разложенных на столе. Молча,

кивком, поприветствовал.

Был он человеком в годах, невзрачным и нелюдимым. Но светлее головы, чем у него, Глеб еще не встречал. Мозг Альберта Семеновича легко справлялся с объемом работы, непосильным для коллективного разума оперативно-аналитического управления КГБ. И главное, работал куда качественнее. Свои его прозвали Альбертом Вторым, в память об Альберте Первом — Эйнштейне. И хотя буйной седой шевелюры не имел и атомных бомб не разрабатывал, Альберт Семенович кличку принял как должное.

— Где народ? — Глеб указал на

три пустующих кресла.

— В «поле». Услал, мозги проветрить, — ответил Альберт Семенович. — В «Горбачев-фонде» какая-то конференция, пусть покрутятся, не помешает.

— Не слишком им много свободы даете?

— Только делу польза. Эта субстанция быстро прокисает, если ученый варится в собственном соку. — Он постучал по высокому морщинистому лбу.

Глеб сел в свободное кресло, расслабившись, вытянул ноги. Отчетливо произнес всего одно слово:

— Матоянц.

По отечному лицу Альберта Семеновича пробежала тень.

— Никаких подвижек, — после паузы ответил он.

— Может быть, проворонили? — спросил Глеб.

— Пока справляемся. — Альберт Семенович приложил палец к одной из карточек, лежавших перед ним. — Наши даже засекли передачу «Кондпетролем» акций компании, аффилированной в структуру Матоянца. Но это — «шум». Отдали за старые долги в пакете с другими, более ценными. О реальной атаке на наследство Матоянца пока нет даже речи. — Он замялся. Поднял глаза старого сенбернара на Глеба. —

Извините, Глеб Павлович, я не совсем в курсе, насколько мы включены в его проект «Водолей»?

— На все сто. То есть — по уши, — поморщившись, ответил Глеб.

— Ага.

Морщины на лбу у Альберта Семеновича пришли в движение. Подумав, он еще раз заключил:

— Ага.

— И это все?

— Подробнее я распишу в докладной. Но общий вывод: сейчас выходить из проекта — преждевременно. Несмотря на любые издержки, надо оставаться в деле. Тот самый случай, когда лучше

затеряться среди ждущих, чем оказаться первым среди бегущих.

Глеб разглядывал тупые носки ботсов.

— Сколько протянется такое положение? — спросил он.

— Взрыва следует ждать со дня на день. — Альберт Семенович откинулся в кресле.

Глеб поднял на него холодный взгляд.

— Поясните.

Альберт Семенович сделал недовольное лицо. Долгие речи давались ему с трудом и были малоприятны.

— Прежде всего отмечу, что я полностью не в курсе этого проекта

«Водолей». — Он прикоснулся пальцем к одной из карточек. — Но в данном случае я на вас не в обиде, Глеб Павлович. Излишняя масса информации не устраняет неопределенность, а наоборот, лишь усугубляет ее. Это — аксиома. Для анализа достаточно три, пять, максимум — семь критериев, иначе захлебнешься в информации. Так, мне достаточно знать, что Матоянц разворачивал некий проект под условным названием «Водолей». Предполагаю, что его смерть неким образом связана именно с ним. Почему?

Он замолчал и уставился на Глеба.

— Да, почему? — спросил Глеб, зная привычку Эйнштейна втягивать в разговор.

— Потому что другие «маркеры» его активности остались неизменными. Никаких пиков, никаких резких спадов. Вывод очевиден — корень в проекте. Не имея информации, все же рискну предположить, что работы подошли к критической отметке. Тут возможны два варианта: либо ликвидация куратора проекта не способна повлиять на его результат, либо наоборот — катастрофична для проекта. Весь вопрос, кем был Матоянц: Королевым или Чубайсом. Это условные термины, как вы

догадываетесь.

— Тогда уточните.

— Королев создал космическую отрасль с нуля и ушел из жизни, когда баллистические ракеты уже приняли на вооружение, а запуск кораблей с человеком на борту был поставлен на поток. Его смерть для космонавтики явилась трагическим, но абсолютно не критическим событием. Произойди она раньше, это была бы катастрофа. С Чубайсом все наоборот. Он ничего не создавал, Днепрогэсов не строил и атомных станций к очередному съезду КПСС в строй не вводил. Он получил в управление то, что уже было создано до него. Впрочем, как многие ему

подобные. Пусть твердят, что он гениальный менеджер, мне это до лампочки. Я твердо знаю, исчезни Чубайс сегодня, лампочки все равно будут гореть. Как горели до него. Это физика, а не менеджмент.

Глеб хмыкнул и кивнул.

— Мысль понятна. Теперь уточните, что вы называете «ликвидацией».

Альберт Семенович перевел дух.

— Я имею в виду «ликвидацию» в специальном смысле этого слова. Решение ликвидировать конкурента всегда продиктовано логикой. Патологических убийц в бизнесе и политике нет. Даже Сталин, пусть и трижды патологическая личность, в

своих чистках и ликвидации был логичен и последователен. Любую логическую систему можно легко раскрыть. Но смерть Матоянца в той форме, в которой она последовала... Вы понимаете, что я имею в виду? Она — абсолютно не прогнозируема. Вероятность — ноль и ноль десятых! И тем не менее она — очевидный факт. — Альберт Семенович поиграл карточкой, заштрихованной в черный цвет. Вздохнул. — И с ним я ничего поделать не могу. Факт не встраивается в логику системы.

Он бросил черную карточку поверх пасьянса из карточек, заполненных мелким почерком и непонятными значками.

— Такого быть не может, чтобы никто до нас не додумался, как выйти из этого интеллектуального тупика, — с усмешкой вставил Глеб.

Альберт Семенович ответил понимающей полуулыбкой.

— Безусловно, да. Не нам одним мозги даны, не одни мы ими кормимся. Например, существует теория Брумля. Согласно ей любое явление, чья вероятность была исчезающе мала, произойдя, порождает цепочку затухающих явлений одной с ним природы. Как бы это сказать... Происходит мощное вторжение в систему извне, совершенно чуждая системе сила использует ее как поле для

самореализации. Некоторые считают, что жизнь на земле появилась именно таким образом.

— Чуждое системе явление, — с расстановкой повторил Глеб. — Занятно.

— Еще одна трагедия в семье, так я понял? — вскинув взгляд на Альберта Семеновича, спросил он. — Подобная смерти самого Матоянца?

Тот вздохнул и кивнул.

— Только с небольшим уточнением, Глеб Павлович, — заметил он. — Не подобная ей, а той же природы. Или из того же источника, если вам угодно.

— Вероятность?

— Чем дольше тянется патовое состояние, тем она больше, — помедлив, ответил Альберт Семенович. — Сейчас — шестьдесят процентов, не меньше.

— Можно вычислить источник?

Альберт Семенович снова показал ему карточку, заштрихованную черным.

— Для таких случаев люди и выдумали Бога. А я не Господь, Глеб Павлович. И среди моих коллег в аналогичных структурах, насколько известно, такого не числится.

Глеб посмотрел на черную карточку, с трудом отвел глаза.

— И никакой связи с проектом «Водолей»?

Альберт Семенович пожал плечами.

— Я бы мог ответить, что любое явление в мире есть часть иного процесса. Зачастую, иного уровня и с полярным знаком. Поэтому результат либо превосходит ожидания, либо хоронит надежды. Как вышло с нашей перестройкой. «Ракомстройкой». — Он выдавил кислую улыбочку. — Исключать, что проект «Водолей» задел некие глубинные структуры или резонировал с более высокими иерархиями, я не могу. Но это уже мистика. От слова «misty» — «туман». А в тумане я ничего разглядеть не могу. Поэтому и

предлагаю подождать, пока вихрь событий не разорвет его в клочья.

— А как насчет принятия решения в условиях дефицита информации? — с иронией спросил Глеб.

— А! — отмахнулся Альберт Семенович. — Оставьте это студентикам с курсов менеджмента. И американцам. Они, дети малые, еще не наигрались в войнушку с индейцами. А умные люди ждут. Ждут годами и десятилетиями. Тихо работают на перспективу и предоставляют другим право видеть в тумане то, что левой задней захочется. Как китайцы. Строят себе Поднебесную и строят. Не

перестройкой занимаются и
реформы чужды, а строят Империю.
Или евреи. По шейкелю с души уже
три тысячелетия собирают на
Великий Израиль. И ведь построят!
Не так быстро, как мы Храм Христа
Спасителя, но построят непременно.
У нас вышел лубок, а у них — Храм.

Глеб встал, по диагонали
пересек кабинет.

У стены стоял журнальный
столик с шахматной доской. Фигуры
были замусоленными и потертыми,
как карты в старой колоде. Глеб
машинально взял белого ферзя,
погладил пальцем, потом поднес к
носу. Одернул руку и поставил
фигуру на место.

— Кто выигрывает? — спросил он не оглядываясь.

— Пока Кольцов, — подал голос Альберт Семенович. — Но если черт его дернет двинуть пешку на Н-5, через пять ходов получит мат. От того самого ферзя, которого вы держали в руках.

Глеб хмыкнул.

— А Жеренко додумается, как считаете?

— Он не думает, а видит. Просто видит ситуацию — и все. Причем, как я давно заметил, именно на пять шагов вперед.

Глеб развернулся и с интересом посмотрел на Альберта Семеновича.

— Да? А вы мне об этом не

говорили.

Альберт Семенович пожал плечами:

— Он и сам-то не отдает себе отчета. Что вы хотите, молодой еще. Талант есть, ума не надо. — Он шулерским махом смел карточки со стола, ловко перетасовал. — Я вот так думаю. Вернее, знаю, что это движение является спусковым крючком для мыслительного процесса. Мое личное «ноу-хау». Открыто еще в годы университетской молодости. Но работает только для меня.

— Работайте, не стану мешать. — Глеб направился к дверям. Остановился. — Да, по

ЛДПР дайте что-нибудь почитать. Только не полное собрание Вольфовича.

Окна в комнате заложили кирпичом, а ниши использовали под книжные шкафы. Альберт Семенович провел пальцем по корешкам папок, вытащил нужную. Обошел стол и вручил ее Глебу.

— Последние данные по региональной активности. Раскладка по основным контрагентам, — пояснил он.

Глеб взвесил на ладони папку.

Вблизи от Альберта Семеновича пахло тяжелым потом диабетика.

— Почему в отпуск не проситесь? — спросил Глеб. — Могу

устроить любой курорт по выбору. В любой стране. Все за счет фирмы.

— Зачем? У меня голова в ненормированном режиме работает. Вечно что-нибудь тут прокручиваю. — Альберт Семенович покрутил пальцем у виска. — Я уж лучше в этой келье посижу. Если не возражаете, конечно.

Запах, источаемый подмышками Альберта Семеновича, стал просто нестерпимым. Глеб умело подавил брезгливую гримасу.

— Завидую я вам, Альберт Семенович. Вы трудоголик не по принуждению, а по природе своей.

— А вы разве нет?

— Это не работа, а борьба за

существование, — ответил Глеб, подбросив папку на ладони.

— Значит, в каком-то смысле мы — родственные души.

Вывод был довольно парадоксален, у Альберта Семеновича такое часто случалось. Глеб решил, что обязательно обдумает его на досуге.

* * *

На третий этаж он поднялся по потайной лестнице, ведущей из «секретного коридорчика» прямо в его кабинет. Можно было торжественно войти на этаж по

главной лестнице. Но для этого пришлось бы возвращаться в рабочий зал, а на челядь офисную, Глеб посчитал, он уже насмотрелся достаточно.

Третий этаж, отданный управляющему звену агентства, в прошлом был чердачным помещением с низенькими потолками и подслеповатыми окнами. Глеб приказал потолок снести, балки и стропила привести в пристойный вид, а промежутки выбелить. Получился уютный сельский домик в прованском стиле. Окна оставили, как были, только вставили стеклопакеты. Теперь свет проникал в помещение почти с

уровня пола и красиво растекался по полированным доскам.

Глеб шлепнул папку на стол, снял куртку, повесил на спинку кресла.

— Ирочка, я на месте, — бросил он в селектор.

— Здравствуйте, Глеб Павлович, — бодро отозвался приятный голосок. — Кофе?

— С удовольствием. И чего-нибудь укусить.

Глеб стянул через голову свитер, бросил его в кресло. Разгладил взбившиеся жесткие волосы. Азартно, как собака бок, стал шкрябать бородку. Морщился от удовольствия и тихо постанывал.

В открывшуюся дверь
проскользнула секретарь, неся
поднос с кофейником и
бутербродами.

Глеб скользнул по девушке
взглядом, улыбнулся.

— Отлично выглядишь.

— Спасибо. — Ирочка
зарделась.

Поставила поднос на стол.

Глеб схватил бутерброд с
холодным мясом, стал жадно жевать.

— М-м, чуть не сдох от голода...
Что у Стаса? — спросил он.

— Совещаются, — вздохнула
Ирочка. — Четыре раза уже кофе
подавала.

— Уволю, — добродушно

обронил Глеб.

— Кого? — насторожилась Ирочка.

— Какая разница? — ухмыльнулся Глеб. — Доведете, вышвырну первого попавшегося.

Он присел на угол стола, стал расстегивать пуговку на манжете рубашки. Повел носом, потом еще раз. Вдруг хитро подмигнул Ирочке, все еще стоявшей напротив.

— За Стаса испугалась? — спросил он.

Ирочка еще больше зарделась, но отрицательно покачала головкой.

— С чего мне о нем беспокоиться, Глеб Павлович?

— Правильно, — согласился

Глеб. — У него жена и три киндера имеются. Есть кому побеспокоиться.

Ирочка пожала плечиком и направилась к выходу.

Глеб не без удовольствия отметил, что походка у Ирочки сделалась нервно дерганой, как у молодой косули. Даже головку так же закинула.

«Запах! Они даже не подозревают, как их выдает запах», — щурясь, подумал он.

В мае он обратил внимание, что от Стаса, молодого папаши, не сделавшего в своей жизни ничего путного, кроме трех детей, все чаще и чаще стало пахнуть не подгузниками и присыпкой, а

Ирочкой, ее квартирой и одеждой. Все бы ничего, но уже второй месяц он не чувствовал идущего от девушки характерного запаха, что появляется в канун полнолуния.

«Третью секретаршу испортил, паразит! — Глеб беззлобно усмехнулся. — Придется увольнять».

Он прикинул в уме, сколько у него проработала Ирочка. Решил, что достаточно.

Глеб расстегнул воротник рубашки, приняхался и поморщился.

Нажал кнопку на селекторе.

— Ирочка, ко мне никого не пускать. Час я работаю с документами.

— Хорошо, Глеб Павлович, —

ответила Ирочка. — Звонил Добрынин из ЛДПР. Подтвердил время и место встречи. «С полем», два тридцать. Я еще раз проверила заказ. Все в порядке.

— Умница!

Глеб успел сунуть в рот еще один бутерброд, спрашивать пришлось с набитым ртом:

— Что еще срочного?

— Федотов из Администрации президента просил связаться с ним до двух дня по известному вам вопросу. Просил использовать второй телефон. Специально подчеркнул — второй, — старательно произнесла Ирочка, явно сверясь с записью.

— Сделаем. Спасибо. Час —

никого! — Глеб отключил связь.

Наклонился, резкими движениями распустил шнурки на бутсах. Махом сбросил с ног. На ходу расстегнул и сбросил рубашку, вышагнул из джинсов. Белье сбросил на пороге комнатки, примыкавшей к кабинету.

Кроме прозрачного цилиндра с душевой установкой, дивана и низкого столика, здесь ничего не было. Даже навязанную дизайнером кадку с пальмой Глеб вытерпел лишь день, потом приказал выкинуть. О телевизоре, само собой, речи даже быть не могло. Комната отдыха, значит — комната отдыха.

Он забрался в кабинку и сначала

долго жег тело упругими струями горячей воды. Потом переключил режим. Острые холодные иглы стали буравить тело. Он терпел, подрагивая тугими мышцами.

Вышел. Растерся докрасна полотенцем. Осмотрел в зеркале сухопарое тело, с по-волчьи втянутый живот. Понюхал подмышки. Никакого запаха горячей шерсти не было.

Глеб удовлетворенно чмокнул и отбросил полотенце.

Медленно выдохнул и без сил опустился на ковер.

В дни полнолуния возбуждение порой достигало такого пика, что никаких сил не было терпеть. А

приходилось. Кругом были дурно пахнущие, растрепанные и растерянные люди.

Он полежал, вытянувшись в полный рост. Косился на прямоугольник окна.

В серой мути дня его глаза различали невидимый другим прозрачный лунный свет. Такой холодный и такой будоражащий. Сквозь высыхающую кожу, через жадно распахнутые поры в тело проникали льдисто-голубые кварки этого магического света. Еще немного, и свет заполнит каждую клеточку тела. И свершится великое превращение.

Глеб свернулся в клубок, прижав

колени к подбородку. Зубы несколько раз тихо клацнули. Он дрогнул всем телом и закатил глаза...

Дикарь (Ретроспектива-3)

Дикарь пытался унять дрожь, а она все не сдавалась, продолжала колотиться в животе, накачивая в голову вязкую муть. Уже начало подташнивать, все сильнее посасывало под ложечкой, а рот наполнялся вязкой слюной. Если сглатывать ее, то во рту становилось приторно-сладко, и еще больше хотелось исторгнуть из себя накопившуюся в желудке жижу. В ушах нарастал комариный писк. И в

глазах рябили комарики, блестя слюдяными крылышками.

Дикарь прилег на скамейку, свернулся калачиком и закатил глаза.

На взмокший лоб легла мягкая ладонь. У Дикаря дрогнуло сердце от родного, непередаваемо нежного запаха.

— Опять? — с тревогой в голосе спросила мать.

— Голова кружится, — прошептал Дикарь. — Сейчас пройдет. Немного полежу, и пройдет.

— Это у него от свежего воздуха.

Дикарю захотелось зажать уши, чтобы не слышать этого мерзкого голоса. Его обладателя Дикарь ненавидел до дрожи в животе, до

головокружения.

В Лесу Дикарь просто убил бы этого мужчину. Лес разрешал убивать посягнувшего на твое логово, добычу и стаю. Если наглец не бросался наутек, увидев твой оскал, значит, он сам искал смерти.

Но здесь, среди людей, действовали другие законы. Люди трусливы, коварны, лживы, но слабы. Они придумали тысячу оговорок и правил, как отнять у себе подобного его добычу и самку, лишь бы только не схватиться за них в честной борьбе. Дикарь знал, тех, кто сразу бросается в драку за жизнь, люди сажают в клетки и превращают в жалких двуногих собак, вонючих от

помоев, которые им скармливают. Он не хотел превратиться в тех, кого ему пришлось убить в вагоне.

Там, в Лесу, он был Дикарем. А здесь превратился в четырнадцатилетнего мальчика. У людей детеныш такого возраста не имеет права защищать себя, сам добывать пищу и оборонять логово. Он, как выяснилось, вообще не имеет никаких прав.

Мать отошла. Дикарь ноздрями ловил ее удаляющийся теплый запах. Потом он смешался с запахом мужчины, и Дикарь брезгливо выдохнул, выколотив из носа этот мерзкий, ненавистный запах.

Мать с мужчиной свернули за

угол дома. Зашуршала прозрачная пленка, закрывавшая вход в теплицу.

Дикарь открыл глаза. Стал дышать открытым ртом. Понемногу стало легче, тошнота отступила. Дикарь стал смотреть на низко плывущие осенние облака.

В его Лесу меж почерневших голых веток уже, наверняка, падают белые мухи. Такие же серые, с черными подпалинами, облака проплывают над острыми пиками елей. По утрам края мелких луж покрывает хрустящая пленка, а трава сплошь покрыта белым налетом изморози.

А в Городе осень никак не расстанется с летом. Все еще тепло,

желто-красно и нечем дышать.

Дикарь вспомнил, что в первый час своего пребывания в Городе он едва не упал в обморок от навалившихся запахов и звуков. Пришлось вот так же свернуться калачиком на скамейке и затаиться, давя приступ тошноты.

В себя пришел от резкого удара по подошвам. Вскинулся от боли, хотел бежать, но цепкие пальцы стиснули предплечье.

— Привет, братишка. Что-то я тебя не знаю.

Дикарь, еще не пришедший в себя от неожиданности, ошарашенно уставился на человека в синей рубашке и фуражке с ярко

блестевшей на солнце кокардой.

— Что молчишь, звереныш? — Человек тряхнул Дикаря. — Ну пойдем знакомиться.

Он поволок Дикаря за собой. Держал, сволочь, не обхватив предплечье, а защемив рукав вместе с мышцей. Было очень больно, но Дикарь терпел. До красных кругов в глазах хотелось ударить пяткой под колено мужчине, чтобы ослабил хватку, потом вырвать руку и локтем заехать ему под ребра, а уж потом, когда сломается пополам, прицельно — локтем в горло.

Но Дикарь запретил себе даже думать, как это будет сладко, а главное, справедливо — убить того,

кто лишает тебя свободы.

В Городе просто так убивать нельзя, вдруг понял Дикарь. Это Закон. Такой же неоспоримый, как и закон Леса. Хочешь жить в Городе, спрячь до поры когти.

Он заставил себя улыбнуться.

— Ты откуда такой взялся, звереныш? — небрежно спросил милиционер.

— Из Леса, — ответил Дикарь.

Милиционер заржал и еще сильнее стиснул кожу на предплечье, Дикарь цыкнул от боли, но улыбку с лица не убрал.

— Пощерься, пощерься, звереныш, — процедил милиционер. — Сейчас придем,

хохотать будешь.

Он привел Дикаря в помещение, пахнувшее сапогами, хлоркой и той особой вонью, что исходила от стаи двуногих собак: смеси гнилой еды, затаенной злобы и нечистого тела.

Узкий коридор отделял комнату со стеклянной стеной от клетки с единственной длинной скамейкой. На скамейке в самом углу, нахохлившись, сидел человек в грязной одежде. От него воняло мочой и перегаром.

— Петров, ешкин кот, принимай пополнение!

Милиционер подтолкнул Дикаря к клетке.

В комнате тяжело затопали

сапоги. Распахнулась дверь.

Толстый милиционер пил воду из пластиковой бутылки. Увидев Дикаря, он оторвал горлышко от губ, смачно рыгнул и спросил, обращаясь к тому, кто привел Дикаря:

— Это еще что за чудо природы?

— А хрен его знает! Не из команды Таракана, это точно. Кто у Таракана прописан, я всех знаю. Новенький, наверное.

— Ты откуда? — на этот раз толстый обратился к Дикарю.

— Во, он щас скажет! Уссышься от смеха. — Милиционер больно щипнул Дикаря за бицепс. — Ну, что молчишь, звереныш? Отвечай товарищу капитану.

— Я из Леса. Я в Лесу жил, —
ответил Дикарь.

Товарищ капитан хлебнул из
бутылки, рыгнул в кулак и
укоризненно посмотрел на того, кто
привел Дикаря.

— Умеешь ты, Митрохин,
проблемы на голом месте создавать.
На кой нам здесь этот малохольный?

— А чё я? Мне сказали
малолеток погонять. Я и гоняю. Их
там, как мух на дерьме. А я чё,
крайний? Балашова у нас по
малолеткам, вот пусть она и
мудохается. А то, чуть что, так
Митрохин.

— Балашовой сегодня нет и не
будет. — Капитан с ног до головы

осмотрел Дикаря. — В сумке — что, проверял?

— Не проблема.

Митрохин сорвал с плеча Дикаря холщовую сумку, высыпал содержимое на тумбочку, стоявшую у калитки в клетку.

Посыпались два яблока, полбулки хлеба, пластиковая бутылка с водой и надкусанная палка колбасы. Потом ворохом упали мятые книжки и свернутые в трубочки газеты. Наконец, гулко цокнул нож.

Митрохин сначала радостно вцепился в него, а затем разочарованно бросил поверх газет. Нож был не тот, охотничий, с ладной ручкой и толстым клинком. Его

Дикарь выбросил, сообразив, что с ножом, входившим в человеческую плоть, к людям заявляться нельзя. Этот был обычный перочинный, с почерневшим лезвием да еще отколотым острием.

— Макулатуры тебе зачем столько? — спросил капитан.

— Задницу подтирать, — за Дикаря ответил Митрохин.

— Я читать люблю, — сам за себя ответил Дикарь.

Он действительно читал все подряд, сам удивляясь проснувшейся жадности. В дороге подбирал все — книги, журналы, обрывки газет. Изголодавшаяся память впитывала прочитанное без остатка. Дикарь, раз

пробежав глазами страницу, мог без труда наизусть воспроизвести каждое слово. Но выбросить не хватало сил. Что-то было в этих покрытых буковками листках. От них внутри появлялась какая-то новая, еще ему незнакомая сила и странное чувство удовольствия. Будто наелся до отвала. Дикарь не мог выбросить книжки, как раньше не мог бросить остатки пищи.

Капитан как-то по-новому посмотрел на Дикаря.

— Ну-ка зайди! — бросил он и прошел к себе в комнату.

Митрохин толкнул Дикаря к распахнутой двери.

Внутри комнаты стоял странной

формы металлический стол с телефонами. Еще два, обычных деревянных, пристроились вдоль стен.

Капитан уже сидел сбоку одного из них, вытянув толстые ноги. Он еще раз с ног до головы осмотрел Дикаря.

Дикарь понимал, что выглядит оборванцем.

Одежду, в которой жил в Лесу и с которой сроднился, пришлось сбросить. Меняя поезда, он время от времени выпрыгивал на пустынных перегонах, таясь, брел до человеческого жилья, ворую там еду и кое-что из одежды. Редко когда удавалось раздобыть что-то впору.

— Вшей, наверное, на тебе немерено, — произнес, окончив осмотр, капитан.

Он ошибался. В Лесу Дикарь выучился сражаться с паразитами каждую свободную минуту. Иначе погибнешь еще раньше, чем от голода. В дороге он купался в реках, стирал одежду и до хруста высушивал ее на костре.

— Как звать? Только не ври, я проверю.

Дикарь назвал себя и без запинки, упреждая следующий вопрос, — домашний адрес.

За спиной саркастически крикнул Митрохин.

— Не врешь? — спросил

капитан.

— Нет. Зачем мне обманывать? Я долго в Лесу жил. Теперь хочу жить дома. У меня дом есть, как у всех.

Капитан поболтал в бутылке остатки воды. Одним махом допил. Встал, отстранив Дикаря, прошел к столу с телефонами. Снял трубку, набрал номер.

— ЗИЦ? Дежурный по Ярославскому. Капитан Петров. Пробей-ка мне, — он назвал фамилию имя и отчество Дикаря. Прибавил: — На вид лет тринадцать.

— Четырнадцать, — поправил его Дикарь.

Капитан ждал, почесывая

жирную складку за ухом.

— Что?!

Он оглянулся, выпучив глаза на Дикаря.

Потом началась суета, от которой у Дикаря пошла кругом голова.

Комната как-то незаметно наполнилась людьми. Кто в форме, кто одет, как обычные люди. Но все они лезли с расспросами, теребили за рукав, заглядывали в лицо Дикарю. Их дыхание пахло табачным перегаром и плохой едой.

В конце концов ему стало плохо. Он свернулся в комок на стуле и закатил глаза. Сквозь звон комарья, залепивший уши, едва слышал голоса

людей. Раз за разом они повторяли «без вести пропавший, без вести пропавший».

Он и без них знал, что прожил в Лесу два года и вестей не подавал. Но не пропал. Пропали те, кто был с отцом на плесе, когда утром из молока тумана выплыла моторка...

Из полуобморока, когда все в комнате показалось залитым тем самым туманом, гасящим звуки и застывшим взгляд, его выдернул пронзительный женский крик.

Дикарь поднял голову. Мать почти не изменилась. Даже стала красивее.

Она узнала его. Но вместо того, чтобы обнять и прижать к груди, как

ему мечталось, она побледнела и осела на подкосившихся ногах.

Подхватил ее мужчина с кучерявыми волосами, разделенными аккуратным косым пробором, и породистым лицом с капризными губами.

И тогда в один миг Дикарь осознал, в его логове поселился чужак...

...Они даже не подозревали, какой слух у Дикаря. Думали, ушли за угол, спрятались в теплице, и все? А он все слышал. Каждое слово, каждый звук. Даже слышал, как почавкивает унавоженная земля под ботинками Чужака.

— Опять у него это, — сказал

Чужак.

— Пройдет, — ответила мать. — Марк Исаакович говорит, со временем все нормализуется. Мальчик привыкает к новой обстановке.

— Марк Исаакович! Если ты ему веришь, почему не захотела положить мальчишку в клинику? Он же ненормальный, дураку ясно.

— Во-первых, Марк Исаакович сказал, что не видит необходимости. А во-вторых, я — мать. И мне лучше знать, нормальный у меня сын или нет.

— Ну хорошо, не хочешь в клинику, давай отправим его к моим. Они давно ноют, что хотят внуков.

— Не надо, Владимир. Они хотят внуков от тебя. Мой им не нужен.

— Зря ты так... Черт, все наперекосяк!

— Володя, не злись. Я понимаю, все как снег на голову. Но имей терпение. В конце месяца, если Марк Исаакович даст добро, он пойдет в школу.

— В интернат! В интернат с английским уклоном. Я уже разговаривал с Игнатовым. Он обещал через Климовича все устроить. Ты же знаешь, у Климовича хорошие позиции в МИДе. Интернат — их епархия.

— Почему тогда не позвонить

Соловьеву? Давай спихнем мальчика в суворовское! Пусть он там ходит с барабаном. Лишь бы тебе не мешал!

— Ну почему ты все переворачиваешь с ног на голову? Почему?! Я предлагаю самый удобоваримый вариант.

— Для кого?

— Для всех! Твой разлюбезный Марк Исаакович сказал, что мальчика желательно держать поближе к природе и в сбалансированном коллективе. А в интернате как раз то, что требуется. И лес кругом, и дети нормальные. Ты же не хочешь, чтобы пролетарские детишки затравили твоего сына? Он же до сих пор волчонком на всех

смотрит. И еще эти обмороки!

— Володя, успокойся, прошу тебя.

— Да я спокоен, как удав!

— Ты же знаешь, мне нельзя волноваться.

— Извини, Марина.

Дикарь отчетливо услышал, как скользят ладони Чужака по плечам матери, обтянутым ветровкой. А потом раздался чмокающий звук поцелуя.

Ветер, пахнувший пожухлой травой и грибами, лизнул щеку Дикаря.

«Убей», — тихо шепнул ветер.

И без его подсказки Дикарь знал, что убьет Чужака. Обязательно

убьет.

Жаль, что кругом не Лес, а жалкий пригородный перелесок, где на каждое дерево по два грибника. В Лесу это происходит очень просто, буднично. Без свидетелей и следов.

Как у тех, кто выплыл на моторке из тумана. Короткий разговор — и три выстрела. Отец, его друг, дядя Валера, и лайка Джани. Всех — в воду. Мальчишку искать не стали. Может, торопились, а может, решили, мальчишка в Лесу не жилец, а значит, и не свидетель. Они забрали все: ружья, палатку, рюкзаки и моторку. У Дикаря остался только топор, с которым пошел за дровами. И три мертвых тела на песке...

В Лесу некому задавать вопросы. А здесь, среди людей, ими пытается каждый, кому не лень. Сначала Марк Исаакович, благообразный старичок с седой бородкой и внимательными глазами филина за толстыми стеклами очков. Он просил рассказывать о жизни в Лесу в мельчайших подробностях, как будто, старый маразматик, сам туда собирался. Дикарь рассказал все, чему научился. Только о том, как следует защищать логово от пришлых, умолчал. И как убивал, чтобы защитить себя, тоже не стал рассказывать. Решил, старик все равно не поймет.

Потом появился Леонид

Иванович, суровый дядька в прокуренном костюме и черной рубашке. Галстук у него тоже был черный. Ему требовались подробности охоты, на которую Дикаря взял с собой отец. Дикарь рассказал обо всем, кроме последнего утра. Соврал, что отец и дядя Валера на моторке уплыли куда-то вниз по реке, обещали вернуться к вечеру, но не вернулись. Сказал, что ждал два дня, потом пошел к людям. И шел два года.

Леонид Иванович попросил нарисовать карту, будто лично собирался выехать на тот плес. Какие следы могут остаться от стоянки после двух паводков? И какую карту

может нарисовать мальчишка, впервые оказавшийся в Лесу? Именно такую Дикарь и нарисовал. Со всеми подробностями.

Врал Дикарь не боясь, что его ложь когда-нибудь откроется. Он знал, как Лес умеет хранить тайны. Карту подшили к делу, а само дело, как краем уха слышал Дикарь, Леонид Иванович «отправил на полку».

*

Громко, самодовольно зачавкала земля под ногами Чужака.

Дикарь зажмурился, чтобы не

видеть его породистое, нагло-красивое лицо.

— Как себя чувствуешь, Маугли? — спросил Чужак.

— Нормально, — ответил Дикарь.

Дикарь уткнул нос в сгиб локтя, чтобы не чувствовать запах дорогого одеколона и сенный запах волос Чужака.

— Надо жалюзи на зиму опустить. Одно ворье кругом. Может, если самочувствие позволяет, поможешь?

— Нет.

— Что — нет?

— Самочувствие не позволяет.

— Как хочешь, — после паузы

произнес Чужак.

Он прочавкал ботинками к дому.

Дикарь повернул голову и из-под руки стал смотреть ему в спину.

Дом строил отец. Это было его логово. После его смерти логово переходит сыну, у людей так заведено. Значит, это логово Дикаря. Точка.

Если Чужак считает, что логово, как у зверей, принадлежит сильнейшему, пусть будет так. Дикарю уже доводилось драться за логово.

Чужак сходил за дом, вернулся с лестницей. Картинно поднатужившись, приставил узкий конец к козырьку крыши. Плюнул на

ладони и стал подниматься вверх. На ходу помахал рукой соседям, пившим чай на веранде.

Подошла мать. Теплая ладонь легла на щеку Дикаря. Рука матери пахла помидорной ботвой. Этот холодно-кислый запах забивал запах кожи Чужака.

— Как себя чувствуешь, сынок?

— Нормально. Мам, почему он меня Маугли называет?

— От стеснения, наверное. Ты же у нас из тайги. Таежный Маугли.

— Обидно.

— Не обращай внимания. Смотри, что я принесла. — Она положила рядом с носом Дикаря помидор. — Один единственный

уродился. Все лето в теплице вкалывала, а уродился один. Да и то весь кособокий. — Мать вздохнула. — Дурость какая! Я — и ковыряюсь в земле!

— С папой ты все покупала на рынке.

Мать убрала руку. Щеке стало холодно.

— Я и сейчас все там покупаю. Просто занять себя надо было хоть чем-то. Правильно говорят, нет ничего хуже, чем догонять и ждать. Николай Вениаминович приезжал, сказал, раз до первых заморозков из тайги не вышли, надежды нет. Он, конечно, таежник бывалый, а я не верила. Ты мне постоянно снился.

Все два года. Отец — нет. Хотела, а он все не снился.

Дикарь взял помидор, чтобы не закрывал обзор.

Чужак поднялся до окна на втором этаже, вставил изогнутый ключ в паз, стал крутить ручку. Над поселком забренчала металлическая трель. Из-под наличника по одной стали появляться стальные полосы жалюзи. За лестницу он не держался, одну ногу отвел, балансируя, в сторону.

— Володя, осторожней! — вскрикнула мать.

Чужак повернул к ним лицо, показал в улыбке зубы.

Дикарь вонзил зубы в красную

мякоть помидора. Сок на вкус напоминал кровь, соленую и сытную. Только он был холодный и водянистый.

Дикарю вдруг до удушья захотелось, чтобы Чужак свалился с лестницы, да так, чтобы из расколотого затылка сочилась красная горячая влага.

Он впился взглядом в лодыжку Чужака. Представил, что она немеет, наливается резиновой тяжестью.

Сжал помидор, холодные красные сгустки поползли по пальцам.

Дикарю показалось, что воздух между ним и Чужаком сделался вязким. Он отчетливо слышал

прерывистый, гулкий ритм сердца Чужака.

В тот миг, когда уже стало невмоготу терпеть клокочущую внутри злобу, что-то защекотало переносье Дикаря, словно мушка прилипла, потом сорвалось и молнией пронеслось через двор.

Чужак дрогнул. Повернул к ним лицо. На этот раз он не сверкал улыбкой.

— Что с тобой, солнышко? Опять плохо?

Ладонь матери легла на лоб Дикаря. Но он успел увидеть, как неотвратимо скользит подогнувшаяся стопа с перекладины, а Чужак заваливается назад и судорожно

хватает воздух руками.

— Во-ло-дя-а! — истошно
заорала мать.

Дикарь кувырком через голову
скатился со скамейки.

Он не чувствовал ног. По тому,
каким упругим сделался воздух,
понял, что несется вперед на дикой
скорости. Он жутко, до спазма в
желудке хотел успеть вовремя.

Он не раз видел, как это бывает.
В глубине глаз вспыхнет огонек,
неяркий свет зальет зрачки, а когда
он погаснет, тот, кто был живым,
станет мертвым. Куском мяса на
белых костях.

Успел.

Чужак лежал на спине,

судорожно скребя траву ногтями. Из распахнутого рта толчками поднималась красная пена. Лицо больше не было ни породистым, ни наглым. Это было лицо мертвеца. Только в зрачках еще плескался тусклый свет.

Дикарь упал на колени, заглянул в остывающие глаза Чужака и зло прошептал:

— Это мое логово! Здесь все — мое!

Он был уверен, Чужак его услышал.

— А-а-а-а! Во-ло-дя-а-а-а! — дурным голосом завопила мать.

Дикарь вскинул голову.

Мать, раскачиваясь, как пьяная,

шла по дорожке. Руками обхватила голову. Рот перекошен, губы в вязкой слюне.

Вдруг мать осеклась. Схватилась обеими руками за живот. Колени подломились.

— А-а-ы-ы-ы! — Крик сделался низким, утробным.

По ее ногам из-под шерстяной юбки поползли красные борозды.

Дикарь смотрел на кровь, капающую на бетон дорожки, и не знал, то ли плакать, то ли смеяться.

Мать безобразно и мертво, как раненная в брюхо лосиха, завалилась набок. Голова громко стукнула о бордюр дорожки.

Тугая волна запаха смерти

ударила в лицо Дикарю.

И тогда, закинув голову, он надрывно, тягуче и страшно завыл...

Глава тринадцатая.

Дворцовые тайны

У Власти вкус бифштекса с кровью.

Вонзить зубы в плохо прожаренный кусок убоинки, размазать по морде остро пахнувший сок жизни, зарычать утробно от кайфа да стрельнуть острым глазом в ближнего, чтобы не лез без очереди, — это в нас от пещерного предка. От него нам достались способность пожирать ближних и «инстинкт власти». Там, в каменных казематах пещер, покрытых граффити об удачных охотах,

зарождались республика, монархия, тирания, демократия и права человека. Все там и все оттуда. Как все, что есть в цивилизации, идет из и от человека.

От голозадного злобного предка нас отличает лишь наличие одежды. Переоденьте Шандыбина в медвежью шкуру, Любовь Слиску — в юбочку из пальмовых листьев, дайте Жириновскому каменный топор, а мудрому Чубайсу огниво, и всем сразу станет ясно, кто среди этого зверья есть кто. И никого не будет шокировать очередная драка в Думе. Люди бюджет делят, как троглодиты мамонта.

Представьте правительство в

тогах римских патрициев, и вопрос: «Когда народу жить станет легче?» умрет на ваших устах. Они там, на Сенатском холме, о величии Империи думу думают и на цезаря ножи точат, а вы к ним с такой нелепицей. Устали от кровавой чехарды и встрясок? А вы примите на грудь ельцинскую дозу и попробуйте подумать о государственных делах. Если вам не начнут мерещиться Хасбулатов с Руцким, делящие власть, то вы выпили газировку. А если не ошиблись в норме и крепости напитка, то очень скоро и вам захочется бабахнуть в кого-нибудь из танка. А просто так, чтобы

боялись...

Власть простому человеку чужда, а потому уму недоступна. Написана масса книг на тему власти явной и тайной. Там все про Бильдербергский клуб, Трехстороннюю комиссию, Орден шотландского обряда, Бнай Брит, Черное солнце и Орден Сиона. Названия эти ласкают слух конспирологов и газетчиков, охотчих до теорий «мирового заговора». Но ничего путного, кроме обмусоливания давно известных фактов и выдвижения на их основе все более абсурдных теорий, в этих книгах не найти. Даже самые-самые, претендующие на окончательное

разоблачение закулисья власти,
ничего о природе власти вам не
расскажут. Это все равно что глухому
объяснять музыкальную грамоту, а
слепого учить архитектуре. Прочтите
на досуге Юссона и Колемана [\[23\]](#) и
убедитесь, что это не про вас.

Сделайте над собой усилие и
постарайтесь мыслить хищно:
агрессивно выстраивайте
комбинацию, закладываете
максимальное количество жертв,
ставьте целью не обезоружить, а
растоптать противника, заранее
подбирайте ответственных за ваши
ошибки и подозревайте всех в
саботаже и измене, — только так вы
хоть что-нибудь поймете в играх

сильных мира сего. И то задним числом.

Например, Версальский договор, положивший конец Первой мировой войне. Европа только приходила в себя после бойни, начиналась «белле эпок» — всеобщий кураж уцелевших, Олдридж, Хемингуэй и Ремарк еще готовились потрясти мир своими романами. А колокол уже пробил...

Министр иностранных дел Англии, прибыв из Версаля, радостно заявил в узком кругу: «Я привез документ, который гарантирует новую войну через двадцать лет!» Нормально? Даже самый тяжкий дегенерат не заявит в ЗАГСе, что только что подписал

бумажку, гарантирующую смерть
новобрачной от побоев через десять
лет. Он, конечно, допьется до
чертиков и возьмется за молоток, но
в глухом водочном бреду, а не по
расчету. Он, алкоголик
наследственный, Итона и Кембриджа
не кончал, куда ему до такого полета
мысли!

Вот окончивший Кембридж сэр
Уинстон Черчилль мыслил здраво. У
Ивана-дурака или Джона Брауна
мозгов не хватает отказаться умирать
за очередную химеру. Стащили с
печки, сунули в руки винтовку и
погнали на бойню. Родина-мать,
зовет! И волочет ноги на марше
Иван, Ганс копает окоп в мерзлой

земле, а Джон лопатит пески Аравийские. Люди они живые, семейные. Страшно им умирать. Только каждый свой страх поглубже прячет. Бояться смерти на войне не патриотично. За это можно и под трибунал пойти.

А сэр Черчилль смерти не боялся. Он смело поплыл на круизном судне через Атлантику, кишашую немецкими подводными лодками, на встречу с Рузвельтом. Рисковал английский премьер отчаянно, можно сказать, бравировал на виду у всего мира. Англия, вжавшая голову в плечи от непрекращающихся бомбежек, восхитилась мужеству своего кормчего. Их вождь рисковал

наравне со всеми! Ага...

В трюмах его парохода находились пять тысяч немецких военнопленных. В качестве страхового полиса. И у морских волков гросс-адмирала Деница рука не поднялась торпедировать судно. Так и плыли следом, сверля борт судна взглядом через оптику перископа. Растирали пот на небритых рожах, скалились по-волчьи и матерились сквозь стиснутые зубы. Но команды «Торпеды — к бою!» так и не отдали. У подводников Рейха, безжалостно топивших все, что плавало под вражеским флагом, хватило понятия об офицерской чести: пять тысяч

своих в обмен на одного толстяка — это чересчур, после такой победы мундир не отмоешь. [\[24\]](#) Но Черчиллю с высоты положения, конечно, виднее... Только и Шамиль Басаев прикрывался сотней беременных женщин.

Нравы войны, скажете вы? Нет, нравы сильных мира сего.

Старые львы

С Олимпа власти уходят по-разному. Блажен тот, кого соратники сносят вниз вперед ногами под траурный марш. Некоторых живьем везут на Гревскую площадь в

двуколке палача. Или ночью на «воронке» в подвал, далее — в яму. Но эту дикость демократия преодолела, нравы нынче постные. Вседержители теперь сходят, освищенные толпой, как провалившиеся актеры. Не считается зазорным громко расплеваться с друзьями-олимпийцами и демонстративно уйти в отставку. Или, начисто проиграв Олимпийские подковерные игры, тихо подать заявление об увольнении из числа небожителей по собственному желанию. Так или иначе, в густой атмосфере равнинной жизни бывшие боги чахнут и впадают в маразм. Отставка — летальный диагноз, типа

СПИДа или саркомы простаты. Только инъекция власти способна вернуть отставника к жизни.

Салин с Решетниковым из «инстанции» ушли тихо и загодя. Такая уж специфика: все просчитывать заранее и не поднимать лишнего шума. Серый дом напротив Минфина они покинули задолго до того, как шалая от воли толпа осадила комплекс зданий ЦК КПСС. Случилось это, если кто забыл, в августе девяносто первого. А малозаметное советско-мальтийское СП открыло свое представительство в Москве в восемьдесят девятом. С государством Мальта СП практически ничего не связывало,

даже с пресловутым Мальтийским орденом никаких связей не имелось. Зачем нам их ископаемый Орден, когда есть своя Партия? Деньги у СП и были самые что ни на есть партийные.

На партийные взносы СП арендовало, а потом и выкупило особнячок в центре. Потом исчезло. В том самом августе. Особняк сменил с десятков вывесок, арендаторов и совладельцев. Пережил три грандиозных ремонта и одну реставрацию. Обзавелся чугунным частоколом по периметру и солидными коваными воротами. Году примерно в девяносто третьем, когда Ельцин при помощи

Кантемировской танковой дивизии укрепил парламентаризм, у ворот особняка повесили бронзовую табличку «Международный фонд „Новая политика“». И подняли на флагштоке полотнище с малопонятной символикой: две руки, слившиеся в рукопожатии, на фоне земного шара. Со стороны очень смахивало на иностранное посольство. Особенно вводила в заблуждение будка с часовым.

Праздный прохожий, подумав так, даже не подозревал, насколько он близок к истине. Особняк и был посольством независимого, но официально не признанного государства. В отличие от

мертворожденных
самопровозглашенных республик это
государство имело свой бюджет,
свою экономику, армию и
спецслужбы. Официальная
российская власть предпочитала
делать вид, что никакого государства
в государстве нет и быть не может.
Но треть россиян исправно голосует
за депутатов от этого государства, а
его бюджет многократно превышает
все долги России.

Салин и Решетников ходили в
«Фонд», как некогда на Старую
площадь: к девяти и без больничных.
Работа была привычной. У корыта
власти появились новые едоки, но
нравы и правила игры остались

прежними. А значит, цели и задачи, формы и методы работы с жрущими и упивающимися властью остались неизменными. Как и человеческая натура. На ее фундаментальной неизменности стояла, стоит и будет стоять оперативная работа.

* * *

За стеной на низкой ноте заклокотал унитаз. Спустя минуту из комнаты отдыха с отдельным санузелом появился, мурлыкая бодрый мотивчик, Решетников. Под мышкой он держал небрежно свернутую газету. Цветастый таблоид, из тех,

что продаются в переходах метро.

— И как, что-то умное в голову пришло? — поинтересовался Салин, пряча улыбку.

Решетников вразвалочку прошелся по кабинету. Встал у окна. Завел руки за спину, сжав в пальцах газетную трубочку. Помурлыкал мотивчик, потом оглянулся.

— Кстати, знаешь какой размер сисек у Памелы Андерсон?

— Нет. — Салин поправил очки. — Я даже не знаю, кто это такая.

— Зря, лишняя информашка делу не вредит. Я теперь при случае могу вернуть своей Софье Семеновне, что у Памелки силиконы

в два раза меньше, чем ее родные.

— В следующий четверг и сверкни эрудицией, — ввернул Салин. — Сделай женушке приятное. Благо, повод будет.

Решетников добродушно хохотнул и отвернулся к окну.

Каждый четверг Решетников, особо не конспирируясь, выезжал в сауну на «профилактику простатита», как он выражался. Женский персонал докладывал, что никаких признаков половой слабости, радикулита и аритмии у клиента не обнаруживалось. Пассивных утех не признавал, пахал сам, по-мужицки рьяно, до седьмого пота. И это несмотря на возраст и

постоянный стресс на работе. Салин особо не комплексовал, но втайне завидовал затянувшейся мужской молодости друга.

— И подумалось мне, а Глеб Лобов знает, какой размер лифчика у вдовушки? — задумчиво пробормотал Решетников, водя газеткой по полоскам жалюзи.

Салин встрепенулся и отложил машинописный лист.

— Ну-ка, ну-ка, подробнее.

Решетников развернулся и солидно, основательно, как гусак на сено, уселся в кресло.

— Подробности Владислав принесет. А я просто рассуждаю вслух. Мотив ищу. А мотивы, как

подсказывает мне опыт, выше талии не поднимаются. Либо в яйцах зуд, либо брюхо деликатесов просит, либо задница высокого кресла алчет.

— А высшие соображения? — подбросил Салин.

— С высшими соображениями пожалуйста на экспертизу в Склифосовского, — отмахнулся Решетников. — Если человек забывает ради идеи о брюхе своем и ближних, то это не ко мне. Я идейных психов не понимаю, а потому боюсь.

— Я тоже. — Салин вновь упер взгляд в лист. — Что думаешь о Скороходове? Вот кого нельзя назвать ни идейным, ни психом. И

должность подходящая — начальник информационно-аналитического управления холдинга. Сиречь, промышленной разведки.

Решетников устроил руки на животе и стал накручивать большими пальцами невидимую ниточку.

— Банально, — изрек он после минутного молчания. — Ужинает с Матоянцем, а потом татем ночным лезет через подвал в дом? Где он сейчас, кстати?

— Если верить Иванову, через Дамаск должен был оказаться в Багдаде. Подождем подтверждения.

— Кстати, с Ивановым мы не того? Не перегнули?

— Меня этот человек больше не

интересует, — холодно обронил Салин, углубляясь в текст. — А у Скороходова стиль мышления соответствующий, полковник действующего резерва ГБ.

— Насчет стиля согласен, — кивнул Решетников. — И спец мог быть на контакте. Но мотива я не усматриваю. Разве что...

— Именно. — Салин опустил лист и посмотрел в глаза напарнику.

Они за долгие годы так притерлись друг к другу, что порой достаточно было взгляда, чтобы понять, что партнер хотел сказать, на что намекнуть и о чем умолчать.

По молчаливой договоренности слово «перехват» не употребляли. Но

трое суток занимались именно им, искали признаки перехвата управления над холдингом Матоянца.

— Для всех лучше будет, если окажется, что Матоянц не доглядел за бабой, — вроде бы сам с собой пустился в рассуждения Решетников. — Светская бытовуха. Грязь, конечно. С другой стороны, ежели трезвым взглядом, с учетом и вычетом... Моника Левински не просто так в штаны Клинтону залезла и платье себе угваздала. На таком уровне случайных половых связей не бывает. Сыграли Клинтона парни папы-Буша, ох как сыграли! От четырех баб отбрехался, а на пятой подсекли. И за самое это самое

ухватили. Только что по телевизору всей Америке в качестве вещдока не показали.

— Что-то тебя после этой газетки понесло. — Салин отложил лист и взял из папки следующий.

— Навеяло, не спорю. Подумал я, женщина она восточных кровей, а Матоянц весь в делах и заботах. А Глеб Лобов, судя по фотографии, бес в штанах, а не мужик. Мог и взгромоздиться телом между делом. А там и любовь. Получил доступ к телу, вошел в дело. И решил совместить приятное с полезным. Сколько он с Матоянцем проработал?

— С девяносто пятого, —

ответил Салин.

— Ого! Пора уже детей крестить. — Решетников похлопал свернутой газетой по ладони. — Что-то на эту тему я уже читал. «Леди Макбет Мценского уезда», кажется.

— Версия красивая, не спорю. Данных нет, — обронил Салин, не прекращая чтения.

— Найдутся, — отмахнулся Решетников. — Это у лопуха Иванова их нет, а если покопать, то найти можно. Голову на отсечение даю, хоть раз за задницу ее да ущипнул. А что? Дело молодое.

Салин поверх листка укоризненно посмотрел на Решетникова.

— Уймись, Павел Степанович. Я тоже ненавижу ждать. Но от наших переживаний компьютеры Владислава работать быстрее не станут.

Третьи сутки вращались шестеренки машины расследования. Большой компьютер, спрятанный в подвале особняка, требовал все новой и новой информации. Машина со скоростью миллионов бит в секунду тасовала линии судеб, пытаясь из случайных связей выковать цепочку. Предстояло вычислить пересечения двух десятков подозреваемых с наиболее крупными кланами, прямо или косвенно заинтересованных в

разработках Матоянца.

Пересечения... Жили в одном городе, в одно время посещали библиотеку, были знакомы с одной и той же женщиной, сами или их родственники служили в одной части. Да мало ли как и где могли пересечься жизненные тропки?

Любое пересечение — повод для размышлений. Случайно встретились или нет? Имел контакт продолжение, но оно тщательно скрывалось, или разошлись навсегда? Трижды проверить это «навсегда». Мир слишком тесен, и ничего в нем не вечно. Нет прямых контактов, ищи обходные пути. Круг интересов, кулинарные предпочтения,

привычки, слабости, способ проведения досуга, любимые книги. Не сам, так кто из знакомых вхож в круги филателистов, библиофилов, собаководов или театралов, где тусуется другой кандидат. Мог знакомый выступить посредником? Докажи, что — нет.

Любовные связи — вот где черт ногу сломит. Кто, когда, с кем, как долго... С каждой новой женщиной круг вероятных знакомств расширяется. Никогда не угадаешь, кто выплывет из ее прошлого. Может, школьный друг, ставший министром, может, и маньяк с топориком. Просчитать всех.

Человеческий мозг не в силах

прокачать такой вал информации и не «зависнуть». Наш мозг — инструмент тонкий, предназначен для грандиозных обобщений и чуткого взвешивания нюансов. Спасает только компьютер. Компьютер — мощный трактор на информационном поле, безропотный архивариус с тысячей рук. В подвале фонда «Новая политика» стояла ЭВМ — родная сестра той, что закупил для своих нужд Сбербанк. Третьи сутки она работала на полных оборотах.

Допрос Иванова добавил еще три фамилии. Владислав, не трата времени зря, прямо из машины по телефону дал команду бросить их в

разработку.

Пока внизу делал свою часть работы компьютер, Салин с Решетниковым ждали, как рыбаки, забросившие удочки в незнакомый пруд. Есть рыба или нет, неизвестно. Сиди и жди первой поклевки.

Решетников тяжело выдохнул.

— А без компьютера что-то просматривается?

— Угу, — кивнул Салин, дочитывая лист до конца.

— Поделись. Только попроще. Я сейчас, как Винни Пух.

Салин оторвал удивленный взгляд от бумаг. Хмурый Решетников сосредоточенно ковырял пальцем в ухе, став на секунды похож на всем

известного плюшевого философа.

— В голове опилки. Длинные слова меня только расстраивают, — процитировал Решетников.

Салин хмыкнул.

— Оказывается, Глеб Лобов успешно пропиарил тридцать шесть региональных избирательных кампаний. В тридцати двух случаях полученный административный ресурс Матоянц использовал для размещения своих разработок.

— Вот так прямо ушки и торчат? — Решетников подозрительно прищурился.

— Ну, явно, конечно, нет. Прикрытие эшелонировано, прямых связей с холдингом нет. А

горизонтальные так запутаны...

Телефон на столе тихо запиликал. Салин снял трубку.

— Да, Владислав. — Выслушав, он поджал губы. — Поднимайся.

Решетников покосился на напарника. Владислав попросил минимум два часа на обработку информации, а прошло не более сорока минут. Только и хватило, чтобы попить кофе, почитать газетку в туалете да начать интеллектуальную разминку перед «мозговым штурмом».

— Скороходов умер. Сейчас услышим подробности, — медленно произнес Салин.

Решетников свернул штопором

газетку и швырнул в корзину под столом.

Владислав постучал в уже наполовину раскрытую дверь. Вошел, замер, ожидая разрешения сесть.

Салин молча указал на кресло по правую руку от себя. Владислав сел, раскрыв на коленях папку. Лицо, как всегда, оставалось непроницаемым, только слегка трепетали ноздри после бега вверх по лестнице.

— Итак, откуда взялся еще один труп? — спросил Салин, откатываясь вместе с креслом от стола.

— В Дамаске Скороходов почувствовал себя плохо. Посольский врач диагностировал

гипертонический криз и
предынфарктное состояние. От
госпитализации Скороходов
отказался. Находился на вилле,
арендуемой посольством, под
присмотром фельдшера. Вчера ночью
состояние резко ухудшилось,
случился второй криз. И в
результате... — Владислав бросил
взгляд в записи, — диффузорного
инфаркта задней стенки Скороходов
скончался по дороге в госпиталь.
Информация о смерти получена от
трех независимых источников: из
МИДа, от «соседей» и из холдинга
«Союз».

Решетников переглянулся с
Салиным, помотал на пальцах

невидимую ниточку и с горькой иронией произнес:

— Что-то малохолный пэгэушник нынче пошел. Принял на грудь в самолете, вышел на солнцепек, прочел телеграммку — и инфаркт. Раньше такого не случалось... Ему же поплохело после телеграммы о смерти Матоянца, так? — обратился он к Владиславу.

— Да. Информацию по Матоянцу передал чиновник посольства, встречавший Скороходова.

— Хор мальчиков-туберкулезников при ткацкой фабрике, а не разведка, — в сердцах проворчал Решетников. — Что ты по

этому поводу думаешь, Виктор Николаевич?

Салин покачал кресло.

— Уже ничего. Спросить, с каким заданием Матоянц послал Скороходова на Ближний Восток, больше не у кого.

— С такими темпами скоро вообще не у кого ничего не спросишь. Братская могила, а не контора.

Салин ответил кислой улыбочкой.

— Что еще, Владислав? — спросил он.

Владислав переложил бумаги в своей папке, развернул на столе таблицу из двух склеенных скотчем

ЛИСТОВ.

— Первый результат, Виктор Николаевич. На основных фигурантов пока структура не просматривается. А на Лобова — картинка пошла. Я взял на себя инициативу, затормозил работу по остальным, а Лобова бросил в глубокий просчет по всем позициям.

Салин снял очки, вялыми пальцами помял переносицу. С тревогой подумал, что еще даже не полдень, усталость совершенно вечерняя, ватная, давящая.

Времена настали бешеные, время двигалось в рваном темпе, поспевать за его безумными скачками становилось все труднее.

Когда время рвет вожжи, приходится все больше полномочий отдавать исполнителям. Опасно, но ничего не поделаешь. Пока доложат по цепочке, пока перепроверишь информацию, родишь ценное указание да спустишь его вниз через все запруды согласований и увязок, время прошло и надобность в решении уже отпала. Тех, кто пытался работать по старинке, давно затоптали в асфальт. Жестокое время. Не умеешь держать темп, не хватает сил бежать ноздря в ноздю с конкурентами, лучше отскочи в сторону. А как сойти с дистанции, когда такие ставки? Хочешь — не хочешь, а беги, держи темп и работай локтями.

Сегодня они с подачи Владислава совместили серьезный разговор с Ивановым со «взломом объекта». Вроде бы время сэкономили, информашку сорвали прямо с пылу с жару, а обратная сторона — усталость. Тревожный симптом. Как сбитое дыхание у боксера. Первый признак грядущего нокаута.

Салин успокаивал себя здоровой мыслью, что не один он мучается, а значит коллективный разум вскоре возмутится и приструнит взбеленившееся время.

В независимой России чиновников стало в три раза больше, чем в приснопамятном застойном

Союзе. И если эта многомиллионная армия усидчивых посредственностей скажет «тп-р-ру», как ни понукай, а телега Российской империи с места не сдвинется. Оно им надо — гореть на работе? За перестройку свалили мумифицированный первый эшелон, подрались за образовавшиеся вакансии, расселись, у кого где получилось, восстановили связи и завязали новые, нарастили подрастраченные жиры, сколотили состояньица, домишек по всему миру понастроили, детишек на хлебные должности пристроили — и все, хватит в революции играть. Великая Бюрократическая революция завершилась, ура! Им, сытым и

вальяжным, не пристало галопом прыгать. Настало их сытое время. Пришла пора руководить солидно и неспешно, как в золотые времена Брежнева.

Салин с затаенной завистью посмотрел на Владислава. Никаких признаков утомления, хотя далеко не молод. В глазах стальной огонек.

«Настанет день, когда он все сделает сам и не сочтет нужным доложить?» — ледяной ящеркой скользнула мысль.

— Докладывай, — устало произнес Салин, прикрывая веки.

Прошуршала бумага, Владислав передвинул таблицу ближе к себе.

— Обозначились следующие

узлы. Первый. Через агентство Глеба Лобова апробировались методики воздействия на коллективное сознание. Это по линии лаборатории Мещерякова. Прямых контактов не было. Агентство «Pro-PR» в ходе президентских выборов от СБП курировал Подседерцев. Как вы знаете, СБП возбуждало дело в отношении Мещерякова.[\[25\]](#) Тогда изымались все материалы из лаборатории. Связь Матоянц—Мещеряков—Лобов не установил бы только ленивый.

Салин приоткрыл глаза, обменялся с Решетниковым взглядом.

— Мещеряков и Подседерцев, земля им пухом, отыгрались, — сухо

произнес Решетников. — Но ты все равно покопай. Инициативных дураков у нас меньше не стало, хоть СБП и разогнали. Вербовочных подходов к Лобову не установил?

— Нет. Пока — нет, — тут же поправил себя Владислав.

— Еще какой узелок нашел?

— В прошлом году жена Матоянца рождественские каникулы провела в Швейцарии. Встречалась с дочерью, находившейся в пансионе в Ла-шо-де-Фон. Двадцатого декабря двухместный номер в гостинице Невшталя, это соседний городок, был оплачен по карточке «Виза», принадлежащей Глебу Лобову.

Решетников саркастически

крякнул. Салин глаз не открыл, а еще крепче сжал веки.

— И как долго они там кувыркались? — спросил Решетников.

— Номер был снят на двое суток, — бесстрастным голосом ответил Владислав. — На следующий день Лобов снял номер в Сент-Морице, куда вернулась жена Матоянца. В списках пассажиров, вылетевших из Берна в Париж двадцать девятого числа, есть фамилии Матоянц и Лобов. Нина Матоянц остановилась в гостинице «Леже». Глеб Лобов, предположительно, проживал в квартире своей знакомой Моники

Вио. Данные уточняются. Есть информация, что они взаимнообразно предоставляют друг другу жилье. В это время, по четырнадцатое января включительно, Моника Вио находилась в Москве.

— Амур, тужур, — протянул Решетников. — Домой эта Анна Каренина к елке вернулась? Или в Парижах холостяковала?

— Вернулась тридцать первого числа. Дневным рейсом «Трансаэро». Глеб Лобов остался в Париже.

— От тоски, слава богу, не помер. Оно и понятно, Париж — не Нижний Тагил, — вставил Решетников. — Где они еще

засветились?

— Судя по распечатке звонков с ее мобильного, связь продолжалась в Москве до мая-месяца. С тех пор звонки в офис и на основной из мобильный Лобова прекратились.

— Потряси подружек, Владислав. Быть такого не может, чтобы баба бабе не похвасталась.

— Список составлен, могу начать работу прямо сейчас.

— И начни, друг мой! — Решетников завожился в кресле, как разбуженный медведь в берлоге. — Так, с любовью разобрались. С деньгами у Лобова как? На одном этом политическом дурилове особо не разжиреешь.

— Я вычислил его основной источник.

Владислав произнес фразу бесстрастно, но так, что Салин, встревожившись, распахнул глаза.

— Кто?

— Иосиф Михайлович Загрядский.

Решетников медленно откинулся на спинку кресла. Покопался на Салина.

— Перехват, — почти по слогам произнес Решетников.

— Это третий узелок, — машинально уточнил Салин.

Ему очень не понравилось, что в горле вдруг сделалось до рези сухо, а слева под ложечкой тупо выстрелила

боль.

— Какая, на хрен, разница, — процедил Решетников. — Перехват классический.

Первый раз фамилия Загрядский мелькнула в последнем деле, которое Салин с Решетниковым расследовали в качестве функционеров КПК. Лебединая песня получилась в духе того полублатного-полупопсового перестроечного времечка.

Тогда, как голодные тараканы из-за печки, на свет повылазила всякая мелкая сволочь с комсомольскими значками, синими перстнями на пальцах, майорскими звездами на васильковых и малиновых погонах. Сбились в стаи,

наплевав на разницу в социальном статусе, и принялись жадно хапать все подряд. Их загребушие ручки дотянулись даже да святая святых — Гохрана страны. Аппетиты у ошалевших от перестроечного безвластия были таковы, что первый же выброс неучтенных алмазов поверг в шок международный рынок. Запаниковала даже могущественная Де Бирс^[26], спешно делегировавшая в Москву своего полпреда. Разговор с полпредом прошел на повышенных тонах, но в духе полного взаимопонимания. Ведь речь шла, без шуток, о нарушении договоренностей, на которых стоит мир.

Пришлось партийной «инстанции» выйти из засады и окутить дубиной охальников. «Гласность», объявленная генсеком, дошла до предела маразма, и историю долго полоскали в газетах. Впрочем, если изучать историю по газетам, ни черта не поймешь. Надо соотносить прочитанное в многотиражке с бумажками, помеченными соответствующими грифами секретности.

А в них, совсекретных материалах «дела Гохрана», мелькнула фамилия Загрядского. Мелькнула золотой рыбкой в неводе и пропала. Как и сам ее владелец. Добраться до «мозгового центра»

авантюры тогда не сложилось, а там и мятежный август подоспел. Дело кануло в мутные воды Леты. И концы в воду.

Второй раз фамилия Загрядского появилась в разработках, которые Салин с Решетниковым вели под «крышей» фонда «Новая политика». Многоопытные расследователи темных дел и исследователи потемок человеческой подлости, Салин и Решетников особо не удивились. История, как известно, повторяется. В данном случае она изначально была фарсом, а спустя пять лет приняла форму полного бреда. Идею Загрядского использовали еще раз, но с расейским размахом и куражом

временщиков. Даже код ей присвоили ухарский — «Артель». Бог с ним, что дважды наступили на свои же грабли, так и плагиатом не погнушались.

Точно такую же операцию прокрутили в восьмидесятых. Совершенно другие люди. Поэтому и кодовое название ей присвоили пристойное — «СистемаСоюз». В некоторых документах писали еще короче, но многозначительнее: «СС — XXI».

Оперативная обстановка

*Фонд
политика»*

«Новая

Сов. секретно
Согласно списку
Аналитическая
записка

Термины, активно внедряемые в СМИ для анализа российской экономики, следует отнести к средствам психологической войны. Выдернутые из контекста западной экономики, они не описывают реальность, а служат для управляемого внедрения в массовое сознание химеры, искажающей адекватное восприятие реальности.

Фактически же, нет
никакого деления на
«белую», «серую» и
«черную» экономики. В
России существует лишь
экономика колониального
типа.

Основной капитал,
управляющий
экономическими
процессами в России,
находится за границей,
базовыми отраслями стали
добывающие отрасли,
гипертрофированными
темпами откачивающие
природные богатства на
нужды развития мировой, а

не отечественной
экономики. Российские
банки не являются
финансовыми
инструментами рынка, а
существуют в качестве
каналов связи с «русскими
деньгами» за границей.

Население страны
искусственно разделено на
меньшинство,
обслуживающее экономику
колониального типа, и
большинство,
удерживающее запредельно
изношенные
производственные фонды и
другие объекты (в

частности — военные объекты) страны от техногенной катастрофы.

Во избежание риска «перегрева» мировой экономики «русские деньги» за рубежом вложены в отрасли, ориентированные на сохранение социальной стабильности на постсоветском пространстве, в основном — продукты питания и товары народного потребления, включая предметы роскоши.

Принцип функционирования российской колониальной экономики

Представляет собой
четырёхтактовую модель.

Первый такт: счет
оффшорной фирмы — >
«легальная» фирма-
производитель — >
российская фирма-
импортер — >
контрабандный ввоз либо с
нарушением таможенного
законодательства с целью
получения «неучтенного
товара», — реализация с

сокрытием большей части
прибыли от
налогообложения.

Товарная масса
контрабандной продукции,
по данным российских
правоохранительных
органов, в точности
совпадает с денежной
массой, выплачиваемой
«черным валютным налогом»
работникам фирм,
обслуживающих
колониальную экономику.
Именно на них,
преуспевающих на фоне
общей нищеты, прежде
всего и ориентирована

контрабанда и незаконный
сбыт предметов
ширпотреба и роскоши.

Долларовая масса
«черного нала»,
циркулирующая в стране на
протяжении многих лет,
остается неизменной —
примерно сто миллионов
долларов. Подобная
стабильность говорит о
том, что она используется
для кассовых операций в
финансовой системе
колониальной экономики.

Для аккумуляции
долларового «нала»
запускается второй такт:

— финансирование
производства
наркотиков — >
контрабанда — >
реализация за наличные
(вариант: стратегические
отрасли криминалитета —
торговля оружием и выпуск
алкогольной продукции).

третий такт:

— передача «черного
нала» через систему
«отмыва» на выплату
зарплаты «в конвертах».

четвертый такт:

— безналичный
взаимозачет на счетах
оффшорных фирм и полная

легализация капитала.

Государственные
контролирующие и
правоохранительные
органы не в силах ничего
противопоставить данной
схеме. И даже не ввиду
вопиющей
коррупционности и
утрате профессионализма,
а потому что изначально
рассматривались именно
как часть колониальной
экономики, как
надзиратели за ней не «де
юре», а «де факто». Более
того, сломать механизм
колониальной экономики

означает ввергнуть страну в
экономический и
социальный хаос,
отбросить ее на уровень
натурального обмена.
Относительная социальная
стабильность сохраняется
исключительно благодаря
бесперебойной работе
вышеописанной модели.

Например, для
ликвидации социальной
напряженности из-за
невыходов зарплат
бюджетникам и пенсий,
концерн-экспортер,
контролирующий данный
регион, закупает

необходимое количество наличных на «черном рынке» и перебрасывает их для выплат зарплаты «в конвертах» своим сотрудникам.

Покупательский спрос населения насыщается за счет товаров, произведенных или импортированных с нарушением законодательства. Концерн расплачивается с продавцом «черного нала» за счет безналичных средств, находящихся на оффшорном счету.

На махинации
концерна с налогами в
таком случае
государственные органы
вынуждены смотреть
сквозь пальцы. Крупные
криминальные
объединения остаются
неприкосновенными, так
как являются
неотъемлемой частью
«промышленно-
финансовой системы»
колониальной экономики.

Данная схема
создавалась в конце
восемидесятых годов по
прямому указанию органов

ЦК КПСС как средство сохранения контроля за страной в условиях смены режима и либерализации общественной жизни.

...По заявлению госсекретаря Бурбулиса, придя к власти, группировка Ельцина обнаружила, что кроме символов государственной власти она не получила ничего. Рычаги управления страной оказались вне их досягаемости.

Процесс «приватизации» вылился в драматический

эксперимент по срочному созданию собственного сектора в уже сложившейся экономике колониального типа. Только окончательная узурпация власти Ельциным в 1993 году позволила правящей группировке получить доступ к национальным богатствам страны. К этому моменту относится проведение операции «Артель», во многом скопированной с операции «Система-Союз», осуществленной конкурирующей

группировкой в конце
восемидесятых годов.

В 1993 году
Центробанк, Сбербанк и
Промстройбанк
профинансировали на
несколько лет вперед
золотодобычу
старательских артелей.
Артели получили право
добытое золото
использовать для
изготовления ювелирных
изделий, монет,
оформления оружия и т. п.
и в таком виде
экспортировать за границу.
Затем три указанных банка

выкупили большую часть золотого резерва страны и «провели» его как изделия артелей, разрешенные к вывозу из страны. Только по официальным отчетам было вывезено золота на сто сорок два миллиона долларов.

Операция прикрывалась ФСБ, СБП и прокуратурой. Считается, что возвышение Павла Бородина напрямую связано с активным вывозом драгметаллов из Якутии и последующим размещением активов через «фирмы друзей» в

иностранных банках.

Активы оформлялись на счета частных (чаще — подставных) лиц. Часть средств в виде инвестиций вернулась в Россию: торговый комплекс «Охотный ряд», гостиницы «Мариотт», «Славянская», «Шаратон», торговые сети «Три кита» и «Перекресток». В Европе и Юго-Восточной Азии на средства от вывоза золотого резерва России были открыты тридцать два банка, включившиеся в обслуживание экономики

колониального типа по
выше описанной схеме
«четырёхтактного цикла».

Большая часть активов
рассредоточена по банкам
Юго-Восточной Азии. [\[27\]](#)
Следом была предпринята
неуклюжая попытка
закрепиться в регионе,
вспомним неудавшуюся
сделку по продаже
современных истребителей
Малайзии.

В свете
вышеописанного
«четырёхтактового цикла»
место основного вложения
капитала правящей

группировки выглядит более чем показательным. Банки Тайланда, Сингапура, Малайзии и Гонконга не только обслуживают экономику этого бурно развивающегося региона, но традиционно служат клиринговым центром для операций с незаконной торговлей наркотиками.

Доминирующую роль в наркобизнесе данного региона занимает Китай, полностью контролирующий сбор и обработку сырья через

этнических китайцев — «хуацяо», проживающих в странах «золотого треугольника». Существует мнение, что львиную долю инвестиций в реформируемую экономику Китай получает за счет наркоторговли. Во всяком случае, резкие колебания цены золота на биржах региона эксперты традиционно связывают с акциями по отмыву «наркодолларов», осуществляемыми Китаем.

Мощное влияние «русского» финансового

капитала не могло не привести к «перегреву» рынка. И так далекий от стабильности, финансовый рынок региона рухнул, что дестабилизировало мировую финансовую систему. Кризис рикошетом ударил по России, став одним из факторов дефолта 1998 года.

С молчаливого согласия МВФ его кредиты были пущены не на стабилизацию внутренней финансовой системы России, а на сохранение каналов финансирования

ЭКОНОМИКИ КОЛОНИАЛЬНОГО
ТИПА.

...Следует вывод, что в
настоящее время
существуют два
независимых финансовых
центра, аккумулировавших
сравнительно равный
капитал, — примерно по
двести миллиардов
долларов. Первый создан
на т. н. «золото Партии»,
второй — новой
российской номенклатурой
и приближенными к ним
«олигархами».

Конкурентной борьбой
ЭТИХ «капиталов влияния»

обусловлены многие, если не все политические и социальные процессы, идущие в стране

В последнее время отмечается резкое обострение конкурентной борьбы между звеньями «финансово-производственного цикла» колониальной экономики. Коррумпированная бюрократия вкладывает теневые доходы в бизнес, криминалитет расширяет свое влияние на стратегические отрасли, силовые структуры от

бизнеса «крышевания»
переходят к прямому
захвату собственности и
капитала, финансово-
промышленные олигархии
наступательно создают
административный ресурс
как средство защиты
бизнеса, внедряя своих
ставленников во все
эшелоны государственного
управления.

...Накал
противостояния двух
«капиталов влияния»
способен привести к
использованию самых
диких способов

воздействия на население, включая психотронные технологии и методы шокового воздействия из арсенала психологической войны...

...Ввиду глобальных катастрофических событий, ожидаемых в десятилетия-двадцатые годы наступающего века, контрольным сроком для окончательной победы одной из группировок экспертами признается 2008 год.

— За что боролись, на то и напоролись!

Решетников с трудом вытащил тело из кресла, вразвалочку стал прохаживаться по диагонали кабинета. Салин решил, что топтаться вдвоем будет неудобно и даже комично, и остался сидеть. Хотя нервная щекотка жгла икры. Хлынувшие в кровь стрессины требовали, чтобы их сожгли в движении.

Один Владислав остался демонстративно бесстрастным, даже позы не изменил.

«Счастье исполнителя, — подумал Салин. — Прокукарекал, а рассветет или нет — его не касается.

Хотя, как посмотреть... Сгорим, его первого бросят в жесткую разработку. Ближайший помощник, информирован до предела. Вот и будут рвать информацию вместе с зубами».

Владислав как раз улыбнулся, продемонстрировал ряд идеальных зубов.

— Чем еще порадуешь? — спрятав неудовольствие, спросил Салин.

— Загрядский сейчас в пределах досягаемости.

Решетников остановился и круто развернулся на каблуках.

— Вынырнул, вражина? Он же лег на грунт, как только запустил

«Артель».

— Как выясняется, не по своей воле. — Владислав переложил в папке листок. — Загрядский включил себя в число физических лиц, на которых открывались счета. И на этом погорел. На его счету в «Голден Сан Бэнк оф Гонконг» обнаружилось десять миллиардов долларов. Об их происхождении Загрядский информации, само собой, предоставить не смог. Или не захотел. По формальному признаку на него возбудили дело по неуплате налогов. Мэру пресечения избрали не связанную с заключением под стражу. Но с девяносто пятого он фактически находился под

домашним арестом.

— Кто сторожил? — спросил Решетников.

— Формально — силовая структура Генпрокуратуры. Фактически — Служба безопасности президента.

— Наш пострел везде успел, — хмыкнул Решетников.

Салин ответил ему понимающим взглядом.

— Три месяца назад ему было предъявлено обвинение в неуплате налогов и незаконном предпринимательстве. Суд дал восемь лет. Формально отбывает срок в ИТУ в Башкирии. Реально — расконвоирован, проживает на

поселении. Для чего отстроил в поселке особняк со всеми удобствами.

— Одно радует, перед законом у нас все равны! — Решетников нервно хохотнул. — Что ты по этому поводу думаешь, Виктор Николаевич?

— Тактически убого, но стратегически абсолютно верно. — Салин покачался в кресле. — Они взяли под контроль главного идеолога операции. Нормальный ход. Кто же за это осудит?

— Разрешите закончить? — Владислав дождался кивка Салина. — Загрядский четвертый день находится в Москве.

— Так-так-так. Уже интересно!

Решетников вернулся к креслу, плюхнулся в него вытянув ноги.

— Формальный повод — вызван на допрос в Генпрокуратуру по делу Козленка. Проживает в гостинице «Советская».

— Чудны дела твои, Господи. — Решетников иронично перекрестился.

— Как это стыкуется с Глебом Лобовым? — напомнил Салин.

Владислав взял схему. По густоте цветных пересекающихся линий она напоминала выкройку из журнала мод.

— По своим делам они никогда и нигде не пересекались. Такое ощущение, что сознательно держали

дистанцию. Но я нашел связь. — Он провел пальцем по синему пунктиру. — Странно, что ее проморгали другие. Глеб Лобов остался сиротой в четырнадцать лет. Я подумал, два года кто-то должен был быть официальным опекуном мальчика?

В кабинете повисла долгая пауза. Ответ на столь очевидный вопрос был слишком прост. И тем страшен.

Дикарь (Ретроспектива — 4)

Воздух в зоопарке оглушительно

пах зверьем. Острый запах шерсти, помета и дыхания, вырывающегося из раскрытых пастей, заглушал даже муть выхлопных газов. Или Дикарю так казалось.

Вдоль решеток гуляли люди. Но Дикарь видел, чувствовал и ощущал только зверей. Они были ближе, роднее и понятнее.

У волчихи был совершенно больной взгляд. В янтарных шариках, в самой глубине, плескался оранжевый огонь мрачного безумия.

«Они все здесь ненормальные, — подумал Дикарь. — Нельзя жить в таких условиях и не сойти с ума».

Он вспомнил, что в одной

книжке прочитал, что человек мог приручить только умственно дефективных особей. Инстинкт свободы у зверя в крови. Только вырожденец, отторгнутый стаей, променяет волю на безопасность, право охоты на миску помоев. А у раба и дети — рабы. Сколько волка ни корми, а он обязательно убежит. Если не убежал, значит, ничего волчьего в нем не осталось.

Все домашние животные — ублюдки дикой Природы, улучшенные плановой селекцией. Из поколения в поколение человек отбирал в помете наиболее подходящих ему, преданных, работающих и покорных. Кто-то

отдавал молоко, кто-то тянул тяжести, кто-то защищал хозяина, погибая сам.

Но человеку мало искалеченных его волей и разумом животных. Ему хочется любоваться дикими, не прирученными и непокорными, посаженными на цепь. Словно мстит им унижением за инстинкт свободы и волю к жизни, которые сам давно потерял.

В толпу, расплющившуюся о клетку вольеры с волками, втиснулись два парня. От них смердело перегаром и жирным мясом.

— Смотри, какая дохлая! — заржал первый.

Волчиха стояла у канавы, отделяющей площадку от зрителей. Она повела мордой на звук жирного голоса, потянула носом, еще больше подобрав живот, и вновь уставилась в глаза Дикарю.

— У меня на даче шавка — копия она. Приезжайте, бесплатно покажу, — подключился к веселью второй.

В толпе раздались смешки.

— На, жри!

Первый по высокой дуге швырнул через решетку недоеденный беляш. Он шлепнулся на бетон в двух шагах от волчихи.

Она стремительно отскочила, толкнувшись всеми четырьмя

лапами. Замерла, опустив морду. Втянула носом запах, сочащийся из расплющенного беляша.

Тело ее стало вытягиваться вперед, словно кто-то тянул за невидимую ниточку, привязанную к носу.

Дикарь с ненавистью посмотрел на парня, бросившего обьедки волчице. На его беспородном сальном лице было написано тупое любопытство. И готовность оглушительно заржать, когда волчица вцепится в кусок теста с тухлым мясом.

Дикарь отчетливо представил себе капкан, распахнувший стальную пасть. Волчиха замерла.

«Не смей!» — закричал Дикарь.

Он крепко сжал губы, чтобы крик не вырвался наружу. Никто ничего не услышал.

Только волчица, как от удара, отскочила в сторону. Оскалилась, ища в толпе взгляд Дикаря.

Он поймал взглядом ее помутневшие от злобы зрачки. И не отпускал, пока волчица медленно, против воли, не растянулась на холодном бетоне. Она пыталась сопротивляться, до отказа задирала верхнюю губу, выставляя напоказ желтые мощные зубы. Но гнет чужой воли оказался сильнее. Она затихла, покорно уткнув морду в скрещенные лапы.

Дикарь расслабился и приказал ей:

«Уходи!»

Волчица рывком вскочила, оглядываясь, потрусила к пещере в глубине вольеры. Растянутые серые мешочки вымени бились о подогнутые задние лапы.

По пальцам Дикаря потекла липкая холодная жижа. Он посмотрел на раздавленное мороженое. Молочная каша ползла через край вафельного рожка. Дикарь с трудом разжал пальцы. Чавкнув, мороженое плюхнулось на асфальт.

— О, беда! — прогудел дядя Леня.

Дикарь поднял голову и

посмотрел в склонившееся над ним лицо крупного мужчины. Дядя Леня был похож на медведя, мощный и подвижный, забавный и опасный. Запах тайги еще не выветрился из его бороды. Из всех взрослых, суетившихся вокруг него, Дикарь с симпатией относился только к дяде Лене.

— Да не расстраивайся ты, паря! Сейчас новое купим. Хоть целый ящик.

Денег у старателя дяди Лени было на целый молочный комбинат. Но как их использовать по уму, чтобы развлечь мальчика, он не знал. Сегодня, например, он ни с того ни с сего потащил Дикаря в зоопарк.

Таежник, он с трудом ориентировался в столичной жизни, а своих детей всегда поручал их матерям. У Дикаря уже десять дней не было матери.

Дядя Леня медведем вломился в дом, притихший перед похоронами, сгреб в охапку Дикаря и с тех пор не отпускал от себя.

— Хочешь еще мороженое?

Он положил широкую и тяжелую ладонь на плечо Дикарю. Из нее в тело пошла уверенная в себе, суровая силища. Дикарь не удержался и потерся щекой о его горячую ладонь.

И вдруг ощутил, что дядя Леня жутко нервничает. Как медведь,

услышавший над водой трещотку приближающейся моторки. Дядя Леня с высоты своего роста озирался вокруг.

— Хочу шашлык.

— Сделаем, — машинально согласился дядя Леня.

Голова его явно была занята другими мыслями.

Он взял ладонь Дикаря в свою медвежью лапищу, вытянул из толпы. Подвел к скамейке.

— Ты тут посиди, паря. А я — мигом, — произнес он каким-то неестественным голосом. — Чего ты хотел?

— Шашлык. Только не пережаренный.

— Сделаем.

Дикарь проводил взглядом мощную фигуру опекуна и стал ждать. Он был уверен, что-то должно сейчас произойти. Что-то очень важное. Он не нервничал, не боялся. Он просто ждал.

— Вы позволите, молодой человек?

Рядом на скамейку присел невзрачно одетый пожилой человек. Ноздри у Дикаря затрепетали.

Запах... Такого властного, давящего запаха он еще ни разу не ощущал.

Он покосился на соседа.

Седая бородка скобочкой. Очки на крупном носе. За ними ледяные и

бесцветные, как талая вода, глаза.

Мужчина скрестил руки на ручке трости — мощной крюки из красного дерева, пристроил на них подбородок. И сразу стал похож на седого вожака, умудренного тысячей охот и десятками зим.

Дикарь, ведомый чутьем, осмотрелся вокруг. Сразу же выделил в праздной толпе четырех человек. Они были намного моложе Вожака, но такие же матерые. Они взяли их скамейку в невидимый квадрат, встав по его углам, и хищным, настороженным глазом осматривали всех, пересекающих границу.

— Я люблю здесь бывать, — неожиданно произнес Вожак. В

негромком голосе чувствовались сила и непреклонная воля. — Смотрю на зверей и наблюдаю за людьми. Интересные мысли лезут в голову.

Дикарь повернулся к соседу и встретился со студеным пристальным взглядом. Глаз не отвел. Показалось, что тонкие губы соседа чуть дрогнули в улыбке.

— Вы, наверное, слышали, молодой человек, что Господь изгнал из Рая человека. После смерти душа человека отлетает в Рай или низвергается в Ад. А куда попадают души зверей? Один богослов растолковал мне, что животные не ведают греха. Грехопадение

совершил человек, вкусив плод познания добра и зла. За что и был изгнан из Рая. А звери ничем Создателя не прогневили и, получается, до сих пор пребывают в Царствии Божьем. — Он потерял бородку о запястье. Острые палки царапнуло по асфальту. — Какой из этого следует вывод?

— Не знаю.

Дикарь мало что понял из слов незнакомца, но он чутко уловил главное, впервые взрослый говорил с ним как с равным.

Вожак взглядом прощупал лицо и шею Дикаря.

— Рано или поздно придется искать ответ. Я возьму на себя

смелость и подскажу. Разум позволяет человеку отличать добро от зла. Звери этого не умеют. Значит, чтобы избавиться от изначального греха, надо сойти с ума. — Вожак постучал себя пальцем по крутому лбу. Холодно усмехнулся и добавил:

— Если хочешь обрести Рай, надо стать зверем. Логично?

Дикарь промолчал. Он вдруг понял, когда говорит Вожак двуногих, надо молчать.

Вожак медленно откинулся на спинку скамейки. Руки остались лежать на изгибе палки. Дикарь невольно отметил, какие у него ухоженные, но цепкие и сильные пальцы.

— Итак, я знаю, как тебя зовут. Меня, между прочим, зовут Иосиф Михайлович.

Вожак выдержал паузу. Пара, намеревавшаяся присесть на их скамейку, наткнувшись на его взгляд, прошла мимо.

— Будем считать, что познакомились, — продолжил Вожак. — Прими мои соболезнования. Я в курсе того, что произошло с твоей матерью. И с отцом.

— Папа погиб два года назад, — без слез в голосе сказал Дикарь. Он вообще, вернувшись из Леса, еще ни разу не заплакал.

— Да, я знаю, — кивнул Вожак.

— Вы были его другом?

Вожак подумал немного и отвесил полный достоинства поклон.

— Более чем. Партнером. Я здесь, чтобы сказать, что сын моего друга и партнера никогда и ни в чем нуждаться не будет.

— Вы тоже работали в Главалмаззолото? Вы не похожи на геолога.

— Нет, я не геолог. Но цену золоту знаю, — ответил Вожак. — И молчанию. Ты молодец, никому не рассказал, что произошло там, на реке. Расскажи мне.

— Почему вам?

Вожак пожал плечами.

— Расскажешь мне, я буду тебя

защищать. Расскажешь другим — им придется защищать тебя от меня. Выбирай сам.

— Вы хотите знать, кто убил папу?

В глазах Вожака на мгновение вспыхнул ледяной огонь.

— Это я узнал без тебя, мой юный друг. Их больше нет. Перед смертью они рассказали все. Но куда пропал планшет твоего отца, не сказали. Значит, просто не знали. Я думаю, что тем утром он был на тебе.

Вожак стал выбивать пальцами морзянку на изгибе клюки. Он ждал.

Дикарь затаился. Никогда еще смерть не подкрадывалась так близко. Она была рядом и

одновременно повсюду.

Осенний ветер, змейкой
проскользив между вольерами,
растрепал волосы Дикаря.

«Сражайся или умри», —
услышал Дикарь тихий шепот.

Стальной капкан страха разжал
челюсти, и сердце Дикаря вновь
забилося вольно и сильно.

— Иосиф Михайлович, у меня
одно условие.

Вожак плавно развернул тело,
закинул ногу на ногу.

— Готов выслушать.

Глядя в ледяные водовороты его
глаз, Дикарь отчетливо произнес:

— Мне нужен опекун. Я хочу,
чтобы им стали вы.

Иосиф Михайлович спрятал взгляд под морщинистыми веками. Долго молчал, время от времени шевеля губами, будто считал в уме.

— Требование неожиданное, но разумное, — наконец, констатировал он. — Но ты пойми, эта гарантия будет действовать всего два года. Тебе же сейчас четырнадцать? Когда получишь паспорт, опека прекратится.

У Дикаря уже был готов ответ:

— Мне хватит, чтобы научиться жить в Раю.

Вожак закаменел лицом. Дикарю показалось, что Вожак даже перестал дышать. Глаза превратились в два шарика льда. Пробивающийся

через них свет острыми спицами шарил прямо под черепной коробкой Дикаря. Потребовалась вся воля и жажда жизни, обретенные в Лесу, чтобы не отпрянуть от этого неживого взгляда.

— Я думаю, мы поладим, — размеренно произнес Иосиф Михайлович.

Он протянул сухую ладонь.

— Слово.

— Слово, — вслед повторил Дикарь, пожимая цепкие холодные пальцы Вожака.

После рукопожатия они долго молчали. Обоим потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Старые львы

Решетников завожился в кресле, кряхтением и сопением распугав тишину, висевшую в кабинете.

Владислав по памяти начал выдавать текст, как включившийся магнитофон, бесстрастно и без пауз:

— Загрядский взял на себя все расходы по воспитанию и обучению Глеба. Но рядом их никогда не видели. Лобов получил прекрасное домашнее образование: два языка, музыка и рисование. Занимался в секциях каратэ и плавания. Черный пояс и первый разряд. Школу с биологическим уклоном окончил с золотой медалью. Поступил в

Сельхозакадемию.

— Странный выбор, — вслух отметил Салин.

— Окончив, поступил в аспирантуру Института госуправления. Защищался по теме: «Управление в социально-экономических системах».

— Уже ближе к теме, — вставил Решетников.

— Далее ушел в бизнес.

Салин поднял ладонь, остановив его. Переглянулся с Решетниковым.

— А что делать? — развел руками Решетников.

— Владислав, срочно все, что есть на Лобова, — распорядился Салин. — Весь архив.

Владислав пружинисто встал.

— Есть, Виктор Николаевич.

— Да, просчитай, как и через кого можно срочно выйти на этого пасынка «золотого короля», добавил Салин.

Владислав заглянул в записи.

— Он работает в контакте с Дубининым. Это самая короткая ниточка.

Решетников скорчил физиономию бегемота, севшего на ежа.

— Что за говорящая фамилия, — в сердцах произнес он. — Типа Горбачев.

— Ты против? — с сомнением в голосе спросил Салин.

— Выбирать некогда, —
отмахнулся Решетников.

Владислав вышел из кабинета, и
в нем вновь повисла тягучая тишина.

Глава четырнадцатая.

Натурпродукт

Создатель образов

Глеб вышел из кабинета, чувствуя во всем теле звериную бодрость. На нем был черный костюм в тонкую полоску от Келвина Кляйна и рубашка цвета бордосского вина от Ланвин. Ворот расстегнут — решил обойтись без галстука. Плащ перекинул через руку.

Ирочка готовила кофе. Оглянулась. И, как замороженная, развернулась к нему лицом.

— Кому кофе? — спросил Глеб,

втайне наслаждаясь ее реакцией.

Для деловых встреч выбрал образ «молодой босс мафии на стрелке с крестными отцами». Чуть расхлябанно, но стальной костяк чувствуется.

Ирочка глазками указала на дверь.

— Стас все совещается. Пятый раз варю.

Глеб бросил взгляд на часы. «Данхилл» на простом черном ремешке. Предел скромности по нашим временам. Но, поймав Ирочкин взгляд, понял, деталь точно попала в стиль.

Резко выдохнул через хищно очерченные ноздри. Прошел через

секретарский предбанник и
распахнул дверь в зал совещаний.

— Общий привет, — бросил с порога.

Медленно обшарил взглядом
замершие лица сидевших за длинным
столом. Полный комплект
заинтересованных лиц:
представитель Певицы, зам
директора генерального
продюсерского центра, двое безликих
от фармацевтической фирмы,
крашеный блондин с серьгой в ухе из
клипмейкерского цеха и Стас,
который замутил этот проект.

Стас тоже считал себя
человеком творческим, поэтому
редкие белесые волоски сгреб в

жиденький крысиный хвостик, а на щеках отращивал пиратскую щетину. Но и от коммерции чересчур не удалялся. Носил костюмы исключительно от Хьюго Босса и пользовался «Фарингейтом». Кто-то когда-то напел ему, что это запах авантюристов. По той же причине в залке от галстука свежей коричневой кляксочкой всегда искрился тусклым золотым крошечком авантюрин — камень искателей приключений. Стас числился вторым человеком в агентстве, где кроили, лепили и клепали «имиджи», но служебное положение в личных интересах почему-то не использовал.

«Сапожник и должен ходить без сапог», — решил Глеб и разговоров о несуразном внешнем виде со Стасом не заводил.

— Нам как раз требуется светлая голова. Совсем зашились! — первым пришел в себя Стас. — Может, ты посмотришь? У нас уже глаз замылен.

Он указал на большой экран телевизора. На нем замерла картинка с улыбающейся Певицей. Точная копия кадра, который агентство приготовило для рассылки по прикормленным редакциям.

Глеб плотно закрыл за собой дверь. Подошел к торцу стола. Бросил плащ на спинку кресла.

Садиться не стал.

— Крути кино, — распорядился он.

На экране пошел клип.

Пять клонированных сестер Певицы занимались домашней работой: от глажки белья до вращения педалей велотренажера. Все разом дружно сделали удивленные лица, когда мимо них прошла Певица в обтягивающем вечернем платье. Сестры-близняшки ее узнали и умилились. А Певица, встав в позу чемпионки по фитнесу, изрекла рекламный текст. Следом возник серебристый флакончик со снадобьем для похудения.

— Ну и в чем проблема? —

спросил Глеб, поиграв желваками.

— Видите ли, Глеб Павлович... — затянул представитель Певицы.

Глеб остановил его, вскинув руку.

— Сначала я скажу, что вижу. Но перед этим задам неприличный вопрос. У вас какое образование, ребята? Кто пять лет обучался киноискусству, эстетике и истории живописи? Может, есть люди с консерваторским образованием? — Он обвел взглядом присутствующих. — В порядке самокритики скажу, я окончил сельхозакадемию, кафедру животноводства. Итак, раз здесь нет

гениев от Бога и талантов с образованием, то речь пойдет о самом простом. То есть о деньгах.

Глеб ткнул пальцем в монитор.

— Я вижу классный клип для лохов и их лохушек. Потому что только безмозглая лохушка не тронется умом увидев шесть Певиц разом. И только полная лохушка побежит после этого покупать сухих тайских глистов.

— Это специальная витаминная формула, — попробовал вставить один из бледных фармацевтов.

— Не принципиально, — отмахнулся Глеб. — Как бывший специалист по откорму

парнокопытных, авторитетно
заявляю: от кого родился, столько и
весить будешь. Чем ни корми.
Вывод — это гениальный клип,
полностью укладывающийся в
рекламную концепцию. Мэсидж,
драйв, суггестия и прочая херня
присутствуют в полном объеме.
Запускаем проект, пудрим лохам
мозги глистами... Извини,
витаминами. И косим капусту. Бабки
делим по справедливости. Кто не
согласен?

Представитель Певицы
побуравил плохо выбритую щеку
антенной мобильного.

— Ты прав, Глеб, бабки — это
святое, — вяло начал он. — Но я

думаю...

— Думай быстрее, Игорек! А то, пока ты телишься, она опять вес наберет. И все бабки — в трубу! Тогда сам на диету сядешь.

Клипмейкер по-жеребьячи заржал. Но, встретившись взглядом с Глебом, осекся.

— Глеб, дело серьезное, — вступил представитель продюсерского центра. — Я рискую больше всех. Из-за этой жрачки для похудания я задерживаю релиз нового альбома.

Глеб пожал плечами.

— Что сказать, Эдик? Работай с Монтсеррат Кабалье. В бабе под сто пудов, а никто не подкатывает с

предложением глистов
рекламировать. Может, голос хуже?

Клипмейкер захлопнул рот ладонью и согнулся в три погибели. Острые лопатки затряслись, шевеля гавайскую рубашку.

«Либо на старые дрожжи колбасит, либо „колесико“ захрумчал прямо здесь», — поставил диагноз Глеб.

— Да не глисты это, а витамины! — вдруг завелся другой фармацевт.

Глеб криво усмехнулся.

— Жаль. Можно было бы полить водой, чтобы ожили. И отправить своим ходом в Тайланд. А за витамины надо платить складские

расходы. Еще мысли будут? — Он забросил плащ на плечо. — Как говорили на комсомольских собраниях, подвожу черту. Либо подписывайте акт, и работаем дальше, либо я сегодня же отзываю заказ из редакций и даю отбой ребятам в Останкине. Ничего не заработаю, но и время больше не потеряю. А о плодотворном сотрудничестве буду помнить долго. Очень долго.

Глеб дождался, когда под его давящим взглядом все опустили глаза, и примирительным тоном закончил:

— Но интуиция мне подсказывает, что до этого дело не

дойдет.

Он развернулся. Бросил через плечо:

— Стас, проводи меня!

В предбаннике он достал платок, промокнул виски. Ирочка, увидев его лицо, спряталась в закуток за стеллажом.

— Ты сделал их, Глеб! — свистящим шепотом прошелестел Стас в самое ухо.

Глеб отстранился. Поиграл желваками на скулах. Отчетливо, чтобы слышала Ирочка в закутке, произнес:

— Полдня, что ты промудохался в прокуренном помещении, лучше бы провел с детьми в парке. В

следующий раз так и сделай.
Разрешаю.

— Да ну их! Киндеры и так на даче живут.

— Повезло детям с папой.

— Знаешь, какие-никакие, а бабки им я сегодня заработал! — обиделся Стас.

— А я себе заработал на бифштекс с кровью. — Глеб похлопал его по рыхлому плечу. — Ирочка, я уехал на обед! Когда эти ценители прекрасного свалят, будь добра, проветри как следует.

— Будет сделано, Глеб Павлович! — раздалось из закутка. — Ой, Глеб Павлович, минутку!

Она мышкой выскочила из-за перегородки.

Глеб остановился на пороге.

— Забыла передать. Еще раз звонил Добрынин. Просил предупредить, что с ним придут два партнера.

— Да? — Глеб поднял бровь. — Кто такие, сказал?

— Салин и Решетников. Из фонда «Новая политика». — Ирочка перевела дыхание. — Вы просили не соединять. А потом так замоталась... Извините, Глеб Павлович.

Глеб усмехнулся.

— Ты, Ирина, невинная жертва чужой неорганизованности. По-научному, компенсаторное звено в

системе местного бардака. — Под его давящим взглядом Стас обиженно насупился. — Ладно, кролики. Оставляю вас работать над ошибками, а сам удаляюсь поглощать честно заработанные калории.

— Ой, Глеб Павлович, уже без двадцати два. — Ирочка постучала ноготком по часикам. — Вы не забыли, Федотов просил до двух ему перезвонить?

— Умница! — Глеб послал ей воздушный поцелуй.

Он бодрой походкой сбежал по лестнице, прошел через общий зал, неся на лице добродушную улыбку, и кивал всем, с кем встречался ВЗГЛЯДОМ.

Ровно в два часа Глеб был на месте.

Если Федотов говорил, что звонить надо на «второй телефон», то это означало, что обедать он будет на Кузнецком. От кого он шифровался, неизвестно. В стране, где компромат стал одним из способов размещения капитала и самым ходовым товаром: производился в стратегических объемах, скупался и перепродавался оптом и в розницу, обменивался, использовался по прямому назначению и шел на взаимозачеты в клиринговых схемах, Федотов мог

плевать на чужое мнение о себе, любимом, высказанное в любой форме. Хоть устно, хоть письменно, хоть в исполнении «говорящей головы» в телевизоре. Он входил в круг неподсудных, необсуждаемых и непотопляемых. Он не боялся компромата. Он с ним работал.

Мрачная грязно-коричневая громадина «Детского мира» нависала над переулком, застилая небо. В густой тени, отбрасываемой гигантским кубом, отмытый фасад гостинцы «Савой» смотрелся совершенно игрушечным.

Глеб прошел мимо зеркальных стекол гостиницы, свернул за угол, обошел вход в бутик, обозначенный

столбиками с цепью, и открыл роскошно белую дверь с золотой каемкой в стиле «модерн». Надраенная до зеркального блеска медная табличка извещала, что за дверью размещается модельное агентство «RSM International».

В маленьком холле царил тот же декаданский стиль. Пахло гримеркой: косметикой и новой одеждой. Три двери, белые и элегантные, как крышки концертных роялей.

В правую входили сотрудники, к центральной мамы приводили дочек, из левой папики выводили в жизнь девочек. Глеб толкнул левую.

В овальном зале все в том же

кокаиново-хризантемном стиле притаилось крохотное кафе. Шесть столиков, покрытых белыми скатертями. Белая обивка венских стульев. Золотая вязь на мебели, золото багета на зеркалах и золотые пчелы на обоях. Так стараются только для с в о и х, постигших разницу между истинной роскошью и дешевым гламуром «ВИП-класса».

Мужчина, сидевший за столиком у зеркального полупрозрачного окна, поднял голову. Глеб постучал пальцем по циферблату. Мужчина кивнул. По плечи на голове прополз золотой отблеск.

Глеб прошел через зал между пустующими столиками. Бросил

плащ на спинку соседнего стула и сел напротив мужчины.

Из золотисто-белой стены материализовался официант, поплыл между столиками.

— «Перье» со льдом, — распорядился Глеб.

Официант на полпути исполнил поворот кругом и растворился в воздухе.

— Как всегда вовремя, — вместо приветствия произнес Федотов.

Помешал в розетке творожную массу, обильно политую малиновым муссом и покрытую дольками тропических фруктов. Подцепил на ложечку и отправил в рот. Пожевал,

капризно кривя губы. Проглотил. Запил морковным соком. Поставил стакан на стол, тихо тренькнув кубиками льда о тонкие стенки. Промокнул губы салфеткой.

— Что светишься? — спросил он у Глеба.

Глеб почесал кляксу бородки.

— Старый облезлый кот,
Одну чечевичную кашу ест.

А тут еще и весна.

— Не понял? — Федотов посмотрел в розетку, потом поднял взгляд на Глеба.

На вид ему было лет пятьдесят. Лицо интеллигента, рано вкусившего власть. Повадки царедворца, в глазах циничный ум тайного советника. И

непередаваемая аура денег, достаточных, чтобы чувствовать себя в безопасности, и лежащих в безопасном месте.

Глебу показалось, что сегодня лицо Федотова выглядит каким-то нездорово отечным. Всмотрелся. Оказалось, исчезли глубокие морщины от носа к уголкам губ. Наверное, свел инъекциями парафина, решил Глеб.

— Басе. Японский поэт.

Федотов подумал немного и кивнул.

— Ладно, один-ноль твоя польза.

Появился официант, поставил перед Глебом стакан с пузырящейся

водой и исчез.

Глеб сделал глоток и свободно откинулся на спинку стула. Правая ладонь осталась лежать на скатерти.

Федотов отправил в рот новую порцию диетической витаминной смеси. Облизнул тонкую верхнюю губу. Нижняя была толще — оттопыренная и казалась темнее.

— Я доложил твой проект шефу.

Глеб изобразил на лице вежливое внимание.

— Сказал, можно попробовать, — продолжил Федотов. — С некоторыми оговорками.

— Принимаются без обсуждения. — Глеб легонько

хлопнул ладонью по столу. — Я не Скуратов, чтобы с Кремлем бодаться.

— Умница. — Федотов удовлетворенно кивнул. — Первое: мы абсолютно не в курсе. На финальном этапе кивнем в знак одобрения, но не более того. На Центризбирком повлияем в нужном ключе, если увидим, что дело выгорело. Второе: все делаешь по собственной инициативе. Провалишься — не вякай. Третье: денег не дадим. Четвертое: пятьдесят процентов отстегнешь нам. С подельниками разбирайся сам.

— Все?

— Мне потребуется отчет по каждому этапу. В деталях.

Глеб сделал глоток.

— Могу отчитаться прямо сейчас. Деньги я нашел.

— Сколько?

Глеб на пальцах показал — «три».

Федотов посмаковал дольку киви, сглотнул и кивнул.

— Кого обул?

— Не удивляйся, Якова Борисовича.

Федотов коротко хохотнул.

— Яшу-Гешефта? И старый еврей не догадался, на что его деньги пойдут?

— Я что, его смерти хочу?

Федотов опять хрюкнул. К лицу прилил розовый румянец.

— Глеб, с тобой опасно, но
чрезвычайно интересно работать.

— Примерно такой же
комплимент мне сделал Яша-Гешефт.

Федотов отвалился на спинку
стула, захрюкал громче, задрожал
толстым животом.

— Дальше? — спросил он, в
момент становясь серьезным.

— За сутки я проведу деньги от
воров к ментам и вложу в политику.
Фигуранты интересуют?

— Только менты.

— Генерал Орликов.

Федотов прикинул что-то в уме.

— Ладно, не жалко. Месяц мы
его еще потерпим.

— Решили снять?

— Типа того.

Распахнулась дверь, и в белый зал впорхнули тропические птицы. Стерильная тишина наполнилась жизнерадостным щебетом.

В зеркале за спиной Федотова отразилась стайка девушек, все как одна ломкие в коленях, вытянутые телом, с бесконечными ногами и едва обозначенными припухлостями грудей. Стайку, как кречет, опекал молодящийся мужчина в свободном костюме кремово-песчаного цвета.

Глеб потянул носом, всасывая смесь тропических ароматов, исходящих от вздрагивающих от возбуждения тел. Нарзанная волна возбуждения, пенясь, ползла от паха

через живот в голову.

Лицо Федотова на несколько секунд застыло, потом потекло, нижняя губа, сделавшись влажной, еще больше вылезла вперед. Глаза подернулись поволокой и заматались, как у старого кота, увидевшего целый выводок мышек.

Пока они рассаживались вокруг столика, Федотов прощупал взглядом каждую из пяти девушек. Пожевал нижнюю губу. Задумался. Вновь принялся осматривать живой товар в яркой упаковке.

Глеб решил не мешать Федотову. В конце концов, все мы пытаемся сочетать приятное с полезным, необходимость с удовольствием. Что

такого, если переговоры под легкую закуску человек совмещает с обедом в приятном обществе.

Федотов уже не таился, копался глазами в выставленных напоказ прелестях, как жена банкира на рождественской распродаже в секции нижнего белья.

Глеб попытался угадать, на ком в конце концов остановится взгляд старого кота. Посмотрел в зеркало. Девушки, что-то оживленно обсуждали, грациозно склоняясь над столом, прыскали в ладошки. Только одна, блондинка в платье цвета перезрелого авокадо, играла неведение. Она явно знала, зачем и почему в дальнем конце зала сидят

двое представительного вида мужчин. Выглядела она если не старше, то взрослее своих подруг. В глазах и уголках губ отчетливо читалось то, что называют пудовым словом опыт.

Федотов глотнул морковного сока, промокнул губы салфеткой.

Словно это было сигналом, мужчинка, сопровождающий моделек, встал из-за стола походкой усталого гения кройки и шитья подошел к столику Федотова..

— Добрый день, Владимир Дмитриевич, — в меру подобострастно поздоровался он с Федотовым.

И чуть изменив тон:

— Глебушка, рад тебя видеть. Шикарно выглядишь. — Сказано было с непередаваемым пафосом служителя самой продажной из муз — Моды. Чуть в нос и вялыми губами.

— Здравствуй, Роман.

Глеб руки не протянул, как, впрочем, и Федотов.

— Это и есть твои новенькие? — спросил Федотов.

— Новее не бывает. Вчера только кастинг прошли. Желторотики. Мамины пирожки в животиках еще переваривают.

Федотов пожевал нижнюю губу.

— Откуда?

— Провинция, естественно.

Вологда, Оренбург, Липецк, Мурманск и Астрахань. Натур продукт, экологическая и прочая чистота гарантируются. Жанне семнадцать. Остальным пятнадцать. Только Ната Астраханская подкачала, ровно четырнадцать. Но — ровно. Сам паспорт проверял. — Роман перевел дух и с халдейскими нотками в голосе поинтересовался:

— Что-нибудь выбрали, Владимир Дмитриевич?

Федотов помедлил с ответом, еще раз прошелся взглядом по телам девушек.

— Нату, — обронил он. Запил сказанное соком.

Роман уставился на Глеба.

— Я — пас.

— Не пообедаешь со мной? — неожиданно предложил Федотов. Попутно он небрежным жестом отослал Романа. — Ночью работа предстоит. Хочу расслабиться немножко.

Это можно было оценить как знак доверия. Если не знать, что Федотов относится к немногочисленной когорте неприкасаемых. Ему не только забавы с малолеткой сойдут с рук. В нынешнее потерявшее стыд время, когда смена сексуальной ориентации считается поводом для пресс-конференции, ему слова не скажут даже за тяжкую некрофилию. Хотя

каждую ночь устраивай оргию в Мавзолее. Рот распахнут от удивления, но не выдают ни звука. Как Кремль умеет зашивать рты суровой ниткой, все уже насмотрелись. Дураков нет. Да и кто нынче не без греха? Только вякни, вмиг утопят в собственном же дерьме.

— Увы, уже ангажирован. —

Глеб бросил взгляд на часы.

— На кого ты глаз положил?

— Я бы выбрал пару.

— Два-ноль, хочешь сказать?

— Нет. На полном серьезе.

Рациональный подход, только и всего. Вон ту блонди в сине-зеленом и какую-нибудь малолетку в

нагрузку. Блонди и уговорит, и утешит подружку, да, на мой взгляд, еще и вас чему-то новому научит.

— Я подумаю.

Глеб встал, оправил пиджак, взял со спинки плащ.

— Кстати, с чем едят фонд «Новая политика»? — непринужденным тоном спросил он.

Федотов посмотрел на него снизу вверх долгим взглядом.

— Как бы они тебя не сожрали, — произнес он. — Это «кладбище слонов» КПК. У нас с ними «водное перемирие»^[28]. Слоны они боевые, разозлишь — затопчут.

Глеб хохотнул. Наклонился, уперевшись ладонями в стол.

— Если я их забагрю в дело, что мне за это будет? — горячим шепотом спросил он.

Федотов долго смотрел в его горящие жгучим огнем глаза.

— Такой услуги мы не забудем.

Глава пятнадцатая.

Смотрины под бифштекс с кровью

Старые львы

Смотрины Глеба Лобова организовал Добрынин. В оперативных делах он ни черта не смыслил, всю жизнь занимался аппаратной работой. Сначала в ЦК ВЛКСМ, потом, набравшись опыта и заручившись рекомендациями, перешел в серое здание на Старой площади, а в девяносто первом, когда здание ЦК обложила

демократическая толпа и пришел конец КПСС, трудоустроился в ЛДПР.

Добрынин даже не ощутил дискомфорта от переезда со Старой площади и никаких душевных колик от перемены в судьбе не почувствовал. Аппаратная жизнь течет, независимо от партийной вывески. Ремесло свое он знал досконально, а идеи и партийные лозунги никогда всерьез не воспринимал. Судя по лоснящейся физиономии, не бедствовал и особо на работе не перенапрягался.

Бюрократия во все времена живет по правилу «ты — мне, я — тебе», а посему неистребима. Счет

взаимных услуг и исполненных и принятых обязательств негласен, но точен, как «черная бухгалтерия» в уважающей себя фирме.

Как аппаратчик старой школы, Добрынин отлично знал правила игры и никогда их не нарушал. Если уж люди масштаба Салина с Решетникова снизошли до просьбы, расшибись в лепешку, но постарайся быть полезным. Зачтется, не волнуйся. Такие люди услуг не забывают, хотя и воспринимают их как должное.

Вот только в оперативном ремесле ничегошеньки не понимал. Защелкал хвостом по паркету от радости, что без промедления

организовал нужным людям встречу с нужным человеком. Что с непуганого идиота возьмешь!

А Салина такой оборот погрузил в мрачное настроение. Даже футболисты мандражируют играть на чужом поле. А тут не мячик пинать предстояло, а смотреть клиента. Проводить оперативное мероприятие на чужой территории душа не лежала.

И назывался кабак весьма подозрительно — «С полем!». Салин не подал вида, что названьице показалось ему уж больно разгуляистым, новорусским. Промолчал и, оказалось, правильно сделал.

Войдя в зал, немного опешил. Ожидал увидеть барские охотничьи интерьеры «а-ля рюс», стилизацию под шалман в рыцарском замке, на худой конец некую копию таежной заимки. Чего сейчас не учудят на шальные деньги. А оказалось, кто-то скопировал внутреннюю обстановку домика в Завидовском охотхозяйстве ЦК. Причем, в деталях. На новомодный взгляд, привыкший к пастельным тонам и изысканной роскоши, цэковский дизайн казался примитивным и провинциальным.

И еще одно удивило. Спускались в подвал, уходя от промозглого московского дня, а оказались в зальчике, окнами выходящем на

залитое луной редколесье. Трюк с ложными рамами и подсвеченными картинками за толстым стеклом был выполнен столь искусно, что создавалась полная иллюзия, что за стенами мерзнет от зимнего ветра Подмосковье.

Добрынин добродушно расхохотался, увидя замешательство Салина.

— Да Завидово это, Завидово! Образца семидесятых годов. Я первый раз тоже глаза вытаращил. Время-то какое было, одно удовольствие вспомнить. Великая эпоха!

Добрынин в ту самую «Великую эпоху» уже служил в отделе

административных органов ЦК КПСС. Значит, было что вспомнить и о чем пожалеть.

Нынешняя синекура в ЛДПР ни по статусу, ни по престижности, безусловно, не шла ни в какое сравнение со скромной цэковской должностью. Деньги, правда, другие. Тогда о таких и подумать было страшно. Но эти, шальные, невесты откуда берущиеся и уходящие сквозь пальцы, лишь будоражили нездоровой щекоткой нутро, как наркотик. И как та же дурь опустошали и выстужали душу. Неспокойно делалось на душе от этих тугих пачек и растущих ноликов на банковском счете. То ли дело

тогда, в «Великую эпоху»!
Партмаксимум плюс цэковский паек
и соответствующий рангу дом
отдыха, а чувствуешь себя
небожителем.

— А твой Глеб — психолог, —
обронил Салин.

Решетников хмыкнул,
понимающе подмигнул.

— А что, дружище, стол у вас
всего один? — обратился он к
метрдотелю.

— Да, — с профессиональным
достоинством кивнул метрдотель. —
Но он так устроен, что раздвигается
по мере необходимости.
Минимально — на четыре персоны.
В полную длину — на двадцать.

— Да ну, в прошлый раз двадцать шесть набилось, и еще место осталось, — вальяжно махнул рукой Добрынин. — Это же охотничья изба, так? А после охоты все садятся за один стол. По ранжиру и старшинству, но — рядком.

— Само собой... Рассейский вариант Круглого стола^[29]. Демократический централизм называется, — хохотнул Решетников. — А другое помещение имеется? — спросил он у метра.

— Да. — Он указал на нишу. — Там курительная. Бар и бильярд.

— Сердцем чую, и банька где-то поблизости. — Глаза Решетникова игриво блеснули.

Мэтр ответил приплюснутой улыбкой.

Владислав, повинуюсь брошенному ему украдкой взгляду Решетникова, вышел у них из-за спин и прошел в темную нишу. Там сразу же вспыхнул неяркий свет и ожил музыкальный центр. Послышалось мелодичное треньканье бокала, тихий голос бармена что-то спросил. Владислав коротко ответил. Музыка оборвалась.

Расселись за столом. Салин с Решетниковым, не сговариваясь, по привычке, заняли места напротив друг друга. Добрынин оказался сбоку. В перекрестье их взглядов предстояло сидеть и клиенту.

Салин протер очки, вновь вернул на нос. Стал рассматривать фотографии на стенах.

Хрущев с Фиделем у убитого медведя. Хрущевское политбюро в полном составе у убитого Никитой Сергеевичем лося. Политбюро без Хрущева у накрытого на поляне стола. Молодой генеральный секретарь Брежнев с тульской двустволкой. Брежнев, уже заматеревший, выцеливает косулю в оптический прицел. Политбюро на поляне, Брежнев произносит тост, все внимают, один Подгорный косит куда-то в сторону. Пожилой Брежнев в шапке-ушанке. Один. Устало присел на тушу кабана. Все фотографии

старые, архивные, увеличенные до плакатных размеров. Из новых, кодаковских, лишь один снимок: плешивая голова Коржакова торчит из пожухлого камыша. Щурит глазки. Ждет пролета уток.

«Этот уже отстрелялся, — флегматично отметил Салин. — Гусь заклевал».

— Может, друзья, пока по апперитивчику? — подал голос Добрынин. — Заодно и освоитесь.

Салин с сомнением посмотрел на Решетникова.

— Раритет. — Решетников загнул угол хрустящей скатерти, показал тусклую печатку ХОЗУ ЦК. — И сервизик оттуда же, сердце

подсказывает. А на стульчиках, должно быть, бляшки хозушные сохранились.

— Да все здесь старое! Сам не знаю, где добыли. Но идея не плоха, согласись. — Добрынин нетерпеливо потер ладони. — Так как мое предложение, проходит? Как говаривал первый и последний — «главное нАчать и углУбить». — Он в точности спародировал Горбачева.

— Если твой парень, Иван Алексеевич, не имеет привычки опаздывать, то лучше обождать, — с сомнением в голосе начал Решетников. — С другой стороны...

— Я уже здесь! — раздался от дверей бодрый голос.

— О, молодец, Глеб! —
радостно встрепенулся Добрынин. —
Минута в минуту.

Салин поправил очки, чуть
съехавшие с переносицы, и надежно
закрыв глаза дымчатыми стеклами.

Фотографии и оперативная
видеосъемка не наврали, Глеб Лобов
действительно обладал броской,
странно притягательной
внешностью.

Выглядел он скорее как
состоятельный и состоявшийся
представитель богемы, чем молодой
карьерист, напичканный
комплексами, амбициями и
саентологией.

Черный, хорошего кроя костюм

Глеб носил с элегантною небрежностью. Сильные волосы, не поддающиеся расческе, сами собой спеклись в черные прядки, похожие на смелые мазки масляной краской. Аккуратная мефистофелевская кляксочка на подбородке, чуть темнее, чем самая черная прядь на голове, зрительно уравнивала вытянутое лицо и широкий лоб. Плотные, чуть припухшие губы, разойдясь в улыбке, обнажили хищный строй крепких, длинных зубов.

Кроме одежды, Салин не увидел ничего, что помогло бы отнести Глеба к истерично-склочному миру «творческих личностей». На них, с

дурными глазами, бесформенными улыбками на сальных от самовлюбленности лицах, Салин до изжоги насмотрелся на телеэкране и в глянцевах журналах. Решетников по-пролетарски называл всех отечественных звезд, звездочек, звездунов и гениев с короткой биографией сложносоставным словом, рифмующимся с «обормоты». Безусловно, в перевернутом мирке, кочующем с презентации на презентацию, Глеб не был чужим. Но только полный слепец не смог бы увидеть, что мир этот ему совершенно чужд.

Фотографии не смогли передать той особенной ауры, что окружала

широкоплечую поджарую фигуру Глеба. С его появлением в зале возникло странное наэлектризованное поле. Это было не обаяние, не шарм, ни буртальность, ни секс-эпил и прочая галиматья из глянцевої макулатуры для дур. Лобов не выставлал себя напоказ, он просто и естественно приковывал к себе внимание, как магнит притягивает к себе металл. Что-то было в нем такое, что заставляло постоянно держать его в поле зрения.

— Уж извините. Это мы по стариковской привычке на пятнадцать минут раньше заявили. — Решетников отодвинул

стул. Привстал, протягивая руку Лобову. — Павел Степанович.

Салин в свою очередь тоже представился и пожал сухую, тонкокоственную и очень крепкую кисть Лобова.

Добрынин представил их как старых друзей, еще с коммунистических времен, и деловых партнеров в либерально-демократическом сегодня. Глеб Лобов без пафоса и рисовки назвал свое место работы: «Владелец пиар-агентства».

Расселись по местам и стали вежливыми, прощупывающими взглядами изучать друг друга. Добрынин если и участвовал в

переглядках, то только из личного интереса. Ему важнее всего было узнать, пришелся ли по вкусу Глеб столь значимым людям.

Салина и Решетникова, как всегда, интересовало дело. Они присматривались, принимались, настраивались, как пара старых матерых львов перед началом охоты.

Мэтр раздал всем папки в дорогом кожаном переплете. Замер в торжественном ожидании.

Глеб с вежливой улыбкой сообщил:

— Должен признаться, себе заказ я уже сделал.

— Все уже готово, Глеб Павлович. — Мэтр отвесил поклон,

полный достоинства вышколенного слуги. — Если кто-либо из гостей желает дичь, могу порекомендовать фазанчика. Из Оренбуржья, но свеженький. Самолетом доставлен.

— Попробую я фазана, что самолетом летает, — с добродушным смешком сказал Решетников.

— А мне всяких хрустиков, из того, что летает. Ну там вальдшнепчиков, перепелов... И для полноты картины, из того, что бегают, вот его. — Добрынин поцарапал ногтем столбик в меню. — Гарнирчик на твое усмотрение.

— Заяц, фаршированный грибочками. Сделаем, — кивнул мэтр.

Салин выбрал седло горного барана в пряном соусе. В меню блюдо фигурировало под названием «Кавказский трофей».

Мэтр, приняв заказ, вышел из зала поступью королевского мажордома.

Глеб, вопреки ожиданию, инициативы к началу беседы не проявил. Ждал, со спокойной, вежливой улыбкой на лице ждал, кто же из гостей начнет первым.

Салин к своему неудовольствию осознал, что этот орешек с первого наскока не расколоть. Решил взять тайм-аут и дал сигнал Решетникову переключить внимание Лобова на себя.

Решетников сразу же нашел тему для обсуждения — интерьер периода Великой эпохи. Добрынин с радостью подхватил. Глеб легко включился в разговор.

А Салин стал пристально наблюдать за Лобовым, пряча глаза за дымчатыми стеклами очков. Потому мероприятие на их языке и называлось «смотринами», что за пару часов общения требовалось высмотреть и вывести все, что прячет в себе человек.

Только дурак ест три пуда соли на двоих, чтобы с последней пригоршней узнать, с кем же делиться пришлось. Умный сразу отмеряет нужную меру доверия, чуть

ошибаясь, как опытный продавец, в свою сторону. Потом, узнав лучше, можно и добавить. Подобного рода экономия не есть жадность, а разумная осторожность.

Салин ошибался в людях крайне редко. Сказывался опыт человека, лишённого права на ошибку. И Решетников идеализмом не страдал. Тем тревожнее для Салина стала повышенная добродушность верного соратника. Решетников, балагурия с клиентом, явно переигрывал. Для чужого глаза, возможно, и незаметно, но для Салина это было тревожным сигналом.

Тревога. Именно так, прислушавшись к себе, Салин

определил первое впечатление. И чем дольше он всматривался, чем глубже проникал в Глеба Лобова, тем тревожнее становилось внутри. Вольно или невольно Глеб внушал окружающим чувство тревоги. Именно этот холодок внутри и требовал постоянно держать его в поле видения.

Когда-то Салин и сам был молодым. Но молодость пришлась на суровые годы, когда за ошибку приходилось расплачиваться головой. Ладно бы только своей, бестолковой. Но летели и головы близких, неповинных. Повзрослеть пришлось ударными темпами, иначе не выжил бы. С тех пор Салин считал

молодость крупным недостатком и помехой в серьезных делах. Как образно обрисовал проблему Решетников, «зелен виноград: ни голове пользы, ни заднице — покоя».

Контактируя по долгу службы с молодыми людьми, Салин отметил, что все их раздражающие признаки можно свести к трем: угодничество, напускная солидность и беспочвенное самомнение. У всех карьерных молодцов они присутствовали в разных степенях и в различных сочетаниях, но как минимум один обнаруживался непременно. Не спрятать, как ни старайся. Как возрастные угри.

У Глеба Салин не обнаружил ни

одного признака. Не то что следов, даже намека.

«Контактен, открыт, абсолютно раскрепощен. Хваткий, волевой, безусловно умен. Сдержан, умеет себя контролировать, реакцию демонстрирует отменную. Держит улыбку, но глаза внимательные. Не шарящие, не бегающие, а именно внимательные. Незаурядный тип, но в то же время — ничего из ряда вон выходящего. Откуда же эта тревога?» — спросил себя Салин.

Добрынин тем временем настоял-таки на аперитиве и приказал вернуть метрдотеля. Себе заказал «Блэк лейбл» со льдом.

— А мы люди попроще, нам

водочки, — в свой черед вступил Решетников. — Леда, само собой, ни к чему. А вот селедочки принеси. Заодно сразу же оценим класс вашего шеф-повара.

— Не беспокойтесь, ни единой косточки в селедочке. Все на высшем уровне. Как тогда. — Мэтр указал взглядом на мемориальные фото на стене. — Даже картошечку закупаем по традиции бронницкую.

Возраста он был запенсионного, выправка и отточенные манеры выдавали работника цэковского общепита с солидным стажем.

— Ну-ну. — Решетников пошевелил бровями. — Проверим.

— Вам, Виктор Николаевич? —

обратился Глеб к Салину.

— Ваша очередь, Глеб.

— Уступаю.

Салин чуть растянул губы в улыбке.

— Апперитивов не люблю.

Предпочитаю до еды пить тоже, что и во время. — Он просмотрел карту вин. — Пожалуй, «Шато де Брийон».

Глеб сразу же обратился к мэтру:

— Как всегда, «Черное пуркарское».

Добрынин хрюкнул.

— Глебушка, что за провинциальный сепаратизм! Пей «Киндзмараули», как Сталин. И державно, и интернационально. —

Он первым засмеялся собственной шутке.

Глеб тоже тихо хохотнул, но потом, не меняя выражения лица, ввернул:

— Я бы с радостью, Иван Алексеевич. Но все дело в том, что Сталин никогда не пил «Киндзмараули».

— Ну, «Хванчкару» какую-нибудь, — отмахнулся Добрынин.

— И «Хванчкару» он не пил. Хрущеву на голову лил, случалось. А сам не употреблял.

— Погоди, а что же он тогда пил? — удивился Добрынин.

— Самое обычное домашнее вино. Служба тайно закупала

домашнее вино у совершенно обычных колхозников в Кахетии. Братья Немцецверидзе их звали, если не изменяет память. Естественно, братья не ведали, кому идет их вино. Везли через всю страну спецкурьерами, в винохранилище спецсовхоза «Заречье» его разливали по бутылкам, а в Москве для конспирации наклеивали заводскую этикетку. Так что легенды про «Хванчкару», как и всякие другие легенды, есть смесь незнания с почитанием.

Добрынин покачал головой. Официант как раз поставил перед ним стакан с виски. Добрынин пригубил и еще раз задумчиво

покачал головой.

— М-да, не знал. Выходит, Отец родной и в этом вопросе всех поимел!

Салин украдкой послал Решетникову вопросительный взгляд. Напарник, в чьей голове хранилась уйма всякой совсекретной всячины, незаметно утвердительно кивнул.

«Для молодого человека весьма осведомлен. И весьма тонко дал это понять. Изящно подставился под зондаж, — отметил Салин. — Знать бы, научил кто или самородок?»

Официанты споро и сноровисто расставили на столе закуски. В разговоре сама собой образовалась пауза, и Салин с Решетниковым

воспользовались ею, чтобы незаметно обменяться серией выразительных взглядов. Они давно научились общаться без слов. Семафорили друг другу глазами, как сторожевики в ночи, засекшие чужую подлодку. Общий смысл переговоров сводился к одному слову: «Тревога».

Салин чуть тронул вилку, сдвинул ее под углом к себе, дав знак напарнику, что решил начать активный зондаж клиента. Напарнику в этом случае полагалось наблюдать и время от времени переключать внимание на себя. Раздирать клиента.

— Вы коллекционируете подобные факты? — обратился он к

Глебу, умело играя удивление. — Несколько неожиданный интерес для современного молодого человека.

— Это профессиональный интерес. — Глеб пригубил капельку вина, налитую в бокал официантом. Посмаковал и удовлетворенно кивнул. — Если профессионально занимаешься политикой, приходится знать, кто, что и как пьет. Особенно в такой пьющей стране, как наша.

— Ага, алкоголь — бензин российского прогресса, — тихо вставил Решетников, баюкавший в ладони рюмку водки.

Сказав, выпил, тягуче опрокинув в себя содержимое. Водка ушла из рюмки в желудок непрерывной

огненной струйкой, как плавка из мартена. Задержав дыхание, покопался в тарелке, облюбовал кусочек селедки, подцепил, еще раз придирчиво осмотрел и отправил в рот. Прожевал и лишь после этого выдохнул, обведя всех заискрившимися от удовольствия глазками.

Глеб вежливо дождался конца показательного выступления ветерана КПК партии.

— Безусловно — водка наше все! — кивнул он. — Еще добавлю, основа бюджета и источник работы для врачей и милиции. И к политике имеет самое непосредственное отношение. Как утверждает

Коржаков, у Ельцина в Беловежской пуще начинался форменный запой. Уже глаза стекленели и кадык дергался. Ему документы о развале Союза на подпись подготовили, а он уже ни о чем, как о водке, думать не мог. Ровно полчаса до вхождения в штопор оставалось, едва уложились. Сунули бумажки, получили визу, стакан в руку — и ура независимости! А если бы не успели? Подумать страшно, что бы со страной стало. И куда бы спьяну свернула российская история.

Салину не потребовалось подтверждения Решетникова. Эту позорную подоплеку Беловежской революции он знал, знал еще до

книги Коржакова^[30].

— А как вы относитесь к Ельцину? — нейтральным тоном поинтересовался Салин.

— Для меня Ельцин — это диагноз, — брезгливо поморщившись, ответил Глеб. — Маниакально-паранойяльная циклотимия, осложненная алкоголизмом.

— Это вы о действующем президенте? — с тонкой иронией спросил Салин. — Не чересчур смело?

«По неписанным правилам Первого, как бы должность ни называлась, убийственной критике подвергать нельзя. Это — табу и

смертельный риск. Либо ты не знаешь азов аппаратных игр... Или плевать на них хотел». — Салин очень хотел получить ясный и недвусмысленный ответ.

— Действующем? — после недолгой паузы с ударением переспросил Глеб.

Иронии, густо замешанной на желчи, было столько, что Добрынин хрюкнул. Апперитив явно лег на заранее выпитое, и по мясистому лицу Добрынина разлилось закатного цвета свечение.

— Ельцин так активно работает с документами, что скоро затмит славного императора Ваньли, — добавил Глеб.

Теперь тихо крикнул,
поперхнувшись, Решетников.

— Из династии Мин^[31], —
пояснил Решетников для менее
осведомленных. — Взошел на
престол, если не изменяет память, в
тысяча пятьсот семьдесят третьем
году. За сорок лет правления
умудрился ни разу не принять ни
одного чиновника. Надо думать,
работал с документами.

Салин уже давно не удивлялся
эрудиции напарника. Правда,
довольно избирательной:
Решетников обладал
энциклопедическими познаниями по
истории и принципам
функционирования бюрократической

машины всех времен и народов, от эпохи неолита до наших дней.

— Ох, мужики, давайте не будем о грустном! — вклинился Добрынин. — Может, пора по горячему?

— Успеется, Алексеевич! — Решетников уже создал в своей тарелке ассорти из всех закусок, выставленных на стол. И как раз прицеливался вилкой. — Горячее без холодненького, как пиво безалкогольное. Ни смысла, ни вкуса. Так, тяжесть в желудке одна. А холодное без водочки — сплошной вред!

Официантов отослали, чтобы не мельтешили в глазах. Решетников сам

налил себе из запотевшего лафитничка. Обвел всех лучистым взглядом.

— Ну, стало быть, с полем! — торжественно произнес он.

Тихо тренькнули сдвинутые бокалы.

Салин был уверен, что лишь он один понял смысл охотничьего тоста. Решетников умел балагурить часами, но мог одной фразой сказать главное, причем так, что непосвященный не поймет.

Что такое охота в особенно-национальном, русском смысле слова? Забава для взрослых детей, пикник с ружьями в обнимку, пьяная прогулка по лесу и обязательная

пальба по пустым бутылкам. Но ровно до тех пор, пока не столкнешься нос к носу с матерым зверем. За секунду вылетит хмель, и все станет всерьез.

«Согласен, играем без дураков», — мысленно ответил напарнику Салин. Решетников чуть заметно кивнул.

— Бог с ним, с Китаем. В России пока живем. — Решетников промокнул губы салфеткой. — А из наших кто вам симпатичен?

— Жириновский, — прожевав, ответил Глеб.

— Мой Вольфович? — искренне удивился Добрынин.

— А что? — Глеб пожал

плечами. — Безусловно, талантливый политик. Он верит буквально в каждое свое слово, какой бы бред не нес. Пока говорит, верит. Хитрость вся в том, что это не бред, а тайные мысли других или содержание секретных докладов. Иными словами — тонкая провокация. Вообще-то говоря, без Вольфовича в России не было бы демократии. Конечно, не в смысле — власти народа, таковой в ближайшие лет сто не предвидится. Не было бы того политического варьете, под который Запад давал и дает деньги. Посмотрите на Охотный ряд и Белый дом. Душераздирающая серость. Один Вольфович — радужный. И

вкалывает за всех. Он и ура-патриот, он и националист, он и ультра-радикал, он и реваншист, и при этом — либерал и демократ в тельмановской кепке. Человек-оркестр! А какой матерый человечище? Соком в рожи плещет, журналюг материт, в «Плэйбое» интервью печатает, с голыми девками канкан пляшет, думских баб за волосья тягает... Но, однако, пятьдесят томов собственных сочинений накропал. Все успевает! Широкая русская натура. Даром что папа — «юрист».

— Жить бы ему в двадцатые годы. Карьеру бы сделал, как Троцкий, — вставил Решетников. —

Но и кончил бы скорее всего так же.
[\[32\]](#)

Салин не успел досчитать до трех, как Глеб ответил:

— Аналогия вселяет оптимизм, Павел Степанович. Из нее следует, что за жизнь вождя либералов можно не беспокоиться. И вы без работы не останетесь. — Глеб отвесил вежливый поклон Добрынину. — В случае Сталина с Троцким талантливый государственный деятель ликвидировал гениального политика. Все по законам жанра, двум подобным антиподам рядом не жить. А кто у нас талантливый государственный деятель? Лучшего Военного министра всех времен и

народов я знаю. С рыжим гениальным Топ-менеджером лично знаком. Доводилось встречаться и с самым надежным Железнодорожником. О, был еще такой лучший Главный участковый страны! Но его перебросили на разведку. Работа секретная, не до пиара. Слышал только, что возглавил в СВР управление по внешним связям. Ельцин, наверняка, назвал это «сильной рокировкой». А я лучше промолчу.

— Вы критикуете все подряд или только наше, российское? — спросил Салин.

— Говорить, как и писать, нужно только о том, что знаешь. —

Глеб коснулся пальцем кончика носа. — Здесь каждый запах для меня родной. А что мне Запад? Он даже пахнет иначе.

— Мне тоже наше дерьмецо роднее кажется, — подбросил Решетников.

— У нас скудная почва. Где не суглинок, там вечная мерзлота. Может, потому и навоза требуется втрое больше, чем во Франции, — ответил Глеб.

Решетников одобрительно кивнул.

— Ты, Глебушка, пиарщик. Артист от политики. Вот и рассуждаешь, как вольный художник. — Добрынин прихлебнул

из стакана. — А мы — практики. Улавливаешь разницу?

— Политпиар, имиджмейкер — это все слова, чужие яркие фантики. — Глеб небрежно отмахнулся. — Я скромный российский производитель, Иван Алексеевич. Работаю на отечественном сырье и исключительно для внутреннего рынка. Кому мой товар за рубежом нужен? Где я возьму сырье получше? Отсюда и проблемы. Очень трудно продать дохлую синюшную курицу, да еще мутанта о двух головах, по цене имперского орла. Приходится самим приплачивать. Сколько переплатили за Ельцина на

последних выборах, надеюсь, в курсе.

— Тебя послушать, так тебе к Вольскому надо. В Союз предпринимателей, ха-ха-ха! — Добрынин зашелся в хохоте.

— Это Союз взаимопомощи утопающих, — ответил Глеб.

Решетников на секунду перестал жевать, покачал головой. Салин изобразил на лице вежливую улыбку.

— А что для вас политика? — вдруг спросил Решетников.

— Способ извлечения личной выгоды из общественного интереса, — с ходу ответил Глеб.

Салин невольно прищурился, благо дело, за темными стеклами

этого никто увидеть не мог. Он мог поклясться, что ни йоты рисовки ни в словах, ни в мимике Глеба не было.

«Если не ошибаюсь, юноша тоже решил играть всерьез. Что ж, посмотрим, посмотрим», — подумал Салин.

— Оригинальная мысль, — обронил Решетников. Свел кустистые седые брови к переносице, сосредоточенно разглядывая кусочек бастурмы, насаженной на вилку. — Сами додумались или в первоисточниках откопали?

— Сам. Разве кто-нибудь из присутствующих думает иначе?

Ответа Глеб не дождался.

— Увы, я не оригинален,

Валентин Степанович. В чем полностью отдаю себе отчет, — непринужденно продолжил Глеб. — Если хотите знать, бизнес в политике я начал, продав партию.

— Нашу партию? — с сомнением спросил Добрынин. И чтобы ни у кого не возникло мысли, что он имеет в виду ЛДПР, уточнил: — Глешка, ты же тогда комсомольцем голожопым был.

— Нет, родную КПСС я, естественно, не продавал. По молодости лет поучаствовать не довелось. — Глеб сделал маленький глоток из бокала, от чего его губы стали еще темнее. — В то время я гонял китайское барахло и

компьютеры через Центр научно-технического творчества молодежи при Сельхозакадемии. А вот к девяностому году созрел. Пошла чередой выборов, я решил поучаствовать. Зарегистрировал в провинции партию, набрал пять тысяч членов. Штаб при ЖЭКе открыли. Пару раз помитинговали для проформы, газетку свою издали, листовками подъезды загадили... Все удовольствие стоило около двух тысяч долларов. Через три месяца я продал ее одному товарищу, у него как раз возникла острая нужда в депутатской неприкосновенности. С пятью тысячами организованных голосующих он прошел в местную

думку на «ура».

Салин снял очки, привычным движением пополировал стекла.

— Если не секрет, за сколько? — поинтересовался он.

— Дело старое, можно и ответить. — Глеб безмятежно улыбнулся. — Пятьдесят тысяч условных единиц. Думаете, дорого? А клиент рыдал от счастья. Откупиться от прокуратуры обошлось бы в три раза дороже. Да еще в бега пришлось бы подаваться. А так — весь в белом и с депутатским значком. На его «черный нал» я купил компьютеры и вполне легально решил проблему компьютеризации одного союзного

Госкомитета. Жаль, что его прикрыли, когда Союз рухнул. Компьютеры жаль, если точнее. Все по домам растащили.

— А дальше? — Решетников решил держать темп.

— Дальше, Павел Степанович, было движение «Народовластие и правопорядок», — повернувшись к нему, ответил Глеб. — Заблокировал их с «Экологической инициативой Урала» и продал оптом «демороссам». Бывшие менты и старики-сталинисты в союзе с неприкаянными ИТР и патлатыми неформалами — смесь почище «коктейля Молотова»^[33]. Прохождение в любой выборный

орган гарантировано. За пятьдесят сотен «душ» расплатились натурой. Гайдар с Авеным тогда еще имели право подписи, и названную мной фирму включили в список специмпортеров продовольствия. Фирму я сразу же продал ингушскому бизнесмену. Чистая прибыль от «мертвых душ» — триста процентов.

— Занятная у вас биография. Хоть роман пиши. — Решетников ради разговора даже отказался от еды. Пустая вилка подрагивала в пальцах. — С радикалами работать доводилось? С Ампиловым, например.

Салин про себя отметил, что напарник вполне искренне играет

интерес.

Им все уже было известно из досье. Не в безвоздушном пространстве живем, звук, то есть шепоток, прекрасно передается. Да и другие носители информации не перевелись. Главное, знать, у кого спросить и в каком месте документик лежит. Но интересен не только факт, но и его интерпретация автором.

— Ампилов — массовик-затейник с баяном, а не политик. — Глеб снисходительно усмехнулся. — С ним работать я бы не стал даже по принуждению. А вот с ЛДПР уважаемого Ивана Алексеевича сотрудничал с удовольствием.

Добрынин оказался в центре общего внимания и сразу оживился.

— Ага, было дело! Хе-хе-хе. — Он невнятно хохотнул. — Глешка предложил привлечь маргиналов. Открыл при штаб-квартире магазин рокеровского барахла. Ну там куртки-косухи, тряпки с черепами, даже кожаные лифчики для девок. Все со скидкой для членов партии. Да, с его подачи еще подкинули денег на их рок-клуб. Вольфович там пару раз водкой нахлестался. С народом, так сказать, пообщался. Угар там, доложу я вам...

— И на сколько вырос прием в партию молодежи? — Глеб точным вопросом не дал Добрынину

соскользнуть с темы.

— На двадцать три процента, если брать Москву. — Память даже у подвыпившего Добрынина работала профессионально четко.

— Притом, что вы единственная партия, где есть значительная молодежная прослойка, — добавил Глеб. — Способная не только листовки раздавать, но и морду набить. Когда вымрут ампиловские маргинальные бабки, голосовать за него будет некому. А внук-маргинал покупает у вас кожаный прикид со скидкой и голосует за ЛДПР. И завтра голосовать будет. И послезавтра! Потому что маргинал по натуре и в кожаном прикиде

намерен ходить всю жизнь.

— А с баркашовцами контактировать не доводилось? — нейтральным тоном задал вопрос Решетников. — Или с Лимоновым?

Глеб ответил, как и до этого, без паузы на размышление.

— По ним работает офицер ФСБ, которого я знаю в лицо. Зачем отнимать хлеб у подневольного человека? К тому же эту шушеру могут в одну ночь арестовать по партийным спискам. Составленным и хранящимся на Лубянке. Такого рискованного вложения денег я не могу себе позволить.

Решетников хмыкнул. Откинулся на спинку стула, всем видом показав,

что вышел из игры.

Салин пожевал губами.

— Думаю, вы не без основания считаете себя профессиональным политиком, — заключил он.

— Позвольте уточнить, Виктор Николаевич, — бизнесменом от политики. Я не делаю политики, я делаю на ней деньги. Я не торгую идеями, я инвестирую в политические проекты. Вот пример. — Глеб обвел рукой зал. — Знакомый выбил это помещение. Собственных идей — ноль. Решил устроить здесь бордель со стриптизом. Банально, но прибыльно. Как платный туалет, не к столу будет сказано. Я же предложил

сделать ставку на иной контингент. Доказать на словах, как понимаете, подобным типам ничего невозможно. На спор, на спор, Виктор Николаевич, и за свои деньги я отремонтировал кабак, оплатил работу дизайнера, через УПДК МИДа нашел поваров старой школы. И даже — вот! — Глеб загнул тот же угол скатерти, что уже демонстрировал Решетников. Показал выцветший прямоугольник печати. — С великими трудами добыл скатерти и все к ним прилагающееся. Мебель, само собой, завидовская. И даже рамы снял. В Завидово как раз еврокапремонт затеяли. Все обошлось в копейки, а

результат вы видите своими глазами.

— И все для того, чтобы что-то доказать какому-то узколобому с тугим кошельком? — мягко поддел его Салин.

— Нет, доказывал я сам себе, — ответил Глеб. — Что верно угадал существующую в обществе тенденцию. Ностальгируют не только ампиловские бабки, но и сильные мира сего. Что же касается знакомого... Узколобых нужно учить ударами по самому чувствительному месту. В данном случае вы правы, Виктор Николаевич, бить надо по кошельку. Я же сказал, все делалось на спор. За два месяца я, как обещал, отбил вложения. Проигравший

выплатил десятикратную сумму начальных инвестиций.

— Сколько, если не секрет? — Салин огляделся.

— А вот это пока — коммерческая тайна, — с мягкой улыбкой ответил Глеб.

«М-да, безусловно, с Загрядским этот волчонок мог найти общий язык», — отметил Салин.

— А сейчас чем занимаетесь, не секрет?

Салин и не рассчитывал, что Глеб проговорится о контактах с Матоянцем, но чем черт не шутит.

— По инерции работаем над выработкой национальной идеи. Ребят, обозвав киндерсюрпризами, из

Белого дома поперли, а заказ остался. Проплачен. Я своим борзописцам команды отбой не даю сознательно. Во-первых, чтобы не расхолаживать, во-вторых, пусть проект полежит в архиве. Вдруг опять пригодится.

— Надеетесь переплюнуть «Самодержавие, православие, народность»?

Глеб улыбнулся, дав понять, что шутку Салина оценил.

— Это уже неактуально. С первыми двумя составляющими, как понимаете, проблем нет. Кто же не хочет быть царем или, на худой конец, тайным советником? Дворянские привилегии и право

наследования, мундиры с золотым шитьем вместо партикулярных костюмов. Зимой в Баден-Баден, летом — в имении в Тамбовской губернии. Это же шикарно! — Глеб посмотрел на замороженно слушающего Добрынина. — А попы спят и видят не Царствие Божье на земле и возврат церковных земель. До Страшного суда еще далеко, а жить-то как-то надо. Вот и приторговывают беспошлинной водочкой и табаком. Таким образом, у попов и чиновников есть повод слиться в экстазе. Но как быть с «народностью»? Вот проблема! Что-то не верится, что есть желающие стать крепостными. Плохо народ

живет, бедно, но не настолько.

Глеб разрезал еще теплый калач, намазал его маслом, густо покрыл сверху черной икрой. И продолжил:

— По причине низкого уровня жизни нельзя выдвигать гуманитарных лозунгов. Только провозгласи «Гражданин России — это звучит гордо!», сразу же придется регулярно платить зарплату. А на это никто не пойдет. Правда, можно кого-нибудь, некоего Васю Пупкина, назначить главным и объявить, что «Вася Пупкин — наше все!». Просто, а главное — дешево. Расходы не идут ни в какое сравнение с невыплаченными зарплатами и украденными вкладами. Всего-то

надо зарядить прессу и ЦТ петь по сорок раз на дню осанну Васе Пупкину да аналитикам проплатить за мудрые комментарии, мол, лучше уж Вася Пупкин, чем Жириновский, Лебедь, Пиночет или дядя Сэм. Через месяц даже младенец с соской будет молиться на нашего Васю. Но! — Глеб состроил скорбную мину. — Для выборов и на пару лет после них идея сгодится. Но не более. А нам — бизнесу, политикам и народу — нужен свежий лозунг, полностью отражающий день сегодняшний и способный сохранить актуальность лет этак пятьдесят.

Он вонзил крепкие зубы в калач.
— И вам, молодой человек,

удалось получить сей философский камень? — Салин позволил себе чуть больше иронии, чем требовалось. Хотелось узнать, так уж непробиваем этот Глеб, каким хочет казаться.

Глеб прожевал, промокнул губы салфеткой.

— Удалось. Но, увы, не мне лично, — ответил он. — Содержу команду алхимиков от психологии. Гипнотизеры и суггесторы^[34] еще те! Способны Папу Римского развести на введение многоженства. Покумекали мои расстриги и выдали. — Глеб выдержал паузу. — Родина — это судьба!

В зале повисла тишина. Решетников перестал жевать и

заторможенно помотал головой, будто над ухом бабахнул выстрел.

— Родина — это судьба! — чеканя каждое слово, повторил Глеб.

Добрынин никак не мог придать лицу хоть сколько-то осмысленное выражение. Чувствовалось, что он слегка контужен стальной монолитностью фразы.

Салин усилием воли контролировал лицо. Сосредоточил взгляд на пальцах, спокойно лежащих на белой, накрахмаленной до хруста скатерти. Ничего, ничего в облике не должно было выдать нервного перенапряжения, перетянутой тетивой дрожащего внутри.

«А вот это, молодой человек,

уже серьезно», — подумал Салин.

Глеб только что выдал фразу из секретных разработок, выполненных по заказу Матоянца.

«Случайно вырвалось или влепил сознательно?» — Сквозь пепельную завесу очков, скрывающую взгляд, Салин всматривался в лицо Глеба, пытаясь прочесть ответ.

Пауза чересчур затянулась. Салин задал первый пришедший в голову вопрос:

— А что есть Родина для вас?

— Среда обитания, — не моргнув глазом ответил Глеб. — С вашего разрешения...

Он жестом дал команду мэтру,

занимавшему наблюдательный пост в дальнем углу зала. Тут же из ниши вышел строй официантов. Сноровисто и ненавязчиво принялись убирать закуски и сервировать стол к основному блюду.

Салин снял очки, привычным движением стал протирать стекла уголком галстука. Нужды прятать глаза за дымчатыми стеклами уже не было. Что надо, он уже разглядел.

Барственно-вальяжный номенклатурный бонвиван Добрынин, сын спившегося посла и племянник генерала МВД из «команды» Щелокова^[35]. Рабоче-крестьянский красноармеец политического фронта, как сам себя

величал Решетников. Он сам, Салин, интеллигент и либерал в душе и циничный практик в делах. Глеб не мог со временем вырасти ни в кого из них троих. Он был тотально иной. И даже не считал нужным это скрывать. В этой инородности Салин ощущал источник тревоги, исходящей от Глеба.

Вместе с официантами в зал вползли запахи кухни: острого дымка жаренного на вертеле мяса и пряностей.

Глеб хищно потянул носом. Вдруг сузил глаза. Прицелился взглядом в мэтра. Тот и так стоял, будто смычок проглотил. А под взглядом Глеба судорожно вдохнул и

забыл выдохнуть.

— Извините, я на минутку!

Глеб проворно встал из-за стола. Пиджак распахнулся, и Салин с невольной завистью отметил, какой по-волчьи втянутый живот у Глеба.

Глеб что-то шепнул уголком рта, проходя мимо мэтра. Церемониймейстер чревоугодия почему-то сник и на негнущихся ногах поспешил следом.

Салин проводил их взглядом, пока оба не скрылись в нише, ведущей на кухню.

«В этом он весь. Он встанет и уйдет, когда сочтет нужным. А мы останемся. Будем раскладывать свои дурацкие пасьянсы из липких

заигранных карт. Потому что ничего другого нам не осталось», — с непонятно откуда накотившей тоской подумал Салин.

Создатель образов

Глеб не оглядывался, он знал, чувствовал, что мэтр, как привязанный, семенит следом.

Ударом распахнул дверь на кухню. Замер на пороге. Концентрированная смесь кухонных запахов так ударила в нос, что немного закружилась голова.

Дебелая женщина в белом, колдовавшая над тележкой, уставленной накрытыми крышками

судками, охнула и уставилась на Глеба.

— Последние штрихи в натюрморте? — Глеб подошел ближе. — Дайте-ка полюбуюсь.

Он повел носом, принюхиваясь. Снял крышку с центрального судка. Пахнуло жареным мясом и пряными травами.

— Как заказывали, Глеб Павлович, — прошептал на ухо мэтр. — Филе кабанчика на вертеле. Как велели, с кровью. Трофим Ильич расстарался. Травки свои, не беспокойтесь. У черных ничего не покупаем, все исключительно свое.

— Кабанчик откуда? — не обернувшись спросил Глеб.

— Из-под Вязьмы. Договор с местным егерем.

— Замечательно. — Глеб еще раз приняхался к аромату, теплой волной поднимавшемуся от покрытого аппетитной корочкой куска. — Пойдем со мной!

Он быстрым шагом перешел варочный зал, вошел в коридорчик. Здесь было прохладно, запахи улицы заглушали теплые запахи кухни. Глеб понюхал воздух. Из-под второй двери слева тянуло сырым мясом и талым льдом.

Глеб ударом ноги распахнул дверь.

Худой поваренок, скобливший колоду ножом, открыл от удивления

рот.

— Пошел вон! — процедил Глеб. — А ты войди.

Поваренок ужОм выскользнул из разделочного цеха.

За спиной у Глеба раздалось астматическое сопение, но он не стал оглядываться. Взял забытый поваренком большой нож, поигрывая им, прошел наискосок к окну. По пути, как посетитель музея средневековой камеры пыток, равнодушным глазом осмотрел инвентарь и нехитрые механизмы.

Сквозь замазанные белой краской стекла узкого окна в помещение сочился мутный, мертвенный свет. Под высоким

потолком горел единственный
светильник дневного света, его
бессветное свечение, многократно
отраженное от кафельных стен,
превращало воздух в разделочном
цеху в холодную дымку.

Глеб встал у стойки с крючьями.
Потыкал ножом в белесый бок
свиной туши. Болталась она на одной
ноге, вторую отмахнули топором по
самый копчик.

Крюк скользнул по штанге, и
кафельные стены отразили мерзко-
холодный скрип металла о металл.

Кончиком ножа Глеб отковырял
полоску мяса. Пожевал, сплюнул
комок на пол.

— Поганцы. Не сеном, а

паяльной лампой обшмалили.

— Глеб Павлович, что с дикарей возьмешь! — взмолился мэтр. — Вы же знаете, пьянь одна в деревнях осталась. А шеф-повар наш, Трофим Ильич, он расстарался как никогда. И в винце вымочил, и лучком обложил, и травками нужными пересыпал. Запах отбили, не сомневайтесь!

— М-да? — Глеб оглянулся через плечо.

Сипло выдохнул, полоснул ножом по краю туши, отхватив широкую полосу. Шлепнул его на колоду. Пригвоздил ножом.

— А куда хозяин дел Леонида Самойловича? — спросил он у мэтра.

Мэтр сглотнул ком и ответил:

— Уволил.

— А тебя, значит, взял на его место. — Глеб пошевелил ножом ошметок мяса. — Своих, значит, расставляет. Что ж, имеет право. Как зовут, я запомнил?

— Петр Алексеевич, — подсказал мэтр.

— Не Романов, надеюсь?

— Ну что вы, Глеб Павлович. — Мэтр смутился. — Водопьянов моя фамилия.

— Ненавижу Петра Первого!

Глеб рубанул по куску мяса. Звук резкого удара хлестнул по стенам. Мэтр вздрогнул.

— Расскажу я тебе одну

историю, Петр Алексеевич. — Взмах руки, звук ножа, секущего воздух, и глухой удар о колоду.

— Однажды кончилась у меня жратва. Не велика печаль, лес прокормит. Если умеешь охотиться. — Еще один резкий удар.

— Неподалеку дуб стоял. К нему кабаны за желудями приходили. — Новый удар.

— Забрался я на нижнюю ветку и стал ждать. Долго ждал. Даже брюхо свело. — Два удара подряд.

— К полудню приперся кабан с семьей. Хрумчат внизу, набивают утробу, а я жду. — Вновь жесткий прицельный удар.

— Пошевелиться боюсь.

Шуршать нельзя. Дышать нельзя. Даже потеть нельзя. — Три удара подряд.

— Радуга перед глазами от голода и напряжения плясала, а я терпел. И дождался! — Удар.

— Завалились звери отдыхать. Мать с выводком чуть в сторонке. А секач прямо подо мной. Я специально над его лежкой устроился. Все рассчитал. Ну, и повезло немного, как на охоте без этого. — Глеб занес нож для удара. Поднял взгляд на мэтра. — Я не сказал, что оружием у меня был кол?

— Нет, — пролепетал загипнотизированный Петр Алексеевич. Он не мог оторвать

взгляда от черного широкого клинка.

— Очень важная деталь. —

Клинок с чавканьем рассек мясо. Гулко отозвалась колода.

— Завалить кабана колом практически невозможно. Надо бить в бок, под лопатку. А хрен он тебе ее подставит! — Глеб нанес еще один кромсающий удар.

— А мой разлегся в траве. Бок выпирает. Только бей. Но! — Еще один удар.

— Не дай бог промахнуться. Не дай бог смазать удар. Не дай бог кол сломать. И не дай бог секач тебя в воздухе засечет. Примет на клыки — и кишки на траву выхлестнут. — Каждое предложение Глеб

заканчивал ударом. Кусок мяса превратился в бесформенный ком.

Глеб лезвием сгреб клочья мяса в одну кучу, стал короткими ударами рубить в липкий фарш.

— Жрать я хотел жутко. Оттого и получилось. Прыгнул вниз и пробил секача насквозь. Он рванулся, сбросил меня, да и подох сразу же. Я кубарем по траве прокатился, взлетел по стволу наверх, сам не знаю как. Кабаниха визг подняла... Как сбесилась баба! Трава клочьями, земля комьями в разные стороны летела, ужас! Думал, она сдуру дуб повалит. Хорошо, что выводок стреканул с поляны. Материнский инстинкт верх взял. Бросила она

муженька мертвого и за малышкой полосатой поперла, как трактор.

Частая дробь от ударов лезвия по дереву оборвалась. В помещении повисла тяжелая, обволакивающая тишина. Глеб замер, расширенные зрачки не открывались от красной жирной массы, размазанной по колоде.

— Во-от! — выдохнул он. — А кабана того я неделю жрал. Жарил, коптил, в ивовых листьях тушил. Соли не было, золой обходился. Но вкус мяса на всю жизнь запомнил. И знаешь, чем кабан пахнет?

Он посмотрел в бегающие глаза Петра Алексеевича. Они, белесые от страха, замерли.

— Волей, — произнес Глеб. —
Но откуда тебе это знать?

Он шагнул вперед. Нож
вспорхнул из-под руки вверх, и
черное сальное лезвие уткнулось
острием в дряблую складку под
подбородком мэтра.

— Рот открой, — ровным
голосом приказал Глеб.

Нижняя челюсть Петра
Алексеевича сама собой отпала вниз.
Глеб надавил кончиком ножа на ряд
фарфоровых зубов, заставив шире
открыть рот.

Не оглядываясь, Глеб сгреб фарш
с колоды и залепил им рот мэтра.

— А это колхозный хряк.
Некастрированный свин. Мясо

воняет спермой, дерьмом и комбикормом, — процедил он. — Глотай!

Нож переместился на живот мэтра. Петр Алексеевич закатил глаза, лицо сделалось пепельно-бледным. Глубокие борозды у носа и впадины на висках залоснились от липкого пота.

— Глотай!

Глеб сильнее вдавил нож, и Петр Алексеевич с хлюпающим звуком всосал в себя фарш. Сморщась, проглотил. Живот дрогнул от спазма.

Глеб вытер ладонь о форменный пиджак мэтра, развернулся на каблуках, прошел к морозильному шкафу, распахнул дверцу.

— О! Я же чую, что-то съедобное лежит поблизости! Вот куда заныкали, сволочи.

В ответ раздался звук натужной рвоты. Петр Алексеевич, перегнувшись через край ванны, исторгал из себя потоки белесой слизи. В мутном воздухе цеха поползла липкая волна зловония.

Глеб посмотрел на его выгнутую спину, дрожащие колени и пальцы с потемневшими ногтями, вцепившиеся в облупленный край ванны. Нож, все еще зажатый в руке, дрогнул черным лезвием.

Глеб облизнул губы, сплюнул себе под ноги. Широким махом, не целясь, метнул нож через весь цех.

Свиная туша, жирно чавкнув, приняла в себя стальное лезвие. Наружу осталась торчать только рукоять. В щербинах грубой насечки тускло бликовал мертвый свет.

Глеб достал из шкафа судок с мясом и вышел, ногой захлопнув за собой дверь.

В варочном цеху царила тихая паника. Официанты сбились в кучу, перекрякивались, как пингвины на льдине. Дебелая тетка что-то втолковывала шеф-повару, округло поводя руками. А тот стоял, хмурый и сосредоточенный, как хирург перед операцией.

Глеб подошел и протянул повару судок.

— Трофим Ильич, с кабанятиной возникли проблемы. Вот парная лосятина, если не ошибаюсь. В порядке импровизации и очень скоренько изобразите из нее что-нибудь.

— А какие проблемы с кабанчиком? — еще больше нахмурился шеф-повар.

Дебелая повариха с невероятной для ее фигуры скоростью скользнула вбок и исчезла из поля зрения. Остался только табачный запах подмышек и густой, как бульон, запах перегретого у плиты сдобного тела.

— С кабанчиком — никаких. Классно получился. — Глеб успокаивая, коснулся руки повара. —

Но едоки у меня сегодня подкачали. Уж извините, Трофим Ильич. У одного язва, у второго что-то там непроизносимое... Думал потешить вашим фирменным кабаном, да не вышло. Попостнее бы им да на скорую руку. Сможете?

Трофим Ильич распустил морщины на лице.

— Отчего же нет? Мясо знатное. — Посмотрел на бурокрасное мясо в судке. — Хоть сырым ешь.

— Я бы съел. А им каково? — Глеб сверкнул улыбкой. — Постарайтесь, Трофим Ильич. В ваших руках моя деловая репутация.

Трофим Ильич преисполнился

ответственности. Свободной рукой поскреб подбородок.

— Пока вальдшнепов фаршированных распробуете, минут десять пройдет. Разрезать на порционки, в масло кипящее макнуть... Травки сверху. Соку чесночного, а? Или сами с соусами разберетесь?

— Не смею советовать мастеру!

Глеб снял с тележки серебряный судок с отвергнутой кабанятиной, не глядя вытянул руку в сторону. Кто-то из официантов метнулся, и рука тут же опустела.

— Трофим Ильич, только одна просьба — не до хруста. С кровью!

— Само собой, с кровью, —

кивнул шеф-повар.

Глеб щелкнул пальцами, призвав к вниманию официантов. Фельдфебельским глазом осмотрел строй черных смокингов и белых рубашек.

— Начинаем, ребята! —
скомандовал он.

И вышел, ни на кого не глядя.

В нише, у задернутой толстой портьеры, он остановился.

В зале шел неспешный тихий разговор. Обрывки фраз, полные намека на нечто большее, чем было произнесено вслух. Частые паузы, в которых умещался долгий взгляд глаза в глаза. Обертоны и интонации, различные только тонкому

тренированному слуху.

«Нафталиновые души», —
процедил Глеб.

Резко втянул носом воздух.
Верхняя губа выгнулась, сжавшись к
носу, обнажив хищный оскал.

Глава шестнадцатая. Еще раз про пиар...

Старые львы

Решетников сибаритствовал, как медведь, забравшийся в малинник. Добрынин хрустел тонкими косточками вальдшнепов, как кот. И так же блаженно морщил сальную физиономию. Салин ел так, как рекомендуют японские диетологи, «украдкой от самого себя». Кусочек того, ломтик другого, не спеша и не досыта.

Он краем глаза следил за Глебом. Вернее, не мог оторвать от

него взгляда. Глеб поглощал пищу странно. Нельзя сказать, что неаккуратно. Нет, при всем желании упрекнуть его в отсутствии манер было нельзя. Но было что-то хищное в том, как Глеб кусал, пережевывал и заглатывал пищу.

И к тому же он единственный выбрал лосятину с кровью. При каждом нажиме вилки из едва изменившего цвет куска мяса на тарелку выступала мутная сукровица. Глеб макал в нее отрезанный кусочек, точным движением отправлял в рот. Пережевывал, играя желваками на скулах. Насаживал на вилку соломку картошки, макал и ее в кровавый соус, отправлял в рот. И

тут же прицеливался в горошину. Так и ел, размеренно, точными, скупыми движениями орудуя вилкой и ножом.

— Фазанчик — выше всяких похвал. — Решетников положил на край тарелки обсосанную косточку. — А как твоя лосятинка?

— Прекрасно. Лось не был алкоголиком, это точно, — ответил Глеб.

Решетников недоуменно изогнул бровь.

— Анекдот такой есть. — Глеб промокнул салфеткой губы. — Охотник наткнулся в лесу на лося. Тот воду из ручья пил, ни на что внимания не обращая. Ну, охотник долбанул ему между рогов из двух

стволов. Треск на весь лес! А лось пьет. Охотник перезарядил и опять дуплетом — ба-бах! Лось пьет. Охотник опупел от такого и весь патронташ высадил. А лось только ушами прядает, но пьет. Кончились патроны, а охотник уже в раж впал. Схватил ружье за стволы и, как дубиной, стал охаживать лося по башке. Ноль эмоций! Мужик приклад расколол, стволы погнул, а лосяка все пьет и пьет. Плюнул мужик и весь в непонятках пошел домой. — Глеб обвел взглядом слушающих. — А лось через час морду из ручья вынул и простонал: «Все, завязываю пить с бобрами. Трубы горят и башка, как чугунная!»

Салин издал короткий вежливый смешок. Добрынин заржал в голос. Решетников, захихикав, отвалился на спинку стула. Сложил руки на животе, стал покручивать большими пальцами, будто нитки наматывал. Глаза лукаво поблескивали.

Глеб немного выждал и добавил:
— Анекдот старый, хоть и в тему. А посему... — Он положил вилку и нож под небольшим углом, дав знак официанту убрать посуду. — С меня бутылка шампанского. Возражения или иные предложения будут?

— Глешка, ты настоящий гусар. Но на шампанское меня не хватит. — Добрынин сыто вздохнул. —

Предлагаю взять штраф мартелем.

Салин с Решетниковым обменялись взглядами и почти синхронно кивнули. Весь обед за столом перекидывались ничего не значащими фразами. Но приглашали на бизнес-ланч, стало быть, и о деле не мешало бы поговорить. Что касается Салина, так он запретил себе даже гадать, что способен предложить Глеб. Но очень не терпелось услышать. Тогда и выводы можно сделать, хотя бы предварительные.

Со стола в мгновение исчезла использованная посуда. Появилась витая бутылка мартеля, изящные коньячные бокалы и чашечки-

наперстки для кофе.

Официанты, перехватив взгляд Глеба, строем промаршировали в нишу.

Мэтра в зале почему-то не было, и Глебу пришлось взять командование на себя. Впрочем, делал он это незаметно, словно посылал мысленные импульсы официантам. Салину, исподтишка глядевшему на безукоризненное кружение вокруг стола черно-белых фигур, вдруг пришел на память цирковой номер, виденный в давнем детстве. Тогда фореитор, неподвижно стоя в центре манежа, неведомым способом управлял десятком черных и белых лошадок.

Глеб сам разлил коньяк. Покачал бокал в ладони. Принюхался к теплему, солнечному аромату.

— Вы готовы выслушать мое предложение? — Он обвел присутствующих взглядом. — Адресуется оно непосредственно Ивану Алексеевичу. Но мнение его деловых партнеров, вас, Виктор Николаевич, и вас, Павел Степанович, для меня чрезвычайно важно.

Решетников после паузы кивнул, послав плутоватый взгляд Салину.

«Ловко вяжет, сучонок», — прочел в его глазах Салин.

В эту секунду он добрым словом помянул Владислава, тихонько

сидящего в соседнем зальчике с баром и бильярдом. Верный страж, преданный, как пес, как всегда безмолвно жертвовал собой. Наплевав на все бредни о вредности электромагнитного поля, под пиджаком он прятал специально сконструированный жилет. Конструкторы голову на отсечение давали, что его электронная начинка надежно блокирует работу любых «жучков» в радиусе пятидесяти метров.

Глеб покачал жидкость цвета мокрого сена, заставил стекать по краям бокала двумя правильными дугами.

— Сначала краткий обзор

ситуации, — вдруг севшим голосом начал он. — Дефолт — явление не экономическое, какая у нас к черту экономика! Это политическое событие. Момент истины, если хотите. За три дня стало ясно, кто мы, в какой стране живем и куда катимся. Кто ничего не понял, Бог ему судья. Итак, первое. Кто мы? Имею в виду народ, это — безвольный сброд, неспособный даже на голодный бунт. Такой народ способен принять и признать любую, подчеркну, любую власть. Что делает бессмысленной политику в общепринятом смысле слова. Политика в России опять сведется к драке бульдогов под кремлевским

ковром, по меткому определению Черчилля. А народу останется роль массовки в сериале «Демократические выборы».

Мои аналитики провели анализ всех политических и социальных идей, циркулирующих в обществе. Вывод — шизоидный бред. Ни одна из идей не имеет путей практической реализации, и все идеи взаимно исключают друг друга. Отсюда второй вывод: власть и далее будет действовать по Черномырдину. Хотеть как лучше, а что выйдет, то и выйдет.

Глеб обвел взглядом слушающих, ни поддержки, ни возражений не дождался и вновь уткнул его в бокал.

— Дефолт — это конец режима Ельцина, — произнес он. — Пусть земля ему пухом!

Глеб плавным движением поднес бокал к губам и сделал глоток.

Под Добрыниным тихо скрипнул стул.

Глеб отставил бокал. Поднял взгляд на Добрынина. Тот еще раз скрипнул стулом, неловко пошевелившись.

— Агония займет какое-то время. Но это интересно только журналистам и историкам. Я вижу перед собой трезвомыслящих реалистов. Вопрос стоит беспощадно просто: либо сделать ставку на

реальную тенденцию, либо дать себя увлечь очередной химерой, а значит — погубить все наработанное за эти годы.

— Так-так-так, — пробормотал себе под нос Решетников, активно накручивая на большие пальцы невидимую нить.

— Ельцин невольно повторил ошибку ненавистного ему Горбачева, — продолжил Глеб. — Приписав себе победу на выборах, он оказался перед выбором: реально руководить страной или ограничиться представительскими функциями. У Горбачева не хватило ума, чтобы руководить раздрызганной страной, а у

Ельцина — здоровья. Внутреннюю политику оба почему-то понимали как периодическую сшибку конкурирующих группировок. Себе же, любимым, отводили роль разводящих, усмиряющих и карающих. Слава Богу, эта тенденция себя исчерпала. Элита, группировавшаяся вокруг Ельцина, интеллектуального импотента. В ближайшее время ее либо выметут разом, либо будут выдавливать, как пасту из тюбика. Вопрос лишь в длительности процесса. Ближайшие год-два следует ожидать прихода к власти новых людей.

Глеб обратился к Салину:

— Виктор Николаевич, кто вам

больше симпатичен: уголовники или чекисты?

Добрынин нервно хохотнул.

— Ну ты, Глеб, даешь! — встрял он. — Почему так категорично?

— Потому что, как учит реклама, при всем разнообразии выбора, другой альтернативы нет. «Новые русские», «новые воры» и «новые чекисты» — вот три силы, которые будут определять динамику процессов в постельцинской России.

— Заинтриговали. — Салин поощрительно улыбнулся.

Стоило это ему великого труда. Глеб почти слово в слово цитировал аналитическую записку, составленную для Матоянца. Один ее

экземпляр хранился в сейфе Салина.

* * *

*Оперативная
обстановка
Собственность ООО
«Агентство „Pro-PR“»
Охраняется Законами
об авторском праве и
коммерческой тайне
Строго
конфиденциально
Аналитическая
записка (Фрагмент)
...В обществе
обозначились два лагеря*

носителей
«государственной
авторитарной идеи»,
условно называемые нами
«государственниками
снизу» и
«государственниками
сверху».

Обе формы (модели)
общественного устройства,
как и сами их носители,
доказали свою
жизнеспособность в самых
экстремальных условиях,
имеют прочную
социальную базу,
собственную идеологию и
отработанную

методологию власти. В отличие от импортируемой идеи либерализма, обе «государственные» модели являются продуктом исторического творчества этноса, населяющего данную территорию.

«Государственники снизу». Термин вводится исключительно с целью снять негативное восприятие описываемого явления. По сути же, под ним мы имеем в виду криминалитет — всегда существовавшее, а в последнее время бурно

эволюционирующее
уголовное сообщество.
Причем, под
криминалитетом не
следует понимать лишь
«воров в законе» —
явление больше
мифологизированное,
имеющее отношение
скорее к сфере идеологии,
нежели к реальному
положению дел.

«Воровская идея»,
если таковая и
существовала когда-либо в
чистом виде, в
постперестроечной России
полностью лишена смысла.

Основной капитал
сообщества, т. н. «общак»,
ныне формируется не за
счет добровольных взносов
с удачных карманных краж
и налетов, а с операций в
финансовой сфере,
крупномасштабной
системы «крышевания»,
проституции,
наркоторговли и хищений,
получивших
промышленный размах.

Отсюда следует, что
тон в криминальном
сообществе задают
сорокалетние деятели,
прошедшие лагерные

университеты, но в то же время получившие опыт и развившие вкус к жизни по меркам элитарного слоя общества. «Новые воры» фундаментально разнятся с «ворами старой школы». По меткому определению авторитета «новых воров» Япончика, «глупо отстегивать кровью заработанные деньги туберкулезному старикану, все достоинства которого состоят в количестве лет, проведенных за решеткой».

Между тем в мировоззрении «новых

воров» стойко
удерживается стереотип
идеального устройства
общества на принципах
«зоны».

Сверхжестокие
условия существования в
ИТУ выработали
уникальный тип
организации человеческого
сообщества. Все делится на
неравные, жестко
сегрегированные слои
«опущенных», «мужиков» и
«блатных». Существует и
насильственно
претворяется в жизнь
собственный «закон»,

обязательный, как
выражаются, «для всех, кто
на зоне чалится». Лагерная
администрация
вынужденно устанавливает
договорные отношения с
блатными и негласно
разделяет с ними функции
по контролю и
сверхэксплуатации
«мужиков».

Только на первый
взгляд лагерное
мироустройство с
многочисленными
«авторитетами»,
«смотрящими»,
«ближними»,

«положенцами» и тому подобными социальными масками является вывернутой наизнанку моделью общества, существующего по другую сторону колючей проволоки. Более тщательные исследования приводят к поразительному выводу: мир «зоны» является рудиментом первобытнообщинного строя периода его расцвета, чудом сохранившимся в современных условиях.

Разделение на «зоне», как и в общине, идет по

линии «авторитет — сила». Наиболее активные особи, способные на открытое физическое насилие или моральное давление «авторитетом», спланиваются в элитную группу, присваивающую себе право перераспределения благ и продуктов.

Основные производители, «мужики», искусственно удерживаются в положении, когда получаемая ими доля едва способна поддержать цикл

жизни, что автоматически приводит к возобновлению цикла системы. Накопление продуктов как способ получить независимость лишено смысла, потому что накопленное неизбежно будет насильственно изъято «элитой».

Слой социально бесправных формируется за счет наименее способных к жизненной борьбе в предъявляемых условиях. Низвержение в слой бесправных является основной угрозой для

«мужиков» и диссидентов
из числа «блатных»,
гарантированно держащих
их в узде сильнее, чем
законы, исходящие от
лагерной администрации.

При всей
противоестественности
для нормального сознания
модель «государства-зоны»
имеет все основания быть
успешно реализованной. К
ним относятся:

— слабость,
аморфность,
интеллектуальная и
политическая
импотентность

официальных
государственных структур;
— уровень коррупции,
практически приведший к
срастанию
административного
аппарата страны с
теневыми органами
управления криминального
сообщества;

— созданный в России
тип экономики,
основанной на «теневом»
обороте основной массы
капитала, что делает
неизбежным участие в
финансово-экономической
и хозяйственной

деятельности
криминального
сообщества;

— капитал
преступного сообщества,
сопоставимый с бюджетом
государства;

— опыт разрешения
конфликтных ситуаций во
всех сферах жизни,
фактическое присвоение
криминальным
сообществом функций
государственного
правосудия;

— высокая степень
криминогенности
общественной жизни;

каждая третья семья имеет опыт общения с условиями «зоны» через отбывавших срок родственников, и это не в условиях сталинских репрессий, а в повседневной правоприменительной практике государства;

— внедрение специфического криминального фольклора и «понятий» в массовое сознание, создание положительного образа криминалитета.

В сложившихся условиях кризиса режима

Ельцина криминальное сообщество, осознавая свой возросший потенциал, переросший все границы маргинальности, безусловно предпримет попытку захвата позиций в легальной сфере управления страной через участие в предстоящих выборах.

«Государственники сверху». К ним мы относим многочисленную и разношерстную массу сотрудников различных «силовых ведомств» и спецотделов коммерческих

структур. Наиболее
дееспособная и
амбициозная часть
представлена
сорокалетними «новыми
чекистами», названными
нами так по аналогии с
«новыми русскими» и
«новыми ворами».

К настоящему времени
«новые чекисты» получили
опыт руководящей работы в
условиях рынка на
различных должностях в
самых различных сферах,
что привело к накоплению
значительного личного и
корпоративного капитала.

Личные и корпоративные связи по линии КГБ, ставшие для многих стартовой площадкой в бизнесе, лишь укрепились и еще больше спаялись круговой порукой в ходе коммерческой деятельности.

В повседневной практике «новыми чекистами» широко используется весь арсенал методов спецслужб: от «выкручивания рук» с использованием компромата до «акций устрашения» —

бандитского налета в исполнении спецназа. Не останавливаются они и перед «спецмероприятиями» — выборочной ликвидацией ключевых фигур с использованием всего арсенала средств «тайной войны».

Но как бы ни были они адаптированы к современным деидеологизированным и криминализированным условиям, в глубине сознания «новых чекистов» прочно удерживаются

стереотипы, заложенные в Высшей школе КГБ. Лишь «государственные», надличностные интересы для них являются оправданием любых действий, в том числе — противоправных.

Модель государства, носителями которой они являются, можно сравнить с «зоной», если смотреть на нее с вышки охранника или режимного завода, если смотреть на него из окон «первого кабинета».

В такой системе действует официальный

закон или служебная инструкция, обязательные для исполнения всеми без исключения.

Неформальные нормы права, существующие внизу, признаются лишь ради облегчения и оптимизации управления подведомственным контингентом. С ними мирятся, но не считаются. Для «новых чекистов» любой, не входящий в узкий корпоративный круг, — лишь объект разработки. Никакого «разделения властей»,

конкуренции они не
потерпят.

«Новые чекисты»
ныне достигли второго
эшелона государственных
должностей, их
концентрация на
нижестоящих уровнях в
государственной и
коммерческой иерархии
еще выше. Накопленного
силового,
информационного,
финансового и
управленческого
потенциалов более чем
достаточно для прихода их
к власти в рамках

«демократических»
выборов.

Будущее — диктатура

Если Петр Первый за
волосы втащил Россию в
Европу через им же
прорубленное окно, Сталин
пинками сапога вогнал в
XX век и поставил на
лидирующее положение в
мире, то вопрос
дальнейшего
существования России как
национального,
геополитического и
культурного феномена
сводится к проблеме
политического лидера,

способного любой ценой,
идя на любые жертвы,
перетащить страну через
порог XXI века.

О конкретной фигуре
будущего диктатора
говорить преждевременно,
а в свете
высокоэффективных
методик манипуляции
общественным сознанием,
на взгляд авторов, —
лишено смысла.
Практически любой
чиновник из верхнего
эшелона власти способен
осуществить диктаторские
функции.

Современные методы социального управления позволяют осуществлять «бескровный» диктат. При задействовании всего арсенала средств «психологической войны» и оперативного ремесла, собственно крайние формы насилия потребуются лишь как разовые мероприятия для устранения наиболее сильных конкурентов и создания необходимого психологического фона.

В некоторых разработках встречаются предложения масштабных

«зачисток» наиболее криминализированных и коррумпированных сфер, но даже их авторы настаивают, что подобная кампания должна носить кратковременный характер и основной ее целью является не установление режима террора, а «очищение общественного сознания и создание благоприятных социальных условий для разумных реформ». (В качестве образчика подобных разработок предлагаем книгу С.Норки «Русь

окаянная», М.: ОЛМА-Пресс, 2001.)

С уверенностью можно утверждать, что ни одной олигархической группировке или их временному «союзу» по образцу выборного штаба Ельцина не удастся, несмотря на весь финансовый и политический капитал, создать жизнеспособную модель «колониальной демократии». В конкурентной борьбе с носителями концепции авторитарного

государства — «НОВЫХ
чекистов» и «НОВЫХ
воров» — у олигархов нет
ни единого шанса на
победу.

Двумя
противоположными
лагерями
«государственников»,
существующими в стране,
«новые русские»
рассматриваются лишь в
качестве дойных коров и
жертвенных баранов.
Капиталы олигархов
априори признаются
«незаконными» и
подлежащими

конфискации во имя реализации той или иной модели авторитарного государства.

Олигархи создали собственные «мини-КГБ» и установили тесные контакты с лидерами преступного сообщества. Но пагубность такого положения в том, что любой член «системы», чекистской или уголовной, всегда выберет лояльность профессиональному сообществу, нежели личную преданность нанимателю. И в день «М»

весь силовой потенциал олигархов обернется против них самих.

Согласно аксиоме Зиновьева^[36] в условиях кризиса общество не способно к порождению новых форм организации, а откатывается к предыдущим, давно отработанным формам, на практике доказавшим свою эффективность.

Такой формой социальной организации в период максимального обострения всех постоянно действующих негативных

факторов для России является авторитарное правление со ставкой на народовластие. (Модели Московской Руси и СССР периода Сталина.)

Высокая жертвенность населения, склонность к колоссальным мобилизационным усилиям, необходимость упреждающей готовности отражению любой угрозы нашли свое полное и логическое завершение в модели сталинской экономики. При всех своих издержках она выполнила

свое главное историческое
предназначение —
обеспечила выживание
страны в условиях Мировой
войны и на пятьдесят лет
отсрочила превращение
России в аграрно-сырьевой
придаток Запада.

Какой бы ни была
бездарной, самодурной и
жестокой центральная
власть, ее ослабление или
крах расценивается
населением как
величайшее несчастье,
наравне с голодом,
эпидемиями и войной.
«Смута» для русского

сознания равноценна
«концу света». И все
потому, что дезинтеграция
и коллапс
централизованного
управления в наших
климатических условиях
ставит на грань голодной
смерти целые регионы, а в
случае иностранной
интервенции способны
погубить всю страну.

Именно ставка на
глубинные инстинкты
русского этноса,
разбуженные
профессионально
осуществленным

воздействием на массовое сознание, способна создать условия установления диктатуры и затормозить деструктивные процессы в стране.

...Но «новые чекисты» отлично осознают, что первые же практические шаги к созданию независимого и мощного государства будут безоговорочно расценены Западом как «казус белли» — повод к войне, итогом которой будет установление неприкрытого

международного протектората. Модель подобной «войны» успешно отработана в Югославии — «России в миниатюре».

Очевидно, что приход к власти «новых чекистов» и первые годы их правления будут обставлены как серия спецмероприятий, нацеленных на ослабление и устранение с политического поля основных конкурентов — «новых русских» и «новых воров».

Первым признаком

начавшегося процесса
станет неожиданное, но
проведенное в рамках
Конституции отстранение
от власти нынешнего
президента.

* * *

Глеб обвел взглядом
сотрапезников.

— Сколько просидит Ельцин в
Кремле, гадать не берусь. Здоровье у
него уже не то, но в ЦКБ даже
мумию Ленина могут
реанимировать. Одно знаю точно —
его время кончилось. А у нас еще ест

время сделать ставки. Предлагаю обокрасть воров, сдать джокер чекистам и немного заработать на олигархах. Планируемая прибыль — сто—сто пятьдесят миллионов. — Глеб выдержал паузу, предоставив слушателям возможность прочувствовать весомость суммы. — Желаете услышать подробности?

Салин послал вопросительный взгляд Решетникову, тот чуть прищурил левый глаз.

Но и без знака соратника Салин чутьем старого лиса почувствовал силок в траве. Сколько таких удавок подбрасывали другим, не счесть. Дожили, теперь самим приходится смотреть под ноги.

«Ловко работает. На фактах вяжет, подлец, — оценил чужую работу Салин. — Факт интереса налицо, если мы остались за столом. Факт — штука подлая. Спорить с ним глупо, а вот истолковать его можно по-разному. Поди докажи, что это была зондажная встреча, а не сговор с целью свержения существующего строя. И не докажешь, если не захотят, чтобы доказал».

Решетников изобразил на лице умиление и закрутил на больших пальцах невидимую ниточку. Смотрел на всех, казалось, из такого далека, куда слова не долетают. Салин знал, так Решетников мог

мотать нервы и тянуть время до бесконечности.

Не выдержал, как и ожидалось, Добрынин.

— Глеб, ну ты загнул! Приглашал обкашлять идею о подъеме рейтинга ЛДПР, а сам куда увел? Чекисты, воры, олигархи... Мутотень какая-то, извини меня!

— Я гарантирую подъем рейтинга вашей партии, Иван Алексеевич. Гарантирую пятнадцать процентов мест в Думе на ближайших выборах. И гарантирую поступление в кассу партии ста миллионов долларов, — отчетливо произнес Глеб. — Желаете услышать подробности?

Добрынин отхлебнул коньяк, смазал губы салфеткой, ею же дал отмашку:

— Ну-ка, ну-ка. — Добрынин явно заинтересовался. — Что ты там задумал?

Глеб удовлетворенно усмехнулся.

— Идея проста. На очередных выборах ЛДПР включает в партийный список всех мало-мальски известных авторитетов. За десять первых мест в списке, что гарантирует депутатское кресло, устанавливаем цену в десять «лимонов». Остальные цены — по убывающей. Чем меньше шансов попасть в Думу, тем ниже цена.

Думаю, «лимонов» пятьдесят на круг получится. Непрошедшим гарантируем должность помощников депутата.

— И что тут оригинального? — Добрынин не скрыл разочарования. — Все так делают. Только цены ты заломил аховые. Братва не купится.

— Еще как! Для них это единственный шанс. Их время кончается. Обеспечили жесткий контроль за «мужиками», пока власть вертухаев менялась, некоторым даже позволили порулить алюминиевыми заводами. Теперь — абзац. Всех в расход пустят, это даже ежу понятно. Единственный шанс

уцелеть — купить депутатскую неприкосновенность.

Решетников предупредительно крикнул.

— Погодите, Глеб, — сразу же вступил Салин. — Вы нам предлагаете провести в Думу криминалитет?

— Наоборот, Виктор Николаевич. Мы их туда не пустим, чем заслужим благодарность «новых чекистов». Технически это будет сделано так. — Он стал загибать пальцы. — Агитация среди воровского элемента, раз. Сбор денег под честное слово Вольфовича, два. Сбор подписей силами «авторитетов» и функционеров

химико-лесного комплекса, четыре.
Заявка в Центризбирком, пять.

Глеб разжал кулак.

— Все.

— Как — все? — по инерции переспросил Добрынин.

— Центризбирком отстраняет ЛДПР от участия в выборах. На вполне законных, как сами понимаете, основаниях. Деньги за купленные билеты не возвращаются.

— Они же нас порвут! — Добрынин округлил глаза.

— Пусть рвут Центризбирком, если кишка не тонка, — холодно усмехнулся Глеб. — К вам какие претензии? Обещали включить в список и включили. А отлуп дали

всей партии, а не отдельным персонам. Получается, все скопом пострадали. По всем понятиям вам предъявить нечего.

Добрынин сделал большой глоток из рюмки. Потряс головой.

— Ясно, — выдохнул он коньячные пары. — Ты решил нас угробить.

— Нет. Я даю вам шанс последний раз попасть в Думу. — Глеб чуть пригубил коньяк. — Фокус в том, что ЛДПР снимут ровно за неделю до конца регистрации. У вас хватит времени зарегистрироваться под новым названием. Напомню, к этому моменту в партийной кассе будет около ста миллионов. Разве не

хватит, чтобы решить вопрос в соответствующей инстанции?

Добрынин хмыкнул.

— Деньги приличные, — начал он, растягивая слова. — И идея неплохая.

— Я не торгую идеями, — перехватил инициативу Глеб. — Я вкладываю в них деньги. В данном случае я готов инвестировать, скажем, полтора миллиона на начальном этапе. И еще столько же по мере необходимости. Деньги пойдут на продвижение идеи в узкие круги. И в этом я рассчитываю на вас, Иван Алексеевич, и ваших партнеров.

Салин сделал каменное лицо.

Решетников с улыбкой глухонемого продолжал крутить пальцами невидимую нить.

— За такие бабки ты можешь спокойно купить себе депутатское кресло. — Добрынин развалился на стуле с рюмкой в руке. — На кой тебе эта авантюра?

— Купить могу, но не хочу. Впрочем, одно креслице мне понадобится. Для нужного человека. Но в том списке, что пройдет в Думу. Кстати, новую временную партию можно назвать «Фронт Жириновского». Звучит задорно, а смысла — ноль. Людям понравится.

Добрынин скорчил недовольную мину.

— Ладно, назовите «Дети юристов».

— Дошутишься ты, Глеб! — поморщился Добрынин.

Решетников неожиданно подался вперед, оперся локтями о стол.

— Откуда придут ваши три миллиона, хотелось бы знать? — Вопрос он задал по-прокурорски, резко и в лоб.

Салин про себя отметил, что ни один мускул на лице Глеба не дрогнул, только глаза сделались прозрачнее да зрачки сузились до булавочной точки.

— Из Фонда поддержки правоохранительных структур «Закон

и демократия», — ровным голосом ответил Глеб. — «Чистых» денег в природе не существует. Но это самые чистые, что я могу задействовать.

Решетников новым ударом попробовал пробить защиту:

— Но вы не ответили, зачем вам эта авантюра?

Глеб не спеша откинулся на спинку стула. Так боксер, скользя, разрывает дистанцию.

— У меня нет другого выхода, Павел Степанович. Если на деньги олигархов переодеть криминалитет в партийные рубашки, а некоего раскрученного политика, — Глеб бросил взгляд на Добрынина, — попросить сыграть Гитлера, то мы

получим новый Рейх. Если нахлобучить на «нового чекиста» шапку Мономаха, получим Сталина. В СССР я уже жил, в Рейхе — не хочу.

— Проще уехать, — подсказал Решетников.

Глеб ответил холодной улыбкой.

— Это вам было проще выслать из страны пару сотен человек. И, как китайцам, раскатать первый же митинг оппозиции танками.

«Браво, браво!» — Салин спрятал улыбку.

— А как же деньги? Вы же бесплатно не работаете, — напомнил Решетников.

Глеб обратился к Добрынину:

— Пятнадцать процентов от прибыли. Как, Иван Алексеевич?

Добрынин пожал плечами.

— Глеб, я же такие вопросы не решаю.

— Я не предлагаю вам поторговаться. Я объявляю свою цену.

Решетников сложил губы трубочкой, задумчиво помычал, словно разглядывая товар на рынке. Приценивался и взвешивал степень риска. Уж больно товар подозрительный, хоть и нужный до зарезу.

— Кто «крышует» от Кремля? — спросил он.

Глеб сверкнул улыбкой.

— При всем моем к вам уважении, Павел Степанович, фамилию назвать не могу. Не имею на то разрешения.

— Но за «стенкой» в курсе вашей инициативы? — продолжил тянуть свое Решетников.

Глеб помедлил, выверяя ответ.

— Скажем так... Эффекта разорвавшейся бомбы она не произведет.

— Угу, — кивнул Решетников.

С удовлетворенным видом откинулся в кресле.

«Все, пора кончать», — решил Салин.

Снял очки, тщательно протер стекла. Водрузил их на место.

— Мы подумаем, Глеб, чем вам можно помочь. В этой, так сказать, аванюре, — с цэковской солидностью произнес он. — Помощь, как вы понимаете, я имею в виду чисто консультативную.

— Ну-ну! — Добрынин поморщился, как от лимона. — А как дерьмо грузить, так сразу ЛДПР!

— Думаю, реноме твоего Вольфовича уже ничем не испортить, — вставил Решетников. — А Кремль ему такой услуги не забудет.

— А кто вспомнит обо мне? — криво улыбнулся Добрынин.

— Мы, — веско произнес Салин. — Или этого мало?

Добрынин подобрался. Глаза забегали, с лица схлынул пьяный румянец.

Салин, не торопясь, достал плоскую коробочку. Вытащил визитку, протянул Глебу.

— Здесь все необходимое для экстренной связи. Нам с Павлом Степановичем необходимо обсудить вашу идею. А дня через два жду от вас звонка.

Глеб взял визитку, аккуратно положил в портмоне.

* * *

Решетников, сделав радостное

лицо, прощально кивнул Глебу, первому отъехавшему от ресторана. Кряхтя, забрался в салон, уселся на сиденье рядом с Салиным.

— Трогай, Владислав. Только не спеша, — распорядился он.

Похлопал себя по животу.

— Как бы не растрясти такую вкуснотищу. Как тебе обед, дружище?

Салин промолчал, сосредоточенно полируя очки.

— Ты всерьез решил поиграть с ним в выборы? — понизив голос, спросил Решетников.

— Нет. Я уничтожу этого стервятника раньше, — ответил Салин.

Откинул голову на подголовник.

Мягкими пальцами стал массировать переносицу. Покопался в окно.

Мимо затемненного стекла проплывала улица. Прохожие растревоженными муравьями сновали по тротуару. Ветер трепал одежды, швырял в бледные лица пригоршни мороси.

«А ведь есть счастливцы, кто сейчас только просыпается, — с тоскливой завистью подумал Салин. — Мы уже все ноги сбили, нервы измочалили, а они медитируют на потолок и плевать на нашу суету хотели».

Глава семнадцатая. Утро мага

«Свободы нет, но есть покой и воля», — сказал гений на все времена, явно имея в виду образ жизни холостяка.

Ах, Александр Сергеевич, Александр Сергеевич... Что же вам не сиделось в Михайловском? Из холостяцкого именица, где вечерами на пару со старой нянькой так задушевно пьется винцо, куда, распугивая зайцев, спешит лучший друг, загоняя почтовых, где в сумрачных сенях дворовые девки играют в прятки на любовь, куда

врывается кометой Анна и, скомканная в объятьях, оседает прямо на сброшенную на пол накидку, еще пахнущую осенним полем и ветром, Анна страшно закатывает глаза, закусывает пунцовую губку и подставляет для поцелуя беззащитно закинутую шейку, из этого рая, где писалось и дышалось покойно и вольно, путь только один — на Черную речку. Под подлый выстрел. Лицом в истоптанный снег. Посмертной маской в бессмертие...

Как убийственно точно, черт возьми, сказано! Покой и воля... Покой — неспешность бытия, воля — возможность выбора.

Странник

Время, проникнув в квартиру вслед за серым светом дня, увязло в неподвижной тишине. Секунды редкими каплями срывались в бесконечность, исчезали бесшумно и бесследно.

Прибой городского шума разбивался о мокрые от дождя стекла, скользил по ним, не в силах пробить холодную прозрачную стену между двумя мирами. Там, внутри, лежал, закинув руки за голову, человек. Неподвижный, безмятежный и одинокий.

Он медленно переводил взгляд с одного предмета на другой, подолгу

рассматривая его, словно ощупывая, потом мысленно приказывал ему оставаться на своем месте и не изменяться.

Выстуженная за долгое отсутствие хозяина квартира медленно насыщалась его дыханием и волей. Аура места, видимая только ему одному, постепенно из прозрачно-серой становилась небесно-голубой, густела, становясь насыщенно синей, цвета мокрого кадмия.

Максимов уставил взгляд в потолок. Последил за мутными тенями, гуляющими по гладкой поверхности, и закрыл глаза.

Стал медленно, звено за звеном

перебирать цепочку прожитых дней. Распутывал узелки, выравнивал звенья, подолгу разглядывал одни, другие, наспех ощупав, пропускал сквозь пальцы. В памяти, как в кино, снятом восторженным последователем «Догмы»^[37], стали всплывать эпизоды, наползая друг на друга. Он выхватывал знакомые лица, просил прощения и прощал, прощался до следующей встречи, многих из оставшихся в памяти перегнал в возрасте, кто-то вот-вот мог бы стать ровесником, кого-то не суждено пережить даже после их смерти. Рано или поздно сам переселишься в чье-то немое кино памяти. И кто-то, вызвав тебя из

небытия, заглянет в лицо и без слов, сердцем, попросит у тебя прощения.

Он представил себя кратким мигом в чужом кино жизни, уже отснятом и хранящемся на полках в заповедных хранилищах, и в тех, что еще не смонтировали до конца, и даже в тех, что еще снимаются.

...Злобин ждал, что Навигатор еще что-нибудь скажет, но человек с седыми волосами и орлиным профилем хранил молчание.

Максимов сидел на переднем сиденье рядом с водителем и не спускал взгляда с отражения лица Злобина в зеркале. По всему было видно, что Злобина мучил один-

единственный вопрос. Но он уже понял, что ответа ему Навигатор не даст. Нужно искать самому.

Вокруг не слышалось ни звука. Полная тишина и вязкая, как смола, темень.

Максимов суеверно сжал кулак.

— Вы не отдадите ее мне, потому что такие... превратившие себя в древних богинь, не подлежат суду по законам, писанным людьми и для людей. Для них есть другой суд и другая кара. Наше дело остановить Дургу и призвать Силы, которые сами вынесут приговор и покарают нарушительницу Баланса.

Злобин слышал свои слова и не верил, что их произносит он сам.

Кто-то другой, кто жил все время внутри, вдруг проснулся и заговорил. Странно, страшно, убежденный в своей правоте.

Навигатор выдохнул, словно сбрасывая с себя колоссальную тяжесть.

— Ты слышал эти слова, Олаф? — обратился он к сидящему впереди Максиму Максимову.

— Да, Навигатор.

— Ты, Смотритель?

— Да, — ответил тот, кто сидел за рулем машину.

Навигатор повернулся к Злобину, и он почувствовал, как впились в его лицо глаза этого загадочного человека.

— Пойдемте, Серый Ангел, — произнес Навигатор. — Сегодня я буду вашим Проводником.

Максимов отжал рычажок, толкнул плечом дверцу и первым выбрался из машины.

Глухая, непроглядная тьмадохнула в лицо лесной сыростью.

В этот миг распахнулся прямоугольный проем, и из него наружу хлынул яркий свет.

Максимов невольно зажмурился. Наполовину ослепший, он не видел ничего, кроме четкой грани между тьмой и светом. Порога, к которому нового члена Ордена вела твердая рука Навигатора... [\[38\]](#)

«Злобину вчерашняя ночь перевернула всю жизнь. А кто я в его жизни? — спросил себя Максимов. — Эпизод, всего лишь эпизод. Максимум — контрапункт в череде других. Не более того. Можно уходить, тихо притворив за собой двери».

Затем он представил себе, что его не стало. Выбрал любой из известных ему способов перевода человека в Нижний мир^[39], применил к себе и максимально точно, ярко и бесстрастно представил, что он исчез из этой комнаты, из этого простуженного октябрём города, из живущей через не могу страны, соскользнул с

голубого шарика, несущегося в холодной непроницаемой мгле...

Ничего. Ничего не осталось и — ничего не изменилось.

Все. Можно открыть глаза и жить дальше.

Максимов распахнул глаза, глубоко вздохнул и на выдохе резко выбросил тело из постели.

Утро холостого мужчины, проснувшегося в час дня, пошло по заведенному распорядку: зарядка, контрастный душ, чашка кофе, первая сигарета.

Через сорок минут, набросив на плечи халат, он стоял у кухонного стола и точными движениями резал на куриное мясо правильными

кубиками. На завтрак решил приготовить «ноги Буша по-арабски».

С бройлеровских ляжек чулком снимается шкура. Берцовая кость отрубается, остается только голень. Все мясо снимается с костей, очищается от жил и мелко режется. В это время поспевает скороварящийся рис в порционном пакете. Мясо смешивается с рисом, добавляются лук и морковка, восточные приправы, чтобы нейтрализовать пестициды и гормоны, которыми пичкают цыплят на родине Буша. Полученная смесь заталкивается в мешок из куриной кожи, верх стягиваем ниткой, и ножка

приобретает первозданный вид. Только содержимое у нее теперь арабское, как в шаурме. Суем в духовку, поливая маслом, доводим до готовности, до хрустящей корочки, а себя до полуобморочного состояния от аромата. У курицы две ноги; воссоздавая природную гармонию, готовим сразу пару. Следуйте совету, не экономьте на удовольствии. Когда вспорете корочку на румяной ножке и из дырочки хлынет сытный и пахучий сок, пенять на жадность будет поздно.

Максимов, мыча бравурный мотивчик, переключился на морковь. Нож точными ударами стал резать на тонкие дольки, летал сам, пальцы

только удерживали его, но не направляли. Как учат китайские повара, нож острый и твердый и сам способен найти дорогу в мягком.

Неожиданно, будто кто-то подтолкнул под локоть, рука дрогнула, нож скользнул вбок и вспорол кожу на подушечке пальца.

Максимов замер. Упер нож острием в доску. Ждал, прислушиваясь к себе. За окном ничего не изменилось, та же какофония городских звуков, лишь чуть-чуть приглушенная висящей в воздухе моросью. Или что-то случилось где-то гораздо дальше, или вот-вот произойдет.

«Карина», — сам собой всплыл

ответ.

Вслед за этим раздался телефонный звонок. Максимов потянулся за трубкой, но на втором звонке аппарат затих, тут же ожил модем в кабинете.

Максимов подумал немного и вслух сказал:

— Война войной, а завтрак по распорядку.

Частыми ударами дошинковал морковку. Выудил пакетик из кипящей воды, промыл под краном, вспорол, высыпал белые крупинки в фарш. Приготовил смесь, набил ее в шкуру. Полюбовался результатом. Ляжки у бройлера вышли мясистыми и солидными, как у члена Совета

Федерации.

Отправив окорочка в духовку, Максимов поставил на огонь турку с кофе.

Воспользовался паузой и получше рассмотрел порез. Ничего серьезного, бытовая травма средней тяжести. Но ходить с повязкой весь день не хотелось.

«Братья-шаманы, выручайте!» — с улыбкой подумал Максимов.

Взял нож, настроился и сосредоточенно стал повторять движения, которыми шинковал морковь. Нож дисциплинированно делал свое дело, точно следуя выверенной траектории, проскакивая мимо свежей, еще кровоточащей

заусеницы. Максимов отчетливо представил себе, что так оно и было тогда, несколько минут назад: нож не вырывался из пальцев и не чиркал по коже. Наконец, дождался момента, когда холодок сменил горячую пульсирующую боль в пальце. Он, палец, тоже вспомнил, каким он был до рокового движения, и поверил, что лезвие никогда не входило в его плоть.

Максимов отложил нож, сжал пальцами порез. Постоял, покачиваясь с пятки на носок. Закрыв глаза, постарался максимально точно вспомнить, как выглядел здоровый палец. Получилось довольно легко. Как

получается все, чему долго учился и если успел на практике убедиться в пользе приобретенных знаний.

Отнял пальцы от пореза. Стер сукровицу. Лоскуток кожи плотно прилип к нужному месту, не было ни опухоли, ни отечности. Только бледная линия на месте пореза напоминало о ранении. Максимов по опыту знал, через несколько часов исчезнет и она. Без боли и следа. [\[40\]](#)

Из духовки потянуло аппетитным ароматом. Максимов наклонился, сквозь толстое стекло убедился, что «ноги Буша» из полуфабрикатов медленно, но верно, а главное — правильно, превращаются в форменное

объединение. Снял с плиты турку с кофе и пошел в кабинет.

Кружка, за монолитность и емкость прозванная «рабочей», стояла на положенном ей месте — на правом углу стола, подальше от ноутбука и большого раскрытого блокнота.

Максимов налил в кружку кофе, сел в кресло и, откинув голову на кожаный подголовник, замер.

Аура в комнате не изменилась, примеси запахов чужого в воздухе не ощущалось, все предметы остались нетронутыми. В противном случае они бы обязательно дали знать хозяину. Как? У долго живущих вместе есть свои секреты и свой

немой язык.

Максимов сделал большой глоток кофе и потянулся за трубкой. Набрал номер телефона родного института. В храме науки и хранилище древностей его видели только по большим праздникам, обычно это были радостные дни выплаты зарплаты. А с тех пор как какой-то шустрик организовал перевод копеечных зарплат технических и научных работников на пластиковые карточки, Максимов появлялся под сводами музейного ведомства только по личному вызову директора. Царем и богом в НИИ по-прежнему был дед Максимова, профессор Арсеньев, человек

строгих правил и крутого нрава, но в принципе не зловредный. Дурацкой работы только ради поддержания дисциплины ни на кого не навешивал, а к внуку, несмотря на его возраст, продолжал испытывать самые нежные чувства.

— Профессор Арсеньев. Слушаю вас, — пророкотал в трубке прокуренный бас.

— Дед, это я. Докладываю о прибытии. Нахожусь в Москве, у себя.

— Ага! — после секундной паузы произнес Арсеньев. — Что-то ты рано от парижских мамзелей удрал. Или не понравились?

— Не-а. У них теперь мода на

экологию. Подмышек не бреют, косметикой не пользуются, носят то, что придет в голову.

В трубке зарокотал камнепад, профессор захохотал.

— Чем занимаешься, бездельник?

— Жарю «ножки Буша» а-ля Аль-Кайда. Рецептом поделиться?

— Не издевайся, я еще не обедал. А ты, сын греха и позора, наверняка только завтракать усаживаешься?

Максимов не стал оправдываться. Ночью было не до сна, домой пришел только в десять утра. Но это никого не касалось.

— Когда насытишь утробу,

надеюсь, появится желание
поработать?

— Не уверен. Но если надо...

— Желательно.

Профессор Арсеньев жил на свете долго и большую часть жизни обитал в СССР, волны «чисток» и «чисток чистильщиков», череда дел «врагов народа» и разномастных вредителей от шахтеров до врачей включительно научили быть сверхосторожным в словах и сверхинформативным в интонациях.

— Готов, — сразу же собрался Максимов.

Дед выдержал паузу.

— В Доме ученых в шестнадцать часов начнется конференция. Не

сочти за труд, отметить от нашей конторы.

— С удовольствием, если на трибуну лезть не надо.

Смех деда снова загрохотал в трубке.

— Извини, друг мой, представил, что ты способен нагородить.

— А что, серьезный сходняк?

— Да как бы помягче сказать...

Когда у них начинаются проблемы с экономикой, сразу же бросаются изучать прошлое. Вот сейчас, после дефолта, тот самый клинический случай. Ожидается, что будут опять посмертно осыпать лаврами Поршнева^[41]. Но, так как обещали

быть наши казнокрады и ихние спонсоры, может получится черт знает что. Обнищали жрецы науки, сам знаешь как. За гранты могут и стенка на стенку пойти.

— Ты сам-то будешь?

— М-м. Не уверен, — ответил Арсеньев.

По музеям, хранилищам и спецхранам, где по большей части протекала его работа, вечно сновали крысоглазые «искусствоведы в штатском», заглядывали через плечо, ворошили бумаги на столе, принюхивались и прислушивались. На их языке эта возня называлась «оперативным обеспечением». Бдили и шуршали они добросовестно и яро.

Приходилось конспирировать от конспираторов в серых пиджаках, и Арсеньев с чистой совестью позаимствовал у них массу приемчиков и уловок.

Они давно договорились, если дед употребляет «не уверен», значит, будет непременно.

— Хорошо, дед. Съезжу, засвечусь.

— Каких слов-то нахватался!

Арсеньев, не прощаясь, повесил трубку.

Максимов сделал несколько глотков из кружки. Кофе еще не успел остыть, приятно обдирает горло и огненной лавой уходил в желудок.

Настал черед первой за день

сигареты. Максимов достал ее из деревянной коробочки, покатав в пальцах, проверяя, достаточно ли аппетитно хрустит. Закурил от тяжелой зажигалки в форме «лимонки».

На полированной столешнице белел прямоугольник визитки. Максимов специально положил ее так, чтобы бросалась в глаза. Решил, что, сев работать, первым делом бросит в обработку данные с визитки.

Прочел готические буквы на визитке. Понюхал картонку. Пахло нервными, льдистыми духами. Сразу же вспомнил ее хозяйку, заикленную на смерти.

Лиза Данич, подвезя его к дому, умчалась на своей гоночной машинке в ночь. Оставив после себя неприятную ауру болезненного возбуждения и странного, противоестественного смакования всего, что связано со смертью.

Максимов откинул крышку ноутбука и бегло застучал по клавишам.

Спустя десять минут стало ясно, что Лиза ни разу не соврала. Машина ее — Мать умерла полгода назад в пряничном городишке Майнце, там же зарегистрирована фирма «Спатекс», по наследству перешедшая к Лизе. Оставалось неясным, что из себя представляют

«спа-технологии» и «оборудование для спа-салонов», производимые фирмой. Но это не существенно. Звучит красиво. Для грациозного отъема денег у богатеньких лопухов вполне сгодится.

Не замужем, не привлекалась, не состояла. В двадцать лет. Кристально честна перед законом. По нашим временам — достижение. Особенно с капиталом под миллион марок. Квартира в Москве, телефонный номер соответствует скорописью написанному на обороте визитки.

Своего телефона Максимов не оставил, по телефонам на визитке звонить не собирался.

«Вот когда у меня вообще не будет проблем и начну помирать от скуки, позвоню с превеликим удовольствием», — подумал он, откладывая визитку.

Интуиция подсказывала, что Лиза была еще тем чуланчиком. Стоило только не побрезговать и покопаться получше — можно будет выудить что угодно. Минимум один скелет гарантирован.

Но сейчас было явно не до нее.

Максимов проверил входящие файлы в «почтовом ящике». Тихо присвистнул. Самый свежий был самым большим по объему. «Мыло»^[42] Карина послала пятнадцать минут назад.

Он сделал большой глоток, настраиваясь достойно встретить любую неожиданность. С Кариной можно было мирно жить только так: в состоянии повышенной боевой готовности.

Максимов затянулся сигаретой, медленно выпустил дым и щелкнул «мышкой».

mairos@hotmail.ru

Лоэнгрин

Ты спрашиваешь, сколько мне лет? Не знаю. Или забыл. Да и с чем ты хочешь сравнить прожитое мной? С твоей жизнью? Хо! Если ты живешь, то ты

не живее тысячи
мертвецов, на трупы
которых я с удовольствием
плевал всю дорогу, плевал
через левое плечо, дабы не
сглазить удачу и не
оказаться среди них,
обрюзгших раньше
времени, распертых
изнутри прогнившим
жиром, который в конце
концов полезет из язв в их
завшивевшей коже, на
радость зеленотелым
мухам, пучащим
обезумевшие глаза на это
пиршество плоти. Слава
богу, эти живчики и

жизнелюбы, карьеристы и донжуаны не могли видеть самих себя, разлагающихся в придорожных канавах, иначе они бы блевали до Страшного Суда, выжимая из себя смердящую слизь из газетных статей, школьных учебников, помады, зубной пасты «Блендамед», музыкального фарша с нарезкой новостей, пестицидной колбасы, тухлых от свинца рыб и радиоактивной картошки, всем, чем набивали животы и головы с детства и на чем вскармливают собственных

дарить и принимать ее,
если уж она и есть Любовь.

Ты кусаешь губы,
чтобы мама, спрятавшаяся
от старости в глумливо-
приторном, как «Санта-
Барбара», сне, не слышала
твоих стонов, и растираешь
крепкие, ноющие от
желания груди, надеясь,
что если сок, забродивший
в них, растечется по всему
телу, от кончиков
выжженных

«Блондоколором» волос до
ноготков на пальцах ног, то
тогда ты сможешь взлететь,
как та дура, что ждала

писаку, у него еще крыша поехала, и добрый врач брал серебристый несессер, вываливающийся из стены, и, цокая языком, с первого раза вгонял иглу в едва видимую вену, халявный наркотик делал свое дело, и писатель, или поэт? кажется, их там было двое, точно — двое, но кого же тогда любила эта дура? не так уж и важно, главное — любила до полного безумия, она носилась по комнате голая, купаясь в лунном свете и распевая на весь дом

«Валькирий», пока не
прибегала служанка, и они
валились вдвоем на ковер и
любили друг друга взахлеб,
пока не возвращался муж
этой дуры; он долго тыкал
ключом в замочную
скважину, но из-под двери
только сочилась вода,
служанка всякий раз
забывала закрыть кран на
кухне, да сотый раз взывала
пластинка с Вагнером;
бестолковый муж
спускался во двор, садился
на скамейку под ее окном и
орал так, что соседи, устав
от такого бардака,

спускались во двор и долго и сосредоточенно били ему морду; наутро за ним приезжала служебная «Волга» и отвозила в министерство, там все знали, что мужику не повезло с женой, а разводиться не дает партком, и смотрели на все происходящее в каждое полнолуние в его доме сквозь пальцы, потому что до пенсии ему оставалось всего три года.

Но ты не любишь таких книг. Под твоей подушкой лежит «Это я,

Эдичка». Он уже изрядно потаскан от бесконечного путешествия от одной бестолковой девичьей головки к другой. От долгого житья под подушкой он стал серым и невзрачным, как гениталии врача-сексопатолога, на страницах проступили подозрительные желтые капли, то ли слезы подружек из СПТУ-12, то ли след от первой невинной поллюции разбившегося на днях соседа-байкера, некоторых слов уже не разобрать, если

читать быстро, то кажется,
что Эдичка заговаривается,
но это немудрено, нечего
хихикать, дрянь, человек
имеет право постареть, это
случается с каждым, кто
решил учить других жить,
еще немного он
окончательно переселится
в твои сны, избежав
неминуемого разложения и
маразма постсовкового
тусовщика, он превратится
в грозного суккуба
малолетних нимфоманок и
инкуба, грозящего
астральным минетом всем
подрастающим

террористам, еще не
вставшим под бело-черно-
красные знамена Мировой
контрреволюции, так и
будет, уродина, потому что,
по сути, лишь в снах, своих
или чужих, мы становимся
тем, кем мечтали или до
гнойного геморроя
пытались стать в том бреду,
что называем реальностью.

Хочешь сигарету?
Гашиш, опиум, крэк,
дерьмо антилоп, очистки
бананов пополам с
махоркой, от чего ты сейчас
балдеешь, недоношенная
обезьяна? От себя! Тогда

тебе не надо ничего. Тогда тебе не нужен никто. Значит, старик Мерлин правильно рассчитал мою дорогу в твой сон. Значит, ты и есть та Спящая принцесса, что заснула так, что позабыла самую себя.

Одиночество — вот самое тонкое вино, какое только может созреть в этом вечно зябнущем мире, в этой помойке Галактики, в этом интернациональном анальном отверстии, с табличкой «One way», привинченной над двумя синими полушариями

выпьем на брудершафт,
сплеть руки и глядя друг
другу в глаза. А потом
сыграем в бильярд
головами наших врагов. У
тебя их еще нет? Возьмешь
в займы, отдашь после
первой победы. О, это
самая лучшая закуска к
вину одиночества. Победа,
она тем ценнее, чем
быстрее ты о ней
забываешь.

Посмотри мне в глаза,
любимая. Я так долго шел к
тебе, Мария Мерседес. И
мне еще так много
предстоит пройти. Вот моя

рука. Мир обречен, я
похищаю у него
Милосердие.

Вот и все! Не грусти,
моя милая. Уже все позади.
Ничего не осталось,
потому что ничего не было.
Мир, этот жалкий сарай,
набитый привидениями и
клопами, где всякий мнил
себя актером, способным
сыграть Трагедию, а
выходило пшик и пук да
сопение в финале, — слава
Богу, этот бардак рухнул,
потому что его покинули
те, на ком он держался.
Забудь о нем. Забудь о них.

Хотя мы еще долго будем нести на теле следы от подмоштов, на которых кривлялись и куражились те, по чьим вздувшимся трупам сейчас скользят копыта наших коней, плюнь через левое плечо, чтобы не сглазить судьбу, и забудь.

Не оглядывайся, это дурной тон. Пришпорь коня, единственная. Нам вместе вон до той звезды.

«Теперь ясно, что она печатала на своем ноутбуке в самолете, — подумал Максимов. — Несет

девчонку... Вроде бы и в нужном направлении. А если задуматься, то не дай Бог...»

Сигарета дотлела до фильтра, из кухни угрожающе попахивало дымком, а Максимов продолжал сидеть, ни видя, не слыша и не ощущая ничего вокруг.

Глава восемнадцатая.

Трудно быть человеком

Странник

Металлическая дверь подъезда, щелкнув магнитным замком, не подалась. Не помог даже легкий пинок. Пришлось хорошенько приложиться плечом. Только после этого залипший магнит разжал мертвую хватку.

Жильцам подъезда на скуку жаловаться не приходилось. Всего за десять рублей в месяц — в такую сумму обходилось каждой квартире запорное устройство на двери — им

гарантировалась почти ежедневная буря эмоций. То какой-то гад напрочь раскурочивал кодовый замок, и по подъезду начинал гулять сквозняк и сновать подозрительные, дурно пахнущие оборванцы; то после ремонта магнит сходил с ума и объявлял вечный комендантский час. Это превращало в проблему выгул собак и ребятни и срывало заседание «Клуба любителей телесериалов» на скамейке у подъезда.

Мамаши-колясочницы и бабки — «сант-барбариски», заключив временный союз, дружно бросались в бой за справедливость. Ремонтников из службы сервиса встречал ампиловский митинг. После

отъезда ремонтников, при помощи амперметра, молотка и мата справившихся с магнитом, выяснялось, что западают кнопки. И все начиналось сначала.

«И кто же так точно назвал — „запорное устройство“?» Одна морoka и слезы, как при запоре. — Максимов мимоходом закинул голову и посмотрел на косяк, где крепилось это чудо отечественной технической мысли.

За спиной клацнул замок, магнит намертво прихватил дверь. Через секунду Максимов пожалел, что запорное устройство вообще существует.

Через чахлый кустарник

перемахнул черный доберман и, оскалив пасть, прямым устремился к Максиму.

В долю секунды сработали боевые рефлексy. Тело само приняло боевую стойку. Пальцы левой руки сжали ключ от машины, превратив его в короткое стальное жало. Правая рука расслабленно замерла у солнечного сплетения, защищая корпус и готовая хлестким ударом отбить атаку, послав пса влево, прямым на жало ключа.

Пес затормозил, скребя когтями по асфальту, словно налетел на препятствие. Плюхнулся задом и уперся в человека выпученными бессмысленными глазами.

— Ну что бельма выкатил? —
ровным голосом поинтересовался
Максимов. — Я жду.

Пес взял тайм-аут на
размышление. Задвигал тугими
надбровными дугами, отчаянно
морща кожу на лбу. Поведение
человека явно не укладывалось в его
тесной черепной коробке. От
двуногого, прижатого к запертой
двери, не исходило ни толики запаха
страха. Наоборот, в нос била тугая
волна острого запаха готового к
прыжку зверя. От него ледяные
иголки начинали покалывать брюхо и
жутко хотелось отлить.

Доберман нервно кляцнул
зубами, выдавив из пасти липкие

струйки слюны.

— Я тебе пошамкаю, сука, — с ласковой улыбкой пообещал Максимов. — Неделю зубами какать будешь.

Очень ясно представил, как носок ботинка врежется в приплюснутую морду.

Пес взвизгнул и отскочил.

Максимов скользнул на полшага вперед, твердо решив исполнить задуманное.

Впечатать ботинок в нос псу не сложилось. Доберман резво развернулся и, заходясь лаем, бросился в кусты.

— Ушел, сука! — с досадой процедил Максимов.

По правде говоря, доберман был не сукой, а кобелем. Сукой его окрестили всем двором. А кобелем звали, добавляя всяческие нелюбезные слова, его хозяина — дядю Колю.

Почему Колю звали именно кобелем, чаще — кобелюкой поганой, Максимов допытываться не стал. Краем уха слышал, что по молодости дядя Коля был известным ходоком и, как утверждала молва, перепортил всех девок на заводе «Красная вагранка». Но завод имени товарища Войкова давно закрыли, кто такой был Войков^[43], мало кто помнит, от него осталась только метро «Войковская», а про

сексуальные подвиги Коли
коптевская рабочая слободка
предания хранит. Былины, елки-
палки, слагает. И было бы о ком!

Пес и его хозяин считались
второй напастью двора после вечно
барахлящих замков. Дядя Коля был
пролетарием по происхождению,
анархистом по мировоззрению и
алкоголиком по состоянию здоровья.
Терять ему, потомственному
пролетарию, было нечего, на любые
меры воздействия плевать хотел с
колокольни, а увещеваниям, угрозам
и матюгам не поддавался. Очевидно
потому, что в проспиртованном
мозгу извилин осталось столько же,
сколько имелось в черепной коробке

добермана. Жил дядя Коля, как его собака: гадя, где придется, задирая всех подряд и упиваясь безнаказанностью.

Боевой запал еще не прошел, и Максимов обшарил взглядом двор в поисках дяди Коли. Не так давно, когда доберман до белых губ испугал соседку Максимова, тихую и благородную пенсионерку, он пообещал Коле, что в следующий раз порвет одного из них: либо пса, либо хозяина.

Без особой необходимости Максимов никогда не встречал в естественное течение жизни, какой убогой она ни казалась на первый взгляд. Но сегодня решил, что надо

кое-что подправить. Иначе дальше будет только хуже.

— Мама-а-а! — раздался отчаянный крик с детской площадки. И тут же крик перешел в истошный, свербящий вой растерзанного детеныша.

На разные голоса завизжали женщины. Сквозь эту какофонию ужаса и боли отчетливо слышалось злобное урчание пса.

Максимов сорвался с места. Запетлял между бог весть как припаркованными машинами.

У покосившихся столбиков, символизирующих границу детской площадки, его едва не сбила с ног мамаша, прижимающая к груди

ребенка. Она бежала, не разбирая дороги, захлебываясь криком. Орал и малыш. Максимов с ужасом заметил, что плащ мамы густо заляпан алыми потеками. А из измочаленной руки малыша струей хлестала кровь.

Сердце у Максимова вмиг заledenело и перешло в мерный ритм. Словно внутри, в непроглядной тьме, неукротимо и страшно двинулась в марше колонна, твердо печатая шаг. Он хищно сквозь оскаленные зубы, втянул воздух. Перешел на шаг. Встряхнул кистями, сбрасывая напряжение, скрутившее мышцы рук.

На детской площадке бились в истерике с десятков мамаш. Они уже

сграбастали своих чад, но почему-то не убегали прочь. Голосили, дурно и навзрыд, как на похоронах.

Максимов осмотрел площадку. Все признаки панического бегства налицо. Опрокинутые коляски, разбросанные игрушки, чья-то яркая курточка, втоптанная в грязный мокрый песок... Кровавые бисеринки чертили путь бегства матери с покалеченным ребенком.

В песочнице, победно урча, терзал мячик доберман. Там, где он с чавканьем прикладывался дряблыми брылями, на помятом мяче оставались красные слюнявые разводы.

Максимов наклонился и поднял

забытую кем-то лопатку. Она была еще тех времен, когда даже фабрики детских игрушек имели мобилизационный резерв на случай войны, поэтому и игрушки ковали из того же материала, который в день «М» пошел бы на нужды армии. Грузовички выходили пуленепробиваемые, а лопаточки — просто шанцевый инструмент в миниатюре. Увеличь допуски и припуски, выйдет стандартная армейская МСЛ^[44].

Пальцы сами нашли центр тяжести на гладкой тонкой рукояти, и детская игрушка с этой секунды стала страшным оружием.

Максимов не спеша, не делая

резких движений, двинулся к песочнице. В десяти метрах от нее валялось ярко-желтое пластиковое ведро. Он шел к нему, держа боковым зрением, как в прицеле, все еще ярого добермана. У пса от тугого загровка до зада катились нервные, судорожные конвульсии. Он был так поглощен растерзанным мячом, что не обращал внимания на подкрадывающегося человека.

Мамаши вдруг дружно прекратили ор, только вразнобой глухо гундосили их дети. Встревоженный тишиной пес поднял голову. Но Максимов уже успел встать на рубеж атаки.

Подцепил ногой ведро и по

высокой траектории отправил в полет.

Пес удивленно рыкнул, когда в его глазах мелькнуло ярко-желтое пятно. Потом какой-то непонятный, невкусно пахнувший предмет, гулко стукнув, покатился по земле. Доберман подпрыгнул на всех четырех лапах, рывком развернув тело.

И оказался точно боком к Максиму. Как силуэт кабана в тире.

— Хоп! — На выдохе Максим метнул оружие в цель.

Лопатка, вжикнув, прочертила в воздухе пологую дугу.

Хищно чавкнув, стальное лезвие вошло в тугую шею пса.

Доберман хрюкнул, изогнулся кольцом, пытаясь зубами ухватить того, кто так больно вцепился в шею. Странно, позвоночник у такого жирного борова оказался достаточно гибким. Зубы клацнули на рукоятке, мочаля дерево.

Пес закружился волчком, забился от злобы и боли, а от этого рана все шире распарывала шею. Ударила струя крови. И злобный, утробный вой оборвался. Пес завалился на бок, рывками суча лапами.

Когда Максимов подошел к песочнице, все уже было кончено. За несколько секунд мощное сердце пса выкачало через рану всю кровь. Она

густо залила весь песок и заляпала бортики песочницы.

Ребра пса не поднимались, тонкая коричневая пленка на подбрюшье не дрожала. Но Максимов на всякий случай наступил на измочаленный черенок, еще глубже вдавливая лопатку в рану. Очевидно, тонкий клинок нашел зазор между позвонками, внутри шеи хрустнуло, и оскаленная морда пса безжизненно завалилась набок.

— Отгавкался, сука, — выплюнул Максимов.

Тишину, накрывшую двор, вспорол крик.

— Кобелюка поганая! — завывая, проголосила женщина. — Я

же тебя зубами рвать буду!!! Выходи, сволочь!

Мамаши, услышав боевой клич, клином бросились ко второму подъезду.

Дядя Коля не замедлил явить свой испитый лик возмущенной общественности. Распахнув окно, он высунулся наружу и громогласно объявил, фигурально выражаясь, что имел неоднократные половые акты в извращенной форме с кричащей мамашей.

Хор возмущенных голосов на секунду заглушил его испитой баритон. Но, поднатужившись, дядя Коля перекричал всех. По колодцу двора пошло гулять эхом матерное

перечисление любовных подвигов дяди Коли со всеми обитательницами дома и его окрестностей. Дядя Коля, окончив речь, с треском захлопнул раму.

Максимов поднял взгляд к серому небу, потом перевел его на окно третьего этажа. Представил, каково будет Коле лететь вниз.

Долго выдохнул. И пошел наискосок через двор ко второму подъезду.

Женщины сбились в кучу вокруг той, что так и не сняла плащ, залитый кровью ребенка. Она уже не голосила, а буйно билась в немой истерике. Толкущиеся вокруг нее мамы старались кто перехватить

ее машущие руки, кто удержать за плечи, женщина то и дело подламывалась на ногах, и тогда ее голова безвольно закидывалась вверх. Но нужного ей окна она уже не искала глазами. Скорее всего, они уже просто ничего не видели вокруг.

На проскользнувшего в подъезд Максимова никто не обратил внимания.

Повезло, не пришлось возиться с замком, кто-то уже его расковырял.

Прыгая через ступени, Максимов взлетел на третий этаж.

Дверь в квартиру дяди Коли была гостеприимно распахнута, входи кому приспичило, уходи кому наскучило. Вот так доберман и

выскочил порезвиться.

В тесной и темной захлавленной прихожей пришлось остановиться. Кислый помоечный дух, запах собачьего дерьма и грязного белья шибали в нос так, что на секунду помутнело в голове.

Кухня располагалась направо по залитому мутным светом коридорчику. Прямо черным прямоугольником зиял вход в комнату, дверь, сорванная с петель, косо стояла у стены. Максимов мимоходом заглянул в комнату.

В прокуренном полумраке — окно было завешено байковым одеялом, отчетливо проступали три человеческих силуэта на полу. Еще

двое, обнявшись, спали на диванчике. Из расхристанного халата женщины выпирала, как квашня, белая дряблая плоть. На мужчине остались только рваные носки и тельняшка. Все в комнате храпели, как чумовые, выдавливая из себя перегарную вонь.

На кухне за утренней чекушкой мирно сидела еще одна пара. Дядя Коля собственной персоной и голый по пояс тип весь в синих разводах татуировок. Роба у него была того же колора — синь с белилами.

— О, пес твой прищуршал, — проворчал тип, поведя ухом на шорох в коридорчике.

Максимов вышел на свет.

— Отбегался твой пес, Коля, —
ровным голосом произнес он.

На лице у дяди Коли блуждала
улыбка удачно похмелившегося
человека.

— И ты, паразит, отгулял
свое, — добавил Максимов.

Но до Коли все еще доходило с
великим трудом, дух его витал где-то
в алкогольном Эдеме, где реки
портвейна впадают в океаны водки,
закусь растет прямо на деревьях, а
менты работают мальчиками на
побегушках.

А вот его собутыльник
соображал быстрее. Заметно
собрался, лицо заострилось.

Максимов быстро осмотрел

загаженную кухню. Места для приличной драки явно не хватало. Даже размахнуться толком не получится, обязательно врежешься локтем в шкафчик или навесные полки, уставленные пыльной керамикой и пустой тарой. Бутылки были и на полу: выпитые раньше дисциплинированно стояли в каре по углам, жертвы недавней попойки валялись, как бойцы после захлебнувшейся атаки, где придется.

Он прощупал взглядом собутыльника дяди Коли. Татуировки — сплошные понты, ни одной серьезной. Мышцы кое-какие есть, но нутро проспиртовано хуже некуда. Правда, озлобленный на весь

свет; за то, что пожрать и побалдеть толком не дают. И это самое опасное. Явный истерик, такой полезет в дурь даже себе назло.

Долго ждать не пришлось.

— Ну? — прогнусавил татуированный.

— Гну! Не с тобой разговор, баклан, — осадил его Максимов.

У собутыльника нервный тик полоснул по щеке, уголок губы вытянулся к уху. В бесцветных глазах вспыхнул злой огонек. Потом они скосились на нож, лежавший на столе посреди всякой дряни, не одни сутки служившей закуской. А нож был хорош. Не обычный хлеборез с гнущимся лезвием, а самопальная

финка.

Максимов качнулся вперед, угадав следующее движение противника.

Схватил стакан и что есть сил припечатал татуированную ладонь к столу. Пальцы, готовые вцепиться в рукоять ножа, разжались, как лапы у раздавленного паука. Максимов левой наотмашь врезал в отвалившуюся челюсть, гася крик противника. Ударом ноги подрубил ножку табурета, и татуированное тело ухнуло вниз, едва уместившись в узкой щели между столом и стенкой. Осталась торчать только голова. Резкий добивающий удар ногой под ребро, и голова дважды дернулась,

потом безвольно повисла.

Дядя Коля нервно икнул и тупо уставился на Максимова.

— Ты чо быкуешь, мужик? — с трудом выдавил он.

Максимов стаканом пошевелил нож. Бурый ободок на крае клинка у самой рукояти выглядел весьма подозрительно.

— Что-то у тебя дружки больно резкие. Чуть что — за нож хватаются. Впрочем, не о том сейчас разговор будет. Собаку ты на улицу выпускал?

— Что ей в квартире ссать? — с вызовом начал дядя Коля. Но, покосившись на друга, сидящего под столом в позе вьетнамского партизана на допросе, осекся.

— Почему бы и нет? — пробормотал Максимов, понюхав спертый воздух. — Так ты или нет?

— Ну я.

Максимов холодным взглядом прощупал дядю Колю. Цели для удара не нашел, куда не ткни — сразу на тот свет. С трудом разжал пальцы, сжимавшие замызганный стакан.

— Пойдем, Николай, — бесцветным голосом произнес Максимов. Двумя пальцами подцепил влажную тряпку, стер со стакана свои отпечатки. — Сейчас менты по твою душу приедут. Ты их у подъезда подождешь.

— А на фига мне менты?

— Там бабы тебе все объяснят.

Они будут объяснять, а я тебя держать. Не бойся, до смерти забить не дам.

Коля шевелил бровями, как недавно его доберман, натужно и долго.

Максимов отступил на шаг назад, за порог кухни.

— Встать!!

Голос хлестнул, как плеть. Коля невольно вжал голову в плечи.

— Встал — и рысью за мной, — уже тише скомандовал Максимов.

Коля дрогнул телом и приподнялся на полусогнутых ногах.

Дверь квартиры от мощного пинка едва не слетела с петель. В прихожей забухали тяжелые ботинки.

Глухой удар чем-то твердым об угол шкафа, и следом мужской голос со сдержанной угрозой простонал:

— Твою мать... Ну, уроды, готовьтесь!

В коридорчик втиснулся участковый. Милицейскую фуражку он задвинул высоко на затылок. Морщась, потирал ушибленный лоб. Злой он был до белых губ, как и полагается участковому, прибывшему на вызов в адрес, где все рожи знал, как облупленных.

— О! — от удивления он остолбенел.

Увидеть прилично одетого мужчину на этой помойке жизни он явно не ожидал.

— Доброе утро, Петр Николаевич, — первым поздоровался Максимов.

— А ты... — Участковому хватило секунды, чтобы опознать новое лицо. — Ты-то что тут делаешь?

— С собаководом побеседовать зашел.

Под милицейской фуражкой в турбо режиме заработал персональный ЗИЦ^[45]. По учетам участкового Максимов проходил как обладатель легально оформленного «Магнума» и корочки помощника депутата. Других данных компрометирующего характера не было и быть не могло. К алкогольно-

криминальной жизни района он никакого отношения не имел. Заявлений на него не поступало.

А вот от него — да. И именно на дядю Колю. В личной беседе официально заявил участковому, что применит «Магнум» на поражение, если Коля не уймет свою псину. В свежей сводке ЗИЦа, наверняка, уже значился труп добермана. И покалеченный ребенок.

На секунду на изможденном службой лице участкового мелькнула неподдельная тревога.

— Надеюсь, без оружия?

— Зачем? Таких руками рвать надо, — ответил Максимов. — Да успокойтесь, вон он сидит. Жив-

здоров. И даже опохмеленный.

Участковый тяжело засопел, протиснулся мимо Максимова в кухню.

— Привет, начальник! — подал голос Коля.

Максимову не было видно, но по характерному звуку он понял, что Коля очень сильно приложился лбом об стол.

— За что, начальник?! — возмутился дядя Коля.

Последовал еще один глухой удар. Больше вопросов не поступало.

— Доигрался, урод! — прорычал Петр Николаевич. — А я же предупреждал... Под статью пойдешь, гарантирую!

Дядя Коля промычал что-то нечленораздельное.

— Что тебе непонятно?! — Участковый великолепно понимал язык своих подопечных. — Шавка твоя, блин, ребенку руку отгрызла! Три года пацану, слышишь, а он чуть кровью не истек! Мать тоже «скорая» увезла. Все, Коля, добухался, срок тебе — как с куста.

— Ой, мля!

После короткой паузы стол опять принял на себя что-то тупое, круглое и твердое. Звук повторился, но слабее. Очевидно, Коля на этот раз тюкнулся об стол по собственной воле.

— Так, а это что за хрен с

бугра? — участковый обратился к Максиму.

— Не знаю. Он мне не представился.

Громко хрустнули колени. Натужно выдохнув, участковый сел в раскорячку перед нокаутированным неизвестным.

Максимов решил сдвинуться ближе к выходу, в комнате нарастала тяжелая возня. Лежбище, разбуженное шумом, как стадо тюленей, пришло в движение. Вот-вот начнут соображать, возможно, кто-то решит броситься в бега.

Он оказался как раз напротив двери в ванную. И из-под туалетной в щель несло далеко не ароматом

«Кристиан Диора». Но из ванной сочился какой-то чересчур уж мерзкий и удушливый запах. То ли бак с бельем прокис неделю назад, то ли месяц там справляли нужду всем кагалом.

Максимов, чтобы не марать рук и не оставлять отпечатков в криминальной квартирке, сунул носок ботинка в щель, потянул дверь на себя. Заглянул. И отвалился к стене. Выдохнул, ударом выгоняя из ноздрей липкий запах смерти.

— Петр Николаевич, — позвал он участкового.

Тот все еще сидел на корточках напротив собутыльника дяди Коли и, держа его за волосы, составлял

словесный портрет.

— Ты еще здесь? — Участковый даже не оглянулся.

Максимов пропустил намек мимо ушей.

— Нож на столе не трогайте, «пальчики» на нем, возможно, пригодятся.

Интуиция у участкового оказалась прекрасной. А, может, опыт подсказывал, что здесь уже допились до точки, после которой количество выпитого рано или поздно материализуется в труп.

Петр Николаевич, кряхтя, встал.

Максимов шире распахнул дверь.

Скрюченный труп неизвестного

мужчины лежал в ванне. Сукровица под ним давно загустела, превратилась в мерзкого вида кисель. Липкие разводы темными подпалинами расползлись по животу, обильно пропитав пиджак и клетчатую рубашку. В расколотой раковине комом белела чья-то рубашка, один рукав свесился через край. Света мутной лампочки под потолком хватило, чтобы с порога разглядеть бурые потеки от манжеты до локтя.

Участковый отшатнулся. Оглянулся на собутыльника дяди Коли, сидевшего в позе эмбриона под столом. Голого по пояс.

Николай Петрович долго

выдохнул, витиевато и многосложно матерясь.

— Ну просто собаки, а не люди! — закончил он.

Вытянул из нагрудного кармана бушлата рацию. Лицо у него при этом сделалось, как у мужика перед барщиной: хочешь не хочешь, а работать надо.

* * *

Через полчаса в бомжатнике у дяди Коли начался форменный бардак. Прибыла оперативная группа и принялась приводить в чувство и заковывать в наручники постояльцев.

Гвалт, вонь и мат. Неотложные следственные действия сопровождались хором возмущенных соседей. Подъезд гудел. Все требовали публичной казни собаководы и громогласно перечисляли все его прегрешения за последние двадцать лет.

Для приватной беседы и снятия показаний условий не было никаких. Участковый сделал знак Максиму следовать за ним. Прошел ледоколом сквозь пробку из тел, рвущихся в свидетели и исполнители приговора.

На улице припустил нудный осенний дождик, и они решили устроиться в машине Максимова. Участковый принял предложение

легко, не ломаясь.

Он жил и работал на нейтральной полосе между народом и властью, ежедневно общаясь и низами, и с верхами. Очевидно, специфика положения наложила свой отпечаток. Петр Николаевич, дослужившись до капитанских погон к сорока годам, отточил нюх и стал философом. Если бы образование позволяло, то даже взял бы девизом мудрое: «Каждому свое».

Он уже нутром чувствовал, с кем надо проявлять гибкость, а кого можно ломать через колено, от кого принимать подношения, а кому оказывать услуги. И к инструкциям на все случаи жизни, что

самозабвенно плодит начальство, относился с философским спокойствием. Кто из работающих «на земле» всерьез воспринимает эти бумажки? Во-первых, всех руководящих указаний не исполнишь, треснешь по швам или умом тронешься. А во-вторых, инструкцию, ведь в салат не крошишь и супа из нее не сваришь. Жить как-то надо, а чтобы жить, нужно есть. Такая вот диалектика.

Петр Николаевич удобно устроился в кресле и терпеливо ждал, пока Максимов писал. Курил одолженную сигарету и молчал.

— Вот и все. — Максимов поставил подпись на заявлении.

Передал листок участковому.

Петр Николаевич, беззвучно шевеля губами, добросовестно прочел каждую строчку.

— Отморозка ты на пол повалил? — как бы мимоходом спросил он.

— Каюсь, был грех. — Максимов улыбнулся. — Дикий он какой-то. За нож схватился, пришлось усыпить.

— Хорошо, что не как ту собаку, — пробормотал себе под нос участковый. — А что не написал? Тут можно до кучи «покушение на убийство» повесить.

— А до суда вы этот эпизод доведете?

Участковый подумал немного и кивнул.

— Резонно, — не без удовольствия ввернул он умное слово. — Ладно, ему и так на полную катушку обломится.

Пока опергруппа ехала «на труп», дядя Коля, разом протрезвев от вида мертвеца в своей ванне, успел выдать чистосердечное признание.

С его слов, гостя, имени которого Коля не знал, поднял на нож полуголый отморозок, — как его зовут и откуда он взялся в квартире, Коля тоже понятия не имел. Лишь помнил точно, что его сожительница Тонька усаживалась толстым задом

на колени всем подряд, но дольше всего терлась о безымянного гостя, чем и вывела из себя татуированного. Он пригласил гостя на разговор в ванную, прихватив со стола нож. Вышел один и без ножа.

Потом нож опять появился на столе, им резали хлеб, Коля это вспомнил. Смутно, но припоминал, как Тонька стягивала с гостя рубаху, вымазанную на рукавах чем-то красным. А спать ушла с другим, сука. Его имени Коля, само собой, узнать не удосужился.

Коле спального места не хватило, пришлось кемарить на кухне. Проснулся — на столе бутылка. Хлопнули с гостем по

махонькой, чтобы раскумариться. На старые дрожжи повело знатно... А потом пришел участковый.

Вот, собственно говоря, и вся история. Кровь, любовь и наряд ментов. Шекспир отдыхает.

Перестав трясти за грудки Колю, Петр Николаевич переключился на татуированного. Но попытка снять показания с подозреваемого успехом не увенчалась. Приведенный в чувство, он сразу же начал махать кулаками и рваться на волю. За что был слегка побит и прикован наручниками к батарее.

Участковый убрал листок в папку.

— Допекли, значит,

интеллигента.

Прозвучало не как вывод, а как затравка к разговору. И слово исковеркал, произнося с растяжкой, чтобы раздражить.

Максимов отметил, что для милиционера ход довольно тонкий. Правда, что-то подсказывало, что Николай Петрович «интеллигент» пишет, как и произносит, с «э» вместо всех положенных гласных.

— У меня дед — профессор, мама с папой Горный институт закончили, сам с высшим, правда, специфичным образованием. — Максимов повернулся к участковому лицом. — Но это не есть повод срать у меня под окнами.

После минутного раздумья участковый кивнул.

— Резонно, — веско произнес он.

Максимов достал из бардачка три пакетика гигиенических салфеток, замыленных на борту «Эйр Франс». Один взял себе, остальные положил на папку участковому.

Разорвал фольгу. Стал тщательно протирать пальцы влажной салфеткой. Салон машины сразу же наполнился запахом хорошего одеколona.

Николай Петрович потянул носом. И убрал пакетики в карман бушлата.

— Слушай, объясни

бестолковому, на кой ты в это дело
влез? — неожиданно с
доверительными интонациями
спросил участковый.

— В смысле? — неподдельно
удивился Максимов.

— У тебя своя жизнь, у них, —
он обвел двор рукой, — своя. Сейчас
же затаскают на следствие, потом в
суд свидетелем... Оно тебе надо?
Собаку завалил — молодец, туда ей и
дорога. Претензий никаких. Но если
бы сучара малыша не покусал, а ты
собаке за просто так кишки
выпустил? — Петр Николаевич
выдержал паузу, дав осознать всю
безнадегу ситуации. — Были бы
проблемы. Народ наш дурной,

знаешь. Терпели от пса, а тут впереди собственного визга ко мне с заявлением прибежали бы. А я — человек подневольный. Пришлось бы меры принимать, беседу с тобой проводить профилактическую, то да се, бумажки всякие... И не дай бог кто-то Коляна подбил бы в суд на тебя подать. Вот тогда-то добро тебе боком вышло!

Максимов промолчал, хотя уже догадался, куда клонит участковый.

— А если бы этого гада на кухне чуть сильнее приложил? — Петр Николаевич сделал многозначительную паузу. — Сломал бы позвонки на хрен, вот и превышение необходимой

самообороны. Которую еще доказать надо, была она или нет, а мордобой со смертельным исходом — налицо.

— И хорошо, что труп до моего прихода остыл. А то бы на меня его повесить могли, — подсказал Максимов.

— Ну это вряд ли. Но при желании... — Участковый закатил глаза к козырьку фуражки, как шахматист, просчитывающий варианты. — Хотя ты у нас помощник депутата Думы. Но неприятности могли быть, согласишься!

Максимов сосредоточенно полировал кожу салфеткой. Старательно обдумывал ответ. Сложилось впечатление, что

зачуханный жизнью и службой
участковый нуждается в хорошей
промывке мозгов.

— Хорошо, что про Думу
напомнили, — начал он, скомкав
салфетку. — Как образцовому
участковому по секрету скажу, три
закона сейчас рассматриваются.
Революционного характера.

Первый — о праве на ношения
оружия гражданами. Не пукалок
тульских для самообороны, а
нормальных боевых стволов. Как у
бандитов и милиции. Второй — о
праве на гражданский арест. —
Поймав недоуменный взгляд
капитана, Максимов пояснил: —
Введем обязанность гражданина

пресекать любое преступление. Тот, кто исправно исполняет законы государства, должен иметь право требовать их соблюдения. Сопротивление или неповиновение его законным требованиям будут считаться неповиновением представителю власти. Власть ведь по конституции у нас принадлежит народу, так? Вот единичный представитель народа и получит право применять оружие для защиты власти, народа и себя самого от преступных посягательств. В рамках закона, конечно. Но вплоть до применения оружия на поражение. Отдельным пунктом будет оговорено, что в случае получения увечий или

гибели при исполнении
гражданского долга, ему полагаются
все льготы и пенсии, как
милиционеру.

— А милицию куда? — В
капитане взыграла
профессиональная гордость.

— «Милиция» в изначальном
смысле слова — народные отряды
самообороны. Некоторые это успели
забыть. — Максимов примирительно
улыбнулся. — Не бойтесь, Петр
Николаевич, без работы не
останетесь. Надо же кому-то будет
протоколы штамповать и Колянов до
Колымы конвоировать.

— Законы приняли?

— Пока только в проекте.

— И слава богу! Нет, депутаты у нас уже совсем того. — Капитан посверлил пальцем висок. — Ты только прикинь, что начнется!

Максимов пристально посмотрел ему в глаза.

— Если бы этот отморозок при ОМОНе за нож схватился, уверен, пулю в колено заработал бы по счету раз. Почему я, офицер запаса, умеющий пользоваться оружием не хуже, должен вышибать финку рукой? Резонно это или нет? То-то. А ты мне потом еще нотации читаешь, что я мог его чересчур не женственно башкой об стену приложить! Или я, нормальный мужик, должен терпеть, когда мразь

распускает свой поганый язык и спускает с поводка бойцового пса? Чтобы Колян у пасты заткнуть, а пса в Нижний мир зашвырнуть, мне милиция не нужна. У вас без меня работы хватает. Кстати, не надоело трупы из ванн доставать?

Капитан насупился.

— И все равно, рано такие законы принимать, — упрямо заявил участковый.

— А я думаю, еще не поздно, — ответил Максимов. — Сколько лет в органах, а не уяснил, что нормальным людям законы не нужны, а для ублюдков они бесполезны. Их же стрелять надо, как бешеных собак, ты сам это

отлично знаешь. И лучше мы будем стрелять в них, чем они — в нас, — тихо закончил Максимов.

— Тебе бы только стрелять...

— Ладно, не стрелять, так кастрировать.

Участковый сделал круглые глаза.

— С ума сошел! Даже при Сталине не кастрировали. А сейчас тем более. Демократия! Вот, вроде бы образованный, а таких вещей не понимаешь. Кто же тебе позволит яйца людям резать? Нет у нас такого закона!

— Во-первых, мать ребенка именно это и собиралась сделать. А бабы оторвали бы все

оставшееся... — начал Максимов.

— Ага, и пошли бы всем скопом за нанесение тяжких телесных, не совместимых с жизнью, — усмехнувшись, вставил капитан.

— Это Колян не совместим с нормальной жизнью. А что касается закона научно говоря, о стерилизации, то он был. Самый первый был принят в Америке аж в тысяча девятьсот седьмом году. У нас на Красной Пресне фабричная братва с казачками перестреливалась, революцию делали, а в Штатах по приговору суда стерилизовали рецидивистов. [\[46\]](#) И резали до сорок пятого года. Как перестали, так захлебнулись в преступности.

— Американцы, говоришь? — Капитан сдвинул на затылок фуражку и почесал красную полосу от нее на лбу. — А нас учили, что Гитлер.

— Не-а. Нестыковочка получается. В Германии такой закон приняли в двадцать пятом, а Адольф в это время сидел в тюрьме за антиправительственный мятеж.

— Интересно с умным человеком поговорить... А что же они ему чик-чик не сделали?

— Не успели. Дали пять лет, а отсидел всего девять месяцев.

— Вот! — Капитан вскинул палец. — Вот откуда весь бардак начался. Идиоты, блин, это же сколько жизней можно было бы

спасти!

— Отец воевал? — спросил Максимов.

— Само собой. И оба деда. По матери дед на Курской погиб.

— Так вот, капитан для меня, что Гитлер, что Колян со своими корешами — мразь, жизни не достойная. За свои деньги я Колю на зоне содержать не хочу. И за его ублюдочных детей в соцстрах ничего перечислять не желаю. Лучше раз хирургу заплачу и бутылку Коле куплю для наркоза. Сплошная экономия и никаких проблем! А деньги я лучше тебе на премию отдам, или пусть отцу твоему пенсию повысят.

Он внимательно следил за выражением лица капитана.

«Действует, — констатировал Максимов. — Вся эта патетическая риторика действует безотказно. С социальной базой для „чистки“ полный порядок. Что в принципе и ожидалось. И это самое страшное. В день „М“ примут законы, науськают и разрешат. Вот тогда не только кастрировать, глаза вырывать начнут. Борцы за чистоту родины свинорылые! Сначала гадят друг у дружки под окнами, а потом кровью замыывают».

Максимов бросил бумажный комок в пепельницу. Завел двигатель.

— Петр Николаевич, хочешь к

отделению подброшу? — спросил он совершенно спокойным голосом.

— А? — Участковый нехотя очнулся от невеселых дум. — Если по дороге и время есть.

— У меня сегодня свободный день. — Максимов осторожно вырулил со стоянки. — Библиотечный называется. Но в библиотеку, само собой, я уже не поеду.

Капитан поскреб висок. Персональный ЗИЦ, очевидно, забарахлил, нужную справку предоставил с запозданием.

— А, ты же у нас историк, — кивнул он.

— Археолог, если точно. Но

историей тоже приходится заниматься.

— И сколько платят за такую работу, если не секрет?

«Двести пятьдесят, плюс надбавка за риск», — неожиданно пришло на память предложение Василия Васильевича, шефа безопасности холдинга Матоянца.

— Главное, не сколько платят, а что за эти деньги делать приходится, — ответил он вслух, думая о своем.

— Резонно, — солидно согласился капитан. — Рыночные отношения, так сказать.

Максимов покосился на него и с трудом подавил улыбку.

Оперативная обстановка

«МК-информ»

У СОБАК НАЧАЛОСЬ ОСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Очевидно,
климатические изменения
и дефолт сказались не
только на психике граждан,
но и на братьях наших
меньших. Какое-то
непонятное бешенство
охватило городских собак.
За минувшие сутки в
больницы обратилось
более двух десятков
граждан, покусанных

собаками. Кусаются не только бродячие полканы, озверели также домашние любимцы.

Так, утром во дворе дома 45 по улице Космодемьянских доберман чуть не отгрыз руку трехлетнему малышу. Неизвестный гражданин отогнал пса детской лопаткой. В результате чего пес истек кровью.

А в прошедший уикенд на Арбате грохнул одиночный выстрел. Всеобщий любимец арбатской тусовки пес

Джек вдруг ни с того ни с сего набросился на фланирующую публику. Потом вцепился в форменные штаны милиционера, за что был застрелен на месте. Что заставило пса покончить с жизнью таким странным способом, неизвестно.

Специалисты из горветнадзора считают, что вместе с охотничьими собаками в город могла проникнуть новая острая форма бешенства, подцепленная от диких животных. Известно, что

наибольшую опасность несут лисицы, обитающие в подмосковных лесах. Среди них, поговаривают охотники, нормальных уже не осталось. Практически все страдают либо чумкой, либо бешенством.

Пока городские власти не планируют начать массовую прививку домашних собак и отстрел бродячих. Но если случаи нападения на людей участятся, на полоумных псов будет объявлен охотничий сезон.

А в Подмосковье охота

уже в полном разгаре. Люди стреляют в зверей, а зверье набрасывается на мирных граждан.

Жуткий случай нападения то ли стаи одичавших собак, то ли одуревших волков произошел сегодня в районе Клязьмы. Вся семья местного егеря и вся живность поголовно были растерзаны ворвавшейся на подворье стаей. Кровавый беспредел, учиненный стаей, поставил в тупик издававших виды оперов и опытных охотников. Пока у

следствия нет никаких
версий, объясняющих столь
странное поведение
хищников.

Глава девятнадцатая.

Скрадывание следа

Серый Ангел

Есть несколько мест, где шум суетливой жизни неуместен. Кладбище, больница, церковь, библиотека и лес. В них творится некое таинство, постичь которое до конца человек не может, поэтому обязан в почтительности умерить раж жизни и вести себя, как приглашенный гость.

Но для оперов нет ничего святого, а со смертью они запанибрата. Место преступления

для них всего лишь участок пространства, который должен быть осмотрен и запротоколирован. Скажи им, что место, где из человека ушла жизнь, есть отныне точка перехода между мирами, покрутят пальцем у виска. Но сермяжная правда в демонстративной браваре перед ликом смерти есть. Начнешь на такой работе задумываться о высоких материях, быстро допьешься до белой горячки или начнешь заговариваться, и крутить пальцем у виска будут уже в твой адрес.

Злобин устроился на переднем сиденье машины, выставив ноги наружу. Сидел скрестив руки на коленях и свесив голову, чтобы

ничего не видеть, кроме своих резиновых сапог, заляпанных грязью и кровью, слушал тишину леса.

Он представил себе лес огромным океаном, посреди которого затерялся маленький островок, переполненный людьми в форме. Только океан это не изрыгал грозного рокота, заглушая голоса и нервную суету людей. Он накрывал остров невидимыми валами своего дыхания, то и дело погружая островок в полную, непроницаемую, первозданную тишину. Лес готовился ко сну. Из его дикой глубины выползали сырые туманные сумерки. Не пройдет и часа, как уберутся с островка люди, и лес навсегда

поглотит пяточок освоенного
человеком пространства в своей
пучине.

Зачавкали грузные шаги, и
Злобин нехотя поднял голову.

Зам по следствию потоптался
нерешительно и лишь после этого
сделал последний шаг, приближаясь
к начальству на положенные два
шага. Для капитана, чья самостоятельная
власть кончалась за околицей
провинциального городка, Злобин
был олимпийским богом,
спустившимся в мир смертных по
какой-то своей божественной
надобности. Богам, возможно,
явления народу заменяют
турпоездки, а смертным от этого

одни проблемы. Ладно, получать сверху ценные указания и молнии дело привычное. А что делать с живым богом, сидящим перед тобой в резиновых сапогах?

— Андрей Ильич, ваш парень сказал, что уже заканчивает, — произнес капитан, откашлявшись в кулак.

Злобин посмотрел на него глазами человека, разбуженного командой «Подъем!» посреди цветного детского сна.

Капитан выглядел в полном соответствии со своим званием и возрастом. Взрослый мужик, которому уже ничего в жизни не светит. Да и жизнь серая, как

милицейский бушлат. Про таких говорят, есть еще порох в пороховницах, но ровно столько, чтобы застрелиться.

— Раз сказал, значит, так и будет.

— Так это... может, трупы вынести? Я все уже организовал. Ждем вашей команды.

— Начинай.

Злобину сразу же вспомнилась горница, заваленная кусками человечины, и во рту сделалось мерзко, будто прорвало флюс.

Он достал сигарету, сунул в рот. Тут же выплюнул. Полез в карман за новой.

— Рога надо поотшибать тому,

кто придумал сигареты с фильтром. Вечно их не тем концом в рот суешь, — пробормотал он, слизнув прилипшую к губе табачинку.

Свою пачку он выкурил, пока осматривали место происшествия, если так нейтрально можно назвать то, что представлял из себя дом егеря. Пришлось одалживаться у прибывших на вызов местных. Подарили целую пачку «Лиггетт-Дуката». Когда-то, во времена юности Злобина, это были самые дешевые сигареты с фильтром, набитые убойной силы самосадом. Сейчас по лизингу производили ватного вкуса ерунду с пониженным содержанием всего, что должно быть

в табаке.

Капитан достал из кармана бушлата бензиновую зажигалку, чиркнул колесиком, поднес огонь к сигарете Злобина.

— Спасибо, — кивнул Злобин.

Подумал, что зажигалка «Зиппо» никак не вяжется с образом капитана, да и денег на дорогую заморскую цацку он вряд ли бы стал тратить. Скорее всего, конфисковал у кого-то из наркош. Безотказную и не тухнущую на ветру зажигалку, в Америке ставшую символом особо крутого мужика, отечественные полудохлые наркоманы приспособили в качестве спиртовки для разогрева героина в ложке.

— Шестов, тащи сюда понятых!

Командирский глас капитана больно ударил по барабанным перепонкам. Злобин только поморщился, но вслух замечание делать не стал. Капитан, конечно же, чувствовал себя не в своей тарелке. Но сообразительности и хватки при этом не потерял.

На вызов он прибыл, как на пожар, очумелый, но в полном снаряжении. Привез с собой трех сержантов, кинолога с овчаркой, двух оперов, эксперта-трассолога и судмедэксперта. Самое главное, сообразил доставить понятых, чтобы не искать по лесу грибников, желающих поставить закорючку в

протоколах.

В качестве понятых были привлечены граждане несносно помятого вида. Когда они с ворчанием и матерками десантировались из зарешеченного отсека милицейского уазика, Злобин недовольно покосился на капитана.

— Граждане Трофимов и Ганжа, — представил их капитан. — Паспортов с собой нет, но данные я наизусть помню. Не смотрите так, в большом хозяйстве любая дребедень сгодится. Правильно я мыслю?

Злобин вспомнил перебранку дежурного с крышевателем цыган и с усмешкой поинтересовался:

— А обмочившегося Жучкова

почему до кучи не взял?

Капитан онемел от удивления. Злобин подумал, что еще год по местному околотку будут гулять легенды о сверхинформированности Генпрокуратуры.

Трофимов с Ганжой под конвоем сержанта подошли к «Волге». Замерли в пяти шагах. Косились сизыми испитыми глазками на свое и заезжее начальство, как с испокон веку смотрит мужик на урядника и московского барина.

— Значит, так, враги. — Капитан широко расставил ноги и заложил руки за спину. — Сейчас берете черные мешки в багажнике и поступаете в распоряжение эксперта.

Что он укажет, то туда и складываете. Потом несете вон в ту машину.

Трофимов потянул кепку за козырек, закрыв глаза от жгучих начальственных очей.

— Уговора не было трупы таскать, начальник. И так насмотрелись, блевать три дня буду дальше, чем вижу.

— Не понял? — с чугуном в голосе сказал капитан.

— И то правда, — подключился к поискам справедливости Ганжа. — Что мы, труповозы какие? Или эти, палынаматомы?

— Еще одно умное слово, и ты у меня в «обезьяннике» гнездо себе сошьешь, орел плюшевый! —

Капитан махнул сержанту. — Уводи врагов!

— За такую работу, между прочим, сам бог велел, — достаточно громко прошептал Трофимов.

— Вот с него и получишь. — Капитан задавил торг на корню.

Закурил и присел на корточки напротив Злобина. В глазах у него было беспокойство овчарки, не уверенной, ту ли палку она принесла.

— Все правильно, Денис Григорьевич, — успокоил его Злобин. — Все формальности мы соблюдали. А как и чего это нам стоило, никого не интересует.

Капитан с явным облегчением выдохнул дым.

— Что ты по этому поводу думаешь? — спросил Злобин, указав сигаретой на дом.

Капитан скосил глаза на кончик своей сигареты. Она заметно вздрагивала в толстых крестьянских пальцах.

— Не знаю, что и сказать, Андрей Ильич. Жуть страшная. Первый раз такое вижу.

— А Матоянц не в счет?

— У-у! Там один, а здесь — вон сколько накрошили. — Он сплюнул длинной, вязкой струей себе под ноги. — Зверье, одним словом.

— Еще похожие случаи были?

Капитан кивнул.

— По весне одного

«подснежника» нашли. Наполовину обглоданного. Думали, из Москвы подбросили подарочек. Оказалось, местный. Типа этих. — Он кивнул на получавших прорезиненные мешки «врагов». — Почтальона в прошлом году задрали. В Горелках это было. Прямо посреди улицы. С тех пор туда почту никто не носит.

— Как же они там живут? Пенсии же получать надо.

— Ай, те пенсии... Какие пенсии с трудодней? Одни вдовы бабки остались. Всю жизнь пахали, а заработали гроши. Вот одну в Горлеках Миллионщицей прозвали: у нее пенсия аж шестьдесят рублей. У всех еле сороковник набегает, а у нее

целых шестьдесят!

— С ума сойти, как же живут? — Злобин поежился.

— Никак не помрут, вот и живут. Александр Васильевич, участковый их, уехал, вот у него бы подробности спросили. Он у этих бабок за Илью Муромца, защита и опора. Голо там. — Капитан кивнул куда-то в лес. — Кого война не повыбила и зона не извела, тех Москва заманила и не отпускает. Может, от этого зверье и обнаглело. Раньше же деревни человеческим духом пахли, маслом машинным, дизелем, тем, сем. Шум какой-то издавали, когда по хозяйству возились. Вот зверье и отпугивали. А теперь ни шума, ни

запахов, ни жизни. Одни бабки на печках прячутся. Ох, кстати, вспомнил, Александр Васильевич рассказывал, к одной бабке стая заявилась. Волчары бешенные. Лбами окно вышибли и перевернули все вверх дном. Жрать нечего, бабка со страху в подпол забилась. Бог миловал, не тронули. Выспались и утром ушли. Вот так!

— Когда это было?

Капитан опять скосил глаза на тлеющий кончик сигареты.

— А в прошлом году и было, — немного погодя ответил он. — Перед майскими праздниками.

— Получается, волки у вас снуют повсюду.

— Волки — редкость. А когда из леса вываливает косяк кабанов и за пять минут хомячит всю картошку на огороде, этим уже никого не удивишь. — Он досмолил сигарету до фильтра, уронил окурок в траву. — Дело мне отпишете, Андрей Ильич, или как?

— Я поэтому и интересуюсь, что ты по всему этому думаешь.

Капитан пожал плечами.

— Я Ольке Мухе про Матоянца сказал и сейчас повторю:дохлое дело, волков в суд не потащишь. Закрывать его надо ввиду отсутствия события преступления.

— А с тем, кого мы здесь вспугнули, что делать?

— Ну-у! Его еще отловить надо. Пока найдем и заарканим, экспертиза поспеет. И никак он к этой мясорубке не пристегнется. Что тогда? Тогда вешаем на него сопротивление работнику милиции и отправляем на нары, — себе ответил капитан.

Злобин бросил окурок под ноги, размазал сапогом.

— Больно вовремя волки появляются. Ладно, и на старуху бывает проруха, — сказал он, думая о своем.

— Но и на деда бывает победа, — вставил капитан.

Злобин через силу улыбнулся.

С крыльца прыжком слетел

Сергей, трусцой побежал к «Волге».

— Толковый парень. У вас там все такие? — спросил капитан, оглянувшись через плечо.

— Не завидуй, не в раю живем.

— Это точно, — согласился капитан. — Я тоже телевизор смотрю.

Он встал, уступая место Сергею.

— Андрей Ильич, след! — выдохнул Сергей, протягивая фотоальбом в пленочном переплете. — В комодке нашел.

Злобин принял из его рук альбом, перехватив в заложенном пальцем месте. Альбом сразу же раскрылся на нужной странице.

Фотографии были по-

кодаковски яркие и праздничные. Только сердце у Злобина сразу же ухнуло вниз.

Со снимка на него смотрел, улыбаясь, тот самый «толкиенист». Даже карнавальный костюм охотника за оборотнями не сменил. Камуфляж и жилетка мехом наружу. Волосы схвачены на лбу плетеным ремешком.

А рядом стоял егерь Матвей Петрович Сазонов. Целый и невредимый, улыбающийся.

На другом снимке они стояли в обнимку, как старые друзья.

Где именно делались снимки, с первого раза не угадаешь, лес за спиной. А какой, неизвестно.

— Что ты там про деда с победой говорил? — Злобин протянул капитану альбом. — Даже в запертом изнутри доме всегда наследят.

— Изъятие оформил? — обратился он к Сергею.

— Обижаете, Андрей Ильич! Эти два ханурика уже закорючки поставили.

— Как они там, кстати?

— Водку клянчат. А где я им возьму? — Улыбался Сергей без натуги.

Из низины, по которой шла дорога к кордону, стал нарастать низкий рев мощного мотора. Милицейский уазик, застрявший там,

кавалькада под предводительством капитана второпях просто сдернула тросом в лужу, чтобы не загораживал дороги. И теперь кто-то воспользовался отсутствием препятствия.

— Похоже, на танке кто-то катит, — пробормотал Сергей.

Злобин встал.

Тревога уже охватила островок подворья. Сержанты, маявшиися бездельем у машин, озирались в поисках начальства. Собака, от которой проку оказалось никакого, след она отказалась брать категорически, вспомнила о служебных обязанностях и громко залаяла. В микроавтобусе экспертов

распахнулась дверь и наружу
высунулась очкастая голова.

Капитан вернул Злобину альбом
и поправил кобуру на поясе.

— Думаю, ваши катят.

— В смысле? — удивился

Злобин.

— Шеф.

Сергей хохотнул.

— Наш шеф сидит в кабинете.

— Вам лучше знать. — Капитан
пожал плечами. — Зеленчук! — как в
мегафон вдруг рывкнул он. —
Тормозни этого танкиста!

В серой мути умирающего дня
как раз вспыхнули фары. Две, где им
полагается, и четыре в ряд на крыше
машины. Сноп яркого света

выхватил, как фотовспышкой, замерших на подворье людей.

Сержант не успел, в распахнутые ворота ворвался «лендровер», клаксоном отпугнув его с дороги. Круто вывернув руль, водитель осадил машину, как взъяренного коня, впечатав ее колесами в землю в сантиметре от борта микроавтобуса.

— Нам так не жить, — прокомментировал Сергей.

Капитан с оттяжкой сплюнул.

Злобин успел разглядеть эмблему МЧС на дверце, перед тем как она распахнулась, выпустив наружу коренастого, крепко сбитого мужчину.

— Кто здесь старший?! — прогремел мужчина голосом профессионального военного.

— Идите сюда, Семен Петрович. Мужчина повернулся на голос Злобина. Даже по позе было видно, что он опешил от удивления.

— Идите, идите, Сазонов, — еще раз позвал его Злобин. — Только скажите водителю, пусть мотор заглушит. Здесь и без этого голова кругом идет. И бойцов попросите стоять, где встали, — добавил он, увидев, как следом из машины, как братья из ларца, появились близнецы-тяжелоатлеты в темных комбезах.

Мужчина дал отмашку, и

двигатель тут же умолк. Его бойцы замерли, как ротвейлеры, в ожидании команды «фас».

— Брат Матвея? — спросил капитан.

— А кто же еще, — ответил Злобин, не оглянувшись. — У вас нравы, как я погляжу, деревенские. «Сарафанное радио» лучше НТВ работает.

— А что вы хотели? — не обиделся капитан. — Случай-то какой!

— В России все секретно, но тайн нет, — ввернул Сергей. — Мне остаться, Андрей Ильич?

— Конечно, — кивнул Злобин.

Даже неяркого света хватило,

чтобы без труда опознать в подошедшем мужчине родного брата погибшего егеря. Явно старшего.

Если сравнивать с егерем на снимках, Семен Петрович выглядел солиднее. К природной ширококостной силе добавилась властность, к сметливому уму расчетливость карьерного человека, к крутому нраву — матерость профессионального ломателя хребтов.

Семен Петрович шумно втягивал носом воздух, переводя взгляд глубоко посаженных глаз со Злобина на капитана. Сергея ввиду его молодости он внимания не удостоил.

— Кто здесь старший? —

напряженным голосом спросил он.

— Я, Семен Петрович. —

Злобин шагнул вперед. — Злобин Андрей Ильич. Генеральная прокуратура.

— Даже так?

— А что вас удивляет?

— Просто так... Мне сообщили, что Матвей погиб.

— Это правда. Примите мои соболезнования.

Лицо Сазонова, словно топором вытесанное, на секунду дрогнуло, как от выстрела зубной боли. Но он моментально взял себя в руки.

— Я хочу посмотреть.

Злобин медлил, давая почувствовать, что ни от желаний, ни

тем более от приказов посторонних здесь ничего не зависит.

— Это невозможно.

— Почему это? — Сазонов сузил глаза.

— Во-первых, на месте происшествия проводятся неотложные следственные действия. До их окончания в дом никто, кроме следственной группы, не войдет.

— А опознание? — не дослушал его Сазонов. — Кто Матвея опознает?

— Семен Петрович, в дом ворвалась стая волков. Произошло это, примерно, вчера вечером. То, что осталось от людей, сейчас опознанию подлежит с трудом.

— Как? Всех?! — выдохнул Сазонов.

— Погибли все, кто был в доме. Сазонов заскрипел зубами так, что капитан вздрогнул.

— Там девочка должна... — Не договорив, он закусил губу.

— Жена, обе дочери и невестка, — перечислил Злобин.

Сазонов затряс головой.

— Нет. Грудняшка. — Он с трудом сглотнул ком. — Внучка наша.

Злобин зашкрябал в кармане, пытаясь вытащить сигарету. Без затыжки держаться уже не было сил. Насмотрелся на истерики женщин и даже притерпелся, но как корежит и

рвет нутро у таких вот мужиков, лучше не видеть. Сам такой, режь на спине ремни, ни стопа, ни вскрика не услышишь, кишка выдержит. Только бы сердце не взорвалось.

Сергей пришел на помощь.

— Ее точно не было в доме. Мы не нашли детских вещей.

Злобин мимоходом отметил, как ловко вывернулся Сергей, не сказав «труп ребенка».

— Слава Богу.

Сазонов отвернулся, пряча лицо от их взглядов.

Охранники неверно истолковали, посчитав, что он подал знак, и дружно шагнули вперед.

— Стоять там! — махнул на них

Сазонов.

В голосе опять была только армейская сталь.

«Кремень», — не без удовлетворения отметил Злобин. Он достал-таки сигарету. Сунул в рот.

— Покурим, Семен Петрович. Нам поговорить надо.

— А? — Сазонов повернулся. — Не-е. Мне иголки в уши втыкали, чтобы от курева отучить. Не буду.

— В дом действительно нельзя. Вы понимаете, почему. Придется здесь разговаривать.

Сазонов оглянулся на дом, черневший на фоне тускло освещенного леса. С крыльца двое нелеподвигающихся мужчин

сносили черный мешок.

Оперативная обстановка

*Протокол допроса
свидетеля*

(фрагмент)

...на предъявленных
фотографиях свидетель
безоговорочно опознал
своего брата, Сазонова
Матвея Петровича, и гр.
Новикова Ярослава
Константиновича. Со слов
свидетеля, снимок был
сделан в 1994 году в
охотхозяйстве «Видное»,

близ пос. Алексеевка
Красноярского края, где до
1995 служил старшим
егерем потерпевший
Сазонов М.П.

* * *

«Лендровер» МЧС неся
впереди, распугивая мигалкой и
ревунот зазевавшихся водителей.
Большинство, увидев в зеркале
тревожные синие всполохи, заранее
принимали вправо, освобождая
крайнюю полосу. «Волга» Злобина
пристроилась почти бампер к
бамперу к тарану. Сергей явно

получал удовольствие от такой экстремальной езды.

— Подробности не знаете? — спросил Злобин у сидевшего рядом Сазонова.

— Темная история. Матвей особо не распространялся. А у нас так в семье заведено, не хочет человек говорить, не лезь с расспросами.

Злобин вспомнил фото из семейного альбома Сазоновых. Не из того, глянцевого дешевого из Гонконга, в них только снимки на память о турпоездке в Турцию хранить. А семейного, толстого и солидного, как домашняя библия, в коленкоровом переплете и со страницами из

плотного картона с просечками для фотографий.

На первой странице, как точка отсчета, хранилась дореволюционная фотокарточка Сазоновых. За дубовым столом строго по ранжиру и старшинству сидели двенадцать братьев. Все как по одному лекалу выкроенные, косая сажень в плечах, лица простые, но с такой гордой силищей в глазах, что не надо даже смотреть на пудовые кулаки, выложенные на стол, чтобы понять, что таким ни медведь в лесу, ни враг в голом поле не страшен. Шеи у всех короткие, как дуб в землю, в плечи ушедшие. Кланяться такими не сподручно, проще удар в лоб

принять. Только одним ударом таких быков не свалить. И потом не отскочить. Резкая в них силища и сокрушительная, как у медведя.

В центре этого буйства мужской стати сидел патриарх с окладистой седой бородой. Единственное, что его отличало от сынов, так это седой волос. Ни морщин, ни дряхлости. А силы изначальной, сколько в сумме во всех детках, по левую и правую руку сидящим. Патриарх был прямым потомком стрельца Сазонова, от царского дурного гнева сбежавшего аж за Урал. Более покорным потехи ради и клятвы для петровы приспешники головы порубили, а Сазонов со товарищи в то же время

скатал дом из бревен в два обхвата, да такой, что стоит до сих пор. Почернел, но не сгнил.

Крайний слева, младший в роду, Матвею и Семену дедом доводился. На него братья и были похожи, как ягоды с одного куста.

Злобин придвинулся ближе.

— Хоть и темная история, но справки навести можно. Мужик на фото — это след, пойми. Ты, Семен Петрович, хоть какую зацепку дай, — попросил он.

С Сазоновым они еще на кордоне без проблем перешли на «ТЫ».

Сазонов поморщился.

— Да наводил я справки! Тогда

же пришлось на все рычаги нажать, чтобы Матвея из того медвежьего угла выкорчевать. Думаешь, ему Москва медом мазана? Как и мне, впрочем. — Он похрустел пальцами. — Темная история. Две деревни там волки выели. Начисто. В каждой по десятку бабок да по полтора деда. Однако ж, все одно — живые души. Скандал был ужасный. На Матвея попытались всех собак повесить. А он и не отпирался. Чуть ли не в тюрьму просился.

— Так, значит!

Злобин краем глаза отметил, что Сергей повел шеей, прислушиваясь.

— Уж не знаю как, но этот трехнутый Ярослав в эту бодягу

подписался. Матвей обмолвился, что приезжал он тогда. И не один. Пятерых дружков с собой привез. Таких же. — Сазонов покрутил пальцем у виска. — Охотники на оборотней, ядрена в корень.

Злобин затаился, боясь ненароком вспугнуть удачу.

Сазонов похрустел костяшками, сжимая и разжимая кулаки.

— Теория у них такая. Эволюция, мол, продолжается. Но если раньше она была рулеткой, в которой выигрыш — выживание, то теперь у нее появился вектор. Все живое играет против человека. Понимаете, о чем речь?

— Продолжайте.

— Ну, по их теории получается, что мы так достали Природу, что вся живность теперь мутирует по признаку, кто больше человеку гадостей принесет. Вирусы всякие с животных на человека переходят, болячки всякие.

— А оборотни тут при чем?

— Оборотни... Это самый смертный враг для человека. Только не те, что в кино показывают. А самые настоящие. — Сазонов покосился на Злобина. — Собаки, скрещенные с волком, вот что это такое. Собаки наизуворот. Ведь человек из предков собаки сделал биоробота. Собака службой живет, от команды до команды. Ее, бедную,

даже на случку раз в год на поводке водят. А она без хозяина себя не представляет. Вот так. — Он втиснул пальцы между пальцами. — Умрет за хозяина. И без хозяина дня не проживет. А теперь представь, что будет, если такую привязку наизнанку вывернуть? Это же...

— Спецназовец, пошедший в бандиты, — подсказал Сергей.

— Точно! Только еще хуже. У спецназовца рефлекс волка, но хоть толика человеческих понятий остается. А у собаки ничего нет. Только знание о человеке и волчье умение убивать. Прикинь, какой терминатор получается!

Злобин попробовал себе

представить подобный выверт Природы. Стало не по себе. Особенно после увиденного на кордоне.

— И Ярослав на них охотился? — спросил он.

— Угу, охотился, — угрюмо кивнул Сазонов. — Из той великолепной пятерки он один остался. Запросите данные райотдела в Алексеевке. Там дела по факту смертей в деревнях возбуждались.

Сергей словно почувствовал на себе взгляд Злобина, кивнул.

— Мало что понятно, но это уже кое-что, — задумчиво произнес Злобин. — А Матвей верил в эту

теорию?

— Да как сказать. — Сазонов пожал плечами. — Ребята же с биофака МГУ. Со степенями даже. Нет, Матвей не из тех, кому можно всякой заумью мозги запудрить. Хотя, если что в голову возьмет, не выпустит, пока по косточкам не разберет и по полочкам не разложит. — Он вздохнул. — Мы, Сазоновы, мужики упертые.

Он с собачьей тоской в глазах посмотрел на Злобина.

— Андрей Ильич, ты извини. Завтра хоть всю душу вымотай, а сегодня я — пас. Не могу больше!

— Что ты, Семен. Все нормально. Ты и так нам помог.

Злобин хотел положить руку на эту широкую ладонь, что до судороги то и дело сжималась в пудовый кулак. Но почувствовал, что не надо этого делать. Всему есть предел, и боли, и сочувствию.

— Тогда извиняйте, мужики, я — в штопор. Иначе сердце... Ай, ладно, все свои!

Сазонов покопошился, извлек из потайного кармана форменного бушлата плоскую фляжку емкостью с нормальную бутылку водки. Свернул пробку и приставил горлышко к распахнутому рту. Закинул голову и стал лить внутрь пахучую жидкость.

По салону поплыл запах можжевельника и чистого спирта.

Сергей в зеркальце послал тревожный взгляд Злобину.

Злобин незаметно кивнул: «Порядок. Пусть уж так, если поможет».

Сазонов оторвался, шумно выдохнул перегарную струю.

— Будешь?

Злобин отрицательно покачал головой.

— За брата моего, Матвея. И семью его. — Из голоса Сазонова пропала вся сила. И вся сдерживаемая боль, как сукровица из лопнувшей раны, выступила наружу.

Злобин принял из его рук фляжку.

Прошептал:

— Земля пухом!

Край горлышка больно прищемил губу, но следом в рот ударила горячая волна. Злобин, едва не поперхнувшись, сглотнул жгучую влагу.

Передал фляжку Сазонову. Тот поболтал остатки. По звуку, осталась почти половина.

Сазонов сглотнул ком в горле, отдышался и резко закинул голову, заткнув рот горлышком фляжки. Пил страшно, насильно заталкивая в себя жидкий огонь.

Тяжко отвалился на спинку сиденья, безжизненно уронив руку с фляжкой. Долго, с присвистом выдохнул.

— Все, мужики. Абзац, — произнес он неживым голосом. — Не трогайте меня, Христа ради.

Он добела закусил губу, закинул голову и плотно зажмурил глаза.

* * *

Телефонограмма

Прошу срочно собрать
установочные данные на гр.
Новикова Ярослава
Константиновича,
ориентировочно 1967 г.р.,
выпускника биофака МГУ,
и принять меры по
установлению настоящего

места жительства с целью
взятия под оперативный
контроль по подозрению в
причастности к особо
опасному преступлению.

Злобин А.И.

Глава двадцатая. На охотника и зверь бежит

Странник

Некоторые научные сходы казались Максиму выборами капитана на корабле дураков. Причем, внеочередными, ввиду обнаруженной в трюме течи.

Накал страстей объяснялся просто — нищетой. Как в свое время коммунисты не платили партвзносов со взяток, так теперь «демократы» не удосуживались отстегивать налог с вывозимого за кордон капитала. Называлось это либеральной

экономикой: не хочешь, не плати. Денег по этой вполне очевидной причине не хватало даже на нерегулярный прокорм научной братии, а уж о финансировании исследований лучше не заикаться. Сочтут тебя полным шизофреником.

Странно, но, не кормя своих ученых-крепостных, новоявленные феодалчики с державным рвением набрасывались на всякого, кто пытался спасти науку от голодной смерти и полной интеллектуальной деградации. Из филантропа Сороса сделали Джеймса Бонда, а всех, кто удостоился его грантов, обвинили в прихлебательстве и тайном пособничестве Мировому Заговору.

Против России, конечно. Больше миру заниматься нечем.

Максимов вошел в зал, раскланиваясь со всеми, кто обратил на него внимание, занял свободное место поближе к проходу. Осмотрелся.

«Полный комплект, как на Ноевом ковчеге», — констатировал он.

Баланс агнцев и козлиц на научных конференциях в последнее время все больше тяготел к ранее существовавшей пропорции. Наблюдателей было ровно столько, чтобы держать под контролем фонтанирующих идеями наблюдаемых.

У наблюдателей из соответствующих департаментов был вид хорошо отъевшихся и прибарахлившихся счастливицов. Оно и понятно, что если раз в полгода уходить за штат родной конторы на сытые должности шефов «безопасности неизвестно чего», то жирок невольно нагуляешь.

Наблюдаемым с «корабля дураков» бежать было некуда, кормились подножно и жались друг к другу, как овцебыки в тундре. Вид имели соответствующий. В глазах фанатичный блеск у многих сменился тоской по государственному финансированию и казарменному уюту «шарашек».

Как странные гибриды смотрелись те наблюдаемые, кто подсел на чьи-то деньги и выглядел не хуже, чем наблюдатели.

И совсем уж потерянно
смотрелась научшизоидная тусовка
из самых невероятных особей: от
кликуш, контуженных мадам
Блаватской^[47], до язвенных
последователей Рериха.

«Кончилась вольница. Скоро занятия по строевой подготовке введут», — с неудовольствием подумал Максимов, по личному опыту знающий, что это за удовольствие.

Решил изучение реликтов и
новообразований научного

сообщества оставить на потом и послушать докладчика. Тема конференции оказалась уж больно занимательной: «Управляемая эволюция человека: проблемы комплексного подхода». Не больше и не меньше. Словно частные проблемки уже решены, осталось только свести все к системе мер — и ура!

Президиум делал вид, что внимает, зал шушукался, а докладчик гнул свое, не обращая внимания на общее невнимание.

Оратор закончил монотонный бубнеж и обратил взор на президиум.

Седые головы и широкие проплешины согласно, но вразнобой

закивали. Шум в зале возрос до неприличия и разразился шлепками аплодисментов.

Оратор собрал бумажки с трибуны и резво сбежал в зал. На вид ему было хорошо за сорок. Во времена, которые он живописал в течение часа, прожил бы ровно столько. Или саблезубый тигр в качестве холодной закуски употребил бы, или свои бы тюкнули каменным топором по темечку из жалости, чтобы не мучался.

Максимов почувствовал, что в атмосфере нарастает нервное напряжение. Он опоздал минимум часа на полтора и не смог прослушать в курилке интриганских

раскладов предстоящего действия. Без
склок жизнь скучна — и поэтому не
обходится.

Судя по шелестящему шепотку в
зале и легкому замешательству в
президиуме, явно назревал семейный
скандальчик. Максимов закрутил
головой в поисках инфант-
терибля^[48].

— Друзья, — призвал
председатель. — Мы условились в
порядке дискуссии предоставлять по
десять минут. Но — в порядке!
Первым записался Вадим Вадимович
Бриль. Но вот пришла от него
записка, что он передает свою
очередь Ярославу Новикову. Право
Вадима Вадимовича мы уважаем...

Но предлагаю сразу договориться: давайте не плодить поручиков Кижее. Кто такой Новиков — увольте, не знаем.

Председатель по-махатовски изобразил немую сцену из «Ревизора». Президиум в полном молчании и согласии покачал светлыми головами.

В театральную паузу вклинился каркающий голос соседа Максимова.

— Ха-ха-ха, — римским вороном выдал он.

Максимов покосился на каркушу. На первый взгляд нормальный мужик, в возрасте. Научную специализацию визуально определить сложно. Но то, что сосед

имеет отношение к академической науке, по цвету лица и костюма угадывалось без проблем.

Сосед, скорее всего, не знал, что трижды каркнувший ворон в Риме служил знаком беды. Могли и кирпичом латиняне запустить.

Как по команде, после карканья в зале начал нарастать недовольный гул.

— А вы спросите у Генриха Борисовича, — раздался справа молодой голос. — Он рядом с вами сидит.

Председатель склонился к лысой голове. Лысая голова что-то прошептала ему на ухо.

— В чем соль, коллега? —

поинтересовался Максимов.

Сосед удивленно уставился на него.

— Я помощник профессора Арсеньева, — представился Максимов.

— А! — с уважением протянул сосед. — Арсеньев, конечно, конечно...

«В одной фракции с дедом или из заключивших союзный договор», — с облегчением подумал Максимов.

Сосед сразу же оживился и придвинулся ближе. Прикрыв рот ладошкой, зашептал:

— Вы разве не в курсе, кто теперь Мамонт? — Он указал

глазами на председателя. — Сожрал Токарчука и влез вице в комиссию по борьбе со лженаукой Большой Академии. Как вам это нравится?

Максимов всем видом показал, что нравится ему не очень.

— Теперь они подмяли комиссию под себя. И уж развернутся, можете мне верить. Надо будет, школьную физику объявят лженаукой. Думаете, это конференция? Это демонстрация силы!

— Экстрасенсов жалко. Только развернулись ребята, — попробовал пошутить Максимов.

Оказалось, неудачно. В глазах соседа вспыхнул отблеск костра

Джордано Бруно.

Он подцепил Максимова за лацкан, притянул ближе.

— С них и начнут, — обжег он жарким шепотом ухо Максимова. — Построят, пересчитают, кого сочтут нужным, купят, остальных — милости просим вон. Ну и выпорют с четвертованием парочку для остратки.

Максимов не резко, но настойчиво освободился от цепкой хватки.

— А Новиков, он из...

— Конечно же, — не дал ему закончить сосед. — ВИЦ «Курсор».

Под многозначительным взглядом Максимов вынужден был

кивнуть. Не хотелось выглядеть полным профаном или казачком засланным.

А потом уже вспомнил, что в перестроечную вольницу, когда завеса секретности рухнула, как занавес в Большом театре, окатив всех пылью, притчей во языцех в определенных кругах стал научный центр с армейским названием. Кое-кто утверждал, что у «Курсора» есть и номер воинской части, как у всякой секретной «шарашки». Но из каких великих соображений в «Курсоре» собрали от метеорологов и астрофизиков до геологов с палеоантропологами? Какая нужда военным в знаниях о протообезьянах,

ничего после себя не оставивших, кроме груды обтесанных камней и проломленных черепов современников, так и осталось великой государственной тайной. Союз рухнул, а в воспрянувшей на его обломках России научного центра со странным названием «Курсор» не обнаружилось.

— Друзья, в порядке исключения даю слово. Но в дальнейшем, попрошу! — провозгласил председатель. — Господин Новиков, прошу на трибуну. Ровно десять минут. Регламент, друзья мои, будем уважать регламент.

Зал загудел, как улей перед

массовым вылетом.

— Посмотрите туда! —
прошептал сосед, указывая легким
движением мизинца в левый угол
зала. — Воронье из общества
«Друзья здравого смысла».
Заокеанские соратники Мамонта.
Обещали поспособствовать мантию в
Итоне получить, голову на отсечение
даю!

Максимов бросил взгляд в
указанном направлении.

Ничего сногсшибательного.
Обычные майоры-полковники из
Лэнгли. Научные работники с
волчьими улыбками и глазами
специалистов допросов «третьей
степени». От родных «наблюдателей»

их отличала только провинциальность в одежде. Носить «Хьюго Босс» им, видимо, запрещал устав ЦРУ, дядьки рядились в пиджачки в клеточку и хлопковые рубашки с цветастыми галстуками. Наши, не таясь, шикавали.

Справа по проходу прокатилась упругая волна ветра. Максимов повернул голову и успел только увидеть спину идущего к сцене человека.

Шел он парящей походкой мастера боя. Со спины смотрелся очень правильно, уравновешенно вылепленным: вытянут от длинных ног к широким плечам, стянут в талии. Гордая посадка головы на

удлиненной шее и свободные, не закрепощенные движения рук. Во всем теле чувствовалась текучая, хлесткая сила. Одет он был нейтрально: кроссовки, джинсы, свитер с кожаной жилеткой, можно в драку, можно в контору, где к одежде особо не придираются.

— Он — кто? — шепотом спросил Максимов у соседа.

— Биолог. Две монографии по высшей нервной деятельности семейства псовых в сборнике МГУ. Потом — все по линии «Курсора», — с многозначительной миной закончил сосед.

Новиков легко взбежал по лестнице, встал за трибуну.

Подставил узкое лицо в обрамлении длинных волос и с кляксочкой бородки под взгляды собравшихся. Легко их выдержал. Ведя взглядом по залу, загасил шум и перешептывания.

— Дамы и господа, коллеги, друзья, — начал он сухим голосом. — У меня ровно десять минут. Прошу почтить минутой молчания Ашота Михайловича Матоянца, трагически погибшего четыре дня назад. Ему я обязан всем, что имел, сохранил и приумножил. Многие в этом зале, того не подозревая, в неоплатном долгу перед этим человеком. Прошу встать.

Сказано было без всякого нажима и слезы. Но весь зал встал.

Максимов, стоя вместе со всеми в траурном молчании, незаметно поигрывал пальцами рук, стряхивая через них излишнее напряжение, пружиной взвившееся в теле. Сколько ни получай оплеух от судьбы, а к ее капризной непредсказуемости никогда не привыкнешь.

«У Булгакова хорошо сказано: „Как забавно порой тасуется кровь“. Осталось только добавить — особенно пролитая, — подумал Максимов. — Никогда не знаешь, когда и где в нее вляпаешься».

— Прошу сесть, — тихо произнес Новиков.

Все с каким-то облегчением,

словно стряхнули с себя наваждение, стали усаживаться. Многие недоуменно переглядывались.

— Итак, у меня девять минут, — начал Новиков другим, энергичным, взведенным голосом. — Уверен, в этом зале еще не раз прозвучит фамилия Прошнева. В самых различных контекстах. Что и понятно, мы уже не раз собираемся отдать должное человеку, прозябавшему в научной безвестности до самой смерти, так и не дождавшемуся выхода из печати труда своей жизни «О начале человеческой истории». Наше собрание — еще один пример истины: мы ничего не забываем и

ничему не способны научиться.

Шум в зале стал подниматься и вдруг пропал, словно выключили звук.

— Позволю себе привести краткую выжимку идей самого профессора Поршнева и его последователей.

Предок человека не самая «умная» из обезьян, а самая мерзкая, слабая, приспособленчески хитрая и коварная тварь из всех, что имела Природа в своем распоряжении. Мало того, что Прачеловек питался падалью и трупами, для разделки которых и использовал пресловутые «орудия труда»: все эти кремневые тесала, ковырялки и скребки, на

которые молятся до сих пор палеоантропологи. Но он еще и был адельфагом — пожирателем себе подобных.

Именно систематическое убийство и пожирание соплеменников стало коренным преимуществом этой слабой твари в жизненной борьбе с другими, более «благородными» хищниками. Свой резерв мяса и костей племя всегда несло с собой и могло не бояться бескормицы. Кончатся корни и трупы животных, пустим под кремневый нож своих. Вот такая убийственная логика. До такого не «додумался» ни один зверь, а Прачеловек, «мысля» таким образом,

сделал шаг к Человеку Разумному.

Убийство своих стало нормой, фактором выживания вида. И протостадо начало оформляться в первичное сообщество со строго закрепленными функциями по линии «пожиратель — жертва». Одни от рождения имели «волю к власти» — способность направлять агрессию на своих, видя в них потенциальный кусок мяса. Другие, имевшие «власть над волей», удачно имитировали повадки сильных и «разъясняли» слабым, обреченным на заклание, почему мир устроен так, а не иначе. Из первых, агрессоров и хищников, впоследствии выросли цари и тираны. Вторые составили цвет

жречества и идеологического аппарата: от журналистов до светил общественных наук. А основная масса приспособленцев-диффузников стала народом, людишками, быдлом и электоратом.

Вся биологическая эволюция в рамках социума шла по линии выбраковки непокорных. На ранних этапах их просто поедали, позже морили голодом и сажали на цепь. Откройте любой английский роман прошлого века — и вы найдете прекрасно выписанные портреты верных дворецких. Это венец селекции, как овчарка есть высшее достижение в служебном собаководстве. А способы промывки

мозгов? От массовых добровольных жертвоприношений ацтеков — по двадцать тысяч за раз! — до двадцати миллионов в ходе четырехлетней войны двух тиранов.

Выжить в условиях общества, которое хуже стаи волков, можно было, либо лучше всех ползая на брюхе перед сильными, либо став сильным, сбросив с себя оковы страха и чуждого внушения. Так появились неоантропы — «новые люди». Они способны к абстрактному мышлению и созданию убедительных образов не хуже, чем самые изощренные профессиональные и прирожденные суггесторы^[49]. Их воля не уступает

бешеной жажде агрессора. Но она не разрушающая, а созидаящая сила. Сила, направленная на обретение и удержание баланса жизни, а не на организацию вечных встрясок и потрясений, до которых так охочи все правители.

С момента появления прослойки неоантропов расколотый вид хомо сапиенс обрел шаткое равновесие. Треугольник «хищник—суггестор—жертва» обрел балансир в лице четвертого элемента системы, — речь идет о тех, кто знает законы жизни, но не живет по ним, ощущая всю их противоестественность.

Новиков взял паузу и медленно

обвел взглядом зал.

«Все правильно, все занято, хотя уже немного затаскано, — подумал Максимов. — Но при чем тут бедный Матоянц? Его, положим, сожрали в самом что ни на есть прямом смысле слова. Только связи с голозадами предками я не вижу».

— Управляемая эволюция, — произнес он с нескрываемым сарказмом. — Это, извините, попытка вырезать самому себе аппендицит без наркоза. В нашем веке были предприняты две попытки улучшить или в корне изменить природу человека. Рейх и СССР. Немцы пошли по пути видовой селекции, мы бросились улучшать

среду обитания. Результат вам известен. Новый человек, как выясняется, создается только при наличии ГУЛАГа и топок Аушвица. Что бы ни обещали вам сейчас генетики, социально значимый результат улучшения породы хомо сапиенс возможен исключительно в условиях тоталитарного режима. — Он поднял руку и легко заглушил шум в зале. — Если «по Поршневу» мы признаем внутривидовую агрессию и адольфагию, как некий порок Творения, врожденную болезнь человека, то и лечить пандемию этого безумия надо соответственными мерами, известными любому врачу-

эпидемиологу. Массовыми
принудительными мерами, как чуме!

Сосед Максимова испустил
сладострастный стон.

«Эк нас корежит», — с
брезгливостью подумал Максимов,
невольно отстраняясь.

— Итак, управляемая эволюция,
если вы ее так жаждете, возможна
только в условиях тотального
контроля. Над человеком и над
техносферой как средой его
обитания. Кто его будет
осуществлять? — Новиков обвел
взглядом зал, словно искал
подходящие кандидатуры. — На это
способны только два подвида —
«агрессоры» и «неоантропы».

Первые устроят вам Каменный век на фоне небоскребов. Вся мощь техники и науки будет брошена на создание Золотого века для самых хищных и Чистилища для слабых и забитых. Вторые... На что способны они, получив полноту власти, мы не знаем. Потому что никогда неоантропы ее не имели. Они играли роль «теневых» регуляторов внутривидовой борьбы за существование. Тех самых Высших Неизвестных, что способны на многое, но редко вмешиваются в ход событий.

Он закинул руку, посмотрел на часы.

— Я исчерпал лимит времени. А

у вас осталось лет двадцать. Не больше.

После затянувшейся паузы сосед председательствующего сухо откашлялся и спросил:

— Именно двадцать?

— Да.

— А почему такая уверенность?

Новиков посмотрел на него с нескрываемой иронией.

— Это уже выходит за рамки темы. — Он повернулся лицом к залу. — Благодарю за внимание!

Стоило Новикову ослабить контроль, как зал забурился. По традиции все, кого одолел приступ словоизвержения, устремились в предбанник, там как правило и

происходили «броуновское движение» идей и тусовка околонаучного общения.

Новикову пришлось протискиваться сквозь пробку из человеческих тел, забивших выход.

В сумятице никто не обратил внимания, что еще один человек встал со своего места и такой же скользящей походкой, как у Новикова, вышел следом.

Оперативная обстановка

Навигатору

Перехожу в режим
«свободного поиска».

Срочно получите всю

возможную информацию
по деятельности НИЦ
«Курсор» и возможным
пересечениям с
инвестиционными
проектами холдинга
«Союз-Атлант».

Странник

Глава двадцать первая.

Ужин одиноких сердец

Серый Ангел

Москва всегда умела и любила со вкусом пожрать. Именно пожрать, потому что еда есть необходимость, а объедение от пуза — одно из немногих отпущенных нам удовольствий. Столицу во все времена украшали не только сорок сороков церковных маковок, но и сотни храмов чревоугодия, любовно и метко прозванные «обжорками».

Если вы думаете, что «Макдональдс» и есть современная

«обжорка», то глубоко ошибаетесь. В настоящей обжорке должно пахнуть едой, а не туалетным дезодорантом и горелым комбижиром. Скорее уж «Макдональдс» — это новый виток развития советской пельменной, чем истинная московская обжорочка.

А именно такая, какой ей полагается быть, стоит на пересечении улицы Герцена и Кисловского переулка. Сверните у белого куба здания ТАССа и идите по направлению к консерватории. Клянусь, по запаху найдете. Как почувствуете, что пахнет домашней гречневой кашей, расстегайчиками и солянкой, смело открывайте дверь и припадайте к прилавку, как к

Злобин осмотрел выставленные напоказ блюда и почувствовал, что готов сметелить все подряд. Голод был просто жутким, сосущим.

— Стресс, — тихо пробормотал он.

— Ну как? — спросил Сергей.

— С ума сойти можно!

— Я же предупреждал, в коммунизме окажетесь.

Сергей светился от удовольствия, как гид, открывший заезжему туристу самый любимый

уголок родного города.

Столовая управлялась семейной парой. Жена, знойная дама, стояла за стойкой и руководила; муж, дружащий с рюмочкой интеллигент, как полагается в домашнем хозяйстве, был на подхвате. В интерьеры они не вложили ни копейки, сохранив скромный стиль шестидесятых. Зато кухня была роскошной, тех самых шестидесятых, когда не только диссидентствовали, но и умели радоваться жизни.

— Берите отбивные, не пожалеете, — пришла на помощь хозяйка. — Муж из деревни мясо привез. Так дешевле получается. Да и вкус совершенно другой, чем у

замороженного.

Злобин обратил внимание, что на ценниках стоят совершенно божеские цены. Прикинул в уме, что здесь рублей за двести можно лопнуть.

— Согласен, отбивные. Картошку жареную. Винегретик. И... Ну, даже не знаю.

— Жюльенчики еще горячие, — подсказала хозяйка. — Попробуйте, пока заказ готовим.

— Да! — Злобин сглотнул слюну. — Ты меня убить решил, я понял, — обратился он к Сергею.

Сергей рассмеялся.

— Мне то же самое, только с гречкой. И еще пирожков парочку.

— Мне тоже, — не удержался Злобин. После этого заставил себя отойти от прилавка. Специально сел за столик спиной к нему, чтобы не пытаться себя дальше.

«Я просто соскучился по дому», — вдруг подумал он.

И все хорошее настроение разом испарилось. На плечи навалилась тяжесть, а на душе стало, как за окном, пасмурно.

«Полное соответствие внутреннего и внешнего», — грустно усмехнулся Злобин.

Сергей сел напротив. Придвинул к Злобину принесенные формочки с жюльенами.

— Здесь не курят, забыл

предупредить. Хозяйка считает, что дым и аромат еды — вещи несовместные.

— Только дурак будет спорить, — кивнул Злобин, пробивая ложечкой корку плавленого сыра.

В столовую вошла шумная компания. Парни с внешностью свободных художников и их эмансипированные подружки.

— Консерваторские, — прокомментировал Сергей. — Повезло ребятам. Такой рай под боком.

Злобин проглотил невероятно вкусную смесь.

— Истинный рай, — без всякого энтузиазма подтвердил он.

Сергей пытливо заглянул ему в лицо.

— Андрей Ильич, зачем переживать? Начальство, возможно, глупее, но ему сверху виднее. Положение, так сказать, способствует.

Злобин устало махнул рукой.

Весь доклад шефу отнял у Злобина десять минут. Игнатий Лойола слушал вполуха, чертя чертиков на клочке бумаги. А потом вынес вердикт: сливать все на территориалов и больше в это дело не лезть.

Злобин почувствовал себя собакой, взявшей след, но ни с того ни с сего получившей пинок под

ребра.

— Это же Москва, Андрей Ильич, — продолжил сеанс психотерапии Сергей. — Пока мы по провинции топали, здесь все сто раз переиграть могли. Скорости у людей здесь другие.

— И возможности, — вставил Злобин.

Он вспомнил Мишу Барышникова. Он так же пытался втолковать Злобину, что Москва — это не город, а Зазеркалье.

— «Мы все здесь не в своем уме, — сказал Алисе Кот», — произнес Злобин.

Сергей недоуменно уставился на Злобина, не донеся ложку до рта.

— Не обращай внимания. [\[50\]](#)

Хозяйка принесла заказ, расставила на столе тарелки, пожелав приятного аппетита, степенной походкой удалилась.

Злобин с удивлением посмотрел на толстую отбивную, которую двумя ладонями не накрыть. От таких щедрых размеров в общепите успел отвыкнуть. Почему-то вид сочного мяса вернул интерес к жизни.

— У тебя какие-то соображения остались? — спросил Злобин. — Выкладывай, интересно будет послушать, о чем ты, молчун, всю дорогу думал. Хоть и толку от наших мыслей, как выясняется, никакого.

Сергей прожевал кусочек мяса,

покачивая головой из стороны в сторону и блаженно щурясь.

— Была пара мыслей, Андрей Ильич. Вы про сверхдрессировку животных что-нибудь слышали?

— Это когда их дедушка Дуров гипнотизировал?[\[51\]](#)

— Ага. — Сергей вновь блаженно засветился лицом. Оказалось, уже по другой причине. — Была у меня барышня с невероятным размером бюста. Первая грудь курса! На биофаке училась. Так она на этой теме чуть-чуть задвинута была. А в остальном нормальная девчонка. Но ходить с ней по улицам было невозможно. Каждого кошака бродячего норовила

загипнотизировать. Стреканет он от нее через дорогу, моя Лида тут же заявляет, что это она кошке транслировала мыслеобраз.

— И ты это терпел?

— Андрей Ильич, брак — это победа воображения над проницательностью.

— Так ты еще и женился на ней!

— Я же говорю — победа, — улыбнулся Сергей. — В моем случае, проницательность была побеждена на полгода. Потом расплевались. Но бог с ней. А с собачками вопрос занятный, согласитесь. Представьте себе, что кто-то владеет способностью к сверхдрессировке «по Дурову»? Ему ни черта не стоит

натравить стаю на любого. А мы утремся и спишем смерть на несчастный случай.

Злобин отодвинул полупустую тарелку.

— Продолжай.

Сергей запихнул в рот кусок побольше, быстро заработал челюстями, проглотил.

— Уф, кайф-то какой! — простонал он. — Ладно, едим и едем дальше. Остановился я на человеке. Теперь посмотрим на него глазами стаи. Помните, что Семен Сазонов сказал? Те ребята, что за оборотнями гоняются, считают, что у псовых произошел «выверт» сознания. На человека они охотятся, потому что

лучше всего его знают. Как добычу, естественно. А теперь представьте, как стая смотрит на того, кто им не по зубам? Кто над ней властвует, кого надо слушаться, нет, кого невозможно послушаться? — Сергей помолчал, дожидаясь реакции Злобина. — Он для них Бог. Волчий Бог!

Злобин молчал, переваривая услышанное.

— Прокуратуре он не по зубам, — едва слышно произнес он. — Не тот уровень.

— М-м-м! — не прожевав, Сергей снова заговорил. — Не согласен. Все, что ходит на двух ногах в ватерклозет, подлежит следствию и суду, так я считаю.

Пусть он трижды Бог. Но вычислить его можно на раз.

— И как, интересно?

— Элементарно. По

признакам. — Сергей наклонился над столом. — Андрей Ильич, вам со мной повезло, как Ватсону с Холмсом.

— А не иначе? — усмехнулся Злобин.

— История нас рассудит, — улыбнулся Сергей. — Короче, при биофаке была группа трехнутых на всю голову хуже, чем моя Лидка. Она с их главным любовь закрутила, поэтому мы и разбежались, если честно. Но это ерунда. Охота на оборотней — это от них мода пошла.

Старший курс еще снежного человека мечтал заарканить, а они на Алтай выезжали. Мечами местных одичалых шавок рубали. Как вам информашка?

— Как раз на сон грядущий.

— Лично я спать не собираюсь.

С вашего разрешения, Андрей Ильич, но исключительно по личной инициативе и под личную ответственность я пару звоночков сделаю. Подниму старые связи. Одобряете?

Злобин нахмурился.

— Серега, не забывай, нам дали команду слить воду и ждать дальнейших указаний.

— Ну-у, — разочарованно

протянул Сергей, отвалившись на стуле.

— Говорю это, чтобы ты меру знал и не зарывался. Только отзвонишь. Никаких активных действий!

К Сергею тут же вернулось в хорошее расположение духа.

— А если мне придется поступиться принципами и кое-где заночевать?

— Меня это не касается. Я имел в виду процессуальные действия.

— И я про процесс.

— Иди ты! — беззлобно отмахнулся Злобин.

Сергей рассмеялся.

— Так, теперь о грустном, —

Злобин перешел на начальственный тон. — Утром у меня печальные хлопоты. Друга хоронят. Тебя это не касается. До одиннадцати утра действуешь по личному плану. Встречаемся...

— Давайте здесь. Заодно позавтракаем по-людски.

Злобин согласно кивнул.

— Еще что? — Он, задумавшись, сунул руку в карман. — Вот что. Я выйду покурить. А ты закажи кофе. Под него и договорим. Что-то у меня от московских скоростей голова уже плохо варит.

Он вышел на улицу. С наслаждением вдохнул холодный воздух.

Справа накатывал шум
Бульварного кольца. Совсем рядом с
цокающим звуком с карниза падали
капли и бились о мокрый асфальт.

Злобин сосредоточил внимание
на неровном ритме капли. Зачем-то
стал считать удары. На
четырнадцатом в голове улеглась
свистопляска мыслей. Осталась
только одна.

— Не наш уровень, не наш
уровень, — пробормотал Злобин.

В кармане, разорвав тишину и
распугав мысли, как всегда не
вовремя зазвонил мобильный.

Чертыхнувшись, Злобин достал
этот миниатюрный генератор
больших проблем. Номер на

определителе был незнакомым.

— Да, слушаю!

— Возвращаясь домой, будь осторожен. Но приди один. Так надо, — произнес в трубке мужской голос.

— И кто это мне советы дает? — с нажимом в голосе поинтересовался Злобин.

— Странник, — ответила трубка.

И связь оборвалась.

Глава двадцать вторая.

Замри, умри, воскресни...

Серый Ангел

Злобин оглянулся на парные красные огоньки, медленно ползущие вниз по Нижней Масловке. Сергей явно не спешил, словно надеялся, что шеф передумает, и к дому они подъедут на машине, а потом он, Сергей, проверит подъезд и сопровождает Злобина до дверей квартиры.

Элементарный здравый смысл требовал поступить именно так. Но Злобин отдавал себе отчет, что

вступает в сумеречную зону, где нет общепринятых норм и правил, прописных истин и стандартных решений. И шагнуть за черту обыденности он должен один.

Он с раздражением на самого себя подумал, что попросту малодушничает и медлит сжечь за собой мост. Резко махнул рукой, машина Сергея, коротко бибикнув на прощание, прибавила скорость.

Злобин убедился, что «Волга» проскочила последний перекресток и понеслась к тоннелю, развернуться Сергею теперь будет негде, — и шагнул в сырую темноту, разлитую между домами.

О папку с документами терся

пакет, источая одуряющий аромат домашней выпечки. С подачи Сергея они оба отоварились в обжорке сухим пайком. Странно, но после сверхсытного ужина слюнки от вида и запаха пирожков все-таки потекли, да еще так, что, не споря, решили взять по десятку каждого вида: с печенью, с яйцом и луком, с картошкой и с ливером.

Сейчас Злобину подумалось, что ничего более ирреального, чем четыре десятка пирожков в руках у идущего в полную неизвестность, вообразить невозможно.

— Красная Шапочка, елки зеленые! — пробормотал он.

Остановился. Впереди лежал

скупо освещенный и изрядно захламленный колодец двора. Свет из окон цветными пятнами разукрасил прямоугольную площадку с кольцом фонтана в центре. Машины, забившие дорожки у подъездов, напоминая впавших в летаргию разномастных тараканов, равнодушно пялили мертвые глаза-фары на одинокое человеческое существо, вынырнувшее из темноты.

Злобин совершенно явственно почувствовал границу, которую ему предстояло перешагнуть. Смертельная опасность зверем распласталась впереди, дышала в лицо холодным сквозняком.

«Быки с дробовиками? Ловкий

мальчик на легких ногах с шилом в кулаке? Двое с „ТТ“ с глушителями? Один валит, второй страхует; контрольный выстрел в затылок, стволы в мусорный контейнер — и пиши протокол, контора! Черт их знает. — Злобин нервно втянул воздух. Пахло помойкой и сырой землей. — Что гадать? Идти надо. И какой идиот сказал: „Предупрежден, значит — наполовину спасен“? Как это, — быть наполовину трупом?» — усмехнулся Злобин.

Он достал из кармана пистолет, взял в правую руку, прикрыл пакетом с пирожками, папку сунул по левую подмышку. Ничего особо секретного в ней не было, не страшно и

обронить, чтобы освободить руку.

Злобин сжал зубы и, сторожко прислушиваясь и обшаривая глазами двор, пошел по дорожке. Заставил себя остановиться в луже света, растекающейся на асфальте под мигающим фонарем. Кто страховал и кто поджидал, должны были его узнать.

Дальше он двигался мерным шагом, стараясь ничем не выдать своего напряжения. И с каждым метром отчетливо чувствовал, как напряжение, разлитое вокруг, все больше уплотняется, делается осязаемо вязким и липкой массой преграждает путь.

Он обошел круглую клумбу, в

центре которой белело кольцо давно умершего фонтана. Мертвенно бледное тело какого-то гипсового уродца торчало на исписанной английскими непечатностями тумбе. Безголовое бесполое существо указывало путь к злобинскому подъезду обрубком единственной руки.

Но Злобин остановился. Внутренний голос подсказал, что все, что должно произойти, случится именно здесь, у уродливого божка неизвестного культа, а не в гулкой тишине подъезда или в необжитой пустоте квартиры.

Слева в темноте померещилось движение. Заблудившийся ветер

потревожил мокрую газету или неосторожный шаг чавкнул по влажной земле, — Злобин решил не дожидаться ответа. Заранее решил, как действовать при первом же признаке нападения. И тело моментально, не дождавшись команды, само начало действовать.

Папка шлепнулась на землю. Правая рука взлетела вверх. Из-за пакета высунулся ствол пистолета.

Следом по плану должен был последовать окрик, исполненный прокурорским голосом.

Но тугой удар ткнул в плечо, парализовав болью мышцы. Второй удар врезался под дых, одновременно резиновый обруч стиснул горло,

пережав крик. В глазах заплясали красные пятна, а ноги сделались ватными.

Злобин сипло, с надрывом всосал воздух, пальцами левой попытался сорвать с горла невидимую удавку. И к ужасу своему увидел, что правая, сжимавшая пистолет, против воли безжизненной плетью валится вниз. Указательный палец, вдруг омертвев до каменной твердости, с отчаянным усилием жал на спусковой крючок, но не мог сдвинуть его ни на миллиметр.

«Опять тем же ломом по тому же месту», — заторможенно, как перед провалом в обморок, подумал Злобин.

Он внутренне приготовился получить оглушительный звуковой удар, от которого все рвется внутри и сознание срывается в густой мрак забытья.

Но тут мягкий толчок слева отбросил его к бордюру фонтанчика. Чтобы не упасть, Злобин всей тяжестью навалился на левую руку, правая по-прежнему оставалась страшно омертвевшей.

Резиновая удавка на горле лопнула, в легкие ударила струя свежего воздуха. В голове немного прояснилось. Злобин отрешенно подумал, что еще жив, и слава Богу. Но драться за его жизнь придется другому.

Откуда-то слева беззвучно, как кошка, выпрыгнул человек. И тут же справа из темноты выступила фигура в долгополом черном плаще.

— Еще раз тронешь его — умрешь, — произнес спокойный голос.

Человек в плаще вошел в пятно тусклого света.

«Странник». — Злобин облегченно выдохнул.

Тот, кто появился слева, замер, еще больше став похожим на большую кошку, изготовившуюся к прыжку. Он медлил, примеривая на себя противника.

Скользнул в сторону, уходя с линии, на которой стоял Злобин.

— Хорошо, только ты и я.

— Самоубийца, — холодно обронил Странник.

Он повел рукой, словно очерчивая невидимый круг. Злобин оказался вне его границы. А внутри этого круга лицом друг к другу замерли два человека. Злобин не мог не отметить, что его друг и его враг неуловимо похожи. Словно принадлежали к одной породе. В осанке у обоих проступали непоколебимое достоинство и несокрушимая внутренняя сила. Все еще неподвижные, они таили в себе молниеносную готовность к броску.

Чем дольше Злобин смотрел на этих людей, в которых все больше и

больше проступало нечто не
свойственное, даже совершенно
чуждое человеку качество, тем
глубже он осознавал, что судьба
зашвырнула его в заповеданную зону,
где обитают только такие, уже и не
люди. И схватки между ними всегда
протекают вдали от человеческих
глаз. И никто о них не знает.
Победитель не хвастает, а
проигравший становится навеки
немым.

Злобин не успел заметить
начала атаки. Просто человек вдруг
пропал из глаз. Следом раздался
хлесткий удар полы плаща.
Странник, показалось, даже не
пошевелился, человек покатился по

земле, словно отброшенный мощным маховиком.

Он, упав на колени, выбросил назад руку. В воздухе запела тетива.

Странник качнулся в сторону, вскинул руку, махнул ею, сметая что-то невидимое, летевшее в лицо.

К ногам Злобина упали два стальных шара, соединенные длинной цепочкой. Машинально он наступил на цепь, прижав странное оружие к земле.

— Заканчивай цирк, — ровным голосом потребовал Странник.

Человек вскочил на ноги. Свет размазался по его лицу. Черный клочок бородки, острые клинья теней под скулами и черные

глазницы сделали лицо похожим на мертвую маску.

Маска зло щерилась, выставив острые зубы.

Злобин увидел, что рот человека округляется, готовясь выплюнуть тугой, рвущий внутренности крик. Адским усилием преодолев немоту в мышцах, Злобин вскинул руку, лова человека на прицел.

Странник, коротко вскрикнув, распахнул руки.

Ветер умер. Молекулы воздуха прекратили броуновское движение, замерли и осыпались, как ледяная изморозь. Сразу же стало нечем дышать. В безвоздушном пространстве внутри невидимого

круга образовалась неестественная,
непроницаемая, перевозданная
тишина.

Из раскрытых ладоней
Странника вырвались два снопа
бесцветного огня, ударили в
противника, закружились вихрем,
сворачиваясь в тугой кокон.
Фосфорная вспышка беззвучно
лопнула. Мгла, оставшаяся на ее
месте, таяла медленно, как черный
лед. Когда она полностью
просочилась в землю, на ее место
вползли серые тени и пятна
цветного света, четким контуром
обрисовав фигуру лежащего
навзничь человека.

Странник

Створки лифта захлопнулись, и в кабине сразу же стало тесно для трех человек. Хотя один и сидел на корточках на полу, места он занимал больше всех.

Сверху из плафона на людей сочился матовый свет, размазывая бледные тени по лицам.

Лифт, клацающими ударами, отсчитывая этажи, пополз вверх.

Максимов осмотрел лицо Злобина, с которого еще не сошло пришибленное выражение.

— Ты как? — спросил Максимов.

— Еще не знаю.

Злобин пожал плечами и тут же, охнув, болезненно поморщился.

— Рука, черт возьми.

Максимов нащупал на его кисти бугорок между большим и указательным пальцами, левую ладонь положил на ключицу.

— Приготовься, — предупредил он.

Следом удар тока прошил Злобина — из кисти в голову.

— Ну, а сейчас?

Злобин потряс рукой, с удивлением обнаружив, что ушли ватная слабость и тянущая боль.

— Здорово. Как это у тебя получается?

— Потом расскажу.

— А это? — Злобин указал глазами на скрючившееся у их ног тело.

— Тоже — потом.

Максимов щелкнул по пакету:

— Что за вкуснотень?

— Это? Да так, сухомяткой разжился. Готовить же некому. — Злобин догадался и распахнул пакет. — Угощайся.

Максимов выудил пирожок. Обнюхал, только после этого надкусил.

— М-м. С яйцом и луком. Мои любимые, — пробормотал он с набитым ртом.

— Специально такой вытащил?

Максимов отрицательно покачал

головой.

— Не. Моих способностей на это не хватит. — Он откусил еще кусок. — Иначе я бы раз в неделю выигрывал в «Бинго» по миллиону. Жил бы себе и не жужжал. Уж во всяком случае не кувыркался бы по всяким помойкам.

Он подмигнул Злобину. В ответ Злобин с трудом выдавил слабую улыбку.

Лифт вдруг громко клацнул, задрожал всем корпусом и с металлическим скрежетом с трудом протащил себя вверх по шахте.

— Техника у тебя еще хуже, чем в моем подъезде.

Максимов отправил в рот все,

что осталось от пирожка. Вытер пальцы о воротник сидевшего у его ног человека. Крепко вцепился в воротник.

— Все, приехали.

Лифт, лязгнул, дрогнул и замер. С мучительным скрипом разъехались створки.

Злобин вышел первым. Подошел к двери, обшарил глазами обивку, все контрольки были на месте, никто в квартиру в его отсутствие не входил. Повернул ключ в замке.

Максимов рывком поставил на ноги бесчувственное тело, подхватил за ремень и, удерживая в вертикальном положении впереди себя, пронес через площадку.

Мешком сбросил на пол в прихожей. Присел на корточки напротив.

Злобин закрыл дверь на ключ, навесил цепочку.

— Он надолго отрубился?

С дряблых губ лежащего сочилась прозрачная слюна, увлажняя клочок волос на подбородке. Зрачки, как у умершего птенца, наполовину закатились под тонкие веки.

Серый Ангел

Веки у мужчины мелко-мелко задрожали. К лицу медленно стала приливать краска. Он глубоко утонул

в кресле, поза еще оставалась безвольной, но в тело явно возвращалась жизненная сила.

Злобин отметил, что сидевший рядом с ним на диване Максимов подобрался. Недоеденный кусок пирога остался в руке.

Мужчина был за лодыжку привязан шелковым шнурком к ножке кресла, это все, что страховало их от неожиданного броска. Злобин покосился на Максимова, хотел указать ему на грудку трофейных острых железок, которые они достали из карманов мужчины и оставили лежать на журнальном столике. Прямо под его локтем.

Максимов отрицательно покачал

головой, не спуская глаз с мужчины.

Злобин как раз сморгнул и прозевал момент начала атаки.

Мужчина широко распахнул глаза. Резко вскрикнул и выбросил руку открытой ладонью вперед.

Моментально воздух загустел и сделался вязким от напряжения. У Злобина сперло дыхание. А вибрация, висящая в воздухе, все росла, передавая мелкую зыбь в скованное напряжением тело.

Бесконечно долго на высокой ноте дрожало пространство, спрессованное двумя встретившимися взглядами, и вдруг взорвалось беззвучной вспышкой. Злобину даже показалось, что он

видит искрящийся снегопад
посыпавшихся молекул воздуха. Уши
заложило, как в воздушной яме.
Горло свела судорога, и сквозь
мышечный спазм наружу полез ком
рвоты.

«Еще немного — и лопну, как
лягушка»,

— со смертельной
обреченностью подумал Злобин.

Мужчина в кресле стал
сдвигаться назад, словно отступая
под давлением более мощной силы.
Кусал от напряжения губы и
страшно таращил глаза. Вместе с
дыханием с его губ летели комочки
слюны.

Вдруг он сломался. Размазался

телом по креслу, вцепился в подлокотники, царапая ногтями обшивку. Челюсть безвольно отвисла. Но он еще пытался, только пытался сопротивляться. Выдавали глаза. Но безумия в них стало больше, чем воли.

Он начал с неимоверным усилием подавать тело вперед, грудью наваливаясь на невидимое препятствие.

Мощный удар вдавил его в кресло. Тело подбросило вверх, выгнуло дугой. Голова, закинутая назад, заколотила по подголовнику. Конвульсии становились все сильнее и сильнее, пока тело, измочаленное ими, не сделалось тряпичным.

«Как на электрическом стуле», — как масляное пятно в стоячей воде, медленно всплыло в мозгу у Злобина. В тот момент, когда его сознание уже было готово рухнуть в темноту, вольтова дуга, сковавшая двух человек, исчезла. В образовавшуюся пустоту с глухим хлопком ворвался воздух. И Злобина отшвырнуло на спинку дивана...

Он стал жадно, как вынырнувший из глубины, хватать ртом воздух. Легкие жгло, словно вдыхал жар сауны.

Максимов повернулся к нему, заглянул глубоко в глаза. Положил пальцы на висок. В голову Злобина словно вошел студеный сквозняк.

— Порядок?

Злобин кивнул, с облегчением почувствовав, что дикая боль, терзавшая мозг, исчезла без следа.

— А ты, Новиков, кончай дурью страдать. Иначе возьму грех на душу, покалечу дурака, — обратился Максимов к человеку в кресле. — Качественно и надолго.

Новиков надсадно дышал, давя судороги боли, пробегавшие по безвольно развалившемуся телу.

— Я знаю — ты майрос[\[52\]](#), — прохрипел он.

— Кто-кто? — спросил Злобин.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Максимов. — У каждого свои тараканы в голове. И как это

тебя раньше не грохнули, «охотник» ты недоделанный.

Максимов показал на ладони белую горошину, которую достал, вспоров уголок воротника Новикова.

— Цианид?

— Не важно, — болезненно поморщившись, ответил Новиков.

— Правильно мыслишь, товарищ, — усмехнулся Максимов, пряча горошину в нагрудный карман. — В такие игры играешь, что лучше быстрая смерть, чем остаток дней возить собственную задницу в инвалидной коляске. — Он погрозил пальцем. — Еще раз попробуешь помахать «энергетической палицей» или чем

ты там машешь, я тебя прямо отсюда доставлю к даунам в Кащенко. Будешь какать под себя и пускать слюни. Дошло? — Под его взглядом Новиков покорно кивнул. — Что немудрено. Выразаться сложно у меня сил нет. Надоел ты мне за сегодня, Ярослав.

Максимов встал, хрустко потянулся всем телом. Сунул в рот остаток пирога.

— Он — твой, Андрей Ильич. Я на кухню, распоряжусь насчет кофе.

Злобин скрестил руки на груди. Долгим взглядом ощупал лицо Новикова. Оно все было усыпано мутными капельками пота.

Опыт подсказывал, что клиента

В таком состоянии не надо даже колоть, стоит только слегка нажать, как ползет жижа добровольного чистосердечного признания.

«Отпрессовал, как в магаданской ментовке не умеют, — подумал Злобин, прислушиваясь к шуму воды на кухне. И тут же сам себя поправил: — Но если точно, даже превышение необходимой самообороны не предъявить. Да и как предъявить — за такую оборону. Бог мой, никто же не поверит!»

Он расплел руки, помассировал пальцами влажные виски. Поправил волосы и одернул узел галстука.

Сразу же ощутил себя прокурором.

— Ярослав Константинович Новиков, доктор биологических наук. По совместительству «охотник». Начинаем каяться.

Он положил на колено диктофон и щелкнул кнопкой.

Оперативная обстановка

Диктофонная запись

— К убийствам Матоянца и егеря я никакого отношения не имею. Разве что знаю, каким образом они были совершены.

— Подробнее.

— Я специалист по нейрофизиологии животных. Еще в институте увлекся

«сверхдрессировкой по Дурову». Вы знаете, что это такое? Наверняка, в пределах газетных статей... В двух словах, это способность человека внедрять в мозг животного мыслеобразы. Реципиент — собака или кто угодно, у Дурова даже верблюды подчинялись — выполняет бессловесную команду, как собственный импульс. Черт с ними, с одомашненными, у них своей жизни нет. Но это абсолютная власть над любым диким животным. Известны случаи, когда моментально усыпляли льва. Или заставляли его наброситься на самку. Как? Очень просто. Стоит только отчетливо представить себе, что она крадется к куску мяса, даже

не существующему в реальности, как лев моментально вцепится ей в холку.

— А стая?

— Стая — это единый живой организм. Можно воздействовать на вожака, можно на всех сразу. Результат один — полный контроль. Понимаете, у животного нет защиты от воздействия чужой воли. Животное автоматически, рефлекторно реагирует на любой раздражитель. Когда их два взаимоисключающих, типа — жри и беги, оно впадает в ступор, не зная, что делать. Человек устроен иначе. Достаточно разумный, уверенный в себе человек в ответ на суггестию

или пошлет на фиг, или просто рассмеется вам в лицо.

— Что такое суггестия?

— Уф! Внушение, по-русски говоря. Оно направлено на подавление индивидуальной воли и, как правило, базируется на той же взаимоисключающей паре: жри — беги, голосуй — или проиграешь, или Ельцин — или бардак. Нормальный человек не впадает в ступор, а отвечает смехом, ликвидируя внутреннее напряжение в мозгу, вызванное двумя взаимоисключающими сигналами. Я ясно выражаюсь?

— А если он все воспринимает всерьез?

— Господи! Он голосует и проигрывает, получает и Ельцина, и бардак. Человек с отключенным мозгом и волей — баран. Не помню кто сказал: если бы бараны умели тянуть руку, их бы тоже записали в электорат.

— А как вы назовете того, кто управляет стаей?

— Волчий бог. Я называю его — Волчий бог. Другие — верфольвом или оборотнем. Но это неверный термин. Для стаи он — Ягве, Аллах и Заратустра. Он не отдает приказы, а повелевает. Водит волей. Я ясно выражаюсь?

...— Да. В Красноярском крае моя группа впервые столкнулась с

Волчьим богом. До этого мы баловались теориями и пытались ставить кое-какие опыты. Жалкое подобие реальности, детские игры в войнушку. А там, там была подлинная война за существование. По Дарвину. Без скидок и поддавков. Нас жрали, а мы убивали. Нас выслеживали, а мы путали следы и оставляли для преследователей ловушки... Простите, можно и мне кофе?

— Ваши товарищи погибли?

— Да. Если вы называете гибелью лишиться разума раньше, чем тебя растерзает волк. Догадываюсь, сейчас спросите, почему уцелел я? Не знаю, честное

слово. До сих пор не знаю. Волчий бог позволил себя увидеть, но не лишил разума. И не натравил стаю. Фактически, он меня помиловал. Так иногда отпускали часть пленных, чтобы сеять панику. Суггестия же не только парадокс, но и страх. Обычный страх. Но то, что исходит от Волчьего бога... Не знаю... Это первобытный ужас. Я ясно выражаюсь?

... — Хотите верьте, хотите нет, но Матоянца и егеря убил тот самый Волчий бог. Чутье подсказывает, точнее не скажу. Хотя Волчий бог — это лишь термин. Это феномен свехобщения человека и хищного животного. Значит, его носителей

может быть масса. Но в данный конкретный случаях действовал именно тот, из-под красноярской тайги. Запах, специфическая аура, энергетический след — все его.

— А стаю он оттуда привел?

— Уф! Вы ничего не поняли!

Человек с такими способностями может по счету раз подчинить своей воли любое животное, любую стаю. Мартышек в зоопарке друг друга жрать заставит!

— Вы в курсе, что в городе происходит с собаками? На людей бросаются. Это как-то связано с тем, о чем вы говорили?

— Безусловно. Все живое связано невидимыми нитями. Мы эту

связь давно утратили. А животные воспринимают мир прежде всего как систему наложения энергетических полей. Вот, например, мы ставили такой эксперимент. На листьях деревьев крепили датчики электростатического потенциала. Ток слабенький, но приборы его фиксируют. А потом наш сотрудник входил в лес. Представляете, от самой опушки к чаще по листьям катилась волна. На полкилометра вперед! Мы отчетливо фиксировали колебания потенциала. Лес передавал информацию о человеке. Вот так, крадись не крадись, а в лесу все про тебя давно известно.

— А в городе?

— Какая разница? Я же говорю, единое поле, как многомерная система наложения отдельных биополей! В нем информация передается практически моментально и не экранируется ни одним препятствием. Короче, городские шавки почуяли Волчьего бога и бесятся. Я ясно выражаюсь?

— Зачем вы искали меня?

— Только не убивать, конечно же! Надо было поговорить. Снять подозрения и дать наводку на Волчьего бога.

— У кого вы получили информацию о моем месте жительства?

— Ха! Первичную информацию

собрал с крыши дома егеря. Просто лежал и слушал. Как зовут и прочее. Остальное... Я не могу рассказывать об этих людях.

— Не тужься, Ярослав. Кто-то из прикрытия бывшего НИЦ «Курсор», так?

— Положим.

— Да или нет?

— Да!

— Что связывало НИЦ «Курсор» и Матоянца?

— Он подобрал нас, когда все рухнуло. Финансировал работы. Подключил к информационным потокам самого высокого уровня. Мы всем обязаны ему.

— Ярослав, я тебе не враг. Хотя

чуть не отправил в Нижний мир. Ты сам в драку полез, не обижайся. Даю слово, что ничего из того, что ты скажешь, не будет использовано против тебя и твоих друзей.

— Нельзя верить слову майроса.

— Так, тихо-тихо едет крыша...

Хорошо, не мне, а ему ответишь?

— Ему — да.

— Андрей Ильич, задай ему вопрос, «Курсор» вычислил дату Конца света?

*Научно-
исследовательский центр
«Курсор»
Строго
конфиденциально*

Г-ну Матоянцу А.В.

*Аналитическая
записка [\[53\]](#)*

(фрагмент)

Множественные
отечественные и
зарубежные исследования,
а также собственная
научная практика НИЦ
«Курсор» свидетельствуют:
рождение III тысячелетия
н. э. вместе с глобальными
структурными

преобразованиями
планетарной жизни
сопровождается
динамичной эскалацией
комплекса (геофизических,
метеоклиматических,
социальных и др.)
катаклизмов.

НИЦ «Курсор»,
созданный в интересах
научного противодействия
угрозам отечественной,
международной и
планетарной безопасности,
провел (негласную)
посильную экспертизу
научных работ сотен
организаций и

исследователей, способных
внести вклад в раскрытие
проблемы, отобрал,
инициировал и идейно
объединил более 50
частных научных
направлений в Москве,
Санкт-Петербурге,
Н.Новгороде, Барнауле,
Бишкеке и других городах.

Воссоздаваемая
система охватывает
многопрофильный спектр
(фундаментальных и
прикладных,
теоретических и
экспериментальных)
изысканий, где многие

результаты опережают
зарубежные аналоги и
позволяют эффективно
решать задачи познания,
прогнозирования и
ослабления планетарных
бедствий.

...Циклическая
трансформация
планетарной системы на
рубеже II и III тысячелетий
развивается в рамках
следующих этапов:

**1. Начало
переходного процесса
(1908 г.)**

Процесс был
инициирован 30.06.1908 г.

мощно-взрывными
грависейсмическими
выбросами в районе
Подкаменной Тунгуски
(т. н. «взрыв Тунгусского
метеорита»).

Развиваясь, стал
сопровождаться
медленным смещением
центров циклонов и
антициклонов, общим
потеплением и изменением
климата. Предопределил
волнообразную эскалацию
числа землетрясений, через
которые планета стала
сбрасывать избыточные
напряжения. Дал мощный

импульс социальной
конфликтности, который
стал нарастать в России
(например: число
смертных казней с
девяносто трех в 1901-05 гг.
возросло до тысяча трехсот
сорока в 1908 году), а
затем, перекинувшись на
другие страны, привел к
кризису и краху жесткие
механизмы монархического
управления (Российская,
Австро-Венгерская,
Германская, Османская
империя, монархии
Болгарии, Румынии,
Италии и Японии).

2. Активизация процесса (1982-83 гг.)

Этап проявился в стартовой серии «минитунгусских взрывов» (грависейсмических выбросов), зарегистрированных в Туркмении, Иркутских и Томских областях в феврале 1984 года.

Далее прошла волна сильных землетрясений: Узбекистан (1984 г.), Мексика (1985 г.), Сан-Сальвадор (1986 г.), Аляска (1987-88 гг.), Непал, Армения, Туркменистан

(1988 г.). Зафиксирован крупнейший выброс вулканического газа в Камеруне в районе озера Ниос (1986 г. — 2 тыс. погибших).

Особо тревожным фактором стало начало эскалации слабой сейсмоактивности в зонах, где она ранее не отмечалась. При этом произошло наращивание аварийности и катастроф в известных геоактивных зонах — авария на Чернобыльской АЭС, гибель атомных подлодок

«Комсомолец» и «К-213» в 1996 году. В 1983 году произошло импульсное возбуждение. эпидемии СПИДа в геоактивной зоне на стыке Уганды, Заира, Бурунди и Руанды.

Началась эскалация межэтнических противоречий в геоактивных зонах (Балканы, Сомали, Йемен, Курдистан, Ливан, Марокко, Корсика, Персидский залив, Преднестрие, Закавказье и Северный Кавказ). Пошел процесс распада жестких

механизмов планетарного
«коммунистического»
управления, пришедших на
смену монархиям.

3. Предынтенсивная фаза (с 1991 г.)

Начало этапа также
проявилось в серии
грависейсмических
взрывов (в частности в
Сосово в 1991 году) и
последующей волне
крупных землетрясений.
Отмечено интенсивное
таяние ледников,
снизивших свои массы за
столетие: Кавказ — 50 %,
Монтана — 70 %, Кения —

80 %; резкое таяние льдов Гренландии.

Повышение температуры Средиземного моря, что привело к перемещению в его воды обитателей тропических морей (от 40 видов в 1986 г. до 70 в 1998 г.) и миграции холодолюбивых видов средиземноморской фауны в высокие широты.

Произошел распад жестких межэтнических систем управления (СССР и мировая соцсистема). Прокатилась гиперволна локальных конфликтов и

кризисов по «дугам
напряженности»
межблоковых геоактивных
зон (Нагорный Карабах,
Закавказье, Приднестровье,
Балканы, район
Персидского залива).
Практически по всей
планете произошла
эскалация социо- и
психодисфункций
человечества — рост
преступности, насилия,
наркомании и проявлений
эгоцентризма.

Вспышка эпидемий
лихорадки Эбола (1994 г.) и
Ласса (1995 г.) в Заире.

Эскалация роста
заболевания СПИДом — до
30 млн. пораженных в
1997 г. Гипернарастание
иммунодефицита
населения и рост
смертности от неизвестных
заболеваний,
диагностируемых под
«старыми» названиями.
(Так, в Москве в 1998 году
смертность от
инфекционных
заболеваний выросла в
четыре раза, а от обычной
краснухи — в восемь раз!)

**4. Фаза интенсивного
перехода (август 1999 —**

первая треть XXI века)

**Основные угрозы
данного периода:**

— Прогнозируются
всплески (числом до
девяти) ускорения в
смещении орбиты и оси
Земли, что будет иметь
катастрофические
последствия для планеты,
по своим формам и
степени запредельно
превосходящие
коллективный опыт
нынешней цивилизации;

— при этом научное
осмысление нарастающих
планетарных угроз и

выработка системы мер по
ликвидации и
минимизации их
последствий тормозятся
существующей научной
парадигмой (Ньютона—
Эйнштейна), «монополия
на истину» которой из
своекорыстных
соображений искусственно
удерживается
представителями мировой
и отечественной науки;
— эскалация
иммунодефицита
населения, усиленная
разрушительным
воздействием

наркотических,
алкогольных, техногенных
и информационных средств
на фоне нарастания
эпидемиологической и
экологической угроз. (Так,
по данным экспертов ООН,
не учитывающих в своих
прогнозах грядущие
катастрофы и удары
стихии, в ближайшие семь
лет ожидается
скачкообразный рост
пораженных вирусом
СПИДа с нынешних 30 млн
до 80–150 млн человек.)

— масштабный
подрыв идущими

деструктивными
процессами качества
генного кода человечества,
что ведет к генной потере
душевного,
интеллектуального и
иммунного потенциала в
последующих поколениях;
— непосредственно
для Евразии угрозу
представляет активность
эгоцентрических кругов
некоторых развитых стран,
которые за три десятка лет
скрытых
естественнонаучных
исследований накопили
достаточный

информационный массив по данной проблеме и с начала 90-х годов используют полученные знания в рамках «стратегии не прямых действий» (что не исключает ими прямых действий по созданию хаоса, усугубляющего последствия природных деструктивных процессов) для установления жесткого контроля над Евразией, как самого устойчивого и наиболее ресурсообеспеченного участка планеты.

Странник

Максимов стоял у окна, заложив руки за спину. Медленно, в усыпляющем ритме покачивался с пятки на носок.

— Сайонер![\[54\]](#) — раздалось из прихожей.

Максимов не оглядываясь бросил:

— Ступай с Богом, убогий.

Громко щелкнул замок на двери.

— Что он сказал? — спросил Злобин.

— Не обращай внимания.

— Зря ты его отпустил. Между прочим он в розыске за нападение на сотрудника милиции.

— Вот пусть милиция и ищет, — в такт раскачиванию произнес Максимов.

Он продолжил смотреть на свое отражение, качающееся в черном стекле.

Под ногами мерно поскрипывала расшатанная пластинка паркета. От этого звука в квартире стало еще пустынное и неуютнее.

— Матоянц — специалист по строительству спецобъектов, — тихо произнес он. — Железобетон с электронной начинкой.

— Что ты сказал, я не расслышал?

Максимов развернулся. Обвел

взглядом комнату.

Два кресла, рядом низкий журнальный столик с ворохом газет, прижатых пепельницей. Поднос с пустыми чашками. Раскладной диван. Шкафы с тоскливо пустыми полками. Телевизор в углу. Обивка мебели в веселенький цветочек, кремовые обои, хрустальная люстра под потолком, а уюта нет. Казенный рай. Хоть вой.

— Мебель с бирками, простыни с дырками, — подвел итог Максимов. — Старая армейская хохма. Не обиделся?

— На медицинский факт не обижаюсь. Привезу жену с дочкой, сразу же все наладится. — Злобин

устало плюхнулся на диван. — Что ты там бормотал про Матоянца?

— Да так, вид из окна кое-какие мысли навеял.

Максимов сел рядом, из лежащего между ними пакета достал пирожок. Понюхал со всех сторон, потом надкусил.

— Что ты все вынюхиваешь? — покосился на него Злобин.

— Запах — такая же часть букета ощущений, как внешний вид и вкус. Не понюхать, все равно, что с бутерброда масло стереть и есть в темноте, — назидательно произнес Максимов с набитым ртом. — Почему сам не ешь?

— Охоту отбило. После всего,

что услышал, даже жить не хочется.

Злобин, нахмуясь, замолчал, пытаясь подобрать нужные слова.

«Начинай, — мысленно подбодрил его Максимов. — Лучше ляпнуть полную ересь, чем заработать интеллектуальный запор».

— В голове не укладывается, — неуверенно продолжил Злобин. — Меньше двух десятков лет осталось. А нашим бонзам хоть кол на голове тиши! Все копошатся, как мыши в навозной куче. Все власть не доделят. Уже жрут в три горла, а все мало, все недосуг делами заняться. Не с инфляцией бороться надо, а готовиться к выживанию посреди

моря горячей нефти и взорванных реакторов.

Максимов с холодной улыбкой посмотрел в болючие глаза Злобина.

— А почему ты считаешь, что они не готовятся?

— Я что, слепой? — Злобин резко ткнул пальцем в окно, в котором светились огни разгулявшейся к вечеру Москвы.

— Тогда должен видеть, сколько элитных домов из монолитного бетона отгрохали. Цены в них за метр фантастические, зато есть собственная система жизнеобеспечения. Зачем? Для повышенного комфорта или чтобы выстоять при масштабном ЧС в

городе? Это бункер, а не дом, Злобин, поверь военному человеку. Только нас в этот Ноев ковчег в силу безденежья не пустят. Кстати, поэтому такая драка наверху и идет. Не за билет в рай земной, а за место в Ноевом ковчеге. И знаешь, что самое забавное? Наши небожители в годину катастроф получили уникальный шанс стать богами.

Злобин хмыкнул.

— Нет, правда. Подумай сам. После катастрофы выживет малая часть человечества. С изношенной иммунной системой, контуженное страхом, со стертой генетической памятью о разумном, добром и вечном. От техносферы останутся

только руины и смутные воспоминания. Хомо сапиенс опять станет обезьяной. И как это стадо обезьян воспримет тем двуногих, что вылезут из бункеров? Целых, невредимых, умных, образованных, сохранивших знания и технику. Как богов! И власть их будет абсолютной. — Максимов потянулся к чашке, сделал глоток остывшего кофе. — Голубая мечта любого начальника — стать богом над дрожащими тварями. И никаких тебе выборов, и никаких демократий.

Злобин свесил голову.

— Спорить глупо, а согласиться страшно, — помолчав, произнес он. — Нам что дальше делать?

— Об этом, Андрей Ильич, не беспокойся. Ты же слышал, что наш биолог сказал: все в мире взаимосвязано, и информация распространяется без препятствий. Вывод не утешительный. Сейчас уже многие знают, предчувствуют или примитивно чувствуют, что ты обладаешь неким знанием. Так что готовься.

— Как? — Злобин поднял голову.

Максимов встал, подхватил со спинки кресла плащ.

— Прими ванну, выпей чаю с медом и ложись спать, Андрей Ильич. На сегодня с тебя хватит. Дай другим поработать.

Злобин вдруг почувствовал

такую ватную слабость в ногах, что решил пока не вставать с дивана. Накопившаяся за день тяжесть свинцовым грузом легла на плечи. Больше всего хотелось закрыть глаза и отключиться ото всего, что было, есть и того страшного, что ждет впереди.

Он был еще новичком в мире, откуда приходят Странники.

Глава двадцать третья.

Пенсионер союзного значения

Революция начинается с переименования улиц. И лишь потом принимается за экономику.

Пока Первый съезд народных депутатов пытал Горбачева, требуя точно разъяснить, чего же он хочет, а Михаил Сергеевич отвечал потоком словесной патоки, в котором даже в междометиях ударения ставились неправильно, народ не сидел без дела. Экономика трещала по швам, шахтеры вообще бастовали, выкликая Борьку на царствие, да и если

честно, работать никому не хотелось. Но зуд перестройки уже охватил массы. Отбившиеся от рук массы кучковались на митингах и требовали перемен. Каких именно, никто не знал. Но требовал.

История так и не установила ту светлую голову в толпе, в которую первой вошла мысль все переименовать. Правильно, если уж нельзя все поделить между всеми, постреляв несогласных, как полагается при нормальной революции, то сокрушительно-созидательную энергию революционных масс следует направить на вывески. А так как в коммунизм уже никто не хотел, а

дальше идти было некуда, то вывески решили менять на старорежимные.

Почин задал город — колыбель Октябрьской революции. Провел демократический референдум и вернул себе вывеску имперской столицы. Так посреди Ленинградской области в устье Невы возник город Санкт-Петербург. А бывший свердловский секретарь не стал возражать, когда его партийную вотчину переименовали в Екатеринбург. И пошло, поехало...

Москву переименовывать не стали. Очевидно, только потому, что другого имени она никогда не имела. Зато по полной программе отыгрались на названиях улиц.

Вывески меняли, словно в город вошли гвардейские полки генерала Врангеля. Сшибали наземь всяких там «Урицких», «Цеткин» и «Свердловых» и вешали «Афанасьевских», «Мясоедовских», и «Поварских». Восстанавливали, так сказать историческую справедливость и подлинный облик.

Без казусов не обошлось. Проспект Андропова — имени всесильного шефа КГБ — устоял, но к нему добавилась улица Сахарова, академика от диссидентства и самой знаменитой жертвы козней товарища Андропова.

Перемены не коснулись цыганского театра «Ромэн»,

исторического названия «Яр» ему не вернули. Но и его соседку, гостиницу, обошли. Или руки не дошли, кто их знает.

Оттусовался августовский путч, через пару лет в октябре еще раз по Пресне проехали танки, выбрали два раза подряд Ельцина, а на Ленинградском шоссе так и стоит гостиница и светит в глаза несущимся из Шереметьева правительственным кортежам своей вывеской — «Советская».

Старые львы

Машина плавно затормозила, и на стекла легли синие отблески

вывески гостиницы.

Салин осмотрел помпезное крыльцо и откинулся на подушку кресла.

— Мы вовремя? — спросил он.

— Минута в минуту, Виктор Николаевич, — отозвался Стас.

Салин медлил.

Решетников покрутил пальцами, сцепленными на животе. Покопался на друга.

— Может, вдвоем? Парой мы кого угодно схарчим.

Салин отрицательно покачал головой.

— Он это знает. Сразу же замкнется или начнет ваньку валять. А время дорого.

У Решетникова чуть не сорвалось: «Так что мы тянем?», вовремя сдержался. Он видел, что Салин собирается, как ветеран на ринг. Там, за канатами, никто не делает скидок на былые заслуги и возраст. Там бьют жестоко. И надо бить самому. Только дыхание, ноги, и руки уже не те. Одна надежда на выдержку и опыт. Одно плохо противник тоже матерый. Битый-перебитый, давно не ведущий счет победам и поражениям, а просто живущий от схватки к схватке.

— У него в номере «жучков», как у меня тараканов на даче, — подсказал Решетников.

Салин кивнул.

— На то и расчет. Хочет, чтобы я хлебнул его пайки.

— Ну, как он, нам так не жить! — натужно пошутил Решетников.

Салин повернулся, посмотрел ему в глаза и отчетливо произнес:

— Не дай бог!

Решетников нервно закрутил пальцами.

— Виктор Николаевич, на сердце что-то беспокойно. Давай манкируем встречу. Попробуем обходные пути, а? Как бы нам в горячке, так сказать, самих себя за задницу не укусить.

— Павел, не сбивай меня. — Салин взялся за ручку дверцы. —

Видишь же, не хочу, а делаю.

Он вытащил тело наружу. Не спеша, солидной походкой двинулся к крыльцу.

Когда его округлая фигура прошла сквозь сталинскую колоннаду и пропала за стеклянной дверью подъезда, Решетников суеверно сжал большой палец в кулаке.

* * *

Ося Загрядский в восемь лет имел первый юношеский разряд по шахматам. Через год арестовали отца. Дали десять лет. Ничего вроде

бы страшного, другим обламывалось больше. Но приговор вынесли со странным довеском «без права переписки». И отец из жизни Оси пропал навсегда. А жизнь сделалась совершенно несносной.

Худо-бедно, Загрядские дожили до сорок первого, когда плохо стало всем. Киев бомбили, Молотов по радио назвал всех «братьями и сестрами», что дед Оси сразу же расценил, как недобрый знак. Раз власть ластится к народу, значит, дело плохо, глубокомысленно рассудил он. Дед, в жизни не прочитавший ни одной газеты, в политике, как оказалось, разбирался великолепно. В Киев вскоре вошли

немцы.

Семья Загрядских в это время уже обживала хибару на окраине Ташкента. Оба старших брата Оси остались удерживать фронт в районе Севастополя. Когда враг ломится в дверь, в доме не выясняют, кто среди своих «враг народа», а кто его «дети», резюмировал мудрый дед, и опять оказался прав. Но Оси от мудрых хохмочек деда легче жить не стало. Все хозяйство легло на его плечи.

Ося учился в школе, выигрывал турниры по шахматам, постигал науку уличной драки и проходил университетский курс экономики на ташкентском рынке. За способность

к моментальному счету и комбинаторный склад ума мальчика окрестили Бухгалтером. Дела шли отлично, если можно вообще применить это слово к той жизни. Знакомый интендант даже уговаривал стать сыном полка, чтобы развернуться в полный рост. Ося отказался и был прав: интендант в скором времени пропал. По какой статье его оприходовали, Ося допытываться не стал. Не сыну «врага народа» искать правды, рассудил он уже без помощи деда.

На жизнь Ося научился смотреть, как на шахматную партию. Без иллюзий и на пять ходов вперед. Поэтому когда война кончилась и все

«сковыренные», — так выговаривали
аборигены слово
«эвакуированные» — потянулись с
юга к родным местам, Ося пошел
своим путем. На северо-восток.

Деда уже не было в живых, и
некому было оценить всю глубину
предвидения Иосифа. Не прошло и
года, как в Казахстан потянулись
теплушки с ссыльнопоселенцами из
мест исторического расселения. А
Иосиф уже там жил по собственной
воле и расчету.

В институт Иосиф при своей
анкете поступать не рискнул, подал
документы на бухгалтерские курсы.
Опять угадал. Никакой конкуренции
и полное несоответствие спроса и

предложения. Все хотели стать адвокатами и стоматологами, но их там и таких видеть не хотели. Стране требовался учет и контроль, а в бухгалтеры шли только безногие инвалиды и глупые, как курицы, селянки, сбежавшие из разоренных колхозов.

Иосиф Загрядский по прозвищу Бухгалтер добавил к аттестату диплом бухгалтерских курсов и больше никогда и нигде официально не учился. Он даже ни разу не сел. Хотя было за что. И с каждым годом становилось все больше.

В пятьдесят лет Иосиф Михайлович Загрядский произвел, как всегда в уме, расчеты и пришел к

выводу, что срок по совокупности преступлений в экономической сфере ему набежал в сто семьдесят два года и девять месяцев в колониях разной степени строгости режима плюс три расстрела.

Расчеты он производил на юбилейном загуле в собственную честь в ресторане гостиницы «Советская» в обществе цыган из соседнего заведения.

Он как никто другой знал недостатки советской системы потому что ими пользовался в корыстных целях. Он имел все основания проклинать эту власть. В «оттепель» он узнал, что такое «без права переписки», но могилу отца

найти так и не удалось. Но Иосиф Загрядский никогда не опускался до диссидентства.

«Смешать в одной кастрюле политику и экономику было позволено только умнице Марксу. Но зачем мне это кушать?» — вопрошал он в узком кругу — то есть один на один с собственной женой.

С возрастом в нем проклюнулось любомудрие деда.

Он ворчал на наиболее надоедливых, лезших со скользкими разговорчиками: «Слушайте, не торопите события, иначе они за вами придут!»

А когда в телевизоре возник новый генеральный секретарь и

выдал первую порцию словесной тюри про перестройку, Иосиф Загрядский, не дослушав, выключил японский телевизор и произнес вещице слова: «Это — не абзац. А конец романа».

Перст судьбы ткнул между лопаток в самое неподходящее время. Россия на очередных обломках самовластья что-то опять пыталась построить, называя этот процесс реформами. Рубли делались из воздуха, растворялись без остатка и возникали из ниоткуда в виде долларов на зарубежных счетах. В этом иллюзионе воровства в государственных масштабах Иосиф Загрядский принимал самое

непосредственное участие. На самом важном моменте столь увлекательного процесса события вышли из-под контроля. И за ним пришли.

«Занятно. За свободное предпринимательство не посадили коммунисты, но за него же хотят осудить капиталисты. В этом что-то есть! Надо сесть и обдумать», — сказал он молодому следователю.

Парень меньше, чем сам Загрядский понимал, что происходит. Но обвинение предъявил. Срок светил в пятилетку.

— Мне хватит, чтобы все обдумать, — кивнул Загрядский.

При этом он плотно закрыл

глаза, пряча взгляд.

Привычка осталась со школьных турниров по шахматам.

Старые львы

Салин уселся в предложенное Загрядским кресло. Осмотрел номер. После капремонта интерьеры «Советской» выглядели вполне европейски. Хоть добавляй к вывеске на гостинице «Рэдиссон».

— Вот так и живу, — улыбнулся сухими губами Загрядский.

Пояснять, что он имеет в виду: окружающую роскошь или статус расконвоированного — не стал.

Салин отметил, что на

фотографиях Загрядский выглядит гораздо старше. Пленка не передавала того характерного оттенка лица, что появляется, когда человек приказывает себе не стареть. Словно воском натерли и наложили идеальный грим. Ни морщин, ни старческих пятен. Плюс идеальная, волосок к волоску, седая шевелюра и ухоженная борода.

«Пенсионер цехового движения», — с невольной завистью подумал Салин.

Сам перед встречей еще раз побрился, и то, что увидел в зеркале, особо не обрадовало.

Жестом радушного хозяина Иосиф Михайлович указал на столик

между ними, густо заставленный вазами с фруктами, розетками с орешками и тарелками с бутербродами. Рюмок было две, а бутылка всего одна. Армянский коньяк двадцатилетней выдержки.

«Тоже готовился, подлец, — подумал Салин. — Мой любимый коньяк достал».

Поправил очки на переносице.

— Боюсь, для коньяка у меня времени нет, — произнес он.

Загрядский на несколько секунд опустил веки. Кивнул.

— Когда есть коньяк, а нет времени выпить, полбеды. Плохо, когда нет здоровья. Еще хуже, когда нет ни коньяка, ни времени, ни

здоровья. — Он шутил с абсолютно непроницаемым лицом и с холодным изучающим взглядом. — У меня случай сложнее. Все есть, а выпить не с кем.

— Не судьба, Иосиф Михайлович. — Салин выдавил улыбку.

— Судьба есть продукт взаимодействия воли и внешних обстоятельств.

— В таком случае я к вам по доброй воле, но под прессом внешних обстоятельств, — подхватил Салин.

— Что ж, давайте сразу к делу.

Загрядский откинулся в кресле, оставив скрещенные кисти рук на

ручке мощной трости.

— В знак доброй воли, Иосиф Михайлович, примите информацию весьма конфиденциального свойства.

Салин внимательно следил за зрачками Загрядского. Они не дрогнули.

«Или уверен в себе, или на все сто уверен, что в номере микрофонов нет», — подумал Салин.

— Какое вы имеете к ней отношение? Спрашиваю, чтобы оценить статус.

— О, Иосиф Михайлович, если бы информация была моя, я бы ее не дарил, а продавал. И цену назначил бы соответственно статусу.

— Разумно. Но на ответный

подарок рассчитываете, не так ли?

— Я рассчитываю исключительно на взаимопонимание.

Загрядский, обдумав, кивнул.

— Я готов выслушать.

Салин не мог мысленно не отметить, как все-таки приятно работать с людьми старой школы. Дико трудно, но чертовски приятно.

— Итак, в вашей судьбе возможны резкие перемены. Соотношение воли к обстоятельствам в ближайшие часы сложится в вашу пользу. Ну, а в том, что вы сумеете этим воспользоваться себе во благо, я не сомневаюсь.

Загрядский перебрал холеными

пальцами. На мизинце тускло блеснул перстень.

— Знаете, звучит, как астрологический прогноз.

— А я всю жизнь гадаю по звездам. И вы знаете, по каким.

«Кремлевские» произносить вслух не пришлось.

Салин продолжил:

— Сегодня до полуночи некто генеральный будет вызван для приватной беседы. Ему покажут порнографический фильм с его же участием. Две девицы и некто, если вас интересуют подобные подробности. И положат перед ним чистый лист бумаги. Домой этот некто уедет уже никем.

Загрядский смежил веки.
Надолго закаменел лицом.

— Кто будет следующим некто? — спросил он, понизив голос.

— Вы давно не бывали в Сочи? — непринужденным голосом спросил Салин. — Слетали бы на недельку, зачем в Москве киснуть.

Загрядский бросил на Салина вопросительный взгляд. Салин утвердительно кивнул.

— Достаточно неожиданный ход, — промолвил Загрядский. — А если отправленный в отставку некто пойдет на попятную? Сейчас модно принародно правду искать.

Салин снял очки, пополировал стекла салфеткой.

— Все что угодно, Иосиф Михайлович. Вплоть до ареста или захвата в заложники семьи.

Загрядский покачал головой.

— Ну и нравы!

— А цена вопроса? — возразил Салин.

— Тогда — да, — подумав, согласился Загрядский.

Он побарабанил пальцами по ручке трости.

— И вы, Виктор Николаевич, не имеете к этому кино никакого отношения, — почти без вопросительной интонации произнес Загрядский.

— Не наш стиль. Прежде всего, я бы до такого не стал доводить.

— Сейчас их время.

— Но мы-то еще живы, Иосиф Михайлович.

— В этом вся проблема, — вздохнул Загрядский. — Она, конечно же, имеет решение. Но лично меня оно не устраивает.

Салин водрузил очки на нос. Сквозь дымчатые стекла упер взгляд в Загрядского.

— В столь деликатном вопросе вы хотите остаться свободным волей или предпочитаете отдать решение на откуп внешним обстоятельствам?

Загрядский окатил Салина холодным и колючим, как ледяной дождь, взглядом.

— Никогда бы не поверил, что

человек вашего уровня и опыта способен опуститься до банальных угроз, — с расстановкой произнес он.

— Я не угрожаю, а стараюсь максимально точно обрисовать ситуацию. В расчете на полное взаимопонимание.

Пальцы Загрядского на трости зашевелились, как щупальца проснувшегося осьминога. Капелька света соскользнула с черного камня на перстне и ударилась о стекла очков Салина.

— Принято к сведению, — сухо обронил Загрядский.

Салин достал из кармана сложенный пополам листок.

— Я здесь, Иосиф Михайлович, чтобы ликвидировать некоторое недоразумение. Раньше, чем оно начнет порождать следствия, ликвидация которых потребует использование мер, мало приятных для нас обоих.

— Нас? — уточнил Загрядский.

— Именно, — кивнул Салин. —

Часть вины лежит на вас.

Он развернул листок, словно проверяя последний раз, пробежал по строчкам взглядом и лишь потом протянул его Загрядскому.

— Это данные о транзакциях [\[55\]](#).

Список далеко не полный. Но вполне достаточный, чтобы утверждать, что ваши деньги, Иосиф Михайлович,

оказались в моей системе.

Загрядский недоуменно поднял бровь. Взял листок. Медленно достал из нагрудного кармана очки. Просмотрел короткие строчки.

Через край листа послал Салину вопросительный взгляд.

— Что дальше? — расшифровал его Салин. — Добавьте к этой бухгалтерии факт гибели моего человека. При этом пропали документы чрезвычайной важности. Произошло это четыре дня назад. А сегодня мы зафиксировали вторжение чужого капитала. Суммы не бог весть какие. Всего-то сотня миллионов. Но адресно и точно скупаются источники

комплектующих для очень важного проекта. Думаю, вам не надо объяснять, что это такое. — Салин откинулся на спинку кресла. — У меня есть все основания предполагать, что денежная интервенция и ликвидация моего человека имеют один источник. Цель — перехват управления. Как это называется на языке нелюбимой вами политики, Иосиф Михайлович?

Загрядский сложил листок, осторожно положил его на угол стола.

— Казус бели? — спросил он.

— Именно — повод к войне! —

Салин сбавил тон. — Вас она не коснется, если сумеете убедить меня,

что никакого отношения к факту вложения капитала «Артели» в «Систему-Союз» лично вы не имеете.

Загрядский потянулся вперед, положил подбородок на ручку трости.

И надолго закрыл глаза, спрятав взгляд от Салина.

Дикарь (Ретроспектива-5)

Вожак назначил встречу в лесопарке у гостиницы «Союз».

Захламленный, неуютный, пропахший гарью кольцевой автодороги перелесок Дикарь никогда бы не назвал ни лесом, ни

парком. Но у людей всегда так: путаются в словах и понятиях, пытаясь из обрубков слов и смыслов сконструировать жалкое подобие истины. А она проста, как все, созданное Богом. Лес — это лес. Зверь — это зверь. Человек — тварь.

У лесопарка было только два достоинства. В него можно было войти с трех сторон: со стороны канала, из микрорайона или сбегав по откосу кольцевой автодороги. И еще — через парк шла высоковольтная линия. Если встать под ней, ни один прибор не зафиксирует, о чем шла речь.

Дикарь, ориентируясь по провисшим кабелям и мачтам, вышел

на нужную полянку. За
искореженным кустарником
пряталась детская площадка.
Вырубленные топором истуканы
мишек-белочек и такой же топорной
работы скамейки.

Вожака он почувствовал раньше,
чем тот крякнул в кулак, дав о себе
знать.

Скамейка, облюбованная
Вожакон, стояла за кустом бузины, в
дальнем конце площадки. С
тропинки можно было разглядеть
лишь смазанный контур фигуры
пожилого мужчины, сидевшего с
напряженной спиной и гордо
вскинувши подбородок.

Сердце Дикаря радостно

забилося, почуяв родную кровь.

«Мы — одной крови, сомнений нет, — подумал Дикарь. — Единственное, что нас разделяет, так это время. Но это пропасть ни мне, ни ему не перепрыгнуть».

Дикарь входил в зенит жизни, Вожак неудержимо скатывался к седьмому десятку. За двенадцать лет, что минули с той памятной встречи в зоопарке, Дикарь успел возмужать и заматереть, отточить когти и опробовать в деле клыки. Он бы искренне благодарен Вожаку, за выучку и знания. Вожак сдержал слово, Дикарь получил все лучшее, что мог дать мир людей, но не растерял того, что обрел в Лесу, —

Душу Зверя.

Для Вожака настали трудные времена. Он, конечно же, не растерял стати, хватки и воли, иначе бы сожрали в момент, стоя слабости не прощает, но что-то в нем надломилось, это Дикарь отлично чувствовал. И надеялся, что только он один.

Вожака обложили и загнали в вольер. Достаточно просторный, чтобы не замечать сетки, натянутой между деревьями. Но если рожден свободным, то будешь чувствовать себя в плену, хоть огороди забором тайгу. Прутья решетки, как бы до них не было далеко, все равно проткнут сердце.

Насколько знал Дикарь, все шло к тому, что Вожака посадят в тесную клетку. На забаву охотникам и в назидание волкам.

Он пожал протянутую руку, отметив, что в ее сердцевине поселилась вялость, и сел рядом с Вожаком.

По многолетней привычке Вожак положил подбородок на скрещенные кисти рук, обнимающие дужку тяжелой трости.

Помолчали, слушая лес. За редким частоколом чахлых сосен гудела и чадила Кольцевая. С воем набирая ход, к Левобережной прокатила электричка. Хрустнула ветка под ногой человека, гуляющего

по тропинке. Слишком далеко, Дикарь даже не стал напрягаться.

Он уже знал, что Вожак пришел без охраны. И это был недобрый знак. Когда перестаешь доверять даже ближним, кровью с тобой повязанным, пора бросаться грудью на первый же выстрел.

— Мне скоро предъявят обвинение, — произнес Вожак. — Дальше тянуть нет смысла.

— А он был, смысл?

Дикарь уже вошел в тот возраст и силу, когда можно было так разговаривать с Вожаком.

Тем не менее Вожак окатил его холодным взглядом.

— Я никогда не забывал, в какой

стране живу. Здесь можно быть умным евреем при генерал-губернаторе. Но недолго. Выпорют и выкинут, а заработанное отберут.

В Америке, например, когда началась война, Рузвельт вызвал олигархов и предложил поработать на благо родины. Требовалось срочно перевести экономику на военные рельсы. А кто это мог сделать качественнее, чем Дюпоны, Морганы и Рокфеллеры? Они временно оставили свой бизнес и подписали контракт с правительством. Зарплату чиновников, сам понимаешь, с доходами олигархов не сравнить. Поэтому они установили символическую плату в один доллар.

Так у них принято. Дал доллар — считай, нанял. Дурак не придерется, а умный не обидится. За один доллар они и провели мобилизацию экономики. После победы Рузвельт лично вручил каждому по серебряному доллару в дорогой рамке. Кто-то из олигархов, сейчас уже не помню, кто именно, сказал, что это самый дорогой доллар из тех миллионов, что он заработал за всю жизнь.

— А у нас все норовят отобрать на великие цели.

— Менталитет. — Вожак постучал пальцем по лбу. — Почему-то считают, если у них будет много денег, то все получится.

Он смежил веки. Надолго замолчал.

Дикарь хорошо изучил повадки Вожака и ничем не выдал нетерпения. Знал, сейчас тот последний раз просчитывает ходы. На памяти Дикаря Вожак еще ни одного поступка не совершил спонтанно, под действием рефлексов или под давлением чужой воли.

— Я отхожу от дел, — ровным голосом произнес Вожак.

Дикарь не удивился, все к тому и шло. Рано или поздно хватка слабеет, и жизнь вонзает в тебя когти.

— Трудно заниматься делами, когда по три раза за ночь бегаешь в

туалет, — криво усмехнулся Вожак. — И все фиксируется на пленку.

Дикарь покосился на него, но промолчал.

— О принятом решении знаешь только ты. Оно останется нашей тайной, пока ты не окрепнешь окончательно.

Дикарь вдруг почувствовал, как сила Вожака медленно перетекает в него. Это была мудрая, уверенная в себе сила, а не та, кроваво-пенная, что он ощущал в себе.

— Перед тем, как ты скажешь «да», — а я не уверен, что ты согласишься, — ответь мне на один вопрос, мальчик мой. — Вожак

поскреб острием трости
слежавшуюся листву. — Я не задал
его тебе при первой встрече. Молчал
и после. Но теперь самое время его
задать. Только правду, уговор?

— Согласен, Иосиф
Михайлович.

— Тебя двенадцатилетним
мальчишкой оставили умирать в
тайге. Ты выжил всему наперекор. За
это я сделал тебя своим
воспитанником. Но неясно одно. Я
специально консультировался,
охотиться в то время было еще рано,
а ягоды сошли. — Он выдержал
паузу. — Что ты ел как минимум две
недели межсезонья?

Дикарь повернул голову и

бесстрастно посмотрел в лицо Вожаку.

— Отца. И его друга. Освеживал, прокоптил полоски мяса над костром и ел, пока не научился охотиться.

Они не моргая смотрели в глаза друг другу. Первым отвел взгляд Вожак.

— Я знал ответ. Давно знал. Но не ожидал, что ты ответишь.

— Почему?

В широко раскрытые ноздри Дикаря поплыл запах старости.

— Возможно, я тебя плохо знаю, — пробормотал Вожак, отвернувшись.

Дикарь сжал зубы, чтобы

наружу не вырвался победный крик. Впервые он почувствовал, что сильнее, во сто крат сильнее Вожака.

Старые львы

Салин усталой походкой спустился по лестнице и подошел к машине.

Владислав выскочил, услужливо распахнул дверцу, успев смазать улицу взглядом.

Салин устроился на сиденье. Снял очки и стал мелко дрожащими пальцами массировать переносицу.

Владислав нырнул в салон. Бросил в рацию «Снимаемся!» и кивнул водителю.

Машина приемисто рванула с места, выкатилась на проспект и быстро набрала скорость. В окне замелькали яркие блики реклам.

Салин отвернулся в темноту салона. Решетников, забившись в угол сиденья ждал. Не произнося ни слова, наблюдал, как сквозь маску сановника и тайного советника, на лице Салина проступают обрюзгшие складки усталости.

— Центр операции на Ближнем Востоке, — прошептал Салин, отваливаясь на спинку сиденья. — Что тебе говорит имя Саид-аль-Махди?

— Ровным счетом ничего, — нахмурившись, ответил

Решетников. — Нам сейчас для полной радости только «Аль-Кайды» не хватает. А Бухгалтер что об этом кадре сказал?

— Кроме имени, ничего. — Салин уронил руку на колени. — Загрядский давно — полный пшик. Все вопросы к Глебу Лобову.

Решетников дважды крикнул. Как штангист, прилаживающий руки на гриф штанги.

— Пospошaть можно. Только как? — спросил он.

— Сообразно обстоятельствам, — с плохо скрытым раздражением ответил Салин.

— Ну-у, — протянул Решетников. — Тогда Владиславу

карты в руки. По экстренным мерам — это к нему.

Владислав подобрался, как доберман, услышавший свою кличку.

Активные мероприятия

Срочно

т. Салину В.Н.

Объект Агитатор
принят под наблюдение.

В 20.30 объект
покинул адрес и
проследовал в бар «Тропик
Рака».

Для активной
разработки объекта
подготовлен агент «Белка».

Владислав

Глава двадцать четвертая.

Дурь, деньги и два шара

Создатель образов

Внутри бар выглядел папуасской деревней, захваченной белыми наемниками. От аборигенов остались только хижины, оружие и черепа на стенах, этнически бесхитростная мебель и немного экзотической утвари, — ровно столько, сколько требует понятие «дизайн». Остальное: посуду, жратву, баб и выпивку завоеватели привезли с собой.

Белые люди отдыхали после

трудового дня. Как положено в колониях, к ужину все сменили рабочую спецодежду на вечерние костюмы. Никакого камуфляжа, растянутых на коленях спортивных штанов, кожаных курток и кроссовок. Версаче, Хьюго Босс, Армани и чуть-чуть Труссарди. Если что и прикуплено на китайском рынке, то все равно якобы от тех же фирм. Дамы были в меру раздеты, минимум одежды на них стоил так же дорого, как и шубки, сброшенные на спинки стульев. Золото и мужчинами и их спутницами выставлялось напоказ, как боевые награды на слете ветеранов.

Глеб наскоро осмотрел публику.

У женщин были плотоядные губы и галочки глаза. Мужчины делились на две неравные группы: хищников-охотников и трупоедов. Убийц и мародеров, если точнее. Сейчас мародеров: — спекулянтов, сутенеров, кидал, барыг и прочих менеджеров фирм невнятной специализации было заметно больше. Джентльмены удачи ожидалась ближе к полуночи.

«Тупик цивилизации», — усмехнувшись, подумал Глеб.

Прошел к стойке, забрался на табурет.

— Апельсиновый сок, — сказал он бармену.

— Свежевыжатый или из

пакета? — с пафосом уточнил бармен.

Парню на вид было чуть за двадцать. Судя по цвету лица, себя он свежавыжатым соком не баловал.

«И что за мода пошла, пить за бешеные бабки сок из чужих грязных рук? — подумал Глеб. — На заводе его хоть кипятят. А этот онанист обморочный неизвестно чем болеет. Зато круто!»

— Открой новый пакет, — распорядился он.

Бармен пошевелил белесыми бровками, что на его бессловесном языке, наверное, означало: «Клиент всегда прав, даже когда не очень прав», выставил на стойку

прозрачной чистоты стакан, нырнул вниз. Появился с пакетом «Джей Севен» в руке, демонстративно скovyрнул пробку и, опрокинув, направил длинную оранжевую струю в стакан.

— Лед? — по ходу дела спросил он.

Глеб отрицательно покачал головой.

Бармен с халдейской грациозностью задраил горлышко коробки, струя резко оборвалась.

— Прошу вас. — Он придвинул стакан к Глебу. — Что-нибудь еще будете заказывать?

Глеб отрицательно покачал головой.

Парень, как на рельсах, плавно и без видимых усилий проскользил к другому концу стойки, где гулял какой-то тип в синем пиджаке. Вышедший из моды пресловутый бордовый пиджак он оставил дома, но с рожей, закаленной мордовскими морозами и задубелой в боксерском зале, ничего поделать не мог. Пришлось принести с собой. В оба рукава его пиджака вцепилось по телке стодолларового вида.

Глеб пощупал взглядом типа и его подруг на этот вечер и отвернулся.

Пригубил сок.

Краем взгляда заметил, что бармен, получив заказ от типа,

дрессированной обезьянкой стал жонглировать бутылками, успевая трясти стальным шейкером и освободившейся рукой то и дело что-то подбрасывая в три бокала на стойке. Бутылки, то высоко взлетая, то скользя по ловко подставленному предплечью в ладонь, метали разноцветные блики. Девки восторженно ржали, тип в синем пиджаке тихо балдел от собственной значимости.

Следя за этим цирковым представлением, Глеб подумал, что в стране жуткими темпами идет селекция двуногих. Тон задают такие вот мордатые. Несогласные платить ему дань будут уничтожены,

неспособные ублажить вскорости
вымрут с голоду.

«Что ждет этого жонглера? Что
имеет, то и ждет. Сейчас заработает
сотню баксов на чаевых, побежит к
своей девчонке. Она тихо дает
нелюбимому шефу на служебном
диване, но любит жонглерчика.
Потому что помыкать им можно, а
шефом — нет. Забурятся они в
клубешник, оттопырятся на эти
чаевые до одури, возможно, таблеток
похрумчат, чтобы кайф от жизни
поймать. А к утру завалятся в
съемную квартиру жонглера.
Мимоходом перед сном займутся
свободной любовью. Девочка от
усталости лопухнется и залетит.

Поплачет, позлится на жонглера, а потом прикинет шансы, да и потащит дурака в ЗАГС. Вот тебе и новая семья: папа — халдейчик, мама — офисная шлюшка и киндер с „экстази“ в крови и с рабски гибким хребтом. Ячейка общества, твою мать! Через два десятка лет, когда киндер подрастет, можно смело вводить крепостное право. Никто даже не пикнет. — Глеб закрыл глаза и сделал долгий глоток. — И не объяснишь же малохольному, что не бутылками крутить надо, а за учебниками сидеть. Возраста же — студенческого... Впрочем, если раньше не понял, что за умную голову платят больше, чем за ловкие

руки и тугую задницу, пусть работает руками или подставляет задницу».

Кожаная подушка на соседнем табурете тихо выдохнула, приняв тяжесть тела.

Глеб потянул носом, потом открыл глаза.

Пахло от девушки хорошо. Циничный такой запах, с затаенной истерикой. Глебу понравилось.

Он стал водить взглядом по ее телу, ища источники, составляющие этот букет.

Волосы, скрученные в тугие дрэды, — запах пересохшего жнивья пополам с фиалками. Мужская рубашка в мелкую полоску навывпуск, от нее шел аромат голландского

табака, чисто выбритых подмышек, слегка тронутых шариком дезодоранта, и накопившегося под тканью жаром молодого тела. Рубашка чуть задралась, открыв взгляду поясницу. Полоска загорелой кожи, покрытая золотистым пушком, источала горячий и чуть нервный запах, как подушечка на лапе кошки. Кожаные штаны в обтяжку пахли крутым мужским потом и похотью.

Взгляд Глеба огладил туго обтянутую попку и скользнул по скрещенным ногам ниже. Девушка носила стильные «казаки» на острой шпильке, хищные носки, острые, как клюв дельфина, были обиты сталью.

«Ручная работа. Сделано в

Мексике. Высший класс „текс-мекс“^[56], — оценил он. — Дороговато для путаны. Но чего в жизни не бывает».

Лицо у нее было тонко очерченное, с слегка выступающими скулами. Лоб египтянки, как по лекалу нарисованный. Пухлые, любящие поцелуи губы. Глаза миндалевидные, большие, широко посаженные. У путан глаза либо печально виноватые, либо цинично дерзкие. У этой в глазах стояла ледяная поволока. Взгляд глубокий и долгий, как сквозь толстое заиндевелое стекло. Зрачки были расширены, радужка вокруг них — цвета январского ночного неба.

В правую бровь девушка вогнала маленькую сережку. Такая же, с алмазной искоркой на гранях, впилась в левую ноздрю.

Глебу подумалось, что для полноты картины где-то на теле должна быть еще одна. И в самом неподходящем месте.

«Анально-агрессивный тип, — определил Глеб. — Хуже не бывает, если у тебя кишка тонка. Замордуют, как Пол Пот Кампучию, а потом в коврик перед дверью превратит».

За себя он не боялся. На других мужиков ему было наплевать.

Подобные особы навевались в его клуб отлавливать охочих до

андеграунда папиков. Иногда окучивали одновременно и самих папиков, и их длинноногих дылд. Случалось, одних дылд, отдохавших без папиков. Но что она делает в этом обезьяннике, Глеб не представлял. Как-то слабо верилось, что среди средней степени авторитетности шпаны имеются охотники до нестандартных удовольствий. Кому понравится, когда эти острые когти в черном лаке проведут по спине полосу от загривка до копчика? Братва свое садо-мазо в мордовских лагерях отгребла, в столице да еще за свои бабки — увольте.

Девушка положила на стойку

маленькую сумочку, похожую на акушерский саквояж в миниатюре. Глеб сразу же оценил достоинства аксессуара. Пачка сигарет и косметика умещаются, и если что, таким вот «пирожком» со стальными клепками легко и непринужденно можно отмахаться от кого угодно. А стальным носком сапожка добить.

На Глеба она в упор не смотрела, так, мазнула краем глаза. Но он был уверен, что надо — она высмотрела, оценила и вынесла вердикт.

Она вскинула руку, витые браслеты на тонком запястье хищно клацнули. Бармен, уже закончивший представление, как кукла на

ниточках в театре Образцова проскользил вдоль стойки и оказался напротив.

— Привет, Наташа! Отлично выглядишь. — Он выдал лучезарную улыбку. — Как всегда?

Наташа постучала черным ногтем по стойке. Бармен перегнулся. Только тогда она подалась грудью вперед, и Глеб проследил, как тугие бубочки сосков выступили сквозь хлопок рубашки. Она что-то прошептала в услужливо подставленное ухо бармена.

Из такого неудобного положения он умудрился испуганно стрельнуть глазками в Глеба. Выпрямился, отрицательно помотал головой.

Девушка разочарованно надула губки и дернула бровкой, прошитой сережкой.

Глеб махнул рукой, подзывая бармена. Парень невольно бросил взгляд на стакан с недопитым соком. Но клиент, даже сделавший столь незначительный заказ, все равно — клиент. А значит — право имеет.

Он подошел, чуть прогнулся над стойкой.

— Слушаю.

— Модный здесь?

Бледные веки бармена нервно затрепетали. Не ожидал. Глеб по его понятиям в друзья Леше Модному, прописавшемуся в этом обезьяннике, явно не годился.

— Он в бильярдной. — Бармен указал глазами в дальний конец зала, оттуда из-за занавеса из искусственных лиан доносился стук шаров и возбужденные мужские вскрики. — Но не там.

— В нижней? — спросил Глеб, чтобы ясно дать понять бдительной шестерке, что он, Глеб, не вчера с пальмы сорвался, кое-что и кое-кого знает.

— Да, там. — В голосе бармена пропало напряжение.

— Дай знать, что пришел Глеб.

Бармен выпрямился. Слабо потыкал Глеба взглядом.

Повторять Глеб не собирался. Поднял стакан и, закрыв глаза, стал

медленно переливать сок в рот.

Когда открыл глаза, бармен в дальнем углу тряс шейкер и что-то скороговоркой говорил официантке. Девчонка, чтобы лучше было слышно сквозь музыкальную мутотень, льющуюся из динамиков, легла грудью на стойку и встала на цыпочки. Синий пиджак, забыв о своих телках, с жадностью осматривал острый задик официантки, обтянутый юбочкой леопардовой окраски.

Соседка тоже повернула голову. Погладила взглядом фигурку официантки. Смотрела мимо Глеба, и он четко заметил, какими всасывающими сделались ее

зрачки, — как две воронки на осенней воде.

Официантка оторвалась от стойки, виляя попкой, прошмыгнула между столиками и скрылась в нише. Там, по витой лестнице вниз, находилась еще одна бильярдная. Для своих.

Соседка пошевелилась, от ее одежды поднялось невидимое облачко возбуждающего аромата.

Легкая судорога скользнула по бедру Глеба и забилась в пах. Он сладко прищурился.

«Самое оно. Именно этого мне не хватало, — подумал он. — Чуть разбавить злость. Иначе перегорю».

Чувственное, кисельно горячее

возбуждение, вызванное соседкой, медленно смешивалось с багровым, мохнатым бешенством, загустевшим в груди. До появления соседки, как там ее — Наташа, кажется, — Глеб еле сдерживал себя. Острый запах перегретой шерсти поднимался из-под воротника его рубашки и щекотал ноздри. Предстояла схватка, в которой он был готов на все. Прежде всего — убить. С наслаждением, близким к оргазму, раскроить горло врагу. Получить в лицо шлепок горячей крови и зареветь от безудержного удовольствия.

Но именно это самое простое и естественное решение здесь, в этом

обезьяннике, забитым недочеловеками, и было наименее возможным. Хоть и полулюди здесь собрались, но не звери же окончательно. Не поймут. По их убогим понятиям, гнобить и убивать людей можно, но с такими оговорками и противоречивыми правилами, что лучше уж совсем не делать, чем потом до Второго пришествия тереть — перетирать «по понятиям».

Глеб обвел взглядом зал. Под языком сразу же сделалось тошнотворно сладко, будто гной из флюса прорвало. Пришлось залпом допить сок.

Наташа достала из сумочки

пачку «Кэпстэна». Пошарив, выудила зажигалку.

Глеб разочарованно вздохнул.

Тщательно выпестованный стиль незнакомки рухнул в один момент. Зажигалка оказалась банальным «Крикетом» из киоска.

Помедлив, выбила из пачки коричневую сигарету. Медленно, словно раздумывая, поднесла к губам.

Старалась зря. Глеб уже решил, что свою, «Ронсон» с платиновым отливом, он доставать не будет. Проколы в стиле мастер пиара не прощал никому.

Как петрушка из ящика кукловода, над стойкой возник

бармен. Поставил перед Наташей высокий стакан с рубинового цвета коктейлем. Изловчился, жестом фокусника из воздуха достал зажигалку, поднес огонек к сигарете.

— Спасибо, Виталик, — качнув в губах сигарету, произнесла Наташа.

Голос у нее оказался грудой, мелодичный, с чуть слышной хрипотцой.

Выдохнула, окатив себя благородным запахом голландского табака.

Глеб, уловив движение за спиной, развернулся.

Официантка, совсем еще девчонка с забавно вздернутым носиком, притормозила на

каблучках.

— Ох, — выдохнула она от неожиданности. — Простите. Вас там ждут. Леша с ребятами.

Она кивнула в сторону ниши, хвостик на ее голове весело подпрыгнул.

Глеб кивнул.

Оглянулся на Наташу. Она уже припала пухлыми губами к соломинке.

Жидкость в ее стакане, светло-рубиновая сверху, медленно темнея и наливаясь тяжестью, на самом дне становилась цвета загустевшей, остывшей крови.

Внутри у Глеба было так же: багрово-красно, кроваво и мертво.

— Хорошо! — Он по-волчьи
ощерился.

Бодро спрыгнул с табурета и на
пружинистых ногах пошел к черной
арке ниши.

* * *

Леха Модный, в миру Алексей
Малахов, получил погоняло за
страсть к новым и красивым вещам.
В спартанских условиях ИТУ
удовлетворить подобную страсть
можно только одним способом —
раздеть очередной этап, одетый в
нулевые робы, чем Леха занимался
методично и весь срок. Сам срок он

получил за разбой и хранение наркотиков. Но в подоплеке лежала вся та же неумная тяга к красивой одежде.

Леша Малахов с особой жестокостью набил рожу мелкому барыге, впарившему корешам крапиву вместо анаши. Бил не из тяги к справедливости, а потому что попросили. Леша только начинал восхождение в криминальной иерархии родного района и к просьбе более авторитетных товарищей отнесся, как к доброму знаку. До этого он махал кулаками за просто так, и вдруг подфартило, заметили и облекли доверием.

Приказ-просьбу Леша выполнил,

как первое пионерское поручение. Добросовестно и с энтузиазмом неопита. Но черт его дернул снять с тихо стонавшего потерпевшего кожаную куртку. Не устоял. Новая она была и моднящая до жути, вся в клепках и молниях. С этого момента и пошла непруха.

«Скорая», которую днем с огнем не сыщешь, случайно ехала мимо парка, а терпила ненароком именно в этот момент выполз на свет. Врач ни с того ни с сего вспомнил про клятву Гиппократата и приказал водиле затормозить. Барыга, получив первую помощь, обрел дар речи и, плюясь кровью, стал требовать ментов. А те, как назло, маялись от безделья

неподалеку. Наряд ПМГ нарисовался через минуту, принял устное заявление терпилы и передал куда следует. Оттуда пришла команда задержать злостного грабителя.

Повязали Лешу через час в дешевом кафе, где каждый вечер тусовалась его компашка. Обмывал с корешами боевое крещение и демонстрировал девкам обновку. Таким образом, куртка была на нем, и отпираться было без толку.

Опера заломили Леше руки за спину, для профилактики правонарушений среди малолетних показательно врезали по ребрам, сломав два, и на виду у всего кафе поволокли к выходу. Леша для форса

промычал погромче что-то про «волков поганных», за что получил еще и с гордым видом влетел головой вперед в «воронок».

В ментовке, принимая задержанного, обшмонали вещдок, и тут всплыла мерзкая деталь. В одном из многочисленных карманов куртки нашли «чек» героина. Потерпевший перед экзекуцией не успел поставить Лешу в известность про товар в кармане, а потом просто не смог. Менты долго разбираться не стали, где чье, и все повесили на Лешу. «Букет» из статей получился знатный. Если не разбираться, как заработан. На Краснопресненской пересылке над Лешей вволю

поржали все, кто имел на это право.

Но это случилось по молодости. Второй срок Модный уже мотал за незаконное ношение оружия. До кучи вешали и вымогательство, и нанесение тяжких телесных, и даже захват заложника. Бригада, в которую входил Модный, занималась не только этим, промысел их на языке УК и по мирским понятиям однозначно именовался бандитизмом. Но общая «бандитская» статья посыпалась на отдельные эпизоды еще до суда. Леше досталось ношение ствола, который в момент задержания рубоповец засунул ему за ремень. Леша по совету умных людей решил,

что спорить себе дороже, и скрепя сердце, взял на себя ментовской грех. От остальных статей отмазал адвокат.

На волю Модный вышел первым из банды, но все равно опоздал. Рынок уже в основном поделили, роли распределили, и своего места никто так запросто отдавать не спешил. Романтические времена паяльника и утюга канули в Лету, беспредел задавили на корню, и в бригадах царила железная дисциплина.

Леху Модного поставили на денежное, но весьма не престижное направление — курировать барыг. Качать права он не стал, хотя участок

ему достался чуть лучше сутенерского. Наркотики, как путаны, промысел заподлянский — все пользуются, но все и брезгуют. Леха подозревал, что дело без подкола не обошлось, сказался довесок к разбойной статье на первой ходке, поэтому отрывался на подведомственных барыгах по черному. За несвоевременную выплату дани без базаров накладывал пени в виде тяжких телесных повреждений. Старшим товарищам такой подход к делу нравился. Но авторитета Леше Модному это не прибавляло.

Ущемленное самолюбие он лечил в самых крутых бутиках. Уж

чего, а денег стало, как грязи. А когда живешь одним днем, хочется его прожить не в рваньё с китайского рынка.

Сегодня на Модном была шелковая рубаша-косоворотка бордового цвета с золотым отливом. Золотое свечение концентрировалось в золотых витых пуговицах, конкретной цепи на шее и на правой кисти. Черные, свободного края брюки тоже отливали в полумраке, но уже серебром. Лакированные туфли бликовали, как зеркальные. Леша игнорировал моду на короткие пацанские стрижки, длинные волосы укладывал в элегантную прическу.

— Привет, Модный, —

поздоровался Глеб.

— Здорово. — Модный

выцеливал шар и головы не поднял.

Глеб обвел взглядом

бильярдную.

В скупом свете бледными

овалами выступали четыре лица.

«Басурман, Кика, Родик и Слива.

Одни и те же рожи. Потерь нет, значит, у Модного пока дела идут стабильно», — отметил Глеб.

Хрустко удрали друг о друга

шары, гулко отозвался борт и задрожала луза, проглотившая шар.

— Оба-на! — подшестерил

Родик.

Модный выпрямился, с

солидным видом стал натирать

кончик кия.

— Играть любишь, Глешка? — небрежно поинтересовался Модный.

— Смотря во что.

— В карты, там, в рулетку. Ты в казино-то ходишь?

— Нет.

Модный скривил губы. Он окатил Глеба с головы до ног оценивающим взглядом. Фасон одежды был модным, но фирму Модный на глаз определить не смог. Поэтому пренебрежительно ухмыльнулся. Глеб не считал нужным разъяснять, что костюм от личного портного ценится выше, чем самая дорогая тряпка от самого раскрученного кутюрье.

— Отсталый ты человек. А я люблю в рулетку пару сотен поднять, — подал голос Родик.

Глеб не стал поворачиваться к маленькому вертлявому человечку с лицом злого гнома.

— Можно подумать, казино открыли, чтобы тебе бабки выплачивать. Люди на процент с игры живут. Чем больше лохов, тем больше прибыль.

Модный стрельнул взглядом в Родика, требуя достойного ответа.

— О, что они там имеют! — протянул Родик.

— Главное не сколько, главное, что — с тебя.

Родик затянул с ответом.

Модный подождал немного, дернул уголком рта и перевел взгляд на Глеба.

— Ну?

Глеб положил на сукно бильярдного стола синюю папочку контракта «Би плюс».

— Здесь сим-карта и пять баксов на счету. На пару звонков хватит. Мой человек позвонит по номеру, указанному в контракте. Твой гонец забьет «стрелку» и решит все вопросы на месте. С утра фура будет стоять под загрузкой. Мой человек передаст накладные на груз. Дальше — твои проблемы и твои деньги.

— А как я проверю качество?

— Как в прошлый раз. Пригонишь фуру в Москву, я назову номера коробок. Вскроем — унюхайся хоть до поноса. Будут претензии, предъявишь.

Модный хмыкнул. Промурлыкал попсовый мотивчик, косясь на папочку. Взял ее и по дуге бросил Басурману.

— Прибери!

После этого Модный принял картинную позу профессионального бильярдиста, отклячив бедро и изогнувшись в пояснице. Долго вхолостую гонял кий между пальцами, выцеливая шар, как понял Глеб, хотел сыграть от двух бортов в лузу. Наконец Модный ударил.

Киксанул. Шар запрыгнул на острие кия, свалился, бестолково ушел к борту, так и не задев ни один шар.

Братва нервозно зашевелилась, но от комментариев воздержалась.

Модный выпрямился, собрал брови у переносицы и стал сосредоточенно полировать острие кия.

Из темного угла на Глеба уставились пара глаз, отливающих вороненой сталью. Сквозь прокуренную атмосферу бильярдной из угла тянуло острым запахом псины.

Глеб сдвинулся вбок, чтобы лучше видеть пса. Несколько раз сжал ладонь, массируя пальцами

мякоть, потом раскрыл, направив в сторону пса.

Нюх у собак гораздо лучше, чем зрение. Почуяв знакомый запах, пес слюняво шамкнул брыдлями и улегся, звякнув поводком.

— Собачкой интересуешься? Не продается. — Модный опять изготовился к удару.

Все знали, что стаффордширский терьер сторожит кассу Модного. Кейс пристегивался к цепи-поводку. Открыть кассу при живом псе было нереально. Он никого ближе метра не подпускал, сразу же скалил зубы. Два года назад, когда Модный только завел пса, пара человек с непривычки ненароком

приблизились на опасное расстояние, пришлось накладывать гипс на передавленные стальной челюстью лодыжки. Больше желающих попробовать на себе удар челюстей стаффордшира не находилось. Между кейсом и остальным миром образовалась мертвая полоса. Звали пса, даром что благородный стаффордшир, весьма не аристократично — Бакс Рваный. Бакс, потому что по жизни охранял баксы хозяина, а Рваный, само собой, потому что за баксы мог порвать кого угодно.

— Интересуюсь тем, к чему он пристегнут, — ответил Глеб.

Модный намек понял, но с

плебейской значительностью тянул время. Слишком долго размышлял, потом так же долго целился. Ударил, с грехом пополам загнав шар в лузу.

— Бабки всем нужны, — победно усмехнулся Модный.

— Вот и предъяви. Цену знаешь. Предоплата сто процентов.

Модный, причмокнув губами, тихо затянул мотивчик про мальчика, что поехал в Тамбов.

— Модный, если у тебя ситуация, как в еврейском анекдоте про коммунизм, нет денег — не строй — так и скажи. Я пойду, чтобы зря время не терять.

Глеб оглянулся. Басурман, прозванный так за лысую как шар

голову и припухшие до узких щелей глазки, старательно вставлял глебовскую сим-карту в свой мобильник. Басурман был лучшим у Модного. Сильный, как Слива, хитрый, как Кика и преданный, как Родик. И команду быков подобрал себе под стать, молчаливых, исполнительных и жестоких.

— Можешь оставить себе. Считай, подарил, — бросил Глеб Басурману.

— Я что-то не понял, какой анекдот? — спросил Модный.

Глеб повернулся и посмотрел ему в глаза.

— А тот, где еврею предлагают отдать наследство дедушки на

строительство коммунизма. А он говорит, что дедушка его учил: нет денег, не строй. Потому и умер миллионером.

Модный выдавил напряженную улыбку.

— Смешно.

— Очень, — кивнул Глеб. — Так что там с бабками? Если дефолт подкосил, я пойму.

— Это кидалово для лохов придумали. А мы как были при деньгах, так и остались.

— Тогда какие проблемы?

Глеб спиной почувствовал, как напряглась братва. Начиналось то важное, ради чего Модный играл спектакль.

— Проблем нет. Половину даю сейчас. Вторую — когда увижу товар. С нее отстегну твою долю.

Глеб завел руки за спину, покачался с пятки на носок.

— Иными словами, до завтрашнего вечера за товар перед клиентами отвечать мне?

— Добазаривайся со своими клиентами сам. Ты за это процент имеешь. А я свое слово сказал.

— Я разговаривал с батей... — начал Глеб.

— О чем ты перетирал с батей, меня не касается, — оборвал его Модный. — Товар беру я на своих условиях. Все!

Модный разогнал кием шары по

столу. Взял два, выставил в середине боком друг к другу, перпендикулярно центральным лузам.

— Фишку эту знаешь? — Он неожиданно перешел на тон уличного наперсточника. — Одним ударом загнать два шара. Сможешь? Штука «грин» с меня, если попадешь.

— Модный, он же ни во что не играет. Он бабки копит, — подал голос Родик.

Глеб не оглянулся. Неотрывно смотрел в лицо Модному. Потом хищно потянул носом воздух.

Сбросил с плеч плащ, положил на подлокотник кресла. Обошел стол, встал рядом с Модным.

Насторожившийся Бакс Рваный громко звякнул цепью.

Вблизи от Леши угарно пахло «Дьяболо Антонио Бандерас». Глеб почесал нос, потом достал портмоне.

— Ставлю три «штуки». — Он раскрыл портмоне, показав пачку денег.

— Как скажешь, — с деланным равнодушием произнес Модный.

Глеб моментально захлестнул петлю на горле не подозревающего о подвохе Модного:

— Это не все. Бью три раза. Каждый раз ставка увеличивается на порядок. Иными словами, три, тридцать и триста. — Глеб достал карточку «Виза». — Здесь столько

есть. Твое слово?

Лицо Модного в жестком свете низкого светильника сделалось резиновой маской.

— А если сорвешь второй и закатаешь третий, сколько с меня? — спросил он просевшим голосом.

Глеб выдержал паузу, поймал взглядом его виляющие зрачки и больше не отпускал.

— Ладно, сделаем проще. Если не забиваю три подряд, я проигрываю триста тысяч. Если забью все, триста «штук» ты платишь прямо сейчас. Твое слово?

Модный дрогнул, Глеб это отчетливо почувствовал. Запах страха не перебить никаким парфюмом, и

заячьего трепыхания сердца не скрыть.

— Значит, товар ты доставишь бесплатно?

Черт его знает, откуда у Модного нашлись силы понаглеть для форса. А бог даст, и кинуть лоха. Но Глеб пресек на корню попытку потрепыхаться.

Мысленно представил, как пальцы сжимаются на горле Модного, давя хрящи и проламываясь в горячее склизкое нутро.

Модный дернул кадыком. Глеб улыбнулся.

— Нет, Леша. Товар как стоил денег, так и стоит. Я играю на свой процент. До прибытия товара «Виза»

побудет в залоге. — Он положил пластиковую карточку на борт стола. — Итак, ставка — триста тысяч баксов. Три удара подряд — деньги на стол. Киксану хоть раз, отдаю свою долю. Не дойдет товар, оставишь «Визу» себе.

Модный откашлялся, отступил назад.

— Твоя доля — твоя воля. Что тут сказать!

— Ставки приняты?

— Да, — кивнул Модный.

Глеб взял кий, покатал по столу. Кий был идеально ровным. И в руку лег хорошо.

— Вы свидетели, братва, — бросил Глеб молчащим зрителям.

— Елы-палы... Так и в цирк ходить не надо, — пробурчал Кика.

Басурман встал, чтобы лучше видеть. Родик, обежав стол, пристроился рядом с Модным. Нервно потер вспотевшие ладошки.

— Глешка, ты только первый не киксани. А то весь интерес обосрешь. — Он мелко заржал, выставив кривые зубы.

Глеб готовился к удару. Поднял голову. Посмотрел в лицо Родику.

— Желаешь примазаться? [\[57\]](#)

Родик стушевался.

— Вот и спрячь зубы, бобер ластожопый. Не то я под хвост кий воткну, а через хлебало выну, — произнес Глеб ровным голосом.

У Родика забежали глазки. В поисках поддержки он посмотрел на Басурмана, но тот подписываться в ссору явно не желал.

Глеб встал в стойку, изготовился и мягким касанием кия привел шар в движение.

Шар с ускорением пошел к борту, ударился об острый угол лузы, накатом пошел назад. Шары цокнулись лбами и медленно покатались в разные стороны, каждый к своей лузе. Вошли чисто, не задев края.

— Раз!

Глеб подогнал новую пару. Выставил в исходное положение. Замер в стойке, выровнял дыхание и

ударил. На этот раз сильнее.

Глухой удар в край лузы, громкий щелчок шаров, накат, от которого на низкой ноте задрожал стол. И ни с чем не сравнимая тишина, с которой чисто сделанный шар проваливается в лузу.

Под столом шел желоб, по которому шары скатывались в накопитель у дальнего борта. Сначала звук в нем был двойным и приглушенным, словно в снегопад два паровозика катили под гору. Потом, когда шары, клацнув, соединились и пошли парой, звук сделался громче и выше тоном. Лязгнул металл накопителя, как вагонная сцепка, шары с

потрескиванием притерлись друг к другу, затихли.

— Два! — произнес Глеб в полной тишине.

Он концом кия подогнал еще два шара. Выстроил в ряд. Сомкнул гладкими боками. Изготовился.

Обвел взглядом публику. Все, как загипнотизированные, смотрели на его пальцы, ловко обхватившие ударный конец кия. У Кики разве что слюна не текла по губам, а лицо стало как у полного дауна. Лицо Родика все сморщилось к носу, а сам крупный нос, казалось, обвис, как у уволенного за пьянку клоуна. Басурман стал похож на каменную бабу из калмыцких степей. С

Модного сошел весь лоск. Не спасал даже гламурный прикид. Дорогая одежда никак не вязалась с замерзшей маской тоски на лице. Выглядел Модный импотентом, заброшенным в раздевалку «Мулен Руж».

— Сегодня явно не твой день, Модный.

Глеб резко оттянул кий, а ударил очень мягко. Издевательски мягко.

Шар еле-еле покатился к лузе, слабо толкнулся лбом об ее острый угол, пополз назад. У него едва хватило силы удариться в напарника по трюку. Но какую-то энергию он все же ему передал: шары стали медленно расползаться к своим

лузам. Шли точно по прямой. Но
медленно. Мучительно,
гипнотизирующе медленно.
Синхронно достигли обрыва. И
показалось, выдохлись окончательно.
Замерли на самом краю.

Но сила, что поселилась в их
гладких телах, вдруг встрепенулась и
ожила. Сначала задрожал первый
шар, все сильнее нависая над зевом
лузы. Потом покачнулся второй.
Рухнули они одновременно.

«Ба-бах» — поплыл спаренный
звук в тишине.

А потом радостно и живо
заклокотало в стоке. Громко цокая,
словно поздравляя друг друга, шары
скатились в накопитель.

— Три!

Глеб бросил кий на стол.

Выдохнули все разом, будто дружно сбросили с плеч стопудовое бревно.

Глеб почувствовал на себе их взгляды. Ошарашенный — Модного, затаенно злобный — Родика. Слива и Басурман смотрели, как солдаты на генерала, прикажи — умрут сами или порвут кого угодно.

— Если хочешь отыгаться, повтори номер. Я не против.

Модный только криво усмехнулся в ответ. Чем навсегда потерял Басурмана и Сливу.

Глеб сунул карточку «Виза» в портмоне, а его — в карман.

— Итак, на чем мы остановились?

Модный с явным усилием заставил себя шевелиться. Прошел мимо Глеба, обдав удушливым облаком нервного пота и перегоревшего парфюма, в темный угол.

Бакс Рваный сидел в кресле на кейсе, задом грея хозяйскую наличку. Модный отстегнул цепочку и шлепком согнал пса.

Четвероногий охранник, получив увольнительную, сразу же потрусил к Глебу. Замер в паре шагов, пытливо заглянул в лицо. Обрубок его хвоста, эрогированно задранный вверх, нервно подрагивал.

Глеб опустил на корточки, впился глазами в зрачки пса, тускло отливающие закаленной сталью.

Модный ковырялся с кодовым замком на кейсе. Посмотрел через плечо. Цыкнул на пса.

— Рваный, не шали! А ты, Глеб, не понтуйся. Съест пес твою рожу или еще чего ценное, а ты мне претензии выставишь.

— Не бойся. Пес умный. — Глеб не отпуская взглядом пса. — Он же понимает, что портить со мной отношения — себе дороже. Так, Рваный?

Стаффордшир зевнул, щелкнул пастью, дрябло дрогнув брылями. На ковер упали капельки слюны. Он

оглянулся на копошащегося в углу хозяина. Потом уставился на Глеба, преданно и покорно, как умеют только собаки.

Глеб носом едва слышно прогудел протяжную монотонную мелодию. От этих едва различимых звуков пес напрягся. Перебрал лапами и еще раз оглянулся на Модного.

В углу клацнул сработавший замок.

— Вот так оно! — как можно беззаботнее воскликнул Модный.

Вернулся к столу с кейсом в руке. По пути легко пнул коленом Рваного, процедив: «Пшел на место!».

Встал напротив Глеба, тем самым перекрыв ему выход. Слева от стола стояли Басурман и Кика. Справа — Родик. На вид хлипкий, но в драке упрямый и зверски жестокий.

— Бабки-бабулечки, — нервно дребезжа голосом, пропел Модный.

Водрузил тяжелый кейс на стол, откинул крышку. Кейс был под срез заложен пачками долларов.

— Сколько с меня причитается?

Модный опять начал ломать комедию с собой любимым в главной роли.

Глеб ничем не выдал раздражения. Чутье подсказывало, что существование Модного на земле — вопрос времени. Причем

измерять его ввиду малости величины желательно в минутах и секундах.

— Три «лимона» за товар и триста ты проиграл, — ровным голосом произнес Глеб.

Никого в этой скупой освещенной комнате он не боялся. Опять повисла звенящая тишина. Но если ты умеешь создавать вокруг себя вот такую мертвую тишину, милее сердцу ничего нет, никакая музыка во Вселенной не идет ни в какое сравнение с нею.

Глеб плотоядно, как сытый тигр, прищурился.

Модный кисло улыбнулся. Запустил руки в пачки, стал швырять

по одной на стол, поближе к Глебу. Его влажные губы беззвучно шевелились, считая пачки.

— Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, — вслух закончил счет Модный. — Все чисто, как в сберкассе.

— Ты мне должен еще полтора «лимона» за товар. — В кейсе столько не осталось, и Глеб это видел.

Модный стал похож на наперсточника, первый раз вставшего на «точку». На лице наглая улыбочка, а в глазах — паника.

— Так мы же догово...

— Завтра вечером отдашь, — не дослушав, оборвал его Глеб.

Протянул руку. — Поддай плащ.

Фраза была сказана вполголоса, но так, что Родик против собственной воли подсуетился и передал Глебу плащ.

Глеб набросил его на плечи. Из кармана вынул скрученный в трубочку пакет. Встряхнул, расправляя. Пакет оказался специального размера — для оптовых закупок. С красным фирменным лейблом и рекламным слоганом: «Ашан. Удар по ценам!».

— Так и пойдешь с пакетиком? Понтырщик ты, Глеб, — осклабился Модный.

Глеб стал укладывать пачки плотными рядами. Не отвлекаясь,

ответил:

— Ты же мне кейс свой не дашь. Ты жадный, Модный, а я не люблю одалживаться.

С последней пачки он сорвал банковскую упаковку, согнул пополам, с тихим треском, как колоду карт, просмотрел и сунул в карман плаща.

Взял под мышку тяжелый брикет.

— Завтра заскочу за остальным. Пока! Не скучайте, пацаны.

Родик резво посторонился, и Глеб, обойдя стол, направился к выходу.

Глава двадцать пятая. «Не дразните собак, не обижайте кошек...»

Создатель образов

Путана с сережкой в носу все так же скучала у стойки. Тянула через соломинку все тот же коктейль, буро-красной жидкости в стакане за время отсутствия Глеба почти не убавилось.

Глеб забрался на соседний табурет. Бармен прекратил полировать стакан, изобразил на лице максимум внимания.

— Черный «Баккарди», мята, цедра лимона, лайм, тертый лед, — распорядился Глеб.

Бармен кивнул.

Наташа разлепила черные губы и, шевеля соломинку языком, произнесла тихо, будто сама себе, но так, чтобы Глеб расслышал:

— Взболтать, но не смешивать.

[\[58\]](#)

По лицу бармена юркнула тревога. Он с неудовольствием уставился на Наташу. «Сниматься снимайся, но не лезь в открытую к клиенту».

Глеб изогнул бровь.

— Однако! А по-английски как?

— Шэйк, бат донт микст, — с

довольно неплохим произношением
ответила Наташа.

— И дайкири для дамы. — Глеб
выставив указательный палец,
остановил бармена, рванувшего
исполнять заказ. — Еще. Не в службу,
а в дружбу. Будь добр, найди мне
коробку. Только почище.

— Какую?

— Из-под вина или что-то типа
того.

Бармен нырнул под стойку,
выпрямился, держа в руке коробку
из-под мартини.

— Пойдет?

— В самый раз!

Глеб принял коробку, сунул в нее
пакет, утрамбовал, разворошив

брикеты денег. Опустил на пол, поставил сверху ногу.

Бармен занялся заказом.

Глеб повернулся к Наташе, потянул носом воздух. Вдруг захотелось подурачиться.

— Ваше произношение делает честь педагогам достославного МГУ, а ваша кожа словно специально создана, чтобы на нее наносить благородный аромат «Живанши», — произнес он по-английски.

— Универ ни при чем, английский я знаю со школы, — ответила она по-русски.

«Стиль все-таки хромает», — с грустью констатировал Глеб.

— А «Живанши» не мой

любимый запах. Если честно, клиент припер целую коробку. Вот и пользуемся на халяву.

— Угу, — кивнул Глеб безо всякого интереса.

Бармен поставил перед Глебом толстый стакан. Оказалось, кстати.

— Кстати, рекламу «Баккарди» я делала, — вставила Наташа.

— Угу. И клиент припер пять коробок пойла, — подсказал Глеб. — Несчастных случаев на работе не было?

— Каких?

— Белой горячки от халявы, например. Очень русская болезнь.

Наташа легко и непринужденно рассмеялась. Тряхнула головой,

разметав по плечам тугие жгутики
дрэдов.

— Ты — дизайнер, — как
диагноз, произнес Глеб.

— Угадал!

«Немудрено. Ни одна моделька
не станет дырявить рожу и портить
волосы. И только офисная шваль
говорит о заказе „я делала“. Хоть
дизайнером зовись, хоть старшим
исполнительным лайн-директором
по региональным проектам, шваль
она и есть — шваль. Шестьсот
баксов оклад и добровольно-
принудительный секс с шефом по
пятницам».

Он посмотрел на ее припухшие
губы. Уловил винный запах,

испаряющийся с их горячей упругой поверхности.

«Нет. Оставить почти два „лимона“ без присмотра и пойти с путаной на минет в туалет, это не есть умно. Тащить коробку с собой — сам же первым умру со смеху».

Она не поняла смысла его улыбки, но тоже растянула губы, показав ряд идеальных зубов.

Остатки возбуждения, kloкотавшие внутри, никак не хотели уняться, требовали выхода. И Глеб решил еще немного подурачиться.

— Вряд ли ты это знаешь, но есть такая поза, называется «миссионерской». Когда мужчина на

женщине, лицом друг к другу, — он вновь перешел на английский.

— С чего ты взял, что не знаю? — помедлив, ответила она. Интонация была чуть наигранной, как на школьном уроке. — Ее предпочитают депутаты из провинции.

Глеб не сдержался и хохотнул.

— Правда, очень скоро они начинают требовать экзотики, — добавила она. — Втроем и больше. Полный кворум, как говорят у них в парламенте.

— А что предпочитаешь ты?

— Эскимо с кокаином, — слетело с ее развратных губ.

Глаза ее ждали ответа.

— Об этом надо подумать.

Глеб поднял стакан, отсалютовал соседке и сделал большой глоток.

Струя холодного огня ударила в желудок. Смесь взорвалась внутри, по венам хлестнул витаминный удар.

Глеб зажмурился. Задержал дыхание. В желудке, как в топке, загудело пламя, жар хлынул по всему телу, докатился до головы, щеки сразу же загорелись, будто натер их снегом. Вся гадость, что образуется в организме при стрессе, сгорела без следа. Он с удовольствием ощутил, как каждая клеточка тела наполнилась упругой силой.

Как всегда бывало, прилив

бодрости обострил до звериного обоняние и слух. Запахи сейчас только мешали сосредоточиться. Глеб сложил ковшиком ладони и уткнул в них нос. Глаз не отрывал. Весь превратился в слух.

Сначала какофония звуков залепила уши и тупой болью ударила в мозг. Глеб сфокусировал все внимание на дыхании соседки, и остальные звуки сделались глуше. Послушав мерное, с легкой табачной хрипотцой дыхание, он перевел «фокус внимания» на бармена. Парень, оказывается, думая, что его никто не слышит, считал в кармане купюры. Глеб отчетливо различил двенадцать шелестящих, слоющихся

звук. «Сто сорок пять», — свистящим шепотом закончил подсчет чаевых бармен. Влажно цокнул языком.

Глеб с брезгливостью оторвал «фокус внимания» от его губ и направил в зал.

— Прикинь, облом, да? Час как познакомились, а она сразу залепила: «Ой, забыла, мне за мобильник заплатить надо». Ну, типа, телефончик дам, но один хрен не дозвонишься. Прикидываешь? Мне не в падлу двадцать баксов ей на счет кинуть... Но не в первый же час бабло из меня сосать!

— Ноги-то у телки ничего?

— Ноги ничего, сиськи тоже

нормальные. Мозгов, блин, нету.

— Ну ты ей хоть вдул?

— Само собой. Но на душе как-то хреново.

— Слушай, и как ты его терпишь?

— А что терпеть, что терпеть-то? У него как... Вот как эта креветка. Я не вру! Ха! Сейчас в сауну поедем, сама убедишься. И всего раз в неделю по две минуты.

— Дура, я про характер!

— Бросьте, даже Чернобыль не стоил Горбачеву власти. А вы говорите — дефолт! Пока нет реального конкурента, Ельцин всю страну может керосином залить и поджечь, ни одна шавка не тявкнет.

Ваше здоровье!

— *Лучше через Брест. У меня там таможенник «на подсосе».*

— *Нравится? У меня к ним еще кулон есть. Тоже с сапфирчиками.*

— *Ну, значит, вытащили мы того лоха, приложили пару раз об капот, он и потек. Ключи от тачки, барсетку, мобилу — все отдал. Только отъехали, я в барсетку за документами сунулся, гляжу, блин, а мы не того обули! Вернулись назад, а он уже ноги нарисовал. Прикинь, да?*

— *У меня принцип, хоть под негром меня застукай, все равно все отрицать буду. Хоть режь!*

— *Ага, тебе легко. А мой вместе с негром грохнет и в одной могиле*

закопает.

— М-м, кстати, хочешь негра попробовать? Есть хороший мальчик из «Лумумбы».

— Считайте сами: армия, МВД, ФСБ с МСЧ, лужковские строители, железнодорожники, сантехники, дворники, электрики и прочая срань из ДЭЗов. Кто еще? А — бюрократия вся поголовно. Им как прикажут, так и проголосуют. А сколько их? Минимум половина населения! Так что за выборы можно не опасаться. Хоть меня назначьте — выберут! Еще по одной?

— Не туда смотришь. Вон у стойки кадр стоит. Класс, да?

— Да ты чё, заяц беззубый, гонишь? Он мне хлебником был по первой ходке, понял, да!

— Обожаю «Кюросао»! Котик, я что-то не так сказала?

— Из бюджета берешь, сколько хочешь, и можешь вообще не отдавать. А из «общака» берешь, сколько надо, и отдаешь до копейки. Мне удобнее работать с бюджетом.

— Как эта гадость называется? Трепанг.... Мудацкое какое-то название. Но, ничего, вкусно.

— Жена с детьми в Германии. И им, и мне так спокойнее. Выпьем, девочка моя?

— Последний раз жирую,

завтра на кичу. Папа дал команду всем сесть.

— Посмотри, она же вся в складках! Как ее Леопольд бросил, так и развезло.

— Что ты хочешь, нервы. Он ей квартиру, кстати, оставил? Нет?! Так ей, кобыле, и надо.

— А потому, что так приучены. Раз начальник, лбызай в задницу. Кириенко, кто его знал? Месяц как вытацили, а рейтинг вырос на сорок процентов. С полного нуля — до сорока! Вот вам и Россия, наш дом! Повторим?

— Вадик, мне скучно! Мы с Людой хотим в сауну.

— Замерзла? Попрыгай,

согреешься.

— Триста «налом» и дом в Баковке. Считаешь, этого мало?

— Я что, клюкнутый на всю голову? Против папы не попрешь. Или тут под джипешник положит или на зоне под лесовоз бросят.

— Убери лапы, люди смотрят.

— Это менты его заколбасили, бя буду.

— Мясо жестковато. У вас как?

— Что мы все о политике, ей-богу! Стриптиз у них тут бывает?

— Отпад! Сверху вот так. И разрез — до попы. Всего пятьсот «баксов».

— Евреи устриц не едят. Им Коран запрещает хавать все, что в

грязи лежало. Ну не Коран... Как ее? Первая часть Библии, блин. Как она называется, Жижса?

— Библия и называется.

— Руку убери. Серж увидит, убьет обоих.

— Между пятой и седьмой — промежутка нет совсем! Га-га-га!

Глеб направил «фокус внимания», представив его сияющим шариком, через зал к нише. «Шарик» пропрыгал по ступенькам и вкатился в бильярдную...

Модный старался говорить уверенным, не терпящим возражений тоном, но в голосе слышалась трещинка.

— Как, как? Берешь десяток

лохов, сажаешь их, на фиг, в гараже, стеклорезы в руки — и вперед! За ночь чтобы все мониторы раскурочили.

— Ты представляешь, Модный, сколько в фуре тех мониторов? Проще у Глешки номера узнать.

— Обойдемся! Сказал, резать, значит, резать. Что буркалы выпучил?

— Модный, Басурман прав, это стрем.

— А тебя никто не спрашивал!

— Ты бы хоть с батей перетер, — прогудел голос Басурмана. — Про Глешкину «крышу» только он знает.

— Вот где я видал твоего

Глешку! — Модный задышал нервно, с присвистом. — То же мне, положенец нашелся! Я таких из парашки жрать заставлял.

— Если Глешку без спроса кинем, батя всех в параше перетопит.

— Что-то ты, Басурман, базарить не по делу начал. Зассал, так и скажи. Вон, Родик вместо тебя поедет.

— А что, поеду! Ночь туда, день обратно. Три «лимона» — ходка.

— Губу закатай, родимый! Ты на первом же посту ГАИ спалишься.

— Не понял?

— Цыц! Короче, Басурман, ты едешь или нет?

— Еду. Но только за товаром. Остальное меня не колышет. Хочешь кидать Глеба, твое дело. Я не подписываюсь. При всех заявляю.

— Мал ты еще заявы объявлять. — Туфли Модного проскрипели к углу, где жарко дышал пес. — Башили на дорогу я дам. Сколько надо?

Глеб резко, словно выплюнул команду, выдохнул.

Из ниши вырвался истошный рев. Заглушил шум в зале. В миг сделалось пронзительно тихо, все звуки умерли. Остался только этот крик раненого животного. Потом к нему подключился еще один, сначала низкий, животный, он в секунду

взлетел до свербящего пороссячьего визга.

Глухо бабахнул выстрел. Взвыл пес. Второй выстрел — и он затих. Только две человеческие глотки продолжали исторгать боль и ужас.

Мутный поток страха, тошнотворный и теплый, как из прорвавшейся канализации, хлестал из ниши в зал.

Крики разом оборвались. Но страх остался. В зале все еще висела плотная тишина.

Соседка, нервно дрогнув спиной, повернулась к Глебу.

Он усмехнулся в ее вытянувшееся лицо и тихо произнес:

— Предмет для игры в шары из

трех букв? — Ответа в таком состоянии, само собой, она дать не могла. И он добавил: — Кий. А ты что подумала?

— Идиот! — выдохнула Наташа.

Зал ожил и забурился. Дрелью в бетон засвербил бабский визг, но после звонкой оплеухи заткнулся. Сразу несколько человек сорвались со своих мест и бросились к нише. В бильярдной заматались возбужденные голоса.

Глеб краем глаза отметил, что пара-тройка солидного вида фигур сквозь полумрак заскользили к выходу.

Кто-то из obsługi с перепугу врубил динамики на полную мощь и

включил цветомузыку. Огненные блески заплясали на стенах. «Чао, бамбино, синьорита!» — мартовскими кошками затащили «Блестящие».

— Шапито! — Глеб покачал головой и одним глотком прикончил коктейль.

Мята, лайм и замороженный спирт, царапнув горло, ухнули в желудок. Взорвались бесцветным огнем.

За спиной, приближаясь, гулко затопали шаги. Дрогнула стойка, приняв тяжкий удар мощного тела.

— Слышь, жопник, полотенце и лед дай! — скрипя зубами, прорычал Басурман.

Бармен, ничуть не обидевшись, сноровисто выложил перед ним все требуемое. Глазами, лицом и всем телом спросил: «Чего еще изволите?» Получив в ответ тяжелый взгляд, испарился.

Глеб развернулся.

— Что там за бардак, Басурман?

Басурман прикручивал к левому запястью полотенце со льдом. Повернул голову. Удивленно уставился на Глеба.

— Ты еще здесь? — выдохнул он.

Глеб проигнорировал вопрос. Продолжал требовательным взглядом сверлить округленные глаза Басурмана. Пахло от Басурмана

кислой нервной испариной, псиной и свежей пороховой гарью.

Басурман шмыгнул приплюснутым носом. От этого его глаза приняли обычный вид оплывших щелочек. Пальцы левой руки, торчащие из рулона полотенца, зашевелились, складываясь в распальцовки.

Глеб ждал, когда Басурман овладеет собой окончательно и с языка глухонемых, понятного только узкому кругу лиц, перейдет на общеупотребительный разговорный.

— Прикинь, бя... Эта падла на Модного бросилась! Вгрызлась в яйца, аж кость там какая-то треснула.

— Лобковая, — подсказал Глеб.

Мысленно представил тяжесть раны.

Получалось, Бакс Рваный, выражаясь протокольно, нанес хозяину телесные повреждения, не совместимые с жизнью.

— Родя, шестерка гребаная, сунулся, а Бакс его за ляжку... Полкило оторвал, я говорю! И опять на Модного кинулся. Вцепился в яйца и рвет, аж брызги летят.

— И ты его...

— А что делать? Не грызть же его зубами. Впаял между лопаток. Потом под ухо — и хана. — Он показал повязку. — Лягнул, сука. Когтем продавил до кости, прикинь.

Хорошо, что кровь не идет.

— Но не оторвал же. Доехать сможешь.

Басурман тупо покачал головой.

— Бате нужно доложить.

— И что ты ему скажешь?

Батя — не хирург, яйца Модному назад не пришьет. Но за товар открутит всем, у кого они еще остались.

Басурман сделал каменное лицо. В узких щелках затаились позвериному напряженные зрачки.

— Не сиди, как приклеенный, Басурман. А то всю жизнь на подхвате будешь. Пока шестерки вокруг Модного кудахчут, сделай дело и доложи бате. Можешь верить,

зачтется. — Глеб сполз с табурета. — Пора, а то сейчас менты со «скорой» завалятся.

— Не мандражируй. Мы Модного с Кикой через заднюю дверь выволокли, — сказал Басурман.

— М-да? Умен ты, Басурман.

Глеб наклонился, поднял с пола коробку. Взял под мышку.

— На дорожку дать? — спросил он, пробарабанив пальцами по картону.

На секунду глаза у Басурмана вновь раздвинули щелки век.

— Ну ты, блин, Глеб, фартовый! — слетело с его губ.

— Так дать или нет?

— Обойдусь.

— Как скажешь...

Глеб удобнее подхватил коробку. Свободной рукой достал из кармана две купюры, бросил на стойку.

Потом положил руку на талию соседки. Как раз туда, где между задравшейся рубашкой и поясом брюк золотилась легким пушком кожа. Ладонь сразу же впитала особенный, острый жар возбужденного тела.

Наташа рефлексивно выгнулась в пояснице. Оглянулась через плечо. В глазах не было удивления. Они ждали.

Глеб наклонился и прошептал в пахнущую духами шею.

— Машина подана. Жду ровно

две минуты.

Он пошел к выходу. На спине чувствовал булавочные уколы от двух взглядов. Сиамской кошки и стаффордшира.

Глеб ни на секунду не сомневался, все будет, как он захотел. Пес останется на месте, а кошка побежит следом.

* * *

Молния прошла по позвоночнику и бесцветным огнем лопнула в голове.

Глеб зарычал и, выгнувшись дугой, закинул голову на кожаный

подголовник сиденья. Сведенные судорогой пальцы запутались в тугих и жестких жгутиках волос.

— Пусти, больно! — выдохнула Наташа.

Глеб расслабленно осел в кресле, разжал мертвую хватку. Наташа сразу же оторвала голову от его коленей, резко выпрямилась и забилась в угол кресла, прижавшись спиной к дверце. Дрэды хлестнули по запотевшему стеклу, оставив витые дорожки.

Над входом в клуб мигала лампочками вывеска — оранжевая обезьяна, забравшаяся на зеленую пальму. Цветной свет отражался в расширенных зрачках Наташи.

Она, загнанно дыша, вытерла губы.

— Что улыбаешься? — осипшим голосом спросила она.

— Кайф.

Наташа зло фыркнула и отвернулась.

Глеб закурил.

— Хочешь сигарету?

Она не ответила.

— Денег дать?

Наташа нервно дернула плечом.

— Как хочешь. — Глеб выпустил дым. — Извини, ошибся.

Она резко развернулась. Ноздри, хищно расширившись, резко втянули воздух. Встретившись глазами со взглядом Глеба, она сникла.

Выдохнула, помотав головой. Тугие жгутики царапнули по стеклу.

— Сама не знаю, как получилось...

— Бывает. И тем не менее спасибо.

Он повернул ключ зажигания, мотор машины мерно заурчал.

— Могу подбросить до метро.

Наташа сузила глаза. Вцепилась в ручку на дверце. Дернула, но дверца не поддавалась.

— Знаешь, кто ты? Ты — животное! — процедила она сквозь перекошенные губы.

Глеб затянулся, выдохнул дым, стряхнул столбик пепла.

— Нет. Животное — это ты. А

я — зверь, — произнес он ровным голосом.

Нажал кнопку на панели, громко щелкнул электрозамок.

Наташа плечом выбила дверь, выпрыгнула наружу. Запахнув на ходу короткую шубку, прыгающей походкой пошла вдоль припаркованных машин.

Глеб, глядя в зеркальце, проводил ее взглядом.

— Иди, пожалуйста. Может, пожалеют, — прошептал он.

Поправил одежду. Загасил сигарету в пепельнице. И осторожно выкатил машину со стоянки.

Коробка с надписью «Мартини Бланко» покачивалась на заднем

сиденье.

Активные мероприятия

Наташа купила в ларьке бутылочку «Спрайта», свинтила пробку, жадно глотнула. Прополоскала рот и, согнувшись пополам, выплюнула пенящуюся струю.

— Что, красотуля, не в то горло пошла? — с глумливым участием поинтересовался кто-то серый, стоявший в тени.

— Пошел ты на фиг, козел! — вместе с остатками колючей воды выплюнула Наташа.

— А за «козла» знаешь что

бывает?! — сразу же завелся серый.

Он вышел на свет и оказался мужичонкой с испитой рожей.

Наташа выпрямилась. Резко взмахнула сумочкой.

Тугой бок сумочки, усыпанный металлическими клепками, прошелся по испитой роже. Острый мысок сапожка клюнул под колено; мужичок охнул и присел от боли. Твердый кулачок вошел под ребро, смяв печень; серый мужчинка сделался бледным, распахнул рот и стал заваливаться на спину. Последовал финальный удар по дуге локтем в отвалившуюся челюсть. Локоток был прикрыт рукавом шубки, но мужичку от этого легче не

стало, удар получился
нокаутующим. Мужичка
подбросило вверх, пролетев метр по
воздуху, он громко стукнулся головой
о стенку ларька и затих.

Наташа подумала, что такие
уникумы существуют только по трое.
На всякий случай спросила в
темноту:

— Еще желающие есть?

Пахнувшая мочой и пивом
темнота не отозвалась.

— Ни и хрен с вами!

Наташа отшвырнула в темноту
недопитую бутылку. Развернулась и
подошла к обочине.

Сразу же рядом притормозила
«девятка», водитель услужливо

распахнул дверцу.

Наташа, подобрав полы шубки, нырнула в салон.

Водитель, мужчина, выглядящий молодо, но с седым бобриком волос, покосился на нее и покачал головой.

— Калечить людей в служебное время не разрешается, — сказал он.

— Да? А отсасывать в рабочее время разрешается? — почти выкрикнула Наташа. — Я в путаны не нанималась!

— Мы — не шлюхи. Мы в сто раз хуже. — Глаза у мужчины были холодные и равнодушные, как два стальных шарика. Под его давящим взглядом Наташа сникла. — Уже лучше, девочка. Запомни раз и

навсегда, твои эмоции никого не интересуют. Нам платят за информацию. Из какого дерьма ты ее добываешь, там, наверху, никого не интересует. Информация должна быть чистой, без дезы, точной и полной. Что там стряслось?

— Дай в себя прийти. — Она потерла висок. — Гипноз какой-то.

— Ты о чем?

— Эта сволочь словно гипнотизирует.

— Занятно, — холодно обронил мужчина. — Подробнее, если можно.

Наташа раскрыла сумочку. Сунула руку внутрь.

— Черт, сигареты забыла на стойке. У тебя есть, Владислав?

Владислав достал из нагрудного кармана куртки сигарету, протянул Наташе.

— «Маячок» ему в салон посадить не забыла?

Наташа, закуривая, кивнула.

* * *

Срочно

Салину В.Н.

Объект Агитатор
предпринял попытку уйти
из-под наблюдения, сменив
машину. Сопровождение
объекта по «маяку»
невозможно.

В настоящее время объект, используя приемы обнаружения слежки, продолжает движение по направлению к Октябрьской площади. Личность водителя установить не удалось.

Машина «фольксваген пассат» черного цвета, У 349 МО 77, зарегистрирована на имя гр. Федулова Леонида Тарасовича, 1976 г.р. По данным ЗИЦ ГУВД гр. Федулов Л.Т. находится под следствием по подозрению в незаконном хранении

оружия.

Мною через агента «Белка» получена оперативная информация о контакте объекта Агитатор с ОПГ Малахова, специализирующейся на незаконном обороте наркотиков.

Подробный отчет агента «Белка» направляется в Ваш адрес с курьером.

Владислав

Глава двадцать шестая. На последнем дыхании

Создатель образов

Глеб подхватил соскользнувшую с сиденья коробку.

— Шеф, я добавлю, только не гони так!

Валентин захохотал.

— А как я иначе от «хвоста» оторвусь?

— Уверен, что он есть? — Глеб оглянулся через плечо.

Валентин с командой оперов РУБОПа страховал Глеба у бара. Валентину Глеб объяснил, что от

результатов встречи зависит депутатское будущее Валентина. А что тот наплел друзьям, не так уж и важно. В конце концов, ребята просто подхалтуривали в свободное от службы время.

— Хрен его знает! — Валентин пожал плечами, круто обтянутыми кожаной курткой. Ради дела он сменил не только шикарный «гелендваген» на подержанный «фольксваген», но переоделся в «кожу» с китайского рынка. — Лучше думать, что «ведут», чем кусать локти, когда в Бутырку привезут.

— Клиенты перлом поделились, или сам придумал?

— Что такое перл?

— Проехали, — отмахнулся

Глеб. — Ты лучше скажи, где тачку
надыбал?

Валентин заржал.

— Клиент поделился!

— Я серьезно спрашиваю.

— А я не прикалываюсь. Клиент
поделился. Я его временно на нары
за ствол определил, а он мне
доверенность на тачку выписал.
Чтобы дело, значит, правильно
расследовалось. Вот пока его на
причастность ко всему на свете
пробиваем, катаюсь бесплатно.
Потом клиента выпущу, а тачку,
скорее всего, за закрытое дело себе
оставлю. Дело закрыть, как два

пальца обоссать. Пистоль же он якобы нашел, нес сдавать. Почему бы не поверить, если человек правильно себя ведет?

— Так ствол его или нет, я не понял?

— Был мой, бесхозный. А стал его. — Валентин глухо хохотнул. — У казино этого лоха загрузил, думал бабок снять по-быстрому, а он, пудель карликовый, тяфкальник раскрыл. Пришлось загрузить по полной программе.

Глеб с брезгливостью посмотрел в тугой загривок водителя.

— Ты еще не передумал стать депутатом? — спросил он.

Водитель покрутил головой.

— Тогда привыкай не триндеть про свои подвиги в РУБОПе. Мои борзописцы напишут тексты, я их согласую с вашими политруками, а ты все выучишь наизусть. И не слова отсебятины!

— Хо-хо-хо, Глебыч! До выборов мне еще дожить надо.

— Останови! — приказал Глеб.

Водитель оглянулся. Потом ударил по тормозам и прижал машину к обочине. Плотный поток мутно отсвечивающих капотов поплыл мимо.

Глеб вышел из машины, пересел на место рядом с водителем.

— Валентин, вбей себе в башку, твоя избирательная кампания уже

началась.

— Спасибо, что предупредил! —
Валентин повел мощными плечами. — А я, дурак, подумал, что просто прикрываю тебя, пока ты с Модным рамсы разводишь.

Глеб осмотрел напряженное лицо Валентина, удовлетворенно кивнул.

— С Модного и начнем. Этот чухонец уже отбегался. В прямом и переносном смысле слова. То есть помер. Или вот-вот помрет.

Валентин нервно дернул головой. Подозрительно прищурился.

— И когда это он успел?

— А прямо в баре. Бакс его порвал. Отхряпал всю промежность.

Валентин помял пальцами боксерский подбородок.

— Не кисло. И ты сам это видел?

— Слышал. Но ошибиться было трудно. Ты Родика знаешь?

— Такой с гумозной рожей гнома? Под Модным ходит?

— Ходил, — поправил Глеб. — Его пес конкретно за ногу цапнул. Узнай, в какую больницу отправили Родика. Скорее всего в Склиф, но выясни точно. — Валентин хотел задать вопрос, но Глеб остановил его, подняв руку. — Не перебивай. Сегодня же пошли надежного человека, а лучше всего заявись к Родику лично. Твою морду бандосы

всей Москвы знают. Через минуту всем раззвонят, что Валя Смертин навестил Родьку Гнома.

— Они же ему после этого капельницу со скипидаром засадят! — не удержался и вставил Валентин.

— А нам какое дело? Родик, сердцем чую, стукач ОБНОНа^[59], сам бог его велел на ножи поднять. Если бы ты захотел из него информашку вытрясти, ты бы вытряс?

— Говно вопрос! Шесть секунд — и все.

— Значит, будем считать, что Родик сдал тебе партию наркоты на три «лимона».

Валентин встrepенулcя, открыл

рот, но Глеб снова остановил его, вскинув руку.

— Героин. Товар придет в фуре из Рязани. Упакован в мониторы. За фурой отправился Басурман. Личность известна?

Валентин кивнул.

— Значит, взять его на контроль в Рязани труда не составит, — продолжил Глеб. — Где ты накроешь фуру, по дороге или в Москве, особой разницы нет. Но в ней твой избирательный фонд, твоя рекламная кампания и твой депутатский мандат.

— А хозяин груза кто?

— Не бойся, претензий он не предъявит, — улыбнувшись, ответил Глеб. — А Модному уже все по

барабану. Что скажешь?

Валентин задумался. Помял пальцами подбородок.

— Контролируемую поставку надо крутить, — неуверенно сказал он. — Брать на перепродаже и давить по всей цепочке разом.

— Обалдительно! Через три «бэ». Блин! — Глеб в сердцах шлепнул ладонью по колену. — Ты уникальный человек, Валька.

— Не понял? — Валентин поднял на Глеба тяжелый взгляд.

— У тебя ума хватает только убитую тачку отобрать. А чуть дороже «штуки» баксов — так мозги клинит! Ну кто три «лимона» в зубах дяде несет? За такую глупость даже в

ваших органах не поощряют.

— Хватит чморить, — зло процедил Валентин. — Если умный, то делай все сам.

— Что мог, я уже сделал. — Глеб выдержал паузу. — Короче, Спиноза, слушай план и цени мысль. Ведешь Басурмана от Рязани. В дороге накрываешь его. Всю бригаду валишь в канаву при сопротивлении. Торжественно конфискуешь половину груза. Вторую половину везешь в Москву. Ставишь раком остатки команды Модного и заставляешь пахать на себя. Вернее, не на себя, а на твоего генерала.

— Ага! Тогда получается, я побоку. Со мной Орлик делиться не

станет.

— Не побоку, а в Думе. На захвате фуры я тебе такой пиар органирую, что хоть генерала присваивай! А генерал Орлик пусть кого хочет, того на наркоту и ставит. Нам это уже будет без разницы. Пусть только переведет из своего фонда на мой счет бабки за половину груза.

— А на кой тебе такие бабки в «деревянных», да еще и по безналу?

— На борьбу с голодом в Бангладеш, елки зеленые!

Глеб отдышался. Полез в карман плаща. Достал пачку банкнот. Не считая, разделил пополам.

Сунул часть денег в нагрудный

карман куртки Валентина.

— Это тебе на питание.

Открыл бардачок, бросил в него вторую часть.

— Это на мелкие расходы. Бойцам своим поляну накроешь.

Валентин затолкал деньги глубже. Из другого кармана достал мятую пачку сигарет, губами достал одну. Прикурил от зажигалки «Зиппо». Дунул дымом на язычок огня, захлопнул крышку зажигалки.

— Зачем я тебе, Глеб? — глухим голосом спросил он.

— Хороший вопрос.

— Только не юли.

— И не собираюсь. — Глеб развернулся, чтобы не смотреть в

лицо Валентина. — Мы в одном дворе росли, только из двора разными дорогами пошли. Ты, Валька, обычный парень с банальнейшей судьбой. Школа, армия, школа милиции. Незаконченное заочное юридическое, на каждую сессию отпрашиваться надо. На экзаменах со стыда каждый раз сгораешь, и ставят тебе два балла за знания плюс два за звание. Три командировки в Чечню. Пара цацек на мундире. Ни кола ни двора. Живешь между сумой и тюрьмой. К Орлику прибился. Вроде бы повезло, а радости от этого не испытываешь. По ночам вздрагиваешь.

— Вообще не сплю. —

Валентин поморщился и прикусил фильтр сигареты.

— Вот-вот, — кивнул Глеб. —

Только орлики скоро, как накипь, сойдут. Кончается их время. А такие, как ты, были, есть и будут. Я из таких козлодоевых народных избранников делал, что ты на их фоне просто Спиноза. А уж про порядочность я вообще молчу. Там пробы ставить негде. По сравнению с ними, ты — дитя невинное. У нас, Валя, весь народ невиновен. Воруют от нищеты и в нищете всю жизнь мыкаются. Не со зла, а от безысходности на дорогу выходят. Девки — на Тверскую. А пацаны с обрезамн вдоль трассы.

— Складно излагаешь, — криво усмехнулся Валентин.

— Нет, Валя, это ты им излагать будешь. Мне они не поверят, а тебе обязательно. Валентин Смертин, рубоповец по прозвищу Смерть Врагам, скажет то, что люди давно хотят услышать: закон и власть народа. Когда Орлик блеет про закон и народовластие, блевать тянет от одного вида его рожи. А с тобой любой мужик с радостью и бутылку уговорит, и в бой пойдет. Внешность у тебя такая. Доверие вызывает. Харизма это называется по науке. Важнейшая в политике вещь.

— Важнее, чем голова?

— У Гайдара голова больше и

умнее твоей. Разницу чувствуешь?

Валентин презрительно фыркнул.

— Вот то-то! И простые люди ее нутром чувствуют.

За стеклом со стороны Глеба выросла тень. Приблизилась вплотную. Палец пробил дробь по дверце.

— Командир, не спать! — раздался голос облеченного властью человека.

— По башке себе постучи, мерин парнокопытный! — ответил Валентин.

Его рука слетела с руля и нырнула под куртку. Глаза стрельнули по очереди в оба

зеркальца заднего вида, обшарили окрестности через лобовое стекло.

Согнутый палец настойчиво забарабанил по стеклу. Глеб отстранился.

— Открой этому дятлу, — попросил Валентин.

Глеб опустил стекло.

Внутри просунулось невыразительное лицо со стертыми, плохо запоминающимися чертами.

— Мужики, разве не знаете, вам давно пора ехать отсюда?

— На мужиках бревна возят, — ответил Валентин. — Сам вали отсюда. А то дам в рог, на заднице до метро доедешь!

Он вытащил удостоверение,

показал золотое тиснение мужчине.

— А если развернуть? —
осклабился тот.

— А если — в лоб?

— А если не в бровь, а сразу в
глаз? — не сдался мужчина.

Просунул в окошко руку,
развернул на ладони удостоверение.

— Капитан Погодин.
Федеральная служба охраны. Прошу
представиться.

Валентин закатил в угол рта
сигарету, задрал ее тлеющий кончик
кверху.

Распахнул книжечку.

— Старший опер ГУБОПа
Смертин.

Мужчина чиркнул взглядом по

фотографии и строчкам в удостоверении. Удовлетворенно кивнул.

— Ребята, без шуток, не надо здесь стоять. Просто не надо — и все.

Он вытащил голову из салона, но от машины не отошел.

— Закрой окно, — угрюмо бросил Валентин и снял машину с ручного тормоза.

Глеб поднял стекло. Пригладил взбитые сквозняком волосы.

— Испугался, Глебыч?

— Нет. Я людей не боюсь.

Валентин покачал головой.

— Счастливчик. А я волков меньше боюсь, чем этих тварей

двуногих. — Валентин втиснул машину в поток. — Куда теперь?

— На Октябрьскую площадь. К Первой Градской. Там покажу, куда свернуть.

Глеб прижал затылок к подголовнику, потерялся, устраиваясь удобнее, и закрыл глаза.

Активные мероприятия

Срочно

Салину В.Н.

Водитель автомашины
«фольксваген пассат»
установлен.

Смертин Валентин
Кириллович, 1967 г.р.,

москвич, старший оперуполномоченный ГУБОП. Дружеская связь объекта Агитатор.

Имеются материалы компрометирующего характера, в частности на тесные внеслужебные контакты с генерал-лейтенантом милиции Орленком, разрабатываемым органами ФСБ в связи с установленными фактами использования служебного положения в корыстных целях, вымогательства и сокрытия преступлений.

По оперативным данным Орленок владеет недвижимостью в Испании и Швейцарии, на лицевом счету в «Креди Свисс» находятся около семи миллионов долларов.

Докладываю, что «фольксваген пассат» в 21.22 въехал в подземный гараж дома 43 по Ленинскому проспекту. В 19.24 выехал без пассажира. Смертин, присвоен псевдоним — Могильщик, применяя меры обнаружения наружного наблюдения,

движется по направлению
Центра.

Квартиру, в которую
вошел Агитатор,
установить не удалось.

Наблюдение
продолжаю.

Владислав

Создатель образов

В подземном гараже беззвучно гулял сквозняк, облизывая гладкие выпуклости спящих машин.

Глеб постоял, прислушиваясь и принюхиваясь. Пахло сырым бетоном и бензином. В тоннель

въезда стекали звуки улицы.

Он поднял с пола коробку, подхватил под мышку и пошел вдоль ряда машин к лифту. На ходу достал из кармана брелок, нажал кнопочку.

Иссиня-черный «сааб» мигнул противотуманными фарами и тихо щелкнул замками.

Глеб поднял крышку багажника, бросил внутрь коробку и плавно закрыл. Клацнул замок, потревожив тишину залитого неоном подземелья.

Глеб нажал кнопку на брелоке, замок с тихим щелчком встал на стопор.

Прошел к лифту. Войдя в кабину, достал мобильный, набрал номер.

— Получите посылку, —

произнес он в молчащую трубку.

Так и не произнеся ни слова, абонент отключился.

Лифт поплыл вверх. На пятом, последнем этаже остановился. С урчанием створки расползлись в стороны.

Глеб вышел на площадку, покрытую ковром с густым темным ворсом. Вдоль панорамных окон стояли кадки с цветами. Широкие листья закрывали вид снизу. Из соседних домов окна подъезда не просматривались.

На площадку выходило три двери. Номеров на них не было. Глеб подошел к средней. Нашел на связке нужный ключ, отпер дверь. Вошел в

квартиру, оставив дверь полуприкрытой.

В квартире стояла неуютная тишина необжитого жилища.

Глеб, не зажигая света, прошел через зал в спальню. Рухнул спиной на кровать и затих, уткнув лицо в ладони.

Тишина, на мягких лапах покружив вокруг, запрыгнула на спину, вдавила плечи в мягкую перину, дыхнула в затылок, и человек провалился в сон...

...Он, не открыв глаз, проснулся. По телу прошла нервная волна.

Лишь после этого раздался звук остановившегося лифта. Шелест шагов по ковру. По комнатам

прокатилась слабая волна плотного воздуха, когда беззвучно раскрылась дверь. Шаги стали приближаться к спальне. Остановились на пороге.

— Здравствуйте, Глеб, — произнес пришелец.

— Привет. — Глеб не оторвал головы от подушки.

— С вами все в порядке?

— Да. Силы еще есть.

— У вас почти не осталось времени. Они уже наступают на пятки. В машине мы нашли «маячок».

Глеб хмыкнул в подушку.

— Две группы поддержки переведены на круглосуточный режим. Братья по первому зову

придут вам на помощь. И еще. Знайте, мы постоянно держим двери открытыми.

Глеб перевернулся на спину, но не произнес ни слова.

— Мы проверили посылку. Часть банкнот оказалась «иранскими». Но это не страшно. Рано или поздно все возвращается туда, откуда вышло. — Чем дольше говорил пришелец, тем яснее проступал мягкий восточный акцент. — В посылке оказалось чуть больше, чем мы ожидали. Что делать с лишними?

— Раздайте братьям и их семьям.

— Да будет так, — после паузы

произнес пришелец. — Какие еще будут распоряжения?

— Никаких.

— Женщина, которая здесь жила, больше не вернется. Уходя, выбросите ключи.

Глеб промолчал.

— Знайте, Саид аль-Махди молится за вас.

Не дождавшись ответа, пришелец шагнул за порог.

Тихо прошелестели осторожные шаги. Едва слышно скрипнула прикрытая дверь. Ударились друг о друга створки дверей лифта. Лифт, урча, пополз вниз.

Тишина выползла из углов, поползла по мягкому ковру и

постепенно затопила собой комнату.

Активные мероприятия

Вне очереди

Секретно

т. Салину В.Н.

Среди лиц,
посетивших адрес во время
пребывания в нем
Агитатора, мерами
наружного наблюдения
выявлен сотрудник
представительства
иракской торговой
компании «Эль Джамиля».

Прошу Вашего
согласия на применение в

отношении объекта
Агитатор и его связей мер
по регламенту «особый
период».

Владислав

Старые львы

Салин лежал на коротком диванчике в комнате позади кабинета.

За стеной гремел голос Решетникова. Когда требовалось, вкрадчивый и ироничный баритончик Решетникова обретал мощь и медь глотки полкового старшины. Он распекал кого-то,

особо не выбирая выражений. Но команды, после пике и штопоров матерно-командирского диалекта, отдавал по-военному коротко и четко. Без лишних словесных кружев.

Отрывистые фразы проникали сквозь тонкую перегородку и больно тюкали в правый висок. Салин морщился, но терпел. Головная боль ерунда, по сравнению с перспективой потерять этот болючий, но жизненно важный орган.

Даже в лучшие дни мирок фонда «Новая политика» не был тихой заводью. Но аврал, который объявили в фонде после встречи Салина с «пенсионером цехового движения»

Загрядским, превратил особняк в поднятый по тревоге армейский штаб. Прошло время тонких интриг и булавочных уколов в особо уязвимые места, пробил час безжалостных сокрушительных ударов. Война. Всего лишь продолжение экономики, но иными средствами. Аве, Клаузевиц! Золотая голова в прусском стальном шлеме.

Вошел Решетников, всей массой плюхнулся в кресло рядом с диваном. Без пиджака и галстука, в рубашке с закатанными рукавами он показался Салину завцехом оборонного завода, матом и молниеносными решениями спасающим горящий план. Через узкий проход, разделявший их, Салин

уловил жар, исходящий от тугого, плотного тела Решетникова.

— Ты как, дружище? — для приличия поинтересовался Решетников. И не дождавшись ни ответа, ни кивка, сразу же перешел к делу:

— Так, хвосты я народу накрутил и соответственное место скипидаром умаслил. Сейчас пойдет вал информашки, готовься.

Салин помассировал висок. Решетников перешел на привычный « совеща́тельный » тембр голоса, но даже приглушенные звуки отдавались в голове тупой болью.

— Знаешь, о чем я думал, пока тут отлеживался?

Решетников устроил сцепленные пальцы рук на животе и изобразил готовность слушать.

— В какое дикое время мы живем, — произнес Салин, прикрывая глаза. — Если в старые времена мы установили человека, имеющего связи от Кремля до низин преступного мира, что бы мы подумали?

— Шпион, мы бы подумали, — коротко хохотнул Решетников.

— Вот! А сейчас даже не разберешь, кто шпион, кто вор, кто казнокрад, кто «цеховик», а кто просто дурак с инициативой.

— На то и перестройка была затеяна, чтобы всех запутать. Но кто

такой Глебушка Лобов мы вскорости узнаем в подробностях. То, что парень далеко не дурак, это и без Владислава ясно. Так долго таиться, а потом бортануть Матоянца в самый удобный момент, да еще запустить в наш огород деньги «Артели»... М-да, не дурак! — веско констатировал Решетников.

Он оборвал речь и взял такую долгую паузу, что встревоженный Салин вынужден был сделать над собой усилие и приподняться на локте.

— Что? — поборов раздражение, обратился он к сладко улыбающемуся напарнику.

По опыту знал, такую

плотоядную кошачью улыбочку Решетников напяливал в исключительных случаях. Когда засекал поблизости подходящую мишень для своих когтей.

— Как на крюк насаживать молодца будем: за губу или за филейную часть?

За долгие годы у них выработался свой язык, понятный только им. Окажись на месте Решетникова кто-то из непосвященных, пришлось бы ему рассыпать бисер слов. «Ловить клиента на компрометирующих контактах в высших эшелонах или ловить на нижних, по самому социальному дну идущими?» Это же

пытка адова произнести и мука египетская выслушать.

— С арабами ссориться рано, ты как считаешь? Лезут ребята не в свое дело, но «особый период» к ним... — Салин пожевал губами. — Рановато, я думаю.

— Значит, сажаем крюк в задницу!

Решетников звонко хлопнул ладонями по толстым коленям. Салин невольно поморщился, таким резким и хлестким ему показался этот звук.

Глава двадцать седьмая.

Меры по регламенту

«особый период»

Трагедия — слишком низкий жанр для политики. Сильные мира сего считают себя персонажами эпоса, на худой конец — мифа. Им не до посконной действительности, в которой барахтается большинство. Они лишь дергают за ниточки, заставляя покорных марионеток играть для них трагедии, фарсы и комедии. Плохо, что куклы влюбляются, страдают и умирают всерьез. Впрочем так еще интереснее. В конце концов,

искусство требует жертв. А искусство политики самое кровавое из всех. И Муза его — Гильотина.

По закону жанра политику полагается делать величественные жесты и совершать грандиозные деяния. Каждый его шаг должен быть ожидаем, но трудно объясним, а действие конкретно и безнаказанно. И не стоит судить его по меркам морали и общечеловеческих ценностей. Политика не может быть моральной, но обязана быть эффективной. А из всего человечества политика интересуется только он сам, любимый, да еще его клан.

Вглядитесь в глаза мастера игры

на международной шахматной доске, где пешки-народы ложатся за своих обреченных королей. Вглядитесь и ужаснитесь. Потому что вы заглянули в Бездну...

«Особый период» — это эфемеризм, призванный замаскировать страшное время, когда у заигравшихся политиков все идет наперекосяк. Мир погружается в сумерки хаоса, сбесившееся время требует жестких и сверхэффективных мер. И плеть вправляющей длани хлещет беспощадно. Да так, что небо делается красным от разбрызганной крови.

«Особый» — значит правила игры ужесточаются до зверства. И не

ТОЛЬКО МОЖНО, а жизненно необходимо делать то, на что в прежние, более спокойные времена было наложено табу.

Неисправимый уголовник? В тихое время пожалуйста в тюрьму на перевоспитание. Выйдете, не поумнеете — посадим еще раз. «Особый период»: — попался — получи пулю в затылок. Некогда тебя, братец, перевоспитывать, война на дворе или еще что похуже.

Власть вам не нравится? О чем на каждом углу вещаете, других с толку сбивая. Подозрительными связями запаршивлены? Возьмем на карандаш, походим следом, послушаем и посмотрим. И занесем

в список.

Грянет година «особого периода» — по этим спискам проведем аресты. У кого красная галочка в карточке — налево. Носом в стенку. У кого нет — направо, поживи пока в камере.

Только и в камере «особый период» достанет. Потребуется тюрьму освободить для новых постояльцев или погонят этапом, а тут враг наступает. Положат в ров, как тех поляков в Катыни. И лишь через пятьдесят лет признаются, наша, мол, работа.

Но, ритуально посыпав голову пеплом, руками разведут: «Не судите строго. Время такое было. Особый

период!»

Одна радость — «период», значит, не навсегда. Нахлынет кровавый вал истории и откатится.

Сердце стонет, когда понимаешь, что «период» — значит рано или поздно все непременно повторится.

Так было и так будет впредь. Пока есть куклы и кукловоды, пешки, короли и грессмейстеры.

Активные мероприятия

В Склифе царил нормальный вечерний аврал. Персонал сдавал смену. Родственники и ходячие больные сновали по коридорам. В

палатах двери были нараспашку.

Больницы Валя Смертин не любил. Покопавшись поглубже в душе, сказал бы, что просто боится. С тем образом жизни, что он вел, и тем ремеслом, что его кормило, больница — худший вариант.

Валя знал, что шансов попасть на больничную койку с воспалением легких, например, у него мало. А вот с перебитым позвоночником, дыркой в черепе и парочкой огнестрельных ран в самых неприятных местах — сколько угодно. Близко к ста процентам.

Во время первой командировки в Чечню он наблюдал, как вертолет, круто заложив вираж и отстреливая

ракетницы, уходил в направлении Северного или какого-то еще ближайшего полевого госпиталя. На борту «вертушки» внавал лежали раненые. Из оставшихся на земле кто-то искренне считал, что ребятам повезло, отстрелялись и отмучались. Сейчас залатают, откормят и дембельнут домой.

Смертин ни с кем вслух не спорил, про себя решив, что уж лучше добить самого себя, чем через пару месяцев выползти из госпиталя на костылях. Жизнь такая пошла — мертвым позавидуешь.

Смерти не искал, но воевал за пределом риска, жестоко и яростно. За что и получил прозвище Валя

Смерть — врагам.

Прозвище он привез с собой в Москву. Из кабинетов и курилок УБОПа оно самотеком переключалось в преступный мир и таким образом приклеилось к Валентину насмерть.

Стоило Валентину свернуть за угол и войти в тупичок, где помещалась палата потерпевшего Родика, как два тупых быка, сидевших на стульях у дверей, повернули морды и уставились на него пустыми глазами.

Валентин их в лицо не знал, а они его узнали, наверное, по описаниям дружков, имевших несчастье лично познакомиться с Валей Смерть врагам.

— Привет, пучеглазые, — приветствовал их Валентин, не сбавляя шага.

Один соображал чуть быстрее. Стал приподниматься.

Но Валентин уже подошел вплотную. Воткнул жесткий палец в мякоть над ключицей, заставив быка сесть на место.

— Ты что-то хотел сказать? — спросил он, заглядывая в полные боли и ненависти глаза. — Что-то типа «туда нельзя»?

Бык надулся кровью, но промолчал.

Валентин вытащил палец, глубоко ушедший под ключичную кость. Им же ткнул во второго быка.

— Может, ты мне хочешь что-то сказать?

Слов для чемпиона МВД по рукопашному бою не нашлось.

— Готовьтесь, пучеглазые, через десять минут поговорим.

Валентин распахнул дверь и вошел в палату.

Родику как герою войны и труда братва организовала отдельную палату с индивидуальной капельницей и уткой. Только сестру милосердия в белом чепчике и томиком Тургенева на коленях не додумались подогнать.

В палате тускло светил ночник. Металлические блики растеклись по штанге капельницы. Раствор в

пластиковом мешочке казался сгустком света.

Ростом и габаритами Родик не вышел, если бы не торчащая из складки перевязанная нога, можно было решить, что под одеялом никого нет. Просто ушел пациент, плохо заправив постель.

Валентин подошел к высокой кровати на колесиках, щелкнул тумблером на панели над изголовьем.

В лицо Родiku ударил яркий свет. Он поморщился, став еще больше похожим на подленького гнома.

— Овца поганая, затопчи фазу! — прохрипел он.

— Я тебе кислород затопчу, баран, — на полном серьезе пообещал Валентин.

Веки у Родика мелко задрожали, потом нехотя разлепились.

На Валентина уставились мутные от наркоза глазки. Несмотря на наркоз в крови и мозгах, соображал Родик куда быстрее своих охранников.

Лицо замерло. Потом дрогнуло. Глазки лихорадочно забегали. Родик искал выход из западни. И не нашел.

На лице стала проступать обреченность. Уголки размазанных губ потянулись к подбородку.

Валентин молчал и, не скрывая брезгливости, следил, как лицо

Родика превращается в маску карлика, приговоренного к четвертованию.

— Что палишься, мент? — со слабым вызовом в голосе произнес наконец Родик. — Я ничего не скажу.

Валентин посмотрел на его забинтованную ногу. Вытянул к ней руку, разлапив сильные пальцы.

Родик инстинктивно дернул ногой и тихо взвизгнул от боли.

Валентин провел рукой над телом Родика и опустил ладонь ему на лицо.

— Была бы нужда, Родя, ты бы уже в прямом эфире «Эха Москвы» всех с ботвой сдавал.

Валентин сжал пальцы. Кожа на

лице у Родика оказалась тонкой и мерзко липкой, как у резиновой маски.

Родик терпел не долго, заскулил и стал жадно сосать воздух через зазор между пальцами Валентина.

— Молчи, Родя, молчи дальше, — зло прошептал ему в ухо Валентин. — Только вся проблема в том, что тебе не поверят, хоть ты и весь из себя блатной. А мне, менту поганому, поверят! Скажу, что ты всех сдал, значит, так и было.

Он отнял руку, вытер пальцы об одеяло.

Родик громко всхлипнул.

— Суки вы все, — прогнусавил он. — В параше вас топить надо!

Валентин усмехнулся.

— У тебя какой разряд по плаванию, дятел? Через час сам в заплыв уйдешь боевым тюленем. Пока! Вынырнешь из очка, звони.

Он направился к двери. Развернулся.

По сморщенному лицу Родика текли крупные слезы.

— А это идея, — пробормотал Смертин.

Снял с пояса мобильный. Пропиликал набором номера. Громко, чтобы слышали за дверью, произнес:

— Рудаков? Валя говорит. Собери мужиков. Да, весь отдел. Работа подвалила.

— Валя, ты что, сбрендил? —
раздался из трубки голос жены. —
Вы там опять нажрались?

— Не твое дело, — точно в текст
сценария попал Валентин.

Он отключил связь. Помахал на
прощанье Родику и вышел из палаты.

* * *

Временно конфискованный
«фольксваген» радостно мигнул
фарами и щелкнул электрозамком.
Валентин, поигрывая брелоком на
связке ключей, подошел к машине.

— Твою маму! — простонал он.
Капот сильно накренило влево.

Валентин потыкал носком ботинка дряблую шину. Осмотрел стоянку машин. Сорвать зло было не на ком. И позвать на помощь тоже.

— А есть ли у этого пентюха запаска, я и не знаю, — вслух произнес Смертин.

Подошел к багажнику, распахнул крышку. Заглянуть внутрь не успел.

Шею обожгла жгучая боль, и через мгновение молния лопнула прямо в мозгу...

* * *

*Вне очереди
Секретно*

т. Салину В.Н.

Захват объекта
Могильщик прошел
успешно. Продолжаю
активные мероприятия в
отношении установленных
лиц из окружения объекта
Агитатор.

Расконсервировал
спецобъект Лагуна для
сбора и фильтрации
задержанных.

Владислав

* * *

Открыв глаза, он подумал, что все-таки попал в госпиталь. Вокруг пахло лекарствами и особенной, стерильной больничной чистотой.

Стены были покрыты белым кафелем. Чистые плитки бликовали от яркого света.

— Этот в норме, — раздалось откуда-то вне поля зрения Валентин Смертин.

Он уже окончательно пришел в себя и понял, что лежит на спине, а руки и ноги намертво привязаны к металлическим дужкам.

— Док, это ты про меня? — спросил Валентин.

Над ним склонилось лицо в очках. Рот и нос закрывала марлевая

маска.

— Про тебя, друг мой. — Этот голос Смертину не понравился. Механический какой-то, без тепла.

Лицо врача исчезло, и его место заняла физиономия другого мужчины.

Поначалу Валентин не сразу определил его возраст. Путался между седым ежиком волос и гладкой молодо выглядевшей кожей лица.

«За сорок», — почему-то решил Валентин.

По глазам мужчины вообще ничего прочитывать было невозможно. Два стальных шарика, а не глаза. Серые, непроницаемые и холодные.

— Взяли, — скомандовал мужчина.

Под спиной у Валентина что-то щелкнуло. Насильно тело согнули пополам. И он оказался сидячим в кресле на колесах.

Валентин с удивлением осмотрел комнату. То, что представлялось операционной, на поверку оказалось процедурным кабинетиком. Но кроме обычных стеклянных столиков и шкафчиков, в кабинете стоял письменный стол. И видеокамера на штативе.

— Догадался, где ты, или пояснить? — спросил мужчина.

Смертин попробовал на крепкость путы на руках и ногах.

Широкие ремни из толстой кожи даже не пошевелились.

— Вижу, догадался.

— Мучить будешь? —

усмехнулся ему в лицо Валентин.

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Нет нужды. Ты уже все сказал. — Он ткнул пальцем в сгиб локтя Валентина. След от укола ответил тягучей болью. —

Чистосердечно и без выкрутасов.

Валентин покусал нижнюю губу. Лихорадочно стал соображать, что же мог выболтать и как это скажется.

Мужчина следил за его потугами с непроницаемым лицом. Только металлом отсвечивали зрачки.

— В Рязань ты не поедешь, это главное, — смилостивился мужчина.

Валентин на секунду сжался, как от удара, а потом обмяк.

— Но на экскурсию я тебя свожу. Взяли мы тебя первым, а на «конвейер» поставили в последнюю очередь. Ты проспал самое интересное.

Мужчина круто развернул кресло, комната закружилась у Валентина в глазах.

Рывком — кресло замерло на месте, и взгляд Вальки Смертина уткнулся в дверь.

Вид двери ему не понравился. Хоть и выкрашена белой красочкой, но абсолютно тюремная дверь. С

глазком и «кормушкой».

Он закинул голову, попытавшись посмотреть на мужчину.

— Ты — фээсбэшник или наш? — спросил Смертин.

— Какая тебе разница.

Мужчина подтолкнул кресло к двери. Нажал кнопку звонка. Внутри двери громко лязгнул засов.

В коридор можно было попасть только через тамбур. Дверь за ними захлопнулась, а другая — еще не открылась. В узком пространстве громко гудел мощный компрессор, нагнетая воздушную пробку. У Валентина сразу же заломило в ушах.

Компрессор после звонка мужчины заглох и врубился вновь,

как только они пересекли порог.

В коридоре стояла вязкая тишина. Вдоль тянулся ряд дверей, но из-за них не доносилось ни звука. Как понял Валентин, из-за воздушной пробки в тамбуре.

Он закинул голову. Потолок был сводчатый, высокий. Походил на подвальный в старом купеческом доме. Во всяком случае, холод в коридоре стоял, как в глубоком погребе.

— Осмотрелся? Тогда поехали.

Мужчина покатыл Валентина по коридору.

— Здесь у нас раздевалка и душевая. — Он указал на первую дверь. — Тебя взяли чисто и

чистеньким, поэтому отмывать не пришлось.

Кресло подъехало к следующей двери.

— Досмотровая. Здесь клиентов опознают и осматривают на предмет дальнейшего использования. В зависимости от состояния, направляют к соответствующему специалисту. Тебя сразу определили к доку на химический допрос.

Он подкатил кресло к третьей двери. Нажал кнопку. Спустя несколько секунд в двери щелкнул запор.

Валентин Смертин против своей воли въехал в тамбур. Приказал себе расслабиться и приготовиться к

самому худшему. Но тело не послушалось. Пальцы намертво вцепились в дужки подлокотников. Нервная дрожь из них колючими муравьями побежала к плечам, скользнула по груди и рассыпалась по всему телу.

Каким-то уголком сознания, не отравленным неизвестным наркотиком, Смертин осознавал, что он уже не Валька Смерть врагам, а полное ничтожество. Кукла, прикованная к инвалидному креслу. А остальная, большая часть сознания тупо считала, что все это сон, лишь дурной сон. Стоит открыть глаза, и все вернется на свои места.

Смертин крепко зажмурился.

Открыл глаза. Мир ничуть не изменился. По-прежнему был диким, вывернутым наизнанку отражением привычного, того, что существовал там, наверху. Где шел дождь, гуляли красивые женщины, в дорогих тачках разъезжали бандиты, а опера скакали за ними следом на убитых оперативных «Жигулях».

Но дверь перед носом Валентина была совершенно реальной. Он зацепился взглядом за защелку «кормушки», чтобы не свалиться в пропасть обморока.

Из-за спины вынырнула рука, крепкие пальцы отбросили защелку и толкнули внутрь «кормушку».

Из камеры хлынули спертый

запах пота и звуки.

Их Валентин узнал. Они были оттуда. Из Верхнего мира.

Когда в УБОПе прессовали особо упертых клиентов, звуки раздавались такие же. Словно живьем разделявали бессловесную тварь.

— Смотри, — приказал мужчина, сунув голову Смертина в окошко «кормушки».

Женщина в кожаном костюме — жилетка на голое тело и облегающие джинсы — профессионально и четко месила закованного в наручники мужчину, ничком скрючившего у ее ног.

Валентин всмотрелся и понял —

не театр. Бьет без дураков.

Женщина остановилась.
Мотнула головой, отбросив на спину
волосы, свитые в тугие шнурки.
Мыском острого сапожка повернула
лицо мужчины к свету.

— Киконин, встать!

Мужчина свалил свою голову с
острия сапожка.

— Не могу, — булькнув горлом,
выдавил он. — Ты мне ребро, курва,
сломала.

Женщина выдохнула.

Короткий удар сапожка гулко
вошел в ребра мужчины.

Он взвыл, сжался в комок,
забился лицом о колени.

Когда стихли хрипы и стоны

мужчины, женщина
поинтересовалась:

— Это ребро или другое?

— А-а-а! — на одной ноте
затянул мужчина, пытаясь отползти
подальше от ее сапог.

Сапожки процокали влево,
женщина скрылась из глаз
Валентина. Вернулась, неся в руке
короткую дубинку.

Мужчина, заслышав
приближающиеся шаги,
перевернулся на живот, подтянул
ноги, попробовал встать на колени.
Женщина остановила его, поставив
ногу ему на шею.

— Я передумала, Кика. Вставать
не надо. — Она гибко наклонилась,

ткнула в лицо мужчины дубинку. — Хочешь, я тебя трахну этой штукой, мальчик? — елеиным голосом спросила она. — По глазам вижу, хочешь.

Валентин откатился назад. Мужчина захлопнул «кормушку». Оттуда все же успел вырваться протяжный вой.

— Дальше неинтересно, — тем же неживым голосом произнес мужчина.

Он выволок кресло с Валентином в коридор. Закрыв дверь. Резиновые прокладки в пазах сразу же надулись — заработал компрессор.

— Дальше ничего

интересного, — повторил
мужчина. — Она его вырубит. Потом
мазок «апизатрона» по анусу.
Полнота ощущений гарантируется.
Ничего не было, а впечатлений на
всю жизнь. Хочешь спросить, почему
девка его прессует? — Мужчина
перехватил вопросительный взгляд
Смертина. — Психологический
портрет соответствует.
Эпилептоидно-паранояльный
комплекс, как у всех боевиков. Круты
и постоянно отслеживают
пространство вокруг себя в поисках
врага. Если его нет, выдумывают. Но
подсознательно боятся женщин.
Подозрительность же сказывается на
потенции. Да и по развитию они на

уровне пятнадцатилетних. Мамки еще бояться, но уже характер показывают. Если женщина такого сломит, он всю жизнь ее на руках носить будет и сапожки ее лизать. — Он кивнул на дверь. — Через десять минут это как раз и произойдет.

Валентин пошевелил кистями в кожаных тисках. Мужчина холодно усмехнулся.

— Это же Кика из команды Модного, не узнал? Или тебе его жалко вдруг стало?

— Кто ты? — спросил Валентин.

— Не важно.

Мужчина развернул кресло и толкнул его к следующей двери.

— Здесь у нас исповедальня. После химического допроса перепроверяем данные обычным способом. Но уже точно знаем, врет клиент или нет. Он врет — мы не верим, но выхватываем то, что он не успел выболтать на химдопросе. А Кика после Наташки как запое! Любо-дорого будет послушать.

Он открыл дверь, первым прошел в тамбур. Заглянул в «кормушку». Лишь потом вкатил Смертина.

— Это тебе многое прояснит.

Он сунул голову Валентина в амбразуру «кормушки».

Внутри камера выглядела совершенно обычным кабинетом для

допросов, как в Бутырке. Канцелярский стол и привинченный к полу перед ним табурет. К табурету прикован наручниками человек. Лампа светила ему точно в лицо.

Смертин узнал его без труда. Сталкивался в агентстве Глеба.

Сейчас шеф службы безопасности активно и с чувством топил своего хозяина и кормильца. Следовательно даже не требовалось подгонять вопросами. Правый рукав рубашки у шефа безопасности был закатан до локтя.

«Глешка им нужен, а не я. Значит, до очной ставки запрут в камере. Уже неплохо. Что-нибудь придумаем...»

Додумать мысль до конца он не успел, его резко потянуло назад и выбросило в коридор. Хлопнули закрывшиеся двери.

Замелькали другие, однообразно безликие.

— Все то же самое. Исповедальни и процедурные, — прокомментировал мужчина.

Он подогнал кресло к предпоследней двери.

— А вот здесь у нас начинается дорога на небеса.

Мужчина распахнул одну дверь, затем другую и вкатил Валю Смертина в скупое освещенную камеру.

Пахло здесь несносно.

Тухлятиной и свежей кровью.

Кровью была обильно полита куча опилок в центре камеры. Луч света с потолка словно специально освещал только ее.

Валентин обратил внимание, что в камере холоднее даже чем в коридоре, продуваемом сквозняком.

Мужчина загнал кресло в дальний, самый темный угол. Сам прошелся по камере, обходя сально блестящие пятна крови.

— Здесь редко кто молчит, — заговорил он на ходу. — Случается, даже «химия» дока не действует. А тут пробивает.

Валентин заставил себя вспомнить, что в Чечне к таким

интерьерам — выстуженные руины и кровь — притерпелся довольно быстро. Стало немного легче. Но нездоровая аура, сконцентрированная в камере, продолжала отравлять и подтачивать волю.

— Декорации способствуют, наверно, — через силу бодрясь, произнес Смертин. — Много ума не надо, кабанчика подрезать да кровью все обрызгать. А клиента впечатляет.

Мужчина остановился. Черный комбинезон с накладными карманами подчеркивал волчью поджарость фигуры.

— Кабанчика? Неплохая мысль.

Он скользнул вбок и исчез в

густой тени.

Раздался лязг открывшейся двери. Скрипнув колесами, в камеру въехало кресло.

Мужчина подогнал его к куче опилок. Луч света упал на голову человека в кресле.

По всем описаниям, это был Басурман, правая рука Модного.

Басурман исподлобья уставился на кучу опилок.

Открылась дверь, через которую ввезли Смертина.

Еще один мужчина в черном комбезе вкатил своего клиента.

Увидев его, Смертин едва сдержался.

В кресле восседал Туркан,

законный вор, посаженный сходкой курировать центр Москвы. Несмотря на туберкулезную худобу, спину Туркан держал прямо. Смертину вспомнилась строчка из ориентировки на Туркана — «при ходьбе держит спину прямой». Особая примета, значит. Но на все многочисленные описания татуировок, шрамов и порезов, разреза глаз и родинок с бородавками, перечисления адресов и близких связей взять Туркана еще никому не удалось. Просто не давали.

А тут спеленали, как Буратино, и привезли.

«У чьих же я отморозков?», — в

который раз задал себе вопрос Смертин.

Он мысленно прикинул объем работы, помножил на степень ее профессионализма и пришел к выводу, что отморозки ни к одной из известных ему силовых структур принадлежать не могли. А работала именно структура, а не банда Робин Гуда, это очевидный факт. Как куча опилок на полу.

Туркана поставили лицом к Басурману.

Басурман медленно поднял голову, посмотрел на Туркана и вдруг зашелся дребезжащим нервным смехом.

— Что, папа, не удалось на

чужой елде в рай въехать? — Он страшно оскалил зубы. — Эх, я бы тебе кадык выгрыз! Я же видел по телику, как ты всех заложил, падла! Всех продал, всех!! Слышь, вертухаи, вы пленку с его допросом на сходку подкиньте, там его воры на куски порвут. Вам даже мараться не придется.

— Цыц, сучонок! — сиплым голосом прикрикнул на него Туркан.

Басурман рванулся в кресле. Но ремни не пустили. Он завыл, извиваясь всем телом, как червяк, стиснутый с двух сторон. Конструкция кресла была явно рассчитана и на таких седоков, оно даже не покачнулось.

Туркан завертел седой головой, как лунь на ветке. Двое в черном стояли неподвижно позади своих кресел.

— Эй, нехристь, дай лоб перекрестить! — с трудом выдавил Туркан.

— Тебя черт вилами перекрестит, — ответил мужчина, что привез Смертина.

Громко ударил выстрел. Из головы Басурмана выбило липкий ком и швырнуло в лицо Туркану.

Туркан завизжал, затряс головой, пытаясь стряхнуть с себя липкую массу.

Мужчина что привез Смертина, сунул пистолет в кобуру, сноровисто

расстегнул ремни и свалил безжизненное тело Басурмана на кучу опилок.

Оперся руками о дужки кресла Туркана.

— Что, голос прорезался?! — крикнул он ему в лицо. — А ты думал, мы в «Петрах», где тебя каждая вошь знает? Нет, Туркан, здесь на твой закон клали с пробором.

Он выпрямился. Кивнул конвоиру Туркана.

— Назад на допрос. Будет волюнку тянуть, еще раз к доку — и сразу сюда.

Туркана выкатили из камеры.

Мужчина постоял, разглядывая

судорожно подрагивающее тело Басурмана.

Хрустя бутсами по бетонному полу, подошел к Смертину.

Валентин обмер и плотно сжал веки. Он вдруг отчетливо почувствовал затылком дырку в высокой спинке кресла. Через нее сочился студеный сквозняк и жег кожу.

Т а к умирать Смертин не хотел.

Он до хруста в желваках сцепил зубы, чтобы не заорать от страха, когда кресло стронулось с места и медленно покатилося вперед.

Сквозь веки просочился розовый свет — кресло въехало под лампу. А потом сделалось темно.

Валентин пошевелил пальцами, чтобы выяснить, жив он или нет. Пальцы двигались. И сердце еще билось. Только плохо. Вяло и с перебоями.

Он судорожно вздохнул, когда понял, что из камеры они выехали и теперь проклятое кресло катится по мрачному коридору. Куда-то под уклон. К мерному урчанию чего-то большого и мощного. Звук напоминал автоклав.

Скрипнули петли двери, веки лизнул яркий свет.

Мимо кресла проскрипели бутсы. Сквозь мерный гул вращающегося агрегата слышался голос мужчины. Он с кем-то

разговаривал, не заботясь, слышит Смертин или нет.

— Сколько успели обработать? — донеслось до Валентина.

— Полностью — шестерых, Владислав, — ответил незнакомый голос. — Восемь дозревают. И еще там — трое. Только начали с ними работать.

— Забери из ликвидационной еще одного, — распорядился Владислав. — С него переходите на препарат «А». У нас еще восемь человек на конвейере, зашьетесь.

— Тогда давай я «аннушку» и этим троим вкачу. Что останется, прокрутим в барабане. Так быстрее

получится.

— Хорошо. Действуй. Да, одну ванну я на часок займу.

— Как скажешь, Владислав.

Бутсы прохрустели по бетону, приближаясь к коляске.

Владислав больно похлопал Смертина по щекам, заставив открыть глаза.

Смертин увидел вытянутый зал, похожий на котельную. Только вместо котлов в нем стояли три автоклава, медленно проворачивающие овалы тела контейнеров. Вдоль автоклавов прохаживался человек в комбинезоне. Роста он был небольшого, круглый и видом

напоминал прораба.

— Здесь наша экскурсия заканчивается. В этом зале мы утилизируем трупы. — Владислав указал на вращающиеся контейнеры. — Внутри культура бактерий, разогретая до нужной температуры. Бактерии жрут все, из чего состоит человек. При обычной температуре они не опасны, а примерно при ста двадцати градусах становятся активны. Через час от человека остаются только коронки и зубные протезы. Но их мы изымаем заранее.

Он внимательно всмотрелся в лицо Смертина.

— Что-то хочешь спросить?

Смертин не смог разлепить губ.
— Поехали!

Владислав втолкнул кресло в маленькую глухую комнатку. Прямо на полу вдоль стены лежали три черных мешка. Из-под каждого набежала лужица застывшей крови.

Напротив у стены стояли две обычные ванны, только поднятые на распорках высоко над полом.

Владислав подкатил кресло к ближней ванне. Смертин, перед тем как его развернули, успел увидеть, какая она неопрятная внутри, с желтыми разводами на облупившейся эмали.

— А теперь смотри сюда.

Владислав присел на корточки

перед креслом. Достал из кармана пузырек, поболтал, взбив на донышке сухой порошок.

— Иногда в полевых условиях требуется быстро избавиться от трупа. Расчленишь, сжечь или закопать негде и некогда. И тогда в дело идет препарат «А». Модификация тех же бактерий, что работают в автоклаве. Только агрессивными они становятся уже при комнатной температуре.

Он снял с пояса плоскую коробочку. Достал из нее шприц и флакончик.

— Берем обычную воду. Разводим порошок. Бактерии оживают. Инъекция готова.

Проговаривая это, Владислав ловкими и чуткими пальцами открыл флакон, втянул через иглу воду в шприц, через резиновую пробку на пузырьке перегнал воду внутрь, поболтал, растворяя порошок, втянул готовую смесь в шприц.

Поднял на Смертина свои холодные стальные глаза.

— Можно вколоть в вену. Можно впрыскивать в рот. Бактериям это без разницы. Но я предпочитаю делать инъекцию в брюшную полость. Так получается быстрее. Рыба гниет с головы, а человек с брюха. Ты меня слышишь?

Смертин уже был далеко. Только каким-то осколком сознания,

зацепившимся за эту реальность, осознавал, что между ног журчит горячая влага. Но ни стыда, ни неудобства он не ощутил.

— На твой счет у меня никаких особых инструкций нет, — продолжил Владислав. — Значит, никто не станет пенять, если мы немного отклонимся от технологии. — Он свел глаза на острие иглы. — Понимаешь, все дело в наркотиках. Не вписался бы ты в эту грязь, пошел бы по ленте конвейера, как все. Им, мрази уголовной, можно, а тебе, брат, нельзя так мараться. Видишь ли, Смертин, у меня был один знакомый... Не уследил за сыном.

Парень на какой-то тусовке первый раз в жизни укололся. Первый и последний. Через три месяца диагностировали СПИД. Пытался покончить с собой, откачали. Сейчас гниет заживо в клинике. У матери не выдержало сердце. Отец еще жив, но внутри давно умер.

Владислав похлопал по дряблой щеке Смертина. Добился, чтобы взгляд у того сделался осмысленным.

— Вот уже лучше. Я хочу, чтобы ты до конца был в полном сознании. Гнить заживо — это страшнее, чем пуля в затылок. Тебе еще повезло, ты сгниешь за час. А жижу мы сольем в канализацию.

Он выпрямился и всадил шприц

в живот Смертину.

Владислав дождался, когда стихнут первые конвульсии боли, расстегнул ремни, подхватил налившееся дряблой тяжестью тело Смертина и опрокинул в ванну.

Смертин завозился, скребя пальцами по гладкой эмали. С трудом поднял голову над краем.

Владислав остановившимся взглядом уперся ему в лицо.

Смертин хлебнул воздух распахнутым ртом. В голове вдруг сделалось до жути ясно. Хмарь выветрилась. И в живот вполз холодный слизняк ужаса.

*Вне очереди
Секретно
т. Салину В.Н.*

Активный сбор
информации на объекта
Агитатор окончил.

Полученные данные
переданы на обработку в
аналитический центр.

Группа готовит
спецобъект Лагуна к
консервации.

Жду дальнейших
указаний.

Владислав

Старые львы

На Решетникова от нервного перенапряжения напал дикий жор. Он заказал гору бутербродов с колбасой и всю ее сметелил под литр чая с сахаром.

Салин брезгливо морщился, когда из-за стола докатывался чесночно-копченый дух, но другу замечания не делал. Терпел, по себе зная, что такое стресс при сидячем образе жизни.

Лично у него никакого аппетита не было. Во рту прочно обосновался медный привкус. Возможно, от того, что Салин весь вечер тянул минеральную воду «Кардамон» из запотевшего стакана. Выпил уже не помнил сколько. Стресс, одни

СЛОВОМ.

— Продолжай, — прошамкал Решетников, запихнув в рот последний бутерброд. — Когда я ем, я только нем. А на слух не жалуюсь.

Салин в который раз за день испытал укол зависти. Так пересиливать стресс он уже не мог.

— У наших «друзей» только героин и нефть. Больше с них брать нечего, — продолжил рассуждать Салин. — А в обмен хотят высокие технологии. Это идея Матоянца — разместить там часть производства, чтобы не «светить» раньше времени здесь. У них есть абсолютная власть, но нет технической базы, чтобы выжить в новом тысячелетии. Мы

легко и быстро можем принципиально обновить технический парк страны. Но для этого нужна абсолютная власть.

— Хотел бы я увидеть ту рожу, что все разом хапнуть решила — проворчал Решетников. — Узнал бы в момент из миллиона. Очень трудно заглотить такой шмат пирога и при этом не измениться в лице.

Он тщательно отряхнул рубашку от крошек.

— Если я правильно понял, Глеб Лобов возжелал оседлать наркотрафик. Фабрики «промывки мозгов» ему показалось мало.

Салин пожал плечами.

— Здравая мысль. Если в стране

есть наркоторговля, кто-то обязан ее контролировать. Не одной водкой сейчас живет Россия. Героин тоже нужен. И чем дальше, тем больше. Весь вопрос, кто встанет во главе и на какие цели пустит прибыль.

— Что с партией наркоты делать будем?

— Еще не решил.

— Учти, нам уже эту статью вешали.

Салин раскачал кресло. Насупился.

В девяносто шестом СБП попробовала наехать на их «Фонд», зацепив лабораторию профессора Мещерякова. В лаборатории исследовали человеческое сознание,

а без ЛСД такие работы почему-то не идут. Не хочет сознание расширяться и сдвигаться без дозы.

Тогда атаку удалось отразить. Но цепочка причинно-следственной связи на том не оборвалась. Исчез самый активный работник СБП Подседерцев, а затем разогнали и саму Службу. Лаборатории через год тихо прикрыли. Профессор Мещеряков недавно выбросился из окна. А секретные методики управления сознанием окольными путями перешли в холдинг Матоянца. Та их часть, что была предназначена для использования в СМИ, апробировалась в агентстве «Pro-PR» Глеба Лобова.

«Как все связано. Не разорвать, — подумал Салин. — Всегда так начнешь копать на пересечения, а получишь сеть. Всегда так: — везде и всюду».

Он перевел взгляд на Решетникова. Напарник, сытно развалясь в кресле, крутил пальцы на брюшке, солидно выпирающем сквозь рубашку.

Решетников качал варианты. Привычки и повадки друга Салин изучил хорошо. Решил не мешать.

— Пуф, пуф, пуф, — пробурчал Решетников.

— А подробнее? — Салин слабо улыбнулся.

Решетников со вздохом подтянул

ноги, с трудом согнулся пополам.

— Знаешь, Виктор Николаевич, время позднее. Спать пора. Хочу лечь если не с чистой совестью, так со спокойным сердцем.

— Предлагаешь на ночь взять его под контроль?

— До обеда не хватятся, руку на отсечение даю. Скажут, на бабе заночевал. Дело-то молодое.

Решетников не отпускал с него взгляда своих медвежьих глаз.

— Я не против, — с расстановкой произнес Салин.

Лицо Решетникова напряглось.

— Тогда звони Владиславу.

Салин взвесил все в последний раз и утвердительно кивнул.

Но перед тем как взяться за трубку телефона, он достал пузырек, вытряс на ладонь таблетку. Сунул в рот и запил водой.

Вкус меди во рту смешался со сладкой горечью нитроглицерина.

Срочно

Владиславу

Приказываю взять под
контроль объект Агитатор.

До особого распоряжения содержать на спецобъекте «Раздолье».

Снятие первичной

информации провести
лично.

«Фонд»

Глава двадцать восьмая.

«Девочкам из высшего общества трудно...»

Странник

Телефон Карины не отвечал.

«Аппарат абонента выключен или временно не доступен. Попробуйте позвонить позднее», — раз за разом терпеливо, не меняя интонации, предлагала билайновская барышня.

— Позднее будет поздно, — вслух ответил ей Максимов.

Барышня отключила связь.

Максимов посмотрел на часы.
Половина одиннадцатого.

— Невежливо, но надо, —
решил он.

Набрал номер загородного дома
Матоянца.

После шести гудков трубку
сняла женщина.

— Але?

— Извините, что так поздно.
Будьте добры Карину.

— А Карины нету дома, — с
армянской напевностью ответила
родственница.

— Извините.

Максимов положил трубку.
Прошелся наискосок по кухне.
Постоял у окна, упершись лбом в

стекло.

На улице мокли машины. Людей не было.

Максимов уставился на дом напротив. Долго разглядывал этот муравейник в разрезе, в сотах копошилась вечерняя жизнь.

Где найти Карину в муравейнике большого города, он не представлял. Чувствовал, что жива. Чувствовал и знал, что оказалась в самом центре паутины интересов, сплетенной не без участия ее отчима. Но найти, увидеть не мог.

Все имеет предел. Даже уникальные способности. Выручая Злобина, он исчерпал себя полностью. Организм требовал

перезарядки и отдыха.

— Черт, — пробормотал Максимов, растирая складку между бровями.

Сейчас она казалась омертвевшей. А видел, эту точку щекотало колючим током.

Оставались два источника: Василий Васильевич Иванов и Лиза Данич.

Подумав, Максимов решил, что уволенному, но не получившему расчета начальнику безопасности холдинга он позвонит последним. В качестве последней надежды. У Иванова за годы службы должен был накопиться опыт розысков непоседливой падчерицы хозяина.

А Лизе Данич, девочке с сердцем убийцы, лучше звонить с мобильного, решил он. Светить домашний телефон в таких контактах — может выйти боком.

Максимов снял с пояса мобильный. Сверившись с визиткой владелицы фирмы, производящей что-то там «спа», набрал номер.

— Да-а? — сразу же раздался в трубке чуть взвинченный от возбуждения голосок. На заднем фоне во всю грохотал «Раммштайн».

— Лиза?

— Ну, я, а дальше что?

— Добрый вечер. Это Максимов.

— М-м? Вау! Вот уж не ожидала! Как жизнь?

— Не жалуюсь. — «Сейчас меня убьют», — подумал Максимов, но все же перешел к делу:

— Лиза, я не могу связаться с Кариной. Огромная просьба, если увидишь ее, попроси срочно перезвонить мне или включить мобильный.

— Та-ак. — Голосок Лизы потух. — Это все?

— На сегодня — да.

— Что могу сказать... На сегодня у меня другие планы. И вряд ли мы пересечемся.

— И тем не менее, — мягко надавил Максимов.

— Ладно, но ничего не обещаю. И тем не менее спасибо за звонок, —

напоследок вернула Лиза.

Максимов посмотрел на замолчавшую трубку.

Внутри измочаленного усталостью тела что-то изменилось. Открылся какой-то сундучок с последним, чудом уцелевшим «НЗ». Острая щекотка обожгла переносье, и он увидел...

...В теплой прозрачной воде плавали мертвые, распаренные медузы.

Но «НЗ» хватило только на это. Картинка, едва появившись, стала быстро тускнеть и пропала, словно выключили проектор.

Красная Шапочка

Карина легла на спину и с головой ушла под воду.

Сквозь слой теплой воды лампочки на потолке показались мертвыми, распаренными медузами.

Карина вынырнула, стерла влагу с ресниц, пригладила мокрые волосы.

— Лизка, какой шампунь можно взять? — крикнула она в приоткрытую дверь, стараясь перекричать громко рычащий «Раммштайн».

В дверь просунулась голова Лизы Данич.

— Ой, бери любой. Вон «Виши» — классный.

— Угу.

Лиза вошла, держа руки за спиной.

— Мать, давай меняться, — с лисьей мордочкой предложила она.

Карина равнодушно пожала плечами.

— Смотри. — Лиза достала из-за спины две глянцевого бумажные сумочки на цветных шнурочках. Повесила на разные руки. — Отдаю блузку за твой синий комплект.

— Она мне не идет. — Карина потрянула мокрыми волосами.

— Глупая. У нее пуговицы золотые. В масть к пряжкам на туфельках.

— Ты уже и туфли примеряла?

— Ну, не утерпела, убей меня

теперь. Кто виноват, что ты по часу в ванне сидишь. Кариша! Ну, Кариша! — Лиза нетерпеливо топнула ножкой.

— Не знаю. Давай отдам тот белый. С розочкой.

— С розочкой не хочу. Я в этот влюбилась. — Лиза набрала в легкие воздух, как перед нырком в воду. — Ладно, отдаю в нагрузку шарфик диоровский. Он дороже сапог, между прочим, стоит.

— Такие же в метро продают. За сто рублей. — Карина плеснула себе в лицо водой. — Ладно, не заводись. Меняемся.

— Ура! — подпрыгнула Лиза.

Пакетики звонко шлепнулись

друг о друга. Потом тот, что перешел во владение Карины, отлетел в корзину для белья. Свой Лиза прижала к груди.

— Ой, радости — полные штаны. — Карина наморщила носик.

Лиза вытряхнула из пакетика синие кружевные комочки.

— А сейчас — стриптиз! — объявила она.

Распустила поясок и смахнула с плеч шелковый халатик. Быстро надела кружевные трусики и лифчик. Грациозно развернулась лицом к зеркалу. Замерла в позе модели из эротического календаря.

— Ну? — спросила она, оглянувшись через плечо.

— Грандиозно! — восхищенно вздохнула Карина. — Такую вещь на такую фигурку отдать не жалко.

— Не подлизывайся. Мы с тобой, как из одной пробирки. — Лиза сменила позу, закинув руку и запустив пальцы в волосы. — Но у меня волос побольше. Только и всего.

Она развернулась, положила руки на бедра, привстала на цыпочки и оглянулась на зеркало.

— Хочу на попку татушку, как у тебя.

— Как у меня не получится. Мне папа делал.

Лиза посмотрела на погрустневшую подругу. Присела на угол стиральной машины.

— Ты его очень любила?

— Больше, чем отчима.

— Кариш, давай без слез.

— А я и не плачу. — Карина

провела пальцем под глазами. — Спасибо тебе, Лиз. Дома я бы повесилась. Все родня армянская с утра такой вой подняла, что самой волком завывать захотелось. Хорошо, что ты дома оказалась... Классно мы по магазинам прошвырнулись, да?

— Между прочим, знаешь, сколько денег ухнули? — Лиза округлила глаза. — Немерено!! Почти по полторы «штуки»! Я чеки пересчитала.

— И черт с ними! — отмахнулась Карина. — Не в деньгах

счастье. А ты совсем немкой становишься. «Чеки пересчитала»!

— А я всегда все подсчитываю. Еще маленькой сдачу ныкала, научилась. Если мою мамашу не обсчитывать, фиг бы я карманные деньги видела.

Она наклонилась, из брошенного на пол халатика достала пачку «Мор» и зажигалку. Закурила, выпустив дым в потолок.

— Когда мама умерла, я неделю боялась войти в ванну, — начала она другим голосом. — Потом плюнула на все и решила жить. Первым делом прочесала все магазины. Накупала столько, что соседи, наверняка, стуканули в полицию. У немцев это

по счету раз! Я решила не палиться, и придумала такую фишку. Наберу ворох шмоток — и часть возвращаю в магазин. Нужное оставлю, а барахло — верну. Нужное оставлю — барахло верну. Соседи подуспокоились. А я тогда демонстративно пошла к психоаналитику жаловаться. Они и успокоились. — Лиза коротко хихикнула. — Психу я такую лапшу навешала! Типа: мама умерла, а меня на покупки пробило. Псих за десять сеансов меня успокоил. Оказалось, у них манией покупок страдает. Нахапают от жадности, а потом бзик проходит, они каются и тащат все обратно.

Прикинь, стоят магазины, товаром под завязку забитые, а люди из них туда-сюда шмотки таскают. Никакого сбыта, фикция одна.

— Я такое в Париже видела.

— Ну тогда что я распыляюсь? — махнула рукой Лиза.

Карина протянула руку, коснулась мокрыми пальцами ее колена.

— Ну Лиз! Теперь тебя плющит.

— Ай, ерунда! — Лиза вскинула голову. — Мы с тобой живем лучше всех, потому что по полной программе за это заплатили. Не знаю, как ты, а я любой глаза выцарапаю, кто моему наследству позавидует.

— Было бы чему, — фыркнула в воду Карина.

— Ага! Про тебя молчу, возьмем меня. Золотая «Виза», машина, байк, дом в Германии, эта квартирка, — Лиза загибала пальцы, пока они не кончились. — Шмоток любых, косметики — выше крыши. Куда хочу, туда поеду. Хоть завтра. Да за такую жизнь любая ноги раздвинет так, что до ушей лопнет!

— Но ты же никому не давала.

— В том-то и дело. Только теряла! — Лиза стряхнула пепел в раковину. — Ладно, мать, мой голову. Сейчас Глеб приедет.

Карина окунулась с головой. Быстро вынырнула, выплюнув воду.

— А ты так и не сказала, где такого мужика отхватила.

— Разве? — удивилась Лиза.

— Ну что я, вру, что ли!

Лиза затянулась сигаретой.

— В Интернете познакомились.

— Да?

— Два! — передразнила ее Лиза. — Уметь надо. Кстати, что такое «лобо»? У него такой ник [\[60\]](#) был.

Карина закатила глаза к потолку.

— Хомо хомо лобо эст, — произнесла она, подумав. — Человек человеку — волк. Лобо — это волк на латыни.

— М-да? А я, дура, думала, что от «Лобов». А впрочем, какая

разница.

— И как он?

— Ты же видела.

— Я не о том.

— А-а! — Лиза гортанно хохотнула. — Животное. В прямом и переносном смысле. Даже страшно иногда становится. Честное слово!

— Так пошли его.

— Ага, разбежалась! — Лиза затаилась, хитро блеснула глазами. — Я тут на днях одного мальчика из приличной еврейской семьи трахнула. Что вылупилась, ну был грех! И знаешь, что я поняла? Глеб, тварь, он, как наркотик. После него... Как бы это сказать? — Лиза пощелкала пальцами, подбирая

слова. — Стерильно, что ли... Пресно как-то. Одно слово — наркотик. Только посмотрит своими глазищами, я сразу теку. Противно, а ничего поделать с собой не могу.

Карина ее слушала внимательно, не сводя взгляда с раскрасневшегося лица Лизы.

— Брось его, Лизка, — тихо сказала Карина.

— Не дождетесь. Мое! — Лиза с вызовом посмотрела на Карину. — Своего Максима бросай.

— Он — другой.

— Что-то мне так не показалось. — Лиза закинула ногу на ногу. — Чтобы ты знала, он ко мне клеился. Правда, правда! Когда с

похорон его до Москвы подвозила.

Карина поморщилась.

— Ой, только не надо трындеть.

— Клянусь!

Карина легла головой на воду.

Сказала в потолок, вода попала в уши, поэтому получилось громче, чем хотелось:

— Если бы пристававал, ты бы никогда не призналась.

Лиза что-то сказала, скорчив козью морду. Что сказала, Карина не расслышала, но на всякий случай ответила:

— Сама — звезда!

Лиза вдруг резво спрыгнула со стиральной машины.

Карина вынырнула.

— Что?

— К ночи помянули, он и приперся. — Лиза подхватила с пола халатик.

В прихожей запиликал звонок.

Лиза сунула в пальцы Карине наполовину выкуренную сигарету и выбежала открывать дверь.

* * *

По квартире перемещались два голоса: высокий, вздернутый — Лизы и грудной, с дребезжащей трещинкой — Глеба Лобова. Они ходили друг за другом и говорили, то в унисон, то наперебой, то

поодиночке.

Карина подняла ногу, большим пальцем начертила на влажном кафеле острую скобку. Погрузила ногу в воду. Вытянулась.

Затянулась и стала неотрывно смотреть на значок на стене. [\[61\]](#)

Губы ее беззвучно шептали странные слова. От легкого дыхания по воде пошла мелкая рябь.

Через минуту звуки смолкли. Уши залепила глухая тишина. Стена поплыла перед глазами.

Беззвучно отворилась дверь. Глеб Лобов остановился на пороге.

Почувствовав на себе его взгляд, Карина медленно повернула голову.

Взгляды их встретились.

Ноздри Глеба хищно
раскрылись. В глубине зрачков
заплясал оранжевый огонь.

Карина разлепила теплые губы.
Провела языком, слизывая влагу.

— Я лучше, чем моя мама? —
прошептала она.

Глеб вздрогнул. Оранжевый
огонь в глазах моментально погас.
Зрачки затянуло прозрачным льдом.

Он ничего не ответил. Шагнул за
порог, закрыл за собой дверь.

* * *

Карина встала перед трюмо,
критически осмотрела свое

отражение.

Сняла ожерелье из зубов и ракушек, предложенное Лизой.

Вытащила свой медальон и повесила поверх черного шелкового топики.

— В масть! — прокомментировала Лиза, встав за спиной.

Сама нарядилась так же декадентски хищно: черная кожа, черный шелк, много грима и наготы.

— Что за клуб, ты хоть знаешь? — спросила Карина.

— А, была раз с Глебом. И пару раз одна. Почти одна, — уточнила она. — Так себе гадюшник. Видали мы и покруче.

— Публика там хоть ничего? — с подозрением спросила Карина.

— Как везде. Менагеры и макджаберы^[62]. И их курицы. Шестьсот баксов оклад, а гонора, как у миллионеров. Правда, в этом клубешнике нормальные музыканты тусуются. Классные рок-н-рольные ребята. Патлатые, обдолбанные и злоеб... — Лиза смазала окончание слова. — Короче, то, что нам нравится. И телки у них ничего. Наш контингент.

Она ноготком поскребла темно-красную помаду в уголке губ. Облизнула их острым язычком. Улыбнулась, выставив идеальный ряд зубов. Покрутила головой, не снимая

с лица натянутую широкую улыбку.

— Порядок, все мужики наши, — констатировала она.

Лиза потеснила Карину, с озабоченным видом наклонилась над строем флакончиков с духами.

— Чем побрызгаешься? — спросила она у Карины, не поднимая головы.

Карина отошла к креслу. Взяла сумочку. Достала из нее дорого выглядящую коробочку.

— Лиз, — позвала она.

— О-у? — Лиза оглянулась.

— Лови!

Карина бросила ей коробочку. Лиза неловко поймала, прижав к груди. Рассмотрев, издала

восторженный вопль.

Подскочила к Карине, чмокнула в щеку. Спohватилась, потерла ей щеку.

— Кариш, это же «Айсберг»! У меня как раз капля осталась. Где взяла?

— Места знать надо.

— И ты, сволочь, весь день молчала?

— От тебя не заныкаешь — сюрприз не получится.

Лиза фыркнув, обняла Карину и выскочила из комнаты.

На кухне раздался ее возбужденный голос.

Карина села на тахту, заваленную пакетами с покупками.

Детальной примерки они устроить не успели. Так, распотрошили все подряд, наспех прикладывая к себе обновки.

Из внутреннего кармана своего старого плаща Карина достала круглую палочку сантиметров в двадцать длины, обтянутую кожей. Нажала на бронзовое кольцо, обхватившее центр палочки. Щелкнула пружина. Половина чехла отъехала от кольца, обнажив тонкое лезвие стилета.

Карина ткнув тупым концом палки в ладонь, вернула чехол на место.

Ослабила шнуровку на высоком ботфорте. Попробовала засунуть

стилет в сапог. Ойкнув, вытащила назад.

Покусав губку, осмотрелась. Сорвала с подарочного пакетика черный шнурок. Захлестнула две петли на стилете. Приложила к ремню.

Чтобы продеть концы шнурка под ремень, как она планировала, пришлось откинуться на спину, вставать было лень.

Карина, едва коснувшись головой крохотной подушки, сморщилась от боли.

— Еп-с, — со свистом слетело с ее губ.

Она приподнялась, поглаживая ушибленный затылок. Отшвырнула в

угол подушку. И обмерла.

На тахте лежал пистолет.
Короткоствольный дамский
«магнум».

Активные мероприятия

Срочно

Владиславу

Объект Агитатор на
машине марки «мицубиси
экслипс» (гос. номер
У 313 МО 77),
принадлежащей гр-ке
Данич Е.В, проследовал в
ночной клуб «Последний
приют».

Объект сопровождает

Карина Дымова.

Наблюдение

продолжаю.

Прошу
дальнейших указаний.

Зоркий

Глава двадцать девятая.

Песнь волка

Создатель образов

В клубе дым уже стоял коромыслом. Атмосфера, созданная стараниями музыкантов и бармена, способствовала дружбе и быстротечной любви.

Несмотря на весь сумбур и гвалт, большая часть зала обратила внимание на вошедшую троицу. И не могла скрыть восхищения.

Стиль, грация и порода покоряют всех. Особенно гипнотизирующе действуют на тех,

кто обделен этими тремя качествами истинного аристократизма.

Глеб, статный, лобастый, с сужающимся книзу лицом, оканчивающимся кляксой бородки, походил на готского короля. Узкий в талии жилет. Шнурок с серебряной индейской бляхой вместо галстука. Перстень с тусклым черным камнем на мизинце.

Лиза Данич с высоко заколотыми локонами, вся в черной коже и прозрачном шелке, являла собой образ чистой красоты. Из романов Лофкарта и Брема Стокера^[63].

Карина... Черный плащ, переброшенный через руку.

Ботфорты на высоком каблуке, кожаные обтягивающие джинсы, короткий топик. Серебряный оберег викингов между острыми бугорками маленьких грудей. Она походила на юного оруженосца, хлестко-гибкого и отчаянно смелого. Судя по решительной складке губ и отрешенному выражению лица, юный воин выступил в свой первый самостоятельный поход.

К ним подлетел менеджер зала, средних лет мужчина в распахнутом пиджаке с бэйджиком на лацкане.

— Глеб, добрый вечер! Дамы! — он отвесил поклон. — Это отпад!

Мужчина находился в средней степени подпития. Мог говорить и

исполнять служебные обязанности, но ровно на столько, на сколько мог. И не больше. Но получалось забавно.

— Наш столик? — спросил Глеб.

— Несмотря на угар и светопреставление в финале... — Мужчина поднес ладошку к губам. — Прошу простить! Стол сохранен в целости и неприкосновенности.

— А у вас тут весело сегодня, — светским тоном произнесла Лиза.

— Ха! Вы чуть-чуть опоздали. «Лакрима Кристо» лабали. Так народ завели, что девок со столов снимать пришлось. — Он достал платок, промокнул влажный красный лоб. — Сейчас перерывчик. А второе

отделение поспокойней. Какой-то индеец с дудкой.

Он отступил, оттеснив спиной толкущихся у бара, широким жестом указал троице путь к столикам за низкой перегородкой.

— Пра-ашу.

Глеб провел дам к столику. Каждой галантно придвинул стул, помогая сесть. Окатил холодным взглядом битком набитый зал и сел во главе стола, лицом к сцене.

Карина с интересом разглядывала интерьер и публику.

— Ни грамма роскоши, а шикарно. Чей это клуб?

Глеб наклонился и прошептал:

— Только по секрету. Мой.

— Правда?

— Для тебя — да. Для налоговой — нет, — ответил Глеб. — Для отстегивания налоговой этот попка-дурак нанят.

— О чем вы шепчетесь? — спросила Лиза, положив пальцы на запястье Глеба.

Он медленно освободил руку.

— Девочки, ужинаем или пьем?

— Пьем! — в унисон ответили девочки.

Глеб рассмеялся. Вскинул руку, подзывая официантку. Она давно ждала команды, но через толчею тел пробила с трудом.

Запыхавшись, встала у столика с блокнотиком наизготовку. Девчонка

была ровесницей Карины. Не удержалась и быстрым критическим взглядом осмотрела подруг. На ней самой был тонкий темный свитерок в обтяжку и брючки в тон. Очевидно, чтобы было удобно сновать в тесноте между столиками. А в таком безденежно-богемном интерьере мелькать голыми ногами выглядело бы чересчур вызывающе. Не тот стиль.

— Мне шампанского, — первой заказала Лиза. — Сухого.

Глеб перевел вопросительный взгляд на Карину.

— Водку и апельсиновый сок. Все отдельно, — уточнила она для официантки.

— Здесь не подают водку, — ответил за девушку Глеб.

— Вот тебе раз! — удивилась Карина.

— Политика клуба. Где есть пиво, нельзя продавать водку. Иначе сделают ерша и уйдут в штопор. Никакой выручки, только грязь по углам.

Карина дернула плечиком.

— Тогда коньяк.

— А вина не хочешь? Вино здесь отличное. И пиво питерское.

— Нет. Я стараюсь не пить, что бродило и гнило.

Глеб послал ей острый взгляд.

— Итак, мы будем коньяк! — Он обратился к девушке. — Скажи

бармену, что для меня. Он поймет.

— Я что, одна буду шампанское? — возмутилась Лиза.

— Допьешь — подключишься к нам. И орешков каких-нибудь, лимончик настрогай, — продолжил он. — Девочки, точно есть не хотите?

Лиза отвернулась к пустой сцене. А Карина ответила:

— Позже, наверное.

Глеб жестом отослал официантку.

Закурил. Посмотрел в глаза Карины. В них был тихий смех.

Глеб усмехнулся.

— Расскажи что-нибудь веселое. — Карина положила

подбородок на кулачок,
приготовилась слушать.

Глеб, задумавшись, сделал пару
глубоких затяжек.

— Философию бизнеса я изучил
на кафедре животноводства
Сельхозакадемии. Начал в
биологическом кружке при ДOME
пионеров, а в академии прошел
полный курс.

Карина не знала, как
отреагировать: на губах Глеба играла
ироничная улыбочка, а в глазах под
пленкой предельной усталости
пряталась боль. На всякий случай
улыбнулась.

— Вот, никто не верит, — Глеб
по-своему интерпретировал ее

замешательство. — А тем не менее это так. Причем я имею в виду не обычную мелкую фарцовку, хотя тогда другого бизнеса попросту не существовало. А именно Бизнеса. Короче говоря, совершил открытие на уровне Маркса. Только «Капитал» писать не стал. Взял грех на душу, утаил правду от современников и потомков. Ты Маркса не читала?

Карина наморщила носик.

— И правильно сделала. Четыре тома вот такой толщины — Глеб показал на пальцах. — И все ради того, чтобы с немецкой обстоятельностью показать, как один человек присваивает продукт, произведенный десятью. Но ни

строчки о том, а почему это происходит.

— В самом деле, почему? — подхватила Карина.

— Потому что так мы устроены! Например, один деятель подсмотрел, как вожак мартышек раздает стае бананы, которые он лично достал с пальмы. Ура, — заорал ученый, — вот оно — доказательство врожденной предрасположенности к коммунизму и гарантия его неминуемой победы во всемирном масштабе.

Карина прыснула в кулачок.

— Зря смеешься! Человек на этом кандидатскую защитил и в партию вступил. Благодаря

мартышкам в люди выбился. — Глеб
стряхнул столбик пепла с
сигареты. — Сразу же нашлась толпа
последователей и продолжателей. Но
ажиотаж вокруг обезьяньего
коммунизма быстро затух. Более
длительные наблюдения показали,
что вожак раздает бананы перед
длительным переходом к новой
стоянке. А в конце пути. Если на
новом месте бананы не растут, силой
отнимает и хомячит сам. Фактически
использует собратьев в качестве
носильщиков, вот и весь альтруизм.
Вот так! Павлиан краснозадый
«Капитал» явно не читал, но
действует сугубо по науке.

Карина отметила, что теперь у

Глеба смеются глаза, а на губах кривится улыбка, словно они, губы, силятся не пропустить наружу боль и кровь, скопившиеся под сердцем.

— Так я и сколотил первый миллион. Как павиан. — Глеб сделал обезьянью рожу. — Правда, правда! Кооперативы только разрешили. А я тогда председателем студенческого совета был. Увидел, как вьетнамцы на себе тюки с барахлом в общагу тащут. И сразу сообразил, вот он — миллион. Пошел к декану и добился, чтобы общагу передали студентам в самоуправление. Модное тогда слово было, декан мне долго руку тряс за инициативу. Получил я ключи от входной двери, поставил на пост двух

боксеров-полутяжей, чтобы порядок блюли. Отловил старшего среди узкоглазых и назначил плату за вход и выход. Уж не помню сколько с тюка.

— И на этом сделал миллион? — усомнилась Карина.

— За семестр! — Глеб усмехнулся. — Не веришь? А ты посчитай, сколько вьетнамцев за день снует туда-сюда. И каждый на себе по пять баулов норовит принести-унести!

Официантка принесла заказ. Сноровисто расставила бутылки, блюда и рюмки. И пропала в толпе.

Глеб открыл бутылку шампанского. Налил до пенистой горки в бокал Лизы.

Осмотрел этикетку на бутылке французского коньяка.

— Порядок, из моих запасов, — объявил он, указав на крохотную метку к нижнем углу.

Налил в рюмочки-наперстки Карине и себе.

— За что пьем?

Он спохватился и посмотрел на Карину. Она отрицательно повела головой. Первой чокнулась с его рюмкой, потом с Лизиной.

— За мертвых уже сто раз пили. Давайте за нас, живых. Красивых и удачливых!

Лиза выдавила кислую улыбку и сделала большой глоток.

Глеб лишь дрогнул уголком губ.

— Хороший тост. Короткий и четкий. Тебе в рекламе надо работать.

Он медленными глотками выцедил коньяк. Прикусил лимон.

— Хочу еще про обезьян! — Карина отставила полупустую рюмку.

— Без проблем, — с готовностью отозвался Глеб. — Тем более что обезьяны научили меня любви.

Карина подняла брови, изобразив немое удивление.

— Без пошлостей! — предупредил Глеб. — На полном серьезе, что такое любовь я понял еще в кружке. Насмотрелся, осознал

и сделал выводы. На всю жизнь. В те годы особо талантливых пионеров привлекали в качестве дармовой рабочей силы в лаборатории. Меня угораздило попасть к одному лысому «кадидубу». Вот фашист был так фашист! Три года подряд ставил опыты на мартышках. Вколет им свой препарат, а потом ждет, когда они сдохнут. Все в журнале фиксирует. Каждый этап агонии. А потом потрошит обезьянок и смотрит, а в каких это конкретно тканях наш препарат отлагается.

— Фу, гадость! — Лиза, внимательно слушавшая и не спускавшая глаз с Глеба, отвернулась.

— Дура, «кандидуб» мечтал

докторскую защитить! На костях мартышек в рай попасть.

— А где же любовь? — Карина переключила внимание на себя.

Он указал глазами на рюмку Карины. Она неуверенно пожала плечами. Глеб капнул в ее рюмку добавку, до краев налил себе.

— Любовь была, какая нам и не снилась! — вздохнул он. — Только этот фашист вдоль клеток пройдет и препарат вколет, так такое начиналось! Клетки трещали, прутья гнулись. Мартышки всеми правдами и неправдами спариваться пытались. Через решетки! Самое странное, что они не могли знать, что через минуту начнут умирать. — Глеб неожиданно

замолчал, пощипал бородку. Пальцы заметно подрагивали. — Вот такая любовь. Накануне смерти.

— Это тост? — Карина подняла свою рюмку.

— Да.

Они через края рюмок посмотрели друг другу в глаза.

Взгляд Глеба неожиданно нырнул в ее зрачки и, Карина отчетливо почувствовала, окунулся в мозг. Борясь с наваждением, она прикусила губку. Но боль не помогла. Воля уже покорно, пластилиново мялась в мертвой хватке Глеба.

Спасла Лиза.

— Глеб, а кто петь будет? — неожиданно вклинилась она.

— Шаман, — коротко ответил Глеб.

Секундного сбоя хватило, чтобы Карина выскользнула. Этого он не мог не понять, увидев спокойную, очень взрослую улыбку на ее губах. И уверенный взгляд.

Глеб резким движением опрокинул в рот рюмку. Задержал дыхание.

— Группа так называется?

— Самый настоящий шаман. Из племени навахо [\[64\]](#).

— Это так круто?

— Очень круто, — серьезно ответил Глеб.

— Да?

— Да! Если я его за свои бабки

из Штатов привез.

Он обвел взглядом зал. Публики стало заметно меньше. Волна случайных тусовщиков схлынула. Остались только свои да те новенькие, которым все здесь пришлось по вкусу.

Менеджер зала попал в поле взгляда Глеба. Его как магнитом подтянуло к их столику.

— Не пора начинать, как считаешь? — Глеб задал вопрос, как отдал команду.

Мужчина осклабился.

— Абориген уже выпил, курнул и даже подул в примерке для наших ребят в дудку. Я не слышал, но ребята хвалили.

Глеб взглядом оттолкнул его от себя.

Мужчина протиснулся между столиками к сцене. Взял оставленный музыкантами микрофон.

— Друзья, прошу тишины!

Шум в зале медленно осел. Последних из громко говорящих попросили заткнуться соседи.

— Такого в нашем клубе еще не было! Самый настоящий шаман великого племени навахо! Седой Волк из рода лягушки, клана волка^[65]. Он будет играть... Нет, не для нас, как вы могли подумать. Он будет играть для древних богов своего народа! Прошу, Седой Волк!

Через зал проследовал мужчина с длинными седыми прядями, свисающими на плечи. Ничего шаманского в нем не было. Обычная ковбойка навывпуск, мешковатые джинсы и стоптанные сапоги. Взойдя неверной походкой на сцену, мужчина повернулся к залу лицом.

— Какой-то бурят-алкоголик, — громко прошептала Лиза в бокал.

Карина отметила, как набухли желваки на скулах Глеба.

Лиза словно против воли повернула к нему голову. На секунду на ее лице возникло выражение неподдельного ужаса. Лиза шмыгнула носом и отвалилась на спинку стула, уйдя в тень.

Шаман уселся посреди сцены прямо на пол. Помощники разложили вокруг него погремухи, барабанчики и метелки из птичьих перьев.

Свет в зале померк. Только один софит высвечивал на сцене круг. В толстом снопе света яркими звездочками кружили пылинки.

Шаман долго разглядывал их, закинув голову. Казалось, он забыл про зал и даже — зачем его вывели на сцену.

Зал никак не выказывал нетерпения. Что для такой отвязанной публики было вовсе не характерно.

Как-то сама собой в зале

образовалась звенящая тишина.

И тогда шаман снял с плеч полоску материи, расшитую бисером. Повязал ее на лоб. Поднял перо, чиркнул им накрест в воздухе и воткнул в волосы.

В эту секунду из бомжеватого старикана он превратился в Шамана.

Рожденный женщиной народа навахо в месяц Волка года Лягушки гордо вскинул седую голову.

По залу ветром в камышах прошелестел восторженный шепоток. И стих. Умерло все.

Седой Волк стал постукивать косточкой по боку тыквы. В густую тишину зала стрелами полетели резкие звуки...

Красная Шапочка

В зале сделалось страшно.

В темноте сновали густые тени, принимая очертания то людей, то животных. Приближались, заставляя в ужасе замирать сердце, отскакивали, успев украсть частичку тепла. От их скользящих прикосновений голые руки и плечи покрылись гусиной кожей, а в животе поселилась холодная лягушка.

Странные, нездешние звуки разлетались по залу, рикошетили о стены, сталкивались, крошились, сыпались наземь, ползли змеями к ногам, карабкались по телу вверх,

царапая когтистыми лапками, вспархивали с лица мохнатыми бабочками и вдруг, взлетев над головой, обдавали мощным взмахом орлиного крыла.

Призрачный, первобытный в своей силе и ужасе мир жил своей привычной жизнью. Не обращая внимания на скованных страхом людей, духи играли, спаривались и убивали друг друга, гибли и возрождались в новых личинах. Их ядовитые, смрадные и благоухающие дыхания, сливаясь и перемешиваясь, порождали наркотическую смесь, вдыхая которую человек забывал о времени, пространстве, своем мире и о самом себе. Душа его, вырвавшись

из омертвевшего тела, бросалась в водоворот призраков, духов и нечисти, чтобы через мгновение стать ничем и всем сразу.

Карина отчаянно боролась с подступающей дурнотой.

А гортанный голос шамана то выплывал из трещотки ритмичных ударов, то тонул в тягучем потоке мелодии, выныривал среди ухающего дыхания барабана и взлетал на сильных крыльях в высокое небо и звал оттуда отрывистым и страстным клекотом орла.

Каждая клеточка тела вибрировала и стонала в унисон с этим голосом. Хрипела и корчилась, когда захлебывался болью он, пела и

оживала, когда навзрыд начинал смеяться он.

Карина что есть силы вонзила ногти в ладонь. То ли сил совсем не осталось, то ли тело уже умерло. Она, как плотка воздуха, жаждала отрезвляющей боли, но не почувствовала ничего.

В сполохах огней и мельтешении густых теней она увидела лицо Глеба.

Их взгляды встретились. В его глазах бился янтарный огонь безумия.

Вдруг огоньки поплыли к ней. Замерли у самого лица. Шершавый горячий язык лизнул ее губы.

Карина отстранилась и прошептала в его ищущие губы:

— За что ты убил его, Глеб?

Горячие влажные губы скользнули по ее щеке к уху. Обожги дыханием.

— Он хотел построить мир с Богом-машиной в центре и компьютером вместо Древа Добра и Зла.

— Только и всего?!

— Разве не достаточно? Посмотри вокруг. Страшно? Но это и есть мой мир. И он прекрасен. Он был всегда и пребудет вовеки. А ваш наскоро сварганенный из плохо подогнанных железок скоро рухнет под собственной тяжестью. И останется только мой мир!

— Нет!!

— Спроси у Седого Орла, он знает!

Карина отшатнулась.

Глеб сидел неподвижно на своем месте. Ноздри хищно вывернуты, глаза уставлены на круг света, в котором, раскачиваясь в такт мелодии, пел свою песню Шаман по прозвищу Седой Орел.

Шаман водил головой из стороны в сторону, седые пряди бились по щекам. Он обшаривал взглядом ночь своего сна, пытаясь найти среди мельтешащих теней и духов того единственного, ради кого он пустился в путешествие в Нижний мир.

Седой Орел замер. В кромешной

темени сна он увидел два янтарных огонька. Зверь смотрел ему в глаза.

И тогда Шаман, сломав ритм, через горло потянул длинную мелодию.

В ней было все, что существует в мире и что останется в нем, когда уйдет последний человек. Сухие губы старика влетали в мелодию вязь страшных слов на давно умершем языке. Люди успели его забыть. Но Зверь должен был помнить. Это от него первые айдахо слышали эти звуки. Страшные в своей первозданной силе, безошибочно разящие, как стрелы, посланные умелой рукой.

И Зверь услышал. Скованный

заклинанием, он выдал себя, выпрыгнув на свет.

Глеб неожиданно вскочил. Разбросал руки, как птица крылья на ветру. Страшно оскалился. И исторг наружу жуткий, рвущий внутренности вой.

Голос Шамана оборвался. А вой Зверя еще долго сотрясал стены.

Они выдержали. А люди нет.

Зал взорвался разноголосицей визгов, вскриков и подвываний.

Через секунду обезумевшая толпа билась в истерике, отбивая кулаки о столы, топая ногами и зверски вращая зрачками страшно расширенных глаз.

В вакханалии, захватившей всех

без остатка, никто не заметил, что со сцены пропал седой старик.

Активные мероприятия

Машина стояла в переулке, откуда хорошо просматривался вход в клуб.

Владислав погладил ладонью ершик седых волос.

— Кстати, Наташа, все хочу спросить. Как ты свои висюльки моешь?

Наташа, с ногами забравшаяся на заднее сиденье, встряхнула головой. Тугие дреды шелкнули по кожи куртки.

— Как и все. Шампунем.

— И не мешают?

— Привыкла. Надоест —

срежу. — Она вздохнула. — Может, я пойду прогуляюсь.

— Нет. Из-за висюлек. —

Владислав в зеркальце посмотрел на Наташу. — Он тебя, извини за намек, как облупленную знает. Спалишься по счету раз.

Наташа фыркнула.

Владислав цокнул языком.

— Не поняла. Придется объяснить. Тебе в «Лагуне» понравилось работать?

— Занимательно.

— То-то. И в нашей работе есть место для маленьких радостей. — Владислав послал через зеркальце

острый взгляд. — Только учти, Наташенька. Одна ошибка — и ты у дока на игле. Далее по всем этапам.

Наташа подобралась.

— Спроси, за что. Отвечу.

— Ну, за что? — с плохо скрытым вызовом спросила она.

— За то, что ошибаются только дураки. А у дурака ума хватит продаться. Чтобы убедиться, что он такой дурак беспросветный, что даже продаться не смог, мы его прогоняем по конвейеру. Только ты не думай, что выдержишь, потому что все уже видела. Ты, как та целка, страшнее пальца еще ничего в жизни не видела!

— Очень образно. — Наташа

отвернулась к окну.

— Зато — доходчиво.

— И что они там так раздухарились? — Она указала на окна клуба, в которых плясали и корчились длинные человекообразные тени. — Полтора часа уже отрываются.

— Отдыхают люди, не завидуй.

В рации, лежавшей на коленях Владислава, дважды пискнул зуммер.

Владислав ответил двойным нажимом на танкету.

— Все, клиент отваливать собрался. Готовься.

— Слава богу! — Наташа вытянула руки со сцепленными пальцами, с хрустом вывернула их в

ЛОКТЯХ.

— А мог бы девок к себе в офис завести. Тогда бы припухали до утра.

— Не-а, не прокатил бы номер. — Наташа усмехнулась. — Тебе, Владислав, не понять. А я только глянула на них, сразу просекла, «амур де ля труа» не прокатит. Девки друг друга порвать готовы.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Забавно у вас все устроено.

— Хочешь посмотреть?

Владислав развернулся, обжег Наташу холодным взглядом.

— Смотри, вышли! — Она указала на лобовое стекло.

Владислав рывком развернулся. Положил одну руку на руль. Второй поднес рацию к губам.

— «Круг»! Всем приготовиться, — бросил он в рацию.

Дверь клуба распахнулась, полоса света растеклась по площадке.

По полосе, как по тропинке, пошли, покачиваясь три фигуры. Мужчина вел, обхватив за плечи, двух девушек. Или они поддерживали его. С такого расстояния разобрать было сложно.

Владислав поднес к глазам миниатюрный бинокль.

Дорожка погасла, и фигуры

растворились в потемках.

Владислав чертыхнулся.

Через две минуты фигуры всплыли в пятне неяркого света.

Диспозиция поменялась. Мужчина опирался на плечо одной девушки. Вторая шла сбоку. Вдруг она остановилась. Принялась нервно размахивать руками.

— Кажется, ты была права, — пробормотал Владислав. — Не складывается у них втроем.

Наташа налегла грудью на подголовник переднего сиденья, подалась вперед, чтобы лучше видеть.

Перепалка продолжалась. Девушка зашла вперед, преградив

паре дорогу.

Мужчина махнул рукой, и девушка отлетела в потемки.

— Интересно, кто там ху из ху, — зло усмехнулся Владислав, подкручивая колесико фокуса. — Одинаково одеты, сучки. А лиц... Вот, черт.

Пара сдвинулась с пяточка света и пропала из глаз.

— Братъ здесь будем? — напряженным шепотом спросила Наташа.

— Как карты лягут. Но лучше, конечно, не дать ему сесть за руль.

Владислав обшаривал биноклем темный участок от тыльной стены типографии, к которой присоседился

клуб, до ближайших домов, светом окон освещавших асфальтовую дорожку.

Дикарь

Он знал, что век зверя короток. Слишком многим нужна твоя жизнь, чтобы протянуть хоть на день собственную. И слишком много охотников, выцеливающих тебя забавы ради или по какой-то только им ведомой нужде.

— Как я от вас всех устал! — тихо простонал Дикарь.

Впереди была стена. За спиной — охотник.

Он сотни раз представлял себе,

как оно будет. Каждый раз последний миг перед щелчком капкана или прицельным выстрелом представлялся по-новому. Не угадал!

Сейчас пред ним была сырая облупившаяся кладка типографской стены. А за спиной — всего лишь девчонка. Ноздри Дикаря щекотал острый жеребячий запах, исходящей от ее кожи.

Витая струя, упиравшаяся в землю, оборвалась. Дикарь застегнул штаны.

— Слушай, брось все и иди за мной, — произнес он, не оглянувшись. — Мы с тобой одной крови, я сразу это понял. Только увидел, сразу понял — мое! У нас

получится, я точно знаю. С этой дурой, — Дикарь нервно дернул головой, указав куда-то вбок, — ничего бы не вышло. Нет в ней этого. Одни понты и пафос. А ты — другая. Настоящая. Вместе мы продержимся. Я сейчас сигану через флажки. Беги со мной!

— Ну побегу, а что дальше? — раздался за спиной чуть хриплый от напряжения голос.

Дикарь, закинув голову, хохотнул.

— Дальше эти идиоты сделают все, чтобы мир рухнул! Они ни на что не способны, мне ли этого не знать! Ни убить, ни ребенка сделать не способны, а взялись спасать мир!

Полудохлые импотенты, кролики саблезубые. А мнят себя львами! Когда все рухнет и сгорит к чертовой матери, придет наше время. Мы родим новое племя двуногих зверей. Сильных, мудрых и хищных. Настоящих царей природы.

— Ты псих, Глеб. Просто нежить.

Он круто развернулся.

— Хоп! — только и услышал он.

И следом стальная оса ужалила в грудь, чуть выше индейского медальона...

Активные мероприятия

Рация неожиданно ожила.

— «Первый»! У меня — два «щелчка»! Как понял? Два «щелчка»! — все с теми же нотками паники повторил мужской голос.

— Кто? «Второй», кто стрелял?! — прорычал Владислав в рацию.

— Не видел. Только слышал «щелчки».

Владислав скрипнул зубами.

— «Круг»! Сопровождавших «Архитектора» задержать! — Он отдал команду своим обычным, лишенным эмоциональной окраски голосом.

Снял машину с ручного тормоза. Завел мотор.

И неожиданно рванул с места

так, что Наташу швырнуло на заднее сиденье.

Разметав колесами лужу, машина вырвалась из засады. Заложила крутой вираж и на полном ходу нырнула в темный проезд, ведущий к клубу.

* * *

У облупленного каменного забора типографии скопилась темнота густая, как чернила.

Пришлось включить точечные фонарики. Острые лучики заскользили параллельно земле, высвечивая пологие бугорки и кучки

мусора.

— Есть! — раздался справа свистящий шепот Наташи.

Владислав, не выключая фонарик, встал с корточек и пошел на звук.

Глеб Лобов лежал навзничь на спекшейся грудке бумажной трухи.

Переворачивать не пришлось, чтобы найти раны.

Рубашка лоснилась от крови. Чуть выше индейской бляхи чернели две маленькие дырочки.

— Точно в аорту, — произнес Владислав. — Чистая работа.

Сидевшая на корточках Наташа подняла белое в темноте лицо.

— Что делать? — прошептала

она.

Владислав промолчал. Смотрел куда-то поверх среза забора.

Очнулся и коротко выдохнул:
— В машину!

Наташа подскочила, рванулась вперед, к узкой дорожке.

Владислав цепкими пальцами поймал ее за локоть. Развернул к себе лицом.

— Дура. Его — в машину, — отчеканил он.

В клубе раздался новый всплеск подвываний и глухой топот. Из высоких окон наружу сочился багровый свет, заляпанный черными разводами теней.

На запрокинутом лице Глеба

плясали тени. Багровые отблески
тускло вспыхивали на страшно
выкаченных глазах.

Глава тридцатая. «Дороги, которые нас выбирают»

Странник

Максимов уронил руку с дивана, на ощупь нашел пиликающий мобильный.

Протер глаза и уставился на дисплей.

— Ненормальная, — недовольно пробормотал Максимов, разобрав цифры номера.

— Да, Лиза, слушаю.

В трубке слышалось дыхание. На заднем фоне на полных оборотах низко гудел движок автомобиля.

Максимов отчетливо представил себе приплюснутый «мицубиси эклипс» Лизы, торпедой несущийся по ночному городу. Невольно поежился.

«Нет, не везде хорошо, где нас нет. Если гонит, как тогда, с похорон Матоянца, да еще так же „под шафэ“, может легко оказаться без башни. В прямом смысле», — подумал Максимов.

— Слушаю!

— Максим, я хочу вас видеть, — после паузы промяукала Лиза.

— Законное желание, но не вовремя.

— Ты не один?

— Какая разница, если я уже

сплю!

— Могу объяснить. Вот приеду... И объясню.

Максимов промолчал, закусив губу, чтобы не сказать все, что подумал.

— Хочешь меня, Максим? Я тебя — очень, очень, очень!

«Так, пол-литра как минимум приняла, — определил по придыханиям и шепелявости Максимов. — Выросли девочки, нечего сказать».

— Ну, давай адрес, Максим! — потребовала Лиза.

— Карина с тобой?

— А-а-а. А я губу раскатала! Карина, как же... Пять «лимонов»

наследства.

— Слушай, девочка, я же и по попе ремнем дать могу!

— Пра-а-вда-а? Как мило! Я уже штанишки снимаю.

— Так, овц... девочка, — с трудом поправил себя Максимов, — Карина с тобой?

— Козел! — выплюнула Лиза. — А насчет Карины позвони Глебу Лобову. Семьсот сорок пять, пятнадцать пятнадцать. Он как раз сейчас на ней лежит. А я...

Связь оборвалась.

Максимов нажал на повторный набор. Но Лиза трубку не взяла. Терпения Максимова хватило дожидаться десятого гудка.

Он потер переносицу. Потом поскреб затылок.

Прошел к столу, включил настольную лампу. Из стаканчика для карандашей вытряс пластинку сим-карты.

«Биплюсовская» ни разу не задействованная карта — гарантия сохранения инкогнито.

Заменив сим-карту в телефоне, Максимов набрал номер Лобова.

Абонент на связь выходить не захотел. После десятого гудка Максимов нажал на кнопку отбоя.

Отложил телефон. Сел, подперев голову руками.

Часы равнодушно показывали пятнадцать минут второго. Им,

железным, было все равно, как и на что убивают время люди.

За неполных три часа глубокого забытья, в которое погрузил себя Максимов, организм едва успел прийти в себя. Но грозился объявить лежащую забастовку, стоило подумать, что надо встать и действовать.

Максимов отлично знал себя. Будет надо, встанет, никуда не денется, и сделает, что требуется. И еще чуть-чуть сверх того. Но сейчас отчетливо чувствовал, что надо сидеть неподвижно и слушать себя.

Что-то явно изменилось в мире. Произошло что-то чрезвычайно важное. И незримые волны

изменений уже покатились, круша и опрокидывая планы одних, неожиданно вознося к вершине других и безжалостно сталкивая в бездну третьих.

Надо только подождать. Не тревожить себя. И обязательно, если не услышишь, то почувствуешь накат невидимой волны.

Активные мероприятия

Наташа показала Владиславу номер, высветившийся на дисплее мобильного.

— Ничего не говорит. Ладно, потом «пробьём». Продолжай.

Они работали в паре, как и было

приказано, удалив всех, не посвященных в подробности операции.

Не их вина, что вместо живого Лобова на «спецобъект» пришлось везти его труп. Их дело довести операцию до логического конца. До финального укола в живот. Рано или поздно это все равно произошло бы.

Так рассудил Владислав. Он позволил себе лишь одно отступление от плана. Вместо объекта «Раздолье», куда пришлось бы пилить через весь город, загнал машину в гараж типографии. Сторожу дал на водку и объяснил по-мужски прямо: негде бабу оприходовать. Сторож внял и

испарился.

Наташа отбросила мобильный Лобова на кучу его одежды. Присела рядом с полураздетым трупом. Скальпелем распорола белье. Выдернула, скатала в ком, отбросила за спину.

Владислав, прокручивая, снял с мизинца Лобова перстень с черным камнем.

— Так, почти все.

Он встал, прошел к машине. Нагнулся в салон.

Вернулся, опустился на одно колено, протянул Наташе флакончик с водой и пузырек с белым порошком, шприц.

Она осторожно взяла их. Пальцы

от белесой резины хирургических перчаток казались мертвыми.

— Куда колоть? — спросила она.

— Лучше в живот.

Владислав встал, отступил, ногой сдвинул в сторону кучу одежды. Присел на корточки над люком в бетонном полу и засунул палец в дырку в центре крышки. Натужно всхлипнув, потянулся, как штангист, вверх. Оторвал люк и, качнув, сдвинул в сторону.

По гаражу поползло облако канализационных миазмов.

Владислав ногой сдвинул крышку, полностью открыв зев люка.

— Сделала?

— Да, в живот. Четыре «кубика».

— Помоги. Берись за ноги.

Вдвоем они подтащили труп к люку.

— Дальше я сам.

Владислав отстранил Наташу. Подхватил труп под мышки и ногами вперед медленно опустил в люк. Разжал борцовский захват, и Лобов ухнул в удушливо воняющую преиподню.

Владислав отряхнулся и молча пошел к машине.

Наташа сгребла одежду, разбросанную по полу, в большой черный пластиковый мешок. В другой, обычный, какие выдают в

супермаркетах, сложила документы и мелкие личные вещи Лобова. Покрутила в пальцах перстенок и тоже бросила в пакет.

Владислав ждал ее, облокотившись на капот машины. Курил, устало щуря стального цвета глаза.

— Что дальше? — спросила Наташа, уронив пакеты себе под ноги.

— Подождем час. Проверим, как он там растворился, и отвалим спать.

— Я не о том спрашивала. Нас за провал на конвейер швырнут, да?

Владислав посмотрел ей в глаза. Усмехнулся.

— Не сегодня. Начальство еще

спит.

— Да пошел ты!

Наташа махнула рукой, открыла дверцу, забралась в салон, легла на заднее сиденье, вытянув ноги наружу.

«Толк из девки будет, — отметил Владислав. — Только прическу сменить надо».

Он затоптал окурок. Открыл дверцу. Лег на водительское сиденье, закинув руки за голову. Ноги, как и Наташа, выпростал наружу.

С минуту Владислав разглядывал обшивку на потолке салона. Потом закрыл глаза и забылся чутким сном сторожевого пса.

Оперативная обстановка

*Срочно
Владиславу*

При преследовании
машины «мицубиси
эклипс», принадлежащей
Елизавете Данич,
наблюдал, как водитель,
превысив скорость, не
справился с управлением,
вылетел на встречную
полосу и столкнулся с
«уазом» ППС ОВД СВАО г.
Москвы.

При столкновении
водителя выбросило из
машины через лобовое

стекло.

Труп гр. Данич
опознан сотрудниками
милиции по найденным на
нем документам.

Зоркий

Странник

В подъезде глухо грохнула дверь.
Стальное эхо волной покатилося по
этажам.

Ожил и заскрежетал на стыках
лифт.

«Раз, два, три, четыре, пять,
шесть», — считал Максимов
клацающие удары.

На шестом, его этаже, лифт замер. Со скрипом разъехались створки.

По бетону неверной походкой процокали каблучки. Замерли у двери Максимова.

Он прошел в прихожую. Свет включать не стал. Посмотрел в глазок. Быстро провернул ключ в замке, сбросил цепочку, распахнул дверь.

Карина со слабой улыбкой на лице стала оседать. Максимов успел подхватить ее. На руках отнес в комнату. Уложил на диван.

Вернулся, прислушался к гулкой тишине подъезда, закрыл дверь.

Карина успела распахнуть плащ

и широко разбросать руки. Максимов с неодобрением покосился на ботфорты, удобно устроившиеся на спинке дивана. Наклонился над Кариной. Уловил свежий коньячный перегар, слетающий с ее раскрывшихся горячих губ.

Поправил медальон с руной, скатившийся под мышку.

Повел носом, принюхиваясь. Сквозь цветочный аромат духов и горячую испарину Каринино тела проступал хорошо знакомый, опасный, как сама смерть, запах.

Он осторожно поднял правую кисть Карины. Поднес к носу.

Пороховой нагар. Ошибиться было невозможно.

Максимов отступил. Беззвучно опустился в кресло.

В призрачном свете, просачивающемся в квартиру сквозь черные ночные стекла, лицо Карины на секунду показалось ему необратимо изменившимся.

Так выглядят любимые, которых слишком долго ждали из дальних странствий.

Вместе со знакомыми чертами они приносят на своем лице загар чужих солнц, удары чужих ветров и ласки чужих рек. В их сердцах еще звучит эхо проклятий, предсмертных стонов и слов любви совершенно нам незнакомых людей. И в зрачках их глаз навсегда отпечатались карты

чужих стран, названий которых мы даже не знаем.

И эти едва заметные следы Дороги делают их для нас чужими и чуждыми. Существами другой породы. Странниками.

Глава тридцать первая.

«Это все, что мы сделали здесь друг для друга...»

Серый ангел

Невыспавшаяся Москва
погружалась в осатанелую суету дня.
Нового в нем был лишь число в
календаре. Обычный серый день в
бесконечной череде будней,
безликих, как толпа в метро. Все, что
творилось, случилось и
планировалось вчера, сегодня, в
сумерках нудного дождя, казалось
смазанным, пресным и вовсе не

важным.

Даже вчерашний порнорепортаж с телом, очень похожим на тело Генерального прокурора страны, на граждан, едущих на машинах и бредущих по тротуару по своим делам, особо шокирующего впечатления не произвел. Жизнь от этой новости не стала ни лучше, ни веселее.

Злобина с Сергеем интимные похождения Генерального касались самым непосредственным образом. Но даже они, работники Генеральной прокуратуры, ограничились лишь понимающими взглядами и сочувственными вздохами. Перебивать косточки — недостойно,

строить версии — напрасная трата времени, возмущаться кремлевскими — попросту глупо. Какие времена, такие и нравы. Если призадуматься, то еще по-божески обошлись. Лучше уж увидеть по телику себя, любимого, без трусов, чем рассматривать фотографии расстрелянной жены и дочери.

Как известно, когда дерутся паны, чубы трещат у мужиков. Но пока Кремль пробовал на крепость шейные позвонки непосредственно Генерального, в прокуратуре возникла тактическая пауза. Мужики для драки и мальчики для порки были временно предоставлены самим себе. Шеф с такой легкостью

дал отгул Злобину с Сергеем, что сразу стало ясно — на работу в ближайшее время можно вообще не ходить. Не до них, рядовых служаек. Потребуется пушечное мясо — вызовут.

Ленинградское шоссе было забито, казалось, до самого Питера. Плотный поток машин едва полз мимо обшарпанных домиков старых Химок.

Сергей нервно барабанил пальцами по рулю, долго и натужно выдыхал, старательно артикулируя матерные выражения. Но вслух при начальнике не выражался.

Злобин сидел насупившись, вперив взгляд в алые стоп-сигналы

ползущего впереди «жигуленка». На заднем сиденье лежал букет белых хризантем. Студеный хвойный запах цветов щекотал ноздри и навевал грустные мысли. На сердце у Злобина с утра лежал пудовый камень, а от похоронного запаха хризантем, заполнивших салон машины, тяжесть и вовсе сделалась невыносимой.

— Неправильные мы прокурорские, — с грустной усмешкой произнес Сергей.

— Это почему? — Злобин не без труда оторвался от невеселых мыслей.

Сергей заметно оживился, как актер, поймавший внимание зала.

— Правильный «важняк»
Генеральной, он как работает?
Живет в «Рэдиссон-Лазурной», пьет
красное сухое, бабы к нему в номер
косяком валят, на диванчике у него
непохмеленный замначальника
МУРа отсыпается, клиенты у него
сплошь умницы, но сами в тюрьму
просятся. Смотрит он на мир
голубым взором мудрого алкоголика,
сохраняет чувство юмора и высокую
потенцию, несмотря на общее
запустение в государстве.

— Ты где такого следака видал?

— По телику.

— Понятно. — Злобин

поморщился.

— Я понимаю, нам так не жить.

Но хочется. Сказали же, мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

— Это мы были рождены, чтобы сказку делать. А вас вообще неизвестно для чего рожали, — проворчал Злобин.

Сергей согнал с лица улыбку. Глаза на секунду словно запорошило пеплом.

— Больно, но правда, — тихо произнес он.

— Извини.

— Вы-то тут при чем, Андрей Ильич?

— Как знать...

Сергей вдруг круто вывернул руль, ударил по педали газа и рывком выбросил машину на обочину.

— Мне это надоело, — объявил он. — Держитесь, Андрей Ильич.

С ревом «Волга» понеслась мимо замершего стада машин, рискуя каждую секунду свалиться в кювет.

У Злобина перехватило дыхание. Но осаждать Сергея он не стал. Похороны Барышникова были назначены на десять тридцать. И вряд ли родственники станут их ждать. Тем более никто не знал, что Злобин придет проводить друга в последний путь.

Жил подполковник запаса КГБ Барышников в пятиэтажке и упокоиться ему предстояло на заброшенном кладбище на окраине подмосковных Химок. Когда Злобин

узнал, где будут хоронить друга, подумалось, что если уж каждому свое и так, то ну эту жизнь на фиг.

Машина сорвалась с шоссе в отвилоч, нырнула под эстакаду и понеслась по пустой однорядной грунтовке.

Сергей расслабленно откинулся на сиденье, но скорость не сбавил. Дорога вела прямо к кладбищу.

— Будем вовремя — произнес он, покосившись на Злобина.

Злобин в который раз подумал, что с помощником ему повезло. Хотя Барышникова Сергей, конечно же, не заменит. Совершенно другое поколение.

На площадке перед воротами

кладбища стоял автобус ритуальной службы в окружении нескольких легковушек. Солидная «вольво» держалась в стороне от отечественных машин, как выбившийся «в люди» отпрыск на поминках дальнего родственника.

Машинально скользнув взглядом по номерам иномарки, Злобин невольно сжал кулаки.

Сергей чутко уловил напряжение, сковавшее тело шефа.

— Что-то не так, Андрей Ильич?

— Этого я и ждал, — обронил Злобин.

Сергей, описав полукруг, припарковал машину у автобуса.

— Проблемы? —

поинтересовался он, поправив что-то тяжелое под курткой.

Лобовое стекло стоявшей в двадцати метрах от них «вольво» отливало черным, высокомерно и равнодушно, как глаза царедворца.

— Тебя они не касаются.

Сергей пожал плечами.

— Возьми цветы и иди к могиле, — распорядился Злобин. — Я догоню.

— А если...

Злобин отрицательно покачал головой.

— Не-а. Не тот уровень.

Сергей перегнулся через спинку, взял с заднего сиденья букет.

Вопросительно посмотрел на Злобина. Тот не пошевелился.

— Ключи я оставляю в замке, Андрей Ильич.

— Хорошо. Иди.

Злобин проводил взглядом его ладную, подтянутую фигуру. Сергей ни разу не оглянулся.

Старые львы

Салин уперся взглядом в тугой затылок Владислава, покрытый густым бобриком седых волос.

«Пепел с солью», — поправил себя Салин.

Болезненно поморщился. Под языком стояла вязкая

нитроглицериновая горечь. Таблетка рассосалась, оставив после себя мерзкий вкус болезни. Но на сердце по-прежнему была тяжесть, а в теле — предательская слабость.

Доклад Владислава поднял с постели в такую рань, что сначала показался продолжением душного ночного кошмара. Несколько часов ушло на то, чтобы прокачать ситуацию и выработать экстренные меры. Салин не без удовольствия отметил, что мозг, несмотря на шок, работал безупречно, но тело... Оно, казалось, износилось до предела.

Решетников тоже выглядел далеко не молодцом. Под глазами залегли свинцового цвета тени. Кожа

на лице от напряжения натянулось так, что разгладились мелкие морщинки, но все равно смотрелось нездорово. Как после неудачной пластической операции.

— Начали, — ровным голосом обронил Салин, увидев, что Злобин вышел из своей «Волги».

Они выбрались из машины почти одновременно. Но Решетников пристроился на полшага сзади. Так решили заранее. Идея делать Злобина принадлежала Салину, ему, стало быть, и работать первым номером.

Салину подумалось, что со стороны они смотрятся как парламентарии двух враждующих армий.

— Здравствуйте, Андрей Ильич, — первым поздоровался Салин.

Решетников ограничился кивком.

Злобин прошил взглядом сначала Салина, потом его партнера, выдержав паузу, произнес:

— Чем обязан?

В чем в чем, а в интонациях Салин разбирался, как настройщик роялей в гармонии. Интонация Злобина, ничего хорошего не предвещала.

Салин покатал языком комочек горькой слизи во рту, с трудом сглотнул.

— Андрей Ильич, здесь нет

дураков. Если я, человек, прошедший миллион бесед, выбрал именно такое неподходящее место и время, значит, на то есть особые причины. И особые обстоятельства. Так что отбросим эмоции и поговорим о деле.

— Я приехал хоронить друга, — глухим от напряжения голосом произнес Злобин.

— Ах, да... Конечно. — Салин посмотрел на кладбищенские ворота. — Барышников работал на нас. И вы напрасно упрекаете меня в бездушии. Павел Степанович, будь добр, просвети Андрея Ильича, пока он не сорвался.

Решетников вышел из-за спины

Салина.

— Семье сейчас не до нас. Они, я уверен, даже не подозревают о нашем существовании, но это не повод умыть руки. Во общем так... Дочь Барышникова на следующей неделе получит предложение о работе в крупной фирме с хорошим окладом. Полторы тысячи долларов в месяц для экономиста ее уровня — манна небесная. Безусловно, девушку никто и никогда уволить не посмеет. Это я гарантирую. Племянник служит в ФАПСИ. Там он и останется. В наши времена в семье кто-то должен иметь «красные корочки» солидной государственной конторы, согласны? — Он не стал

дождаться злобинского
подтверждения столь простой
истины. — Вот и я так думаю.
Повысим парня в должности,
получит майора. Это не трудно.
Вдове, увы, ничем помочь не можем.

— Деньгами, — подсказал
Злобин.

— Это самое простое, найдем
способ сделать это легально и
незаметно. Но я имел в виду душу...

Решетников отступил на
полшага назад.

— Вы удовлетворены? —
спросил Салин.

Он внимательно следил, как
оттаивает замершее лицо Злобина.
Глубокие складки, прорезавшие кожу

от носа к уголкам плотно сжатых губ, стали мельче. Из глаз исчез стальной блеск.

Салин снял с носа очки — морось забрызгала стекла и мешала смотреть.

— Андрей Ильич, время дорого.

— Хорошо, я готов вас выслушать.

Решетников глухо откашлялся в кулак.

— Может, в машину?

Злобин отрицательно мотнул головой.

— Ну что ж. — Салин протер стекла и вернул очки на место. — Вы вели дело Матоянца и вышли на Глеба Лобова. Наше появление здесь

вы, безусловно, привязываете к этому расследованию. Как, почему — пока не знаете. Но пытаетесь, по глазам вижу. Я введу вас в курс проблемы, Андрей Ильич. Во-первых, дело досталось именно вам не без нашего участия. Во-вторых, Матоянц работал на нас. В-третьих, Глеб Лобов — наша головная боль.

— Скоро я вас от нее избавлю, — пообещал Злобин, криво усмехнувшись.

Решетников опять откашлялся.

Салин покосился на него и поймал утверждающий взгляд. Напарник, которому со стороны виднее, давал знать, что, по его мнению, Злобин готов для удара в

лоб.

— Увы, Лобов мертв, — ударил Салин.

Он не без удовольствия отметил, что Злобин великолепно держит удары. Только глаза превратились в хищные щелочки.

— Я могу считать это официальным заявлением? — попробовал пойти в атаку Злобин.

«Тебя легко просчитать, — с невольной грустью подумал Салин. — Как всех честных людей, впрочем».

— Безусловно, нет, — не скрывая легкой иронии, ответил Салин. — Официальное уведомление о пропаже Лобова вы получите по

другим каналам. Специально для этого предназначенным. Мы это организуем. А вот вы...

У Злобина вырвался глухой нервный смешок.

— Я уже работаю у вас?

Салин медленно вытянул руку и взял Злобина за пуговицу на плаще.

— Андрей Ильич, слушайте внимательно и не перебивайте. Отбросьте все личное. В таких делах, поверьте моему опыту, ничего личного быть не может.

Злобин невольно отстранился, но Салин руку не убрал.

— Через Матоянца нам удалось создать технологическую базу для прорыва страны из того дерьма и

безвременья, в котором она пребывает сейчас и обречена пребывать во веки вечные. Но если честно, то технологии способны спасти не только Россию, но и все человечество. Я отвечаю за свои слова — человечество! — Салин выровнял дыхание. — Информация о нашем проекте «Водолей» через Лобова утекла в конспиративные круги Ближнего Востока. О последствиях я боюсь даже думать. Большая часть технологий скрытно размещалась в Ираке. Если об этом узнают Штаты, вторая «Буря в пустыне» гарантирована. Они ракетами законопатят Ирак в каменный век, лишь бы не дать нам в

руки шанс технологического прорыва. А что произойдет, если та часть работ, что вел Лобов, попадет в руки мусульманских фундаменталистов... — Салин уронил руку. — Это будет ад.

Порыв ветра хлестнул по лицам моросью. Сбитые с веток кладбищенские вороны возмущенно закаркали.

— А чем занимался Лобов, кроме пиара? — спросил Злобин.

— А что такое пиар, если не промывка мозгов? — вопросом на вопрос ответил Салин.

Злобин достал из кармана пачку сигарет. Подумал, сунул обратно.

— Если я не дурак, то тут не

обошлось без технологии
профессора Мещерякова, —
произнес он.

Салин вяло усмехнулся.

— Вы не дурак, Андрей Ильич.

— А как вяжется психотронное
оружие с вашими планами светлого
будущего? Опять, значит, из костей
рай строить будете?

— Другого строительного
материала я не знаю, — резко
произнес Салин. — А если знаете,
как заставить людей надрываться
сегодня, чтобы спасти сотую часть
живущих в грядущем катаклизме,
милости прошу. Мы даже поможем
вам въехать на белом коне в Кремль.

— Что вы сказали о

катаклизме? — нахмурился Злобин, оставив выпад без внимания.

«Умница, ничем не сбить с главного», — мысленно похвалил его Салин.

— У нас, подчеркну, — у всех нас — не более двадцати лет. Расчеты верные, и все предзнаменования налицо. Конец света, реальный конец света так близок, что даже уже не страшно. Особенно, когда каждый день только и делаешь, что готовишься к нему.

У Салина вдруг тяжело и обреченно ухнуло в груди. Показалось, что сердце сделалось дряблым комком. Он покачнулся на мгновенно ослабевших ногах.

— Извините, я плохо себя чувствую, — пробормотал он.

— Пойдем в машину! — Решетников взял его за локоть.

— Нет, дело — прежде всего. — Салин отстранился и старательно выровнял дыхание.

— Вы теперь знаете слишком много, чтобы оставаться в стороне, — обратился он к Злобину. — Осталось только решить, на чьей вы стороне. Решите здесь и сейчас, Андрей Ильич.

Злобин вновь достал пачку, сунул сигарету в рот, прикурил, закрывшись от ветра ладонью.

Салину две минуты, пока Злобин выстраивал свою позицию в

чужой партии, показались пыткой.

В глубине кладбища гулко ударил ружейный залп. Вороны, отчаянно горланя, взвились в небо, черными рваными тряпками заплескались на ветру.

— Прощальный салют, — тихо произнес Злобин.

Он уронил сигарету под ноги. Втоптал каблуком в сырое грязное крошево.

Оперативная обстановка

Навигатору

При контакте с
объектом «Маслов»
получил информацию о

срыве антикризисной программы, предусматривающей введение в стране жесткого централизованного управления. Кодовое обозначение программы — «Проект „Водолей“».

По мнению «Маслова» перехват управления над программой произошел в конспиративных кругах Ближнего Востока, в странах которого были скрытно размещены производственные мощности, задействованные в планах

«Проекта „Водолей“». «Маслов» настаивает, что утечка любой информации об участии авторитарных режимов Ближнего Востока в антикризисных программах России значительно обострит международную ситуацию, вплоть до повторения операции «Буря в пустыне».

«Маслов», используя оперативные и корпоративные связи в спецорганах, пытается свести к минимуму угрозу перехвата управления над

«Проектом „Водолей“». В частности мне была поставлена задача заблокировать работу агентства «PRO-PR» Глеба Лобова, рассматривавшегося в качестве основного источника для пропагандистских и психологических материалов при разворачивании Проекта.

Перехожу в режим «свободный поиск».

Серый Ангел

Странник

Максимов курил, стоя у окна. Клубы дыма, ударяясь о холодное стекло, стекали вниз, стелились по подоконнику и, попав в острую струю сквозняка, срывались вниз, закручиваясь причудливыми вензелями.

На влажном белесом налете, покрывшем оконное стекло, темнели три рунических знака. Максимов нарисовал их, обдумывая все, что произошло за эти дни. Нарисовал машинально. Но сейчас, глядя остановившимся взглядом на знаки, чувствовал, как зашифрованная в них информация внедряется в мозг,

превращаясь в программу, выполнения которой может оборвать только смерть.

— Гебо, дагас, анзус, [\[66\]](#) — прошептал он вслух.

Во двор въехал джип.

Максимов раздавил окурок в пепельнице. Набросил куртку и бесшумно вышел из квартиры.

Пассажирская дверца открылась, как только он вышел из подъезда.

За рулем сидел Василий Василевич. Угрюмый и уставший. С первого взгляда было ясно, что прошедшая ночь бывшему шефу службы безопасности холдинга стоила остатков здоровья.

Максимов пожал протянутую руку, удобно устроился на сиденье и сразу же успокоил Иванова:

— Барышня спит, аки ангел. И видит соответствующие возрасту сны.

— Задницу этому ангелу надрать надо, — проворчал Иванов. — И тебе кое-что набить не мешало.

— Бодаться будем? — холодно усмехнулся Максимов.

Иванов чертыхнулся и сразу же обмяк.

— Ладно, замяли. Спасибо, что позвонил. В доме все на уши встали и до сих пор стоят.

— Валите все на меня, — подсказал Максимов.

— Не выдюжишь, — отмахнулся Иванов.

Он хлюпнул носом, полез за платком. Сморкался долго и обстоятельно.

— Черт! Аллергия, что ли, на нервной почве? — Он сунул платок в карман. — Карина во что-то вляпалась? Только не крути, я эту бестию лучше чем ты знаю. С малолетства все ее выходки мне боком выходили. Что там на этот раз?

Максимов посмотрел на его оттекшее лицо. Помолчал.

— Нам надо срочно дергать из Москвы. Допустим, в Париж на учебу. Мотив подходящий, никто не

придерется.

Иванов был профессионалом. Ситуацию просчитал в секунду и без лишних вопросов.

— Как срочно? — спросил он.

— Сегодня.

Иванов медленно отвалился на спинку кресла.

— Вляпалась-таки! — процедил он.

— Можно улететь или нет?

— Да какие проблемы с такими деньгами! — Иванов махнул рукой.

— Кстати, о деньгах. Я принимаю чек.

Иванов повернулся к нему всем телом.

— Не понял? — протянул он.

— Я согласен взяться за контракт Матоянца, — почти по слогам произнес Максимов.

Иванов натужно задышал. Лицо сделалось багровым.

— Ты это серьезно?

— Как писал Матоянц, я недвусмысленно даю свое полное и безоговорочное согласие. К кому мне обратиться за подробностями задания?

Иванов молчал, испытывающим взглядом ощупывая лицо Максимова.

— Карину ты оставишь в покое, — произнес он.

— На время задания — да, — ответил Максимов.

Иванов полез во внутренний

карман. Достал портмоне. Из него — сложенный вдвое конверт.

— Чек, — пояснил он, протягивая конверт Максимову.

Максимов убрал конверт в карман куртки. Приготовился слушать.

Оперативная обстановка

Навигатору

От начальника службы безопасности концерна получил сведения об утечке технологий психотронной войны в конспиративные круги Ближнего Востока. Как установила служба

контрразведки концерна, информацию передал Глеб Лобов, руководитель пиар-агентства «PRO-PR».

Получатель информации скрывается под псевдонимом «Саид эль Махди»^[67]. По данным, требующим проверки, он является бывшим высокопоставленным офицером спецслужб России. В настоящее время «Саид эль Махди» ведет активную вербовку бывших военнослужащих спецназа славянского происхождения для

совершения
крупномасштабной акции.

Информирую, что Глеб
Лобов ликвидирован
Фреей. Принял решение
срочно эвакуировать Фрею,
используя возможности
концерна.

В отношении «Саида
эль Махди» начинаю
«свободный поиск».

Олаф

Эпилог

Есть в мире места, где время останавливает свой сумасшедший бег. Там ничего и никогда не меняется, ничего не происходит. Там, на перекрестке судеб и дорог, можно передохнуть, свериться по карте и идти дальше. Или остаться навсегда. В безвременье и безвестности. Каждый решает сам за себя.

Марсель чутким ухом уловил посторонний звук на улице. Медленно нарастал низкий гул мощного мотора. В пустом склепе тира в унисон гулу завибрировал воздух, пропахший пороховой гарью.

Мотоцикл остановился у дверей

тира. Последний раз взревел и заглох движок.

Марсель опустил левую руку под стойку. Пальцы легли на ребристую рукоятку пистолета. Правая продолжала удерживать перед глазами журнал. Стрелял Марсель свободно любой рукой. И смерти давно не боялся.

Скрипнула дверь. Захрустел песок под тяжелыми бутсами. По лестнице в подвал спустился мужчина в полувоенной одежде: кожаная куртка и армейские штаны, заправленные в бутсы с высокими берцами. Марсель опытным глазом еще издали определил, что носить военную форму визитеру не в

диковинку. Впрочем, основные посетители тира были такими же стреляными воробьями.

Мужчина вошел в полосу света, и Марсель расплылся в улыбке. Отбросил журнал.

Мужчина подошел к стойке. Положил локти на полированную доску. Обвел взглядом фотографии на стене за спиной у Марселя. В центре импровизированного панно красовалась пробитая пулями мишень с надписью губной помадой.

— Из России с любовью, — прочитал надпись вслух мужчина.

— Оставила на память одна милая девушка, — пояснил Марсель, глядя в глаза мужчине.

— Познакомишь при случае, —
ответил мужчина.

— Рюмку кальвадоса, Максим?
Максим кивнул.

Они выпили жгучий спирт, не поморщившись. Дружно хлопнули доньшками рюмок по стойке.

Марсель раскурил окурок сигары. Покатал его в толстых губах. Добродушно щурил глаза черные, с отливом, как у морского котика.

Максим курил сигарету, пуская дым в потолок.

Прошли требуемые пять минут, когда каждый мог отыграть назад. Ни один из них не подал знака, что визит обычный, — так, заскочил бывший клиент пропустить

стаканчик с экзотическим хозяином странного даже для Парижа местечка.

— Мне нужна работа, Марсель. Желательно, на Ближнем Востоке, — понизив голос, произнес Максим.

Марсель подмигнул и удовлетворенно хмыкнул.

«Еще один безумец отправляется искушать судьбу, — с легкой завистью подумал он. — Пока стоит мир, наше проклятое племя не переведется. Возможно, мир пока еще потому и стоит, что в нем не перевелись нормальные мужики».

— Думаю, я смогу тебе помочь. Еще рюмочку?

Он медленно налил кальвадос

по самые края рюмок.

Мужчины посмотрели друг другу в глаза.

«Храни тебя Бог», — подумал тот, кто оставался.

«Дай Бог, чтобы пересекались наши дороги, а не интересы», — подумал тот, кто выбрал Дорогу.

notes

Примечания

События романа продолжают сюжетную линию романа «Тотальная война»: Олег Маркеев. Тотальная война. М.: ОЛМА-Пресс, 2002.

Ральф Блум, известный ученый, предложивший собственное толкование магического алфавита древних скандинавов — футарка. В популярной форме о футарке можно прочесть в книгах Блума «Руны Воина» и «Руны Целителя»; рекомендуется также работа российского специалиста по магии индоевропейских народов Антона Платова «Руническая магия». М.: Менеджер, 1994.

Писсарро Камиль Жакоб (1831–1903) — французский художник-пейзажист, импрессионист. Частая тема его полотен — вид из окна, что придавало его пейзажам необычный ракурс — сверху: «Оперный проезд в Париже» (1898, ГМИИ), «Бульвар Монмартр в Париже» (1897, Эрмитаж).

События романа О. Маркеева
«Тотальная война», ОЛМА-Пресс,
2002.

Перед спячкой медведь съедает около 1 кг глины, чтобы закупорить задний проход. Считают, что таким способом он препятствует насекомым и прочим вредителям проникнуть через прямую кишку в желудок, забитый зимним запасом пищи.

Весной ему приходится выдавливать из себя кремневый стержень около 15 см длиной. Рев стоит на всю тайгу.

Знак тридцать второго градуса Посвящения в иерархии масонского ордена Шотландского обряда — «Сиятельный Рыцарь Хранитель Королевской Тайны», предпоследняя степень в т. н. «оперативном» уровне, начинающемся с семнадцатого градуса — «Рыцарь Кадоша». На «оперативном» уровне от члена ложи требуются активные действия по выполнению стратегических задач Ордена. Если на начальных степенях посвящения ритуал сводится к мистерии смерти и возрождения неопита, то на уровне «Рыцаря

Кадоша» посвящаемый совершает ритуальное убийство «предателя». Предположительно, со степени семнадцатой по тридцать третью играют роль внутренней контрразведки Ордена.

Три степени Посвящения в некоторых эзотерических орденах соответствуют этапам алхимического Делания. «Работа в черном» — *negredo*, «работа в белом» — *albedo*, «работа в красном» — *rubedo*. Подробнее о степенях и их символизме можно прочитать в работах известного эзотерика Мигеля Серрано.

Боб Денар — легенда в мире наемников. Родился в 1929 году в семье офицера, в семнадцать лет поступил в ВМС Франции, проходил службу во Вьетнаме, с 1961 — профессиональный наемник, на его счету война в Конго, десять государственных переворотов, путч в Бенине, гражданская война в Йемене. По заказу нескольких французских частных компаний в 1977 году совершил переворот на Коморских островах, стремившихся выйти из-под влияния Франции. Денар посадил в кресло президента

марионетку Али Салиха, а себя назначил шефом его охраны. Принял ислам, женился на местной королеве красоты и правил государством под диктовку Парижа. При нем острова стали «республикой наемников». В 1995 году рассорился с Салихом и повторно захватил Коморы силами десанта в пятнадцать человек. По приказу Парижа на островах высадились французские десантники. Боб Денар, покидая под конвоем дворец, оставил запись в книге почетных гостей: «Я еще вернусь». Во Франции он предстал перед судом по обвинению в убийстве Али Салиха, но был оправдан. В настоящее время на

свободе, отец восьми признанных
детей.

«If you look like meal, you'll be eaten» — одна из заповедей учебного центра Корпуса морской пехоты США.

Способ целеуказания по часовой стрелке, в данном случае на мишени поражен нижний сектор третьей от центра окружности.

Граната с семью языками
пламени — отличительный знак
Иностранного легиона, в остальных
родах войск армии Франции на
шевронах изображена граната с
шестью языками.

Название романа Яна Флеминга из серии о Джеймсе Бонде, по мотивам которого снят кинофильм. Действие происходит в Ленинграде. Во время съемок демократический мэр Санкт-Петербурга разрешил киношникам погонять по историческому центру города на танке.

Немецкая рок-группа, названная в память о трагическом происшествии на авиабазе у городка Раммштайн в Германии, когда американский истребитель во время показательного полета рухнул на трибуны публики. Несмотря на популярность «Раммштайна» в определенных кругах молодежи, московские гастроли группы были запрещены по указанию мэра Ю.Лужкова.

Герои культового фильма Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы»; пара влюбленных совершает кровавые и немотивированные убийства, СМИ превращают их в кумиров толпы.

Низшие существа мира Зла в цикле романов Толкиена «Властелин Колец».

Создатель и первый глава католического Ордена Сердца Иисуса (иезуитов) Игнаций Лойола вошел в историю как фанатичный преследователь еретиков.

Ст. 162 УК РФ — «разбой».

Комитет партийного контроля и
контрразведки.

Отдельный корпус СИЗО 48/4, в котором в годы существования СССР содержались высокопоставленные партийные функционеры, уголовные дела в отношении их во избежание нежелательной огласки велись особо уполномоченным органом — Комитетом партконтроля. Последними «партийными» заключенными спецбкса по иронии судьбы были члены ГКЧП.

Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) — партийный деятель; в годы правления Сталина возглавлял органы контрразведки партии: с 1930 г. — секретарь Партколлегии ЦКК партии, с 1939 г. — зам. пред., с 1952 г. — председатель КПК. Прозвище Малюта Скуратов получил за участие в репрессиях высших партийных и государственных деятелей, прозвище Милос — за внешне демонстративно ласковое обращение с подсудимыми.

Поклонники произведений Дж. Р.Р. Толкиена, участники ролевых игр, сценарной основой для которых служит роман «Властелин Колец». Некоторые исследователи, в частности — Антон Платов, — считают «хоббитские игры» толкиенистов способом создания виртуальной реальности и феномена искусственной веры, как составляющих факторов вхождения в магию. Подробнее см.: сборник «Мифы и магия индоевропейцев». М., 1997 г. и А. Семенов, В. Рогозин и др. «Теоретико-аналитические

исследования некоторых
естественно-научных проблем:
виртуальная реальность: философия,
психология и
энергоинформационный обмен». М.,
1995 г.

Еврейка (*араб.*).

Рауль Юссон (Husson) — коммодор тамплиеров, казнен вместе с магистром Ордена Жаком де Моле; прикрывшись псевдонимом Жофруа де Шарней выпустил книгу «Политическая синархия: 25 лет тайной деятельности». («Medicis», Paris, 1946 г.) Погиб при загадочных обстоятельствах. Джон Колеман — бывший сотрудник британской МИ-6, автор многочисленных публикаций о «Мировом правительстве», см. в частности «Комитет 300», Витязь, М., 2000 г.

Эпизод из книги В.Уткина
«Уинстон Черчилль», М.: Эксмо,
2002.

События романа Олега Маркеева
«Странник. Черная Луна». М.:
ОЛМА-Пресс, 2002.

Компания «Де Бирс Интернэшнл» принадлежит финансовому клану Оппенгеймеров и контролирует восемьдесят процентов мирового оборота алмазов. В 1948 году заключила эксклюзивный договор с СССР на поставку на международный рынок неограниченных алмазов из месторождений Сибири. Совпадение дат заключения договора, создания государства Израиль и краха проекта создания еврейской республики в Крыму (цена вопроса — 10 млрд долл. инвестиций от международных

сионистских кругов), окончившееся расстрелом лидеров Еврейского антифашистского комитета, — тема отдельного исследования.

Использована информация из
газеты «Stringer», № 15 за 29.09.03 г.

Особенность поведения животных в засуху, когда хищники и травоядные мирно сосуществуют у водопоя.

Легендарное братство рыцарей во главе с королем Артуром собиралось вокруг круглого стола как символа равенства. Подробнее о сакральной символике легенды можно прочесть в книге А.Платова «В поисках Святого Грааля. Король Артур и мистерии древних кельтов». М., 1999.

Эпизод из книги А. Коржакова
«Ельцин: от рассвета до заката».

Династия императоров в средневековом Китае (1368–1644), основана Чжу Юаньчжаном — крестьянским сыном, бывшим монахом, возглавившим повстанческое движение против монгольских завоевателей. При династии Мин получили законченную форму вызревавшие в течение многих столетий политические и общественные институты Китая, философия и традиционная культура. (Подробнее см.: В. Малявин. Сумерки Дао. М.: Астрель, 2000).

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), (1879–1940) — один из вождей Октябрьской революции. Ему приписывается создание Красной Армии; политик крайне леворадикального толка, вел активную политическую борьбу внутри ВКП(б) против Сталина; проиграв ее, был выслан сначала в Крым, а потом из СССР. Пользуясь значительным влиянием в среде международного революционного движения, предпринял попытку подмять его под себя, что привело к расколу внутри Коминтерна —

основной оперативно-агентурной
базы СССР на Западе. Л.Троцкий
был ликвидирован в Мексике по
личному указанию Сталина.
(Подробнее см.: Павел Судоплатов.
Разведка и Кремль. М.: ОЛМА-
Пресс, 2000).

В ходе Великой Отечественной войны в качестве зажигательного средства (ЗС) для поражения бронетехники противника применялись бутылки со смесью красного фосфора и керосина, а при их отсутствии в ход шел обычный бензин. Бутылкой требовалось попасть в кормовую часть танка, чтобы смесь пролилась на двигатель. В иностранной печати этот вид ЗС получил название «коктейль Молотова», под ним же фигурирует ныне в сводках о деятельности радикальных молодежных

группировок.

Суггестия — внушение. Считается, что в любом виде общения присутствуют элементы суггестии; иными словами, люди не просто обмениваются информацией, а склоняют собеседника к ее признанию.

Министр МВД СССР в период правления Брежнева; покончил жизнь самоубийством в результате коррупционного скандала. В восьмидесятые годы XX века из-за этого еще стрелялись. Поводом к атаке на всесильного министра стало убийство милиционерами сотрудника КГБ в отделении милиции на станции метро «Ждановская» (ныне — «Выхино»).

Александр Зиновьев — выдающийся отечественный ученый, всемирную известность получил благодаря своим книгам «Зияющие высоты», «На пути к сверхобществу», «Катостройка», ставшими классикой социального анализа современного общества. В СССР его работы были признаны «антисоветскими», за что ученый был выслан из страны. Долгое время проживал на Западе, в 1991 г. Правительство России вернуло Зиновьеву гражданство. В настоящее время А.Зиновьев живет в Москве, активно участвует в научной

и политической жизни.

«Догма-95» — манифест, обнародованный Ларсом фон Триером и его последователями. Речь идет о фильмах, снятых в намеренной «примитивной» манере любительского видео.

Эпизод из первой книги
романа — «Серый Ангел».

Трехсоставная картина мироздания, существующая в культуре многих народов. Нижний мир — место обретения демонических существ — аналог христианского Ада.

Прием психорегуляции из арсенала гавайских шаманов. Подробнее об уникальных техниках оздоровления и самокоррекции организма можно прочесть в книге Сержа Кахиле Кинга «Городской шаман». Изд. «София», 2002 г.

Б.Поршнев (1905–1972) — автор революционной теории этногенеза, читателю рекомендуется его работа «О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)». ТМ. Мысль.1974 г. и книги Б.Диденко «Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего» и «Цивилизация каннибалов» М.: ПОМАТУР, 1997, развивающие и популяризирующие теорию Поршнева.

Жаргон пользователей
Интернета: «электронная почта»,
производная от искаженного «e-
mail».

Войков (1889–1927) — один из организаторов расстрела царской семьи в Ипатьевском доме, не только наблюдал за убийством как представитель вышестоящей партийной инстанции, но и лично доставил в Екатеринбург дефицитный в то время бензин для сжигания трупов.

В последующем стал полпредом советской России в Польше, убит на Варшавском вокзале 17-летним студентом из семьи белоэмигрантов, заявившим на суде, что он мстил за совершенное Войковым

преступление. Суд не установил связи террориста с боевыми организациями белоэмигрантов, симпатии присяжных и публики были на стороне обвиняемого, вместо смертной казни он был приговорен к каторжным работам. В советской Москве царевубийце Войкову были устроены пышные похороны.

Малая саперная лопата; кроме прямого назначения используется в качестве рубящего оружия в рукопашном бою.

Зональный информационный
центр — справочно-аналитическая
служба ГУВД.

Закон штата Индиана принят с подачи известного поэта Лонгфелло, автора «Песни о Гайавате». К «индианскому» закону вскоре присоединились двадцать восемь штатов, к 1930 году по приговору суда было стерилизовано 30 000 человек. Аналогичный закон против вырожденцев был введен указом короля Дании в 1924 году. В той или иной мере мероприятия по «расовой гигиене» проводились всеми странами предвоенной Европы.

Более подробно см. работы Владимира Авдеева — в частности

«Метафизическая антропология»,
М.: Белые Альвы, 2002.

Елена Блаватская — теософ и мистик, автор «Разоблаченной Изиды» — фундаментального труда по эзотерике.

Ужасный ребенок (*франц.*). В данном контексте: человек, смущающий окружающих своей откровенностью и прямолинейностью.

Способные к внушению, с полной парализацией критического самостоятельного мышления жертвы.

— Мы все здесь не в своем уме, — сказал Кот.

— Ну уж я-то в своем уме, — возразила Алиса.

— Нет, ты тоже не в своем уме. Иначе как бы ты тут оказалась?

Льюис Кэрролл
«Алиса в
Зазеркалье»

Владимир Дуров (1863–1934) — известный дрессировщик, основатель цирковой династии, открыл способность животного воспринимать мысленные образы человека как команды. Для изучения этого явления создал Зоопсихологическую лабораторию, с которой в разное время активно сотрудничали светила отечественной науки: физиологи В.М. Бехтерев, Б.Б. Кажинский, А.В. Леонтович.

Существа из миров, созданных воображением Толкиена, относятся к типу «черных прозрачных» созданий, в традиционных системах их называют Хранителями Баланса; майросы вступают в битву как на стороне сил Светлых, так и Темных, в зависимости от того, на чьей стороне численный перевес, однако в ходе битвы могут перейти на сторону противника, оказавшегося в меньшинстве; понятия о Добре и Зле их мало заботят, главное — сохранить баланс сил. На определенном уровне развития

майрос способен не только отражать удары положительной или отрицательных энергий, но и использовать их для увеличения собственной силы, на высшем уровне майрос становится не только неуязвимым, но и смертельно опасным, — энергия направленного на него удара возвращается к противнику многократно умноженная.

Текст является фрагментом доклада кандидата военных наук Смотрина Е.Г. «Стихии и катастрофы — главная угроза планетарной и евразийской безопасности при входе в III тысячелетие», подвергнутого незначительной стилистической правке. Полную версию доклада, а также массу ценной информации можно найти на сайте Фонда «Геостратегия и технологии в XXI веке» преемника НИЦ «Ромб» при Совмине и КГБ СССР, ставшего прообразом НИЦ «Курсор» в романе.

Прощание, принятое среди
майросов. Дословно: «Вернись
живым!»

Сделки,
сопровожаемые
уступками.

соглашения,
взаимными

«Техас–Мексика»

—

приграничные районы США и Мексики, характерны особым укладом жизни, возникшим на стыке двух культур и сохранившим многое от традиций «Дикого Запада».

Термин профессиональных бильярдистов. Маза — ставка в игре; примазаться — разделить ставку с одним из игроков; когда несколько спорщиков вступают в долю на стороне противников, игра превращается в тотализатор, сродни профессиональному боксу.

Коронная фраза Джеймса Бонда при заказе фирменного коктейля дайкири. В оригинале — «Shaken, not stirred».

Отдел борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Жаргон Интернета, от
«nickname» — прозвище.

Руна «кане» графически выглядит как остроугольное «с», из древнескандинавского алфавита — футарка. В магической практике руна «кане» (факел, огонь) используется для медитативного познания, когда ранее темные области сознания и жизни освещаются, словно факелом.

Искаженное «менеджер», «мак-джабер» — жаргон (*амер.*), дословно — «работник в „Макдональдсе“» — имеется в виду непрестижная, малооплачиваемая работа. В Америке временно-наемный персонал «Макдональдса» получает примерно шестьсот долларов, что по американским меркам считается чрезвычайно низким, а сами закусочные быстрого обслуживания, в отличие от России, никогда не были модным местом молодежной тусовки.

Авторы классических романов о вампирах, ставших культовыми в среде «готов» — современных сатанистов, создавших эклектичный стиль из религий индо-арийских народов древней Европы, романтики средневековья и субкультуры «тяжелого металла».

Одно из североамериканских индейских племен, в наше время стало известно из-за неизвестной формы болезни, получившей название «лихорадка навахо». Вспышка болезни произошла в резервации и не перекинулась на соседние населенные пункты, вирус поражал только членов племени, люди иных рас не заболели, умирали только молодые мужчины до тридцати лет. Перечисленные признаки заставили некоторых исследователей выступить с утверждением, что навахо стали

жертвами испытания
бактериологического оружия
«избирательного действия».

Не только тотемная принадлежность, но и дата рождения по гороскопу индейцев.

В рунической магии данная комбинация может трактоваться как «дорога, ведущая к перерождению, в результате которого вы обретете Посвящение».

Буквальный перевод с арабского:
возлюбленный Аллаха, посланник.